

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА • 1942 ГОД

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1942 год

**ВЕЛИКАЯ
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА**

1942 год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Т.В. Волокитина, В.А. Манькин, М.Ю. Моруков,
Н.М. Перемышленникова, О.А. Ржешевский, А.С. Синявский,
В.С. Христофоров (ответственный редактор)

Институт российской истории
Российской академии наук
Главное архивное управление города Москвы
Центральный архив ФСБ России

**ВЕЛИКАЯ
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА
1942 год**

Издательство
Главного архивного управления города Москвы
Москва
2012

ББК 63.3 (2) 622
В 27

Scan- nau; Processing, ocr- waleriy; 2016

Утверждено Редакционным советом
Главного архивного управления города Москвы
Председатель В.А. Маныкин

Авторский коллектив:

В.А. Арцыбашев, И.В. Быстрова, Е.-М. Варга,
Е.А. Гребень, К. Зеллис, И.Б. Иванов, Ю.З. Кангор,
Б.Н. Ковалёв, В.Г. Макаров, А.Ф. Носкова, Дж. Скотони,
С.И. Филоненко, Д.Ю. Хохлов, В.С. Христофоров

Ответственный редактор
В.С. Христофоров

Издание подготовлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект 12-01-00135

**В 27 Великая Отечественная война. 1942 год: Исследования, доку-
менты, комментарии / Отв. ред. В.С. Христофоров. – М.: Издательство
Главного архивного управления города Москвы, 2012. – 616 с.**

ISBN 978-5-7228-0222-4

Книга продолжает серию изданий, посвящённых исследованию мало-известных страниц истории Второй мировой войны на основе документов из архивов Белоруссии, Венгрии, Германии, Италии, Латвии, Польши, России, Украины и Финляндии. Подборки архивных документов и научные статьи, подготовленные отечественными и зарубежными специалистами, знакомят читателя с ходом военных, политических и социально-экономических процессов, протекавших в течение 1942 г. в странах противоборствующих коалиций. Издание адресовано российским и зарубежным специалистам, а также широкому кругу читателей, интересующихся отечественной и всеобщей историей.

ББК 63.3 (2) 622

ISBN 978-5-7228-0222-4 © Главное архивное управление города Москвы, 2012
© Авторский коллектив, 2012
© Центральный архив ФСБ России, 2012
© Оформление и макет Е.М. Сапожников, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
-------------------	---

РАЗДЕЛ 1

Носкова А.Ф.

Советско-польские отношения: интересы, возможности и противоречия. 1941–1942 гг.	15
--	----

Христофоров В.С.

Финляндия продолжает воевать.....	47
-----------------------------------	----

Варга Е.-М.

Венгрия в войне против СССР: события 1942 г.	79
---	----

Филоненко С.И., Скотони Дж.

8-я итальянская армия в боях на Дону	109
--	-----

Макаров В.Г.

Германская военная разведка о спецоперации союзников в Северной Франции.....	133
---	-----

Хохлов Д.Ю.

Японский посол Х. Осима на советско-германском фронте.....	155
---	-----

РАЗДЕЛ 2

Христофоров В.С.

«Война требует всё новых жертв»: чрезвычайные меры 1942 г.	173
--	-----

Быстрова И.В.

Военная промышленность СССР в 1941–1942 гг.	223
--	-----

<i>Арцыбашев В.А.</i> Противоборство Ставок на советско-германском фронте в сражении за нефть	243
---	-----

РАЗДЕЛ 3

<i>Ковалёв Б.Н.</i> Коллаборационизм на оккупированной территории северо-запада России в 1942 г.: мотивы, формы, специфика	269
--	-----

<i>Иванов И.Б.</i> К истории предательства генерала Власова (<i>по материалам Центрального архива ФСБ России</i>)	285
---	-----

<i>Гребень Е.А.</i> Белоруссия в 1942 г.: повседневность в условиях нацистской оккупации.....	327
---	-----

<i>Каспарс Зеллис</i> Пропаганда нацистской Германии в Прибалтике в 1941–1942 гг. (<i>на примере генерального округа «Латвия»</i>)	365
--	-----

<i>Кантор Ю.З.</i> Судьба художественных ценностей на оккупированной территории северо-запада России	391
--	-----

ДОКУМЕНТЫ

Документы органов НКВД СССР периода обороны Сталинграда	421
--	-----

Заградительные отряды	473
-----------------------------	-----

Донесения военной контрразведки о положении в Севастополе	495
--	-----

Доклад НКВД Карело-Финской ССР об оккупационном режиме в Восточной Карелии.....	520
--	-----

Венгерский генштаб о боях с советскими партизанами	576
--	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник – «Великая Отечественная война. 1942 год: исследования, документы, комментарии» – вторая книга серии, посвящённой событиям 1941-1945 гг. Продолжая исследование малоизвестных страниц войны, международный авторский коллектив на конкретном примере показывает, каким образом можно строить конструктивный научный диалог, уважая и понимая подходы, реализуемые историческими школами разных стран.

С российской стороны в работе приняли участие исследователи из трёх институтов РАН: российской истории, всеобщей истории и славяноведения, а также представители Российского государственного гуманитарного университета, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I, Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого и архивисты Главархива Москвы и Центрального архива ФСБ России. В сборнике публикуются также статьи историков из Белоруссии, Венгрии, Италии и Латвии.

Тематика статей потребовала обращения к достаточно обширной источниковой базе, созданной всеми воевавшими сторонами. Авторами использованы сведения, содержащиеся в документах государственных (федеральных и региональных) и ведомственных архивов Белоруссии, Венгрии, Германии, Италии, Латвии, Польши, России и др.

Публикация и анализ новых сведений и документов архивов по истории Великой Отечественной войны, показывающих противостояние в военно-политической, экономической и информационной сферах, повседневность и роль отдельной личности, способствуют объективному освещению событий и их единому восприятию как научным сообществом, так и социумом в целом, независимо от национальных и политических предпочтений.

Структура сборника строится по предметно-тематическому принципу. Четырнадцать статей составляют три основных раздела (международная военная и политическая обстановка, боевые действия на советско-германском фронте и административно-хозяйственные шаги советского руководства, коллаборационизм и история оккупации).

В первом разделе сборника представлены статьи о военно-политической обстановке 1942 г. в Венгрии и Финляндии, советско-польских отношениях этого периода. Здесь же публикуются статьи, посвящённые конкретным событиям 1942 г.: действиям итальянцев на Восточном фронте, попытке высадки объединённого десанта союзников в Северной Франции и поездке на советско-германский фронт японского посла в Берлине Х. Осимы.

Ведущий научный сотрудник Центра по изучению сталинизма в Восточной Европе Института славяноведения РАН доктор исторических наук А.Ф. Носкова в статье «Советско-польские отношения: интересы, возможности и противоречия. 1941-1942 гг.», открывающей первый раздел сборника, анализирует внешнеполитические линии ведущих мировых держав и их участие в решении «польского вопроса». Автор детально рассматривает эволюцию отношений СССР и Польши в контексте развития экспансии Германии и её союзников на восток. Особое внимание уделяется вопросу создания в Советском Союзе польского воинского формирования, в том числе дана всесторонняя политическая оценка этого шага, укрепившего позицию Польши. Польское руководство считало, что совместные с СССР боевые действия должны стать основой новых польско-советских отношений, однако дальнейшее нарастание противоречий в 1942 г. привело к эвакуации большей части сформированной польской армии в Иран.

Вторая публикация данного раздела – «Финляндия продолжает воевать» – подготовлена руководителем Центра публикаций источников по истории XX века Института российской истории РАН доктором юридических наук В.С. Христофоровым, который рассматривает сложную динамику развития ситуации в Финляндии и вокруг неё и приходит к аргументированному выводу о том, что финские правящие круги в 1942 г. полагали необходимым продолжать войну с Советским Союзом.

Работа руководителя Архивного института Культурного научно-го и информационного центра Венгрии доктора Е.-М. Варги «Венгрия в войне против СССР: события 1942 г.» также продолжает тему участия этого государства в войне на стороне Германии, начатую в предыдущем сборнике. В сжатой форме с использованием российских и зарубежных источников и литературы этот самый сложный этап в истории Венгрии рассматривается тщательно и объективно. Трагичность ситуации заключалась в том, что мощные внешнеполитические процессы втянули в войну не готовую к ней страну, мобилизовав все её людские и материальные ресурсы. Достоинство статьи в том, что автор, показывая катастрофу венгерской армии, не игнорирует проблему совершенных ею преступлений на оккупированной территории СССР.

Совместная работа проректора Воронежского государственного аграрного университета доктора исторических наук С.И. Филоненко

и доктора Джорджо Скотони – «8-я итальянская армия в боях на Дону» – также написана в развитие темы, начатой в сборнике, посвящённом 1941 г. Авторами привлечён широкий круг российских и зарубежных источников и литературы, для того чтобы всесторонне показать развитие военной и политической ситуации, приведшей к поражению итальянской группировки под Сталинградом в 1942 г. Авторы в своих выводах опираются на материалы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации и Государственного архива Воронежской об-ласти, Архива исторического бюро Генерального штаба Вооружённых сил Италии, воспоминания Джулио Зобеле и др.

В статье старшего научного сотрудника Центра публикаций источников по истории XX века Института российской истории РАН кандидата философских наук В.Г. Макарова «Германская военная разведка о спецоперации союзников в Северной Франции» рассматривается вопрос, насколько хорошо были осведомлены немцы о предстоящей операции в Дьеппе. Автор сопоставляет имеющиеся в архивных документах советской контрразведки новые факты о разведывательно-диверсионной операции союзников на побережье Нормандии с информацией того времени, содержащейся в периодической печати и воспоминаниях политиков и военачальников.

Первый раздел сборника завершает статья «Японский посол Х. Осима на советско-германском фронте», подготовленная преподавателем Российского государственного гуманитарного университета кандидатом исторических наук Д.Ю. Хохловым. На основе документов ЦА ФСБ России рассказывается о подробностях поездки японского посла по оккупированной территории Советского Союза, которая была организована с целью подтолкнуть Японию к началу военных действий против СССР.

Второй раздел сборника посвящён внутренней политике советского руководства, направленной на достижение победы. В статье В.С. Христофорова «Война требует всё новых жертв: чрезвычайные меры 1942 г.» анализируются основные причины, подтолкнувшие руководство страны к более жёсткому использованию административно-командных методов в системе управления. Исследование ранее неизвестных документов российских архивов позволяет расширить представления об основном содержании мер чрезвычайного характера, принятых советским политическим и военным руководством в 1942 г. для того, чтобы переломить ход войны и взять стратегическую инициативу в свои руки. Документы свидетельствуют, что в 1942 г. действия чрезвычайных органов власти были ориентированы в первую очередь на мобилизацию всех ресурсов страны и объединение усилий партийных, советских, общественных, хозяйственных и военных структур. В 1942 г. продолжилось внесение изменений в законодательство, широко

использовались методы принуждения, основанные на ужесточении административной и уголовной ответственности и массовых репрессиях.

В статье ведущего научного сотрудника Центра военной истории России ИРИ РАН доктора исторических наук И.В. Быстровой «Военная промышленность СССР в 1941-1942 гг.» сконцентрированы наиболее важные сведения о перестройке советской экономики для удовлетворения военных потребностей. Опираясь на документы Российского государственного архива экономики и современные отечественные и зарубежные исследования, И.В. Быстрова выделяет ключевые направления развития военной промышленности СССР в рассматриваемый период. В центре внимания автора основные вопросы: эвакуация и перераспределение производственных мощностей в пользу восточных районов; переориентация всей промышленности на производство военной продукции при тотальном изменении производственного профиля предприятий и номенклатуры выпускаемой продукции; создание массового специализированного производства вооружений; ускоренное внедрение в промышленность перспективных образцов вооружения при их последующей модернизации.

Заведующим сектором научно-исследовательской работы Главархива Москвы кандидатом исторических наук В.А. Арцыбашевым подготовлена статья «Противоборство Ставок на советско-германском фронте в сражении за нефть». На основе информации из отечественных и зарубежных научных исследований В.А. Арцыбашев показал сложнейшее переплетение геополитических интересов Берлина и Москвы в удовлетворении сырьевых потребностей, а также поиск единственно верного решения, позволившего СССР не только остановить агрессора, но и предпринять контрнаступление. Победы Красной армии на южном участке советско-германского фронта в конце 1942 г. предопределили крушение планов военно-политического руководства Германии по захвату богатейших источников нефти, необходимых для успешного ведения войны. Окружение немецких войск под Сталинградом и последовавшее за этим отступление с Северного Кавказа стали не только провалом наступательной стратегии вермахта на фронте, но и означали крах всей восточной политики Германии, рассчитанной на то, чтобы в 1942 г. окончательно сокрушить СССР и лишить Великобританию её экономических и военных ресурсов в Азии.

Заключительный третий раздел состоит из пяти статей и охватывает широкий спектр вопросов по проблеме оккупации (коллорабационизм, нацистская пропаганда, повседневность на оккупированной территории и судьба художественных ценностей).

Первая статья раздела «Коллорабационизм на оккупированной территории северо-запада России в 1942 г.: мотивы, формы, специфика» подготовлена профессором Новгородского государственного универси-

тета доктором исторических наук Б.Н. Ковалёвым. Автор отмечает, что активность сотрудничества различных категорий граждан нашей страны с гитлеровцами во многом была связана с положением на фронтах Отечественной войны. Нацистские пропагандистские службы рассчитывали на то, что им удастся легко внести раскол в советское общество не только благодаря военным успехам вермахта, умелой пропаганде, но и из-за событий предвоенных лет: насильственной коллективизации, необоснованных массовых репрессий, конфликта государства с церковью. Заслугой сил советского сопротивления Б.Н. Ковалёв считает то, что они в ходе боевых действий отказались от жёсткого деления общества на «своих» и «чужих». Советская сторона отлично понимала, что лишь при консолидации всех сил возможна победа. У страны был один враг – иноземные захватчики, и их необходимо было уничтожить.

В статье архивиста И.Б. Иванова «К истории предательства генерала Власова (по материалам Центрального архива ФСБ России)» приводятся малоизвестные факты жизни и деятельности генерала А.А. Власова, изменившего Родине в 1942 г. и казнённого за измену в 1946-м. В настоящее время тема отечественного коллаборационизма, в том числе деятельность генерала Власова на посту председателя КОНР и командующего РОА, представляет особый интерес для исследователей, как для тех, кто его пытается героизировать, так и для тех, кто традиционно считает его предателем. В основе статьи лежат материалы Центрального архива ФСБ России, многие из которых рассекречены совсем недавно. Автор прослеживает эволюцию Власова от командира Красной армии до генерала вермахта, вскрывая мотивы, побудившие его встать на путь предательства. В статье приводятся примеры того, как в тех же условиях, в частности в ходе трагической Любанской операции, тысячи советских воинов сохранили верность присяге, не пожелав сдаться в плен, а тем более пойти на сотрудничество с оккупантами. Приведённые в публикации документы ЦА ФСБ России свидетельствуют о том, что у генерала Власова была реальная возможность и в плену сохранить честь и достоинство советского генерала.

На основе документов государственных архивов Брестской, Витебской, Гомельской, Гродненской, Минской, Могилёвской областей подготовлена статья заведующего кафедрой философии и истории Белорусского государственного аграрного технического университета кандидата исторических наук Е.А. Гребня «Белоруссия в 1942 г.: повседневность в условиях нацистской оккупации». Используя информацию, выявленную в материалах местных оккупационных администраций, автор показывает степень влияния этих органов управления на повседневную жизнь человека, попавшего под их юрисдикцию. На конкретных примерах Е.А. Гребень рассматривает сложившуюся к 1942 г. систему регистрации и учёта местного населения и бывших военнопленных,

в том числе паспортный режим. Рассказывает о системе налогообложения и оплаты труда, социального, продовольственного и товарного обеспечения; большое внимание уделяет функции контроля частного предпринимательства и ремесленного производства, в том числе регулированию цен на товары и услуги; приводит сведения о медицинском обслуживании и ветеринарном надзоре. Автор рассматривает вопросы распоряжения жилым фондом, собственности на жилплощадь, обязательного страхования строений и коммунальных платежей. В заключение сделан обоснованный вывод о том, что немцы стремились максимально использовать ресурсы оккупированной Белоруссии для обеспечения вермахта и рейха, в результате чего отсутствовали какие-либо средства для удовлетворения насущных нужд населения.

Статья научного сотрудника Латвийского университета доктора Каспарса Зеллиса «Пропаганда нацистской Германии в Прибалтике в 1941-1942 гг. (на примере генерального округа «Латвия»)» базируется на сведениях, полученных из опубликованных и неопубликованных источников. В частности, широко используются документы из Латвийского государственного исторического архива и Федерального архива Германии.

К. Зеллис показывает, что в Латвии нацисты создали разветвленную сеть каналов пропаганды, опиравшуюся на хорошо разработанный комплекс идей и стереотипов. И хотя нацистская пропаганда не смогла завоевать доверие людей, она гарантировала более-менее спокойное существование оккупационного режима. В первый год оккупации Латвии нацистам удалось в значительной мере достичь контроля над обществом, в том числе с помощью антибольшевистской пропаганды. Основными причинами конечной неудачи нацистской пропаганды автор называет реальную политику оккупантов, презрение к латышам и их национальным символам, а также национальные предубеждения самих латышей по отношению к немцам.

Завершает третий раздел сборника публикация советника директора Государственного Эрмитажа доктора исторических наук профессора Ю.З. Кантор «Судьба художественных ценностей на оккупированной территории северо-запада России». Проблема утраты российских художественных ценностей в годы войны на протяжении многих лет волнует как историков, так и искусствоведов. В статье рассказывается о мероприятиях советских органов власти по подготовке культурных ценностей к эвакуации и о том, как немцы организовывали вывоз советских культурных ценностей с оккупированной территории. Используя самые разнообразные источники – отечественную и зарубежную научную литературу, электронные информационные ресурсы, а также документальные материалы РГВА, ЦА ФСБ России, Государственного архива Псковской области, автор просле-

живаает судьбу предметов искусства, вывезенных из музеев Царского села, Новгорода, Пскова и Карелии. По мнению автора, необходимо во взаимодействии с зарубежными коллегами продолжать работу по научному изучению и оценке масштабов потерь культурных ценностей. Исчерпывающих данных о размерах ущерба, нанесённого войной российским музеям, до сих пор нет.

В заключительной части сборника публикуются 77 документов, выявленных в фондах Центрального архива ФСБ России, архивов Управлений ФСБ России по Саратовской области и по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. После процедуры рассекречивания подготовлены три тематические подборки, посвящённые обороне Севастополя, Сталинграда и деятельности заградотрядов в 1942 г.

Общей особенностью этих документов является то, что цель их создания не давала оснований для преднамеренного искажения или умалчивания излагаемых фактов. Для подготовки такого рода документов, как правило, использовалась информация из проверенных источников с высокой степенью достоверности.

Первый комплекс – «Документы органов НКВД СССР периода обороны Сталинграда» – состоит из 30 документов УНКВД по Сталинградской области, Особого отдела НКВД Донского фронта и материалов «Особой папки». В докладах руководства НКВД СССР в высшие государственные и партийные инстанции страны о событиях накануне и в дни Сталинградского сражения содержится информация о положении на фронте и в прифронтовых районах, оперативно-розыскных мероприятиях сталинградских чекистов по обеспечению режима военного положения в городе, пресечению шпионской деятельности, эвакуации населения и промышленного оборудования заводов, поддержанию работы ж.-д. и речного транспорта.

«Заградительные отряды» – вторая тематическая подборка, которая состоит из 15 документов «Особой папки» и Управления особых отделов НКВД СССР и рассказывает о создании и деятельности заградотрядов с августа по декабрь 1942 г. Основной задачей этих подразделений было прекратить дезертирство и паникёрство на передовой, предупредить неорганизованный отход воинских подразделений с занимаемых рубежей. Особенно жёстко эти задачи решались на основных направлениях ударов противника, поэтому при подборе документов предпочтение отдавалось материалам Сталинградского и Донского фронтов.

Третий тематический комплекс – «Донесения военной контрразведки о положении в Севастополе» – состоит из 30 справок, составленных сотрудниками 9-го отдела Управления особых отделов НКВД СССР для доклада руководству на основании шифротелеграмм, поступавших из особых отделов Черноморского флота, Приморской армии и Северо-

Кавказского фронта. Они охватывают наиболее драматический период обороны города – со 2 июня по 6 июля 1942 г.

Помимо этого, вниманию читателя предлагаются два документа обобщающего характера – обзор НКВД Карело-Финской ССР о положении на временно оккупированной территории и аналитический доклад 4-го отдела Венгерского королевского генерального штаба об опыте борьбы с советскими партизанами.

Обзор положения на временно оккупированной территории Карело-Финской ССР от 10 декабря 1942 г. содержит сведения о мероприятиях финских властей и политико-экономическом положении населения на захваченной территории, а также данные о расположении финских войск и военных объектов. Документ подготовлен 4-м отделом НКВД КФСР, в задачи которого входило проведение разведывательной и диверсионной деятельности в тылу финских войск. Обзор составлен по донесениям агентов и разведывательно-диверсионных групп. При его подготовке также были использованы сведения, полученные из разведывательного отдела штаба Карельского фронта.

Завершает сборник трофейный документ – «Аналитический обзор 4-го отдела Венгерского королевского генерального штаба об опыте боёв с партизанами». Обзор был издан в Будапеште в апреле 1942 г., в нём обобщены сведения о составе, структуре, задачах и способах ведения боя советскими партизанами и, главное, об организации противодействия им подразделений венгерской армии. Документ сохранился благодаря тому, что был добыт сотрудниками органов безопасности, переведен на русский язык для использования в практической работе и отложился в материалах делопроизводства 4-го Управления НКГБ СССР. Важно отметить, что публикуемый документ органично дополняет содержание статьи «Венгрия в войне против СССР: события 1942 г.», размещённой в первом разделе сборника.

Большинство документов публикуется впервые. Как правило, тексты документов даются полностью с сохранением авторского стиля и орфографии. Выявление архивных документов, археографическая обработка и подготовка комментариев проведены сотрудниками Архивного института Культурного, научного и информационного центра Венгрии, Центра публикации источников по истории России XX века ИРИ РАН, Главархива Москвы и Центрального архива ФСБ России.

Выражаем признательность за финансовое обеспечение издания Региональному общественному фонду содействия социальной и правовой поддержке ветеранов и сотрудников Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Советско-польские отношения: интересы, возможности и противоречия. 1941–1942 гг.

Носкова Альбина Фёдоровна,
доктор исторических наук,
Институт славяноведения РАН

Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. повлекло за собой коренную перегруппировку сил на мировой арене. Советский Союз становился основным участником вооружённой борьбы против гитлеровской Германии и её союзников. Лицом к нему поворачивались великие державы. Вечером того же дня по радио выступил премьер-министр Великобритании У. Черчилль. По словам советского посла в Лондоне И.М. Майского, «премьер ударил своей дубиной немедленно, не дав ни кому опомниться». Его речь «с предельной чёткостью и непримиримостью поставила вопрос о продолжении войны до конца и о максимальной помощи СССР», ибо опасность, нависшая над СССР, угрожает Великобритании и США. 24 июня президент США Ф. Рузвельт заявил о намерении США предоставить России «всю ту помощь, какую мы сможем»¹. Зарождалась «Большая тройка».

Такое развитие событий и тот факт, что У. Черчилль, обращаясь 22 июня к соотечественникам, не вспомнил о Польше, вызвали обеспокоенность польского правительства, находившегося в Лондоне. 23 июня по радио выступил его глава генерал В. Сикорский. Он назвал нападение на СССР рискованным для Германии даже в условиях быстрых военных успехов вермахта. Премьер был уверен: «Россия проглотит немецкие силы». Говоря о влиянии новой германской агрессии на положение Польши, В. Сикорский выразил надежду, и это было главное в его речи, что «Советский Союз признает недействующим пакт с Германией 1939 г.»².

Напомним. 23 августа 1939 г. в Москве был подписан пакт о ненападении с Германией и секретный протокол к нему, которым устанавливалось разграничение советских и немецких интересов в Восточной Европе. Судьбы Польши касался 2-й пункт протокола, где определялась линия этого разграничения по рекам Нарев – Висла – Сан «в случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих

Польскому государству [...]». Стороны обязывались «путём дружеского согласия» решить вопрос, желательно ли сохранение независимости Польского государства, и о границах такого государства [...]»³.

К выполнению названного пункта Германия приступила 1 сентября, спровоцировав нападение на Польшу. Москва затягивала реализацию своих намерений. Реагируя на гитлеровскую агрессию и объявление 3 сентября войны Германии союзницами Польши – Великобританией и Францией, она демонстрировала отдельную от Германии, некую стороннюю позицию, сделав заявление о советском нейтралитете. В «польском вопросе» советские руководители, находясь с первых дней войны в постоянном контакте с Берлином, «вели более тонкую игру, [...] не хотели выглядеть воюющим союзником Германии и соучастником очередного раздела Польши [...], не хотели закрывать двери для контактов с Англией и Францией, также создавая впечатление, что Советский Союз ведёт свою игру»⁴.

Эту «отдельность» от агрессии Германии, адресованную как внешнему миру, так и собственным гражданам, советская сторона выдержала, вручив в ночь с 16 на 17 сентября послу Польши в СССР В. Гжибовскому ноту о вступлении Красной армии на территорию Польского государства. Её содержание было ограничено утверждением об утрате силы договоров, заключённых между СССР и Польшей, в виду «распада» польского правительства и прекращения «фактического существования» Польского государства. Указывалось, что советское правительство, «будучи доселе нейтральным, не может более нейтрально относиться к этим фактам»*. Была найдена и формула «непересечения» с действиями Германии: приказ советским войскам перейти советско-польскую границу объяснялся защитой «жизни и имущества населения Западной Украины и Западной Белоруссии». В тексте ноты, со-

*Был ли советский нейтралитет в войне Германии против Польши реальностью до и после 17 сентября 1939 г. – проблема дискуссионная. Известный польский историк Е. Дурачинский отвечает «нет» и предлагает тактическую проблему нейтралитета, подтверждённого Москвой 17 сентября, рассматривать, по меньшей мере, в качестве стратегии: «[...] Не следует ли говорить скорее о том, что СССР, хотя Кремль твердил, что проводит политику нейтралитета, с 17 сентября принимал участие в [военном] конфликте, ведя то локальные войны вместе с Германией (Польша), то самостоятельно (Финляндия), наконец, принуждал, угрожая или применяя силу (введение войск на территорию трёх балтийских государств), инкорпорировал часть территории суверенного государства (Румыния)» (*Duraczynski E. Sprawy polskie minionego wieku. – Kraków, 2011. – S. 354*). В российской историографии уже ряд лет ведётся полемика между теми, кто резко критикует заключение с Германией пакта о ненападении, считает, что Москва не сохраняла нейтралитет и что за пактом последовало фактическое вступление СССР в войну на стороне Германии, не соответствовавшее советским интересам (например, С.З. Случ), и теми, кто полагает, что интересы СССР как раз требовали вмешательства в события в Польше в сентябре 1939 г., что СССР вступил не в германо-польскую, а во Вторую мировую войну, сообразуясь со своими интересами, и не на стороне Германии (например, М.И. Мельтюхов).

ставленной с политико-дипломатическим «искусством», отсутствовал даже намёк на совместное с Германией участие в войне против Польши. Не проводя повсеместных и серьёзных боевых действий, чему способствовал приказ командования Войска Польского по армии: «С Советами не воевать», Красная армия заняла те территории, где преобладало украинское, белорусское, еврейское и русское население⁵.

Выдвинув на первый план идею защиты национальных меньшинств и руководствуясь собственными представлениями о геополитических целях и путях достижения государственной безопасности страны посредством соединения народов, разделённых государственными границами*, Москва получила искомый эффект на Западе: её действия против территориальной целостности соседнего государства не обернулись военно-политической угрозой со стороны Великобритании и Франции. Как записал 17 и 19 сентября в дневнике И.М. Майский, хотя «переход Кр[асной] армии через польскую границу вызвал здесь [в Лондоне] настоящее потрясение», но серьёзная акция Англии «сейчас явно не по силам». Это, по словам посла, подтвердили 18 сентября «беззубое заявление, даже не протест, по поводу наших действий в Польше», а также заседание английского парламента 20 сентября, когда «у Чемберлена не хватило духу даже на резкое выступление против СССР», лейборист А. Гринвуд говорил об «акте агрессии», а консерватор Р. Бутси, объясняя действия Москвы исключительно интересами самосохранения и самообороны, «предостерегал депутатов от поспешных выводов». Он доказывал, что «с точки зрения национальных интересов Англии появление советских войск на польско-румынской границе – положительное явление и что опаснее всего в настоящий момент было бы [пустить в моральные поучения – *англ. – А.Н.*]...»⁶.

Позиция СССР по «польскому вопросу» была выдержана и при подписании 28 сентября Договора о дружбе между СССР и Германией, которым стороны устанавливали границу «между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства». Москва, и это отметили в Лондоне, не посягнула на этнически чисто польские территории. В тот же день было подписано Заявление советского и германского правительств, извещавшее мир, что стороны «окончатель-

*Анализируя комплекс мотивов, которыми руководствовалась советская сторона при заключении пакта с Германией, имеет смысл учитывать открывавшуюся для неё возможность решить «украинский вопрос». Речь шла не только о «возвращении» территорий бывшей Российской империи и об объединении народа в рамках одного государства. Включение в состав УССР некогда принадлежавшей Австро-Венгрии Восточной Галиции, где, как и на Волыни, среди украинцев было сильным влияние Организации украинских националистов, звавшей на борьбу за «независимую соборную Украину», свидетельствует о намерениях Москвы подавить внутренне опасное украинское национально-сепаратистское движение и тем самым повысить внутреннюю и внешнеполитическую безопасность украинского отрезка западной границы СССР.

но урегулировали вопросы, возникшие в результате распада Польского государства», и содержащее предложение прекратить войну между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой⁷.

Обе союзницы Польши не приняли предложение о мире, но и не прервали дипломатических отношений с Москвой. В Лондоне, как записал 3 октября в дневнике И.М. Майский, не произошло «ничего сенсационного»: «премьер не только не объявил нам войны, он даже не рискнул высказать осуждения московскому договору. Он лишь подчеркнул, что события последней недели не внесли ничего нового [...], Англия и Франция будут продолжать войну до сокрушения гитлеризма». Весьма дальновидный политик, У. Черчилль, тогда военно-морской министр, беседуя с И.М. Майским 6 октября, рассуждал: «[...] В настоящий момент, как и раньше, основные интересы Англии и СССР не сталкиваются, а совпадают. Стало быть, есть база для добрых отношений между обеими странами. [...] Сталин сейчас играет большую игру, и играет её счастливо. Он может быть доволен. Но я не вижу, почему мы должны быть недовольны?» Причём министр отметил, что он «отражает взгляды всего правительства». Слова У. Черчилля позволили советскому послу сделать вывод: «Брит[анское] пра[вительство] принимает наше заявление о нейтралитете как положительный факт и только хотело бы, чтобы это был дружественный нейтралитет» (подчёркнуто в документе. – А.Н.)⁸.

В США относились к событиям в Европе спокойно, но, как утверждал госсекретарь К. Хэлл, президент Ф. Рузвельт и он не хотели бы рассматривать Россию как государство, «воюющее в равной мере, как Германия», чтобы не толкнуть Россию «ещё дальше в объятия Гитлера». За океаном высказывались надежды: СССР и Германия «полностью не станут союзниками», ибо «Гитлер не оставит своих претензий к России»⁹.

Таким образом, в сентябре 1939 г. Москва «успешно избежала опасности быть вовлечённой Германией в войну с Польшей», обошла нарушение отношений с западными союзниками Польши и тем самым сохранила последним возможность не вступать в реальную войну с Германией за Польшу до начала «большой» мировой войны в июне 1941 г.¹⁰

Довоенное польское правительство, интернированное в Румынии, немедленно уведомило посольства в Лондоне и Париже, что 17 сентября имела место неспровоцированная советская агрессия. Но официального заявления о войне с Советским Союзом, признанным межвоенным польским обществом врагом Польши, тоже не последовало. Не предпринял такого шага и созданный 30 сентября во Франции польский кабинет в изгнании во главе с генералом В. Сикорским. В ноте протеста «против заговора между Берлином и Москвой» говорилось лишь то, что Польша никогда не согласится с этим актом насилия¹¹. В ноябре 1940 г.

В. Сикорский на вопрос одного из представителей прессы: «делает ли поль[ское] пра[вительство] разницу между акцией Германии и акцией СССР в польском вопросе», ответил отрицательно¹². Министры правительства Сикорского полагали, что Польша не де-юре, но де-факто находится в состоянии войны с СССР.

Такая позиция поляков не совпадала с пониманием ситуации западными державами. Английское правительство исходило из того, что так называемая «линия Кёрзона» отделяет от Польши территории «в основном не польские, а украинские и белорусские». Премьер-министр Н. Чемберлен и министр иностранных дел Э. Галифакс, принимая 12 октября министра иностранных дел Польши А. Залесского, не скрывали, что «Польша не может рассчитывать на то, что Великобритания начнёт войну против Советской России затем, чтобы Польша получила те земли, которые заняты Советами». Они убеждали А. Залесского, сторонника объявления Польшей войны Москве, что «непосредственная цель, к которой стремятся союзники, – победа над Германией – должна быть также ближайшей целью поляков», что не следует допускать каких-либо действий, направленных против СССР, пока существует надежда на сохранение советского нейтралитета. Лондон настаивал: «поляки должны стоять в шеренге вровень с союзниками и не выбегать из этой шеренги, проводя политику, отвечающую цели союзников – победе над Германией»¹³. Эти призывы означали не что иное, как понимание незаключенности развития исторических событий и указание полякам на сдержанность. Польское правительство лишь отчасти учитывало предлагавшуюся позицию (войны Москве после 17 сентября не объявило), но разногласия с английским руководством в оценках действий СССР осенью 1939 г. не исчезли: Лондон хотел разгрома Германии, предпочитая видеть И.В. Сталина в качестве союзника. «Польский Лондон» хотел схватки Германии и СССР, которая, по меньшей мере, взаимно ослабив двух врагов Польши, создала бы благоприятные условия для непрямого восстановления восточной довоенной границы и расширения послевоенной территории страны за счёт Германии. Эта граница в межвоенном польском обществе виделась символом величия и независимости от СССР, использовалась правившими группировками как центральная национальная идея, консолидировавшая поляков.

Итак, к июню 1941 г. внешнеполитический потенциал СССР и Польши был разным. Советская сторона сохранила в активе нормальные дипломатические контакты как с Англией, успешно сражавшейся с Германией за свои интересы, так и с США, которые из-за океана «приглядывали» за развитием ситуации в Европе. Союзники «записывали» Москве в плюс не только её нейтралитет, но и передвижение в глубь континента западной советской границы. Великобритания и США

в июне 1941 г. не испытывали трудностей при выборе своих действий после нападения гитлеровцев на СССР, когда ускорился процесс формирования антигитлеровской военно-политической коалиции*.

Польская сторона располагала к этому времени лишь объявленной английским и французским союзниками войной Германии, но не реальными боевыми действиями в защиту Польши. Не получила она от Лондона и главного политического обещания: «включить в свои [то есть английские. – А.Н.] цели восстановление Польши в её довоенных границах». Это означало, что Великобритания не намеревалась поддерживать Польшу в многовековом геополитическом споре с Россией/СССР за контроль над восточными креслами, по-польски, или Западной Украиной и Западной Белоруссией, по-советски, – территориями со смешанным по национальному и конфессиональному составу населением, лежавшими восточнее р. Буг, или «линии Кёрзона».

Между тем обладание ими каждая из сторон, и польская и советская, расценивала как гарантию безопасности от внешней военной угрозы: для Польши – от угрозы покушения большевизма на территорию и власть национальной элиты; для СССР – от угрозы использования Польши в качестве «коридора вторжения» с запада, разрушения целостности страны и смены общественного строя. Таким образом, принципиальное несовпадение представлений о национально-государственных интересах на континенте было источником постоянных разногласий между двумя странами, что делало уязвимыми позиции польского правительства в отношениях с его главными союзниками, прежде всего с Великобританией.

Не было у Польши надёжного внешнеполитического партнёра и на её южных границах. Между В. Сикорским, выдвинувшим проект создания конфедерации «малых» стран, располагавшихся в основном по периметру западных советских границ, и президентом соседней Чехословакии Э. Бенешем отсутствовало единодушие в оценке роли СССР. Замысел В. Сикорского о конфедерации содержал заведомо антисоветскую составляющую. Э. Бенеш же стремился к союзным отношениям с Москвой, признававшей целостность Чехословакии, желал иметь общую границу с СССР. Во имя этого он готов был избавиться от «чехословацких» украинцев, уступив территорию Подкарпатской Руси советской стороне. Таким образом, польское правительство, сохраняя враждебность на советском направлении, оказывалось во многом в международном «одиночестве».

Польский премьер, будучи дальновидным политиком и боевым генералом, уловил принципиальные перемены, которые внесли в рас-

*12 июля 1941 г. было подписано советско-английское соглашение о совместных действиях в войне; 18 июля подобный документ Москва подписала с чехословацким правительством, находившимся в Лондоне; в декабре 1941 г. в войну против Германии вступили США.

становку международных сил нападение Германии на СССР и тот решительный выбор, который сделал У. Черчилль. И если ещё 22 июня правительство Польши не собиралось сотрудничать с Москвой против Германии, то уже 23 июня В. Сикорский, последовав примеру английского премьер-министра, фактически приглашал СССР к диалогу. Правда, с условием признания Москвой довоенного межгосударственного разграничения. Советское руководство отреагировало на речь В. Сикорского 3 июля 1941 г. чётким определением позиции. В телеграмме И.М. Майскому говорилось: «Мы стоим за создание независимого польского государства в границах национальной Польши, включая некоторые города и области, недавно отошедшие к СССР, причём вопрос о характере государственного режима Польши советское правительство считает внутренним делом самих поляков». Такая формулировка свидетельствовала о намерении СССР денонсировать факт договорённостей с Гитлером, но сохранить основные территориальные приобретения 1939 г. Многозначительным было и извещение И.М. Майского, что советское правительство «разрешило создать [на территории СССР] национальные комитеты и национальные части и оказать полякам, чехам и югославам помощь в деле вооружения и обмундирования этих национальных частей»*. Последнее могло означать как предложение боевого сотрудничества, так и предупреждение о возможном варианте иной политики руководства СССР на польском направлении¹⁴.

Уже первые шаги сторон выявили немало трудностей во взаимодействии, но враг был общий и следовало договариваться. Принципиальные

*Замысел создания польской воинской части в СССР появился в начале лета 1940 г. в рамках намерений правительства Польши выяснить через английского союзника кратко- и долгосрочные планы СССР. В. Сикорский якобы считал возможными контакты с Москвой «при условии свободного обсуждения восточной границы Польши и прекращения преследования поляков на присоединённых к СССР территориях». Тогда же говорилось и о создании «с согласия советских властей» 300-тысячной армии для использования в войне с Германией. Польское правительство быстро отказалось от таких проектов (см. подробнее: *Duraczyński E. Sprawy polskie minionego wieku... – S. 357–363*). Идея создания польской армии возникла в это же время и среди польских военнопленных, находившихся в советских лагерях, что выяснила контрразведка в ходе оперативной работы. Некоторые из поляков в беседах с офицерами НКВД говорили о готовности сражаться вместе с Красной армией, предлагали сформировать польскую воинскую часть. Это поддержал нарком внутренних дел Л.П. Берия, направив 2 ноября 1940 г. соответствующую записку И.В. Сталину. Вождь не возражал. Руководить подготовительной работой поручили подполковнику Войска Польского З. Берлингу. 4 июня 1941 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о создании в составе Красной армии польской стрелковой дивизии. Но нападение Германии прервало действия в этом направлении (см. подробнее: *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. – М., 2001. – С. 128–130; Зданович А.А. Роль НКВД в формировании польской армии Андерса : (1941–1942 гг.) // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 9*).

положения советско-польских соглашений определялись в Москве в ходе бесед главы советского правительства И.В. Сталина, министра иностранных дел В.М. Молотова и английского посла С. Криппса. Поступали «сигналы» и из Вашингтона. Как полагает польский историк Я. Тебинка, США не рекомендовали поддерживать требования «малых» стран о восстановлении их довоенных границ¹⁵. В ходе обсуждения И.В. Сталин выразил согласие на просьбу польской стороны освободить всех польских граждан, находившихся в местах изоляции на территории СССР, и конкретизировал условия сотрудничества в деле создания польской армии.

Переговоры в Лондоне начались 5 июля со встречи И.М. Майского и В. Сикорского на нейтральной территории. Польские представители постоянно вносили многочисленные поправки в рабочие тексты будущего соглашения, затягивали его подписание, пытаясь добиться от Москвы хотя бы косвенного признания довоенной польско-советской границы. «Температуру» на переговорах передаёт дневник советского посла: «Москва не выдержала и заявила: если поляки не примут уже согласованных ранее формулировок, то могут отправляться на все четыре стороны. Обойдёмся и без поляков. Это тоже действовало, и Сикорский сразу же снял свои поправки». В советско-польских переговорах активно участвовал министр иностранных дел Великобритании Э. Иден, который, по мнению И.М. Майского, играл «несомненно, очень крупную роль [...], без него мы с поляками вообще не договорились бы или, если и договорились бы, то гораздо позже. Иден старался держать “средний” курс». Он обещал В. Сикорскому «ноту брит[анского] пра[вительства], в которой последнее заявляет о непризнании территориальных перемен в Польше, происшедших во время войны», что было сделано и вызвало «полное удовлетворение» польской стороны. «Это, конечно, не означает признания границ 1921 г.», констатировал И.М. Майский: «Иден совершенно определённо заявил Сикорскому в переговорах, что о признании старых границ со стороны брит[анского] пра[вительства] не может быть и речи». Более того, выступая 30 июля в парламенте, Э. Иден в ответ на прозвучавший вопрос, означает ли данный договор гарантию старых границ Польши, однозначно ответил «нет». «Теперь, как полагал советский посол, ни при каких обстоятельствах в будущем поляки не смогут утверждать, что Англия хотя бы косвенно гарантировала границы 1921 г.»¹⁶ Но, добавим, Англия не давала обещаний гарантировать как польско-советскую границу 1921 г., так и границы СССР на 22 июня 1941 г.

Хотя согласовать позиции СССР и Польши по территориальному вопросу не представилось возможным, компромисс состоялся благодаря тому, что конкретное решение было отложено.

30 июля И.М. Майский и В. Сикорский подписали «Соглашение между правительством СССР и правительством Польской Республики о восстановлении дипломатических отношений и о создании польской армии на территории СССР».

В первой статье документа СССР признал «утратившими силу» договорённости 1939 г. с Германией, касавшиеся «территориальных перемен в Польше». Такая формулировка позволяла каждой стороне толковать её в свою пользу.

И.В. Сталин не связывал текст с признанием западной советской границы, существовавшей на 1 сентября 1939 г. В. Сикорский, напротив, «прочитывал» в нём согласие Москвы на такое признание. Между тем, найденная формулировка устраивала в середине 1941 г. и советскую, и польскую сторону: Москва избежала точного определения своей позиции тогда, когда итоги войны были ещё впереди; польская сторона получала некую «зацепку» для дальнейших переговоров.

Принципиально важно отметить, что статья 1 не создавала сторонам трудностей в конкретном сотрудничестве. Польскому правительству открывалась возможность помогать своим соотечественникам, по разным причинам в 1939 г. оказавшимся в СССР и в 1941 г. находившимся на его тыловых территориях.

В статьях 2 и 3 речь шла о восстановлении отношений и обмене послами «по подписании настоящего соглашения», об оказании друг другу всякого рода помощи и поддержки в начавшейся войне с Германией. Отдельной статьёй фиксировалось согласие советского правительства на создание «на территории СССР польской армии под командованием, назначенным польским правительством с согласия советского правительства». Оговаривалось, что эта армия «будет действовать в оперативном отношении под руководством Верховного командования СССР, в составе которого будет состоять представитель Польской армии»¹⁷.

К основному документу прилагался протокол о намерении советского руководства предоставить «амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных или на других достаточных основаниях».

11 августа Л.П. Берия в специальной записке И.В. Сталину предложил освободить около 360 тысяч человек (вместе с членами семей), находившихся в лагерях, тюрьмах, спецпосёлках, в ссылке и высылке. Речь шла обо всех бывших гражданах Польши без различия национальности, включая до 125 тысяч военнопленных и интернированных.

По данным НКВД СССР на сентябрь 1941 г., было амнистировано 389 041 человек, арестованных и депортированных в 1939–1941 гг., из 389 382 учтённых польских граждан из западных областей Украи-

ны и Белоруссии*. 201 тысячу амнистированных составляли этнические поляки. К этому времени советская сторона уже составила именные списки на 109 593 человека, в том числе на 24 814 военнопленных. Предполагалось, что общая численность призывного контингента для польской армии составит около 115 тысяч человек¹⁸.

14 августа 1941 г. стороны подписали Военное соглашение о создании «в кратчайший срок» сухопутных польских подразделений как составной части «вооружённых войск суверенной Польской Республики». Они предназначались «для совместной с войсками СССР и иных союзных держав борьбы против Германии» (подчёрк. автором. – А.Н.). Предполагалось их возвращение после войны в Польшу. Конкретная численность будущей польской армии в СССР не называлась. Она ставилась в зависимость «от многочисленности личного состава и возможностей материального снабжения» как советским правительством, так и союзниками. По достижении полной боевой готовности, говорилось в документе, «польские армейские части будут двинуты на фронт [...] и будут использованы в соответствии с оперативными планами Верховного командования СССР». Вначале стороны договорились о численности польской армии в 30 тысяч человек и достижении её боевой готовности к 1 октября 1941 г.¹⁹

Контакты советской стороны с польской армией поручалось обеспечивать майору советской госбезопасности Г.С. Жукову. В соответствующих кругах он считался специалистом в польских «делах». По рекомендации советской контрразведки, располагавшей достаточной агентурой среди военнопленных польских офицеров, командующим Польской армией, по согласованию с польской стороной, 6 августа был назначен генерал Войска Польского В. Андерс**.

Столь детальная проработка военной конвенции и конкретизация обязательств, прежде всего советской стороны, свидетельствовали об обоюдной, но разной заинтересованности двух правительств в создании армии, что не убергло стороны от обнаружившихся вскоре раз-

*Согласно справке, составленной 2 ноября 1945 г. для наркома внутренних дел Л.П. Берии его заместителем В.В. Чернышовым, с осени 1939 г. по июнь 1941 г. в лагерях для военнопленных и интернированных, в спецпосёлках, а также арестованных и ссыльных бывших польских граждан насчитывалось 494 310. Из них 42 492 польских военнослужащих были переданы Германии и 42 400 человек освобождены из лагерей и отправлены в западные области УССР и БССР (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 105. Л. 19).

**В своё время он проходил службу в русской, затем в германской и польской армиях. В конце сентября 1939 г. В. Андерс был ранен и взят в плен, находился сначала в госпитале, с декабря 1939 г. – в тюрьме на Лубянке, освобождён 4 августа 1941 г. (Polskie podziemie na terenach Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi w latach 1939–1941 = Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, 1939–1941 : В 2 т. Т. 2. – Варшава; М., 2001. – С. 1002–1004).

ногласий. Их источником было принципиальное расхождение позиций по вопросу государственной принадлежности и гражданства жителей восточных территорий Польши, отторгнутых в 1939 г. в пользу Москвы, о чём говорилось выше. Это генеральное противоречие влекло за собой различное понимание предназначения польской армии и её национального состава. Вряд ли И.В. Сталин ограничивался тогда, летом 1941 г., лишь прагматическим подходом к использованию этой армии как дополнительной военной силы на советско-германском фронте. Объективно Москва была заинтересована в изменении всего климата текущих и послевоенных советско-польских отношений, что могло состояться в немалой мере благодаря участию поляков в боях вместе с Красной армией. Он неоднократно подчёркивал, что СССР не покушается на государственность и вмешательство во внутренние дела невраждебной Москве Польши.

Генерал В. Сикорский, несомненно, понимал, что польская армия в СССР становилась военно-политическим фактором, усиливавшим позиции самого премьер-министра в коалиционном правительстве и расширявшим его политические возможности на международной арене. Известно, что Польша претендовала на политический статус, если не равный, то близкий статусу её западных союзников. По словам посла Польши в СССР С. Кота, имелось в виду участие польского премьер-министра в группе, «состоящей из Сталина, Черчилля и Рузвельта, которая определит послевоенную организацию мира»²⁰. Претендовала Польша и на свою зону оккупации поверженной Германии, на долю бывших германских колоний. Существование польской армии на территории СССР виделось фактором, укрепляющим позиции польской стороны в отношениях с Москвой. Став крупной силой, эта армия при благоприятном развитии событий на советско-германском фронте и её участии в освобождении Польши могла гарантировать возвращение правительства из эмиграции, сохранение преемственности власти и невмешательство внешних сил во внутренние дела страны. Для этого, как В. Сикорский признавал в начале 1942 г., надо постараться, чтобы польская армия пришла в Польшу, что возможно лишь в случае сохранения дружеских отношений с Москвой²¹.

Несмотря на многочисленные трудности общая заинтересованность сторон в разгроме Германии продвигала дело сотрудничества вперёд. К концу сентября в районе дислокации польской армии в г. Бузулук (командование), в Тоцком (Чкаловская обл.) и Татищевском (Саратовская обл.) лагерях находилось не 30 тысяч, как договаривались стороны летом 1941 г., а около 40 тысяч, через месяц – 41,5 тысячи человек.

Острой оставалась проблема формирования офицерского корпуса. Ещё в августе В. Андерсу предоставили список на 1658 офицеров. Этот корпус постепенно пополнялся вновь подготовленными кадрами и офи-

церами, прибывавшими из Великобритании, но этого было недостаточно. Польская сторона требовала продолжать амнистирование, собирала дополнительные сведения о тех, кто попал в плен в 1939 г.^{*}, проводила учёт офицеров, находившихся в гитлеровских лагерях. В результате был составлен список на 3000 офицеров, которые должны были бы находиться на территории СССР²².

По объективным причинам обострился вопрос обеспечения польских частей советским вооружением. К осени 1941 г., когда Красная армия отступала, теряя сотни тысяч жизней, миллионы единиц стрелкового оружия, десятки тысяч танков и самолётов, создалось крайне сложное положение с личным составом, вооружением и боеприпасами советских войск. Об этих трудностях И.В. Сталин уведомил польскую сторону. Хотя уже удалось вооружить две польские дивизии, В. Андерс в октябре 1941 г. дважды обращался к И.В. Сталину с просьбой продолжить создание польских воинских подразделений. Ответ был положительным, но вновь с предупреждением о дефиците вооружения. Не выполняли своих обещаний вооружать польскую армию и западные союзники. У. Черчилль не откликнулся на просьбу И.В. Сталина 3 сентября прислать 25–30 английских дивизий на советско-германский фронт^{**}, где шли ожесточённые бои, и отдельные успехи советских войск перемежались с серьёзными поражениями. Воздушное наступление союзников на Германию, по мнению И.М. Майского, не имело «большого влияния на отвлечение сил с Восточного фронта» и страдало «от какого-то малокровия»²³.

Помимо заметного продвижения сотрудничества СССР и Польши в военном направлении, налаживалось взаимодействие при решении многих иных, сугубо гражданских вопросов. В ходе неоднократных осенью – зимой 1941 г. бесед посла С. Кота с представителями высшего советского руководства оговаривалось содействие Москвы работе польского посольства, обсуждались возможности продовольственного снабжения, санитарные и климатические условия проживания бывших граждан Польши. Речь шла о тех, кто бежал в СССР перед наступавшим вермахтом в 1939 г., был депортирован в 1940–1941 г. из Западной Украины и Западной Белоруссии и теперь мог стать главным резервом армии В. Андерса. Обсуждался вопрос об их переселении

^{*}В начале ноября 1940 г. в лагерях для военнопленных находились 18,3 тысячи человек, из них 2 генерала, около 5 тысяч офицеров, более 13 тысяч рядовых (Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни: Документы. – М., 2001. – С. 280–281).

^{**}И.М. Майский делал вывод: «...англичане, следуя своей вековой традиции, хотят свалить на нас главную тяжесть войны, а сами остаться по возможности в стороне» (Майский И.М. Дневник дипломата : Лондон. 1934–1943 : В 2 кн. Кн. 2. Ч. 2 : 22 июня 1941 – 1943 год. – М., 2009. – (Научное наследство : Т. 33). – С. 32).

из районов Севера и Сибири в южные регионы СССР. Практическая реализация договорённостей требовала высвобождения транспортных средств, дополнительных резервов продовольствия, обеспечения переселенцев новым жильём и работой, что в военное время было делом чрезвычайно трудным, оборачивалось стихийным перемещением поляков, часть которых по своей инициативе устремилась в места расположения формирувавшейся польской армии. По информации уполномоченного генштаба Красной армии по польским формированиям генерала А.П. Панфилова и его заместителя Г.С. Жукова от 19 сентября, в Тоцкий и Татищевский лагеря ежедневно прибывали сотни людей, их уже насчитывалось более трёх тысяч человек. «Эти лица занимаются спекуляцией, и даже имеются отдельные случаи грабежа и дебоша, – говорилось в донесении Сталину, Молотову, Берии и Шапошникову. – Имеет место ведение антисоветской агитации со стороны поляков в окружающих сёлах». НКВД докладывало, что «неорганизованный наплыв в районы формирования будет возрастать...», подчёркивалось, что «большая часть призывного контингента поляков не стремится устроиться на работу, а изъявляет желание служить в польской армии»²⁴. В такой ситуации советским правительством было принято решение временно прекратить перемещение польского населения.

Поздней осенью положение на Восточном фронте несколько стабилизировалось. Готовилось советское контрнаступление под Москвой, концентрировались людские силы, техника и вооружение, что ограничивало полное выполнение советских обязательств перед польской стороной. Помимо проблем с вооружением и продовольственным снабжением, осложнился вопрос пополнения польской армии кадрами, на чём настаивали поляки. Здесь были трудности, в том числе и политического свойства. Представители Польши отвергали правомочность Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29 ноября 1939 г., по которому советским гражданством были наделены все бывшие польские граждане, находившиеся на 1–2 ноября 1939 г. на новых территориях СССР, а также те, кто по обмену приезжал из Германии или прибывал из Литвы. В соответствии с советским законодательством военнообязанные жители этих территорий, независимо от национальности (поляки, украинцы, белорусы, евреи) в 1940–1941 гг. призывались в ряды Красной армии. Польская сторона это оспаривала, продолжая считать их польскими гражданами, которые подлежали мобилизации в польскую армию. Возникла конфликтная ситуация, которую советское руководство разрешило, внося 1 декабря 1941 г. поправку в вышеназванный указ. Теперь в польскую армию могли призываться поляки по национальности из жителей бывших восточных территорий довоенной Польши²⁵. Этот шаг отражал стремление Москвы создать благопри-

ятную атмосферу для намеченных на декабрь 1941 г. переговоров с премьер-министром Польши.

Визит генерала В. Сикорского начался с его встречи 3 декабря с главой советского правительства и Верховным Главнокомандующим И.В. Сталиным, который предложил обсудить широкий круг проблем советско-польского сотрудничества, включая вопрос о границах Польши. В. Сикорский, прибыв в Кремль в сопровождении посла Польши С. Кота и генерала В. Андерса, настаивал на принятии решений по двум вопросам: об улучшении положения польского населения и об ускорении формирования армии. Советская сторона выразила согласие с предложениями поляков, обязалась принять меры к изменению в лучшую сторону ситуации польского населения в СССР, в том числе проявила готовность предоставить на эти цели заём в 100 млн руб. Прозвучало согласие на польские предложения увеличить число представительств посольства на местах для организации помощи нуждающимся²⁶.

Упоминание в военном соглашении о борьбе польской армии против гитлеровцев вместе с советскими войсками и с войсками «иных союзных держав» допускало её использование вне территории СССР. Ещё в конце сентября 1941 г. У. Черчилль предложил В. Сикорскому избрать в качестве места базирования польских дивизий Кавказ, откуда они «в случае необходимости могли бы войти в контакт с британскими войсками». В. Сикорский поддержал предложение, так как «направление Кавказ и Иран даёт возможность протянуть руку нашим британским союзникам и бороться бок о бок как с ними, так и с российским союзником». Через месяц английский премьер-министр выдвинул план передислоцировать «возможно большое число» польских войск в Иран, где они получают английское вооружение и будут обучены²⁷. В. Сикорский план принял и уведомил об этом И.В. Сталина. Москва дала согласие на перевод в Англию польских лётчиков и моряков, а также 20–25 тысяч солдат в Иран. В ходе беседы в Кремле в декабре 1941 г. В. Сикорский известил И.В. Сталина о намерении эвакуировать на Ближний Восток всю армию и весь призывной контингент, который будет зачислен в её ряды в дальнейшем, включая добровольцев. Объясняя такое решение, генерал говорил о благоприятных в Иране условиях для боевой подготовки и обеспечения армии английским вооружением и продовольствием, после чего армия-де может возвратиться на советско-германский фронт.

Учитывая военно-политический интерес и активность У. Черчилля, который рассчитывал усилить поляками английский контингент на Ближнем Востоке, их возвращение на советско-германский фронт становилось маловероятным. Реакция И.В. Сталина на это известие В. Сикорского, армию которого он хотел видеть боевым союзником, была отрицательной и эмоциональной: «Мы не можем заставить поля-

ков драться. [...] В Иран, так в Иран! Пожалуйста. [...] У нас войска хватит, обойдёмся без вас. Можем всех отдать. Сами справимся. Отвоюем Польшу и тогда вам её отдадим». Советский лидер прямо указал и на инициатора этого решения: «[...] польским войскам, которые будут находиться в Иране, придётся бороться там, где этого пожелают англичане». Он не скрывал от В. Сикорского заинтересованности в совместной борьбе против Германии, полагая, что это будет способствовать улучшению советско-польских отношений, а вывод польской армии нанесёт только вред общему делу. Как писал в МИД Польши участвовавший в беседе С. Кот, «вывод польской армии из России он [Сталин] считал бы обидой себе и России»²⁸.

В. Сикорский, который говорил, что совместные с СССР боевые действия «должны стать основой новых польско-советских отношений», отступил и снял с обсуждения вопрос о выводе армии. Премьер-министр понимал, что обострять отношения нельзя, так как резервы для увеличения польской армии есть только в СССР, и их получение зависит от позиции Москвы, которая может заблокировать мобилизацию. И.В. Сталин, со своей стороны, дал согласие направлять в польскую армию всех военнообязанных польских граждан, «где бы они ни находились», продолжить формирование польских дивизий общим числом до семи, увеличить армию до 96 тысяч человек, передислоцировать её в южные районы СССР, предоставить на военные нужды кредит в 300 млн руб. Стороны договорились, что польские части по достижении боевой готовности «будут двинуты на фронт». В итоге обмена мнениями наступивший, по словам А.Я. Вышинского, «драматический момент» в переговорах получил «благополучное разрешение», но, как вскоре оказалось, лишь временное²⁹.

В ходе переговоров были обсуждены принятые ещё летом 1941 г. решения о взаимодействии в тылу вермахта советской разведки с разведкой польского вооружённого подполья. Договорились об установлении радиосвязи между Москвой и Варшавой, разграничении деятельности советских и польских партизанских отрядов по довоенной линии 1939 г. и налаживании эстафетной связи с Польшей. Как следует из рассекреченных материалов Архива Службы внешней разведки РФ, реализация этих договорённостей была делом вовсе непростым. Самым важным заданием польской разведки В. Сикорский считал «установление сил и размещения немецких резервов на Восточном фронте». Он распространял это задание на оккупированные гитлеровцами территории СССР с акцентом на бывшие восточные польские земли и «Балтийские государства». В выполнении такого задания общими усилиями была заинтересована и советская сторона. Но, согласно указаниям В. Сикорского В. Андерсу, на которого была возложена ответственность за создание польской разведывательной сети «в тылах гер-

манской армии на территории России», польской разведке предлагалось руководствоваться «общими правилами» и разведывательную работу «проводить с таким расчётом, чтобы не только обслужить потребности этой войны и будущего восстания в Польше, но и создать постоянные условия для нашей разведки на Востоке и в послевоенное время». Польским разведслужбам предписывалось «ни в каких случаях и ни при каких условиях» не контактировать с ячейками советской разведки, чтобы «исключить возможность расконспирирования разведсети и проникновения НКВД через эту сеть в организацию СВБ* в Польше». Выданные В. Андерсу «Особые указания» свидетельствовали о поставленной перед польской разведкой задаче: предельно сузив взаимодействие с советской стороной, «освоить» советские территории, «создавать пляцувки** на территориях, лежащих дальше на Восток [...], а также обставить своей сетью территорию вблизи советско-польской границы [...]». Были обозначены и некие заградительные меры, а именно создание «более густой сети разведпляцувок, принимая во внимание будущие потребности в этом». Что же касается передачи срочных сведений советскому командованию, то, как говорилось в документе, «это явление для нас невыгодно и грозит расконспирацией нашей разведывательной восточной сети». Для исключения последнего предлагалось «категорическим образом» запретить «какие бы то ни было связи нашей разведки с советской разведкой на этой территории [...]». На попытки со стороны советской разведки к установлению контакта с нашей разведкой не обращать внимания»³⁰. При таких ориентировках польской армии сотрудничество разведслужб двух государств вряд ли могло принести нужные плоды.

В первый день переговоров в Кремле произошло крайне нежелательное для И.В. Сталина событие: В. Сикорский передал ему список, содержащий фамилии 3,5 тысячи польских офицеров, попавших в сентябре 1939 г. в советский плен, не поименованных советской стороной и не найденных польской стороной в СССР в 1941 г. Вынужденный отвечать, И.В. Сталин не нашёл другого объяснения, кроме того, что «все освобождены» и «бежали в Манчжурию». Польским представителям, которые уже знали правду о судьбе военнопленных, содержащихся

*Союз вооружённой борьбы – подпольная организация, созданная в Варшаве в конце 1939 г. кадровыми офицерами Войска Польского для организации различного по формам сопротивления, включая подготовку всеобщего восстания на всей территории довоенной Польши. В начале 1942 г. СВБ был переименован в Армию Крайову (АК), ставшую массовой организацией. Одним из направлений деятельности СВБ-АК была всесторонняя разведка в пользу Великобритании, откуда поступали финансы и оружие. Взаимодействие с её спецслужбами было плотным. Результаты работы польской разведки «необыкновенно высоко оценивались в английских военных штабах». (*Duraczynski E. Sprawy polskie minionejego wieku... – S. 108*).

**Польск. *placówka* – застава, пост, низовая ячейка польской разведки или контрразведки.

в одном из лагерей, была ясна фальшивость этого ответа. В феврале 1942 г. генерал В. Андерс и начальник штаба польской армии полковник Л. Окулицкий передали И.В. Сталину ещё один список из 8 тысяч фамилий. Но время обнародовать факт расстрела польских офицеров по решению Политбюро ЦК ВКП(б) весной 1940 г. ещё не пришло. Английское и американское правительства тогда не рекомендовали В. Сикорскому «давить» на Москву. Не было большого «интереса» и у гитлеровской Германии, поскольку военно-оперативной и, как казалось Берлину, стратегической инициативой на Восточном фронте владел вермахт.

По инициативе И.В. Сталина состоялся обмен мнениями о путях предотвращения новой германской агрессии, обеспечения безопасности в Европе и в этой связи о границах послевоенной Польши. Польский премьер-министр пытался поставить на обсуждение вопрос о подтверждении Москвой довоенной польско-советской границы, но снял его. В. Сикорский учёл благожелательный в целом тон переговоров и принципиальный характер рассуждений И.В. Сталина, который предлагал развить соглашение от 30 июля до уровня союзного договора о межгосударственных отношениях во время и после войны, признавал, что западная польская граница должна опираться на р. Одер, а Восточная Пруссия – принадлежать Польше. И.В. Сталин допускал корректировку советско-польской границы 1941 г., и в частности возвращение г. Львова Польше в результате будущих двусторонних договорённостей³¹. В. Сикорский, который понял, что И.В. Сталин предлагает ему вариант разрешения межгосударственных споров путём продвижения территории Польши с востока на запад, уклонился от обсуждения такого «обмена», но вскоре уведомил У. Черчилля о предложениях Москвы*.

Тогда, в декабре 1941 г., это уже были не просто слова И.В. Сталина. Излагалась рождавшаяся концепция компенсации потерь Польши на востоке приращениями земель на западе и расширением выхода к Балтике. И.В. Сталин повторил её суть 16 декабря 1941 г. в беседе с Э. Иденом, прибывшим в Москву для обсуждения английского проекта двустороннего договора. Ко времени, когда военно-оперативная ситуация в СССР была тревожной, ход войны и её итоги трудно предсказуемы, главная союзница Польши, ранее отказывавшаяся подтвердить её права на западные районы Украины и Белоруссии, и теперь, после нападения Германии на СССР, занимала, по меньшей мере, нео-

*В конце 1942 г. В. Сикорский так интерпретировал свою позицию на переговорах в Москве: «В декабре 1941 г., когда И.В. Сталин вёл речь о небольшой корректировке границы и предлагал более тесный союз, я не согласился ни на какую дискуссию по вопросу границ. Может быть, польское правительство при поддержке Великобритании и Соединённых Штатов в конце концов принудит советское правительство признать наши права на востоке» (цит. по: *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. – М., 1982. – С. 66).

пределённую позицию, в отличие от Советского Союза. В одном из двух советских документов, представленных в Москве Э. Идену, польские границы выглядели так: «Восстановление Польши в границах 1939 г. с оставлением в пользу СССР территорий Западной Украины и Западной Белоруссии, за исключением районов с преобладающим польским населением (оставить в составе Польши город Львов при условии передачи СССР Белостока и Вильно или, наоборот, передачи Польше Вильно и Белостока, с оставлением Львова в СССР), а также – расширение территории Польши за счёт западной части Восточной Пруссии». Таким образом, Москва уведомила Лондон о своей готовности поддерживать претензии польского правительства на часть территории Германии при условии сохранения за СССР почти всего того, что было им получено осенью 1939 г. на востоке Польши. Позднее Э. Иден так определил смысл этого документального фрагмента: «Цель русских была уже твёрдо определена. Она лишь незначительно изменилась в последующие три года и заключалась в том, чтобы обеспечить максимальные границы будущей безопасности России»³² и, можно добавить, территориальные границы безопасности самой Польши.

Польский премьер-министр был весьма удовлетворён политическими итогами визита в Москву. Профессиональный военный, он оценил возможные военно-оперативные последствия разгрома гитлеровских войск под Москвой и, отчитываясь в правительстве о поездке, высказывал непривычные для польских политиков суждения о необходимости прекратить лавирование между Германией и СССР, заключить союз с Россией на антигерманской основе и «прокладывать дорогу в будущее, сглаживая отношения между нами». Вместе с тем В. Сикорский был твёрд в вопросе о довоенной границе с СССР, которая, будучи «границей западнохристианской цивилизации», послужит препятствием для проникновения большевиков в Европу, и Польша сможет дать отпор И.В. Сталину, если тот, став победителем, перейдёт к «захватнической политике». Одновременно генерал отметил, что «Сталин впервые отказался от универсального коммунизма и признал принцип невмешательства во внутренние дела суверенных государств»³³.

Таким образом, позиции как советского, так и польского правительств по генеральному противоречию о межгосударственной границе не претерпели к концу 1941 г. существенных изменений, хотя И.В. Сталин и заявлял о некоторых территориальных уступках в случае начала двусторонних переговоров по этому вопросу. Но сторонами, отложившими неразрешимые пока проблемы, тем самым был сохранён курс на военное взаимодействие в войне против Германии и политическое сотрудничество. Этот курс отразила подписанная 4 декабря 1941 г. Декларация о дружбе и взаимной помощи, где констатировались не-

возможность никакого компромисса с «немецко-гитлеровским империализмом», намерение двух стран «вести войну до полной победы», оказывать друг другу во время войны «полную военную помощь». Было заявлено обязательство польских войск «вести войну с немецкими разбойниками рука об руку с советскими войсками». 15 декабря В. Сикорский поздравил И.В. Сталина с победами Красной армии под Москвой: «Выражаю Вам, вождю, создателю этой армии, мой восторг её действиями в борьбе за общее дело, дело свободы народов [...]»³⁴.

4 декабря на заседании смешанной советско-польской комиссии по формированию польской армии стороны договорились создать и вооружить ещё четыре пехотные дивизии и одну «иметь в перспективе в зависимости от наличия людских резервов, возможных условий развёртывания и вооружения». К призыву военнообязанных и дислокации новых дивизий в республиках Средней Азии полагали приступить 15 декабря 1941 г. и «возбудить вопрос перед Правительством Союза ССР об отпуске кредита».

Советская сторона при всех многочисленных объективных трудностях военного времени, потеряв промышленно развитую и густонаселённую часть страны, тем не менее исполняла просьбы и пожелания польского союзника. 6 декабря 1941 г. генерал В. Андерс в беседе с военным корреспондентом газеты «Правда» выразил полное удовлетворение теми усилиями, которые прилагали советские представители, содействуя созданию польской армии: «На территории СССР за короткое время создана многочисленная и боеспособная польская армия [...]. Во вверенных мне частях собраны прекрасные кадры [...]. Меня особо радует дух наших войск [...]. Между солдатами и офицерами, прошедшими за последнее время через одинаково суровые испытания, установились наилучшие отношения. Больше, чем когда-либо, я уверен, что наши люди будут драться хорошо. Надеюсь, что в ближайшем будущем факты подтвердят мою уверенность. Сейчас основные трудности, связанные с созданием польской армии на территории СССР, уже позади [...]. Во взаимоотношениях с командованием Красной армии мы всегда встречаем понимание наших нужд и полную поддержку. Я считаю эти отношения очень хорошими и уверен, что они упрочатся и перейдут в дружбу на долгие и долгие годы [...]. Эта уверенность возрастает, если принять во внимание отношение к нам И.В. Сталина, который глубоко понимает польский народ и симпатизирует нам [...]». Авторитетный польский историк Е. Дурачинский считает декабрь 1941 – январь 1942 г. временем, когда СССР и отношения с Москвой находились на вершине приоритетов польской внешней политики, когда «"восточная политика" В. Сикорского пользовалась самой широкой поддержкой польской политической и военной элиты в эмиграции и в оккупированной стране»³⁵.

Но, несмотря на, казалось бы, успешные переговоры В. Сикорского в Москве, принятые перспективные решения и прозвучавшие высокие оценки польским командованием действий советской стороны, 1942 г. прошёл в целом под знаком обострения советско-польских отношений. Проявилась бесконечная череда противоречий, нарастала напряжённость на разных уровнях отношений, расширились негативные настроения среди польской диаспоры на территории СССР. Советское руководство продолжало идти навстречу новому союзнику, содействуя посольству в обслуживании различных нужд польского населения. В районах его компактного проживания открывались представительства посольства, они действовали через доверенных лиц на местах. Созданная посольством система связи с польским населением была предназначена для обеспечения социальных, культурных и религиозных запросов поляков. Но фактически в немалой мере эта система взяла на себя выполнение консульских функций, на что не имела согласия НКВД СССР. Подобные действия, а также факты нелояльности и антисоветских выступлений, обнаруженные контакты представителей и доверенных лиц польского посольства с польской разведкой советская сторона до поры до времени «не замечала», периодически указывая лишь на недопустимое превышение оговоренных полномочий, нарушение законодательства СССР³⁶.

Решения, которые приняли И.В. Сталин и В. Сикорский о продолжении численного развёртывания и перебазирования польской армии в Узбекскую, Казахскую и Киргизскую Республики СССР, уже с декабря 1941 г. находились в стадии исполнения и на 1 марта 1942 г. были советской стороной выполнены. Армия насчитывала 60 тысяч человек, включая 3090 офицеров. Ещё в середине декабря 1941 г. В. Сикорский назвал 15 июня 1942 г. датой возможного ввода в бой польских дивизий, однако участие в боях на советско-германском фронте считал реальным только при достаточном уровне вооружения и готовности всей армии, а не отдельных дивизий. Поэтому польский премьер-министр ориентировал командующего на обсуждение с советской стороной военно-экономических, а не военно-оперативных проблем. Время шло, но вопрос о выходе поляков на фронт польское командование не ставило, аргументируя это трудностями передислокации, нехваткой вооружения, перебоями в материальном и продовольственном обеспечении полного контингента армии. Все сложности, которые называла польская сторона, имели место в самом тяжёлом для СССР 1942 г. В таких же условиях жила страна, её люди и воевала Красная армия. Главное, чего недоставало польскому правительству и командованию польской армии, это намерения воевать против гитлеровцев на Восточном фронте и готовности сделать политический выбор тогда, когда, могло казаться, всё ещё неясны перспективы войны и судьба СССР. Подтверждением

тому может служить обращённая к советскому командованию просьба В. Андерса от 4 января 1942 г. об ускорении эвакуации польских лётчиков и «всех 25 000 человек», а также «организации эвакуационной базы в Красноводске, откуда через Пехлеви или другой порт выехали бы они в Тегеран». Получив там английское обмундирование и вооружение, это боевое соединение, по словам польского генерала Воликовского, должно будет вернуться в Советский Союз, а не отправляться в Палестину³⁷.

На встрече В. Андерса и Г.С. Жукова 2 февраля 1942 г. обсуждались сроки и возможности отправки польских частей на советско-германский фронт. В. Андерс заявил, что это может произойти не ранее 1 июня, и категорически отказался отправить завершившую боевую подготовку одну дивизию, на что из-за огромных потерь личного состава Красной армии рассчитывала советская сторона. Генерал испросил приёма у И.В. Сталина и был принят 18 марта. Накануне, 14 марта, И.В. Сталин получил от Л.П. Берии информацию о численном составе польской армии, нарастании среди польских офицеров и солдат негативных оценок советского строя и советской внешней политики. Приведённые Л.П. Берией и поступавшие по линии генштаба Красной армии и НКВД многочисленные примеры антисоветских высказываний поляков («союз Польши и СССР – это вынужденный шаг на пути к восстановлению Польши»; «рано или поздно польский народ должен предъявить свой счёт к СССР»; «польская армия должна [...] воевать только на территории Польши») не могли пройти мимо внимания И.В. Сталина и не оказать влияния на беседу с В. Андерсом³⁸.

Учитывая великие трудности обеспечения продуктами питания Красной армии и населения страны, Государственный Комитет Оборона принял решение об уменьшении продовольственных поставок тем военнослужащим, кто оставался в тылу. Польская армия участия в боевых действиях не принимала, поэтому на неё распространялось решение ГКО. В. Андерс был уведомлён И.В. Сталиным, что советская сторона имеет возможность обеспечивать продовольствием армию в составе не более 44 тысяч человек. Это обострило проблему снабжения польской армии, численность которой к концу марта 1942 г. увеличилась ещё на 13,4 тысячи человек, и стало для В. Андерса одним из аргументов в пользу её вывода из СССР. Руководствуясь разными соображениями, участники беседы условились, что все польские военнослужащие сверх 44 тысяч человек будут отправлены в Иран. В состоявшейся в тот же день беседе генерал А.П. Панфилов довёл до сведения В. Андерса, что польская армия с апреля 1942 г. будет получать не 70 тысяч пайков, а 44 тысячи, «исходя из расчёта трёх дивизий». В. Андерс, со своей стороны, сообщил, что отправке в Иран подлежат до 40 тысяч поляков, и услышал в ответ: «Этот вопрос не встретит затруднений». Уже в марте –

апреле через эвакуационную базу в Красноводске, начальником которой был полковник польской армии З. Берлинг, в Иран выехали около 31,5 тысячи польских солдат и офицеров и около 12,5 тысячи членов их семей и гражданских лиц³⁹.

Ход эвакуации обсуждался 28 марта на заседании смешанной советско-польской комиссии, которая признала, что «перевозки по железным дорогам и морю властями СССР осуществляются в строгом соответствии с разработанным планом [...]. Генерал Андерс заявил, что никаких претензий к советским властям [...] не имеется [...], и польское командование выражает благодарность за чёткую организацию эвакуации [...]». Комиссия согласилась, что приём призывного контингента в части польской армии будет производиться только по направлению советских райвоенкоматов. Кроме того, представителям польского командования было указано на факты «бесчинств со стороны польских военнослужащих». Г.С. Жуков предупредил, что «органам НКВД и милиции по месту дислокации польских воинских частей отдан приказ впредь арестовывать на месте любого польского военнослужащего, нарушающего общественный порядок и интересы советских граждан и предавать виновных к суду советских военных трибуналов». В ответ на слова Г.С. Жукова В. Андерс сообщил, что польскими военными судами уже осуждено 357 человек, из них 5 человек приговорены к смертной казни, в отношении 148 человек ведётся следствие⁴⁰. Всё это свидетельствовало об ухудшении советско-польских отношений. При обоюдном согласии сторон, но по разным причинам был начат вывод армии за пределы СССР: поляки к нему стремились, советская сторона не возражала. На территории СССР оставались три боеспособные польские дивизии, командование, офицеры штаба и вспомогательные подразделения. В числе немногих учёных современной Польши Е. Дурачинский считает «частичный вывод армии [...] скорее поражением, чем успехом политики Сикорского», поскольку, не вызвав стремительного обострения взаимных отношений, эта эвакуация «определила направление их эволюции»⁴¹.

Действительно, советская и польская стороны вошли в период конфликтных отношений, не исчерпав всех возможностей нелёгкого сотрудничества. Начавшимся выводом польских частей из СССР была удовлетворена английская сторона. Правда, трудно сказать, что в этом удовлетворении преобладало: то, что У. Черчилль получил подкрепление своей армии польскими солдатами, или то, что сумел отнять их у И.В. Сталина.

Как было сказано выше, уже тогда советские руководители выстраивали концепцию обеспечения послевоенной безопасности страны. Определялось место невраждебной СССР Польши, как геополитического партнёра, не в меньшей мере заинтересованного в собственной безопасности с Запада. Могла ли армия В. Андерса, оставшись в СССР

и сражаясь вместе с Красной армией, сыграть позитивную роль в процессе превращения Польши в такого партнёра? Трудно дать однозначный ответ. Эта армия в подавляющем большинстве состояла из людей, испытавших горечь военного поражения, национального унижения страны и расчленения государственной территории в 1939 г., переживших потери близких, в том числе пострадавших от советских репрессий и депортаций. Нужны были годы потерь и великих побед Красной армии, чтобы притупилась, но не исчезла острота многоликой польской трагедии 1939 г. Учитывая этот морально-политический фактор, И.В. Сталин поступал в соответствии со временем и своим интересом. Он не был инициатором эвакуации армии Андерса, но принял и использовал решение польского правительства, убедившись в ненадёжности такого военно-политического союзника, отказался от него и его гражданских структур на территории СССР.

Летом 1942 г. советская сторона стала отказывать в работе, в том числе гуманитарной, ряду представительств польского посольства и его доверенных лиц в местах компактного проживания польского населения. 20 июля НКВД, ссылаясь «на многочисленные факты» враждебной разведывательной деятельности «вместо лояльного выполнения своих [...] обязанностей по оказанию помощи польским гражданам в тесном сотрудничестве с местными органами советской власти», счёл «невозможным дальнейшее существование представительств посольства»⁴². Это было следствием решения «польского Лондона» начать вывод армии Андерса, пострадавшей стороной которого стали десятки тысяч рядовых поляков.

Что касается польских аргументов в пользу вывода армии из СССР, то исходным были немалые сомнения части польской элиты в Лондоне, где это решение принималось, в способности Красной армии выдержать натиск вермахта. Был расчёт если не на взаимное уничтожение Германии и СССР, то на предельное истощение двух врагов Польши, что соответствовало намерениям польского правительства воссоздать польское государство, «отняв» часть территории Германии и возвратив восточные кресы. Ставилась и прагматическая задача: сберечь жизни польских солдат там, где шли самые ожесточённые бои за всю историю этой войны. Уверенность в том, что освобождение страны от гитлеровцев придёт с Западного фронта, порождала стремление заблаговременно занять место рядом с англо-американскими войсками, сосредоточив на западе всю армию. Появление советских войск «у польских границ» считалось возможным лишь как следствие разгрома вермахта англо-американцами, в связи с чем произойдёт отступление немецких войск с Восточного фронта. Такого мнения придерживался В. Андерс, с весны 1942 г. особенно упорно настаивавший на выводе всей армии из СССР. При этом он рассчиты-

вал, что советские власти и после эвакуации не остановят призыв поляков в армию. Иного мнения был В. Сикорский. Он считал Красную армию способной оказывать упорное сопротивление вермахту и «выстоять до полной победы», поэтому какие-то подразделения польских войск желательно держать в СССР. По его настоянию правительство 30 апреля 1942 г. приняло компромиссное решение: оставить часть армии в СССР, «поскольку её позднейшая борьба против Германии вместе с Красной армией на Восточном фронте соответствует польским интересам и согласуется с той политикой, выражением которой был договор от 30 июля 1941 г.». Но под «позднейшей борьбой вместе с Красной армией» подразумевалось вступление поляков в бой лишь на польской территории⁴³.

В. Сикорский был прав в оценке способности Красной армии выстоять, что стало ясно на рубеже 1942–1943 гг., но весной 1942 г. на него оказывала серьёзное давление английская сторона. Получив известие о согласии И.В. Сталина на эвакуацию части польских военнослужащих, У. Черчилль вновь предложил В. Сикорскому вывести весь польский контингент в Иран. В качестве инструмента давления как на В. Сикорского (эвакуировать армию), так и на И.В. Сталина (отпустить поляков в Иран, отдать их Британии) У. Черчилль использовал спор о советско-польской границе. Первому он не гарантировал отстаивание доверенной границы с СССР после войны; второму, неоднократно на словах признавая «линию Кёрзона», не соглашался зафиксировать свою позицию публично и документально. Столь же «сдержанную» позицию тогда занимал и Ф. Рузвельт. В своём дневнике И.М. Майский 17 марта 1942 г. записал в пересказе Э. Идена мнение, высказанное президентом США советскому послу М.М. Литвинову в Вашингтоне: «[...] Р[узвельт] поним[ает] необх[одимость] для СССР такой гран[ицы], кот[орая] гарантир[овала] бы от повтор[ения] герм[анского] напад[ения] через 10–15 лет. Р[узвельт] готов на 100% облегч[ить] нам получение такой границы, но после войны». Располагал ли таким объёмом информации польский премьер-министр, когда готовился посетить в конце марта 1942 г. США и встретиться с президентом США? Но, возвратившись в Лондон, В. Сикорский сделал из обещаний Ф. Рузвельта оказывать всяческую помощь Польше далеко идущие выводы. Он вынес слишком позитивные впечатления о новом союзнике Польши, с которой Америка не имела союзных договоров. Отчитываясь перед правительством 14 апреля об обмене мнениями с Ф. Рузвельтом, генерал утверждал: «[...] Имея полную поддержку правительства США, [...] мы можем с полным доверием смотреть в будущее»⁴⁴. В. Сикорский ошибался.

Первая половина 1942 г. была для стран антигитлеровской коалиции наиболее тяжёлым временем войны. На Восточном фронте стратегическая инициатива находилась на стороне вермахта, немецкие войска

нацелились на прорыв к Сталинграду и Кавказу. На Западном фронте в результате контрнаступления немецко-итальянских войск в Африке Англия лишилась колоний; следствием японского наступления стала потеря к маю 1942 г. Великобританией и США, вступившими в войну в декабре 1941 г., позиций в Восточной Азии и центральной части Тихого океана. Германия наращивала свой подводный флот в водах американского побережья. Всё говорило о длительной и ожесточённой мировой войне двух сложившихся военно-политических группировок, исход которой казался делом далёким.

В такой обстановке 20 мая 1942 г. в Лондон прибыл В.М. Молотов. Его задача состояла в том, чтобы обсудить две главные проблемы: советско-английский договор о сотрудничестве в военное и послевоенное время и открытие Второго фронта в Западной Европе. Элементом первой проблемы он 21 мая назвал польский вопрос, по которому «советское правительство надеется и готово любовно договориться». «Но мы готовы, – говорил нарком иностранных дел, – это сделать при учёте наших минимальных интересов [...], минимальным условием для нас является восстановление границ СССР, нарушенных Гитлером [...]. Мы не можем уступить в этом вопросе». Другими словами, советский представитель не имел полномочий на подписание советско-английского договора в случае отсутствия в нём признания Великобританией границы 1941 г. Уже на следующий день В.М. Молотов встретился с упорным нежеланием такого признания английской стороной, о чём телеграфировал И.В. Сталину: «По вопросу о Польше была длительная дискуссия [...]. Я доказывал, что из желания пойти навстречу Англии мы предлагаем компромисс, в котором мы делаем большую уступку, не требуя сейчас согласия Англии на восстановление советско-польской границы 1941 г. и обещая этот вопрос дружественно урегулировать непосредственно с Польшей, а Англии предлагаем сделать меньшую, а именно – не подтверждать своего заявления от 10 июля 1941 года*. Иден настаивал, что Англия не может отказаться от подтверждения этого заявления, но согласился не вносить ничего в договор [...]». 22 мая он убеждал В.М. Молотова: «Английское правительство не предлагает гарантии границ и не оказывает поддержку какой-либо стране. Оно только лишь подтверждает свою позицию в отношении поляков от 30.VII.41 г. Это означает, что оно остаётся на базе своего договора с поляками**, не гарантирующего Польше определённых границ». В ответ В.М. Молотов сделал пространное заявление, которое свидетельствовало о некотором изменении тактики Москвы при сохранении принципиальных основ советской политики

*Так в тексте, должно быть 30 июля. Об этом заявлении и выступлении А. Идена в парламенте речь шла выше.

**Имеется в виду договор о взаимопомощи от 25 августа 1939 г.

разрешения советско-польского территориального спора: «Мы предлагали в декабре и теперь предлагаем не принимать никакого решения в отношении Польши. Мы считаем нужным решить вопрос об удовлетворении интересов Польши не за счёт территорий, которые населены украинцами и белорусами, вошедшими в состав СССР, а за счёт общего врага СССР и Польши – Германии. Мы не хотим ссориться с Польшей. Мы предлагаем Польше больше, чем дала бы ей “линия Кёрзона”, и мы готовы идти на это. Мы считаемся с желанием Англии поднять значение Польши, но не за счёт украинцев и белорусов, а за счёт общего врага Великобритании, Польши и СССР – за счёт Германии. Если мы можем договориться на этой основе, то это действительно могло бы дать базу для дружественного развития англо-советских отношений. В 1939 г. тогдашняя Польша помешала сближению Англии и СССР*, и теперь польский вопрос снова создаёт затруднения без достаточных оснований к этому»⁴⁵.

Неоднократное возвращение к вопросу о границах Польши в ходе обсуждения текста двустороннего договора СССР и Великобритании не приводило к компромиссному решению. «Все последние беседы, – доносил 23 мая в Москву В.М. Молотов, – создают у меня впечатление, что Черчилль выжидает событий на нашем фронте и сейчас не торопится договариваться с нами».

Намёк английского премьер-министра на то, что подписание договора может не состояться, если стороны не согласятся на констатацию в нём лишь общего положения («не стремиться к территориальным приобретениям для самих себя и не вмешиваться во внутренние дела других народов»), насторожил И.В. Сталина. Последовало указание В.М. Молотову: английский проект договора «не считаем пустой декларацией и признаём, что он является важным документом. Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой [...]. Желательно поскорее подписать договор [...]»⁴⁶. Это означало, что позиция И.В. Сталина в вопросе о границах, прежде всего с Польшей, оставалась неизменной. Телеграмма из Москвы подтверждала: на первое место в иерархии стратегических целей СССР поставлены интересы антигитлеровского союза с Западом и победы в войне, исход которой и решит «польский вопрос». 26 мая договор СССР и Великобритании был подписан. В. Сикорский не добился английских гарантий восточных довоенных границ Польши. И.В. Сталин не получил признания в качестве послевоенной границы 1941 г.

* Летом 1939 г. Польша не согласилась с предложением СССР на советско-англо-французских переговорах пропустить советские войска через свою территорию для отражения возможной германской агрессии.

29 мая начался визит В.М. Молотова в США. Хотя «польский вопрос» не был отдельным предметом бесед с американским президентом, выяснилась согласованность позиций Лондона и Вашингтона касательно послевоенных границ СССР в Европе. Ф. Рузвельт позитивно отреагировал на подписанный в Лондоне договор, отметив, что «он [Рузвельт] действительно не хотел упоминания в договоре вопроса о границах [...]. Он считает, что для постановки этого вопроса нужно избрать соответствующий момент, который ещё не наступил». Следует отметить такую идею Ф. Рузвельта: после войны «победители – США, Англия, СССР и Китай – должны сохранить своё вооружение» и образовать «полицейскую силу», поскольку «в течение 10–15 лет поддержание мира должно быть обеспечено силой [...], помешать немцам и японцам атаковать кого-нибудь». «Страны-агрессоры и соучастники агрессоров – Германия, Япония, Франция, Италия, Румыния и, даже больше того, Польша и Чехословакия, – говорил Ф. Рузвельт, – должны быть, во-первых, разоружены, а во-вторых, в дальнейшем необходимо, чтобы нейтральные инспекторы наблюдали за разоружёнными странами и не давали бы им секретно вооружаться [...]». И.В. Сталин положительно отреагировал на это предложение⁴⁷.

Появление Польши в указанном списке только на первый взгляд кажется неожиданным. В Америке, вероятно, помнили марш польской армии в Заользе в 1938 г. Здесь было известно, что польское правительство, разворачивая вооружённые силы на Западе, формируя с осени 1939 г. массовую подпольную военную организацию, создавало базу для того, чтобы войти в число стран, которые после войны будут решать судьбы народов и государств. Идея Ф. Рузвельта перечёркивала подобные претензии, в данном случае польских политиков, ибо состав мировых лидеров уже вырисовывался.

Возвращаясь в Москву из Вашингтона через Лондон, В.М. Молотов 10 июня встретился с В. Сикорским и министром иностранных дел Польши Э. Рачинским. Собеседники не касались проблемы пограничного размежевания и обсудили два вопроса, поставленных поляками. В. Сикорский выдвинул требование эвакуации из СССР 50 тысяч польских детей, ссылаясь на плохое питание и на то, что правительства Родезии и Кении уже согласились их принять от Американского Красного Креста. В.М. Молотов парировал: «В СССР достаточно продовольствия, чтобы прокормить 50 тысяч польских детей». Далее генерал вернулся к изложенной в письме И.В. Сталину 9 апреля идее дислокации польской армии в трёх центрах – Иране, Англии и СССР. Речь шла о создании сильной польской группировки на южных советских рубежах. В. Сикорский считал, что в таком случае польская армия могла бы войти в Польшу с трёх сторон: из СССР с востока, с Западноевропейского

фронта и через Балканы, для чего необходимо продолжать мобилизацию в её ряды поляков на советской территории. Сталин ещё 13 мая ответил ему резко отрицательно, указав, что польская армия не воюет и нет необходимости её разворачивать. В том же духе отвечал В.М. Молотов на жалобу генерала, что советские власти в мае, посчитав «полностью законченной» эвакуацию польских военнослужащих, приостановили дальнейшую мобилизацию: «если польская армия вступит в ряды действующей армии и в непосредственные бои, то ей понадобятся резервы», которыми послужат 49 тысяч человек, которых, по словам В. Сикорского, можно мобилизовать. Согласившись, что для польской армии в СССР нужны резервы, В. Сикорский настаивал, что «они также нужны и для польской армии в других странах». Это означало, что польская сторона не считала эвакуацию законченной. В тот же день это подтвердилось нотой Э. Рачинского А.Е. Богомолу, советскому послу при союзных правительствах в Лондоне: польское правительство заявило о желании «иметь возможность продолжать на территории Союза Советских Социалистических Республик набор в армию польских граждан, способных носить оружие, с целью увеличить кадры польской армии, находящейся в Великобритании и на Ближнем Востоке». Речь шла о дополнительном призыве 49 тысяч солдат. Но В.М. Молотов положительно отреагировал только на намерение генерала приехать в СССР в августе 1942 г., «чтобы в личной беседе со Сталиным и с Молотовым поставить и решить ряд наиболее трудных вопросов». 10 июня В.М. Молотов имел встречу с У. Черчиллем, который, оговорившись («поляки просят»), поинтересовался позицией советского правительства по вопросу эвакуации «нескольких тысяч польских детей» и услышал в ответ лишь то, что было сказано В. Сикорскому. У. Черчилль подчеркнул (и это было главное) готовность принять годных к военной службе поляков, одновременно заявив, что он «всегда отказывается обсуждать с поляками вопрос о границах Польши», который «станет ясным, когда Германия потерпит поражение». В.М. Молотов ответил: «[...] Мы не хотели бы проводить эвакуацию за эвакуацией»⁴⁸.

Таким образом, в ходе визита В.М. Молотова в Лондон и Вашингтон, его неоднократных встреч и бесед, в том числе с В. Сикорским, подтвердилось, что особый интерес к эвакуации польских войск из СССР в Иран проявляла английская сторона, которая с разной интенсивностью пыталась воздействовать на В.М. Молотова и В. Сикорского. Для достижения цели У. Черчилль использовал не только в высшей степени актуальную для СССР проблему Второго фронта, открытие которого союзниками вновь было отложено, но и вопрос о советско-польской границе, определение которой союзниками тоже откладывалось. В такой ситуации Москва сняла с обсуждения вопрос о границе и 3 июля согласилась на вы-

вод контингента уже мобилизованных в польскую армию. В тот же день под давлением У. Черчилля и В. Андерса, не верившего в способность Красной армии выстоять в войне с Германией, ярого сторонника вывода всей армии, уступил и В. Сикорский, отказавшись от идеи сосредоточения польских войск в трёх центрах. В августе 1942 г. эвакуировались около 44 тысяч польских солдат и офицеров и более 30 тысяч членов их семей. В результате в 1942 г. из СССР выехали, по данным НКВД на сентябрь 1943 г., 113 247 польских граждан (75 491 военнослужащих и 37 756 членов их семей); по данным НКВД на ноябрь 1945 г., 119 865 человек (76 110 солдат и офицеров и 43 755 гражданских лиц). Накануне эвакуации генерал Андерс признал, что польское правительство в 1942 г. действовало «вопреки соглашению между СССР и Польшей»⁴⁹.

Советско-польская военная конвенция о совместной борьбе против гитлеровцев была разрушена. Это свидетельствовало о заинтересованности в её разрушении Великобритании и об исчезновении советского интереса к сохранению польской армии на территории СССР, а значит и к урегулированию спорных проблем путём советско-польского диалога и концепции продвижения территории Польши на Запад. Произошло то, чего удалось избежать в июле 1941 г., когда СССР и Польша установили прямые контакты. С выводом армии из СССР польское правительство лишилось важного военно-политического инструмента, обеспечивавшего его постоянное присутствие в сотрудничестве как с СССР, так и с Великобританией. Поэтому решение В. Сикорского об эвакуации армии в Иран можно расценивать как крупную политическую ошибку поляков, масштаб которой стал ясен в 1943 г.* Получив уведомление А.Я. Вышинского о советском согласии на эвакуацию трёх дивизий, С. Кот 8 июля 1942 г. высказал надежду «на дальнейшую мобилизацию поляков в армию», мотивируя это тем, что «война – это общее дело всех союзников, и где бы польские дивизии ни боролись, они будут бороться за это общее дело». Вновь был поставлен вопрос о вывозе польских детей из СССР, по словам посла, «в возможно большем количестве» и о «ещё не освобождённых до сих пор военнослужащих (8300 офицеров, нескольких генералов и полковников, судей, прокуроров и т.д.)». А.Я. Вышинский ответил: «У нас в заключении нет не только 8300, но вообще нет никаких польских военнослужащих». Задавая свой вопрос, посол вряд ли ждал подлинной информации о трагической судьбе этих людей и лишь пытался использовать его как средство давления на советскую сторону⁵⁰.

*Полный вывод армии Андерса летом 1942 г. Е. Дурачинский называет «тягчайшей ошибкой Сикорского и согласившегося на это кабинета». Он констатирует, что В. Сикорский «утратил свой важнейший козырь в шедшей и далеко не завершившейся партии со Сталиным [...]». Как полагает историк, это упростило для И.В. Сталина ускоренный переход к «собственному варианту» решения польского вопроса (*Duraczynski E. Sprawy polskie minionego wieku... – S. 432*).

Отзыв С. Кота из СССР и назначение в конце октября 1942 г. Т. Ромера новым послом Польши в СССР не остановили попыток польского руководства принудить Москву к продолжению призыва поляков в армию, не привели к изменению действий посольства на территории СССР. В памятной записке НКВД посольству Польши от 28 октября 1942 г. констатировалось, что местные представители посольства, «как это было установлено следствием», через группы польских граждан «систематически занимались собиранием шпионских сведений», проявляя особое внимание к предприятиям оборонной промышленности и их продукции, «нередко» вербовали советских граждан. Такая деятельность вменялась советской стороной 16 высокопоставленным сотрудникам посольства и его представителям по Краснодарскому и Алтайскому краям, Семипалатинской и ряду других областей, по Туркменской и Киргизской ССР. Посольству указывалось на нарушение элементарных норм международного права, правил поведения «дипломатических агентов в оказавшей им гостеприимство стране», что выразилось в организации нелегальной курьерской службы, в практике выдачи представителями посольства польских паспортов, в том числе «непольским гражданам». Всю полноту ответственности за подобные действия СССР возлагал на польское посольство, в том числе и за решение советского правительства прекратить дальнейшее формирование польских частей, поскольку, как указывалось в ноте А.Е. Богомолова Э. Рачинскому от 31 октября 1942 г., «вопреки договору между СССР и Польшей, польское правительство не считает возможным сформированные в СССР польские части использовать на советско-германском фронте».

Напряжённость в советско-польских отношениях нарастала. По сравнению с тем временем, когда советская сторона стремилась расширять взаимодействие и шла навстречу Польше во имя совместной борьбы против Германии и за послевоенное сотрудничество, теперь, в конце 1942 г., это взаимодействие было парализовано расходящимися политическими целями и несовпадающими представлениями сторон о послевоенной безопасности и лидерстве в восточном регионе Европы. Москва не получила армию Андерса в качестве военного партнёра, к созданию которого приложила немалые политические и материальные усилия, не произошли перемены к лучшему в общем климате советско-польских отношений, не складывалась и атмосфера доверия между советским и польским руководством, столь необходимая соседним странам. Напротив, противоречия и уровень взаимного недоверия неуклонно возрастали по мере роста давления польской стороны, стремившейся изъять все резервы армии с последующим выводом её за пределы СССР. Чтобы прервать этот процесс, советское правительство 16 января 1943 г. отменило постановление от 1 декабря 1941 г. Поляки, проживавшие ранее в Запад-

ной Украине и Западной Белоруссии, вновь объявлялись гражданами СССР⁵¹. Возможности польского правительства продолжать развёртывание и вывод армии из СССР были окончательно заблокированы. Это произошло в разгар Сталинградской битвы. В её победные дни Т. Ромер по просьбе В. Сикорского был принят И.В. Сталиным. Польский посол предложил вернуть польскую армию в СССР и направить её на советско-германский фронт, но интереса предложение уже не вызвало.

Примечания

¹ Документы внешней политики СССР : Т. 24. – М., 2000. – С. 45; *Майский И.М.* Дневник дипломата : Лондон. 1934–1943 : В 2 кн. Кн. 2. Ч. 2 : 22 июня 1941 – 1943 год. – М., 2009. – (Научное наследство : Т. 33 : В 2 кн.). – С. 7, 19–20, 337–338.

² *Duraczyński E.* Polska 1939–1945 : Dzieje polityczne. – Warszawa, 1999. – S. 189.

³ СССР – Германия, 1939 : Документы и материалы о советско-германских отношениях в апреле – сентябре 1939 г. / Сост. Ю. Фельштинский. – Б. м., 1983. – С. 62, 64.

⁴ *Чубарьян А.О.* Канун трагедии : Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 – июнь 1941 года. – М., 2008. – С. 47–48.

⁵ Документы и материалы по истории советско-польских отношений : Т. 7 : 1939–1943 гг. – М., 1973. – С. 178; см. подробнее: *Валева Е.Л., Волков В.К., Гибанский Л.Я. и др.* Восточная Европа между Гитлером и Сталиным, 1939–1941 гг. – М., 1999. – С. 179–182.

⁶ *Майский И.М.* Дневник дипломата... : Кн. 2. Ч. 1 : 4 сентября 1939 – 21 июня 1941 года. – М., 2009. – (Научное наследство : Т. 33 : В 2 кн.). – С. 17–20, 415.

⁷ СССР – Германия, 1939... – С. 108, 111–112.

⁸ *Майский И.М.* Дневник дипломата... : Кн. 2. Ч. 1... – С. 26, 31.

⁹ Цит. по: *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российский-польских отношениях. – М., 2001. – С. 80.

¹⁰ *Мельтохов М.И.* Советско-польские войны : Военно-политическое противостояние, 1918–1939 гг. – М., 2001. – С. 408; *Он же.* Упущенный шанс Сталина : Схватка за Европу, 1939–1941 гг. – М., 2008. – С. 98.

¹¹ См. подробнее: *Duraczyński E.* Polska 1939–1945... – S. 48–52, 122–125.

¹² *Майский И.М.* Дневник дипломата... : Кн. 2. Ч. 1... – С. 67.

¹³ Цит. по: *Duraczyński E.* Polska 1939–1945... – S. 122; цит. по: *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Указ. соч. – С. 80.

¹⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений : Т. 7... – С. 198.

¹⁵ *Tebinka J.* Polityka brytyjska wobec problemu granicy polsko-radzieckiej : 1939–1945. – Warszawa, 1998. – S. 153–155, 157.

¹⁶ *Майский И.М.* Дневник дипломата... : Кн. 2. Ч. 2... – С. 25, 27–28; *Duraczyński E.* Polska 1939–1945... – S. 192.

¹⁷ Документы и материалы по истории советско-польских отношений : Т. 7... – С. 208.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 380; *Зданович А.А.* Роль НКВД в формировании польской армии Андерса : (1941–1942 гг.) // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 9; *Polskie podziemie na terenach Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi w latach 1939–1941* = Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, 1939–1941: В 2 т. Т. 1. – Варшава; М., 2001. – С. 32; см. подробнее: *Deportacje obywateli polskich z Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi w 1940 roku* = Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году. – Варшава; М., 2003.

¹⁹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений : Т. 7. – С. 217–218; Документы внешней политики СССР : Т. 24... – С. 236–237.

²⁰ Документы внешней политики СССР : Т. 24... – С. 420.

²¹ *Armia Krajowa w dokumentach* : Т. 1–6. Т. 2 : Czerwiec 1941 – kwiecień 1943. – London, 1973. – S. 203.

- ²² Великая Отечественная : [Сб.] 3 (1) : СССР и Польша, 1941–1945 : К истории формирования военного союза : Документы и материалы. – М., 1994. – (Русский архив : Т. 14). – С. 96–99; Репрессии против поляков и польских граждан : Сб. ст. – М., 1997. – С. 186.
- ²³ Майский И.М. Дневник дипломата... : Кн. 2. Ч. 2... – С. 50–51.
- ²⁴ Великая Отечественная : [Сб.] 3 (1)... – С. 43–46; см. также: Лебедева Н.С. Армия Андерса в документах российских архивов // Репрессии против поляков и польских граждан... – С. 178.
- ²⁵ Документы и материалы по истории советско-польских отношений : Т. 7... – С. 255–256.
- ²⁶ См. подробнее: Там же. – С. 271–273; Парсаданова В.С. Армия Андерса на территории СССР : (1941–1942) // Новая и новейшая история. – 1988. – № 5; Сталин – Сикорский – Андерс : (Из внешнеполитических документов 1941 г.) // Международная жизнь. – 1990. – № 12. – С. 124–140.
- ²⁷ Цит. по: Duraczyński E. Polska 1939–1945... – S. 197–198.
- ²⁸ Парсаданова В.С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. – М., 1982. – С. 62–63; Документы внешней политики СССР : Т. 24... – С. 236, 464; Документы и материалы по истории советско-польских отношений : Т. 7... – С. 258.
- ²⁹ Великая Отечественная : [Сб.] 3 (1)... – С. 51–53, 56–58.
- ³⁰ Секреты польской политики 1935–1945 гг. : Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации / Сост. Л. Соцков. – М., 2010. – С. 412, 414, 421–424, 426; см. также: Armia Krajowa w dokumentach... : Т. 2... – S. 67–68.
- ³¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений : Т. 7 – С. 257–258.
- ³² Ржевский О.А. Сталин и Черчилль : Встречи. Беседы. Дискуссии. – М., 2004. – С. 44, 50, 54.
- ³³ См. публикацию отчёта В. Сикорского в Совете министров 15 января 1942 г.: Dzieje Najnowsze. – 1994. – № 4. – S. 114–123.
- ³⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений : Т. 7... – С. 257, 266.
- ³⁵ Документы внешней политики СССР : Т. 24... – С. 178, 420; Великая Отечественная : [Сб.] 3 (1)... – С. 51–52, 54–55; Duraczyński E. Sprawy polskie minionego wieku. – Kraków, 2011. – S. 428.
- ³⁶ См. подробнее : Парсаданова В.С. Советско-польские отношения... – С. 73–78.
- ³⁷ Великая Отечественная : [Сб.] 3 (1)... – С. 56–59, 83.
- ³⁸ См. подробнее: Сталин, Берия и судьба армии Андерса в 1941–1942 гг. : (Из рассекреченных архивов) // Новая и новейшая история. – 1993. – № 2. – С. 59–90; Великая Отечественная : [Сб.] 3 (1)... – С. 90–91; Документы и материалы по истории советско-польских отношений : Т. 7... – С. 302–305, 312–316.
- ³⁹ Великая Отечественная : [Сб.] 3 (1)... – С. 71–77; Парсаданова В.С. Советско-польские отношения... – С. 84.
- ⁴⁰ Великая Отечественная : [Сб.] 3 (1)... – С. 79–82; Документы и материалы по истории советско-польских отношений : Т. 7... – С. 287–288; Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Указ. соч. – С. 145, 148.
- ⁴¹ Duraczyński E. Polska 1939–1945... – S. 217.
- ⁴² Документы и материалы по истории советско-польских отношений : Т. 7... – С. 310, 318–319, 321–323.
- ⁴³ Duraczyński E. Polska 1939–1945... – S. 217–219.
- ⁴⁴ Майский И.М. Дневник дипломата... : Кн. 2. Ч. 2... – С. 104, 108–109, 115; цит. по: Duraczyński E. Polska 1939–1945... – S. 213.
- ⁴⁵ Ржевский О.А. Указ. соч. – С. 105, 115, 117.
- ⁴⁶ Там же. – С. 139, 155, 157.
- ⁴⁷ Там же. – С. 211–213, 245.
- ⁴⁸ Там же. – С. 329–333, 148; Документы и материалы по истории советско-польских отношений : Т. 7... – С. 300–301, 305–306.
- ⁴⁹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений : Т. 7... – С. 425; ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 105. Л. 20.
- ⁵⁰ Документы и материалы по истории советско-польских отношений : Т. 7... – С. 312–316.
- ⁵¹ Там же. – С. 325–335, 342–343.

Финляндия продолжает воевать*

Христофоров Василий Степанович,

доктор юридических наук,

Институт российской истории РАН

К концу 1941 г. две трети территории Карело-Финской ССР – 18 районов из 26, четыре крупных города (Петрозаводск, Выборг, Сортавала, Кексгольм) – были оккупированы финскими и немецкими войсками, на захваченной территории формировался оккупационный режим¹. В середине декабря 1941 г. линия фронта в Карелии установилась по восточному берегу Онежского озера, через Повенец, ст. Масельгская и далее на север (40–90 км западнее Кировской железной дороги). На этом участке фронта в начале 1942 г. действовали Масельгская и Онежская оперативные группы финских войск. Между Ладожским озером и Финским заливом фронт против советских войск держала оперативная группа «Карельский перешеек».

Финляндия напрягала все силы для ведения войны. В феврале 1942 г. на заседании финского правительства говорилось о трудном экономическом положении страны. В армию было мобилизовано примерно 16% населения (больше, чем во всех других воюющих государствах), образовался дефицит рабочей силы. Поля были вспаханы только на 50%, прогнозировался дефицит сырья и продовольствия. Финляндия оказалась должна почти всем странам, с которыми вела торговлю. Возникли трудности с перевозкой грузов, с горючим и продовольствием. Были надежды «на скорое падение Петербурга и продолжение наступления немцев до реки Волги» и далее на Восток, тогда «на Свирском фронте будет гораздо спокойнее и солдат старших призывных возрастов можно будет отправить домой»².

Если в 1942 г. боевые действия между советскими и финскими войсками приобрели позиционный характер, а линия фронта относительно стабилизировалась, то сражения на внешнеполитической арене, а также про-

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда; проект № 11-01-00029 а.

тивоборство разведок и контрразведок воюющих стран не прекращались ни на один день. На основе документов из архивов органов безопасности, воспоминаний участников событий и научных публикаций можно рассмотреть сложную динамику развития ситуации в Финляндии и вокруг неё.

Внешнеполитические манёвры

Оказать влияние на внешнеполитический курс Финляндии и, по возможности, вовлечь её в фарватер своей внешней политики одинаково активно стремились США, Великобритания, Германия и Советский Союз. Несколько обособленную, но столь же активную политику проводила Швеция.

Соединённые Штаты Америки – один из основных игроков на внешнеполитической арене – были не просто союзниками с СССР по антигитлеровской коалиции, но и 12 декабря 1941 г. официально объявили войну Германии и Италии. Однако в то же время США сохраняли дипломатические отношения с Финляндией.

В США неоднократно обсуждался вопрос об объявлении войны Финляндии. Критическим моментом был визит А. Гитлера в Финляндию. Ситуация вновь обострилась, когда К. Маннергейм³ побывал у Гитлера. Попытка захватить Ленинград неминуемо вызвала бы объявление войны, так как не относилась к собственным оборонным потребностям Финляндии. Тем не менее сохранялась надежда, «что дипломатические отношения между США и Финляндией не будут нарушены»⁴.

25 сентября Р. Рюти⁵ принял посла США А. Шонфельда, который вручил президенту Финляндии ноту, где сообщалось, что американское правительство выражает сомнение в том, что Финляндия позволит себе согласиться с нажимом немцев принять участие в операциях наступательного характера. Посол заметил, что заявление, в котором бы говорилось об отсутствии у финской армии намерений переходить за достигнутые к тому времени рубежи, произведёт в Америке хорошее впечатление. Рюти сразу же заявил, что политика Финляндии остаётся абсолютно неизменной с точки зрения борьбы за своё существование, и повторил официальный тезис об исключительно оборонительном характере военных действий против Советского Союза. «Финляндия знает русских, а американцы не знают, потому что речь не идёт об их существовании, в то время как существование народа Финляндии как физической целостности находится в опасности». Большевистское государство должно быть уничтожено, борьба немцев против России помогает сохранить Финляндию. «У США и Великобритании нет причин доверять большевистским руководителям, которые раз и навсегда потеряли доверие. С помощью пропаганды, касающейся Финляндии и других вопросов, народ Америки вводится в заблуждение. Народы

великих держав более восприимчивы к этой вводящей в заблуждение пропаганде, чем малые народы таких стран, как Финляндия, в которых ритм жизни заставляет людей самих, по возможности, думать о себе»⁶.

Несмотря на то что Финляндия вела войну с Советским Союзом, а США и Великобритания были союзниками СССР, некоторые финские политики полагали, что Америка и Англия всё же захотят помочь Финляндии и поддержат её. Они надеялись, что положения, выработанные в августе 1941 г. Англией и США в Атлантической декларации, в частности обязательство воздержаться от любых территориальных расширений, будут соблюдаться всеми странами, её подписавшими, в том числе и Советским Союзом. Финские политики рассчитывали, что в случае поражения Германии такие страны, как Польша, Латвия, Литва, Эстония и Финляндия, «не будут принесены в жертву Советскому Союзу».

Финское правительство возлагало большие надежды на Америку и боялось разрыва дипломатических отношений с нею. По данным советской разведки, которые Л.П. Берия 16 ноября 1942 г. сообщил И.В. Сталину и В.М. Молотову, министр иностранных дел Финляндии Р. Виттинг⁷ на заседании совета министров 22 октября заявил, что единственным спасением для страны является сохранение дипломатических отношений с Америкой. Такое заявление пронемецки настроенного министра вызвало большое удивление среди членов правительства⁸.

В начале декабря 1942 г. А. Шонфельд в беседе с Ю. Паасикиви⁹ высказал свою озабоченность, считая, что «Финляндия всё больше отделяется от внешнего мира и делает это умышленно», положение становится всё более нетерпимым и невыносимым и всё более плохим». Шонфельд полагал, что «сейчас позиция Финляндии в отношении США и Англии только негативная»¹⁰.

Не менее важным игроком на внешнеполитической арене была Великобритания. Вопросы взаимоотношений Великобритании и Финляндии в той или иной форме неоднократно обсуждались с политическим руководством СССР. По настоянию И.В. Сталина Лондон в конце 1941 г. не только разорвал дипломатические отношения с Финляндией, но и объявил ей войну. Официальные дипломатические контакты между странами были прекращены, и возможности взаимного влияния уменьшились.

10 февраля Р. Рюти принял вернувшегося из Лондона посла Финляндии Г.А. Грипенберга¹¹, о чём посол сделал запись в своём дневнике: «Вероятно, у него только тёплые чувства по отношению к Великобритании и англичанам, но совершенно очевидно, что у него почти пессимистическое представление об этих возможностях [...]. Кажется, что Рюти учитывает, что по всей вероятности британская империя распадётся. Он также считает, что – во всяком случае, производит такое впечатление, – Великобритания, по крайней мере временно, душевно страдает от сотрудни-

чества с Советами и большевистской пропаганды. Он сказал, что для нас, конечно, главное дело – Россия. Если эта страна одержит победу, то мы подвергнемся смертельной опасности. Он уверен, что весной Германия начнёт против России большое и мощное наступление, которое отбросит русских далеко на восток. Но уже сейчас в России очень тяжёлое положение, и этой зимой много русских умерло от голода. Он не верит, что Германия попытается захватить Москву, но в отношении Ленинграда и южной части России – он уверен. В том случае, если русский фронт значительно отодвинется вглубь, то нам автоматически удастся выйти из войны. Мы не будем продвигаться дальше тех позиций, на которых мы сейчас находимся. Он рассказал, что Уинстон Черчилль сразу же обратился к Маннергейму с посланием, которое было передано через посла США. Маннергейм ответил таким образом, чтобы Черчилль понял, что ведущиеся Финляндией военные действия закончатся очень скоро. Существовала надежда, что это письмо Маннергейма сможет предотвратить объявление войны, но не было уверенности, получил ли Черчилль вообще ответ маршала. Очевидно, нет. И если бы оно было получено вовремя, то, возможно, удалось бы предотвратить объявление войны.

На вопрос о договоре, подписанном 26 мая 1942 г. в Лондоне между СССР и Англией, о союзе в войне против гитлеровской Германии и её сообщников в Европе Рюти заметил, что типично то, что американцы отказались подписывать договор, а англичане вынуждены были его подписать. Положение Великобритании настолько слабо, что ей приходится надеяться на Россию как единственного союзника в Европе. Если этой осенью Россия потерпит решающее поражение, то реакция на британские настроения будет значительной, и, возможно, там появится и желание мира»¹².

С этой точки зрения важно оценить итоги встречи, состоявшейся 29 декабря 1941 г. в Москве между И.В. Сталиным и В.М. Молотовым, с одной стороны, и британским министром иностранных дел А. Иденом¹³ – с другой, в ходе которой обсуждались вопросы ведения войны и послевоенной организации мира и безопасности в Европе.

По возвращении Идена в Лондон появился его секретный меморандум № WP/42/48 от 28 января 1942 г., разосланный членам британского кабинета, в котором был дан анализ вариантов развития ситуации и предложены рекомендации по целесообразности действий Великобритании. Документ был оперативно получен советской разведкой и немедленно направлен в Москву. В меморандуме говорилось, что требование русских о признании границы 1941 г. может показаться умеренным, если подумать о том, что они могли бы потребовать гораздо большего. «С чисто стратегической точки зрения как раз в наших интересах, чтобы Россия вновь обосновалась в Прибалтике, с тем чтобы иметь возмож-

ность лучше оспаривать у Германии господство на Балтийском море»¹⁴. Он полагал, что «любое предложение, которое мы сделаем, должно базироваться на требованиях русской безопасности, к которой Советский Союз стремится с 1917 г.».

С другой стороны, Иден считал, что нельзя делать уступок без предъявления соответствующей услуги за услугу. В итоге был сделан вывод, что Сталину можно предложить альтернативу: «а) русские базы в Прибалтийских государствах. Великобритания поддержит требование советского правительства о создании советских баз на территориях, смежных с Россией, особенно на Балтике и в Чёрном море [...]; б) установление советским правительством контроля над внешней политикой и обороной в Прибалтийских государствах [...]». Э. Иден поддержал формулу, которую предложил британский посол в Вашингтоне: «Мы желаем и намерены работать с Вами после и считаем, что тесное сотрудничество существенно для обеих сторон и для поддержания мира в Европе. Мы понимаем важность, которую Вы придаёте границам июня 1941 г., исходя из соображений Вашей безопасности. Мы не возражаем против этой границы, которую Вы установили с Финляндией, потому что финны позволили Гитлеру использовать себя как оружие в его руках, и мы, конечно, не защищаем Румынию. Однако мы исходим из принципов Атлантической хартии, к которой Вы, господин Сталин, присоединились, и из того, что может означать для нашего положения твёрдое решение вопроса о Прибалтийских государствах»¹⁵.

Из всех стран, ведущих борьбу за вовлечение Финляндии в сферу своих интересов, особое место занимала Швеция, традиционно имевшая сильное влияние в регионе.

Ещё в конце 1941 г. шведские представители, например Маркус Валленберг¹⁶, выражали беспокойство по поводу тяжёлого экономического положения Финляндии и искали возможные пути её выхода из войны. В конце декабря 1941 г. – начале января 1942 г. в Стокгольме находился по частным делам Ю. Паасикиви. Его появление в столице Швеции вызвало интерес у шведских политиков и предпринимателей. На условиях сохранения в тайне переданной информации, по поручению министра иностранных дел Швеции М. Валленберг выяснял мнение финского руководства об установлении контакта между Финляндией и СССР для ведения переговоров о прекращении боевых действий. Ю. Паасикиви по этому вопросу хотел посоветоваться с Р. Рюти. Валленберг считал, что Финляндии следовало бы заключить мир с СССР, он был готов посетить Хельсинки, чтобы получить ответ на сделанные шведами предложения. Рюти, выслушав сообщение Паасикиви, не поддержал шведские инициативы, считая, что у шведов плохая информация о положении на русском фронте и ситуации в Германии.

Он полагал, что наступление германской армии весной 1942 г. удастся и немцы захватят на юге России территорию до гор Северного Кавказа, а на севере – до Вологды. Но после войны следовало бы попытаться создать союз Финляндии и Швеции, «так как вместе действовать лучше»¹⁷.

Возможность и целесообразность союза со Швецией периодически обсуждалась среди финских политиков, банкиров, бизнесменов, военных. Нечасто соглашавшиеся друг с другом Р. Рюти и Ю. Паасикиви были единодушны в том, что отношения Финляндии и Швеции должны быть улучшены.

Формально являясь нейтральной страной, Швеция в той или иной форме оказывала помощь противоборствующим сторонам, поставляя Германии железную руду, ферросплавы, качественную сталь, целлюлозу, искусственное волокно, шарикоподшипники, станки, электрооборудование, инструменты, морские суда. По сравнению с 1939 г. шведский экспорт в Германию в 1942 г. почти удвоился, составив 410,3 млн марок¹⁸.

По данным советской внешней разведки, в мае 1942 г. Швеция дала разрешение на увеличение транзита через свою территорию германских военных материалов в Норвегию и особенно в Финляндию. Шведы предоставляли пароходы для перевозки угля из портов Западной Германии, ремонтировали германские военные автомобили, отправили в Финляндию 18 тысяч тонн продовольствия (рожь, пшеница, мука, мясо, консервы), металлы на военные нужды, перевязочные средства, подошвенную кожу и деревянные барки. На шведских верфях по заказу Германии строились 38 различных судов, а на заводах изготавливались 8 тысяч газогенераторов для грузовиков¹⁹.

Несмотря на дипломатические манёвры, в Швеции желали победы западных государств, считая, что если победит Германия, то малые государства могут лишиться своей независимости. Но в то же время в шведском обществе ослабло сочувствие к Финляндии из-за её территориальных притязаний на Восточную Карелию.

В начале октября М. Валленберг вновь встретился с Ю. Паасикиви, теперь в Дании. Валленберг по-прежнему сомневался в возможности победы Германии, так как «США наращивает судостроение и готовится к вступлению в войну, а Россия сохранила свою армию». Самый сложный вопрос, который волновал шведов, – как Финляндия выйдет из войны? Отношения между Финляндией и Швецией ухудшились. Причиной тому было то, что Финляндия воевала на стороне Германии и определённые круги в Финляндии считали долгом Швеции помогать Финляндии.

О необходимости выхода Финляндии из войны говорили с Ю. Паасикиви и другие шведские банкиры, предлагая помочь Финляндии, если она не будет союзником Германии. Они отмечали, что психология народа в Швеции такова, что если Финляндия будет оставаться союзником

Германии, то народ будет против оказания ей помощи. Паасикиви пытался убедить собеседников, что «Финляндия не могла сделать ничего другого, как воевать вместе с Германией, чтобы исправить Московский мир». Паасикиви понимал, как важно в Швеции укреплять настроения и симпатии к Финляндии²⁰.

14 октября 1942 г. Л.П. Берия сообщил И.В. Сталину и В.М. Молотову о том, что шведское правительство обеспокоено возможностью разрыва американско-финских отношений и требованием американского правительства отменить или ограничить немецкие транзитные перевозки через Швецию. Американский посланник в Швеции, находившийся в Лондоне, вылетел в США. Американские военные атташе в Швеции и Финляндии 5 октября выехали в Лондон. Там же некоторое время находился генеральный секретарь Министерства иностранных дел Швеции. Последние события в Дании сильно обеспокоили шведское правительство, так как оно опасалось не только прямой оккупации Дании немцами, но и агрессии против Швеции. В Швеции для прохождения месячных сборов было призвано несколько возрастов. Министр иностранных дел Швеции К. Гюнтер²¹, оценивая политику немцев на севере Европы, заявил: «От подыхающего крокодила можно всего ожидать, и Швеция должна быть на страже»²².

Информация о возможности ведения переговоров между Финляндией и СССР доводилась до финского руководства по различным каналам. Так, посланник Финляндии в Швеции в начале декабря сообщил в МИД Финляндии о том, что представители советского посольства в Стокгольме говорили о готовности вести переговоры с Финляндией при условии, если Р. Рюти и В. Таннер²³ уйдут в отставку. Рюти немедленно проинформировал об этом Берлин. Э. фон Вайцзеккер²⁴ ответил, что «нет нужды полностью обрывать эту линию»²⁵.

Сколь прочен союз?

В декабре 1941 г. Финляндия подписала «антикоминтерновский пакт», тем самым подтвердив своё более чем доброжелательное отношение к Германии. Военное командование германской и финской армий поддерживало самые тесные контакты. 7 января 1942 г. с особым поручением к А. Гитлеру прибыл финский генерал А. Хейнрикс²⁶. К. Маннергейм командировал Хейнрикса после поражения германской армии в битве под Москвой с целью «ознакомиться с воззрениями немцев на их последние крупные неудачи» и «разузнать ближайшие планы германской армии»²⁷. Хейнрикс нанёс визит начальнику Генерального штаба сухопутных войск германской армии Ф. Гальдеру²⁸, который записал в своём дневнике, что встреча была «чрезвычайно приятна»²⁹.

По мнению Гальдера, военный поход в Россию стал для немцев непомерно дорогим³⁰. Возвратившись в Финляндию, Хейнрикс сообщил Маннергейму об уверенности Гитлера в том, что германские фронты с юга и юго-востока Ленинграда будут восстановлены в прежнем виде. Через месяц в Германии побывал финский генерал П. Талвела³¹, он тоже был принят Гальдером, и в беседе с ним состоялся обмен опытом боёв на Восточном фронте³².

Официальную политику Германии в Финляндии проводили сотрудники германского посольства в Хельсинки во главе с послом В. фон Блюхером³³ и военные атташе – генерал-майор Х. Рёссинг³⁴, затем Х. Кичман³⁵ и З. Альбедил-Лакен³⁶. Сотрудники немецкого военного атташата решали не только дипломатические задачи.

По свидетельству помощника военного атташе Германии в Финляндии З. Альбедил-Лакена, перед немецким военным атташе в Финляндии ставились следующие задачи: «1. Поддерживать тесный контакт и дружеское взаимодействие с командованием финской армии. 2. Подготовка немецких и финских командных кадров для немецких и финских частей, ведущих боевые действия против Красной армии. В этих целях немецкие офицеры проходили специальное военное обучение в финских военных школах и в финских воинских частях, а финские офицеры, в свою очередь, проходили подготовку в германских военных академиях, офицерских школах и в немецких воинских частях. 3. Организовать взаимопомощь военными материалами от немецкой армии для финской, и наоборот. 4. Оказывать содействие военным атташе союзных с Германией стран: Венгрии, Румынии, Италии и Японии, в частности в сопровождении их на северный фронт Лапландии, в район Петсамо, куда они ездили с целью ознакомления с положением на фронте и определения боеспособности немецкой армии, качества её оснащения военной техникой и состояния её политического настроения»³⁷.

З. Альбедил-Лакен подчёркивал, что во время Второй мировой войны в Финляндии, кроме аппарата германского военного атташе, существенную роль в деле германо-финского военного сотрудничества играли и другие германские военные органы. Во-первых, немецкий генерал В. Эрфурт³⁸, находившийся при финской генеральной квартире (финском генеральном штабе) как оперативный советник по вопросам совместного ведения войны Германией и Финляндией, и его штаб из 10 офицеров. Во-вторых, Верховное командование германской армии в Лапландии, во главе которого стоял командир корпуса, затем командующий армией «Лапландия» генерал Э. Дитль³⁹. В-третьих, в Хельсинки на постоянной основе работало подразделение германской военной разведки – так называемое «Бюро Целлариуса»⁴⁰.

Подробную характеристику деятельности военных атташе Германии в Финляндии в послевоенных показаниях дал Х. Кичман. Он сказал, что, будучи германским военным атташе в Финляндии, проводил политику Гитлера по вопросам ведения войны, «всеми мерами влияния воздействовал на финские правительственные и военные круги, чтобы Финляндия не выходила из войны и продолжала её на стороне Германии против Советского Союза». К этим мерам Кичман прибегал и по своей инициативе, и по указанию из Берлина «каждый раз, когда складывалась неблагоприятная для немцев и финнов обстановка на советско-германском фронте», и он чувствовал «возможные повороты в политике Финляндии, нежелательные для Германии». Х. Кичман подчеркнул, что «начиная с 1942 г. Германия была обеспокоена тем, что Финляндия посредством США может заключить с Советским Союзом мир и выйти из войны». В этом случае «Германия потеряла бы своего союзника, который на её стороне ведёт войну против СССР». В течение 1942–1944 гг. Кичман неоднократно беседовал с начальником генштаба финской армии, военным министром, а также с К. Маннергеймом и премьер-министром, убеждая их в необходимости продолжения войны на стороне Германии. «Аналогичного характера и направления беседы в указанных целях» Кичман вёл с большим кругом военных и политических деятелей Финляндии⁴¹. Перед ним, как военным атташе, ставились задачи по сбору разведывательных сведений о военно-политическом положении Финляндии и передаче их «в генеральный штаб германских сухопутных войск для принятия необходимых мер в случае нежелательных, с точки зрения интересов Германии, поворотов в политике Финляндии и воздействия на неё продолжать войну против СССР или внесения корректив в планах войны в целях более успешного её завершения в пользу Германии»⁴². Кроме того, Кичман изучал «состояние и организацию военной промышленности и вооружённых сил Финляндии, ведущих военные действия совместно с немецкой армией против Советского Союза». Эта информация могла использоваться для улучшения состояния и организации военной промышленности Финляндии в целях более успешного ведения войны против СССР⁴³.

Финские военные атташе, находившиеся в Германии и других странах, передавали германским представителям информацию, касающуюся Советского Союза и деятельности союзников по антигитлеровской коалиции. Так, в донесении финского военного атташе в Анкаре от 18 марта 1942 г. сообщалось об англо-американских поставках самолётов в Россию (500 самолётов типа «Харрикейн»), формировании новых соединений Красной армии и др.⁴⁴

К весне 1942 г. отношения Финляндии и Германии несколько ослабли. Германское командование проявляло недовольство демо-

биллизацией из финской армии солдат старших призывных возрастов. Кроме того, немцы требовали увеличения поставок никеля, молибдена, меди и другого важного сырья. Германия, планируя наступление на Ленинград, собиралась привлечь как можно больше финских войск. Но официальный ответ Маннергейма на запросы германского командования, как отмечал В. Эрфурт, был весьма неопределённым. Маннергейм сообщал, что может выступить в нужное время с небольшими силами и только с ограниченной задачей⁴⁵.

В июне по каналам советской внешней разведки поступала информация о том, что Германия всячески стремится укрепить немецко-финские отношения. Как сообщала советская разведка, «немцы знали о том, что англичане и американцы обрабатывают некоторые финские круги за выход Финляндии из войны». Боязнь такого исхода заставила Гитлера 4 июля 1942 г. лично прибыть в Финляндию. Внешним поводом послужило 75-летие К. Маннергейма.

Р. Рюти лично встречал на аэродроме А. Гитлера. Рейхсканцлер и сопровождавшие его лица, среди которых был генерал-фельдмаршал В. Кейтель, поехали в ставку Маннергейма. Гитлер передал свои поздравления Маннергейму, затем Рюти представил Гитлеру членов финского правительства, руководителей парламента и представителей профсоюза. В вагоне Маннергейма состоялось обсуждение военной обстановки, в котором участвовали Гитлер, Маннергейм, Кейтель и Рюти. Говорил в основном Гитлер. Все остальные задавали дополнительные вопросы или давали пояснения. Гитлер рассказал о военных событиях зимы, о том, каким трудным было положение, когда всё остановилось из-за холодов и иногда в качестве оружия можно было использовать только штыки и ручные гранаты. Он говорил о трудностях снабжения германской армии, так как «русские во многих местах прорвали фронт на несколько десятков километров. Нервы и силы германских генералов и солдат едва выдерживали. Многие требовали отвода войск в Германию». Тем не менее на германо-советском фронте всё уладилось⁴⁶.

«Хотя финны заверили Гитлера, что будут продолжать войну и активно помогать немцам под Мурманском и Ленинградом, однако после отъезда Гитлера настроения в Финляндии за выход из войны стали ещё сильнее. На финнов отрезвляюще повлияли договор СССР с Англией и соглашение с Америкой. Они боятся открытия Второго фронта на севере, это вынудит их вступить в войну против Америки и Англии»⁴⁷.

Ответный визит К. Маннергейма и сопровождавших его финских офицеров в ставку Гитлера прошёл 27 июня. Во время бесед Маннергейма с Гитлером обсуждался военный потенциал Финляндии, согласовывались планы будущих военных операций, предусматривавшие увели-

чение числа финских войск и техники на северном участке Восточного фронта. Маннергейм встречался с А. Йодлем, Ф. Гальдером, Г. Герингом и 28 июня возвратился в Финляндию. После утверждения плана действий германской группы армий «Север» по наступлению на Ленинград представитель Маннергейма в германской ставке генерал Талвела 13 августа убыл в Финляндию, и, как записал в своём дневнике Ф. Гальдер, Талвела «был согласен с планом дальнейших действий»⁴⁸.

В конце августа Маннергейм направил в германскую ставку, которая в это время находилась в Виннице на Украине, генерала Хейнрикса, чтобы выяснить намерения немцев на северном участке фронта. Кейтель и Йодль ознакомили Хейнрикса с военной обстановкой. Германская армия после тяжёлых боёв овладела Севастополем, и теперь, как говорили высокопоставленные немецкие генералы, они расправятся с Ленинградом.

Р. Рюти, с самого начала войны веривший в успех германской армии, в конце октября сказал, что если Германия проиграет, то и Финляндия проиграет. Но если Германия победит, то и Финляндия получит свою долю победы. В этой ситуации у Финляндии нет возможности выбора⁴⁹. Несколько дней спустя, в ноябре 1942 г., в разговоре с Ю. Паасикиви Р. Рюти отметил, что «Германия на русском фронте пока не достигла целей».

Причиной смены настроений Рюти, как записал в своём дневнике Паасикиви, было то, что «германская армия остановила своё наступление на Кавказе. Однако он сохранял надежды на успех германской армии весной 1943 г., считая, что промышленность России ослаблена и у России велики продовольственные проблемы». Паасикиви был склонен «к осторожному пессимизму» и предполагал, что Германия уже не сможет выиграть войну, и самое большее, на что может надеяться Финляндия, «чтобы Германия пошла на компромиссный мир». Несмотря на это, Паасикиви желал, чтобы Германия смогла полностью разбить Россию.

О том, что победа Германии в войне в интересах Финляндии, были согласны все её политические силы. Об этом говорилось, например, на заседании финской Коалиционной партии: «Германия может и не выиграть, а проиграть войну». Финляндии «необходимо поддерживать отношения с США, а не разрывать их, потому что США в конечном итоге могут помочь Финляндии». Исчезла былая уверенность в том, что Германия победит в войне и у Виттинга, но, по его мнению, Финляндии не оставалось «ничего другого, как продолжать нынешнюю политику».

Изменению политики препятствовали продовольственная зависимость от Германии и то, что в стране было много германских войск, ко-

торые финское правительство «не могло удалить»⁵⁰. Но политические круги Финляндии были крайне обеспокоены тем, что блицкриг в России не удался и война приобрела затяжной характер.

Финские оккупанты обустроиваются в Восточной Карелии

«Отвоёванную Карелию» (Карельский перешеек с Выборгом, Северное Приладожье с Сортавалой и Салми, а также район Суоярви)⁵¹ в декабре 1941 г. провозгласили частью финского государства, после чего управленческие функции от военных стали передаваться представителям гражданской власти. К востоку от государственной границы 1939 г. продвижение войск было не быстрым, вследствие чего военное управление Восточной Карелии получило подчинённую ему территорию только в январе 1942 г., и далеко идущие планы политиков так и не осуществились. 1942 г. для Финляндии стал годом совершенствования системы управления оккупированной территорией Восточной Карелии⁵².

Финская оккупационная администрация после захвата того или иного города или населённого пункта проводила перепись населения (паспортизацию). Основным документом для граждан стало разрешение на право жительства на территории Восточной Карелии. Лица финской национальности (финны, карелы и эстонцы) получали документ зелёного цвета, представители других национальностей – красного. Согласно правилам посещения жителями Карелии территории Финляндии и порядку оформления разрешения для проживания на территории Восточной Карелии, привилегии получали те семьи, где кто-либо из супругов относился к финскому или родственному финнам населению. В этом случае вся семья считалась родственной финнам и ей выдавалось разрешение на проживание. Разрешение на право жительства давало право проживания в определённом городе или населённом пункте. Выезд в Петрозаводск, Кондопогу и районы, граничившие с Финляндией, был разрешён только финнам, карелам и эстонцам. Граждане Финляндии, прибывавшие в Восточную Карелию, должны были получить в районном штабе военного управления специальное разрешение на пребывание. Государственный совет Финляндии решением от 24 сентября 1942 г. уполномочил государственную полицию выдавать разрешение на поездки в стране на срок не более трёх месяцев лицам, отнесшимся к финским народам.

17 января 1942 г. К. Маннергейм издал приказ, в котором наделил соответствующими полномочиями начальников военного управления Восточной Карелии, Олонецкого и Масельгского округов, а также районных начальников, командиров армий и армейских кор-

пусов по обеспечению безопасности на оккупированных территориях. В дополнение к ранее отданным приказам 9 октября Маннергейм подписал приказ о военном управлении Восточной Карелии: на начальника управления и командиров соответствующих воинских соединений была возложена ответственность за поддержание боевой готовности и военную безопасность на своём участке, а также за предотвращение деятельности партизан и десантных групп⁵³.

Финские оккупационные власти принимали меры по расселению жителей карельской и русской национальности, ставили задачи «офицерам просвещения, учителям народных школ и священникам, работавшим в области просветительско-воспитательной работы среди населения Восточной Карелии». Финское военное управление Восточной Карелии приняло программу по работе с военнопленными родственными финнам национальностей. При условии их благонадёжности, выяснив «условия семейной жизни, возможности работы, заработка и проживания», их освобождали. Освобождение военнопленных преследовало и чисто экономическую цель – в Восточной Карелии не хватало рабочей силы («сельскохозяйственных и лесных квалифицированных рабочих, а также механизаторов»), а военнопленные могли помочь в разрешении этой проблемы.

В военном управлении Восточной Карелии действовал разведотдел, основной задачей которого был сбор сведений о советской Карелии, розыск архивов, коллекций документальных материалов и библиотек на оккупированной территории. На основании этих материалов составлялись подробные сообщения, например, о производстве смолы, добыче пегматитов, железной руды и запасах глины, лесопильных и шпалочных заводах Беломорско-Балтийского комбината, слюдяных разработках на горе Лейвойва и др. Изучалось рыбное хозяйство Онежского озера, Свири, внутренних озёр и Беломорья, сельское, лесное и гидрологическое хозяйство, систематизировались справочные библиотеки, составлялись личные карточки советских работников. Обобщались сведения о климате Беломорья и Кольского полуострова, итогах переписи населения 1939 г., о состоянии промышленных предприятий, в частности о работе Беломорско-Балтийского комбината и др. В Петрозаводске были собраны материалы Карельского центрального архива, отчёты республиканского правительства, документы обкома партии, архивы хозотдела Совнаркома, 18-й Ярославской дивизии и 56-го стрелкового полка. Подверглись ревизии книжный склад государственного издательства, библиотека Карельского государственного музея и др.

Офицеры военного управления уничтожали книги, которые, по их мнению, не представляли интереса. В то же время начальник финского

Масельгского окружного штаба 21 декабря направил письмо местным оккупационным властям о необходимости сохранения документальных материалов, предложив брать на хранение всю встречавшуюся в районе трофейную литературу, а также сохранять ранее забракованные книги. Для сохранения литературы, связанной с Финляндией, по 1 экземпляру каждой книги направлялось в библиотеку университета. К марту 1942 г. книжный фонд в здании университета составил, по приблизительным данным, 600 тысяч томов⁵⁴.

Любая публикация сведений о Восточной Карелии, особенно о прошлых и настоящих условиях жизни, направлялась в отдел цензуры Главной квартиры финских войск или же для просмотра в штаб военного управления Восточной Карелии. Без одобрения штаба вообще запрещалась публикация затрагивавших его новостей и материалов.

Финская разведка против Красной армии и НКВД

Архивные документы свидетельствуют, что тесное сближение разведывательных служб Финляндии и Германии началось с 1936 г. Финляндия была третьей страной после Венгрии и фашистской Италии, которая в 1936 г. заключила договор о сотрудничестве со спецслужбами нацистской Германии⁵⁵.

Укреплению сотрудничества во многом способствовал визит руководителя абвера адмирала В. Канариса⁵⁶. В дальнейшем глава абвера и его ближайшие помощники – Г. Пиккенброк⁵⁶ и Ф. Бентивеньи – неоднократно встречались с руководством финской разведки, обмениваясь информацией и разрабатывая планы совместных действий против СССР. Зимой 1941/42 гг. генерал-лейтенант Пиккенброк и адмирал Канарис выезжали в Финляндию. Важно отметить, что высокопоставленные офицеры немецкой разведки были приняты маршалом К. Маннергеймом.

Г. Пиккенброк в 1945 г., после задержания контрразведкой «Смерш», откровенно рассказал на допросе: «Мы получали информацию от разведок пограничных с Россией стран, как, например, Финляндия и Эстония, которые по заданиям германской разведки засылали в Россию своих агентов. С целью выяснения интересующих нас вопросов мы давали задания ехавшим в Россию рабочим, мастерам, инженерам. По возвращении из России эта категория людей сообщала о своих наблюдениях, которые касались большей частью предприятий, в которых соответствующему лицу приходилось работать. Такая информация давала нам довольно полное представление о русском военном хозяйстве»⁵⁸.

О том, что финская военная разведка регулярно предоставляла информацию для германской разведки, говорил и бывший военный атташе Х. Кичман. Например, он рассказал, что в начале 1942 г. получил от представителей финской разведки информацию об исключительно

тяжёлом положении жителей блокированного немцами Ленинграда: продукты питания выдавались с перебоями и в мизерном количестве, люди страдали от голода и холода несмотря на организованное снабжение города по воздуху и через Ладожское озеро. Летом 1942 г. Кичман получил разведанные о состоянии перевозок советских войск и военных материалов на Мурманской железной дороге⁵⁹.

На территории Финляндии с согласия финской разведки в середине 1939 г. абвером был создан германский разведывательный и контрразведывательный орган «Кригсорганизацион Финляндия» (КОФ), условно именованный «Бюро Целлариуса»⁶⁰. «Кригсорганизацион Финляндия» подчинялся непосредственно управлению «Абвер-Заграница». В штате КОФ состояло от 50 до 70 сотрудников, главным образом немцев. Общее руководство КОФ осуществлял фрегаттен-капитан Александр Целлариус. Основная задача КОФ накануне Великой Отечественной войны заключалась в проведении разведывательной работы против Советского Союза, в частности в сборе данных о Балтийском флоте, частях Ленинградского военного округа и ленинградской промышленности.

Накануне войны отделения финской военной разведки в городах Рованиеми, Петсамо и Салла активно вели разведывательную работу на кандалакшском и мурманском направлениях, добывая сведения о дислокации частей и соединений Красной армии в пограничной полосе, их техническом оснащении, состоянии ВВС и ПВО, оборонительных сооружениях, дислокации пограничных частей НКВД, а также информацию о масштабах и характере работ по укреплению пограничной полосы. Особую активность финская разведка проявляла на территории, отошедшей к СССР после перемирия в советско-финляндской войне в марте 1940 г. Финскую разведку интересовали места дислокации воинских частей, строительство военных сооружений и укрепленных районов, расположение штабов воинских частей, военных складов и баз.

С первых дней войны финская и германская разведки направляли своих агентов в тыл Карельского фронта с целью проведения разведывательной и диверсионной деятельности, в основном на железных дорогах. Особый интерес для иностранных разведок представлял Архангельск, в связи с тем что туда с конца августа 1941 г. стали прибывать транспорты союзных конвоев из США и Великобритании с боевой техникой и военным имуществом⁶¹.

КОФ совместно с финской разведкой осуществлял заброску агентов в глубокий и ближний тыл Карельского и Ленинградского фронтов. В распоряжение КОФ поступали агенты, окончившие разведывательно-диверсионную школу в г. Рованиеми и способные действовать в условиях севера. Основную разведывательную работу против СССР вели

финские разведывательные органы. Финские разведчики хорошо знали советскую территорию, переправы и труднопроходимые места; имели свою агентуру из числа финнов и карелов – граждан СССР; многие из них имели родственные и иные связи.

Начиная с 1942 г. финны перешли к ведению разведки в тылу Красной армии с помощью тщательно подготовленных и вооружённых боевых групп, которые были укомплектованы проверенными и преданными националистической идеологии сотрудниками.

Для этого при 2-м отделе генштаба финской армии был создан разведывательно-диверсионный отряд – «Отдельный партизанский батальон». Численность его составляла примерно 700 человек. В батальон входили четыре роты: две роты были дислоцированы в г. Каяни, зоной их ответственности являлся северный участок Карельского фронта; одна рота – в районе г. Петрозаводска – южный участок Карельского фронта; одна рота, приданная Рованиемскому отделению разведки для действий на кандалакшском направлении и в районе Петсамо (Мурманская область). Указанные подразделения формировали разведывательно-диверсионные группы численностью от 5 до 30 человек.

Перед группами ставились следующие задачи: проникновение в советский тыл на глубину до 150 км и сбор информации визуальным путём (наблюдение за шоссевыми и железными дорогами, фотосъёмка военных объектов, сбор сведений о фортификационных сооружениях, фиксация передвижения частей армии и войск НКВД); захват пленных и их разведывательный опрос; проведение диверсионных и террористических актов. Особый интерес представляла Кировская железная дорога, находившаяся под охраной войск НКВД и подразделений железнодорожной милиции Наркомата внутренних дел. В состав разведывательно-диверсионных групп включались проводники и переводчики из числа коренных жителей Карелии. Связь с центром поддерживалась через портативные радиостанции. «Отдельный партизанский батальон» активно действовал на протяжении всей войны.

С 1941 г. финская разведка приступила к усиленной вербовочной работе среди советских военнопленных. Их изучение начиналось с пересыльных лагерей, располагавшихся вблизи линии фронта. В каждом лагере находился офицер финской разведки, как правило, владевший русским языком. Он допрашивал всех вновь прибывших, составляя впечатление о каждом по поведению при допросе. Вербовка проводилась после тщательной и всесторонней проверки непосредственно в лагерях, «с учетом трёх моментов: в плен сдался добровольно; при первичных допросах выдал все известные ему военные тайны; в лагере проявлял себя как враждебный советской власти человек». Финская разведка, с одной стороны, тщательно фиксировала, протоколировала, докумен-

тировала все эти моменты, а с другой – всячески поощряла вербуемых, создавая для таких лиц льготные условия, которые не только не скрывались, но и афишировались⁶².

Разведывательную работу на мурманском, кестеньгском и кандалакшском направлениях вело Лапландское отделение финского генштаба, дислоцировавшееся в Рованиеми. Особым отделом НКВД 14-й армии 14 апреля 1942 г. была арестована группа агентов финской разведки, состоявшая из бывших красноармейцев, находившихся в финском плену, – И.И. Аристова⁶³, М.И. Вербицкого⁶⁴ и И.Г. Шабанова⁶⁵. При задержании у разведчиков были изъяты деньги, личное оружие, а также снотворное вещество в таблетках и ампулах. Каждый агент был снабжён красноармейской книжкой на вымышленную фамилию и справками с печатью эвакуогоспиталей № 990 и № 1443 о том, что находился на лечении и освобождён от строевых занятий сроком на 15 дней с амбулаторным лечением в батальоне выздоравливающих в г. Мурманске. Арестованные агенты имели задание проникнуть в Мурманск и собрать сведения о расположении воинских частей, штабов, аэродромов, складов, а также сведения о перевозках, осуществлявшихся через порт⁶⁶. На допросах Аристов, Вербицкий и Шабанов показали, что были завербованы в лагере для военнопленных под г. Олу, затем прошли подготовку в разведшколе под г. Рованиеми. Они назвали 10 других агентов финской разведки, проходивших обучение вместе с ними.

Заброской агентов в тыл Карельского фронта занималось отделение разведывательного отдела генерального штаба финской армии, дислоцировавшееся юго-западнее г. Суомуссалми. Оно вело усиленную разведку подступов к городам Беломорск и Онега и железнодорожной магистрали Беломорск-Обозерская. Разведку интересовали количество путей на станциях Беломорск, Сумповад, Нюхча, Малошуйка и Вонгуда, состояние и загруженность железнодорожных путей, организация их охраны, оборудование и система охраны моста в районе ст. Вонгуда. Собиралась информация о местах дислокации штаба фронта, руководства республики и его учреждений⁶⁷, наличии воинских частей в г. Беломорске, расположении складов, баз, зенитных батарей и аэродромов, о пропускной способности портов в Беломорске и Онеге, количестве кранов, их грузоподъёмности, с каким грузом и из каких стран прибывают пароходы, каково состояние дорог и оборонительных сооружений на конкретных направлениях.

Летом и осенью 1942 г. финская разведка наиболее активно забрасывала своих агентов на территорию Архангельской, Вологодской и Мурманской областей. Перед Особыми отделами НКВД Архангельского военного округа, Ленинградского и Карельского фронтов, управлений НКВД по Архангельской, Вологодской и Мурманской областям стояла

задача по розыску и задержанию агентов финской разведки, прошедших обучение в Петрозаводской школе разведчиков и диверсантов⁶⁸ и переброшенных в тыл Красной армии. Фактов, свидетельствовавших о направлении агентов финской разведки, было более чем достаточно.

Некоторые агенты финской разведки из числа советских военнопленных, оказавшись на советской территории, добровольно являлись в органы НКВД и заявляли, что они переброшены сюда финской разведкой для шпионской деятельности. Например, 1 сентября 1942 г. явился с повинной А.В. Сметанин⁶⁹, который заявил, что, будучи в плену в Финляндии, был завербован финской разведкой и переброшен с заданием сбора шпионских сведений в Архангельскую область.

2 сентября на территории Коношского района, в 20 км от железной дороги, приземлилась группа финских парашютистов. Органы НКВД организовали розыск агентов противника, но обнаружить их не удалось. В лесу были найдены 12 парашютов, две резиновые лодки и запас продовольствия. 5 сентября около 5 часов на перегоне между станциями (участок Архангельск – Плесецкая) под движущимся товарным поездом, гружённым лесоматериалами, произошёл взрыв. При крушении сошли с рельсов и были разбиты паровоз и шесть вагонов⁷⁰.

Финские разведывательные органы наряду с использованием советских военнопленных прибегали к вербовке агентов из числа жителей оккупированных районов Карелии. Привлекались лица, скомпрометировавшие себя как активные пособники финских властей. В большинстве случаев такие агенты после непродолжительной подготовки под видом перебежчиков, не пожелавших оставаться на оккупированной территории, переходили линию фронта. Они снабжались легендами, рассчитанными на относительно свободную легализацию в советском тылу. Задачи, которые ставили перед агентами, не требовали специальной подготовки, навыков и умений. В основном такие агенты проводили подрывную идеологическую работу путём распространения провокационных и панических слухов, собирали сведения о передвижении частей Красной армии и войск НКВД, численности гарнизонов пограничных и внутренних войск НКВД. Эта категория агентов активно использовалась лишь в 1941–1942 гг.

Для подготовки агентов с задачами сбора разведывательной информации и проведения диверсионных актов были созданы две разведывательные школы в Петрозаводске и Рованиеми (при Лапландском отделении разведки). Обучение длилось от 2,5 до 9 месяцев. В программу подготовки обязательно включалось изучение радиодола. После завершения курса обучения агентов, снабжённых необходимыми документами прикрытия и легендами, перебрасывали в советский тыл группами по 2–3 человека, обычно под видом военнослужащих.

Задания, как правило, ставились следующие: собрать сведения о планах военного командования; состоянии промышленных предприятий; моральном состоянии советских военнослужащих; режиме в Архангельске и Мурманске; результатах бомбардировки этих городов. Были и более конкретные задачи: узнать, разгружаются ли большие транспортные суда в с. Териберка, каким путём оттуда грузы доставляются в Мурманск; заминирован ли Кольский залив и изменён ли фарватер; как заходят суда к восточному и западному берегу; где находятся суда тралового флота; какую продукцию выпускает завод «Севморпуть», ремонтируются ли на нём военные и транспортные корабли; расширяется ли порт, есть ли новые причалы; где находятся лагеря военнопленных финнов и немцев и др. Местное население агентам рекомендовалось использовать «втёмную». Специально подготовленным агентам поручалось проведение диверсий на транспортных коммуникациях, уничтожение складов с боеприпасами и продовольствием.

После того как финские спецслужбы стали вместо кадровых сотрудников направлять на территорию СССР агентов из числа военнопленных, эффективность их деятельности заметно снизилась. Финская разведка при засылке агентов ориентировалась на слабый контроль и беспечность, имевшие место в тылах и прифронтовой полосе, на невнимательность, слабую и неквалифицированную проверку документов на железнодорожных станциях, пристанях и дорогах⁷¹. Нередко использовались устаревшие данные о положении в СССР, поэтому по многим вопросам подготовка агентов не соответствовала реалиям, что облегчало деятельность советской контрразведки по их разоблачению. Слабым звеном была организация связи. Финская разведка, как правило, не решалась выдавать радиостанции агентам из числа военнопленных, направлявшимся в тыл Красной армии. В основном их ориентировали на возвращение в Финляндию, однако расчёт был нереальным, и начальник Лапландского отделения финской военной разведки летом 1942 г. жаловался, что он засылал людей на Север, и всё «как в помойную яму».

Часть заброшенных в тыл агентов финской разведки из числа бывших советских военнопленных, не приступая к выполнению заданий, являлась с повинной в органы НКВД. Так, например, 18 августа и 1 сентября 1942 г. в Управление НКВД по Архангельской области явились три агента-парашютиста финской разведки в форме военнослужащих Красной армии, имевшие при себе фиктивные документы, с заданием разведывательно-диверсионного характера.

В 1941 и 1942 гг. финская разведка направила в тыл Карельского фронта 87 разведывательно-диверсионных групп. Из них 33 группы были уничтожены при попытке перехода линии фронта; 23 группы были задержаны подразделениями войск НКВД по охране тыла фронта,

а также особыми отделами НКВД Архангельского военного округа, Ленинградского и Карельского фронтов, 7-й отдельной армии; 27 групп, вступив в бой, были вынуждены возвратиться, не выполнив задание, 4 группы достигли Кировской железной дороги и совершили диверсии⁷².

1 сентября 1942 г. в Коношском районе Архангельской области с самолёта на парашютах была десантирована группа агентов финской разведки в составе 13 человек, имевшая задание собрать сведения о воинских частях, аэродромах, танках, самолётах и провести диверсионные акты на железной дороге. 2 сентября радиоконтрразведкой НКВД СССР была зафиксирована работа двух нелегальных радиостанций в районе Каргополь – Няндомы – Вытегра. Обе станции поддерживали связь с центром финской разведки в Петрозаводске и между собой. 5 сентября эта группа в Плесецком районе Архангельской области на 941-м километре Северной железной дороги провела минирование железнодорожного полотна, в результате произошло крушение товарного поезда. От взрыва паровоз и четыре вагона сошли с рельсов, в пяти вагонах, гружённых лесом, возник пожар. Место крушения было обстреляно из автоматов, машинист поезда убит. Отступая, диверсанты заминировали пути отхода, подорвали железнодорожную стрелку и убили стрелочницу. 16 сентября на том же 941-м километре, на вновь построенной линии, на mine подорвался паровоз товарного поезда, гружённого мукой, получив незначительные повреждения⁷³.

Для ликвидации действовавших в районах Архангельской области финских диверсантов был разработан план организационных и оперативно-розыскных мероприятий, утверждённый 27 сентября 1942 г. замнаркома внутренних дел СССР Б.З. Кобуловым⁷⁴, начальником 2-го управления НКВД П.В. Федотовым⁷⁵ и заместителем начальника транспортного управления НКВД С.Р. Мильштейном⁷⁶.

Из Москвы в Архангельск на самолёте была направлена группа ответственных работников НКВД СССР. В города Коноша, Вытегра, Каргополь, Няндомы, Плесецк были командированы сотрудники 2-го (контрразведывательного) управления НКВД СССР, которые совместно с районными отделениями и дорожно-транспортными отделениями УНКВД по Архангельской области приступили к оперативному розыску.

В качестве агентов-маршрутников использовались местные охотники, рыбаки и звероловы, были взяты под контроль места вероятного нахождения диверсантов: рабочие посёлки и прилегающие к железным дорогам населённые пункты.

Для розыска диверсантов и предупреждения диверсий на Кировскую и Северную железные дороги выехали сотрудники транспортного

управления НКВД СССР, которые были распределены по важнейшим станциям: Коноша, Нядома, Емца, Обозерская, Плесецкая, Вожега.

Замнаркома внутренних войск А.Н. Апполонову⁷⁷ было предписано принять «немедленные меры к укомплектованию железнодорожных войск НКВД по охране железнодорожных магистралей и сооружений по линиям Вологда – Архангельск и Обозерская – Мурманск до штатной положенности». Принимались меры к обеспечению надёжной охраны Малошуйского и других мостов, а также подходов к ним. Важное значение придавалось работе трёх радиоконтрразведывательных групп НКВД СССР, находившихся в Архангельской области⁷⁸.

В поиске диверсантов участвовали оперативные, милицейские подразделения и истребительный батальон УНКВД по Архангельской области, части Красной армии и внутренних войск НКВД, подразделения железнодорожной охраны и охраны Каргопольского и Северодвинского исправительно-трудовых лагерей.

В результате был выявлен район нахождения агентов, совершивших диверсионные акты, и установлено наличие двух других групп в Каргопольском районе Архангельской области. 8 октября 1942 г. группы диверсантов были ликвидированы, во время операции 4 диверсанта были убиты, 9 – захвачены.

В ходе операции изъято 5 баз с продовольствием и снаряжением, 2 коротковолновые радиостанции, аппарат для подслушивания телефонных переговоров, шифры и коды, 9 немецких автоматов, 15 пистолетов, одна винтовка и 134 тысячи патронов. Кроме того, был подбит и захвачен гидросамолёт «Хейнкель-115», присланный для эвакуации диверсантов с советской территории⁷⁹.

В течение 1942 г. на территорию Вологодской области противником было заброшено семь диверсионных групп. 24 немецких и финских разведчика-диверсанта были обезврежены силами истребительных батальонов и УНКВД по Вологодской области.

Так, 13 августа 1942 г. службой ВНОС⁸⁰ в 30 км юго-восточнее г. Вытегра Вологодской области была замечена высадка с финского самолёта четырёх парашютистов. 16 августа в том же районе финский самолёт сбросил на парашютах два металлических баллона, которые были найдены поисковой группой НКВД. В баллонах находилось около 150 кг различных продуктов питания (консервы, галеты, сухари, сахар и др.).

В ночь на 16 августа в 40 км западнее Вологды появился ещё один финский самолёт и сбросил на грузовых парашютах два баллона с радиостанцией и запасом батарей, продуктами питания, патронами, обмундированием и питательными концентратами⁸¹. Жёсткое сопротивление за линией фронта продолжалось весь год.

Что знала Москва о положении в Финляндии

Для доклада И.В. Сталину, В.М. Молотову и советскому военному руководству в 1942 г. информация о правительстве, политических партиях, армии, специальных службах и общественных организациях Финляндии добывалась резидентурой НКВД СССР в Хельсинки, разведывательными подразделениями пограничных войск, а также контрразведывательными подразделениями и особыми отделами НКВД. Очень ценными были данные, которые поступали из резидентур внешней разведки, действовавших в Лондоне и Стокгольме.

Так, по каналам советской разведки были получены данные, что 13 февраля 1942 г. на заседании руководства Социал-демократической партии Финляндии было предложено разослать низовым организациям секретное директивное письмо об отношении партии к войне. Далее приводилось его содержание: «Участие Финляндии в войне было вынужденным. Своих военных целей в этой войне Финляндия достигла, поэтому сейчас необходимо стремиться к миру, который обеспечил бы стратегические границы Финляндии. Дальнейшее продвижение финских войск партия считает бессмысленным. Кроме того, партия возражает против колонизации Карелии в настоящее время, считает преждевременным вложение капиталов, строительство школ, организацию столицы, проведение переселения и пр., так как разрешение этих вопросов будет зависеть от мира»⁸².

В донесении резидента говорилось: «Среди некоторых чинов финского генерального штаба существует мнение о том, что финская армия должна отказаться от дальнейшего наступления в связи с ухудшающимся моральным состоянием армии. В армии продолжает наблюдаться массовое дезертирство и отказ солдат идти в наступление, причём таких солдат уже не расстреливают и не сажают в тюрьму, а просто отправляют домой с удостоверением «отпущен до суда». Для «укрепления духа армии» финское правительство в декабре 1941 г. призвало в армию лиц 17-летнего возраста.

Между экспортёрами леса и правительством назревает серьёзный конфликт, из-за того что «немцы заставляют продавать лес по низким ценам, не покрывающим даже себестоимости, а правительство настаивает на удовлетворении требований немцев под тем предлогом, что иначе немцы не дадут угля и хлеба. Весенняя посевная кампания будет сорвана, так как не хватает людей, тягловой силы и удобрений. Удобрения раньше получали из Германии, но сейчас в связи с транспортными затруднениями получена только небольшая часть. Продовольственное положение в стране продолжает ухудшаться. С конца февраля в Хель-

синки нет продажи хлеба. Питание населения состоит из картофеля и, в лучшем случае, рыбы. Отмечается ухудшение питания и в армии. Правительство успокаивает население, заявляя, что это временное явление из-за льдов и транспортных затруднений»⁸³.

В марте 1942 г. из разведки поступила информация о том, что финское правительство, надеясь на успех немецкого весеннего наступления, считает необходимым продолжать войну. Зарубежные источники отмечали, что в финском правительстве нет ни одного человека, который желал бы заключения мира с Советским Союзом любой ценой. В то же время среди финских общественных деятелей и бывших членов правительства имелась довольно большая группа, которая стремилась к скорейшему заключению мира с СССР. В эту группу, по мнению источников советской разведки, входили Ю. Паасикиви, М. Пеккала, В. Котилайнен, Яренфельд – бывший посланник в США, и др. Эта группа была связана с крупными экспортёрами леса. Представители советской разведки считали, что Ю. Паасикиви в последнее время снова стал играть роль в политической жизни страны, но он выступал «за заключение мира при некоторых условиях, а не любой ценой, желая таким образом создать себе популярность». По вопросу дальнейшего участия Финляндии в войне Таннер занимал двойственную позицию. На заседаниях правительства и парламента он выступал за продолжение войны, а на социал-демократических собраниях обещал скорый мир и представлял себя сторонником мира⁸⁴.

Советская внешняя разведка информировала об «остром недостатке в людях», который испытывала финская армия. Потери с начала боевых действий составляли только убитыми 60 тысяч человек. На отдельных участках фронта ощущалась нехватка личного состава. Солдаты старшего призывного возраста заявляли, что война им надоела, уверенности в победе у них нет и воевать они больше не хотят. Они требовали отправки домой. Командование вынуждено было отпустить этот контингент, а взамен были присланы юнцы 17–19-летнего возраста. Заметно снизился уровень дисциплины в войсках, ухудшилось питание. Финские солдаты были возмущены тем, что питание у немецких войск несравненно лучше, чем у них. Они не рассчитывали на победу Гитлера, но очень боялись победы СССР и мечтали о победе «англо-американской демократии, которая, по их мнению, обеспечит мир в Финляндии»⁸⁵.

По информации Особого отдела НКВД 7-й отдельной армии, 6 февраля 1942 г. на участке 7-й стрелковой роты 536-го стрелкового полка 114-й стрелковой дивизии из окопа со стороны противника был поднят белый флаг, вслед за которым вышли три финских солдата.

«Однако бойцы нашей роты посчитали эти действия провокацией противника и открыли ружейный огонь, в результате которого два финна были убиты. 7 февраля аналогичный случай повторился снова, уже на участке 8-й роты этого же полка, где противник, продержав около 15 минут белый флаг, поднял красный. Солдаты из окопа не показывались. С нашей стороны никаких действий не предпринималось. 8 февраля на участке обороны 536-го стрелкового полка пятеро финнов с поднятыми белыми флагами снова пытались перейти на нашу сторону. В этом случае по противнику также был открыт ружейный огонь. Два солдата были убиты, остальные, забрав трупы, вернулись обратно. Такие действия солдат противника происходят обычно после проводимой политотделом армии, через специальную радиустановку, агитации за переход финнов на сторону наших войск. Особым отделом проинформирован Военный совет 7-й отдельной армии»⁸⁶.

9 марта на восточный берег Онежского озера, в районе устья р. Водлы и поселка Бесов Нос Пудожского района Карело-Финской ССР, прорвался отряд белофиннов численностью 80 человек. Для его розыска и ликвидации выступили партизаны Пудожской бригады НКВД и батальон пограничников. 10 марта одна группа белофиннов была обнаружена и уничтожена партизанами в районе пос. Шала (90 км восточнее Петрозаводска). Вторая группа натолкнулась на засаду пограничников и в результате боя отошла на остров Василиси, где и была ликвидирована партизанами. Всего в бою было уничтожено 65 белофиннов, из них три офицера, и взято в плен 15 белофиннов; захвачено оружие, в том числе 22 автомата и один пулемёт. Пленные доставлены в Пудож⁸⁷.

5 мая 1942 г. советская разведка получила информацию о подготовке германских войск к наступлению на финском фронте: «Перед немецкими егерскими и финскими частями поставлена задача взять Сороку. Для захвата Ленинграда они намереваются обойти город с севера, через Тихвин и Вологду, чтобы заставить Ленинград сдать-ся». Немцы требовали, чтобы «финское правительство для совместного с ними наступления на Ленинград выделило свои лучшие части. Финны недовольны немецким планом наступления на Ленинград, которое, по их мнению, затянется до зимы и грозит самой большой опасностью для Финляндии». По данным советской разведки, финские деловые круги ждали серьёзных неудач немцев, чтобы потребовать выхода Финляндии из войны⁸⁸.

В мае 1942 г. советская внешняя разведка проинформировала И.В. Сталина: «Маннергейм считал, что финны не должны проявлять активности на фронте, а тем более продвигаться вперед. Он, например, отказался от наступления на Беломорск». По данным советской развед-

ки, в кругах социал-демократической партии много говорят о том, что нужно сменить правительство⁸⁹.

10 мая 1942 г. Берия направил Сталину и Молотову информацию, полученную от резидента НКВД СССР в Стокгольме, с изложением оценки шведскими политическими деятелями положения в Финляндии⁹⁰. В записке, в частности, говорилось, что правительство Финляндии находится фактически в руках президента Рюти, министра иностранных дел Виттинга и министра торговли и промышленности Таннера, которые полностью зависят от немцев, а другие члены правительства роли не играют. В оппозиции к группе лидеров находятся преимущественно представители промышленных и финансовых кругов, которые видят спасение Финляндии в скорейшем выходе её из войны. Лидерами оппозиции можно считать министра обороны К. Вальдена⁹¹, директора одного из финляндских банков Хонкайуури и министра финансов М. Пеккала. Политической фигурой оппозиции является Ю. Паасикиви. В оппозиции к правительству стоит также Шведская народная партия Финляндии. Всё правление социал-демократической партии, за исключением Таннера и его партийного помощника А. Аалтонена, также высказывается за выход Финляндии из войны. Социал-демократы много говорят о том, что существующее правительство нужно сменить и во главе нового поставить Ю. Паасикиви, но ничего практического в этом направлении не делают.

К. Маннергейм, считая, что финская армия не должна проявлять активности на фронте и тем более наступать, отказывается от наступления на Сороку. Немцы в связи с этим стали оказывать на него сильное давление. Но Маннергейм, ненавидя немцев, решил не покидать своего поста главнокомандующего финской армией до тех пор, «пока не выгонит немцев из страны». Вальден и другие считают, что только Маннергейм может воспрепятствовать передаче финского штаба и командования армией в подчинение немецкому командованию. По мнению министра финансов Финляндии Пеккала, «советская пропаганда, выступая с нападками против Маннергейма, поступает неправильно, так как с ним можно будет договориться, когда ему придется выбирать одно из двух: или мир с Советским Союзом, или окончательная оккупация Финляндии немцами»⁹².

По данным советской разведки, 15 июля немцы предполагали начать большое наступление на севере Финляндии. «В районе никелевых рудников в Петсамо сосредоточены крупные резервные танковые части, которые тщательно замаскированы. Финские части, за исключением 1-го полка, на этом участке фронта заменены немецкими»⁹³.

Осенью 1942 г. советская разведка сообщила, что настроения среди финских военных и отдельной части представителей финской

интеллигенции стали меняться. 30 сентября 1942 г. Берия направил Сталину и Молотову информацию, полученную от резидента НКВД СССР в Лондоне. По данным, поступившим в английскую военную разведку, финский генштаб полагает, что «Германия не закончит войну против СССР в 1942 г., и поэтому намеревается вести только оборонительные операции. Финны принимают меры для снижения своих потерь и удержания ими занятой оборонительной линии с использованием минимального количества войск. На Карельском перешейке сейчас немецких воинских частей не имеется»⁹⁴.

Советская разведка в октябре 1942 г. со ссылкой на директора отдела прессы МИДа Финляндии и редактора финской газеты «Суомен социалидемократти», близко стоявшего к Таннеру, сообщала, что «Финляндия находится в чрезвычайно тяжёлом положении, в победу Германии не верит и хотела бы выйти из войны». Социал-демократы и аграрии настроены на мир и предполагают предпринять в ближайшее время соответствующие шаги, но они «хотели бы знать мнение СССР по этому вопросу»⁹⁵.

Спустя несколько недель, 10 ноября 1942 г., Берия проинформировал о том, что на праздничном приёме 7 ноября в Стокгольме главный редактор шведской газеты «Социал-демократен» Рикард Линдстрем сказал советскому резиденту, что он предложил своим финским друзьям – посланнику в Швеции, министру социального обеспечения и директору отдела прессы МИДа – быть посредниками для подготовки предварительных финско-советских мирных переговоров. Финны заинтересовались этим предложением, запросили своё правительство и ждут инструкций из Хельсинки. Р. Линдстрем просил нашего резидента, после получения ответа от финнов, встретиться и выслушать его. На этом же приёме один из лидеров шведских профсоюзов также выразил желание встретиться с нашим резидентом в другой обстановке, намекнув, что финны проявляют желание выйти из войны. Берия просил Сталина и Молотова дать указания, каково должно быть поведение резидента⁹⁶.

В донесении разведки от 16 ноября, в частности, отмечалось, что негативное отношение Маннергейма к немцам усиливается. Так, Маннергейм отменил поездку секретаря финского рабочего спортивного союза в Германию для участия в «конгрессе европейской молодёжи» и запретил выехать в Германию финским спортсменам-борцам, хотя оба мероприятия готовились с одобрения правительства. Маннергейм весьма иронически отзывался и о сделанном к юбилею подарке Гитлера – бронев автомобиле; он говорил, что, находясь среди своих солдат, не нуждается в таком подарке⁹⁷.

23 декабря Берия вновь проинформировал Сталина и Молотова о том, что в Швеции и других скандинавских странах считают,

что Германия проиграет войну, а «Россия удержится на ногах и будет участвовать в заключении мира, хотя будет очень ослаблена». Резидента НКВД в Стокгольме вторично попросили о встрече для конфиденциальной беседы о политическом положении в Финляндии, настроениях оппозиционных политических групп и их стремлении к изысканию возможностей для предварительных финско-советских мирных переговоров. Первый раз эти лица обратились к резиденту с теми же предложениями 7 ноября 1942 г. Резиденту было предложено пока воздержаться от встречи. Берия вновь просил указаний Сталина и Молотова⁸.

Но в Финляндии в 1942 г. по-прежнему у власти были те, кто все ещё надеялся на победу Германии во Второй мировой войне или, по крайней мере, на завершение этой войны так же, как Первой мировой войны, то есть «вначале проиграет Россия, а затем Германия». Как писал в своём дневнике Ю. Паасикиви, «в современной международной политике исходят из предпосылки, что всякое государство желает получить возможно больше выгод за счёт другого, что всякое подстерегает другое именно с этим намерением. Из этого – подозрительность (подлость), постоянный страх со стороны малых государств. Не сотрудничество, а война всех против всех является руководящим принципом, руководящей нитью. Пока царит такое положение, никакого улучшения жизни не произойдёт [...]». Основная внешнеполитическая задача для Финляндии – не допустить разрыва отношений с США, а также попытаться улучшить отношения со Швецией, которая «может быть для Финляндии полезной и политически»⁹.

Финская армия не готовилась участвовать в наступлении ни на Ленинград, ни на Мурманскую железную дорогу, считая это делом немцев. В то же время Финляндия не намеревалась выходить из войны до тех пор, пока в стране находятся немецкие войска. Финские политики, военные и общественные деятели по-прежнему полагали необходимым продолжать войну с Советским Союзом, поддерживая фронт стабильным.

Примечания

¹ На декабрь 1941 г. численность гражданского населения, проживающего на оккупированной территории, составляла 86 119 человек, в том числе «национального населения» (финно-угорского) – 35 919 человек, русских и представителей других народов, не относящихся к финно-угорским народам, – 50 200 человек. См.: *Веригин С.Г.* Карелия в годы военных испытаний : Политическое и социально-экономическое положение советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. – Петрозаводск, 2009. – С. 309.

² *Паасикиви Ю.К.* Дневники : Война продолжение : 11 марта 1941 – 27 июня 1944. – СПб., 2004. – С. 155–156.

³ Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867–1951) – финский государственный и военный деятель, барон, фельдмаршал (1933). Окончил Гельсингфорский университет (1887)

и Николаевское кавалерийское училище (1889). Главнокомандующий финской армией в войне против СССР в 1939–1940 и 1941–1944 гг. В августе 1944 – марте 1946 г. президент Финляндии.

⁴ Паасикиви Ю.К. Указ. соч. – С. 172, 208.

⁵ Рюти Ристо Хейкки (1889–1956) – финский государственный деятель. Один из лидеров Прогрессивной партии Финляндии; в 1919–1922 и 1927–1929 гг. избирался депутатом парламента. Министр финансов (1921–1924), председатель административного совета Банка Финляндии (1923–1939). В 1940 г. подписал Берлинский пакт, по которому Финляндия взяла на себя обязательство принять участие в боевых действиях против СССР на стороне Германии. С сентября 1940 г. президент страны. В 1946 г. по обвинению в сотрудничестве с нацистами приговорён финским судом к 10 годам тюремного заключения. В 1949 г. освобождён по состоянию здоровья.

⁶ «Käymme omaa erillistä sotaamme»: Risto Rytin päiväkirjat 1940–1944. – Helsinki, 2006. – S. 212; Маннергейм К.Г. Мемуары. – М., 1999. – С. 437–438.

⁷ Виттинг Рольф Йохан (1879–1944) – финский государственный деятель, дипломат, доктор философии. В 1934–1936 гг. сотрудник МИДа Финляндии. Министр иностранных дел (1940–1943).

⁸ Центральный архив (далее ЦА) ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 16. Л. 284.

⁹ Паасикиви Юхо Кусти (1870–1956) – финский государственный деятель. Премьер-министр Финляндии (1918; 1944–1946). С 1946 г. президент Финляндии.

¹⁰ Паасикиви Ю.К. Указ. соч. – С. 222.

¹¹ Грипенберг Георг Ахатес (1890–1975) – дипломат, в МИДе Финляндии с 1918 г. Посланник Финляндии в Великобритании (1933–1942), в Ватикане (1942–1943), в Швеции (1943–1956), в ООН (1956–1958).

¹² «Käymme omaa erillistä sotaamme»... – S. 195–196.

¹³ Иден Энтони Роберт (1897–1977) – британский государственный деятель и дипломат, один из лидеров консервативной партии, член палаты общин, министр по делам доминионов (сентябрь 1939 – май 1940), военный министр (май – декабрь 1940), министр иностранных дел (декабрь 1940 – июнь 1945). Премьер-министр Великобритании (1955–1957).

¹⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов: В 8 т. Т. 3: В 2 кн. Кн. 1. – М., 2003. – С. 71.

¹⁵ Там же. – С. 72–73.

¹⁶ Валленберг Маркус (1899–?) – шведский финансист, с 1946 г. управляющий директор одного из крупнейших шведских банков – «Стокгольме Эншильда банкен». Двоюродный дядя Рауля Валленберга. Маркус и его брат Якоб входили в состав правлений и наблюдательных советов почти 50 шведских фирм. Среди них находился ряд фирм, которые были либо филиалами соответствующих американских компаний, либо находились в тесной связи с США, напр., «Гудиер», «Интернэшнл харвестер компани», «Свенска – Америка-лайн», «Мексико телефон Эрикссон». В то же время Валленберги поддерживали теснейший контакт с немецкими монополиями, в том числе с «ИГ Фарбениндустри», «Бош» и др.

¹⁷ Паасикиви Ю.К. Указ. соч. – С. 144–149.

¹⁸ История Второй мировой войны: 1939–1945: В 12 т. Т. 5. – М., 1975. – С. 89.

¹⁹ Органы государственной безопасности...: Т. 3.: Кн. 1. – С. 511.

²⁰ Паасикиви Ю.К. Указ. соч. – С. 203–204.

²¹ Гюнтер Кристиан (1886–1966) – шведский дипломат. В 1937–1939 гг. посланник в Осло, в 1939–1945 гг. министр иностранных дел Швеции. Посол в Риме (1946–1950).

²² ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 16. Л. 4–5.

²³ Таннер Вяйне Альфред (1881–1966) – финский государственный деятель, лидер социал-демократической партии. Премьер-министр Финляндии (1926–1927), министр финансов (1937–1939; 1942–1944), министр иностранных дел (1939–1940), министр торговли (1940–1942). В 1946 г. осуждён на пять с половиной лет лишения свободы. В 1948 г. амнистирован.

²⁴ Вайцзеккер Эрнст фон (1882–1951) – германский дипломат, бригаденфюрер СС. С 1920 г. в Министерстве иностранных дел. С 30 июня 1931 г. посланник в Осло. В 1936–1938 гг. руководитель политического отдела МИДа. С 1938 г. статс-секретарь МИДа (второе должностное лицо после министра), участвовал в заключении Мюнхенского соглашения. В 1943–1945 гг. посол в Ватикане. В 1947 г. арестован по делу бывших имперских министров, обвинён в участии в массовых депортациях французских евреев. Виновным себя не признал, приговорён к семи годам заключения (позднее срок сокращён до пяти лет). В 1950 г. освобождён по амнистии.

²⁵ Паасикиви Ю.К. Указ. соч. – С. 221.

²⁶ Хейнрикс Аксель Эрик (1890–1965) – финский военный деятель. Генерал пехоты (1941). Участник Зимней войны, командовал корпусом, а с февраля 1940 г. – армией «Карельский перешеек». С марта 1940 г. командующий сухопутными войсками. С мая 1940 г. начальник генштаба. С 29 июня 1941 г. командующий Карельской армией. В 1942–1944 гг. начальник генштаба. В январе – апреле 1945 г. командовал силами обороны Финляндии, решая задачу по разгрому немецких войск в Лапландии.

²⁷ Маннергейм К.Г. Указ. соч. – С. 412.

²⁸ Гальдер Франц (1884–1972) – генерал-полковник германской армии, начальник Генерального штаба сухопутных войск (1938–1942), в сентябре 1942 г. снят с должности, в 1945 г. уволен в отставку.

²⁹ Гальдер Ф. Военный дневник : (Июнь 1941 – сентябрь 1942). – М., 2010. – С. 552.

³⁰ Маннергейм К.Г. Указ. соч. – С. 412.

³¹ Талвела Пааво (1897–1973) – финский военный деятель. Генерал пехоты (1966). С 1927 г. начальник отдела генерального штаба. Убеждённый националист. За активную политическую деятельность уволен из вооружённых сил. Вернулся в армию в 1939 г., участвовал в Зимней войне. В июне 1941 г. командир 4-го корпуса Карельской армии, в 1942 г. командующий Карельской армией. В 1942–1944 гг. представитель главнокомандующего финской армией при германском командовании. Эмигрировал в 1946 г., вернулся в Финляндию в 1949 г. В 1951 г. создал Общество памяти Маннергейма.

³² Гальдер Ф. Указ. соч. – С. 577.

³³ Блохер Виперт фон (1883–1963) – немецкий дипломат. В 1931–1935 гг. посланник в Тегеране. В 1935–1944 гг. посланник в Хельсинки. С ноября 1944 г. в отставке.

³⁴ Рёссинг Хорст (1891–1942) – немецкий военный деятель, дипломат; генерал-майор. В годы Второй мировой войны военный атташе при германском посольстве в Финляндии.

³⁵ Кичман Хорст (1895–1975) – немецкий военный деятель; полковник. С октября 1941 по февраль 1942 г. заместитель, затем, до сентября 1944 г., военный атташе в Финляндии и Швеции. В апреле 1945 г. уволен по болезни. Задержан 24 мая 1945 г. контрразведкой «Смерш» 2-й ударной армии. Особым совещанием при МГБ СССР от 22 сентября 1951 г. «за разведывательную деятельность и активное участие в войне против СССР» заключён в тюрьму сроком на 25 лет с конфискацией имущества. 14 сентября 1955 г. освобождён и репатрирован на родину. Реабилитирован в 2001 г.

³⁶ Альбедил-Лакен Зильвиус (1899–1946) – помощник военного атташе Германии в Финляндии с мая 1941 по апрель 1942 г. В 1946 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-2 УК РСФСР, Военным трибуналом 5-й ударной армии осуждён к высшей мере наказания. Приговор приведён в исполнение 3 октября 1946 г. Реабилитирован в 2002 г.

³⁷ ЦА ФСБ России. Д. К-506190. Л. 13–13 об.

³⁸ Эрфурт Вальдемар (1879–1971) – немецкий военный деятель, генерал пехоты (1940). С июня 1941 г. представитель при Главной квартире финской армии, фактически при маршале Маннергейме. В сентябре 1944 г. отозван в Германию и назначен для особых поручений при ОКВ.

³⁹ Дитль Эдуард (1890–1944) – немецкий военный деятель, генерал-полковник (1942). С июня 1940 г. командир горнострелкового корпуса «Норвегия»; участвовал в наступле-

нии в районе Мурманска. С января 1942 г. командующий армией «Лапландия» (в июне 1942 г. переименована в 20-ю горную армию). Погиб в авиакатастрофе.

⁴⁰ ЦА ФСБ России. Д. К-506190. Л. 17 об.–18. О «Бюро Целлариуса» см. сноску 60.

⁴¹ См.: ЦА ФСБ России. Д. Р-48791. Л. 40–56; Тайны дипломатии Третьего рейха : Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену : Документы из следственных дел. 1944–1955. – М., 2011. – С. 606–617.

⁴² См.: Тайны дипломатии Третьего рейха... – С. 612–613.

⁴³ См.: ЦА ФСБ России. Д. Р-48791. Л. 40–43; Тайны дипломатии Третьего рейха... – С. 608.

⁴⁴ Гальдер Ф. Указ. соч. – С. 597.

⁴⁵ История Второй мировой войны 1939–1945... : Т. 5. – С. 238.

⁴⁶ «Käytmme omaa erillistä sotaamme»... – S. 189.

⁴⁷ Органы государственной безопасности... : Т. 3. Кн. 1. – С. 553.

⁴⁸ Гальдер Ф. Указ. соч. – С. 677.

⁴⁹ «Käytmme omaa erillistä sotaamme»... – S. 216–217.

⁵⁰ Паасикиви Ю.К. Указ. соч. – С. 217, 220.

⁵¹ Эти территории входили в состав Финляндии до 12 марта 1940 г.

⁵² Более подробно об оккупационной политике Финляндии на территории Карелии см.: Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска : 1941–1944. – Петрозаводск, 2006; Веригин С.Г. Карелия в годы военных испытаний... – С. 306–385.

⁵³ По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944 : Документы и материалы. – Петрозаводск, 1995. – С. 289.

⁵⁴ То же. – С. 231–236.

⁵⁵ Лайдинен Э.П., Веригин С.Г. Финская разведка против Советской России. – Петрозаводск, 2004. – С. 200–201; Органы государственной безопасности... : Т. 1. Кн. 1. – М., 1995. – С. 146.

⁵⁶ Канарис Фридрих Вильгельм (1887–1945) – руководитель немецкого военного разведывательного и контрразведывательного органа абвер (1935–1944), адмирал.

⁵⁷ Пиккенброк Ганс (1893–1959) – генерал-лейтенант, руководитель разведывательного отдела управления разведки и контрразведки при генеральном штабе вооружённых сил Германии (1938–1943). Арестован органами контрразведки «Смерш» 26 мая 1945 г., на момент ареста командир немецкой 208-й пехотной дивизии. В 1952 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР заключён в лагерь на 25 лет. В 1955 г. в качестве неамнистированного заключённого передан ФРГ и в том же году освобождён.

⁵⁸ См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-21105.

⁵⁹ См.: Там же. Д. Р-48791. Л. 78–79; Тайны дипломатии Третьего рейха... – С. 621.

⁶⁰ «Бюро Целлариуса» – подразделение абвера в Финляндии и Эстонии, известно по имени возглавлявшего его с 1941 г. капитана Александра Целлариуса. Организовано в 1939 г. в Хельсинки, после оккупации Эстонии передислоцировано в Таллин.

⁶¹ Платонов В.И. Записки адмирала. – М., 1991. – С. 194.

⁶² Органы государственной безопасности... : Т. 3. Кн. 1. – С. 488–489.

⁶³ Аристов Иван Иванович – 7 октября 1942 г. осуждён военным трибуналом Карельского фронта по ст. 58-16 УК РСФСР, приговорён к 10 годам лишения свободы. Умер 9 сентября 1943 г.

⁶⁴ Вербицкий Михаил Иванович – 25 июля 1942 г. осуждён военным трибуналом Карельского фронта по ст. 58-16 УК РСФСР, приговорён к высшей мере наказания.

⁶⁵ Шабанов Иван Григорьевич – 25 июля 1942 г. осуждён военным трибуналом Карельского фронта по ст. 58–16 УК РСФСР, приговорён к высшей мере наказания.

⁶⁶ Зимой 1941/42 гг. в Мурманский порт стали прибывать конвои, которые доставляли вооружение и другие грузы из США и Великобритании. В январе – феврале 1942 г. в Мурманск прибыло пять небольших конвоев. Постепенно число транспортов в составе конвоев увеличивалось. Так, если в конвое «PQ-12» входили 14 транспортов, а в следующий

за ним – 19, то конвои «PQ-16» и «PQ-17» уже состояли соответственно из 35 и 36 единиц. Всего за время войны в этом порту было разгружено около 250 судов, переработано свыше 2 млн т грузов. См.: Органы государственной безопасности... : Т. 3. Кн. 1. – С. 471–472; Платонов В.И. Указ. соч. – С. 194–195, 212.

⁶⁷ В 1942 г. временной столицей Карелии стал г. Беломорск.

⁶⁸ Петрозаводская школа разведчиков и диверсантов располагалась на окраине города в двухэтажном здании, на территории бывшего военного городка. В ней из числа советских военнопленных, завербованных финской разведкой, готовились разведчики, радисты и диверсанты.

⁶⁹ Сметанин Алексей Васильевич арестован 1 сентября 1942 г. Военным трибуналом Карело-Финского фронта 18 января 1943 г. осуждён по ст. 58-1 «б» УК РСФСР на 15 лет лишения свободы. Освобождён условно досрочно 13 октября 1954 г.

⁷⁰ После совершения диверсионного акта на поезд было произведено вооружённое нападение, обстреляна поездная бригада, подожжены 7 вагонов. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 5. Л. 106; Органы государственной безопасности... : Т. 3. Кн. 2. – М., 2003. – С. 206–207, 238–239.

⁷¹ Органы государственной безопасности... : Т. 3. Кн. 1. – С. 498.

⁷² См.: Там же : Кн. 2. – С. 94–96, 212–213.

⁷³ См.: Там же. – С. 329.

⁷⁴ Кобулов Богдан Захарович (1904–1953) – один из руководителей советских органов безопасности, генерал-полковник (1945). Замнаркома внутренних дел СССР (1941–1943), первый замнаркома НКГБ СССР (1943–1945). Осуждён по делу Л.П. Берии, расстрелян. Не реабилитирован.

⁷⁵ Федотов Пётр Васильевич (1900–1963) – один из руководителей советских органов безопасности, генерал-лейтенант (1945). Начальник 2-го Управления НКВД СССР (1941–1943), начальник 2-го Управления НКГБ – МГБ СССР (1943–1946).

⁷⁶ Мильштейн Соломон Рафаилович (1899–1955) – один из руководителей советских органов безопасности, генерал-лейтенант (1945). Начальник Главного транспортного управления НКВД СССР (1939–1941), первый заместитель начальника Управления особых отделов НКВД СССР (1941–1942), начальник транспортного управления НКВД СССР (1942–1943), начальник 3-го управления НКВД – МГБ СССР (1943–1946). Осуждён по делу Берии, расстрелян. Не реабилитирован.

⁷⁷ Аполлонов Аркадий Николаевич (1907–1978) – один из руководителей советских органов безопасности, генерал-полковник (1943). Начальник Главного управления внутренних войск НКВД СССР (1941–1942), замнаркома (1942–1946), замминистра внутренних дел СССР (1946–1948). Председатель Комитета по делам физкультуры и спорта при СМ СССР (1948–1950), замминистра госбезопасности СССР по войскам (1950–1951). Уволен в отставку по болезни в 1953 г.

⁷⁸ См.: Органы государственной безопасности... : Т. 3. Кн. 2. – С. 304–307.

⁷⁹ См.: Там же. – С. 329–330.

⁸⁰ ВНОС – войска и службы воздушного наблюдения, оповещения и связи.

⁸¹ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 3. Л. 76.

⁸² ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 7. Л. 167–168.

⁸³ Там же. Л. 168–169.

⁸⁴ Там же. Л. 166–167.

⁸⁵ Органы государственной безопасности... : Т. 3. Кн. 1. – С. 373–374.

⁸⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 6. Л. 84.

⁸⁷ Там же. Д. 7. Л. 15.

⁸⁸ Там же. Д. 10. Л. 24–25.

⁸⁹ Органы государственной безопасности... : Т. 3. Кн. 1. – С. 398.

⁹⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 10. Л. 119–120.

⁹¹ Вальден Карл Рудольф (1878–1946) – финский военный деятель и промышленник, генерал пехоты (1942), представитель Маннергейма в Государственном совете (1939–1940), министр обороны (1940–1944), член Совета обороны (1939–1944).

⁹² ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 10. Л. 120.

⁹³ Там же. Д. 2. Л. 206.

⁹⁴ Там же. Д. 15. Л. 108.

⁹⁵ Там же. Д. 16. Л. 113.

⁹⁶ Там же. Л. 229.

⁹⁷ Там же. Л. 284.

⁹⁸ Там же. Д. 18. Л. 84.

⁹⁹ Паасикиви Ю.К. Указ. соч. – С. 209, 230.

Венгрия в войне против СССР: события 1942 г.

Д-р Варга Ева Мария,

Архивный институт Культурного,
научного и информационного центра
Венгерской Республики

Венгрия встретила 1942 г. в состоянии войны с Советским Союзом, Великобританией и Соединёнными Штатами Америки. Между Венгрией и Великобританией состояние войны установилось после ультиматума британского правительства, предъявленного 7 декабря 1941 г.¹ Наверно, не будет преувеличением сказать, что один из самых трагикомических эпизодов современной венгерской истории произошёл 12 декабря 1941 г., когда премьер-министр Ласло Бардоши, уступив нажиму немецкого и итальянского правительств, объявил войну США. Вашингтон не думал об объявлении войны, так как Соединённые Штаты считали Венгрию и соседние страны вассалами нацистской Германии, в которых политика правительства не отображала мнение большинства населения. Заявление Венгрии президент Ф. Рузвельт не принял всерьёз и внёс его на рассмотрение Конгресса только через несколько месяцев².

В настоящее время большинство историков, касаясь этого момента, приводят рассказ министра иностранных дел фашистской Италии графа Галеаццо Чиано о том, что между высоким чиновником Государственного департамента США и венгерским посланником в Вашингтоне вскоре после объявления войны якобы состоялась следующая беседа (ясно, что именно такого диалога, впоследствии с удовольствием пересказывавшегося будапештской оппозицией, на самом деле никогда не было, но он метко характеризует абсурдность ситуации):

«– Венгрия является республикой, не так ли?»

- Нет, господин, королевством.
- Значит, у вас есть король?
- Нет, у нас есть адмирал.
- Тогда у вас есть флот?
- Нет, у нас же нет моря.
- У вас есть какие-то требования?
- Да.

- К Америке?
- Нет.
- К Англии?
- Нет.
- К России?
- Нет.
- А к кому у вас есть претензии?
- К Румынии.
- Значит, вы объявите войну и Румынии?
- Нет, господин. Мы с ними союзники»³.

В начале года престижу страны в глазах западных держав был нанесён новый урон. В январе 1942 г. жандармские и армейские соединения начали крупномасштабную акцию по зачистке южных провинций Венгрии от партизан. Операция перешла в массовые репрессии, целью которых было устрашение сербского гражданского населения. В результате этой расправы в Нови-Саде и других небольших населённых пунктах жертвами стало около четырёх тысяч мирного населения⁴. Эта так называемая «бачская резня» усугубила и без того негативное общественное мнение о Венгрии.

После начала войны венгерское правительство в своей внешней политике руководствовалось двумя принципами: как можно дольше оставаться вдали от вооружённого конфликта великих держав, то есть сохранять нейтралитет страны, а также расширить ревизионистскую политику⁵. Уже весной 1941 г., приняв участие в нападении на Югославию, Венгрия практически отказалась от первого принципа. После оккупации Югославии, вследствие ревизионизма хортистской элиты, 27 июня 1941 г. Венгрия на стороне Германии напала на Советский Союз.

В конце 1941 г. на Восточном фронте произошли перемены: план «Барбаросса» не удался, битва за Москву привела к окончательному краху блицкрига, поколебав веру в непобедимость немцев. После того как немецкая армия зимой 1941/42 гг. в ходе развернувшегося советского контрнаступления понесла тяжёлые потери в живой силе и технике, для продолжения её военных действий, а также для заполнения германо-советской линии фронта протяжённостью 3000 км были нужны свежие силы. По этой причине для вермахта повышалась и ценность относительно слабых венгерских, румынских и итальянских соединений. Его командование сделало всё, чтобы армии сателлитов в максимальной степени приняли участие в военных действиях 1942 г.

Требования Германии впервые были высказаны в личных письмах А. Гитлера, написанных им Б. Муссолини, Й. Антонеску и М. Хорти между 29 декабря 1941 г. и 2 января 1942 г. Гитлер в письме к Хорти от 2 января 1942 г. просил участия венгерской армии в наступлении,

запланированном на весну. С 6 по 9 января 1942 г. в венгерской столице находился министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп, заявивший о немецких претензиях на венгерские вооружённые силы. Риббентроп начал будапештские переговоры только 8 января, до этого он принял участие в неформальной встрече во время охоты в Мезёхедьеше⁶, где вёл переговоры с премьер-министром Л. Бардоши, а позже нанёс визит регенту Хорти. Германский министр выдвинул трудновыполнимые для венгров требования под предлогом необходимости «одолеть большевизм ещё в этом году». Венгерское политическое и военное руководство сошлось во мнении, что полностью отклонить эти запросы нельзя, поскольку в случае отказа возникнет угроза независимости венгерского государства, и в ходе переговоров пыталось лишь смягчить условия их выполнения. Из-за натянутых румыно-венгерских отношений Венгрия до 1942 г. принимала участие в войне в меньших масштабах, чем Румыния, и не хотела ослаблять свою военную силу и в дальнейшем.

Румынскую карту И. фон Риббентроп и разыграл в Будапеште. Он заявил премьер-министру, что уклонение от выполнения пожеланий рейха будет расценено как подготовка Венгрии к нападению на Южную Трансильванию. Риббентроп передал следующее требование А. Гитлера: Венгрия должна провести «стопроцентную тотальную» мобилизацию своих ресурсов и предоставить их в распоряжение Германии для «летнего похода на восток»⁷. В списке немецких пожеланий были и экономические: рейхсминистр потребовал увеличения венгерских нефтяных и зерновых поставок⁸. Кроме того, он просил, чтобы венгерское правительство разрешило призвать в войска СС (Waffen SS) 20 тысяч этнических немцев (фольксдойче)⁹.

Ответ на требования Германии последовал 9 января 1942 г.: «Венгрия не предоставит стопроцентно свою армию для военного похода на Восток, но согласна дойти до самой крайней границы своих возможностей, а именно: участвовать в военных действиях существенно большими силами, чем до сих пор»¹⁰.

После принципиального согласия в Будапешт 20 января 1942 г. прибыл фельдмаршал В. Кейтель. Он вначале вёл переговоры с Л. Бардоши, а затем ужинал с венгерским военным руководством в отеле «Ритц». Из разговора венгерские министр обороны и главнокомандующий сделали вывод, что Германия будет удовлетворена, если Венгрия отправит на фронт шесть пехотных бригад. На следующий день выяснилось, что это предположение ошибочно: В. Кейтель требовал шесть пехотных бригад, подвижной корпус (четыре бригады) и одну горнострелковую бригаду. Это практически означало все венгерские вооружённые силы. Венгерская армия в то время состояла из 21 пехотной бригады, пять из которых

в качестве контингента оккупационных сил уже и так находились на Восточном фронте.

Начались долгие переговоры на повышенных тонах. Начальник генерального штаба Ференц Сомбатхей¹¹ среди прочих контраргументов привёл и тот, что в противоположность Финляндии и Румынии, имевших к Советскому Союзу ещё и территориальные претензии, Венгрия сражается из «чисто идеологических» принципов¹². Наконец, вечером 22 января во время ужина в отеле «Геллерт» родилось компромиссное решение: венгерское военное руководство должно направить на восточные территории военных действий девять пехотных бригад и одну танковую дивизию, а также одно символическое соединение воздушных войск (сверх оккупационных сил). На переговорах не были определены ни способ, ни временные и территориальные границы использования венгерских частей; В. Кейтель дал устное обещание лишь в отношении оснащения танковой дивизии и поставки остальных вооружений. О переговорах не было составлено никаких письменных документов.

Позже в своих воспоминаниях В. Кейтель писал: «В конце января 1942 г. я вылетел в Будапешт по поручению фюрера. Мне предстояла в высшей степени непростая миссия – добиться мобилизации венгерской армии (мирного времени) и отправки по меньшей мере 50% личного состава венгерских вооружённых сил на Восточный фронт для участия в летнем наступлении вермахта 1942 г. [...]. Переговоры с венграми свелись к закулисным торгам о поставках немецкого оружия. Я был официально уполномочен проявлять по этому поводу максимальную снисходительность и уступчивость, поскольку без противотанковых и пехотных орудий, а также всего прочего вооружения венгры мало что могли противопоставить тяжеловооружённым русским дивизиям. В ходе продолжительных “трёхсторонних” переговоров с участием военного министра [К.] Барты и начальника генштаба [Ф.] Сомбатхей удалось прийти к соглашению: венгры сформируют и с нашей помощью оснастят 10 дивизий для летней кампании на Восточном фронте»¹³.

Затягивание переговоров в январе 1942 г. с венгерской стороны было вызвано не мыслями о возможном поражении. Венгерское военное руководство тогда ещё не предполагало, что война кончится полным разгромом, было лишь подозрение, что она будет носить затяжной характер. Внешняя политика в военных условиях существенно отличалась от той, которая проводилась в мирное время: более значительной становилась роль секретных служб и закулисных фигур¹⁴.

После того как стало ясно, что Венгрия намерена принимать участие в военных действиях немецкой летней кампании 1942 г., было принято решение с 12 февраля 1942 г. переименовать пехотные бригады в лёгкие дивизии. Обозначение «лёгкие» указывало

на то, что эти дивизии по своей военной силе даже не приближались к немецким дивизиям¹⁵.

В том, что страна окончательно была втянута в войну и противопоставлена трём крупным державам, консервативные круги обвиняли премьер-министра Л. Бардоши. По их мнению, мобилизация и ввод в боевые действия 2-й венгерской армии вышли за все границы терпимого. Используя личные связи и своё влияние на правительство, консерваторы попытались добиться смены премьер-министра, и это им удалось. На самом деле провалилась внешняя политика премьер-министра, хотя окончательным толчком для его отставки послужили внутриполитические события¹⁶. 7 марта 1942 г. М. Хорти сообщил Л. Бардоши, что тот потерял его доверие, и приказал ему подать в отставку.

Вступление в войну летом 1941 г. ещё не привело к решающим изменениям в жизни населения. Театр военных действий находился далеко, военная разруха пока не достигла страны. Но позже население ощутило медленное, но постоянно нарастающее ухудшение жизненных условий. Благодаря военной конъюнктуре промышленное производство росло головокружительными темпами (к 1943 г. в Венгрии уже производили современные самолёты, танки и грузовые автомобили), но жители от этого получали крайне мало пользы. Вся продукция металлургической промышленности направлялась на военные нужды. Машиностроительные заводы были почти полностью переключены на производство оружия, боеприпасов, механизированных средств передвижения для армии. Экономический рост в силу объективной необходимости был подчинён в том числе немецким потребностям. В 1942 г. более 90% бокситов и 50% нефти, добытых в Венгрии, поступали в Германию. Подобная ситуация сложилась и в отношении сельскохозяйственной продукции. Наряду с пшеницей, перепроизводство которой наблюдалось в провинции Бачка, в Германию уходила львиная доля урожая кукурузы и масличных культур¹⁷. Только в 1941–1942 гг. в Германию было отправлено 10 млн ц пшеницы, 483 тысячи свиней, 190 тысяч ц жиров, 230 тысяч ц муки и большое количество другого продовольствия¹⁸. 9 сентября 1942 г. венгерское правительство утвердило очередной секретный германо-венгерский договор о поставках продуктов в Германию¹⁹. В дальнейшем эти поставки всё возрастали, а Берлин за них платил всё меньше, и в основном оружием. В венгеро-немецком товарообороте накапливался всё более значительный венгерский актив: за год, с марта 1942 г. до апреля 1943 г., он вырос с 300 млн немецких марок до 1121 млн²⁰.

Уже в начале войны правительство наложило запрет на торговлю сельскохозяйственными продуктами, и подавляющая часть продовольствия распределялась централизованно. С сентября 1941 г. по карточкам стали выдавать хлеб и муку, с мая 1942 г. – молоко, а с января 1943 г. –

мясо. Наряду с продовольствием, карточная система начала распространяться и на продажу промышленных товаров широкого потребления: мыла, топлива и керосина для осветительных приборов. В 1943 г. система централизованного сбора и распределения продукции стала ещё более строгой. В сельском хозяйстве была введена принудительная сдача продукции, механизм которой разработал госсекретарь Бела Юрчек²¹.

Несмотря на рост дефицита товаров и продовольствия, ползущие вверх цены, закономерный расцвет чёрного рынка, условия жизни населения ухудшались не в такой степени, как это было во время Первой мировой войны. Уровень жизни снизился, но снабжение основными товарами пока было обеспечено²². Продолжала развиваться и культурная жизнь: так, только в 1942 г. было издано 13 500 книг. Известный писатель Ласло Немет по праву мог спросить: «Было ли под венгерскими рождественскими ёлками когда-нибудь столько книг, как в этом году?» Было снято большое количество кинофильмов²³.

4 сентября 1942 г. совершенно неожиданно Будапешт подвергся воздушному налёту. Ошеломляющими были не столько потери, сколько психологическое воздействие; после этого события и ускорилась подготовка противовоздушной обороны столицы и страны²⁴. До осени 1942 г. люди непосредственно сталкивались с войной лишь в военных известиях да участвуя в сборе тёплой одежды и посылках для фронта.

В первый период войны в Венгрии не произошло серьёзных внутриполитических изменений. Эта относительная стабильность вытекала из закрытости структуры внутренней системы. Венгрия оставалась почти единственной из оккупированных или присоединившихся к Германии стран, чьё политическое устройство сохранилось и во время войны. По сути дела, только здесь всё время до немецкой оккупации, до весны 1944 г., действовала Социал-демократическая партия с представительством в парламенте, и у правительства была, хотя и сильно ограниченная, но тем не менее легальная левая и либеральная оппозиция²⁵.

В аналитической работе, которая была подготовлена в Вашингтоне в январе 1942 г., Венгрия оценивается как единственная страна Центральной Европы, где нет серьёзного движения сопротивления. Такого же мнения придерживалось и Министерство иностранных дел Великобритании. В документе о положении в Венгрии, подготовленном в феврале 1942 г. в британском Комитете политического ведения войны, говорится: «Нет такой сколько-нибудь значительной организованной группы, которая была бы в настоящее время в активной оппозиции хоть немцам, хоть коллаборационистскому правительству»²⁶. Специфика немецко-венгерских отношений и господствовавший в стране с 1919 г. резкий антикоммунизм препятствовали формированию объединённого антифашистского фронта.

Но вступление Венгрии в войну всё-таки сблизило различные антифашистские политические силы. Первые заметные выступления против войны прошли уже осенью 1941 г.: в Будапеште 6 октября, в день памяти 13 казнённых в 1849 г. руководителей венгерской революции («мучеников Арада»), молодёжь вышла на митинг к вечному огню у памятника Л. Баттяни, 1 ноября на кладбище Керепеши у могил Л. Кошута и М. Танчича представители Социал-демократической партии и гражданской оппозиции совместно выступили против войны, требуя «независимую, демократическую Венгрию». В конце 1941 г. в рождественском номере «Непсавы», ежедневной газеты Социал-демократической партии, было объявлено о создании национального фронта единства в противовес официальной политике, которая становилась всё более пронемецкой. В праздничном номере выступили все представители антифашистских направлений, это был практически сборник статей о национальном единстве под эгидой идеи независимости и прогресса. Можно считать сенсацией, что к лагерю солидарности примкнули также консервативный историк Дюла Секфю и национал-радикал Эндре Байчи-Жилински²⁷.

Примером национального единства против войны был Венгерский исторический комитет памяти, созданный в феврале 1942 г. в целях организации достойного празднования приближающейся столетней годовщины революции и освободительной борьбы 1848 г. 15 марта 1942 г. Комитет памяти организовал митинг у памятника Ш. Петёфи, где прозвучали и антивоенные лозунги. Давление антивоенных сил на правительство тогда было направлено в первую очередь на то, чтобы снизить степень участия Венгрии в войне и ослабить венгеро-немецкие связи. Первые шаги движения за независимость были остановлены волной репрессий и жестоким преследованием коммунистов, последовавшими за мартовским выступлением 1942 г.²⁸

Смена премьер-министра служила интересам государства, поскольку решающим тогда был вопрос, каким образом можно вывести страну из войны. Хотя этой цели М. Каллаи²⁹ не сумел достичь, он остался в венгерском историческом сознании скорее как трагикомическая фигура, с его именем тесно связано понятие «двуликий Каллаи» или «политика лавирования». Прибегая к высокопарным фразам в отношении немцев, он одновременно проводил такую политику, которая к марту 1943 г. вызвала определённое уважение и у англичан³⁰. В период между осенью 1942 и осенью 1943 г. поворот произошёл не только в ходе Второй мировой войны, но и в венгерской внешней политике. Правительство Каллаи почти параллельно с успехами союзников с помощью своих дипломатов и доверенных лиц начало искать связи с Англией. Желая получить расположение союзников, правительство старалось поддерживать благоприятный для Запада образ Венгрии.

В действительности свобода действий М. Каллаи с самого начала была очень ограниченной. Проблема заключалась в том, можно ли по-рвать с Третьим рейхом, прежде чем союзники достигнут венгерских границ, – а это совершенно определённо приведёт к немецкой оккупации с её неизбежными последствиями, – и оценят ли победители этот шаг настолько, чтобы установить для страны более благоприятные границы, чем существующие по Трианонскому договору. Из воспоминаний М. Каллаи выясняется, что во время посещения им своего предшественника Л. Бардоши тот сказал ему следующее: «Ты ведёшь страну к катастрофе. О тебе все знают, что ты выступаешь против немцев, любишь англичан и не являешься антисемитом. Ты гонишься за англичанами, но никогда не расположишь их к себе»³¹. Немецкое руководство с самого начала смотрело на Каллаи с подозрением и неприязнью, отношение к нему лучше всего выражает тот факт, что Берлин не послал ему даже обычное протокольное приветствие, которое по дипломатическим правилам полагалось вновь назначенному главе правительства.

В то же время при правительстве Каллаи в сентябре 1942 г. начал действовать очередной закон о евреях, основанный на более жёстких расовых критериях, чем предыдущие, и ещё больше ограничивающий права еврейского населения. Лица, которые квалифицировались как евреи, не могли приобретать сельскохозяйственную недвижимость, а уже имевшиеся землевладения они должны были продать. (То есть государство налагало секвестр на пахотные поля и леса, принадлежавшие евреям, а затем продавало дальше эту недвижимость по нереально низким ценам.) В том же 1942 г. иудейская конфессия была исключена из перечня официальных вероисповеданий и получила лишь статус «признанной» религии.

Согласно постановлению премьер-министра от 1941 г., а затем – закону об обороне от 1942 г., мужчины еврейского происхождения не могли нести воинскую службу, а призывались для исполнения так называемой «трудовой повинности». Эти «трудовые батальоны» не получали оружие при нахождении не только в тылу, но и на фронте и, таким образом, не могли защищаться. Поэтому в результате издевательств охранников во время войны погибло несколько десятков тысяч евреев, призванных на трудовую повинность³².

Однако М. Каллаи имел смелость в декабре 1942 г. решительно отказать немцам в требовании заставить евреев носить в качестве отличительного знака жёлтую звезду, а затем депортировать их. Таким образом, до оккупации Венгрии немцами весной 1944 г. положение евреев здесь было несколько лучше, чем в оккупированных странах³³.

М. Каллаи попытался установить тайные связи с западными державами³⁴. Для этого он хотел активизировать ещё сохранившиеся

отношения, в первую очередь с венгерской эмиграцией. Однако сделать это было непросто, так как эмигранты с левыми взглядами отказывались поддерживать правительство Хорти, а у хортистской эмиграции практически не было связей. Сложилась такая же ситуация, как во время Первой мировой войны, когда у Венгрии на Западе – в основном в Англии – не было известного эмигрантского представительства. В январе 1941 г. у М. Хорти состоялось совещание, на котором был принят секретный план: в случае выдвижения немцами требований, ставящих под угрозу суверенитет страны, Хорти назначит правительство, сформированное из ранее уехавших на Запад политиков³⁵.

Правда, бывший секретарь посольства Антал Жилински и его товарищи в Лондоне создали Общество свободных венгров и хотели объединить все политические силы венгерских эмигрантов, но этот план провалился. Не смогли договориться ни с руководимой Тибором Экхартом³⁶ эмиграцией левой ориентации, ни с руководимой Михаем Каррой³⁷ правой, но если бы это и получилось, британское правительство и их бы не посчитало приемлемыми представителями Венгрии. Деятельность, направленная на попытки спасти режим Хорти – Бетлена – Каллаи, вызвала яростные нападки не только со стороны эмиграции левого уклона, но и со стороны югославского и чехословацкого эмигрантских правительств. Немалым основанием для этого послужила также связь Экхарта с эрцгерцогом Отто Габсбургом³⁸, который в это время жил в Соединённых Штатах и являлся личным гостем президента, а также его советником по делам Центральной Европы. Президент Ф. Рузвельт уже в 1940 г. заявил, что симпатизирует взглядам эрцгерцога и поддержал бы его планы относительно реставрации власти Габсбургов³⁹. В дальнейшем обдумывался план создания Центрально-Европейского блока, куда входили бы Южная Германия, Австрия, Чехословакия, Польша и Венгрия. Во время Второй мировой войны значительно усилились стремления разрешить разногласия между центрально-европейскими национальными государствами путём создания федерации. В январе 1942 г. в Лондоне были подписаны чехословацко-польский, а также греко-югославский федеративные соглашения. Идея Центрально-Европейской или Придунайской конфедерации не была новой и для Венгрии: этот вопрос несколько десятилетий занимал умы венгерских политиков всех направлений. Во время этой войны, особенно в 1943 г., стремления такого характера вышли на первый план, но в итоге страны-соседи их не поддержали. Впрочем, советское руководство не без причины с подозрением наблюдало за этими планами, опасаясь попыток создания нового «Санитарного кордона». В широкой шкале предложений, связанных с планами федеративного устройства, было немало таких идей, например, создание Польско-Чехословацкой

конфедерации, к которой можно было присоединить и Венгрию, и все эти идеи имели антисоветскую направленность⁴⁰.

Робкие попытки поиска мирных решений со стороны Венгрии начались летом 1942 г.⁴¹ У М. Каллаи не было других реальных возможностей, кроме привлечения тех венгерских дипломатов и журналистов, которые работали в странах, соблюдавших нейтралитет, не питали дружественных чувств к немцам и имели личные связи с англичанами и американцами или представителями других союзнических государств. Установление связей с ними со стороны венгерского премьер-министра вначале предусматривало только обмен информацией. С одной стороны, для Венгрии было крайне важно выяснить, на каком уровне и на каких условиях западные державы способны пойти на переговоры, с другой – ей хотелось сразу выдвинуть определённые требования и получить гарантии – при благополучном развитии событий в дальнейшем – на отрыв от стран Оси.

8 ноября 1942 г. в истории Второй мировой войны произошло событие, которое крайне взбудоражило венгерское общество. Начальник генштаба Ф. Сомбатхеи так пишет об этом в своих воспоминаниях в феврале 1943 г.: «Высадка англосаксонских держав на берега Марокко у нас вызвала весьма большое беспокойство и волнение»⁴². После высадки на берега Восточной Африки поиск связей с западными державами стал более интенсивным. До того с лета 1942 г. предпринимались эпизодические попытки в этом направлении в Турции, Швейцарии и Швеции. Исключением стала, пожалуй, деятельность венгерского пресс-атташе Андора Геллерта⁴³ в Стокгольме, который был направлен в шведскую столицу для установления связей с работающими там английскими и американскими дипломатами. А. Геллерту удалось установить постоянные контакты с венгерским эмигрантом Вилмошем Бёмом⁴⁴, который во время войны был референтом по Венгрии так называемого Бюро по наблюдению за прессой британского посольства в Стокгольме.

К задачам этого бюро относился сбор информации с территории стран Оси и их союзников. В. Бёму удавалось добывать достоверную информацию из первых рук, благодаря чему британское министерство иностранных дел получало достаточно точные и почти ежедневные сведения о венгерских событиях. Эта связь устраивала и венгерскую сторону, чтобы обратиться к англичанам с вопросом о возможности англо-венгерских переговоров. Располагающий к себе и имеющий острый ум Геллерт, который всем сердцем ненавидел нацистов, ещё в 1941 г., находясь в Германии в качестве венгерского корреспондента, посылал донесения венгерской разведке. В 1944 г. он стал штатным сотрудником Управления стратегических служб США (OSS)⁴⁵ и после прохождения подготовки в его итальянском центре был направлен

в качестве ключевой фигуры одну из групп управления, задачей которой было создание базы в Венгрии⁴⁶.

Ответ англичан, однако, во всех случаях был отрицательным. Правительство Англии сообщало, что венгерские попытки сближения его не интересуют, и «до тех пор, пока Венгрия сражается против союзников и поддерживает Ось, она не может рассчитывать ни на симпатию, ни на пощаду»⁴⁷. Об этих шагах венгерской стороны британский МИД уже в декабре 1942 г. проинформировал советское и американское правительства, вместе с изложенной выше точкой зрения.

Венгерские иллюзии о возможности договориться с западными державами были вызваны многими причинами, но главной из них было непонимание солидарной силы антифашистской коалиции. Руководство Венгрии считало совершенно очевидным, что венгерское государство с его особым устройством и внутривластным устройством, весьма отличающимися от стран, поддерживающих Гитлера, уже само по себе должно представлять определённую ценность и для Лондона. Венгерское руководство считало очевидным и то, что в случае поражения Германии Советский Союз будет присутствовать в этом регионе не просто как победитель, а также как искоренитель буржуазно-либерального мирового порядка, а это не может отвечать британским интересам⁴⁸. Никто из венгерских руководящих политиков не считался с тем, что целью западных союзных держав была прежде всего победа над германской армией. Венгерский историк Пал Притц пишет: «[...] Во всех трёх столицах ясно понимали: нельзя, невозможно, не стоит договариваться не то чтобы с Гитлером, но и с той Германией, которая обрушила на человечество Вторую мировую войну»⁴⁹. Английские внешнеполитические документы однозначно доказывают, что до августа 1943 г. ни один венгерский представитель не мог проводить переговоры в нейтральных странах с британскими посланцами или дипломатами высокого ранга. Установление подобных контактов было возможно только через организации Отдела специальных операций (SOE)⁵⁰ или действовавшие в некоторых нейтральных странах подразделения разведывательного отдела министерства иностранных дел (FOID)⁵¹.

На оккупированной территории Советского Союза фашисты совершали чудовищные преступления. В оккупационных частях нацистских союзников действовали и венгерские соединения, более чем на полумиллионе квадратных километров оккупационные задачи выполнялись венгерскими частями. Эти силы на Восточном фронте составляли примерно 20–25% от всего немецкого оккупационного контингента. В 1941–1943 гг. значительная часть венгерских частей действовала в районе Брянского леса, на той территории Советского Союза, где проходила самая активная деятельность партизан, из-за чего история

венгерских оккупационных частей и советской партизанской войны неотделимы друг от друга. Венгерской и российской историографии ещё предстоит провести полноценное научное исследование этой проблемы. Венгерский историк Кристиан Унгвари выявил и ввёл в научный оборот находящиеся в немецких архивах материалы⁵², в то же время чрезвычайно важным было бы и тщательное выявление архивных документов, хранящихся в российских архивах.

Значительная часть военных преступлений венгерских войск на территории ряда областей Советского Союза зафиксирована Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК)⁵³. Кроме этого колоссального материала, Центральный архив Министерства обороны, Российский государственный архив социально-политической истории и провинциальные российские и украинские архивы также содержат относящиеся к данной теме документы.

Первые оккупационные части формировались из изначально предназначенных для отправки на фронт соединений Карпатской группировки, которую немецкое военное командование придержало до осени 1941 г. (8-я пограничная, 1-я горнострелковая бригады). В конце лета 1941 г. политическое руководство Венгрии для обеспечения оккупационной деятельности предложило пять стрелковых бригад дополнительно к смене Карпатской группировки в надежде, что оно этим сможет удовлетворить и дальнейшие немецкие требования. 121-ю и 124-ю бригады направили в Винницу, а 105-ю и 108-ю – в Бердичев⁵⁴.

До осени 1941 г. венгерские войска представляли для немцев ценность в первую очередь как самые пригодные для проведения карательных операций на оккупированных территориях. Рабе фон Паппенгейм⁵⁵, немецкий военный атташе в Будапеште, в письме генерал-майору Х. фон Грейффенбергу от 20 сентября 1941 г. сделал следующее предложение: «Немецкий солдат в битве – воин, но не жандарм. Для таких “задач по умиротворению” более пригодны венгры. [...] Ни хорваты, которые расправляются со всеми, ни итальянцы, которые только боятся, не пригодны для поддержания порядка. Возможно, это неприятно слышать, но моё мнение, что единственный хороший балканский солдат – это венгр. В самую первую очередь потому, что они [венгры] имеют отличный офицерский корпус»⁵⁶.

6 октября 1941 г. в Виннице было сформировано командование венгерской оккупационной группировки, в которую к февралю 1942 г. входило уже пять дивизий и большое количество более мелких соедине-

ний общей численностью около 40 тысяч человек. Личный состав дивизий едва превосходил по численности состав полнокровных немецких полков. Из вооружения оккупационные войска получали лишь устаревшее оружие, противотанковые и артиллерийские орудия вообще не входили в их оснащение, так как считалось, что они не понадобятся вовсе. В действительности у этой экономии была другая причина – ввиду возможности в дальнейшем получить назад Южную Трансильванию, имевшееся крайне малочисленное современное снаряжение пытались оставить в стране. Малые промышленные мощности государства не давали возможность снабдить современной техникой даже эти силы⁵⁷.

17 января 1942 г. Штаб командования венгерской оккупационной группировки был перемещён в Киев, а с 5 февраля был разделён на Восточное и Западное командования. Первоочередной задачей венгерских соединений была охрана железной дороги. Западная группировка (111-я, 121-я, 124-я пехотные бригады) действовала в относительно мирных условиях к западу от Днепра. Восточная группировка (102-я, 105-я, 108-я пехотные бригады) в районе Брянска – Курска – Чернигова с самого начала сражалась с крупными партизанскими отрядами, которые поддерживались советской регулярной армией⁵⁸.

Венгерские соединения были подчинены местному немецкому командованию, а не центральному руководству: к компетенции венгерского генштаба относились только вопросы снабжения и дисциплины. На территориях, оккупированных венграми, действовали также многочисленные вспомогательные соединения, сформированные из немцев и местного населения. Они, также как ответственные за территорию соединения СД (*нем.* Sicherheitsdienst, Служба безопасности) и ГФП (*нем.* Geheime Feldpolizei, Секретная полевая полиция), должны были тесно сотрудничать во время оккупации.

Оккупированные советские территории переходили в подчинение военной или гражданской администрации, в зависимости от того, как далеко они находились от сцены военных действий. На Украине территория, располагавшаяся к западу от Днепра, была отдана в подчинение обергруппенфюрера СА Э. Коха⁵⁹ и названа рейхскомиссариатом «Украина», а территориями к востоку от Днепра управляло командование тыловыми районами группы армий «Б» и группы армий «Центр». В рамках командования были сформированы полевые и местные комендатуры, в подчинении каждой из которых находилось несколько дюжин городов или сёл. Территории, находившиеся близко к линии фронта, подчинялись непосредственно командованию армейских групп. На эти ведомства были возложены контроль населения, создание местного управления, начало всеобщего обучения (разрешались только начальные школы) и поддержание порядка. Наряду с этим они

должны были осуществлять координацию сбора рабочей силы и сотрудничества с руководством СС и полиции в борьбе с партизанами и преследовании евреев.

В то время как действия Западной оккупационной группировки проходили почти без инцидентов, три соединения Восточной группировки оказались в чрезвычайных обстоятельствах в районе Брянского леса, где опасность боевых действий со стороны партизан была самая большая. Слабо вооружённые части уже с конца 1941 г. должны были пешими переходами добираться до мест наступления. Из-за чрезвычайного холода значительная часть личного состава получила обморожения ещё до участия в боевых действиях. На этой территории задачей венгерских оккупационных войск было закрытие южных выходов из лесного массива и так называемое «умиротворение территории». Венгерские оккупационные соединения должны были обеспечить вооружённую силу, а полицейское расследование и административные задачи выполнялись немецкими органами. В соответствии с этим при различных акциях по поимке партизан к венгерским частям всегда прикомандировывалась группа немецкой полевой жандармерии или СД. Однако в отдельных случаях обеспечение назначения глав местной администрации, а также организация местного самоуправления низшего уровня были задачами венгров⁶⁰.

105-я пехотная бригада высадилась в Бердичеве в период между 30 октября и 5 ноября 1941 г. и попала под командование Южной группы войск. До 27 ноября длилась смена 202-й немецкой пехотной бригады, в процессе которой солдаты совершали переходы по 22–39 км в день. Соединение должно было держать под контролем территорию площадью 26 тысяч км², которая к марту 1942 г. уже выросла до 46 тысяч км², из которых 16 тысяч км² занимали леса и болота, в апреле на этой территории находилось примерно 10 тысяч партизан. Им противостояло около 5200 венгерских и около 2000 немецких солдат и местных полицейских. Части 102-й пехотной бригады прибыли в Бердичев 6–14 декабря 1941 г. и 3–12 января 1942 г. заняли территорию 105-й пехотной бригады, центр которой находился в Нежине. К ним присоединился также выделенный из 105-й пехотной бригады 46-й пехотный полк под названием «Бауманская группа»⁶¹. Эта группа и 102-я пехотная бригада в апреле 1942 г. ликвидировали 1380 партизан и их помощников, в то время как их потери составили 51 погибший, 67 пропавших без вести и 99 раненых: в течение месяца эти два соединения подожгли и уничтожили 25 деревень⁶². Дивизия в апреле на участке шириной в 150 км должна была закрыть для партизан выходы из Брянского леса. Один батальон защищал отрезок длиной 15 км, на который приходилось только два пулемёта. При таком вооружении за нападения партизан можно

было лишь мстить невинному населению. Согласно венгерским сообщениям, многонедельная военная операция «Шинель» по очистке леса от партизан до 30 мая 1942 г. завершилась со следующими результатами: было уничтожено 4375 партизан и их помощников, взято 135 пленных, а из оружия захвачено лишь 449 пистолетов, 90 автоматов и пулемётов, 26 гранатомётов. Следовательно, у подавляющего большинства ликвидированных «партизан» не было никакого оружия. Общие потери «партизан» почти в девять раз превышали потери нападавших, и из указанного количества захваченного оружия следует, что в боях могло погибнуть самое большее 600–700 фактических партизан, остальные были мирными гражданами. Частое использование термина «пособники партизан» даёт основание для вывода о том, что в большинстве случаев оккупационные войска расстреливали всех жителей тех населённых пунктов, где подозревали наличие партизанской деятельности.

Американский историк Труман О. Андерсон изучал документы в украинских архивах и осмотрел также имеющиеся в тех краях памятники. В одном только селе Рейментаровка Корюковского района установлена мемориальная доска в память о 114 человек (имена которых известны), застреленных венграми⁶³.

В район Брянска в конце мая 1942 г. были направлены новые венгерские части: в связи с критической ситуацией, которая сложилась в тылу 2-й немецкой танковой армии 108-я венгерская дивизия была направлена в пос. Середина-Буда. С 16 по 25 марта 1942 г. она заняла ещё два значительных населённых пункта, однако из-за полного отсутствия противотанковых и артиллерийских орудий за несколько дней было потеряно 40% личного состава и вооружений. Потрёпанное соединение в июне оказалось в районе г. Путивль. Однако начатая здесь по немецкому приказу в июне 1942 г. операция по окружению противника кончилась провалом, так как партизаны заблаговременно ушли из путивльских лесов.

Постоянной проблемой было то, что венгерские подразделения изымались из подчинения командования венгерских оккупационных войск и передавались в распоряжение различных немецких подразделений. Так, в апреле 1942 г. из 19 венгерских батальонов венгерское командование могло распоряжаться только четырьмя.

Венгерское главнокомандование постоянно обращалось к немецкому военному руководству с просьбой ввести в бой венгерские войска под единым командованием на единой территории. Эту просьбу немцы по военным и политическим причинам не хотели выполнять, так как боялись, что венгры будут проводить собственную оккупационную политику. Правда, руководство ОКВ давало обещания такого рода, но ОКХ отказалось выполнять требования венгров⁶⁴.

За действиями венгерских частей мы можем проследить и по боевым и служебным документам, относящимся к их деятельности. Например, в донесении генерал-майора Кароя Богани⁶⁵ от 25 июня 1942 г. говорится: «У меня создалось впечатление, что прочёсывание лесов, простирающихся к западу от Путивля, не принесло результатов потому, что часть партизан живёт в окружающих сёлах постоянно, маскируясь под мирное население, или периодически туда убегает из леса. Поэтому Яцыно, Черепово, Ивановское, Сесюлино и дальнейшие окружающие сёла, которые должен определить 32-й пехотный полк, подлежат сожжению, а всё мужское население от 15 до 60 лет – истреблению. [...]

3. Ввиду того что вблизи [села] Берюх сегодня опять был произведён подрыв мины, из Берюха 10, а из окружающих сёл по 5 мужчин подлежат казни. Необходимо объявить, что при следующем подобном случае будет казнено вдвое больше.

4. [Село] Новая Слобода подлежит сожжению. Для этого 26 июня необходимо откомандировать танковую роту, одну лёгкую противоздушную батарею и соответствующее количество пехоты. В случае малейшего сопротивления всё мужское население нужно истребить.

Подпись: Генерал-майор (Карой) Богани, командующий Восточной оккупационной группировкой»⁶⁶.

На основании венгерских документов, попавших в качестве трофеев к советским военным соединениям, венгерский драматург и публицист Дюла Хай, находившийся в эмиграции в СССР, подготовил пропагандистское издание «Зеркало партизан», которое впервые было издано на венгерском языке в Москве в 1943 г., а затем и в Будапеште в 1945 г.⁶⁷ В этой небольшой книге автор использовал один из документов 4-го отдела венгерского генштаба – тетрадь № 10 с названием «Опыт текущей войны», которая содержит инструкции отдела. В разделе «Борьба против партизан» пишется:

«После подавления партизанских частей сразу должен следовать самый жесточайший террор. Тут нет места прощению. Неумолимая строгость отнимет у всех желание присоединиться к партизанам или поддерживать их, в то время как жалость будет воспринята как слабость. [...] Захваченных в плен партизан – возможно, после допроса – нужно уничтожать на месте или в качестве устрашающего примера в ближайшем населённом пункте публично казнить через повешенье. Подобным образом мы должны поступать также и с выявленными и попавшими в наши руки помощниками партизан»⁶⁸.

О том, как исполнялись подобные инструкции, свидетельствуют другие документы. Вот содержание телеграммы без номера, отправленной в 9:00 10 декабря 1941 г.: «Командованию батальона 32/II, Бахмач. Докладываю, что населённый пункт [...] 8–9-го числа сего месяца по моему приказу обследован. Казнены 25 евреев. 4 партизана, жители де-

ревни, уже восьмую неделю находятся в бегах в неизвестном месте. Мои люди обследовали и дома вблизи деревни – без особых результатов. [...] Лейтенант Беренчвами, командир роты 23/5»⁶⁹.

Гонвед Ференц Болдижар (46/1. 2-я рота, полевая почта 115/20) пишет в своём дневнике: «Когда мы прибыли в деревню, три самых первых дома поджжёг я. Там мы убили мужчин, женщин, детей и деревню сожгли. Потом пошли дальше [...]. Наши brave гусары подожгли деревню. Оттуда мы пошли дальше на разведку. За то время, пока мы были в разведке, гусары подожгли шесть деревень [...]»⁷⁰.

Приказ командира генерал-майора Отто Абта⁷¹ № 22/108 gy.dd. I.b.42.I.13: «Выступление венгерских частей оказало большое воздействие на партизан. Это доказывает перехваченная ночью 24/25 декабря радиограмма, в которой говорится: “Партизаны, будьте очень осторожны там, где находятся венгры, потому что венгры ещё более жестокие свиньи, чем немцы”»⁷².

К IV главе постановления № 7400/ММ. А. 1942. приложения № 16 О. Абт пишет: «Во многих случаях необходимо и устрашение. Например, истребление всего мужского населения. [...] Самая тяжёлая часть военной службы – это предупреждение деятельности партизан»⁷³.

В тетради № 10 написано: «По отношению к еврейскому гражданскому населению жалости нет места. На территории действия 2-й армии не должно оставаться евреев. Их по прибытии в населённый пункт необходимо сразу же собирать и немедленно передавать в штаб-квартиру жандармерии ближайшего немецкого лагеря». В «Обобщающем докладе о деятельности партизан» сказано: «Полное уничтожение евреев является первоочередной задачей»⁷⁴.

О характере карательных операций и о зверствах венгров в отношении мирного населения можно судить по показаниям пострадавших советских граждан. Эти показания хранятся в материалах ЧГК.

Крестьянин деревни Светлово Севского района Брянской области А.И. Крутухин свидетельствовал: «Фашистские сообщники мадьяры вступили в нашу деревню Светлово 9 мая [19]42. Все жители нашей деревни спрятались от такой своры, и они в знак того, что жители стали прятаться от их, а те, которые не сумели спрятаться, они их порасстреляли, изнасилничали несколько наших женщин. Я сам, старик 1875 г. рождения, был также вынужден спрятаться в погреб [...]. По всей деревне [...] шла стрельба, горели постройки, а мадьярские солдаты грабили наши вещи, угоняя коров, телят»⁷⁵.

20 мая 1942 г. около 700 венгерских солдат направились из деревни Орлия Слободка, расположенной неподалёку от деревни Светлово, в ближайшие сёла. В колхозе «4-й Большевицкий сев» они арестовали всех мужчин. «Когда увидели мужчин нашей деревни, то они сказа-

ли, что это партизаны, – рассказывала Варвара Фёдоровна Мазеркова. – И этого же числа, т.е. 20/V-42 схватили моего мужа Мазеркова Сидора Бор[исовича] рождения 1862 и сына моего Мазеркова Алексея Сид[оровича], год рождения 1927, и делали пытки, и после этих мучений они связали руки и сбросили в яму, затем зажгли солому и сожгли в картофельной яме. В этот же день они не только моего мужа и сына, они 67 мужчин также сожгли»⁷⁶.

В июне – июле 1942 г. части 102-й и 108-й венгерских дивизий совместно с немецкими частями принимали участие в проведении карательной операции против брянских партизан под кодовым названием «Фогельзанг». В ходе операции в лесах между Рославлем и Брянском карателями было убито 1193 партизана, 1400 ранено, 498 захвачено в плен, из окрестных деревень выселено более 12 тысяч жителей⁷⁷.

По расчётам ЧГК, ущерб от разорения, причинённого «немецкими фашистами и их сообщниками», составил 975,3 млрд руб.⁷⁸ В сводках также указан ущерб, причинённый отдельными армиями. Согласно советским расчётам, венгерскими военными соединениями всего было разграблено и уничтожено имущество на сумму 48,128 млн руб.⁷⁹

После 1942 г. венгерские оккупационные войска проводили всё меньше крупных акций против партизан. И немцы, и венгры признавали, что венгерские соединения не пригодны для этого ни с точки зрения вооружения, ни с точки зрения подготовки. Единственной выполнимой задачей было обеспечение безопасности железной дороги: для этого венгерские соединения растянулись на многие тысячи километров. Из-за огромной территории охрану железной дороги можно было решить только при помощи укреплённых застав, располагавшихся в нескольких сотнях метров друг от друга, которые держали под контролем очищенную от растительности местность по обеим сторонами железнодорожной насыпи. Потери венгерских оккупационных войск в период с 1 мая 1943 г. по 1 января 1944 г. были относительно небольшими. Венгерский контингент, численность которого составляла 90 тысяч человек, за 8 месяцев насчитывал 1080 погибших, 2596 раненых и 418 пропавших без вести. По сравнению с 1941–1942 гг., в 1943 г. оккупационная деятельность венгерских частей стала более пассивной⁸⁰. Сократились карательные акции против мирного населения и экономическое уничтожение целых территорий.

Известный венгерский историк Дьюла Юхас верно заметил, что венгерская военная концепция очень быстро потерпела фиаско. С июня 1941 г. суть её уже состояла в том, чтобы Венгрия участвовала в войне только небольшими силами, а не жертвовала большей частью своей армии. Провалилась также идея посылать венгерские военные соединения не на фронт, а на выполнение оккупационных функций, чтобы

спасти венгерские вооружённые силы. Такой подход привёл к ещё более тяжёлым последствиям, так как охота на партизан, управление оккупированными территориями и обеспечение на них порядка в глазах международного сообщества, возможно, приобретали более негативный оттенок, чем могла бы иметь деятельность армии на фронте⁸¹. Особую неприязнь вызывало «умиротворение» гражданского населения. Уже в декабре 1941 г. И.В. Сталин в присутствии британского министра иностранных дел А. Идена заявил, что венгры хуже эсэсовцев, и, в качестве наказания угрожая передвижением венгеро-румынской границы на запад, прочил Венгрии судьбу более тяжёлую, чем та, которая была уготована Венским соглашением⁸². В письме В.М. Молотова от 7 июня 1943 г. к британскому послу в Москве А. Керру говорится: «Советское правительство считает, что за ту вооружённую помощь, которую Венгрия оказала Германии, а также за те убийства и злодеяния, грабежи и ужасы, которые были совершены на оккупированных территориях, ответственность нести должно не только венгерское правительство, но в большей или меньшей степени – также и венгерский народ»⁸³.

О поведении некоторых венгерских оккупационных частей, в частности в отношении деятельности партизан в окрестностях Бранска, Й. Геббельс 19 мая 1942 г. в своём дневнике сделал запись, не нуждающуюся в комментариях: «[...] Когда венгры докладывают, что они “умиротворили” ту или другую деревню, это, как правило, означает, что ни одного жителя там не осталось. Это, в свою очередь, для нас значит, что мы едва ли сможем выполнять какие-нибудь сельскохозяйственные работы на такой территории»⁸⁴.

Формирование отправляемой на Восточный фронт венгерской армии практически началось уже в феврале 1942 г. При мобилизации личного состава для армии численностью в 207 тысяч человек венгерское военное командование стремилось к тому, чтобы нагрузка в равной степени легла на всю территорию страны. Так как из-за румынской угрозы хотели оставить в стране лучше подготовленную часть воинского контингента, было относительно велико число резервистов, и даже дополнительных резервистов (мужчин 30–45-летнего возраста). Доля представителей национальностей – главным образом румын и русинов – составляла 20%, призванных же на трудовую повинность евреев и участников левых движений – 10%. Армия формировалась из дивизий III сомбатхейского, IV печского и VII мишкольцского армейских корпусов. Нехватку личного состава предполагалось компенсировать лучшим снаряжением. Поэтому части, идущие на фронт, получили половину имевшихся в стране военного снаряжения и транспортных средств. Хотя обещания немцев относительно пополнения мощностей реализовались лишь частично и в основном путём передачи военных трофеев,

венгерское командование весной 1942 г. всё же направило на фронт отлично оснащённую армию Венгерского королевского войска гонведов⁸⁵. М. Хорти назначил командующим армией одного из самых надёжных своих генералов Густава Яни⁸⁶.

Отправка соединений 2-й армии на Восточный фронт происходила с 11 апреля по 27 июня 1942 г. в три этапа, для этого потребовалось 822 стадеятисных железнодорожных состава. В истории Венгерского королевского войска гонведов это была самая крупная операция такого рода. Из-за неблагоприятных погодных условий и плохого состояния железнодорожных путей сроки отправки срывались, отдельные соединения были вынуждены высаживаться на расстоянии 500–1000 км от линии фронта. Во время наступательной операции «Блау», начатой германским военным командованием на юге России 28 июня, в состав армейской группы М. фон Вейхса⁸⁷ удалось включить только III корпус 2-й венгерской армии. Общей целью наступления соединений армейской группы Вейхса, расположившейся в окрестностях Курска, и 6-й немецкой армии, находившейся южнее, был прорыв к Дону и уничтожение советских войск, зажатых между реками Дон и Оскол. Задачей III венгерского корпуса, усиленного VII немецким корпусом, был прорыв советской обороны перед посёлком Тим и выход к Дону в направлении Старого Оскола. Замена немецких соединений венгерскими частями завершилась в конце июля – начале августа на линии фронта, которая проходила вдоль Дона от Воронежа на юг до Павловска.

Советские части, отступившие за Дон и быстро выяснившие слабые места венгерских соединений, с августа 1942 г. начали мощное наступление, целью которого было создание плацдармов по западному берегу Дона, в его излучине у сёл Урыв и Сторожевое, а также в местности у населённых пунктов Щусье, Коротояк, Костенки. За плацдармы на правобережье Дона с 18 июля по 16 сентября 1942 г. в схватках с войсками 6-й советской армии наряду с двумя немецкими пехотными дивизиями принимала участие большая часть 2-й венгерской армии⁸⁸. Потери венгров оцениваются в 26–27 тысяч человек (погибших, раненых, взятых в плен). До 1 октября армия потеряла 20% офицерского состава, 15% солдат, 6% выполнявших трудовую повинность⁸⁹.

Фронт в большой излучине Дона к концу сентября 1942 г. замер на одном месте. Заняла оборонительную позицию и 2-я венгерская армия. Вот слова Арпада Лайтоша, штабного офицера армии: «К концу сентября 1942 г. потрёпанная в боях, сильно сократившаяся и потерявшая самоуверенность венгерская армия стояла на берегу Дона, а напротив неё – противник, имевший преимущество во всех отношениях. Всё ещё не были произведены те дополнительные мероприятия, которые планировались в начале похода и необходимость которых подтвердил весь

ход событий. Донская венгерская армия всё больше чувствовала, что дома её уже списали. Вот-вот наступит зима, а необходимой в такой ситуации помощи не видно. Все ожидают замены»⁹⁰.

Из-за возможного протеста и новых требований со стороны Германии вопрос замены фронтовых частей даже не поднимался венгерским политическим и военным руководством. Оно ждало помощи от немцев, а само было готово на пополнение личного состава и материального обеспечения лишь в той мере, которая не угрожала обороноспособности страны. В ноябре для частичной замены личного состава был отправлен контингент количеством 50–55 тысяч человек – в том числе более 20 тысяч выполняющих трудовую повинность. Следовательно, из 260 тысяч человек личного состава 2-й венгерской армии, воевавшей на Восточном фронте, около 40 тысяч человек входило в различные трудовые роты⁹¹.

С началом русской зимы проблемы усугубились. Из-за недостаточного питания и холода начались болезни. 30–40-градусные морозы и отсутствие тёплой одежды даже без боёв приводили к тяжёлым потерям. Армия не получила от немцев даже достаточного количества вооружений, не говоря уже о снабжении, а отправка отдельных партий экипировки (например, зимней одежды) из Венгрии из-за перегруженности железных дорог шла с большими задержками. Венгерская армия начала возводить оборонительные позиции, но из-за нехватки материальных ресурсов дело продвигалось медленно. Снаряжение и одежда изнашивались, личный состав был деморализован долгим пребыванием на боевых позициях.

Накал антибольшевистской пропаганды на российских снежных полях быстро снизился, уже после битв за плацдармы у Дона большинство своё положение расценивало по-другому. По мнению капитана стрелков Денеша Бараня, «у солдат бои в районе Дона не вызывают такого восторга, как если бы им надо было отправиться на войну и сражаться за Трансильванию. Они не чувствуют, что здесь должны защищать свою родину». 19 сентября он уже горько восклицает: «Неужели действительно это общество брошено на растерзание политике?!»⁹²

Рождество 1942 г. солдаты 2-й венгерской армии встретили на воронежском отрезке фронта в крайне тяжёлых условиях, но тогда они ещё не могли знать о той жуткой катастрофе, которая произойдёт несколькими неделями позже⁹³.

Второго января 1943 г. формально в ответ на постоянные венгерские просьбы, но в большей степени под влиянием советских успехов, достигнутых в боях с частями соседней 8-й итальянской армии, германское руководство сформировало за флангом 2-й венгерской армии Корпусную группу под командованием генерал-майора танковых войск Ганса Крамера. Группа состояла из 26-й немецкой пехотной дивизии,

трёх четвертей 168-й пехотной дивизии, 700-го немецкого танкового батальона (по другим сведениям, танковой бригады), двух дивизионов штурмовых орудий. Группе придавалась 1-я венгерская танковая дивизия (существовавшая только в планах венгерских и немецких штабов, а в действительности представлявшая собой один танковый полк и батальон бронемашин неполного состава). Соединения Корпусной группы Крамера расположились на расстоянии 50–100 км за линией фронта таким образом, что о немедленном вмешательстве после прорыва венгерской защитной линии – если бы и был такой приказ – из-за зимней погоды и дорожных условий не могло быть и речи. Кроме того, решение о вводе в бой частей группы могло принять только ОКВ⁹⁴.

Ослабленная и не получившая подкрепления армия вынуждена была растянуться по фронту протяжённостью почти в 200 км, на котором было ещё и два сильно укреплённых советских плацдарма⁹⁵.

Венгерская линия обороны была тонкой, как бумага, без запаса и глубины (на нескольких участках удалось осуществить лишь наблюдение за рекой). В частях практически не было противотанкового оружия. И всё потому, что оборона строилась на слепой уверенности командования, что советские войска будут заняты под Сталинградом и не смогут наступать.

Начавшаяся 14 января 1943 г. советская Острогужско-Росошанская операция, которая явилась одним из звеньев в цепи наступательных операций зимней кампании второго периода Великой Отечественной войны, была подготовлена и проведена в выгодных для советских войск условиях стратегической и оперативной обстановки⁹⁶. Операция войск Воронежского фронта продолжалась 15 дней, в ходе неё войска фронта разгромили 2-ю венгерскую армию, итальянский альпийский и 24-й немецкий танковый корпуса и большую часть сил корпуса особого назначения генерала Крамера.

Линия фронта 2-й венгерской армии после советского наступления в районе Урива 14 января раскололась надвое, и практически в течение нескольких дней произошёл полный развал. Известный венгерский писатель Иштван Эркенъ, который находился на этом участке фронта в рядах «трудового батальона», очень наглядно описал эту трагедию. В предисловии к драме «Семья Тотов» он пишет: «13 января 1943 г. покати́лся вниз камень, положивший конец сизифовой судьбе венгерской армии. Мой друг, писатель Тибор Череш, переживший ту же самую участь, заметил как-то раз, что венгерскому писателю не под силу описать эту войну. Я не могу смириться с этой мыслью. Шестьдесят тысяч человек замёрзли там – на снегу, под ледяным ветром, под миномётным огнём. Вероятность уцелеть была ничтожно малой, но я выжил. Должно быть, поэтому их судьба и по сей день не даёт мне покоя. В пьесе гово-

рится не о них, или не только о них, более того, скорее, речь идёт совсем о другом, но всё же, когда я писал “Тотов”, я думал о них, о моих товарищах по несчастью. В большинстве своём они замерзали с открытыми глазами, сидя вдоль обочин, белые окаменевшие лица обращены мне вслед, и я по-прежнему спиной ощущаю на себе их взгляд»⁹⁷.

Военный историк Петер Сабо считает, что число венгров, погибших, раненых и попавших в плен за время почти годового пребывания 2-й венгерской армии на фронте, составляет приблизительно 128 тысяч человек. Из них около 50 тысяч погибло, столько же было ранено, и 28 тысяч – взято в плен. Материальные потери оцениваются в 70%, почти 100% составили потери тяжёлых вооружений⁹⁸.

В архивах ГУПВИ НКВД СССР мы нашли два архивных документа, которые указывают, что количество венгерских военнопленных после донской катастрофы составило 31 299 человек. Документ от 4 февраля 1943 г., составленный руководством НКВД и адресованный председателю ГКО И.В. Сталину, детально описывает (по состоянию на 3 февраля 1943 г.), военнопленные каких национальностей и в каких лагерях находились (тыловых, на приёмных пунктах и во фронтовой сети). Общее число военнопленных составляло 212 836 человек, из них 60 984 немца, 38 291 румын, 37 679 итальянцев и 31 299 венгров⁹⁹. Согласно второму докладу, подписанному 15 февраля 1943 г. начальником УПВИ генерал-лейтенантом И.А. Петровым, общее количество учтённых военнопленных составляло 285 706 человек, количество венгров и в этом документе также 31 299¹⁰⁰. В это число, естественно, не вошли те солдаты, которые погибли на снежных равнинах, цифры говорят лишь о зарегистрированных военнопленных. В то же время, сравнив эти данные с числом пленных венгров, зарегистрированных в конце 1943 г., мы получим поразительный результат. В сводке, отображающей состояние на 5 декабря 1943 г., указано, что их количество составляет 3258. К ним ещё можно добавить незначительное количество больных, находившихся в госпиталях, но при их учёте национальность не указывалась, поэтому мы не можем выделить из них точное число венгров¹⁰¹. Разница составляет около 27–28 тысяч человек, это значит, что смертность составила почти 90% (!). На основании сохранившихся документов можно сделать вывод, что большинство венгерских солдат умерли в советских лагерях вскоре после взятия их в плен в течение нескольких месяцев¹⁰².

В Венгрии после смены строя в свете ревизионистских подходов участие страны во Второй мировой войне получило переоценку не только среди общественных деятелей и в кругах интеллигенции, но и в научной среде. Распад Советского Союза, воссоединение Германии и выдвижение западных держав на передний план как будто дали почву для пересмотра поражения и, по словам писателя Миклоша Сабо, для «пафоса,

поднимающего павших у Дона в пантеон»¹⁰³, для попыток оправдания роли Венгрии в истории войны. Эти ревизионистские подходы, в частности, возродили хортистскую пропаганду, согласно которой война гитлеровской Германии и её коалиции против Советского Союза была «антикоммунистическим крестовым походом». На самом же деле гитлеровские войска пришли на советские земли не с целью освобождения российского народа от большевизма, а для уничтожения и порабощения. Это была не идеологическая, а колониальная война.

В рамках современного развития национальных историй, национальное сознание и самопознание нигде в мире не отгораживается от памяти жертв войны, какой бы ни была её цель. Венгрия во Второй мировой войне была на стороне проигравшего агрессора, поэтому мы, венгры, находимся в особенно сложном положении, при анализе прошлого мы должны одновременно избегать и героизации, и путей, ведущих к полному забвению. Чем богаче выявленный архивный материал, чем больше мы знаем о венгерских жертвах мирового катаклизма, тем более ясно видим сегодня, что мирным отношениям между народами нет разумной альтернативы. В интересах этого национальное самопознание, а также обоснованная национальная гордость требуют, чтобы мы твёрдо опирались на факты и не уходили от объективного освещения причинно-следственных связей. Именно этими принципами руководствовался автор в своей исследовательской работе¹⁰⁴.

Примечания

¹ Британский ультиматум, переданный 29 ноября 1941 г., требовал от венгерского правительства до 5 декабря 1941 г. прекратить любые военные действия и вывести войска с территории Советского Союза, так как в противном случае между Великобританией и Венгрией будет объявлено состояние войны.

² *Romsics I. Magyarország története a XX. században.* – Budapest, 2000. – Old. 251–253.

³ *Gibson H. The Ciano Diaries: 1939–1943.* – New York, 1946. – P. 484.

⁴ В ходе кровавой расправы несколько тысяч невинных мирных жителей, в большинстве сербов и евреев (в том числе женщины, детей и стариков), было расстреляно в Нови-Саде, Жабале, Чуруте, Мошорине и Бечее. По официальным данным венгерских источников, за время нови-садской облавы (21–23 января 1942 г.) военными и жандармами были убиты 3340 человек. События в Нови-Саде уже во время Второй мировой войны всколыхнули общественность. См.: *Magyarország a második világháborúban* : Lexikon : A–Zs / Szerk. Sipos P., Ravasz I. – Budapest, 1996. – Old. 441.

⁵ *Romsics I. A második világháború kezdete és a magyar kormánypolitika // Magyarország a második világháborúban* / Főszerk. Romsics I. – Budapest, 2011. – Old. 18.

⁶ На охоту в Мезёхедеше М. Хорти пригласил и Миклоша Каллаи, кандидата на пост нового премьер-министра вместо Л. Бардоши. Правда, план кадровой перестановки не раскрывался, однако И. фон Риббентроп мог о чём-то догадаться, так как он обратился напрямую к Каллаи с вопросом, способна ли его родина вместе с Румынией и Болгарией мобилизовать миллионную армию для победы над большевизмом? (*Pritz P. Az a „rövid” 20. század: Történetpolitikai tanulmányok.* – Budapest, 2005. – Old. 310).

⁷ *Magyar Országos Levéltár* (Национальный архив Венгрии, далее – MOL). К 578, 1942, 1293/31, 4.1.

⁸ В ноябре 1941 г. немцы потребовали дополнительную поставку нефти в размере 40 тысяч т в год, Л. Бардоши разрешил поставку только 6 тысяч т. В январе 1942 г. И. фон Риббентроп потребовал ещё 60–80 тысяч т нефти. См.: *Pritz P. Az a „rövid” 20. század... – Old. 312.*

⁹ По соглашению, могли быть призваны исключительно этнические немцы (фольксдойче), являвшиеся членами Фольксбунда. В каждом случае нужно было получение письменного согласия родителей призывника. Германия должна была взять на себя обязательства о предоставлении этим молодым людям гражданства, так как одновременно с призывом они теряли венгерское гражданство.

¹⁰ *A Wilhelmstrasse és Magyarország : Német diplomáciai iratok Magyarországról, 1933–1944 / Összeál.: Ránki G., Pamlényi E., Tilkovszky L., Juhász G. – Budapest, 1968. – Old. 647.*

¹¹ Сомбатхей Ференц (1887–1946) – венгерский военный деятель, генерал-полковник (1941). С 6 сентября 1941 г. начальник генштаба венгерской армии. В октябре 1944 г. арестован пришедшими к власти нилашистами во главе с Ф. Салаша за саботаж военных действий против Красной армии. В мае 1945 г. освобождён из заключения. В ноябре 1945 г. арестован, в марте 1946 г. приговорён к 10 годам тюрьмы. В сентябре 1946 г. передан властям Югославии, где казнён как военный преступник по обвинению в организации массовых расправ над сербским населением в оккупированной Воеводине в январе 1942 г. В 1994 г. реабилитирован венгерским (но не югославским) судом.

¹² MOL. МВД. Фильмотека. 7887. d.

¹³ *Кейтель В. 12 ступенек на эшафот... – Ростов н/Д., 2000.*

¹⁴ Генерал-майор Иштван Уйсаси, руководитель венгерской разведки и контрразведки в 1939–1942 гг. (2-е бюро генштаба), в показаниях, данных им в 1948 г. во время нахождения под арестом Отдела государственной безопасности венгерской полиции, рассказал также о сотрудничестве между немецкой и венгерской разведкой в 1942 г. Датированные 26 августа 1948 г. показания Иштвана Уйсаси «Задачи Венгрии на 1942-й, решающий для войны год» опубликованы в книге: *Vallomások a holtak házából : Ujszászy István vezérőrnagyának, a 2. vkf. osztály és az Államvédelmi Központ vezetőjének az ÁVH fogságában írott feljegyzései / Szerk. Haraszi G. – Budapest, 2007. – Old. 237–240.*

¹⁵ По мнению генерала И. Уйсаси, начальник генерального штаба Ф. Сомбатхей придумал понятие «лёгкие дивизии», чтобы «по количеству военных соединений мы могли успешно соревноваться с Румынией» (*Vallomások a holtak... – Old. 237.*)

¹⁶ К началу 1942 г. регент был уже пожилым больным человеком. Было основание для опасений, что страну после М. Хорти может возглавить экстремистская, правящаяся А. Гитлеру фигура. Правящие круги видели выход в том, чтобы заместителем правителя стал его старший сын Иштван Хорти, слывший англофилом. Он был известен своими – более жёсткими, чем у отца – высказываниями против нацистов. После серьёзной подготовки и согласований парламент в феврале принял закон о должности заместителя регента и избрал им Иштвана Хорти. А Л. Бардоши в связи с этим не проявил той решительности и ловкости, которых от него ждал М. Хорти. Таким образом его провал стал окончательным.

¹⁷ *Romsics I. Magyarország története a XX. században... – Old. 256–257.*

¹⁸ MOL. К 27.

¹⁹ Договорились о поставках 220 тысяч ц бобовых, 2 млн ц кормов, 30 тысяч ц сала и животных жиров, 115 тысяч ц битой птицы, 206 тысяч голов крупного рогатого скота, свиней и овец, 1 млн банок консервированного мяса, а также 140 тысяч гектолитров вина. Кроме того, германские фирмы должны были получать 60 тысяч ц древесного угля в год и большее количество другого сырья. Этим же протоколом подтверждалось, что и в будущем 60% продуктов сельского хозяйства провинции Бачка будет вывозиться в Германию и 40% – в Италию (см.: *Лушкаш А.И. Соучастие Венгрии в нападении на СССР // Крестовый поход на Россию : Сб. статей / Ред.-сост. М. Чернов. – М., 2005).*

²⁰ Предприятия Манфреда Вейса, Данувия, МАВАГ, заводы охотничьего снаряжения и оружейный, а также предприятия «Акционерного общества оружия и машин» и государственный завод в Диошдьёре производили винтовки, автоматы, миномёты, артиллерий-

ские орудия. Миномёты изготовлялись также на заводе по производству стальных изделий и на вагоностроительном заводе в Дьере. К весне 1943 г., кроме того, выпускалось ежедневно 1540 тысяч патронов и 42 тысячи артиллерийских снарядов (см.: *Пушкаш А.И.* Указ. соч.).

²¹ Система Юрчека предписывала землевладельцу сдачу 50 кг пшеницы на каждую золотую крону чистой кадастровой прибыли от пахотных полей. 20% этого должна была составлять продовольственная пшеница или жир, остальное – продукция, выбранная по своему усмотрению.

²² *Romsics I.* Magyarország története a XX. században... – Old. 256–257.

²³ *Juhász G.* A negyvenkettes karácsony és a titkos diplomácia // *Magyar nemzet.* – 1992. – dec. 24.

²⁴ Советские бомбардировщики дальнего действия сбросили 12 бомб на Кишпешт, 17 на Варошмайор и Рожадомб; 11 человек погибли, 61 был ранен.

²⁵ *Ránki G.* A második világháború története. – Budapest, 1976. – Old. 346–347; *Ó is. Mozgásterek, kényszerpályák.* – Budapest, 1983; *Juhász G.* A történetész józansága. – [Budapest, 1994]. – Old. 17–18.

²⁶ *Juhász G.* A történetész... – Old. 116.

²⁷ *Pritz P.* Hátrország: Kormánypolitika és a társadalom // *Magyarország a második világháborúban / Főszerk. Romsics I.* – Budapest, 2011. – Old. 65–72.

²⁸ Правительство Каллаи весной 1942 г. задержало около 500 коммунистов. Их руководители погибли: Ференца Рожу убили, Золтана Шёнхерца казнили.

²⁹ Каллаи (де Надькалло) Миклош (1887–1967) – венгерский политический и государственный деятель. В 1929 г. политический статс-секретарь министерства торговли. В 1932–1935 гг. министр земледелия. С 9 марта 1942 до 22 марта 1944 г. премьер-министр; до 24 июля 1943 г. также министр иностранных дел. После немецкой оккупации Венгрии некоторое время ему удавалось скрываться от нацистов, однако в конце концов он был схвачен и отправлен сначала в концлагерь Дахау, а позднее – в Маутхаузен. В конце апреля 1945 г. освобождён частями 5-й американской армии. По окончании Второй мировой войны эмигрировал в Италию, а в 1953 г. – в США. Его мемуары в Венгрии опубликовали только в 1991 г. (*Kállay M.* Magyarország miniszterelnöke voltam 1942–1944 : 1–2 / Szerk. A. László. – Budapest, 1991).

³⁰ *Jóó A.* Kállay Miklós külpolitikája : Magyarország és a háborús diplomácia 1942–1944. – Budapest, 2008; *Pritz P.* A Kállay-kormány kül- és belpolitikája // *Magyarország a második világháborúban / Főszerk. Romsics I.* – Budapest, 2011. – Old. 91–100.

³¹ *Kállay M.* Magyarország miniszterelnöke... – Old. 52.

³² *Romsics I.* Magyarország története a XX. században... – Old. 257.

³³ *Ránki G.* A második világháború... – Old. 204.

³⁴ Большинство венгерских документов, относящихся к секретным переговорам с западными державами, 19 марта 1944 г. во время немецкой оккупации было уничтожено, а часть их попала на Запад. Во второй половине 1970-х гг. стали доступными документы Министерства иностранных дел Великобритании, которые были обработаны известным венгерским историком Дюлой Юхасом. См.: *Magyar-brit titkos tárgyalások 1943-ban / Szerk. Juhász G.* – Budapest, 1978; *Juhász G.* Magyarország külpolitikája : 1919–1945. – Budapest, 1988).

³⁵ *Juhász G.* A történetész... – Old. 20, 31.

³⁶ Эххарт Тибор (1888–1972) – юрист, венгерский политический деятель. В 1919 г. участник контрреволюционного движения. Затем руководил отделом печати Министерства иностранных дел. С 1930 г. член, а с 1933 г. лидер Партии мелких сельских хозяев. В 1936 г. М. Хорти назначил его тайным советником, а в 1941 г. послал в США для установления контакта с американскими политическими деятелями на случай возможного поражения Германии и Венгрии в войне.

³⁷ Каройи Михай (1875–1955) – граф, венгерский политический деятель. С 31 октября 1918 г. возглавил правительство, в январе – марте 1919 г. президент Венгерской Республики. После провозглашения Венгерской Советской Республики в 1919 г. эмигрировал. За границей выступал против режима М. Хорти и принимал участие в антифашистском

и антивоенном движении. В Великобритании возглавлял Движение за демократическую Венгрию (1943). В 1946 г. вернулся на родину; в 1947–1949 гг. венгерский посланник в Париже. В 1949 г. ушёл в отставку, умер в Париже; в 1962 г. прах М. Каройи был перевезён в Будапешт.

³⁸ Габсбург Отто фон (1912–2011) – эрцгерцог, сын последнего венгерского короля Карла IV и внук императора Франца Иосифа, бывший престолонаследник австро-венгерской монархии. После распада Австро-Венгрии проживал большей частью в США.

³⁹ В январе 1942 г. в американском журнале «Foreign Affairs» в статье под названием „Дунайская реконструкция” эрцгерцог изложил свои соображения о будущем сотрудничестве народов, живущих в долине Дуная (Otto of Austria. Danubian Reconstruction // Foreign Affairs. – 1942. – № 2. – P. 243–252).

⁴⁰ Juhász G. A történeasz... – Old. 71.

⁴¹ Отдельные попытки были уже и до этого. В декабре 1941 г. корреспондент Венгерского телеграфного агентства Андраш Тамаш был отправлен в Лиссабон, чтобы попытаться найти пути к дипломатическим кругам и представителям разведки стран-союзников – в первую очередь англо-саксонских.

⁴² Juhász G. A történeasz... – Old. 15.

⁴³ Геллерт Андор (1907–1990) – юрист, политолог. В 1930-х гг. сотрудник Института государственной науки, в 1941 г. корреспондент Венгерского телеграфного агентства в Берлине. В 1942 г. находился в Стокгольме. После войны жил в США. Стал сотрудником радиостанции «Свободная Европа», затем руководителем её Нью-Йоркской редакции, в 1954–1957 гг. руководитель венгерского отдела в Мюнхене.

⁴⁴ Бём Вилмош (1860–1949) – венгерский политик, социал-демократ, профсоюзный лидер, в 1918 г. госсекретарь министерства обороны, в 1919 г. министр обороны. Во время Советской республики народный комиссар социализации и военных дел, командир задунайской Красной армии. В период между двумя мировыми войнами жил в эмиграции в Австрии, Чехословакии, затем в Швеции. Во время Второй мировой войны находился в нейтральной Швеции и пытался быть посредником между англосаксонскими государствами и венгерским правительством. После войны – посол Венгрии в Стокгольме, затем в Осло и Копенгагене. По предположению шведского учёного Вильгельма Аргелла, В. Бём был тройным агентом: одновременно работал на американскую, британскую и советскую разведки.

⁴⁵ Управление стратегических служб (Office of Strategic Services – OSS) – первая объединённая разведывательная служба США, созданная в июне 1942 г. для сбора и анализа стратегической информации, необходимой для комитета начальников штабов и для проведения специальных операций. После окончания войны OSS 20 сентября 1945 г. было распушено президентом. На его основе после войны было создано ЦРУ.

⁴⁶ Fenyvesi C. Magyar – USA titkos tárgyalások a II. VH-ban 1–5. http://www.flagmagazin.hu/print_cikk.php?cikk_id=297; Ó is. Három összeesküvés : Rundstedt tábornagy, Canaris tengernagy és a zsidó mérnök, aki megmenthette volna Európát. – Budapest, 2007.

⁴⁷ Juhász G. A történeasz... – Old. 20.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Pritz P. A Kállay-kormány... – Old. 94.

⁵⁰ Отдел специальных операций (Special Operations Executive – SOE) был выделен в начале Второй мировой войны из МИ-6 (Military Intelligence – внешняя разведка Великобритании) и занимался террором, диверсионной работой и поддержкой подполья в оккупированной Европе. Располагался в Лондоне на знаменитой Бейкер-стрит. После 1945 г. SOE был закрыт, а его службы переданы в секцию спецопераций «Д» в МИ-6.

⁵¹ Foreign Office Intelligence Department (FOID).

⁵² Bundesarchiv (Berlin), Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg). Опубликованы: Ungváry K. A magyar megszállás Ukrajnában és Lengyelországban // Nagy Képes milleneumi hadtörténet / Szerk. Rác A. – Budapest, 2000. – Old. 403–408; Ó is. A Magyar honvédség a második világháborúban. – Budapest, 2004; Ó is. Ungarische Besatzungskräfte in der Ukraine, 1941–1942 // Ungarn Jahrbuch : B. 26 : Jahrgang 2002/2003. – München, 2004. – S. 125–163; Hungarian occupation Forces in the Ukraine, 1941–1942 : The Historiographical Context // Journal

of Slavic Military Studies. – 2007. – № 20. – P. 81–120; *Ungváry K. A Kárpát-csoport és a megszálló erők harcai // Magyarország a második világháborúban...* – Old. 55–64.

⁵³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7021.

⁵⁴ *Ungváry K. A magyar megszállás Ukrajnában...* – Old. 403; *Ő is. A Kárpát-csoport...* – Old. 61.

⁵⁵ Паппенхейм Рабе фон (1894–1977) – немецкий военный деятель, с 1 июля 1944 г. генерал-лейтенант. В 1937–1940 гг. военный атташе Германии в Брюсселе, с октября 1941 г. по 1943 г. – в Будапеште. Единственный немецкий офицер высокого ранга, которого сняли с должности по венгерскому требованию. В начале октября 1943 г. в отдел военных действий штаба командования Венгерских оккупационных войск поступила немецкая шифрованная телеграмма, которую Р. фон Паппенхейм отправил немецкому связному офицеру подполковнику Освальду и одновременно его начальству. Поскольку имя Освальда не было указано в качестве адресата, Освальд передал телеграмму венгерскому командованию вместе с ключом шифра. После расшифровки выяснилось, что в телеграмме говорилось о том, что венграм нельзя доверять, поскольку они ждут подходящего момента для выхода из военных действий. Поэтому самым целесообразным было бы использовать их подальше от венгерской границы, вкрапленными в немецкие соединения. Командующий генерал-полковник Г. Лакатош немедленно передал телеграмму начальнику генштаба вооружённых сил генерал-полковнику Ф. Сомбатхейи, а тот, посчитав телеграмму оскорбительной, потребовал отставки Р. фон Паппенхейма, которая и состоялась 8 октября. Вероятнее всего, причиной отставки был не венгерский протест, а факт передачи шифра.

⁵⁶ *Ungváry K. A magyar megszállás Ukrajnában...* – Old. 403.

⁵⁷ *Ő is. A Kárpát-csoport...* – Old. 61.

⁵⁸ *Ibid.* – Old. 61–63.

⁵⁹ Кох Эрих (1896–1986) – нацистский партийный и военный руководитель. В 1942–1944 гг. рейхскомиссар Украины.

⁶⁰ *Ungváry K. A magyar megszállás Ukrajnában...* – Old. 404–405.

⁶¹ Бауман Иштван (1894–1966) – генерал-майор. Командир 46-го пехотного полка 105-й дивизии. 12 февраля 1945 г. попал в советский плен. 1 октября 1947 г. в Войковском лагере для военнопленных был передан следственным органам государственной безопасности. За совершение преступлений на оккупированных территориях 25 ноября 1947 г. осуждён военным трибуналом на 25 лет принудительных работ с отбыванием в исправительно-трудовом лагере. 20 ноября 1955 г. передан венгерским правовым органам. Находился в тюрьме г. Ясберень, затем переведён в Центральную тюрьму в г. Будапеште. Освобождён 8 октября 1956 г. Приговор см.: Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 463 п. Оп. 1. Д. 211. Л. 5–15. В имеющейся в РГВА учётной карточке сказано: «Бауман Иштван, Франц, содержался в лагере № 48, 362, спецгоспитале № 5771, 18 ноября 1955 г. на ст. Чоп передан представителю венгерских властей».

⁶² *Ungváry K. Ungarische Besatzungskräfte in der Ukraine...* – S. 138.

⁶³ *Anderson T. A Hungarian Vernichtungskrieg? // Militärgeschichtliche Mitteilungen.* – 2000. – № 1. – S. 353; *Ungváry K. Ungarische Besatzungskräfte in der Ukraine...* – S. 134–135.

⁶⁴ Из-за этого в 1943 г. Ф. Сомбатхейи даже временно приостановил отправку частей 18-й лёгкой дивизии и возобновил её лишь тогда, когда немецкая сторона предупредила, что этот шаг влечёт за собой задержку возвращения домой 2-й армии.

⁶⁵ Богани Карой (1890–?) – венгерский военный деятель, генерал-лейтенант (1942). С октября 1941 по 21 мая 1942 г. командир 102-й пехотной бригады. С 21 мая по 1 августа 1942 г. начальник Восточного командования оккупационной группировки.

⁶⁶ *Ungváry K. Ungarische Besatzungskräfte in der Ukraine...* – S. 147. Согласно докладу генерал-майора К. Богани от 7 июля 1942 г., в ходе боёв в районе Путивля было убито 250 партизан, взято в плен, а затем повешено или застрелено ещё 143 человека.

⁶⁷ *Háy G. Partizánok tükre.* – Budapest, 1945.

⁶⁸ *Ibid.* – Old. 48–49.

⁶⁹ *Ibid.* – Old. 49.

⁷⁰ *Ibid.* – Old. 51.

⁷¹ Абт Отто (1889–1946) – венгерский военный деятель, генерал-майор (1941). С 1 ноября 1941 по 15 октября 1942 г. командир 108-й пехотной бригады. 21 июня 1946 г. был осуждён советским военным трибуналом и 10 сентября 1946 г. казнён. 18 октября 1991 г. реабилитирован.

⁷² *Háy G. Partizánok tükre...* – Old. 44.

⁷³ *Ibid.* – Old. 53, 56.

⁷⁴ *Ibid.* – Old. 58.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 37. Д. 423. Л. 561–561 об.

⁷⁶ Там же. Л. 543–543 об.

⁷⁷ *Залесский К.А.* Командиры национальных формирований СС. – М., 2007. – С. 30.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 223; *Varga É.M. Restitúciós kutatások Moszkvában // Jelentés – Report 2000 : A Kulturális Örökség Igazgatóságának Évkönyve.* – Budapest, 2000. – Old. 107–125.

⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 223. Л. 203–243.

⁸⁰ *Ungváry K. A Kárpát-csoport...* – Old. 64.

⁸¹ *Juhász G. Magyarország a második világháborúban // Gólyavári esték. Előadások a magyar történelemről / Szerk. Hanák G.* – Budapest, 1984. – Old. 183–184.

⁸² *Pritz P. Az a "rövid" 20. század...* – Old. 163–164.

⁸³ Документ впервые был опубликован известным венгерским историком Дюлой Юхасом с добавлением результатов исследований, проведённых им в британских архивах (см.: *Juhász G. Magyar-brit titkos tárgyalások 1943-ban.* – Budapest, 1978. – Old. 158–159; Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : Сб. документов : [В 6 т.]. Т. 1. – М., 1984. – С. 396–397).

⁸⁴ Цит. по: *Juhász G. A történeész...* – Old. 107.

⁸⁵ *Szabó P. A 2. hadsereg hadműveletei...* – Old. 74–75.

⁸⁶ Яни Густав (1883–1947) – венгерский военный деятель, генерал-полковник. В 1938 г. назначен начальником военного секретариата, пользовался большим доверием регента. С 1 марта 1940 г. командир 2-й венгерской армии, в оперативном отношении подчинённой группе армий генерала Вейхса. В феврале 1943 г. армия была разгромлена советскими войсками, а сам Г. Яни тяжело ранен. После окончания войны был арестован, приговорён Венгерским трибуналом к смертной казни и расстрелян. В 1993 г. реабилитирован.

⁸⁷ Вейхс (Weichs) Максимилиан фон (1881–1954) – немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал (1943). В 1939 г. назначен командующим 2-й армией на Западном фронте. В конце июня 1942 г. под командованием Вейхса были объединены его собственная 2-я армия, 4-я танковая армия и 2-я венгерская армия. С 15 июля 1942 г. командующий группой армий «Б». Кроме 6-й и 2-й армий в группу армий Вейхса входили венгерская, румынская и итальянская армии. В январе 1943 г. советские войска нанесли сокрушительное поражение армиям Вейхса. После войны арестован американскими войсками. В 1947 г. освобождён. Один из немногих высших командиров, который избежал суда за военные преступления.

⁸⁸ См.: *Филоненко Н.В.* Участие венгерских войск в оккупации Острогожского района Воронежской области : (Июль 1942 – январь 1943 г.) // Воронежский вестник архивиста : Науч.-информ. бюл. – 2008. – Вып. 6. – С. 195–203; *Он же.* Морально-психологическое состояние венгерских войск на Дону в 1942 г. // Война на Дону : 1942–1943 гг. : Материалы междунар. науч. конф., Воронеж, 14–15 апр. 2008 г. – Воронеж, 2008. – С. 249–259; *Он же.* Бои советских войск с подразделениями 2-й венгерской армии за Щучьенский плацдарм на Дону летом 1942 г. // Берегиня. 777. – Сова : Науч. ж-л. – Воронеж, 2010. – № 2 (4). – С. 32–36; *Он же.* К вопросу о боеспособности 2-й венгерской армии : (Июль – сентябрь 1942 г.) // Воронежское краеведение: традиции и современность: Материалы обл. науч.-практ. краевед. конф., посвящ. памяти А.В. Кольцова, Воронеж, 29–30 ноября 2008 г. – Воронеж, 2009. – С. 208–213.

⁸⁹ *Szabó P. A 2. hadsereg hadműveletei...* – Old. 78.

⁹⁰ *Lajtos Á. Emlékezés a 2. magyar hadseregre : 1942–1943.* – Budapest, 1989. – Old. 34.

- ⁹¹ Szabó P. A 2. hadsereg hadműveletei... – Old. 80–81.
- ⁹² Pihurik J. Naplók és memoárok a Don-kanyarból : 1942–1943. – Budapest, 2007. – Old. 43.
- ⁹³ Juhász G. A történeasz... – Old. 238.
- ⁹⁴ Szabó P. A 2. hadsereg hadműveletei... – Old. 92.
- ⁹⁵ Личный состав воевавших насчитывал 80–90 тысяч человек, более половины личного состава армии служило в технических, снабженческих, медицинских, рабочих и железнодорожных (то есть не в боевых) подразделениях.
- ⁹⁶ Филоненко С.И., Филоненко Н.В. Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону : (Июль 1942 – февраль 1943). – Воронеж, 2003; Они же. Острогжско-Россошанская операция – «Сталинград на Верхнем Дону». – Воронеж, 2005; Филоненко С.И. От Прута и Днестра до Дона и Волги : Разгром армий сателлитов фашистской Германии под Сталинградом и Воронежем (ноябрь 1942 г. – февраль 1943 г.). – Воронеж, 1999.
- ⁹⁷ Перевод Т. Воронкиной. См. также: Örkény István hadifogolyévei : Beszélgetés a Lágerek népe orosz kiadásáról Varga É.M. / Lejegyezte Radnóti Z. // Népszabadság. – 2006 – ápr. 1; Varga É.M. Глазами историка : Послесловие // Эркень И. Народ лагерей. – М., 2005. – С. 215–223.
- ⁹⁸ Szabó P. A 2. hadsereg hadműveletei... – Old. 90.
- ⁹⁹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 9а. Д. 8. Л. 29–35; Varga É.M. Magyarok szovjet... – Old. 142.
- ¹⁰⁰ РГВА. Ф. 1п. Оп. 01е. Д. 9. Л. 67–70.
- ¹⁰¹ Там же. Оп. 1и. Д. 9. Л. 150–151; Varga É.M. Magyarok szovjet... – Old. 142.
- ¹⁰² РГВА. Ф. 1п. Оп. 01е. Д. 9. Л. 87–90; Varga É.M. Magyarok szovjet... – Old. 142.
- ¹⁰³ Szabó M. A Don-kanyar sodrásában : Ki nyerte meg a második világháborút? // Magyar nemzet. – 1992. – jan. 22.
- ¹⁰⁴ Varga É.M. Magyarok szovjet... – Old. 11, 13–14, 326.

8-я итальянская армия в боях на Дону

Филоненко Сергей Иванович,

доктор исторических наук,
Воронежский государственный аграрный
университет им. императора Петра I

Д-р Скотони Джорджо,
(Италия)

Зима 1941/42 гг. была для CSIR периодом нелёгких испытаний. Верховное командование ставило перед войсками амбициозные задачи. Начальник штаба сухопутных сил генерал М. Роатта требовал: «Зима 1941/42 гг. должна явиться для всех соединений и самостоятельных подразделений периодом самой интенсивной подготовки.

Пехотные и альпийские дивизии должны совершать 160-км переходы в 5 дней, имея при себе необходимый запас боеприпасов и продовольствия. Эти переходы должны иметь не только материальное значение, но и моральное, в том смысле, что весь личный состав будет иметь доказательство того, что значит хорошая дисциплина на марше, вера в физические способности, как индивидуальные, так и коллективные»¹.

В то же время войска были совершенно не готовы к зиме. Солдаты продолжали ходить в широких шинелях-распашонках до колен и в ботинках с обмотками. К мукам холода добавлялись ещё скудность пайка и перебои в снабжении продуктами питания. Корпусной генерал Дж. Мессе организовал «борьбу против зимы», основанную главным образом на зимовке в населённых пунктах и на санитарном обслуживании, поскольку не хватало средств и нужных тыловых служб. Дошло до курьёзов: командир корпуса приказал отобрать и послать в Рим несколько пар русских валенок, являющихся, по его мнению, самой тёплой зимней обувью, с просьбой срочно наладить их производство в Италии. Кроме того, рекомендовалось использовать местные ресурсы на оккупированных территориях. Но эта проблема не была решена.

Перспективы зимней борьбы против Красной армии также не были радужными. В начале 1942 г. советские войска продолжали атаковать итальянцев, хотя боевые действия не были столь масштабными, как в конце 1941 г. В середине января 1942 г. началось наступление советских войск на изюм-барвенковском направлении. 18–19 января 1942 г.

развернулись упорные бои за село Ворошиловка (тогда Сталинской, современной Донецкой области Украины), в ходе которых части дивизии «Принц Амедео герцог д'Аоста» понесли значительные потери в несколько сот человек и вынуждены были покинуть этот населённый пункт. 21 января в полосе 17-й немецкой армии – соседа итальянского экспедиционного корпуса слева – мощный советский удар прорвал немецкую оборону. Советские войска продвинулись западнее Изюма почти на 100 км, угрожая перерезать железную дорогу Днепропетровск – Сталино.

Итальянский экспедиционный корпус не подвергся прямому удару, но успешно развивавшееся советское наступление грозило захлестнуть CSIR. Генерал Дж. Мессе считал, что «передвижение под ударами неприятеля в зимних условиях при температуре 30–40 градусов мороза и при нехватке горючего обернётся полным уничтожением немецкой армии и нашего корпуса. Пришлось бы бросить всю технику, автомашины, артиллерию и тяжёлое вооружение»².

Он сообщил об этом немцам и приказал своему штабу срочно разрабатывать план самостоятельных действий корпуса на случай, если советские войска дойдут до линии его обороны. Разработанный итальянцами план предусматривал создание круговой обороны в ожидании помощи извне. Тогда CSIR не удалось осуществить на практике этот план, но в декабре 1942 г., когда стремительное наступление Красной армии заставило итальянские войска отступать в трудных зимних условиях, предвидение генерала Мессе получило трагическое подтверждение.

Генштаб королевской армии требовал от итальянцев сражаться до последнего и не сдаваться в плен. В частности, 10 марта 1942 г. итальянским войскам был разослан циркуляр, в котором говорилось: «Из опроса сбежавших из плена, а также по последним данным можно установить следующее: едва противнику удаётся проникнуть в наше расположение и охватить наши части или подразделения с флангов или с тыла, как они сдаются в плен. Такое действие вошло в обычай на различных участках наших фронтов и применяется как нечто вроде нормальной тактики с полным убеждением, что использованы все оперативные возможности. Кроме того, всем было ясно указано, что сдача в плен до истечения всех крайних средств сопротивления приобретает характер высшего преступления, предусматриваемого статьями 103, 106, 112, 113, 114 военного уголовного кодекса издания 1941 г. Проникновение противника не должно вызывать автоматического отступления частей, которым угрожает окружение: в таких случаях потери, вызванные паникой, охватывающей часть, бывают больше, чем потери, вызванные проникновением противника. Наоборот, нужно

продолжать борьбу всеми средствами, чтобы причинить противнику возможно большие потери; отход может быть произведён лишь по приказу высшего командования»³.

В начале 1942 г. Б. Муссолини всё же решил отправить в Россию полноценную итальянскую армию. Переговоры с немцами вёл министр иностранных дел Италии Г. Чиано. Итальянское верховное командование играло второстепенную роль: военное руководство не соглашалось увеличить количество итальянских войск на германо-советском фронте, не имея возможности обеспечивать снабжение этих войск самым необходимым. Дж. Мессе ещё летом 1941 г. открыто возражал против преобразования CSIR в ARMIR (*Armata Italiana in Russia* – Итальянская армия в России)⁴.

В начале января 1942 г. Германия просила ускорить переброску итальянских войск. Начальник итальянского генерального штаба Уго Кавальеро ответил на это, что прежде всего надо поддерживать CSIR, так как «некоторые подразделения, следовавшие на пополнение экспедиционного корпуса в России, находились в пути до 75 дней»⁵.

6 января 1942 г. У. Кавальеро доложил Б. Муссолини о том, что вместо шести запланированных ранее дивизий, из-за обострения ситуации на Балканах и в Средиземном море, можно будет перебросить на русский фронт не более трёх дивизий. Он утверждал, что необходимо предварительно восстанавливать CSIR, и сообщил, что, по мнению генерала Роатта, для отправки новых частей потребуется ещё 72 эшелона помимо 15, отправляемых ежемесячно для нормального пополнения запасов.

27 января У. Кавальеро записывает в своём дневнике: «Беседовал с [В.] Амброзио относительно пополнения итальянского экспедиционного корпуса в России. Потребуется, по крайней мере, три месяца для переброски дивизий и управления армейского корпуса. Я предупредил [Э. фон] Ринтелена о том, что мы не располагаем автотранспортом и, если положение останется прежним, вынуждены будем приостановить всякую отправку войск»⁶.

В этой связи начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта В. Кейтель 6 февраля послал письмо, в котором гарантировал помощь с немецкой стороны в отношении железнодорожного транспорта. Он настаивал на том, чтобы первый итальянский корпус в составе трёх дивизий был готов к отправке к 1 мая, а командование и второй корпус – к 1 июня.

18 февраля Кавальеро заверил Кейтеля, что эти сроки отправки итальянских войск будут выдержаны, и уточнил, что один из армейских корпусов будет состоять из трёх альпийских дивизий. 2 марта 1942 г. итальянский генштаб издал приказ об образовании в городе Тренто гор-

нострелкового (альпийского) корпуса, предназначенного для участия в боях за Кавказ. Командиром был назначен генерал Габриеле Наши.

В конце весны 8-я итальянская армия была готова к отправке в Россию. Итальянский генеральный штаб ещё не сообщил официально командиру экспедиционного корпуса, что его дивизии будут объединены в новую армию. Командующим создаваемой армии был назначен генерал Итало Гарибольди, один из самых старых генералов итальянской армии. 7 июня 1942 г., после 10 месяцев нахождения в составе армейской группы «Клейст», итальянский экспедиционный корпус вошёл в состав 17-й армии.

В январе 1942 г. на германо-советский фронт были отправлены первые подразделения альпийцев. Когда А. Гитлер и Г. Чиано вели переговоры об участии итальянских альпийских войск в военных действиях на Кавказе, итальянский генеральный штаб решил направить в Россию группу альпийских инструкторов лыжного батальона «Монте Червино»⁷. 21 февраля 1942 г. итальянский батальон «Монте Червино», специально подготовленный для ведения войны зимой, прибыл на германо-советский фронт и дислоцировался в районе Рыково. Батальон напрямую подчинялся командованию CSIR. В его задачи входили разведка и подготовка боевых рейдов в тыл противника при участии дивизий «Пасубио» и «Торино».

В начале марта в CSIR прибыли 6-й моторизованный полк берсальеров и 120-й моторизованный артиллерийский полк, которые во время передислокации из Тишина и Умани понесли потери в средствах до 50%. 15 марта эти подразделения были приданы дивизии «Принц Амедео герцог д'Аоста». К марту 1942 г. корпус был реорганизован, но не до конца. 3-я подвижная дивизия «Принц Амедео герцог д'Аоста» была преобразована в моторизованную дивизию. Два кавалерийских полка – «Савойя Кавалерия» и «Ланчьеры ди Наварра» – были заменены полком берсальеров и моторизованным артиллерийским полком, а группа лёгких танков «L6/40» после расформирования, наряду с артиллерийским полком на конной тяге, перешла в прямое подчинение CSIR. Кроме того, полк немецких парашютистов, приданный CSIR в декабре для укрепления, был заменён хорватской бригадой, прибывшей 19 апреля 1942 г.

В мае 1942 г. войска итальянского корпуса принимали участие в боях двумя тактическими группами. Группа Барбо, в состав которой входили также два немецких батальона и одна батарея 75/27-мм пушек дивизии «Пасубио», с 18 мая вступила в бой вместе с наступавшим 3-м танковым корпусом немцев. Её задача заключалась в прикрытии левого фланга корпуса, и в то же время она должна была атаковать советскую оборону в районе Малый Ростов – Кленовый – Ивановка.

Наступление началось утром 18 мая и первоначально развивалось успешно, но сильный контрудар советских войск заставил группу отойти на исходные позиции. Вторая тактическая группа в составе двух батальонов (по одному батальону от дивизий «Торино» и «Пасубио») и двух артиллерийских дивизионов с 26 мая участвовала в завершающих операциях по ликвидации очагов сопротивления советских частей, попавших в окружение.

В полосе обороны CSIR наступило длительное затишье вплоть до начала июля 1942 г.

Официальные данные о потерях CSIR, изложенные в работе исторической службы сухопутных войск Италии «Операции итальянских войск на русском фронте 1941–1943 гг.», приведены ниже⁸.

Потери CSIR (с 1 июля 1941 г. по 30 июля 1942 г.⁹)

ЧАСТИ	Офицеры					
	Погибшие	Раненые	Пропав. без вести	Обмороженные	Больные репатрианты	Итого
Дивизия «Пасубио»	20	67	–	20	130	237
Дивизия «Торино»	29	61	3	34	131	258
Дивизия «Челере»	26	73	8	20	106	233
Дивизия «Сфорцеска»	–	3	–	–	2	5
Войска и службы армейского корпуса	11	65	–	5	185	266
ИТОГО	86	269	11	79	554	999

ЧАСТИ	Унтер-офицеры и солдаты					
	Погибшие	Раненые	Пропав. без вести	Обмороженные	Больные репатрианты	Итого
Дивизия «Пасубио»	349	1136	33	755	1299	3572
Дивизия «Торино»	312	842	58	1729	1176	4117
Дивизия «Челере»	504	1643	202	545	1121	4015
Дивизия «Сфорцеска»	8	48	–	–	76	132
Войска и службы армейского корпуса	212	306	17	506	1956	2997
ИТОГО	1385	3975	310	3538	5623	14833

9 июля 1942 г. все итальянские войска на германо-советском фронте были объединены в ARMIR (8-я итальянская армия в России) со следующим боевым составом:

CSIR, переименованный в «35-й армейский корпус – CSIR»¹⁰, имевший в своём составе «автотранспортируемые» пехотные дивизии: 9-ю «Пасубио» и 52-ю «Торино», 3-ю дивизию «Принц Амедео герцог д'Аоста» и группу чернорубашечников «3 января»;

2-й армейский корпус, включавший три пехотные дивизии: 2-я «Сфорцеска», 3-я «Равенна», 5-я «Коссерия» и группу чернорубашечников «23 марта»;

альпийский армейский корпус, состоявший из трёх горнострелковых дивизий – половины всех итальянских горнострелковых войск¹¹: 2-я «Тридентина», 3-я «Юлия», 4-я «Кунеэнзе»;

156-я пехотная дивизия «Виченца», предназначенная для обеспечения территориальной безопасности в тылах (поэтому не имевшая артиллерийских полков);

соединения непосредственного подчинения командованию армией: лыжный альпийский батальон «Монте Червино», кавалерийские полки «Савойя Кавалерия» и «Ланчьеро ди Наварра», 109-й пулемётный батальон на бронев автомобилях, артиллерийские и инженерные части, 8-я армейская группа химической службы, хорватская бригада;

16 автоотрядов;

интендантство армии и службы (санитарная, транспортная, ветеринарная, снабжения, почта, склады, мастерские, госпитали, трибунал, столовые и др.);

1 батальон и 41 отдельный взвод карабинеров (полиция).

Общая численность ARMIR составляла 229 тысяч человек. В оснащение входили 16 700 автомашин, 4470 мотоциклов, 1130 тракторов, 25 тысяч лошадей и вьючных животных, 588 пушек армейской, дивизионной и корпусной артиллерии, 28 пушек 65/17-мм, 278 противотанковых 47/32-мм пушек, 224 зенитные 20-мм пушки, 423 миномёта 81-мм, 874 миномёта 45-мм, 55 танкеток L3, 19 самоходно-артиллерийских установок L6, около 100 самолётов (1 группа разведчиков, 2 группы истребителей, 2 группы транспортных самолётов)¹².

Б. Муссолини потребовал более широкого участия итальянцев «на главном фронте войны». Поэтому генеральный штаб вооружённых сил включил в состав ARMIR почти треть (28%) боевых частей итальянских сухопутных войск, в ущерб военным усилиям на африканском фронте¹³. 8-я армия, по сравнению с другими итальянскими армиями, была первой по числу автомашин и «имела преимущества и в том, что касалось армейской, дивизионной и корпусной артиллерии [...]. Из 588 артиллерийских орудий, переданных ARMIR, 180 были новейшими»¹⁴.

Вооружение и новые пехотные дивизии 2-го армейского корпуса прибывали из Италии с 17 июня по 7 июля 1942 г. Однако свежие силы высадились из эшелонов в двух разных районах выгрузки, достаточно далеко от линии фронта¹⁵, и выдвижение итальянских пехотных частей на линию фронта продолжалось до первых чисел августа. По словам российского военного историка В.Г. Сафронова, «повторялась история 1941 г.: итальянцам пришлось в основном в пешем строю догонять немецкие войска, наступавшие на южном крыле фронта»¹⁶.

По настойчивой просьбе А. Гитлера итальянские альпийские части должны были воевать на Кавказе, и к 1 июля 1942 г. армейский корпус в составе трёх горнострелковых дивизий общей численностью 55 тысяч человек был объявлен готовым к отправке. Он имел 14 тысяч лошадей и вьючных животных, 6 тысяч автомашин, 226 орудий и миномётов. «Кунезэнзе», «Юлия» и «Тридентина» были дивизиями трёхполкового состава: каждая насчитывала более 16 тысяч солдат и офицеров, в каждой имелись 5 тысяч лошадей и мулов и 1,6 тысячи автомашин; командование корпуса, штабные службы и части непосредственного подчинения состояли из 307 офицеров и 4711 солдат¹⁷. Горнострелковые войска были вооружены обычно винтовками образца 1891 г. Самые старшие по возрасту альпийцы были 1911 г. рождения, и большинство солдат являлись ветеранами греческой войны.

Б. Муссолини боялся, что войска ARMIR придут в Россию слишком поздно, как это уже случилось с французским фронтом, когда немцы всё прибрали к рукам. Поэтому итальянское командование отдало приказ ускорить во что бы то ни стало отъезд альпийского армейского корпуса на германо-советский фронт. В приказе от 4 июня 1942 г. было сказано: «Подготовка к отправке должна завершиться не позже 25 июня. Нельзя откладывать срок отправки: даже если не будут на месте все материалы для подготовки, отправка войск должна состояться. Бесполезно просить ещё средств, особенно автомашин, или, ещё хуже, изменений в составе, потому что недостаток средств на вооружения и ограниченность во времени не позволяют удовлетворить такие просьбы»¹⁸.

Начальник штаба дивизии «Тридентина» майор Алессандро Амброзиани, рассказывал: «Отъезд дивизий произошёл как-то под сурдинку, никто не подавал нам знак о добром пожелании. У всех было глубокое осознание опасного испытания, ждущего нас. Не слышно было обычных весёлых песен, всегда сопровождавших отъезды альпийских частей»¹⁹.

Ветеран дивизии «Тридентина» Джулио Зобеле, служивший во 2-м альпийском артиллерийском полку, вспоминал, что отъезд его подразделения из города Кивассо был отложен на два дня

из-за того, что многие альпийцы отказывались садиться в поезд. В частности, ветераны похода в Грецию и Албанию не хотели ехать на русский фронт.

Дисциплинарные проступки были и в дивизии «Юлия». Ветеран Гуидо Веттораццо, тогда лейтенант батальона «Толмеццо», рассказывал, что на железнодорожном вокзале города Удине, за несколько дней до отъезда на восток, группа альпийцев ночью украла из поезда с имуществом дивизии автомашину. На её радиаторе висел большой портрет дуче. Они катались по разным сёлам и предлагали всем встречным плевать на портрет. Протест обеспокоил местных фашистов, и карабинеры назначили расследование, которое продолжалось даже когда дивизия «Юлия» уже находилась на Дону²⁰.

Летом 1942 г. высшее командование альпийского армейского корпуса приказало строго контролировать железнодорожные составы, не исключая возможности инцидентов, связанных с неприемлемым поведением альпийцев, которые могли дезертировать из своих подразделений в пути до итальянско-австрийской границы у Бреннеро, чтобы избежать похода в Россию²¹.

С 9 июля 8-я итальянская армия заменила экспедиционный корпус в резерве группы армий «А», которая быстро наступала на Кавказ. В середине июля дивизии 35-го армейского корпуса – CSIR, укрепленные дивизией «Сфорцеска», принимали участие вместе с 17-й армией вермахта в боях в районе посёлка Красный Луч (11–22 июля) в направлении Ворошиловграда. Это была операция по прочёсыванию территории, на которой находились остатки окруженных частей советской 18-й армии Южного фронта. Здесь дивизия «Принц Амедео герцог д'Аоста» понесла большие потери. Погибло 635 солдат и офицеров²².

Два дня спустя 8-ю итальянскую армию, как мобильное объединение, вывели из подчинения группы армий «А» и включили в состав 6-й армии под командованием Ф. Паулуса, рвавшейся к Сталинграду. 27 июля немецкое командование приказало берсальерам выдвинуться на 440 км к г. Серафимович Сталинградской области с целью уничтожить советский плацдарм на западном берегу Дона. Штурм плацдарма начался 31 июля и был безуспешным. 3 августа берсальеры заняли Серафимович, но их попытки преодолеть сопротивление защитников плацдарма не принесли результата. Тем временем главные силы группы армий «А», наступавшие на Северном Кавказе, не ожидая, пока сосредоточение итальянских пехотных дивизий будет завершено, начали форсировать реку Кубань.

5 августа 8-я итальянская армия была включена в группу армий «Б» с задачей дойти до реки Дон. Но горнострелковый корпус по-прежнему оставался в составе группы армий «А».

Тогда командующий армией генерал Итало Гарибольди издал необычный приказ: «По договору между дуче и фюрером армейский корпус альпийцев будет использован вне компетенции армии, т.е. в районе Кавказа. [...] С [горечью] смотрю на армейский корпус, далеко ушедший от 8-й армии, желая ему неизбежной славы, хочу морально привязать его к 8-й армии как неотъемлемую часть итальянских вооружённых сил в России»²³.

Одновременно он выразил немецкому командованию протест, в котором оспаривал решение выстраивать 8-ю армию вдоль реки Дон с расширением фронта до 270 км²⁴. Немцы ограничились тем, что пообещали, что в конце Сталинградской битвы протяжённость фронта будет сокращена, а до этого они будут приходить на помощь к итальянцам каждый раз, когда это будет нужно.

10 августа альпийский корпус был наконец передан в подчинение 17-й немецкой армии, наступавшей на Кубани, а дивизии «Тридендина» 14 августа командование группы армий «А» поставило задачу продвигаться к Ростову-на-Дону, а затем – в направлении Армавира. Перебрасывать войска предусматривалось «обычным способом», то есть пешком, потому что из-за оперативных обстоятельств немецкие союзники, несмотря на договорённость, не могли предоставить итальянцам автомобили.

В середине августа на южном крыле германо-советского фронта обстановка изменялась быстро. Достигнув Армавира, войска группы армий «А» овладели важными центрами – Майкопом и Краснодаром, дойдя вплоть до склонов Кавказа. Продвижение группы армий «Б» в междуречье Волги и Дона, наоборот, встретило серьёзные трудности: западнее г. Калач, в большой излучине Дона, советская 62-я армия задержала продвижение 6-й армии вермахта. По словам Дж. Мессе, «неожиданное, упорное сопротивление русских в Воронеже указывало на то, что враг придавал большое значение линии Среднего Дона, и на ней оборона будет жёсткой. [...] Поэтому надо было дать линии Дона, особенно на участке Воронеж – Серафимович, необходимую плотность, для того чтобы река не стала для вражеских войск базой нанесения контрудара в тыл групп немецких армий. В связи с этой обстановкой 8-й армии приказали выстраиваться на Донском фронте»²⁵.

С 30 июля дивизия «Принц Амедео герцог д'Аоста» уже воевала на Дону в Серафимовиче. С этой битвы, начатой советскими войсками для ослабления немецкого давления на сталинградском направлении, начались августовские (20 августа – 1 сентября) бои 1942 г. 8-й армии, вошедшие в итальянскую историографию под названием «первое оборонительное сражение на Дону»²⁶. 14 августа 79-я дивизия вермахта заменила итальянскую дивизию.

Потери берсальеров были серьёзными – более 1200 человек, и дивизия «Принц Амедео герцог д’Аоста», возвращённая в состав ARMIR, была направлена в тыл на доукомплектование.

Развёртывание 8-й армии на рубеже Дона предусматривалось только в 20-х числах августа, поэтому 35-му корпусу было приказано продвинуться с дивизиями «Пасубио» и «Сфорцеска» к берегу реки севернее Серафимовича на левый фланг 17-го армейского корпуса генерала вермахта К. Холлидта. Едва итальянские части заняли полосу обороны, как 20 августа началось наступление советских войск Южного фронта. 63-я армия форсировала Дон в двух местах: на юге, на участке дивизии «Сфорцеска», и на севере, напротив 2-го армейского корпуса, в районе села Верхний Мамон (Воронежской обл.), где оборонялась дивизия «Равенна»²⁷.

И. Гарибольди немедленно изменил маршрут движения альпийского корпуса. По его приказу 19 августа все горнострелковые дивизии были отозваны и направлены к Ворошиловграду, чтобы снова войти в состав 8-й армии.

Главный удар частей 63-й армии наносился в стык 35-го и его соседа справа – 17-го – немецких корпусов. Наступление проводилось с целью расширения плацдармов на западном берегу Дона и создания угрозы основному пути снабжения 6-й армии и нападения на её северный фланг. Войска 197-й советской стрелковой дивизии быстро разгромили дивизию «Сфорцеска». Развивая успех вместе с 14-й гвардейской и 203-й стрелковой дивизиями, они 24 августа заняли станицу Чеботаревскую, основной узел сопротивления в глубине обороны 35-го корпуса.

Открылась опаснейшая брешь в тылу войск Паулюса. В связи с острой нехваткой резервов положение итальянцев стало критическим. Это произошло «при полном отсутствии тактического содействия со стороны левого фланга 17-го корпуса», – утверждал Мессе²⁸.

25 августа Дж. Мессе решил, что необходимо отойти и организовать оборону на рубеже реки Криуша, вокруг узла сопротивления близ посёлка Горбатовский. Но вмешалось немецкое командование. Дивизии «Сфорцеска» и «Принц Амедео герцог д’Аоста» были выведены из 35-го корпуса и переданы в подчинение 17-го немецкого корпуса. «В этом неожиданном вмешательстве высшего немецкого командования было явное намерение забрать управление оборонительной битвой из рук итальянских генералов [...]. За год похода я не раз видел грубые вмешательства немецкого командования в отношении румынских или венгерских частей. В январе в Изюме в пылу битвы они уволили из одной румынской дивизии её командира и заменили его немецким генералом. Однако с трудом поверил, что немцы могли пользоваться той же самой

примитивной и грубой системой в отношении итальянской армии», – писал Дж. Мессе²⁹.

Протест Мессе был таким сильным, что заставил командование группы армий «Б» отдать за 24 часа итальянскому командованию итальянские части, оборонявшиеся вокруг узла сопротивления в хуторе Ягодный (Сталинградской обл.). Благодаря этому манёвру фронт стабилизировался до того как прибыли первые альпийские стрелки.

Как считают итальянские историки, «альпийский армейский корпус не успел принять участие в “первом оборонительном сражении на Дону”, в котором итальянская армия упорно боролась и выдержала натиск советских войск»³⁰.

К 19 августа дивизия «Тридентина», первой направившаяся к Кавказу, была уже четыре дня на марше, когда получила приказ возвратиться назад. Её части пришли в пешем строю в Ворошиловград 24 августа. Сюда им навстречу был отправлен автотранспорт³¹, чтобы загрузить шесть батальонов из 5-го и 6-го альпийских полков и перевезти их в район Большой – Горбатовский, где шли бои. Прибывавшие на участок 35-го корпуса, чтобы заткнуть брешь, горнострелковые войска оказались в Миллерово 26 августа и перешли в распоряжение корпуса 27 августа, в конце советского наступления.

Дж. Мессе планировал использовать эти части для энергичного контрнаступления: «[...] план сводился к отвоеванию всех потерянных позиций до отброски русских за Дон. Командующий группой армий “Б” выразил согласие с этим предложением, которое предполагало также прямое участие в боях левого фланга 17-го немецкого корпуса»³².

29 августа по просьбе германского командования предусмотренное ранее наступление было перенесено на следующее утро, а за два часа до начала было вновь отложено на 31 августа.

В то время как фронт 35-го корпуса стабилизировался, советские войска продолжали вести наступление на позиции 17-го корпуса в районе Серафимовича. «[...] Командование этого корпуса использовало все свои силы в обороне, а для контрнаступления вместе с итальянскими войсками не оставалось ничего или же оставалось мало. Таким образом, из-за отсутствия содействия со стороны союзника с практически ничтожным результатом закончилась контрнаступательная фаза сражения на Дону»³³.

Потери среди альпийцев были тяжёлые: в батальоне «Вестоне» они составляли 443 убитых и раненых, в батальоне «Валкиезе» – 44 убитых и 146 раненых. Командир 35-го корпуса окончательно остановил свои дивизии, и корпус перешёл к обороне на рубеже Нижний Калиновский – Верхне-Кривская – Ягодный – Большой Калиновский. Так закончилось «первое оборонительное сражение на Дону». Общие потери состави-

ли: 2704 (из них 139 офицеров) убитых и пропавших без вести, 4212 (из них 207 офицеров) раненых³⁴.

Первый боевой опыт альпийцев на германо-советском фронте был отражён в докладе от 4 сентября 1942 г. командира альпийского корпуса генерала Г. Наши командующему 8-й итальянской армией И. Гарибольди: «Практически операция закончилась, принесла ничтожные результаты, в то же время оба батальона понесли значительные потери: офицеров – 23, унтер-офицеров – около 20, альпийцев около 500. Не считая того, что это могло оказать плохое моральное действие на альпийцев, так как при первом же контакте с противником нашим войскам пришлось отступить от достигнутых рубежей»³⁵.

19 августа дивизию «Тридентина» послали срочно в Миллерово, а остальным дивизиям, «Юлии» и «Кунеэнзе», командованием 8-й армии было приказано выдвинуться как можно скорее на Дон и выстроиться на крайнем левом фланге армии, на севере села Новая Калитва, сосредоточиваясь в районе г. Россошь.

Однако из-за неустойчивого хода операций на участке 35-го армейского корпуса и беспрерывных ударов советских войск по дивизии «Равенна» направление движения горнострелковых дивизий снова изменили. 3 сентября командующий армией приказал горнострелковому корпусу прервать переход на Верхний Дон и отправиться в центр обороны, оставив две дивизии в резерве до стабилизации обстановки. В частности, дивизия «Кунеэнзе» выстраивалась в 20 км севернее Миллерово. Отсюда она могла быстро двигаться и на северо-восток, на участок 35-го армейского корпуса, и на север, на участок 2-го армейского корпуса.

8 сентября альпийскому корпусу была поставлена новая задача переразвёртывания на рубеже Дона с заменой 294-й немецкой дивизии на участке Новая Калитва – Павловск. В связи с этим командование альпийского корпуса приказало дивизии «Кунеэнзе» направиться на Дон севернее реки Калитва, а «Юлии», которая уже двигалась к Россоши, дойти до села Поповка.

10 сентября командование армии дало контрприказ дивизии «Кунеэнзе», только что вышедшей из Миллерово, срочно отправить 2-й батальон в село Талы, в долину реки Богучарка, в качестве резерва участка 2-го армейского корпуса, предполагая советское наступление на этом фронте. И действительно, на следующий день два сильных удара были нанесены советскими войсками по дивизиям «Коссерия» и «Равенна». Когда атаки прекратились, «Кунеэнзе», наконец, достигла «Юлии» в Россоши.

Окончательное расположение альпийского армейского корпуса на Верхнем Дону было определено в приказе командования 8-й армии 13 сентября: «Альпийский армейский корпус должен выстраиваться

сначала с дивизиями “Юлия” и “Кунеэнзе” на первой линии, на участке 294-й немецкой дивизии, которая перейдёт на вторую линию в распоряжение армии, сосредоточиваясь в районе Суд-Николаевка – Подгорное и в близлежащих местностях.

Можно было предположить, что к середине октября рубеж участка армии будет перенесён к устью реки Битюг, и тогда альпийский армейский корпус должен будет охранять участок между новым северным рубежом армии и населённым пунктом Старая Калитва, включая в свой ряд и дивизию “Тридентина”, которая в это время будет уже сосредоточена в этом районе»³⁶.

10 октября дивизия «Тридентина» была заменена на первой линии обороны 9-й румынской дивизией и к 30 октября завершила возвращение в состав альпийского корпуса, пройдя 400 км с крайнего правого фланга 8-й армии до крайнего левого фланга, до Подгорного. Передвижение происходило пешком до Миллерово. Отсюда до района переразвёртывания 5-й и 6-й альпийские батальоны проехали по железной дороге, а другие подразделения и обозы продолжали марш.

С развёртыванием альпийского корпуса на правом берегу Дона началась называемая итальянскими историками «фаза сопротивления на Дону». Линия обороны альпийского корпуса проходила вдоль самого крутого правого берега Дона, возвышающегося над левым.

«Дон действительно является очень существенным препятствием для обороны также и против бронетанковых средств [...]. Весьма не просто положение альпийских войск: они ехали из Италии к Кавказским горам, а теперь находятся на ровной местности, с речкой, которую надо переплыть на лодках или на подручных средствах, для того чтобы дойти до линии обороны противника»³⁷.

С 20 сентября до середины декабря 1942 г. пребывание альпийского корпуса на рубеже обороны характеризуется периодом, названным в военных исследованиях «оперативный застой».

На Дону 8-я итальянская армия сохраняла, вплоть до своего разгрома, целиком оборонительное расположение. Это произошло вследствие соблюдения приказов командования вермахта. 14 октября оно отдало приказ № 1 об операциях по зимней кампании за подписью А. Гитлера, в котором говорилось: «Летняя и осенняя кампании 1942 г. закончились [...]. Мы достигли больших успехов. Огромным наступлением мы отбросили врага до Кавказа и до Дона, и наземные связи между Центральной Россией и регионом Кавказа, жизненно важные для проведения войны, были, в общем, отрезаны [...]. Кроме специфических исключений, армия Восточного фронта во время зимы выполнит только оборонительные задачи. Следовательно, все наши части должны будут готовиться провести суровую зиму, защищая до последнего линию Дона»³⁸.

ARMIR была организована почти без танковых частей и с большой нехваткой автотранспортных средств в двух корпусах из трёх, поэтому на равнине такая армия не могла принять участие в крупных наступательных операциях и вынуждена была выполнять только оборонительную функцию.

Итальянские войска постоянно получали приказы о необходимости извлечения уроков из проводимых боевых действий, в них указывалось на допускаемые просчёты и ошибки в обороне. В частности, командир 2-го армейского корпуса В. фон Брокдорф-Алефельд утверждал: «Оценка сил противника. Имеется тенденция преувеличивать эти силы. Достаточно какому-нибудь пленному сказать, что он принадлежит к такому-то батальону, как тотчас же делается заключение, что весь батальон находится на той стороне Дона.

Необходимо решительно стремиться к тому, чтобы русские солдаты, которым удаётся переправиться через Дон, не могли бы вернуться обратно. Все должны были уже понять, что если русский солдат ещё на ногах, не уничтожен и не захвачен в плен, то мы снова увидим его перед собой в следующую атаку. Следовательно, необходимо вести сильные контратаки, направленные на Дон (откуда питается атака), а если необходимо, то и с тыла»³⁹.

Довольно актуальной была борьба с трусостью, страхом перед потерями, паническими настроениями в армии. Итальянских солдат призывали жертвовать собственными жизнями ради борьбы с большевизмом.

В приказах войскам говорилось: «При постоянном проявлении осторожности и страхе перед потерями эти потери, в конечном счёте, оказываются выше потерь в решительной и хорошо подготовленной атаке, хорошо руководимой и проведённой до [...] конца – полного достижения цели. Добросовестное использование всеми офицерами этого опыта является вопросом чести, чтобы победа была достигнута с минимальными для нас потерями. [...] Мы находимся здесь не для героической смерти (это не исключает, однако, личную доблесть и порыв), а для уничтожения возможно большего количества противника, жертвуя собственной жизнью. А это две разные вещи»⁴⁰. В конце сентября 1942 г. генерал И. Гарiboldи отмечал: «[...] Лица, находящиеся проездом при этапной службе в Бухаресте и прибывающие с русского фронта, легкомысленно и злонамеренно распространяют тревожные и пессимистические слухи о тяжёлом положении, в котором находится 8-я армия в отношении снаряжения и зимней одежды. Эти легкомысленные и непроверенные слухи собираются местным гражданским населением и распространяются среди итальянской колонии.

Итальянское военное командование в Бухаресте было предупреждено относительно этого, и необходимо, чтобы оно обратило внимание на офицеров и солдат, находящихся проездом в Бухаресте, и сообщило командованию 8-й армии фамилии военнослужащих, распространяющих подобные слухи. Особенно необходимо, чтобы лица, подчинённые указанному [...] командованию (особенно офицеры), воздерживались от бесполезной и вредной болтовни и от распространения тревожных слухов»⁴¹.

Из-за большой отдалённости русского театра военных действий от Италии снабжение огромного войска ARMIR было затруднительным. Итальянцы зависели во всём от своих немецких союзников: и в движении эшелонов из Италии, и в снабжении на месте. Пополнение запасов было установлено договором о поставках, заключённым между итальянскими и немецкими вооружёнными силами 14 марта 1942 г.: итальянцы должны были закупать продукты напрямую у германского Центрального общества восточной торговли или у вермахта по уже установленным ценам в марках рейха и в определённом количестве⁴².

Порядок использования местных ресурсов на оккупированных территориях был определён другим итало-немецким договором «О поведении и об организации военного хозяйства на восточных территориях», подписанным 11 июня 1942 г.⁴³

Всего 8-я итальянская армия контролировала 50 тысяч км² оккупированной советской территории, на которой проживало около полумиллиона человек. В итальянских отчётах утверждалось: «Экономическое положение местного населения крайне жалкое. До тех пор, пока это было возможно, все три оккупационные армии (немецкая, венгерская и итальянская) питались и снабжались за счёт местного населения. Помогали жёсткие меры в использовании местных ресурсов. Извне местное население не снабжается»⁴⁴.

Итальянские фашисты издавали даже специальные рекомендации по обращению с местным населением оккупированных районов. В частности, командир группы чернорубашечников «Леонесса» консул Г. Сарду указывал: «Население должно видеть в нас покровителей, а не мучителей обезоруженных побеждённых. Русский при твёрдом, но справедливом с ним обращении охотно работает и проявляет покорность. Для умиротворения (которое обеспечит бесперебойное снабжение и эксплуатацию территории в пользу нашей экономики) необходима твёрдая, но справедливая рука.

Итальянский солдат должен доказать своим поведением, что он принадлежит к народу древней культуры. Что касается способов действия, то не следует допускать, чтобы они были истолкованы как слабость

и снисходительность. Противодействия отданным распоряжениям, всякого рода насилие требует немедленных и энергичных репрессивных мер. Строгим, но справедливым поведением итальянский солдат должен служить лучшим пропагандистом фашистской родины»⁴⁵.

5 и 6 ноября дивизия «Тридентина», занимавшая оборону по правому берегу Дона, сменила 23-ю венгерскую дивизию. С прибытием «Тридентины» фронт горнострелкового корпуса стал длиннее и на севере, на позициях в районе Белогорья, удерживаемых до этого частями 2-й венгерской армии, и на юге, включая реку Калитва, в стыке с 89-м пехотным полком дивизии «Коссерия». Таким образом, линия фронта альпийского корпуса фактически протянулась до 75 км, а все три горнострелковые дивизии оказались в первом эшелоне: на севере – 2-я дивизия «Тридентина» (от посёлка Бабка до посёлка Буйволовка); в центре – 3-я дивизия «Юлия» (от Буйволовки до Нижнего Карабута); на юге – 4-я дивизия «Кунеэнзе» (от Нижнего Карабута до правого берега реки Калитва).

На рубеже Дона альпийский корпус держал оборону на севере с 23-й дивизией 2-й венгерской армии и на юге – со 2-м армейским корпусом, включавшим 5-ю итальянскую дивизию «Коссерия», 318-й немецкий пехотный полк и 3-ю итальянскую дивизию «Равенна»; затем занял полосу обороны 35-й армейский корпус CSIR, состоявший из пехотных дивизий (294-й немецкой и 9-й «Пасубио»); ещё дальше на юге находился 29-й немецкий армейский корпус, в составе которого были только итальянские дивизии «Торино», «Принц Амедео герцог д'Аоста» и «Сфорцеска»⁴⁶; наконец, правее, у излучины Дона, были остатки 3-й румынской армии.

Штаб альпийского корпуса находился в Россоси, районном центре и важном узле дорог, расположенном примерно в 40 км к востоку от Дона. В качестве резерва в состав корпуса вошла пехотная дивизия «Виченца», созданная с целью поддержания территориальной безопасности в тылу.

Главные усилия альпийцев были направлены на максимальное укрепление пассивной обороны. В течение полутора месяцев на переднем крае была построена система дзотов, соединённых между собой траншеями, создана эшелонированная полоса инженерных сооружений. У переднего края были сооружены ряды проволочных заграждений, вырыты противотанковые рвы и подготовлены минные поля. От первых траншей в глубину ответвлялись ходы сообщений, и главная полоса включала систему опорных пунктов с артиллерией. К концу ноября были отмечены меры по сосредоточению советских войск на участке фронта 8-й итальянской армии; в частности, напряжённая наступательная подготовка отмечалась в зоне фронта 2-го итальянского

армейского корпуса, в излучине Дона, в районе устья реки Чёрная Калитва, а также перед фронтом альпийского корпуса.

Итальянцы находились в неведении, когда войска Красной армии готовились прорвать фронт обороны, «верховное командование вермахта и командующий 8-й армией Гарибольди убедились в том, что перед фронтом горнострелкового корпуса приток войск был незначительным и что не следует бояться нападений на этих участках [...]. Поэтому альпийцы, укрепляя свою оборону, мало-помалу убеждались, что они не находятся под угрозой, не должны бояться серьёзных атак и что могут спокойно оставаться на зимовку на Дону»⁴⁷.

16 декабря 1942 г. началось наступление советских войск на Среднем Дону – операция «Малый Сатурн». В этой операции войска Воронежского и Юго-Западного фронтов должны были нанести один сокрушительный удар на юг и юго-запад из района Верхнего Мамона на Средний Дон в 100–200 км северо-западнее Сталинграда, разгромить войска противника, действовавшие на территории между Сталинградом и Ворошиловградом, расцечь коммуникации, идущие с запада к Сталинграду, выйти в тыл тормосинской группировки противника и вместе с другими фронтами парализовать все попытки группы армий «Дон» под командованием Э. фон Манштейна спасти окружённые в Сталинграде дивизии. Ударным группировкам Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов на участке от Новой Калитвы до Нижне-Чирской противостояли основные силы 8-й итальянской армии, немецкая оперативная группа «Холлидт» и остатки 3-й румынской армии – всего около 27 дивизий.

В итальянской историографии отмечается, что так называемая «вторая оборонительная битва на Дону» была начата 11 декабря, когда разведчики советской 1-й гвардейской армии атаковали позиции 2-го итальянского армейского корпуса на стыке Воронежского и Юго-Западного фронтов. Затем несколько стрелковых батальонов 6-й армии генерала Ф.М. Харитоновва провели разведку боем. Боевое охранение итальянской 5-й дивизии было уничтожено по всей полосе прорыва. Советские войска овладели несколькими высотами на южном берегу Дона, деревней Самодуровка и частью деревни Дерезовка.

В своих мемуарах генерал армии М.И. Казаков писал: «Итальянцы долго не могли успокоиться. В течение второй половины дня 12 декабря и весь день 13 декабря они вели контратаки, пытаясь восстановить положение. В бой по отражению этих контратак втянулась почти вся 127-я стрелковая дивизия. Её бойцы и командиры действовали умело и мужественно. Они удержали плацдарм и нанесли серьёзный урон 5-й итальянской дивизии»⁴⁸. Затем два дня русские наступали южнее на участке дивизии «Пасубио». На третий день советская пехота

поднялась на штурм позиций дивизии «Коссерия» в Новой Калитве, и итальянские соединения были вынуждены отступить. Чтобы восстановить положение, командование группы армий «Б» вывело из оперативного резерва 385-ю немецкую пехотную дивизию, которая закрепилась в траншеях на левом крыле дивизии «Коссерия».

Утром 16 декабря 1942 г. с полуторачасовой артподготовки началось наступление войск Юго-Западного фронта и 6-й армии Воронежского фронта. После артподготовки 1-я гвардейская и 6-я армии перешли в наступление. В результате трёхчасового боя стрелковые соединения 6-й армии вклинились в оборону противника на 2–3 км. Однако для развития наметившегося успеха сил оказалось недостаточно.

Обстановка на участке прорыва 1-й гвардейской армии складывалась неблагоприятно – 41-я и 44-я гвардейские стрелковые дивизии, наступавшие в центре ударной группировки армии, встретили ожесточённое сопротивление противника и к середине дня смогли вклиниться в его оборону всего на 300–400 м. Чтобы ускорить прорыв главной полосы обороны противника, командующий войсками фронта приказал ввести в сражение танковые корпуса. Но, едва вступив в соприкосновение с противником, они попали на минные поля и понесли значительные потери. Только утром 17 декабря, после разминирования, корпуса возобновили наступление. Первыми завершили прорыв главной полосы обороны противника 35-й танковый и 4-й гвардейский стрелковый корпуса, в прорыв устремились 17-й и 18-й танковые корпуса. К концу дня танковые корпуса и дивизии 4-го гвардейского стрелкового корпуса продвинулись на 20–25 км и подошли к рубежу обороны противника по реке Богучарка⁴⁹.

В ночь на 18 декабря 25-й танковый корпус во взаимодействии с 41-й гвардейской стрелковой дивизией сломил сопротивление противника на реке Богучарка и продвинулся на 10 км в южном направлении. Командование 8-й итальянской армии попыталось закрыть эту брешь, выдвинув 3-ю альпийскую дивизию «Юлия», 27-ю немецкую танковую дивизию и часть подразделений 387-й немецкой пехотной дивизии. В ходе упорных боёв в течение 18 декабря итало-немецкие части оставили рубеж обороны и стали отходить на юг и юго-запад. В итоге оборона на богучарском направлении была прорвана. К исходу дня советские танки вышли в тыл 35-го итальянского армейского корпуса⁵⁰. Командир дивизии «Юлия» У. Риканьо прибыл 18 декабря в штаб 2-го итальянского армейского корпуса, расположенный в селе Митрофановка, чтобы узнать последние новости о результатах боёв и уточнить задачи своей дивизии. Командир корпуса генерал Джованни Зангьери не смог поставить генералу Риканьо никаких задач, а лишь сообщил, что Красная армия бросила против корпуса значи-

тельные силы, советские танки вклинились в оборону и централизованное управление войсками было потеряно.

Остатки 2-го армейского корпуса стали откатываться с рубежа Дона, потеряв убитыми, ранеными и пленными 70% своего состава. «Для того чтобы избежать поражения, необходимо было раньше снабжать войска на переднем крае обороны продовольствием, горючим и боеприпасами. Но ничего этого не было получено», – утверждал итальянский полковник Бозелли⁵¹.

Ночью 19 декабря командование армии официально передало оперативную ответственность из рук командования 2-го итальянского армейского корпуса 24-му немецкому танковому корпусу, штаб которого был расположен в Голой. Командование 24-го немецкого танкового корпуса заменило командование 2-го итальянского армейского корпуса бесцеремонно, просто отключив телефонную связь между 2-м итальянским корпусом и немецкими частями⁵². Пока остатки дивизий «Равенна» и «Коссерия» отходили в тыл, командование 2-го итальянского армейского корпуса было перемещено в Ворошиловград.

Днём 19 декабря советские войска атаковали левый фланг альпийского корпуса. Позиции дивизии «Кунеэнзе» в Старой Калитве подверглись сильной бомбёжке. Батальон «Салуццо» на правом крае участка дивизии «Кунеэнзе» пошёл в бой вместе с остатками 89-го пехотного полка дивизии «Коссерия», которые оказали упорное сопротивление в районе Новой Калитвы. На рубеже Новая Калитва – Зелёный Яр – Ивановка части «группы быстрого действия» дивизии «Юлия» и дивизионная группа «Фогеляйн» (сформированная из полицейских и охранных частей), войска которой тоже действовали здесь, предпринимали невероятные усилия, чтобы остановить соединения Воронежского фронта. Подход «группы быстрого действия» и батальона «Монте Червино» обеспечил развёртывание войск дивизии «Юлия» на позициях участка 24-го танкового корпуса.

20 декабря на участке альпийской дивизии «Кунеэнзе» остатки пехотной дивизии «Коссерия» (2-й и 3-й/89-й полки), которые были переведены в распоряжение этой альпийской дивизии, через 9 дней упорной обороны отошли в сторону хутора Лощина и Россоши и потом направились в село Лезиновка, где воссоединились с другими остатками дивизии «Коссерия». На южном крыле альпийского корпуса командование 24-го танкового корпуса организовало оборону на новых рубежах. Частям дивизии «Юлия» удалось закрепиться на оборонительной линии в районе слияния рек Чёрная Калитва и Дон. До начала января 1943 г. все атаки советских войск были отбиты.

Наступление войск Юго-Западного и Воронежского фронтов на Среднем Дону заставило командование 8-й итальянской армии

изменить расположение альпийского корпуса на Верхнем Дону. Имея одноэшелонное оперативное построение, армейский корпус дислоцировался на правом берегу Дона. 18 декабря 1942 г. на левом фланге, от населённого пункта Верхний Карабут до южной окраины Белогорья, дислоцировалась 2-я горнострелковая дивизия «Тридентина»; в центре, на рубеже сёл Украинская Буйловка и Нижний Карабут, 156-я пехотная дивизия «Виченца» сменила 3-ю альпийскую дивизию; 4-я горнострелковая дивизия «Кунезнзе» занимала позиции от Нижнего Карабута до Старой Калитвы; 3-я альпийская дивизия «Юлия» базировалась возле урочища Зелёный южнее Новой Калитвы до деревни Ивановка. На правом фланге итальянского альпийского корпуса она была включена в состав своего правого соседа – 24-го немецкого танкового корпуса – для усиления обороны на рубеже от Новой Калитвы до Михайловки.

Для создания здесь нового фронта резервов у 8-й итальянской армии не хватало. Таким образом, под командованием 24-го немецкого танкового корпуса находились 385-я и 387-я немецкие пехотные дивизии, дивизионная группа «Фогеляйн» и 27-я немецкая танковая дивизия. Эти соединения установили непосредственную связь с альпийским корпусом. Управлению 24-го танкового корпуса, под командование которого была передана и 3-я дивизия «Юлия», было поручено прикрывать правый фланг Острогужско-Россошанской группировки.

Дальше к западу располагалась оперативная группа под командованием генерала М. Фреттер-Пико, образованная группой армий «Б» за счёт мобилизации всех людских ресурсов, включая личный состав тыловых служб. Восточнее Старобельска, где разместился штаб командующего 8-й итальянской армией генерала И. Гарибольди, оборона была усилена 19-й немецкой танковой дивизией.

Ещё три уцелевшие итало-немецкие группировки находились в окружении на Среднем Дону, возле освобождённой Юго-Западным фронтом зоны. Это были остатки дивизий «Пасубио», «Равенна» и «Торино», окружённые в Чертково (около 7 тысяч человек), гарнизон в Миллерово (12 тысяч итальянцев и немцев) и гарнизон на аэродроме в Гартмашевке, в 12 км юго-западнее Кантемировка.

Левый и правый фланги оборонительной линии Острогужско-Россошанской группировки коренным образом отличались друг от друга. На фронте, проходившем по берегу и у притока Дона от Верхнего Карабута до Новой Калитвы, дивизии «Тридентина», «Виченца» и «Кунезнзе» заняли выгодную оборонительную линию, на создание которой ушло полгода. Местность здесь – крутой высокий берег Дона, изрезанный глубокими оврагами, с крутыми скатами – благоприят-

ствовала обороняющейся стороне. Наученные горьким опытом, альпийские соединения лихорадочно укрепляли свои позиции и усиливали оборону огневыми средствами, создавая глубоко эшелонированные системы окопов и дзотов.

И напротив, ландшафт местности серьёзно осложнял оборону войск правого крыла горнострелкового корпуса. После разгрома в результате операции «Малый Сатурн» 2-го итальянского армейского корпуса, соединения под командованием 24-го немецкого танкового корпуса остановились на случайном рубеже, прикрывая открытый фланг до Михайловки. Здесь, в открытой степи, дивизия «Юлия» во главе с генералом У. Риканьо, взаимодействуя с немецкими дивизиями, держала оборону.

30 декабря линия Юго-Западного фронта на Среднем Дону стабилизировалась на рубеже Новая Калитва – Марковка – Чертково – Волошино – севернее рубежа Миллерово – Ильинка – Скосырская – Чернышев. Операция «Малый Сатурн» была полностью завершена.

В ходе декабрьского наступления на Среднем Дону войска Юго-Западного и Воронежского фронтов, продвинувшись на запад на 200 км, нанесли поражение 8-й итальянской армии и левому крылу группы армий «Дон». В 8-й итальянской армии были разгромлены 5-я пехотная дивизия «Коссерия», 3-я пехотная дивизия «Равенна», 3-я подвижная дивизия «Принц Амедео герцог д'Аоста», 2-я пехотная дивизия «Сфорцеска», 9-я автотранспортируемая пехотная дивизия «Пасубио», 52-я автотранспортируемая пехотная дивизия «Торино» и одна бригада чернорубашечников. К 31 декабря 1942 г. части 8-й итальянской армии в составе 2-й и 29-й дивизий и 35-го армейского корпуса потеряли всю боевую технику и более 70% солдат и офицеров убитыми, ранеными и пленными⁵³.

Всё это требовало от итальянского верховного командования новых решений. Но декабрьское поражение не привело к переосмысливанию необходимости участия Италии в войне против Советского Союза. Итальянское командование считало, что кризис на Донском фронте разрешён.

Начальник генерального штаба маршал граф У. Кавальеро и командующий 8-й армией генерал И. Гарибольди не осознавали грядущей угрозы советского наступления против альпийского корпуса и полагали, что после операции «Малый Сатурн» у Красной армии не будет возможности нанести новый удар на Донском фронте.

В конце декабря 1942 г. в итальянском генеральном штабе были уверены, что наступление под Сталинградом истощило резервы Красной армии. Не учитывали, что наступление Красной армии на Дону на 400-километровом фронте от Котельниково до Новой Калитвы

изменило ситуацию, в то же время положение 6-й немецкой армии стало уже безнадежным. Но «военные лидеры Оси, которые могли измерить масштаб катастрофы под Сталинградом лучше всех, не хотели признаться даже самим себе в сложной ситуации на Дону [...]. Муссолини был отвлечён поражением в Северной Африке, теперь более важным для Италии, чем на далёком Восточном фронте»⁵⁴.

В это самое время остатки итальянской 8-й армии, уцелевшие на Дону, спасались бегством, и когда один из сопровождавших Г. Чиано чиновников спросил у офицера ОКВ, тяжёлые ли потери понесли итальянцы, ему ответили: «Никаких потерь нет: они просто бегут»⁵⁵.

Примечания

¹ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). Ф. 500. Оп. 6. Д. 123. Л. 251–252.

² *Messe G. La guerra al fronte russo : Il Corpo di Spedizione Italiano (CSIR)*. – Milano, 1964. – P. 133.

³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 6. Д. 137. Л. 8–9.

⁴ *Messe G. Op. cit.* – P. 28.

⁵ *Кавальеро У. Записки о войне : Дневник начальника Итальянского генштаба*. – М., 1968. – С. 112.

⁶ Там же. – С. 126.

⁷ Писатель, ветеран Марио Ригони Стерн, бывший очевидцем событий, писал об этом так: «В Аосте готовился батальон добровольцев “Монте Червино”. Призвали нас, инструкторов по катанию на лыжах, для того чтобы создать группы по обучению солдат CSIR. Они думали послать эти группы, состоявшие из одного младшего лейтенанта, двух сержантов и двух инструкторов по катанию на лыжах, в каждое подразделение пехоты, берсальеров или чернорубашечников, которые находились на Донецком фронте, чтобы научить катанию на лыжах. В казарме города Аосты было тридцать инструкторов и десяток офицеров. Подготовку ускорили. Мы должны были уехать к Рождеству, но уехали к 10 января 1942 г. Альпийцы были в восторге, они думали, что им предстоит пережить настоящее приключение: съездить на фронт, и с окончанием войны, которая, по их мнению, должна была завершиться к весне, вернуться. Мы пересекли границу с Польшей в Бресте, приехали во Львов и начали понимать, как немцы вели себя. Когда мы прибыли в Сталино, генерал Мессе встретил нас на вокзале с приветственной речью: “Не думайте, альпийцы, что вы приехали на войну-молнию”. На самом деле всё кончилось тем, что мы дошли до фронта пешком, из Сталино до Новой Орловки. Придя в Рыково, мы остановились там до мая» (see: *Dalla parte di Ivan : Il racconto della ritirata del Don a confronto con la storia locale Russa*. – Trento, 2003. – P. 15).

⁸ See: *Le operazioni delle unita italiane al fronte russo : (1941–1943)*. – Roma, 2000.

⁹ После 9 июля 1942 г. 35-й армейский корпус сохранил старое название с аббревиатурой CSIR вместе с новым номером.

¹⁰ Генерал Джованни Мессе оставался командиром корпуса до 1 ноября 1942 г., когда его сменил корпусный генерал Франческо Цингалес.

¹¹ Сухопутные войска Италии насчитывали всего 6 альпийских дивизий: кроме вышеуказанных, 1-я «Тауринезе», 5-я «Пустерия» и 6-я «Альпи Граие».

¹² *Gli italiani sul fronte russo*. – Bari, 1982. – P. 179.

¹³ В Ливии в это время находилось 60 тысяч человек из итальянских сухопутных войск. С отправкой новых соединений на советско-германский фронт летом 1942 г. в России оказалось 79% действующей армии сухопутных сил Италии. В ARMIR количество автомашин

превышало в 2 раза количество автотранспорта итальянских дивизий на североафриканском театре военных действий.

¹⁴ *Gli italiani sul fronte russo...* – P. 179–180.

¹⁵ Штабные службы, командование корпуса, дивизия «Равенна», 54-й пехотный полк и артиллерийские части дивизии «Сфорцеска» прибыли под Харьков; дивизия «Коссерия», 53-й пехотный полк и службы дивизии «Сфорцеска» – в район Горловка – Сталино. Первые шагали по степям до назначенного рубежа 1200 км; соединения, высадившиеся под Сталино, прошли 500 км.

¹⁶ См.: *Сафронов В.Г.* Итальянские войска на советско-германском фронте, 1941–1943. – М., 1990. – С. 61.

¹⁷ Альпийские дивизии, единственные среди итальянских сухопутных войск, были организованы в 3 полка (2 горнострелковых и 1 альпийский артиллерийский; каждый полк имел 3 батальона) плюс смешанный батальон инженерных войск и группы артиллерии.

¹⁸ Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. 2100. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

¹⁹ *Rasero A.* *Tridentina avanti!*: Storia di una divisione alpina. – Milano, 1982. – P. 345.

²⁰ *Vettorazzo G.* *Cento lettere dalla Russia, 1942–1943.* – [Rovereto], 1993. – P. 41.

²¹ See: *Rasero A.* *Tridentina avanti!*.. – P. 346.

²² *Le operazioni delle unita italiane sul fronte russo...* – P. 135.

²³ *Rasero A.* *Leroica Cuneense*: Storia della Divisione Alpina martire. – Milano, 1985. – P. 310.

²⁴ See: *Gli italiani sul fronte russo...* – P. 218.

²⁵ *Messe G.* *Op. cit.* – P. 191.

²⁶ *Ibid.* – P. 194.

²⁷ Войска советской 1-й стрелковой дивизии, наступавшие на Осетровку, расширили плацдарм на западном берегу до 8 км по фронту и до 4 км в глубину. В декабре 1942 г. Осетровский плацдарм сыграл основную роль в ходе операции «Малый Сатурн».

²⁸ *Messe G.* *Op. cit.* – P. 220.

²⁹ *Ibid.* – P. 218–219.

³⁰ *Gli italiani sul fronte russo...* – P. 274.

³¹ *Rasero A.* *5° Alpini.* – Rovereto, 1963. – P. 388. Опоздание с отправкой автомобилей из интендантства армии объясняется, по мнению Мессе, недостаточным снабжением горючим со стороны немцев, которые воспрепятствовали быстрому приезду в район альпийских частей и итальянского танкового батальона (*Messe G.* *Op. cit.* – P. 220).

³² *Messe G.* *Op. cit.* – P. 225.

³³ *Ibid.* – P. 225–226.

³⁴ *Le operazioni delle unita italiane sul fronte russo...* – P. 182.

³⁵ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 6. Д. 123. Л. 274–275.

³⁶ *Rasero A.* *Leroica Cuneense...* – P. 316.

³⁷ *Ibid.* – P. 318.

³⁸ Цит. по: *Rasero A.* *Leroica Cuneense...* – P. 324.

³⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 6. Д. 137. Л. 20–21.

⁴⁰ Там же. Л. 22–23.

⁴¹ Там же. Л. 16.

⁴² ГАВО. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 15. Л. 9–10.

⁴³ Там же. Л. 3–5.

⁴⁴ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 6. Д. 123. Л. 272.

⁴⁵ Там же. Д. 137. Л. 39–40.

⁴⁶ Таким образом, в этот корпус, называемый «смешанным», в составе которого вначале было две немецкие пехотные дивизии (294-я и 62-я) и итальянская дивизия «Торино», под немецкое командование вошла почти половина частей пехоты 8-й армии на рубежах рек Дон и Чир. Надо подчеркнуть, что 29-й армейский корпус находился на своей позиции на Дону, когда вошел в состав 8-й итальянской армии с 27 июля до конца декабря 1942 г.

⁴⁷ *Rasero A.* *Leroica Cuneense...* – P. 327.

⁴⁸ *Казаков М.И.* Над картой былых сражений. – М., 1971. – С. 138–139.

⁴⁹ См.: Великая Отечественная война, 1941-1945 : Воен.-ист. очерки : В 4 кн. Кн. 2 : Перелом. – М., 1998. – С. 86–87.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Archivio Ufficio Storico dello Stato Maggiore dell'Esercito Italiano. – Diario Storico. Allegato № 1156/1. P. 19.

⁵² Le operazioni delle unita italiane sul fronte russo... – P. 382.

⁵³ *Valori A.* La campagna di Russia : CSIR – ARMIR, 1941–1943 : Vol. 1–2. Vol. 2. – Roma, 1951. – P. 650.

⁵⁴ Ibid. – P. 655.

⁵⁵ Ibid.

Германская военная разведка о спецоперации союзников в Северной Франции

Макаров Владимир Геннадьевич,
кандидат философских наук,
Институт российской истории РАН

1942 г. занимает особое место в вооружённом противоборстве стран антигитлеровской коалиции с державами Оси, так как разгром германской армии зимой 1941/42 гг. под Москвой стал первым серьёзным поражением за всю военную кампанию, начиная с осени 1939 г. События третьего года Второй мировой войны существенно поколебали в глазах мировой общественности миф о непобедимости германского оружия.

В Советском Союзе с нетерпением ждали от союзников открытия Второго фронта в Европе. Несколько эпизодов, которые характеризуют общественное мнение по обе стороны Атлантики по данному поводу, приводит американский историк Чарльз Б. Макдональд: «В связи с трёхлетним давлением русских открыть Второй фронт, журнал “Таймс” поместил шутку, которая якобы получила широкое распространение в Англии: сонный Черчилль в 4 часа утра берёт телефонную трубку и слышит знакомый голос: “Уинстон, это я, Джо. Я у Кили. Теперь вы можете переходить Ла-Манш. Теперь безопасно”. Поздно вечером 3 июня (1942 г. – *В.М.*) в Лондоне девушка-практикантка в бюро Ассошиэтед Пресс, тренируясь на телетайпе, который случайно оказался включённым, послала в полную предчувствий Америку ложное сообщение: “Срочно. Пресс Ассошиэтед. Молния. Штаб Эйзенхауэра объявил о высадке союзников во Франции”. Ошеломлённые представители штаба Эйзенхауэра поспешили выступить с опровержением»¹.

12 августа 1942 г. У. Черчилль вместе с со специальным посланием президентом США Ф. Рузвельта А. Гарриманом прибыли из Тегерана в Москву. Главным вопросом на советско-британских переговорах были перспективы открытия Второго фронта. И.В. Сталин требовал открытия фронта в Европе, мотивируя свою точку зрения тем, что в этот период основные силы вермахта скованы на советско-германском фронте. В ответ британский премьер-министр предложил осуществить

высадку в октябре 1942 г. англо-американских войск в Северной Африке (операция «Факел», *англ.* – Operation Torch) и предоставил советскому лидеру следующий аргумент в пользу этого решения: «Если к концу года нам удастся овладеть Северной Африкой, мы могли бы угрожать брюху гитлеровской Европы, и эта операция должна рассматриваться в сочетании с операцией 1943 г. (речь идёт о плане “Раунд-ап”, освобождении оккупированной Франции в 1943 г. – *В.М.*). Это и есть то, что мы с американцами решили сделать. Чтобы проиллюстрировать свои разъяснения, я тем временем нарисовал крокодила и объяснил Сталину с помощью этого рисунка, как мы намереваемся атаковать мягкое брюхо крокодила, в то время как мы атакуем его жёсткую морду»².

Переговоры проходили в напряжённой обстановке. Советская сторона твёрдо настаивала на открытии Второго фронта в Европе, что полностью соответствовало англо-советскому коммюнике от 11 июня 1942 г., опубликованному в ходе визита В.М. Молотова в Лондон.

Однако в своей книге У. Черчилль отметил, что в тот момент, когда составлялся этот документ, он лично вручил В.М. Молотову памятную записку: «Мы ведём подготовку к высадке на континент в августе или сентябре 1942 г. Как уже объяснялось, основным фактором, ограничивающим размеры десантных сил, является наличие специальных десантных судов. Между тем ясно, что ни для дела русских, ни для дела союзников в целом не было полезно, если бы мы ради действий любой ценой предприняли какую-либо операцию, которая закончилась бы катастрофой и дала бы противнику удобный случай для похвальбы, а нас ввергла бы в замешательство. Невозможно сказать заранее, будет ли положение таково, чтобы сделать эту операцию осуществимой, когда наступит время. Следовательно, мы не можем дать обещания в этом отношении, но если это окажется здравым и разумным, мы не поколеблемся претворить свои планы в жизнь»³.

Этой запиской британский премьер-министр хотел предупредить Москву, что англо-американские союзники не располагают достаточными силами и средствами для высадки на континенте.

Реакция И.В. Сталина на отказ открыть Второй фронт в Европе была достаточно жёсткой. 13 августа 1942 г. советский лидер вручил У. Черчиллю меморандум, в котором констатировалось следующее: «[...] Легко понять, что отказ Правительства Великобритании от создания Второго фронта в 1942 г. в Европе наносит моральный удар всей советской общественности, рассчитывающей на создание Второго фронта, осложняет положение Красной армии на фронте и наносит ущерб планам советского командования.

[...] Мне и моим коллегам кажется, что 1942 г. представляет наиболее благоприятные условия для создания Второго фронта в Европе, так

как почти все силы немецких войск, и притом лучшие силы, отвлечены на Восточный фронт, а в Европе оставлено незначительное количество сил, и притом худших сил. [...] Мы считаем поэтому, что именно в 1942 г. возможно и следует создать Второй фронт в Европе. Но мне, к сожалению, не удалось убедить в этом господина премьер-министра Великобритании, а г. Гарриман, представитель президента США при переговорах в Москве, целиком поддержал господина премьер-министра»⁴.

Утром 16 августа У. Черчилль и сопровождавшие его лица вылетели на родину. 18 августа 1942 г., за день до начала операции союзников в Дьепе, на страницах центральных советских газет было опубликовано англо-советское коммюнике по результатам переговоров в Москве. В документе говорилось, что в ходе переговоров «принят ряд решений, охватывающих область войны против гитлеровской Германии и её союзников в Европе. Эту справедливую освободительную войну оба правительства исполнены решимости вести со всей силой и энергией до полного уничтожения гитлеризма и всякой подобной тирании»⁵.

Тем временем к середине лета 1942 г. на южном фланге советско-германского фронта сложилось критическое положение. В результате поражения крупной группировки Красной армии под Харьковом командование вермахта смогло начать крупное стратегическое наступление по расходящимся направлениям – на Кавказ и на Волгу (план «Блау»). Части Красной армии на южном участке фронта отступали к Сталинграду и Ростову-на-Дону.

3 июля 1942 г. после 250-дневной героической обороны пал Севастополь, 23 июля пал Ростов-на-Дону – и путь вермахта на Кавказ был открыт.

28 июля 1942 г. вышел приказ наркома обороны СССР № 227, ужесточивший дисциплину в Красной армии, запрещавший отход войск с занимаемых позиций без приказа руководства, вводивший штрафные роты и батальоны (в составе армий и фронтов соответственно), а также заградительные отряды в составе армий.

В первой декаде августа 1942 г. части 1-й танковой армии генерал-полковника Э. фон Клейста захватили нефтяные скважины Майкопа и вышли к предгорьям Кавказа. 6-я армия под командованием генерал-полковника Ф. Паулюса рвалась к Сталинграду. В Северной Африке немецко-итальянские части генерал-полковника Э. Роммеля, известного как «Лис пустыни», теснили 8-ю британскую армию, в командование которой с 13 августа вступил генерал-лейтенант Б. Монтгомери.

В такой военно-политической обстановке и развивались события, речь о которых пойдёт ниже.

19 августа 1942 г. союзники предприняли высадку тактического десанта на севере Франции. Это драматическое событие вошло в историю как рейд на Дьепп, или операция «Юбилей».

Операция «Юбилей»

Советско-германский фронт на Востоке накрепко связал большую часть германских дивизий, что давало возможность начать активные действия на других фронтах. Общественность стран-союзниц по антигитлеровской коалиции всё настойчивее требовала от политического и военного руководства открытия Второго фронта против нацистов. К тому же У. Черчиллю и Ф. Рузвельту необходимо было делом показать И.В. Сталину готовность к решительным боевым действиям против А. Гитлера. С этой целью союзным командованием было принято решение подготовить и провести разведывательно-диверсионную операцию на побережье Нормандии (Северная Франция).

27 июля 1942 г. британский Комитет начальников штабов издал директиву, которая определила окончательную дату проведения операции – август 1942 г. Разведывательно-диверсионная операция была спланирована Штабом совместных операций (*англ.* Combined Operations Headquarters) под руководством коммодора лорда Л. Маунтбеттена.

Планом операции, первоначально получившим кодовое название «Раттер» (*англ.* Rutter, позже – «Юбилей», *англ.* Jubilee), предусматривалось кратковременно овладеть оккупированным немцами портом Дьепп, уничтожить береговые батареи и радиопеленгаторные станции противника, получить разведывательные сведения от захваченных в плен германских солдат и офицеров, а также оценить ответные действия германского командования. Союзники также планировали разрушить оборонительные сооружения, портовые здания и стратегические объекты порта.

Для проведения рейда на Дьепп было выделено примерно 5000 канадских пехотинцев 4-й и 6-й бригад из состава 2-й канадской пехотной дивизии (командир – генерал-майор Дж. Робертс⁶), 1000 (по другим данным – 1075) британских «коммандос» и 50 американцев из батальона «рейнджеров». Морские силы в десантной операции состояли из восьми эскадренных миноносцев, девяти пехотно-десантных кораблей, 39 кораблей и катеров прибрежного действия, двух вспомогательных судов, а также 179 единиц десантно-высадочных средств и 77 эскадрилий королевских ВВС (из них 66 эскадрилий составляли самолёты истребительной авиации). Им противостояли подразделения 302-й пехотной дивизии⁷ вермахта (командир – генерал-лейтенант К. Хаазе⁸).

19 августа 1942 г. в 4:50 утра началась высадка десанта союзников на побережье в районе Дьеппа. Фланговые атаки на Дьепп, предпринятые десантом с четырёх плацдармов, захлебнулись, столкнувшись с хорошо организованным сопротивлением подразделений 302-й пехотной дивизии вермахта. К трём часам дня высадка провалилась. Высаженные подразделения с потерями отошли на суда.

Уинстон Черчилль о рейде на Дьепп

В своей книге, посвящённой Второй мировой войне, бывший тогда премьер-министром Великобритании У. Черчилль несколько страниц посвятил высадке союзного десанта в районе Дьеппа. По словам У. Черчилля, Объединённый комитет начальников штабов приступил к планированию операции ещё в начале апреля 1942 г., сразу после рейда на Сен-Назер⁹. 17 августа 1942 г. У. Черчилль вернулся из Москвы в Лондон, и в этот же день ему доложили о начале операции «Юбилей»: «17-го я получил известие о высадке в Дьеппе, планы которой начали разрабатываться в апреле после блестящего и дерзкого рейда на Сен-Назер. 13 мая примерный план (операция “Раттер”) был одобрен комитетом начальников штабов в качестве основы для подробной разработки командующими вооружёнными силами. Три рода вооружённых сил должны были использовать более 10 тысяч человек. Это была, безусловно, самая значительная операция такого рода, которую мы до сих пор пытались предпринять против побережья оккупированной Франции.

Судя по сведениям разведки, Дьепп находился в руках второразрядных германских войск численностью до одного батальона, насчитывавших вместе со вспомогательными частями в целом не более 1400 человек. Атака первоначально намечалась на 4 июля, и войска погрузились на суда в портах на острове Уайт. Погода была неблагоприятной, и операцию пришлось отложить до 8 июля. Четыре германских самолёта совершили налёт на скопление судов. Погода не улучшалась, и войскам пришлось высадиться. Теперь было решено отменить всю операцию [...].

Однако я считал крайне важным, чтобы этим летом была предпринята какая-либо операция крупного масштаба, и военные круги, казалось, сходились на том, что до тех пор, пока не будет предпринята операция таких масштабов, ни один ответственный генерал не возьмёт на себя задачу планирования главного вторжения [...].

Из беседы с адмиралом Л. Маунтбеттенем стало ясно, что у нас нет времени для подготовки новой широкой операции текущим летом, но что Дьеппскую операцию (получившую новое кодовое название “Джубили”) можно провести ещё в течение месяца при условии, если будут приняты исключительные меры для обеспечения секретности.

Поэтому не делалось никаких записей, но после того, как канадские власти и начальники штабов дали своё согласие, я лично пересмотрел планы вместе с начальником имперского генерального штаба, адмиралом Л. Маунтбеттенем и командующим военно-морскими силами капитаном Дж. Хьюзом-Холлетом. Было ясно, что не предлагалось значительных изменений в операции “Джубили” по сравнению с операцией “Раттер”, если не считать замены авиадесантных войск отрядами “коммандос”,

задачей которых было заставить замолчать фланговые береговые батареи [...]. Несмотря на то что десантное судно, на котором находился один из отрядов “коммандос”, неожиданно натолкнулось на германский береговой конвой, одна из батарей была полностью уничтожена, а другой помешали серьёзно воспрепятствовать проведению операции, и поэтому это изменение никак не отразилось на исходе операции.

Сведения, полученные нами после войны на основании ознакомления с германскими документами, говорят о том, что немцы не были особо предупреждены о готовящейся операции в Дьеппе в результате просачивания сведений о ней. Однако общее предположение об угрозе сектору Дьеппа привело к усилению оборонных мероприятий по всему фронту. Были приняты особые меры предосторожности в период между 10 и 19 августа, когда луна и прилив благоприятствовали высадке. Дивизия, на которую была возложена оборона сектора Дьеппа, в течение июля – августа получила подкрепление, достигла полной численности и находилась в состоянии обычной боевой готовности к началу операции [...].

Хотя все войска, в том числе английские отряды “коммандос” и команды десантных судов и сопровождавших их кораблей, проявили исключительное мужество и преданность и было совершенно много превосходных подвигов, результаты были разочаровывающими и наши потери очень велики. Во второй канадской дивизии 18 процентов из пяти тысяч человек, находившихся на судах, погибли и почти две тысячи были захвачены в плен.

Теперь, когда оглядываешься назад, жертвы, понесённые в результате этой памятной операции, могут показаться не соответствующими достигнутым результатам. Но было бы неверно подходить к этому эпизоду исключительно с такой меркой. Дьепп занимает особое место в истории войны, и тяжёлые потери не должны заставлять нас расценивать эту операцию как провал. Это была дорогостоящая, но не бесплодная разведка боем. В тактическом отношении она чрезвычайно обогатила наш опыт [...]. Кроме того, эта операция показала, что индивидуальное искусство и доблесть без тщательной организации и комбинированного обучения войск не дадут положительных результатов и что залогом успеха являются согласованные действия [...].

В стратегическом отношении эта операция заставила немцев серьёзнее относиться к угрозе, создавшейся для всего побережья оккупированной Франции. Это помогло удержать на Западе немецкие войска и ресурсы, что несколько облегчило давление на Россию. Слава храбрым, павшим в боях. Их подвиг был не напрасным»¹⁰.

Впоследствии тот факт, что операция «Юбилей» практически совпала по времени с советско-британской встречей в Москве, породил версию о том, что У. Черчилль приказал срочно провести заранее обре-

чѐнную на провал высадку в Северной Франции. Целью этой акции якобы было желание показать И.В. Сталину, что англо-британские войска в 1942 г. не располагают силами и средствами для осуществления полномасштабного вторжения на континент. Однако, как показывает детальное изучение исторических событий, эта версия ошибочна.

Но всё же несколько фраз в рассказе У. Черчилля выглядят довольно противоречивыми. С одной стороны, изучение трофейных документов германского верховного командования показало британцам, что «немцы не были особо предупреждены о готовящейся операции в Дьеппе», с другой – какие-то сведения всё же к противнику «просочились». И вот вторых, 302-я немецкая пехотная дивизия была лишь укомплектована до полного штата, ей не было придано средств усиления, но, как оказалось, и этого было достаточно, чтобы результаты рейда были «разочаровывающими» и потери «очень велики». Поэтому невольно возникает вопрос: так знали немцы или нет о предстоящей операции в Дьеппе?

«Дьеппский десант» в исследованиях и мемуарах генералов и офицеров вермахта

Небольшой анализ, связанный с рейдом союзников на Дьепп в августе 1942 г., включил в свою книгу, вышедшую в свет в 1951 г., генерал пехоты К. фон Типпельскирх (1891–1957). С начала января 1941 г. он командовал 30-й пехотной дивизией на советско-германском фронте, а с 27 августа 1942 г. был советником при командовании 8-й итальянской армии на Дону: «После вступления в войну американцы приняли принципиальное решение добиться сначала разгрома Германии, отсрочив решающую борьбу против Японии до тех пор, пока не будет достигнута победа в Европе. Англичане были полностью согласны с такой последовательностью, хотя у них, особенно у Черчилля, имелись серьёзные сомнения относительно целесообразности плана американцев уничтожить германские вооружѐнные силы, высадившись во Франции. Черчилль считал высадку во Франции в высшей степени сомнительной и в любом случае связанной с очень большими потерями операцией, неудача которой могла привести к непредвиденным последствиям. Англичане ещё больше укрепились в своём мнении после предпринятой в августе 1942 г. попытки высадить десант в районе Дьеппа. У них тогда, конечно, не было намерения создать на европейском континенте постоянный плацдарм.

Высадка скорее должна была вызвать беспокойство германского командования и в какой-то мере сковать немецкие силы во Франции в тот момент, когда в результате продвижения немецких войск на Кавказе и на Дону русский фронт оказался в исключительно тяжѐлом положении. Сталин настойчивее, чем когда-либо, торопил западные державы с открытием настоящего Второго фронта, да и англичанам необходимо

было косвенно облегчить действия своих войск под Эль-Аламейном. Кроме того, англичане хотели в ходе проведения такой операции испытать свои новые десантные средства и вообще приобрести опыт в технике проведения высадки.

Высадка началась ранним утром 19 августа 1942 г. в районе небольшого портового города Дьепп, расположенного в 80 км северо-восточнее устья Сены. В ней приняло участие сформированное из канадских, американских, деголлевских и английских войск соединение силой до дивизии. Поддержанные крупными силами авиации и соединением кораблей, десантные части высадились в четырёх пунктах побережья, однако местная береговая оборона всё время держала их под угрозой, так что вводить в бой значительные резервы союзники не рискнули. К 16 часам десант был сброшен в море. Противник потерял 28 танков и 1500 человек пленными, несколько его военных кораблей были потоплены береговой артиллерией и 83 самолёта уничтожены в воздушных боях. Быстрая и эффективная реакция немцев произвела на англичан сильное впечатление. Немецкой пропагандой достигнутый успех был, несомненно, переоценён; западным же державам исход высадки показал, какое огромное напряжение понадобится для обеспечения полного успеха вторжения»¹¹.

Обратимся к мемуарам другого немецкого военачальника – генерала пехоты Г. Блюментрита (1882–1967). С января 1942 г. он занимал пост заместителя начальника штаба ОКХ, а с конца сентября того же года – начальника штаба группы армий «Д» генерал-фельдмаршала Г. фон Рундштедта во Франции, сменив на этом посту генерала пехоты К. Цейтцлера.

Немецкий генерал более подробно, чем его коллега К. фон Типпельскирх, рассмотрел эпизод, посвящённый высадке союзников в районе Дьеппа. Заметим, однако, что сам Г. Блюментрит не был очевидцем этого события, он прибыл на Западный фронт лишь в конце сентября 1942 г., уже после того как произошла трагедия на пляжах Дьеппа. Возможно, именно поэтому он считал эту высадку неожиданной для немцев.

«Эта операция (речь идёт о рейде на Дьепп. – В.М.) оказалась полной неожиданностью. В ночь с 18 на 19 августа немецкий конвой вышел из Гавра и двинулся вдоль побережья в северо-восточном направлении. Около 5 часов утра он был примерно на уровне Дьеппа. Неожиданно со стороны моря западнее Дьеппа раздался тяжёлый грохот орудий. Это послужило сигналом для береговых батарей, пришедших в боевую готовность. Британские военные корабли, двигавшиеся с запада, натолкнулись на немецкий конвой. Немцы были захвачены врасплох, однако большинству немецких судов удалось вернуться в гавань на северном побережье Франции. Да, немцам фантастически повезло, что они подошли к Дьеппу в нужный момент, и врагу не удалось совершить задуманное.

Известие о набеge поступило в штаб Рундштедта от 15-й армии примерно в 6 часов утра. “Враг предпринимает попытку высадиться в районе Дьеппа”. Начальник оперативного отдела полковник Циммерман немедленно довел эту информацию до руководства. Начальник штаба генерал Цейтцлер проинформировал Рундштедта. Немедленно были отданы необходимые приказы. Получив донесение, штаб вермахта передал информацию третьему воздушному флоту и западной военно-морской группе, а также командующим в Париже и Брюсселе. Рундштедт не знал, предпримет ли враг попытку высадиться в других пунктах или нет, а поэтому сигнал тревоги поступил на все участки фронта. Британцы высадились на фронте протяжённостью около 20 километров, где их встретила 302-я пехотная дивизия. Немцы сражались храбро, но это была всего лишь “береговая дивизия”, слабо оснащённая и не имевшая современного оружия.

Третий воздушный флот и военно-морская группа провели разведывательные операции с целью выяснения, насколько силён противник и нет ли на подходе новых вражеских судов. Рундштедт, решительный противник позиционной обороны, приказал поднять по тревоге все имеющиеся резервы, чтобы мощным контрнаступлением отбросить врага с побережья. У Амьена в полной боевой готовности стояла 10-я танковая дивизия, а в окрестностях Руана – 1-я танковая дивизия СС. Благодаря более выгодному расположению в бой была брошена 10-я танковая дивизия, а 1-я танковая дивизия СС оставалась на месте, готовая в любой момент прийти на помощь. Самолёты люфтваффе бомбили вражеские суда. ВМС бросили в бой все имеющиеся в распоряжении средства.

В 9 часов стало ясно, что основной удар британских сил направлен на Дьепп. По оценке Рундштедта, сделанной им утром 19 августа, операция была серьёзной, но не полномасштабной; британская авиация не проводила массированных атак.

В течение дня ситуация постепенно прояснилась. Вражеское наступление было остановлено. Удалось уничтожить значительное количество танков и судов противника. Враг понёс серьёзные потери, в особенности канадские войска. Глубина не позволила ввести в бой подводные лодки. Немецкие дивизии наступали на врага с трёх сторон, а с воздуха их поддерживал третий воздушный флот.

Около 3 часов дня первые подразделения 10-й танковой дивизии подошли к Дьеппу, но их вмешательство уже не понадобилось: к тому времени побережье было полностью очищено от незваных гостей. Немцы понесли сравнительно небольшие потери, правда, была полностью стёрта с лица земли береговая батарея, на которой находилось 80 человек. В общей сложности немецкие потери составили приблизительно 300 человек. Враг потерял примерно 700 человек убитыми, и около 3000 было захвачено в плен. Кроме того, было уничтожено 30 танков противника [...].

Дьепп послужил хорошим уроком, и из него были сделаны соответствующие выводы. Рундштедт прекрасно понимал, что «операция Дьепп» является всего лишь репетицией и что важную роль на этот раз сыграла простая удача»¹².

Приведём выдержку из воспоминаний ещё одного немецкого генштабиста. В 1939–1944 гг. он занимал пост заместителя начальника штаба Оперативного руководства ОКВ. В мемуарах генерала артиллерии В. Варлимонта (1894–1976) дважды вскользь упоминается высадка в районе Дьеппа. Рассказ В. Варлимонта интересен тем, что он подчёркивает уверенность фюрера в скором проведении высадки десанта союзников в одном из районов Северной Франции: «Гитлер оценивал масштаб первых побед нашего наступления на Востоке (речь идёт о событиях лета 1942 г. – В.М.) всё выше и выше; однако чем выше была его оценка, тем больше он считал, что мы должны рассчитывать на то, что с целью оказания помощи русским западные союзники предпримут попытки высадить десант на Западе. 6 июля Гальдер высказывает в своём дневнике как разочарование, так и опасение, отмечая, что “как объявлено несколько дней назад, по этой причине фюрер отказывается отпустить дивизию СС “Лейбштандарт Адольф Гитлер”, которая была весьма полезна для удара 1-й танковой дивизии” [...]». Кульминация наступила 23 июля, когда Гитлер вопреки всем нормам, регулирующим право Верховного главнокомандующего руководить в деталях диспозицией сил, грубо отклонил возражения не только Гальдера, но на этот раз и Йодля и приказал танковой гренадерской дивизии “Великая Германия”, одному из элитных соединений сухопутных сил, остановиться в самый разгар наступления и готовиться к переброске на Запад.

В этой связи заслуживают внимания один или два момента: в приказе насчёт переброски дивизии СС в числе самых угрожаемых районов побережья, где возможна высадка противника, упоминались Нормандия, Па-де-Кале и район Дьепп – Гавр; 19 августа 1942 г. британские и канадские самолёты сутки бомбили Дьепп; однако тех войск, которые стояли на Западе ещё до 9 июля, вполне хватило, чтобы справиться с ними; приказы дивизии “Великая Германия” были позднее изменены, и её задействовали для выполнения оборонительных задач на Восточном фронте в группе армий “Центр”»¹³.

В следующем параграфе В. Варлимонт вновь возвращается к эпизоду с Дьеппским десантом: «Озабоченность Гитлера делами на Западе никоим образом не ослабла после успешной защиты Дьеппа, поскольку в любом случае успех этот был сильно преувеличен в пропагандистских целях»¹⁴.

Добавим, что обеспокоенность Гитлера возможностью открытия Второго фронта в Европе была вполне обоснованной. 7 сентября 1942 г. президент США Ф. Рузвельт выступил по радио с речью, в которой излагалась суть президентского послания Конгрессу США: «Европейский рай-

он. Здесь нашей целью является наступление против Германии. Имеется не меньше десятка различных пунктов, в которых могут быть предприняты атаки. Вы, конечно, не рассчитываете на то, что я вам подробно изложу дальнейшие планы, но вы можете быть уверены в том, что у нас в стране и в Англии ведётся подготовка, направленная на осуществление этой цели. Мощь Германии должна быть сломлена на полях сражений Европы»¹⁵.

Дополнительные подробности о рейде на Дьепп приводит в своей книге бывший германский военный контрразведчик О. Райле, служивший в «Абверштелле Париж» в период описываемых событий: «Несмотря на инцидент в Сент-Назере, по разведанным, поступавшим к тому времени из лагеря западных держав, не следовало ожидать, что союзники в этом же году смогут предпринять ширококомасштабную операцию по высадке для открытия на Западе постоянно действующего так называемого Второго фронта.

Советский Союз, в то время придававший большое значение открытию фронта на Западе, в надежде оттянуть армии с Восточного фронта, давил на своих западных союзников. Представлялось вероятным, что, по меньшей мере, будут предприняты и другие операции в духе Сент-Назера, чтобы побудить Германию для отражения подобных атак держать в готовности достаточные силы на Западе.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, германская сторона летом 1942 г. превентивно отозвала с Восточного фронта опытные боевые части и передислоцировала их во Францию. В конце июля эти части промаршировали в Париже на грандиозном параде перед главнокомандующим группой армий «Запад» генерал-фельдмаршалом Рундшtedтом и командующим войсками во Франции генералом от инфантерии Г. фон Штюльпнагелем. Речь шла об элитных моторизованных дивизиях СС, снискавших славу в боях на Востоке и оснащённых самым современным оружием.

Эта демонстрация германской военной мощи оказалась явно бесполезной. Но от вражеских разведслужб в Лондоне не могло ускользнуть и то, что, хотя и прибыли новые боеспособные соединения, однако, в свою очередь, находившиеся прежде во Франции дивизии без всякой помпы были сняты для передислокации их на Восток.

Следующая попытка высадки западных держав также не заставила себя долго ждать. 19 августа 1942 г. англо-канадские подразделения предприняли атаку с моря на побережье в районе Дьеппа, многократно описанную в литературе и прессе. Германское радио ранним утром того дня распространило следующее сенсационное сообщение:

«Союзники высадились под Дьеппом. Речь идёт об операции с целью вторжения. Мощный флот врага выжидает в море у французского побережья первых результатов атаки, чтобы высадить на суше подкрепления в живой силе и снаряжении».

Несколько часов спустя немецкие станции передали другое сообщение: «Вторжение определённо провалилось. Части союзников сумели продержаться на французской земле лишь девять часов. Они были рассеяны и разгромлены нашим контрударом, в особенности ударами авиации и огнём артиллерии». Фактические потери наступавших англо-канадских соединений убитыми и ранеными были сравнительно высоки. Кроме того, около двух тысяч солдат попали в плен.

Но с какой целью в действительности союзники предприняли это нападение на Дьепп? Шла ли речь фактически о первой серьёзной попытке твёрдо стать на континент, чтобы затем высадить более сильное подкрепление и открыть фронт на Западе?

[...] Дело под Дьеппом не получило у германского командования однозначной оценки. Главнокомандующий группой армий «Запад» фон Рундштедт придерживался мнения, что речь идёт о крупной, тщательно подготовленной врагом разведке боем, целью которой в первую очередь был захват радиолокатора, а кроме того, приобретение боевого опыта в ходе подготовки к вторжению. Подобная оценка, подтвердившаяся в дальнейшем другими компетентными офицерами, среди которых находился и генерал-полковник Цейтцлер, в ОКВ не разделялась. Гитлеру некоторые его военные советники даже внушили мысль о попытке широкомасштабного вторжения.

Здесь следует признать, что абвер не мог своевременно добыть информацию, позволившую руководству чётко оценить операцию под Дьеппом. Но военная контрразведка могла сорвать небольшую акцию, запланированную врагом в связи с Дьеппом»¹⁶.

Вполне обоснованно можно предположить, что если не К. фон Типпельскирх, то уж Г. Блюментрит и тем более В. Варлимонт благодаря своему служебному положению были осведомлены о том, что германская военная разведка предоставила ОКВ сведения о подготовке союзниками десанта в районе Дьеппа. Тем более истинную причину провала операции «Юбилей» должен знать германский контрразведчик майор О. Райле. Так почему же они не написали об этом? Как и большинство немецких генералов и офицеров, воевавших на Западном фронте, после войны они попали в плен к англо-американским войскам. Вполне возможно, что в своих исследованиях и воспоминаниях о Второй мировой войне, написанных по указанию союзников, они предпочли не распространяться о провалах, допущенных британской разведкой во Франции. Поэтому в своих работах они или писали о том, что «рейд на Дьепп» был «неожиданным» для вермахта на Западе, или о значении этой операции для последующего вторжения на европейский континент летом 1944 г.

Рейд на Дьепп в зеркале мировой прессы

Мировая печать, в том числе и советская, уделила значительное внимание операции союзников в районе Дьеппа. Впервые союзники провели наступательные боевые действия на европейском континенте, в которых приняли участие американские солдаты и бойцы «Сражающейся Франции». Кроме того, рейд на Дьепп стал ареной международной информационной борьбы, и если в районе Дьеппа англо-американские войска потерпели поражение, то информационная битва была союзниками, безусловно, выиграна. Рейд посеял в сердцах миллионов людей на оккупированных территориях надежду на открытие Второго фронта в Европе, следовательно, и скорое освобождение от нацистского рабства.

В связи с тем, что с газетными публикациями военных лет современный читатель встречается нечасто, ниже приведём подборку статей иностранных корреспондентов ТАСС, опубликованных на страницах «Правды» о рейде на Дьепп.

«Лондон, 19 августа (ТАСС). Как передаёт агентство Рейтер, штаб комбинированных операций опубликовал коммюнике, в котором говорится, что рано утром 19 августа был произведён рейд на район Дьеппа в оккупированной зоне Франции. Войска, принимавшие участие в рейде, высадились во всех намеченных пунктах. В рейде принимали участие преимущественно канадские и английские войска, а также один мотомеханизированный американский батальон и небольшая группа войск «Сражающейся Франции». Эти войска были доставлены и эскортировались кораблями английского военно-морского флота при мощной поддержке и под охраной бомбардировщиков и истребителей английской авиации. Высадка основных сил, участвовавших в рейде, началась через 6 минут после установленного времени и закончилась через 9 часов после высадки первых отрядов, как и было намечено планом.

По предварительным сведениям, войска, участвовавшие в рейде, уничтожили одну батарею из шести орудий, склад боеприпасов, пост службы воздушного наблюдения и одну зенитную батарею противника. Активное участие в боевых действиях принимали все виды английской авиации. По полученным до сих пор данным, было уничтожено 82 самолёта противника, помимо некоторого числа самолётов, сбитых артиллерией английских военных кораблей. Кроме того, вероятно, уничтожено или повреждено ещё свыше 100 самолётов противника. Пропали без вести 95 английских самолётов всех типов, но 21 лётчик был спасён, и есть основания полагать, что будет спасён ряд других лётчиков. Во время действий на побережье десантные войска потеряли некоторое количество танков.

Штаб комбинированных операций сообщает, что полные сведения о рейде не будут опубликованы до тех пор, пока войска не вернутся

в Англию. В самом начале рейда английское радио обратилось к населению Франции с предупреждением, что эту операцию не следует рассматривать как вторжение на континент»¹⁷.

«Вашингтон, 21 августа (ТАСС). [...] По последним данным, потери авиации союзников составляют 98 самолётов, державы Оси потеряли 91 самолёт, и свыше 100 машин, вероятно, уничтожено или повреждено. [...] Как сообщает вашингтонский корреспондент агентства Рейтер, представитель военного министерства США заявил вчера, что, возможно, рейд на Дьепп был предпринят с двойной целью: заставить немцев ещё больше нервничать и предоставить ударным группам и американским участникам этих групп подлинную практику в выгрузке танков и орудий, даже если они, возможно, и будут брошены на французской территории.

Военный обозреватель агентства Рейтер, касаясь рейда на Дьепп, пишет, что «операция подобного масштаба, по-видимому, имеет целью прощупать слабые места германской обороны и проверить подготовку Англии к массовым десантам». Американские войска, указывает обозреватель, получили боевое крещение на европейском театре военных действий, а участие отрядов «Сражающейся Франции», несомненно, воодушевит их соотечественников.

[...] Комментируя сообщение о рейде на Дьепп, газета «Таймс» в передовой статье пишет, что путём этой операции было проведено испытание комбинированных операций. Можно предположить, указывает газета, что в районе Дьеппа имелись некоторые сооружения, которые нужно было разрушить. Дело шло также о получении информации относительно германских методов. «Можно надеяться, – пишет «Таймс», – что оборонительные сооружения этого района были разрушены и были определены методы прорыва обороны в более широких масштабах в будущем. Рейд на Дьепп – это символ и опыт»¹⁸.

«Лондон, 21 августа (ТАСС). Штаб комбинированных сил опубликовал коммюнике об итогах рейда на Дьепп, в котором указывается, что цель рейда заключалась в том, чтобы прощупать оборону прибрежного района, уничтожить германские батареи и радиопеленгаторную станцию, истребить живую силу противника и его вооружение и взять пленных. Рейд, как указывается в коммюнике, был крупной разведывательной операцией и составляет важный элемент принятой нами наступательной политики. [...] Десантные войска, преимущественно канадцы, оставались на побережье в течение почти 9 часов, а затем были взяты на борт военных кораблей. Танки, которым удалось прорваться в город, были в соответствии с приказом, уничтожены перед возвращением войск. [...] Во время рейда развернулся один из крупнейших воздушных боёв, в ходе которого немцы вынуждены были вызвать авиационное подкрепление из всех районов оккупированной Франции, Голландии

и Бельгии. Потери английских военно-морских сил ограничились довольно значительным количеством десантных барж и эсминцев “Беркли”, который был настолько серьёзно повреждён, что пришлось его потопить. Большая часть экипажа корабля спасена. [...] Агентство АФИ подчёркивает, что Дьеппская операция прежде всего показала возможность форсирования Ла-Манша, высадки войск и выгрузки тяжёлых материалов, в частности, танков»¹⁹.

«Нью-Йорк, 21 августа (ТАСС). Корреспондент газеты “Нью-Йорк таймс” передаёт из Вашингтона, что американские военные круги рассматривают рейд на Дьепп как новое свидетельство осуществимости Второго фронта в Европе. Корреспондент далее отмечает, что американская печать в целом приветствует рейд союзников как показатель растущего наступательного духа Соединённых Штатов и Англии.

Стокгольм, 21 августа (ТАСС). В передовой статье газета “Социал-демократен” пишет: “Рейд на Дьепп” показал, что осуществление операции по высадке десанта является делом возможным, хотя немецкая пропаганда в последнее время утверждала противоположное. Эта операция является ценным опытом, который должен заставить немцев призадуматься”»²⁰.

«Нью-Йорк, 24 августа (ТАСС). Американская печать широко обсуждает уроки рейда на Дьепп. Политический обозреватель агентства Юнайтед Пресс Кимл пишет, что рейд на Дьепп показал англичанам на возможность сухопутного вторжения в Европу.

Политический обозреватель агентства Ассошиэйтед Пресс Бэбб считает, что рейд дал союзникам ценную информацию относительно германских оборонительных сооружений и представлял собою проверку способности ударных групп союзников вторгнуться на континент и вести на нём борьбу. Этот рейд показал способность англо-американских воздушных сил поддерживать мощную воздушную завесу для защиты экспедиционных войск.

В статье адмирала в отставке Стирлинга, разосланной агентством Юнайтед Пресс, говорится, что рейд в район Дьеппа показал способность объединённых стран к массовому вторжению на континент. “Если 15 тысяч войск смогли произвести нападение на Дьепп, – пишет Стирлинг, – то это значит, что союзники могут предпринять такие рейды одновременно в десятках пунктов европейского побережья. Если же будут предприняты десятки таких рейдов одновременно, то, вероятно, некоторые из них приведут к такому успеху, который позволит обеспечить прочные базы для союзников. Конечно, нападение на Дьепп было сопряжено с крупными потерями, однако результаты рейда стоят понесённых потерь, так как он показал, что объединённые страны смогут предпринять крупные наступательные операции на континенте”»²¹.

«Лондон, 24 августа (ТАСС). [...] Обозреватель “Санди экспресс” Гарвин пишет, что уроки рейда на Дьепп, в котором войска проявили львиное мужество, со всей ясностью показывают, что может быть и будет сделано в более широких масштабах в нынешней войне. Для свободолюбивых стран в их борьбе против общего противника нет иного пути к достижению победы, кроме боя с использованием всех средств и при достижении господства на море и в воздухе. В то время как Россия принимает на себя всю тяжесть удара, жизненным фактором для союзников на Западе в 1942 году является время. Время в этой войне работает против медлительных»²².

«Лондон, 25 августа (ТАСС). Авиационный обозреватель газеты “Санди таймс” Мэйнсфилд в статье под заголовком “Дьепп показал слабость гитлеровской авиации на Западе” отмечает, что операция в районе Дьеппа дала возможность союзной авиации уничтожить приблизительно одну треть сил германской авиации во Франции и Голландии. Обозреватель расценивает германские потери приблизительно в 270 самолётов и заявляет, что подобные результаты были бы замечательны даже в том случае, если бы у Германии в области авиации всё обстояло благополучно. “Теперь, – пишет Мэйнсфилд, – мы можем заявить, что достигли господства в воздухе. Возникает основной вопрос: сможем ли мы повторить такую попытку снова? Ответ ясен. Наше воздушное господство на Западе таково, что с точки зрения авиации мы можем повторить эту операцию хоть сегодня с ещё большими шансами на успех. Новый удар может настичь противника в момент, когда он не располагает достаточным воздушным прикрытием, и в таком случае успех будет очень большим. В настоящее время противник не располагает воздушными силами, которые могли бы поддержать его, а это – основной фактор. Если бы он даже смог перебросить много эскадрилий с Востока, пример Дьеппа свидетельствует о том, что наша воздушная мощь достигла такого уровня, при котором мы можем бросить вызов и начать наступление”²³.

«Нью-Йорк, 27 августа. (ТАСС). По мнению военного обозревателя газеты “Нью-Йорк геральд трибюн” майора Элиота, последние события свидетельствуют о том, что немцы резко сократили свои вооружённые силы в Западной Европе, чтобы сконцентрировать свою мощь для наступления на Сталинград и Кавказ. “Этим и можно, – заявляет Элиот, – объяснить чрезвычайную нервозность германского верховного командования во время рейда на Дьепп. Немцы реагировали на это нападение быстрее, чем на какое-либо событие за последние месяцы, и, возможно, это являлось признаком паники. Сравнительно небольшое количество германских самолётов, защищавших Дьепп, также говорит о сокращении германской мощи в Западной Европе. Германские потери составляют 180 самолётов всех типов, однако германская авиация в Западной Европе была и этими потерями подорвана настолько, что налё-

ты английской и американской авиации на следующий день по существу не встретили никакого сопротивления со стороны немецкой авиации»²³.

К 65-летию этого события российский журналист Александр Залесский суммировал существовавшие точки зрения о причинах проведения высадки десанта союзников в районе Дьеппа: «Взгляд из Англии. Черчиллю вскоре пришлось объясняться с парламентом. “Рейд, – сказал он, – должен считаться силовой разведкой. Мы должны были получить всю необходимую информацию до того, как предпринимать операцию большого масштаба” [...]».

Взгляд из Германии. 19 августа 1942 г. Ставка германского верховного командования распространила сообщение со своей версией событий. Немцы утверждали, и многое из этого было правдой, что 22 июля Сталин, предчувствуя крушение своего Южного фронта, потребовал от английского правительства немедленной организации Второго фронта. Черчилль срочно вылетел в Москву, где 12 августа между двумя лидерами состоялся разговор на грани взаимных оскорблений. По его результатам Черчиллю пришлось послать десант фактически на убой. Эта версия, возможно, и заслуживала внимания, если бы не появившаяся после войны информация: план высадки в Дьеппе был утверждён британским Комитетом начальников штабов ещё 13 мая 1942 г.

Взгляд из СССР, как ни странно, кое в чём совпадал с немецким. У нас, например, считалось, что “подлые англичане” послали на верную смерть канадцев, американцев и собственных солдат для того, чтобы доказать СССР невозможность скорого открытия Второго фронта.

Взгляд через 65 лет. Зачем же на самом деле была предпринята эта операция? Военный историк М.Э. Морозов считает: “Рейд на Дьепп был, во-первых, костью, брошенной английской общественности. Поражение, которое Красная армия нанесла вермахту под Москвой в 41-м, воодушевила не только советских людей, но и англичан [...]».

Во-вторых, 1942 г. на фронтах начался для Британии неудачно. На Дальнем Востоке японцы заняли Сингапур. Итальянские подводные диверсанты нанесли чувствительные удары по английским кораблям в Александрии [...]. Нужна была красивая и значимая победа, и ею был призван стать рейд на Дьепп.

В-третьих, Черчилль действительно был категорически против открытия Второго фронта в 1942 г., нововсене из-за своей “империалистической сущности”. Во Франции тогда находилось 30 немецких дивизий. То, что могла выделить для вторжения Великобритания, – 7–8 дивизий. Вермахт легко сбросил бы их в море, даже не оттягивая сил с Восточного фронта, что, собственно, и продемонстрировал рейд на Дьепп. Значит, надо было ожидать прибытия в Англию 20–25 американских дивизий.

Настоящая высадка в Нормандии произошла только когда они прибыли в Великобританию и прошли хорошую подготовку. Лишь после этого союзники, причём именно канадцы, снова вошли в Дьепп. Но это произошло только в сентябре 1944 г.»²⁵.

Однако действительная причина неудачи союзного десанта коренилась совсем в ином.

Британский историк и германский контрразведчик о причинах провала операции

Итак, в чём причина неудачи союзников в высадке десанта? Только ли в том, что операция была недостаточно проработана и спланирована Комбинированным оперативным штабом союзников? Или в том, что У. Черчилль и Ф. Рузвельт ценой жизни тысяч своих солдат хотели показать И.В. Сталину на отсутствие у них возможности открыть Второй фронт в Европе? Или была ещё какая-то причина?

В книге, посвящённой операциям Британской секретной службы в годы Второй мировой войны, британский историк Э. Кукридж (1908–1979), сам бывший сотрудник секретной службы, одним из первых рассказал о том, каким образом германское военное командование во Франции узнало о планах союзников провести высадку десанта в районе Дьеппа. Германской военной контрразведке на территории оккупированной зоны Франции удалось внедрить несколько своих агентов и сотрудников абвера во французские и бельгийские подпольные организации движения Сопротивления, а также резидентуры британской SOE*.

Э. Кукридж, в частности, пришел к выводу, что рейд на Дьепп потерпел провал потому, что немцы заранее узнали о планах противника. Капитан германской военной разведки Г. Эккерт под видом канадского офицера был внедрён в один из разведывательных отрядов французского движения Сопротивления:

«Кики (агент германской разведки – В.М.), знавший руководителей отряда, представил им капитана Эккерта как канадского офицера по фамилии Эванс. Несколько дней Эванс провёл вместе с представительницей одного из отрядов Жаннет Дюмулен. Она рассказала, что слышала по Би-би-си личное послание от своего мужа, который находился в Англии. Сообщение было следующее: “Жорж очень скоро обнимет Жаннет”. Жаннет наивно поинтересовалась у фальшивого офицера SOE, не знает ли он точное время возвращения из Англии её мужа. Эванс пообещал уточнить все подробности в Лондоне. Ему также сообщили главный секрет отряда: его руководитель был связан с немецким офи-

*Управление специальных операций (Special Operation Executive), созданное под эгидой британского военно-экономического министерства.

цером из «Организации Тодта» (немецкая трудовая армия). Офицер, убеждённый противник нацизма, занимал важное положение в Дьеппе и снабжал Лондон информацией о ремонтных мощностях доков, фортификационных сооружениях, расположении береговых батарей и размещении немецких частей в Дьеппе [...].

19 августа 1942 г. произошёл налёт на Дьепп. Отряды десантников, состоявшие главным образом из канадцев, высадились ранним утром одновременно в шести местах на побережье к востоку и западу от порта. В Варенвилле, расположенном в четырёх с половиной милях от Дьеппа, командос уничтожили немецкие фортификационные сооружения, в том числе батарею шестидюймовых орудий. В Портвилле канадские танки вышли в самый центр города. Эккерт следил за развернувшимся сражением и размышлял, не является ли всё это началом высадки союзников в Европе. Но вскоре до него дошли иные новости. Атака на Бернавиль (к востоку от Дьеппа) захлебнулась и была отброшена [...]. Береговые батареи тоже открыли огонь по противнику. Британский эсминец «Беркли» затонул. Но самые сильные потери нападающие понесли в воздухе [...]. Многие из пропавших в действительности были убиты, остальные попали в плен [...]. Когда военное руководство союзников проанализировало ход операции, был сделан однозначный вывод: немцы ждали атаку и были к ней готовы. Спустя много лет после окончания войны капитан Эккерт дал мне ключ к пониманию событий в Дьеппе. Информация о постоянно следующих из Лондона запросах, касающихся Дьеппа, была передана немецкому руководству. Следствием стали необходимые меры предосторожности: в район ввели свежие войска, командование удвоило внимание к оборонительным сооружениям и охране наиболее важных промышленных объектов. Немцы действительно были готовы к атаке и сумели её отразить [...]»²⁶.

Изучение архивов советских спецслужб подтвердило выводы Э. Кукриджа о том, что в абвере узнали о планах англо-американского командования провести высадку десанта в районе Дьеппа. Свидетельство о дьеппском успехе абвера оставил немецкий военный разведчик, зондерфюрер З. Мюллер. Некоторые материалы из его следственного дела недавно опубликованы в России²⁷.

З. Мюллер родился в Штутгарте 15 сентября 1916 г. После окончания гимназии в родном городе он поступил на юридический факультет Берлинского университета. За время учёбы самостоятельно освоил английский, французский, испанский и русский языки. В 1938 г. Мюллер окончил университет, защитил учёную степень доктора права. Во время учёбы вступил кандидатом в национал-социалистическую рабочую партию Германии (НСДАП).

После университета З. Мюллер с 1938 по 1940 г. (с перерывом с сентября 1939 по август 1940 г. на военную службу в вермахте) служил

в гестапо, окончил высшую школу комиссаров гестапо и с 1 сентября 1940 г. был назначен помощником начальника 4-го отдела реферата «Д-3» (Иностранцы из враждебных государств) Главного управления имперской безопасности (РСХА). В начале ноября 1940 г. он перешёл на службу в военную разведку и был назначен на должность референта 1-го (разведывательного отдела), так называемого «русского сектора» (нем. сокр. Н-1-Ost) «Абверштелле-Берлин». После нападения нацистской Германии на СССР его перевели на должность референта так называемого «англо-американского сектора» этого же отдела.

В феврале 1943 г. З. Мюллер направлен на советско-германский фронт, прошёл подготовку в контрразведывательной школе при штабе «Валли-1» в Варшаве, а затем был назначен заместителем начальника (одновременно начальником агентурной контрразведки) «Абверкоманды-304» при группе армий «Север» в Пскове.

В октябре 1944 г. переведён в «Абверкоманду-202», где возглавил разведывательно-диверсионную школу «Мольтке». На этой должности З. Мюллер служил до капитуляции Германии. 15 мая 1945 г. в Праге он был задержан чехословацкой полицией и передан сотрудникам УКР «Смерш» 2-го Украинского фронта.

На допросе 27 июля 1945 г. в Москве зондерфюрер З. Мюллер рассказал о своей деятельности в германской военной разведке:

«[...] *Вопрос:* На предыдущем допросе вы показали, что с 1941 г. служили в “Абверштелле-Берлин” в качестве референта англо-американского сектора. Какую разведывательную работу вы проводили против Англии и Америки?»

Ответ: В июле 1941 г. в “Абверштелле-Берлин” была проведена реорганизация, был ликвидирован русский сектор, в котором отпала надобность, так как разведкой против СССР стали заниматься органы абвера, приданные войскам, действовавшим на советской территории. Личный состав русского сектора был распределён по другим органам. Я лично был назначен в качестве референта в англо-американский сектор, которым руководил подполковник Розентретер²⁸. В мои обязанности входило устанавливать на территории Англии и США места дислокации, численность и вооружение английских и американских войск, местонахождение военных заводов и характер выпускаемой ими продукции. Наряду с этим подполковником Розентретером мне было указано, чтобы я особо внимательно следил за подготовкой англичан и американцев к вторжению в Африку и Европу.

Вопрос: Для какой цели вам была передана агентура германской разведки, действовавшая в Англии и Америке?»

Ответ: Нет. Агентура я приобретал лично. При этом должен сказать, что мне удалось провести ряд удачных вербовок, в результате чего

сведения, поступавшие от моих агентов, подчас имели для Германии исключительную важность. В сентябре 1942 г., за две недели до высадки англо-американского десанта на французском побережье, я получил сообщение, в котором было указано, что высадка состоится в районе Дьеппа, и также сообщалось, какое количество англо-американских войск будет участвовать в операции. После передачи поступивших мне сведений в германский Генштаб военным командованием были приняты соответствующие контрмеры, в результате чего высадка англо-американских войск в Дьеппе не имела успеха.

Вопрос: Кто из германских шпионов сообщил о подготовке англо-американским командованием десантной операции в Дьеппе?

Ответ: Мне эти данные сообщил резидент германской разведки Друшки Карл – директор немецкой академии в Берлине, который, в свою очередь, получил их от агента-женщины по имени Генриетта, фамилию не помню, проживавшей в Брюсселе (Бельгия). Генриетту легко найти в Брюсселе, так как в 1938 г. ей была присвоена первая премия на конкурсе красивых женщин [...]»²⁹.

Сравнивая рассказ Э. Кукриджа и показания З. Мюллера, можно только предположить, что Жаннетт Демюлен и «Генриетта» – это одно и то же лицо. Но даже если отбросить эту догадку, ясно одно – германская военная разведка в 1942 г. заблаговременно вскрыла планы союзников по высадке десанта в Дьеппе и нанесла ответный удар.

Примечания

¹ Макдональд Ч.Б. Тяжёлое испытание : Американские вооружённые силы на Европейском театре во время Второй мировой войны. – М., 1979. – С. 220–221.

² Черчилль У. Англия в войне // Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Корделла Хэлла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра : [Сб.]. – М., 1990. – С. 167.

³ Черчилль У. Англия в войне... – С. 159.

⁴ Там же. – С. 173.

⁵ Англо-советское коммюнике о переговорах премьер-министра Великобритании г. Черчилля с председателем Совнаркома СССР И.В. Сталиным // Известия. – 1942. – 18 августа.

⁶ Робертс Джон Гамильтон (1891–1962) – канадский военный деятель; генерал-майор. Уроженец Пайпстона (Манитоба, Канада). Получил военное образование в Канадском королевском военном колледже (1914, Кингстон, Онтарио); служил в артиллерийских частях. В 1940 г. участвовал в боях во Франции; спас боевую технику своего полка и эвакуировался из Дюнкерка. Затем командовал 2-й канадской пехотной дивизией. Участник рейда на Дьепп 19 августа 1942 г. За большие потери при высадке отстранён от должности; назначен командиром частей усиления на Британских островах.

⁷ 302-я пехотная дивизия (нем. 302 Infanterie-Division) – тактическое соединение сухопутных сил германской армии. Сформирована 12 ноября 1940 г. в Остмекленбурге (Померания). С мая 1941 г. в составе 32-го армейского корпуса 15-й армии группы армий «Д» в районе Дьеппа (Северная Франция). С 31 декабря 1942 г. в резерве ОКХ во Франции. В декабре 1942 г. переброшена на советско-германский фронт. Уничтожена в августе 1944 г. в составе группы армий «Южная Украина» в районе Тигины. Командиры:

генерал-лейтенант К. Хаазе (с 15 ноября 1940 г.); генерал-лейтенант О. Эльфельдт (с 26 ноября 1942 г.); генерал-лейтенант доктор К. Родигер (с 12 ноября 1943 г.); генерал-лейтенант Э. фон Боген (с 25 января 1944 г.); полковник В. Фишер (с июля 1944 г.).

⁸ Хаазе Конрад (1888–1963) – немецкий военный деятель; генерал-лейтенант (1942). Уроженец Дрездена. 2 октября 1908 г. фаненюнкером поступил на военную службу. 19 августа 1909 г. произведён в лейтенанты. Участник Первой мировой войны; капитан. После демобилизации из армии поступил на службу в полицию Дрездена. В 1935 г. вновь поступил на службу в вермахт. С 15 ноября 1940 по 16 ноября 1942 г. командир 302-й пехотной дивизии. Генерал для особых поручений при Главном командовании «Запад» (1942–1945). С 23 мая 1945 г. в плену у союзников. Скончался в Ханштеттене.

⁹ Речь идёт о специальной операции британских «коммандос» и королевского флота, проведённой 28 марта 1942 г., в ходе которой англичане сумели вывести из строя до конца войны единственный сухой док на побережье Атлантики. Это событие получило название рейд на Сен-Назер, или операция «Колесница» (англ. Operation Chariot). Док располагался в крупном порту и на базе германского ВМФ во французском городе Сен-Назер. Порт служил базой для германских подлодок, и здесь находился единственный на Атлантическом побережье сухой док, способный принимать самый мощный в составе кригсмарине (после потопления линкора «Бисмарк») линкор «Тирпиц».

¹⁰ Черчилль У. Вторая мировая война : [В 6 т.]. Т. 4 : Поворот судьбы. – М., 1955. – С. 502–505.

¹¹ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. – СПб.; М., 1999. – С. 521–522.

¹² Блюментрит Г. Фельдмаршал фон Рундштедт : Войсковые операции групп армий «Юг» и «Запад». 1939–1945. – М., 2005. – С. 136–138.

¹³ Варлимонт В. В ставке Гитлера : Воспоминания немецкого генерала, 1939–1945. – М., 2005. – С. 272–273.

¹⁴ Там же. – С. 279.

¹⁵ См.: Известия. – 1942. – 10 сентября.

¹⁶ Райле О. Секретные операции абвера : Тайная война немецкой разведки на Востоке и Западе : (1921–1945). – М., 2010. – С. 480–481.

¹⁷ Рейд союзников на Дьепп // Правда. – 1942. – 20 августа.

¹⁸ К рейду на Дьепп // Правда. – 1942. – 21 августа.

¹⁹ Подробности рейда на Дьепп // Правда. – 1942. – 22 августа.

²⁰ Правда. – 1942. – 22 августа.

²¹ Красная звезда. – 1942. – 25 августа.

²² Правда. – 1942. – 25 августа.

²³ «Дьепп показал слабость гитлеровской авиации на Западе» : Газета «Санди таймс» об уроках рейда на Дьепп // Правда. – 1942. – 26 августа.

²⁴ Английские и американские газеты об уроках рейда на Дьепп // Правда. – 1942. – 28 августа.

²⁵ Залесский А. Обречённый десант // Труд. – 2007. – 16 августа.

²⁶ Залесский А. Европа в огне: Диверсии и шпионаж британских спецслужб на оккупированных территориях. 1940–1945. – М., 2003. – С. 210–212.

²⁷ Центральный документальный архив Великой Отечественной войны (Украина). Ф. 57. Оп. 4. Д. 338. Оpubл.: Смыслов О. С. Степан Бандера и борьба ОУН. – М., 2011. – С. 159–162.

²⁸ Розентрер Рейнхольд Эдуард (1896–1945) – немецкий офицер; подполковник авиации. Уроженец Берлина. Из семьи фабриканта. Окончил высшее реальное училище. До 1936 г. начальник экспортного отдела на текстильной фабрике «Эрнст Шмидт» (Фробург; Саксония). С 1936 г. сотрудник германской военной контрразведки. С 1939 по 1944 г. начальник 1-й разведывательной группы «Аст-Берлин». С августа 1944 по май 1945 г. начальник «VI Ви Штадбюро Берлин» VI Управления РСХА. 1 июня 1945 г. задержан и 3 июня того же года арестован сотрудниками УКР «Смерш» 1-го Белорусского фронта, содержался при Полевой тюрьме УКР. 21 августа 1945 г. приговором Военного трибунала Группы советских оккупационных войск в Германии осуждён к расстрелу. Заключением Главной военной прокуратуры от 20 ноября 2001 г. реабилитирован.

²⁹ ЦА ФСБ России. Н-19966. Т. 1. Л. 64–81.

Японский посол Х. Осима на советско-германском фронте

Хохлов Дмитрий Юрьевич,
кандидат исторических наук,
Российский государственный
гуманитарный университет

Современный этап изучения истории Великой Отечественной войны настоятельно требует ввода в научный оборот новых видов документальных источников, призванных расширить и дополнить детальной информацией излишне общие построения историографии. Среди такого рода источников важное место занимают уголовные дела, находящиеся на хранении в Центральном архиве ФСБ России. Уголовные дела заводились на нацистских военных преступников, осуждённых советскими судебными органами на территории Германии в 1945–1953 гг. или военно-полевыми судами и военными трибуналами по месту дислокации органов, проводивших аресты и предварительное расследование¹. Из общего числа всех военнопленных к уголовной ответственности в конце 1940-х – начале 1950-х гг. было привлечено более 37 тысяч немцев. Примерно треть из них была осуждена в 1945–1947 гг., остальные – в 1949–1950 гг.².

Отечественные историки в последние годы пытаются раскрыть информационный потенциал этого вида источников, подготовив тематические сборники документов по материалам архивных уголовных дел³. Однако изучить весь комплекс этих документов, проанализировать и систематизировать содержащуюся в них уникальную информацию – перспективная задача будущих исследований. Причём необходимо учитывать, что аналогичные дела заводились и на военных преступников из стран-сателлитов нацистской Германии. Целесообразно изучать архивные уголовные дела в отношении немцев и их союзников в совокупности, поскольку материалы существенно дополняют друг друга. Специфика этих дел состоит также и в том, что сложно целенаправленно выявлять какую-либо информацию по интересующей исследователя тематике: нужно знать имя и фамилию осуждённого (имея в виду и возможные варианты написания); учитывать его служебное положе-

ние и сферу деятельности. Найти дела в отношении известных военных и политических деятелей довольно просто, но когда речь идёт о среднем командном составе и административно-политическом руководстве Германии и её союзников, поиск становится сложнее, хотя информация, содержащаяся в этих материалах, не менее интересна. Зачастую в таких делах гораздо больше подробных описаний событий и конкретных фактов, чем в делах высших руководителей.

Одним из характерных примеров такого «богатого» источника является архивное уголовное дело № Р-48808 полковника генштаба вермахта Фридриха Шильдкнехта⁴, попавшего в советский плен под Сталинградом⁵. В деле Ф. Шильдкнехта имеется ряд материалов о структуре Верховного командования сухопутных сил (ОКХ), формах и методах работы отдела иностранных армий Востока⁶ и его взаимодействии с абвером, сугубо личные характеристики видных военных и политических деятелей Германии и др. Эти документы должны быть проанализированы в рамках самостоятельного исследования. Наряду с прочим там хранится и собственноручно составленный Шильдкнехтом 30 апреля 1945 г. подробнейший отчёт о поездке японского посла в Берлине генерал-лейтенанта Хироси Осимы⁷ по оккупированной территории СССР в августе 1942 г.

Лето 1942 г. стало решающим моментом в военно-политических отношениях между Германией и Японией. В Берлине считали, что «никогда больше Японии не представится такой удобный случай уничтожить раз и навсегда русского колосса в Восточной Азии»⁸. К тому времени Япония сосредоточила у дальневосточных границ Советского Союза (в Маньчжурии и Корее) 28 дивизий, насчитывавших 1,2 млн человек, 5500 орудий, тысячу танков, 1400 боевых самолётов⁹. Для того чтобы подтолкнуть Японию к началу военных действий против СССР, немцы предложили послу Японии в Берлине Х. Осиме совершить поездку по оккупированной советской территории. Ему должны были продемонстрировать успехи вермахта и достижения Германии в освоении ресурсов захваченных территорий.

В конце июля 1942 г. Ф. Шильдкнехт (в тот период подполковник и заместитель начальника отдела иностранных армий Востока) получил от начальника отдела подполковника Р. Гелена¹⁰ задание – сопровождать японского посла Х. Осиму во время поездки на Восточный фронт. По прибытии в ставку под Винницей Шильдкнехт доложил о своей миссии начальнику отдела аташе ОКХ полковнику Х. фон Меллентину¹¹ и попросил дать подробные указания.

Полковник фон Меллентин сообщил, что посол Осима 1 августа прибудет в Винницу и сразу же вылетит на фронт. Он должен убедиться, что занятая германскими войсками территория удерживается прочно,

а хозяйство этих районов успешно работает в интересах оккупационных властей. Кроме того, послу надо предоставить возможность ознакомиться с состоянием фронтовых частей, при этом ни в коем случае не подвергая его опасности (самое большое – провести на командный пункт дивизии, но никак не дальше).

Следовало составить подробный план осмотра городов: Одесса, Николаев, Симферополь, Севастополь, Мариуполь, Сталино¹², Ростов-на-Дону и Киев. Подготовка квартир для посла и его сопровождения, начиная со дня вылета и до возвращения в Винницу, и извещение соответствующих инстанций о предстоящем визите возлагались на отдел военных атташе, который также брал на себя и все остальные заботы (проезд в ставку и обратно в Берлин). Полковник Х. фон Меллентин просил Ф. Шильдкнехта помочь на подготовительном этапе, так как отдел атташе был перегружен работой в связи с ожидавшимся в начале августа приездом в Севастополь большой группы иностранных военных дипломатов.

С немецкой стороны в качестве сопровождающих в поездке участвовали представитель Верховного командования вооружёнными силами (ОКВ) начальник управленческой группы «Абвер/Заграница» адмирал Л. Бюркнер¹³, офицер связи МИДа при оберквартирмейстере IV ОКХ ротмистр Х. фон Этцдорф¹⁴ и ещё один молодой атташе из МИДа (его фамилию Шильдкнехт не запомнил). Японского посла в поездке сопровождали два сотрудника японского посольства в Берлине, в частности его помощник подполковник Сейго.

О предстоящем визите японского посла по телеграфу и телефону были уведомлены соответствующие немецкие инстанции. Разъяснялась цель поездки, указывалось время прибытия и длительность пребывания в том или ином пункте, предлагалось составить подробный план осмотра объектов. Полученные предложения Ф. Шильдкнехт доложил полковнику Х. фон Меллентину, составил окончательный календарный план и передал его по телеграфу инстанциям, принимающим посла в ходе его визита. Затем Шильдкнехт оформил заявку на рейс в курьерской эскадрилье ОКХ в Виннице. Для посла был выделен транспортный самолёт типа «Юнкерс-52», до начала войны принадлежавший германскому акционерному обществу «Люфтганза».

Днём 31 июля вместе с адмиралом Л. Бюркнером Ф. Шильдкнехт из Винницы выехал в штаб-квартиру МИДа, куда к вечеру прибывал японский посол и где он должен был ночевать. Штаб-квартира находилась в непосредственной близости к ставке фюрера, примерно в 50–60 км северо-восточнее Винницы (насколько Шильдкнехт мог вспомнить, между Житомиром и Фастовом), и располагалась в зданиях по левой стороне шоссе.

Около 18:00 Х. Осима прилетел из Берлина на самолёте МИДа. В тот же вечер, около 20:00, состоялся общий ужин. И. фон Риббентроп¹⁵

на ужине не присутствовал. За хозяина дома был посланник Шмидт¹⁶, который выступил с официальным приветствием и выразил надежду, что предстоящая поездка даст послу новые и интересные впечатления. Х. Осима поблагодарил за предоставленную возможность побывать в войсках и на оккупированной территории.

После ужина состоялась запомнившаяся Ф. Шильдкнехту беседа с бывшим сотрудником германского посольства в Москве, который рассказал, как он был переводчиком¹⁷ на переговорах во время пребывания В.М. Молотова в Берлине осенью 1940 г. Ф. Шильдкнехт и через несколько лет после этой беседы помнил слова переводчика о том, что германское правительство недооценивало информацию германского посольства в Москве, особенно касавшуюся экономического и политического развития и производственной мощи СССР. Выводы дипломатов не принимались всерьёз, в Берлине не хотели знать правду, в противном случае, дело никогда не дошло бы до войны против Советского Союза.

1 августа в 8:00 Х. Осима и сопровождавшие его лица выехали на аэродром в 8–10 км от штаб-квартиры МИДа, где их ожидал самолёт курьерской эскадрильи ОКХ. Примерно в 10:30 визитёры прибыли в Одессу. Х. Осиму встречал румынский гражданский губернатор профессор Ионеску¹⁸, начальник тыла группы армий «Юг»¹⁹ и румынский военный комендант Одессы²⁰. На аэродроме был выстроен почётный караул.

Во время поездки по Одессе японцам были показаны портовые сооружения, восстановленная электростанция, табачная фабрика и молочная ферма; в Одесском театре состоялся торжественный концерт. После этого в доме румынского гражданского губернатора в честь посла был дан небольшой завтрак. На завтраке присутствовали 12–15 представителей румынских военных и гражданских организаций. Гражданский губернатор Одессы и японский посол обменялись приветственными речами. Х. Осима поблагодарил за осмотр города и сказал, что у него создалось впечатление, что в Одессе уже восстановлена нормальная хозяйственная жизнь.

Примерно в 14:30 Х. Осима и сопровождавшие его лица вылетели из Одессы и прибыли в 15:00 в Николаев, где их встретили коменданты города и порта. Сначала они проехали к Николаевской судостроительной верфи, где японскому послу показали недостроенный советский линейный корабль водоизмещением в 35 тысяч тонн²¹. Комендант порта сообщил, что это строительство, к сожалению, не будет завершено, так как отсутствуют необходимые чертежи, и судно пойдёт на лом. Затем японцы быстро осмотрели мастерские верфи, в которых проводились ремонтные работы, и проехали к мосту через Днепр, находящемуся к западу от Николаева, а оттуда – на квартиру к коменданту города, где послу был предложен чай.

Около 18:00 они вылетели в Симферополь, куда прибыли в 19:30. Командующий 11-й армией генерал Э. фон Манштейн²² в то время находился в отпуске в Германии. На аэродроме посла встретили заместитель командующего армией генерал Э. Ганзен²³, начальник штаба армии полковник генштаба Г. Шпет²⁴ и комендант города; был выставлен почётный караул. Оттуда посол направился в отведённый ему дом у сквера в центре Симферополя. Там же разместились сопровождавшие его лица. Вечером, в находящемся неподалёку офицерском клубе штаба армии был устроен ужин в кругу офицеров, во время которого генерал Э. Ганзен обратился к послу Х. Осиме с официальным приветствием.

Утром 2 августа примерно в 8:30 Х. Осима и сопровождавшие его лица выехали на командный пункт армейского корпуса, который размещался в татарской деревне в 15–20 км юго-западнее Симферополя, на шоссе, ведущем в Севастополь. Там командир корпуса генерал Э. Ганзен, пользуясь картами и схемами, сделал получасовое сообщение о боях за Севастополь, упомянув о потерях и расходе артиллерийских боеприпасов. Затем генерал Ганзен поручил сопровождать посла одному из своих дивизионных командиров. Сам генерал должен был вернуться в Симферополь для встречи румынского короля Михая²⁵, который прибывал туда 2 августа с целью посещения румынских войск, принимавших участие в боях за Севастополь. В этот день румынские солдаты стояли шпалерами почти на всём протяжении дороги Симферополь – Севастополь.

Из штаба корпуса Х. Осима и сопровождавшие его лица продолжили путь в Севастополь: сперва на северный участок фронта, где послу показали захваченные советские укрепления и кратко описали происходившие здесь бои. Осмотр закончился посещением укреплений внешнего края северной бухты. Оттуда они направились к городу, первоначально в район Инкермана. Там командир одного из полков дивизии, сражавшейся на этом участке фронта, сделал получасовой доклад о боевых действиях, особо подчеркнув трудные для наступления условия местности и чрезвычайно упорный и ожесточённый характер боёв.

Вновь проехав по городу, посол прибыл в управление порта, где на крыше-веранде был устроен завтрак. После завтрака была совершена прогулка на моторной лодке по гавани, во время которой послу показали портовые сооружения и потопленные советские военные корабли. Затем посол отправился осматривать южный участок фронта, расположенный в западной части южной бухты (мыс Херсонес), где бои закончились лишь несколько дней назад. Поездка продолжилась на юго-восток до гряды холмов, идущей с юга на север. Совсем недавно за эти высоты шли бои, имевшие решающее значение для продолжения наступления немцев на Севастополь. Один из командиров вермахта сделал небольшой доклад для японского посла о прорыве советской укрепленной линии к югу от города.

В Симферополь возвратились в сумерках. Вечером, примерно в 20:30, в офицерском клубе состоялся ужин с участием большой группы иностранных военных атташе. Накануне они осмотрели места боёв под Севастополем и на следующий день должны были возвращаться в ставку в Винницу. Они проделали путь от Винницы до Севастополя в специальном поезде, в котором и жили во время пребывания в Симферополе.

Во время ужина генерал Э. Ганзен произнёс речь в честь посла Х. Осимы и военных атташе, в которой выразил надежду, что благодаря посещению Севастополя они получили представление об упорном характере боёв, достижениях и боевом духе германских и союзных войск. Посол поблагодарил за то, что ему показали место столь недавних боёв, и выпил за победу германских и союзных войск. От имени всех атташе выступил старшина военных атташе. Насколько Ф. Шильдкнехт помнил, это был венгерский военный атташе²⁶. Около 22:30 посол Х. Осима покинул собрание и отправился на квартиру.

3 августа около 9:00 он вылетел из Симферополя в Мариуполь, куда прибыл в 10:30. На мариупольском аэродроме посла встретил морской комендант Мариуполя. С аэродрома Х. Осима и сопровождавшие его лица поехали на машине в город для осмотра бывшего завода им. Ильича, до войны выпускавшего броневые плиты. Теперь этот завод назывался «Азовский завод № 2». Там послу были показаны некоторые цеха (механический, транспортный, котельный, строительный, ремонтный, силикатный, листопрокатный стан «750»), которые возобновили выпуск продукции: запасные части для автомобилей и детали для сельскохозяйственных машин.

Затем приехавшие осмотрели два гигантских цеха, построенных незадолго до начала войны и оборудованных, по словам технического директора, «новейшими машинами для выпуска броневых плит и танковых башен». Директор особо сетовал на то, что русским удалось вывезти два агрегата: гигантский прокатный стан и большой, новейшей конструкции, стальной пресс в 15 тысяч тонн, таких по величине и мощности в мире на тот момент было немного (один у Круппа, в Германии, и один или два в Америке). Оба эти агрегата русские демонтировали в самом начале войны и отправили на какой-то танковый завод на Урале²⁷. В цехах осталось несколько башен от танков Т-34.

После осмотра завода послу показали город и порт. Ему продемонстрировали новые быстроходные баржи, способные передвигаться по морю и предназначенные для десантных операций. Каждая из них вмещала, насколько помнил Ф. Шильдкнехт, роту пехоты. На одной из этих быстроходных барж посол объехал порт, в пути ему были продемонстрированы быстроходность и маневренность этого вида судов. По мнению Шильдкнехта, скорость баржи была не менее 20 км/час.

После осмотра порта Х. Осима поехал к офицерскому клубу морского коменданта, где был устроен завтрак, на который был приглашён офицерский состав. Ф. Шильдкнехт на этом завтраке не присутствовал, так как в это время ездил в находившийся в северной части Мариуполя штаб 8-го авиакорпуса, которым командовал генерал-полковник авиации В. фон Рихтгофен²⁸. Предполагалось, что после завтрака Осима посетит Рихтгофена. Однако, поскольку Рихтгофен в этот день был занят в связи с боевыми действиями на фронте, встреча не состоялась.

После завтрака у морского коменданта Х. Осима и его сопровождение вылетели в Сталино, прибыв туда около 16:00. На аэродроме посла встретили военный комендант²⁹ – генерал-майор как начальник гарнизона и выделенный для сопровождения посла подполковник генштаба Рейссингер³⁰ как представитель армейской группировки «Д» (его командовал генерал-фельдмаршал В. Лист³¹). С аэродрома делегация направилась в гостиницу полевой комендатуры, которая находилась возле сквера с прудом. На этот день не было назначено никаких экскурсий.

Вечером, незадолго до наступления темноты, подполковник Рейссингер отвёз посла в штаб группы армий, расположенный в получасе езды, в парке на краю города. Там его приветствовали генерал-фельдмаршал В. Лист и офицеры его штаба (начальник штаба генерал-лейтенант Х. фон Грейфенберг³², начальник отдела 1-а полковник генштаба Г. Гильденфельдт³³, прежде бывший первым адъютантом генерал-фельдмаршала В. фон Браухича, начальник отдела 1-ц подполковник генштаба Шухардт).

Начальник штаба генерал-лейтенант фон Грейфенберг, стоя у географической карты, дал обзор текущего положения на театре военных действий, состояния противника и целей дальнейших операций (Майкоп – Новороссийск, направление на Батуми, с одной стороны, и на Грозный – Баку, с другой). Он сделал 20-минутный доклад об операциях армейской группировки «Д» во время наступления в районе нижнего течения Дона. По завершении доклада генерал-фельдмаршал В. Лист счёл необходимым отметить, что он лично считает силы его армейской группировки недостаточными для решения далеко идущих целей.

Около 21:00 состоялся ужин для узкого круга руководителей штаба группы армий, во время которого фельдмаршал и посол обменялись тостами за германо-японское братство по оружию и военные успехи обеих сторон. Около 22:30 посол и сопровождающие его лица вернулись в отведённое им помещение.

Утром 4 августа делегация вылетела из Сталино в Ростов-на-Дону, который лишь за несколько дней до этого был занят частями армейской группировки «Д». Совершив несколько кругов на бреющем полёте над городом, самолёт повернул на запад и приземлился на аэродроме, расположенном к западу от Ростова-на-Дону.

Ещё во время перелёта из Сталино послу были показаны с воздуха прорванные немецкими наступающими частями советские позиции с противотанковыми рвами, пояса укреплений к западу от Ростова и вокруг него. После приземления Х. Осиму приветствовал командующий 17-й армией генерал-полковник Р. Руофф³⁴. Кроме него, Осиме представился генерал горных войск Р. Конрад³⁵, который взял на себя дальнейшее сопровождение посла.

С аэродрома отправились на машине по дороге, ведущей в Ростов, мимо марширующих частей и колонн, до взорванного пешеходного моста через Дон, где генерал Конрад кратко рассказал о боях за город и форсировании Дона. Затем поездка продолжилась по понтонному мосту и по насыпи, идущей через низину Дона, до деревни Баклава³⁶, расположенной на юге низины. Всего за два дня до этого за эту деревню шли ожесточённые бои, так как она прикрывала переправу через Дон и имела большое значение для наступления на юг. Генерал Конрад дал наглядное описание тяжёлого наступления его частей из болотистых плавней к западу от насыпи на расположенную выше и защищаемую значительными силами северную окраину деревни. Он сказал, что ему самому пришлось с винтовкой в руках участвовать в штурме в первых рядах пехоты. После чего начальник отдела 1-ц 17-й армии подполковник генштаба Хэфс, прикрепив к стене избы несколько схем, сделал получасовой доклад о боевых операциях армии с начала наступления.

Посол осмотрел советские позиции на северной окраине деревни. В это время мимо проходили на юг части 17-й армии: пехота, артиллерия и транспорт. Боевые действия продолжались уже несколько недель, войскам пришлось совершить значительные переходы, но, несмотря на то, что в этот день была сильная жара, солдаты выглядели бодро. Посол Осима выразил своё удовлетворение этим.

Вернувшись на аэродром, вылетели в Таганрог, в штаб 17-й армии, где в кругу штабных офицеров состоялся завтрак. Во время завтрака командующий армией и Х. Осима вновь обменялись приветствиями и выражениями благодарности.

Примерно в 15:00 направились обратно на таганрогский аэродром и вылетели в Сталино, прибыв туда в 16:00. По пути с аэродрома послу был показан вновь пущенный завод на правой стороне дороги, ведущей с аэродрома в город. В некоторых цехах этого завода были устроены ремонтные автомастерские. Осмотр продолжался около получаса. Затем путь продолжили. Через полчаса после размещения в отведённой квартире к послу прибыл связной офицер авиации армейской группировки «Д» подполковник Герике. Накануне Х. Осима просил его приехать, когда в связи с докладом генерала фон Грейфенберга были кратко отмечены действия авиации. Связной офицер показал послу карту развед-

ки и боевых операций. Х. Осима попросил разрешения ознакомиться с этими данными подробнее, в связи с чем доклад офицера авиации был назначен на следующий день.

Этот доклад состоялся в комнате посла, в присутствии подполковника Сейго, адмирала Бюркнера и Шильдкнехта. Офицер связи авиации, руководствуясь картой, сначала охарактеризовал организацию разведки с воздуха, проводившуюся для развития наступления, и рассказал о важнейших результатах, полученных к этому времени. Затем, используя схематические чертежи, он сделал обзор боевых операций авиации, особенно пикирующих бомбардировщиков, в период боёв за укрепления западнее Ростова-на-Дону и сам город. Он привёл данные о характере объектов, количестве самолётов и сброшенного бомбового груза и коротко остановился на сотрудничестве связного офицера авиации с отделами 1-а и 1-ц армейской группировки.

Во время доклада, продолжавшегося добрых полчаса, посол Х. Осима проявил особый интерес к карте воздушной разведки с нанесёнными на неё результатами и к операциям пикирующих бомбардировщиков. Он осведомился о среднем количестве боевых вылетов экипажей в обычные дни и в дни крупных боевых операций. Затем, сердечно поблагодарив офицера авиации, он его отпустил.

Вечером в гостинице военного коменданта в обществе его офицеров состоялся скромный ужин, во время которого Х. Осима выразил благодарность за оказанный ему в Сталино приём.

5 августа примерно в 9:00 делегация вылетела с аэродрома Сталино в Днепропетровск и в 11:00 прибыла на аэродром, расположенный к югу от города. Посла Осиму встретил окружной комиссар гражданской администрации Днепропетровска Гофман³⁷. С аэродрома посол поехал через Днепропетровск на другой конец города, где находился вновь пущенный в ход металлургический завод, производивший до войны прутковое, полосовое и листовое железо³⁸. Осмотрев завод, делегация отправилась в дом окружного комиссара. Там, в саду дома, комиссар коротко изложил задачи органов гражданской администрации на оккупированной территории и рассказал о Днепропетровском округе. Здесь же был устроен завтрак, на котором, кроме посла и сопровождающих его лиц, присутствовали некоторые чиновники комиссариата. После официального приветствия посла комиссар провозгласил тост за германо-японское сотрудничество и победу держав Оси.

Около 14:00 Х. Осима вылетел в Киев, куда прибыл около 15:00. Ввиду недостатка времени адмирал Л. Бюркнер обратился к командующему германскими войсками на Украине с просьбой сократить программу, намеченную для Киева. Поэтому была совершена только прогулка на машинах по городу, которая должна была показать, что Киев

живёт нормальной жизнью. Прогулка закончилась осмотром Киево-Печерской лавры и панорамы города с высокого берега Днепра.

Вернувшись на аэродром, делегация в 16:00 вылетела обратно в Винницу. На аэродроме посла встретили комендант ставки В. фон Гюндель³⁹ и представитель отдела атташе подполковник Бибрах⁴⁰. Посол разместился в гостинице ОКХ «Охотничья горка».

Перед ужином отделу атташе удалось устроить непродолжительную встречу посла с начальником генерального штаба генерал-полковником Ф. Гальдером. При этой встрече Шильдкнехт не присутствовал. Так как в этот вечер, насколько помнит Шильдкнехт, начальник генштаба принимал иностранных военных атташе, вернувшихся специальным поездом из Симферополя, то посол ужинал в одной из комнат отеля в небольшом кругу сопровождавших его лиц и подполковника Бибраха из отдела военных атташе. Во время ужина посол поблагодарил за заботу о нём и в 21:30 удалился в свою комнату.

На следующее утро, около 8:30, адмирал Бюркнер, ротмистр фон Этцдорф, подполковник Бибрах и Шильдкнехт заехали за послом в отель, проводили его на винницкий аэродром, где уже находились генерал-майор Г. Матцки⁴¹ и комендант ставки генерал-майор Гюндель.

Сначала предполагалось, что Х. Осима из Винницы вылетит в Краков, где встретится с генерал-губернатором доктором Г. Франком и осмотрит генерал-губернаторство. По неизвестной Ф. Шильдкнехту причине эта поездка расстроилась, и Осима из Винницы на самолёте МИДа вылетел в Берлин.

Во время поездки японский посол неоднократно затрагивал в разговорах политические темы. Частично Ф. Шильдкнехт сам слышал эти разговоры или принимал в них участие, в ряде случаев содержание таких разговоров становилось ему известным из рассказов других лиц, сопровождавших посла.

Так, после ужина в штабе армейской группировки «Д» посол в беседе с генерал-фельдмаршалом В. Листом заявил, что германское наступление на Кавказе ведётся недостаточными силами и есть опасность, что своей цели оно не достигнет. Япония, однако, очень заинтересована в том, чтобы германская армия как можно скорее заняла всю территорию Кавказа и Закавказья и тем самым создала удобный плацдарм для продолжения операции в направлении, благоприятном для стратегического сотрудничества обеих стран. Посол сказал, что он видит возможность, если не в настоящем, то самое позднее в будущем году, через Кавказ продвинуться в Персию и дальше, в направлении Северо-Западной Индии, для того чтобы заставить англичан разделить свои силы, которые они в настоящее время концентрируют на Востоке. При условии благоприятного развития японского наступления в Индии и подобного же

удара германских войск, в будущем возможно даже объединение обеих армий и установление непосредственной связи между ними.

Для интересов обеих стран очень нежелательно упущение благоприятной возможности, создавшейся на Кавказе ещё и в результате недостаточно организованного сопротивления Красной армии. Эта возможность заключается в быстром захвате Закавказья и создании предпосылок для дальнейшего продвижения германских войск.

Генерал-фельдмаршал В. Лист ответил послу, что не располагает информацией о планах германского командования относительно военных действий на этом направлении. Незначительное количество сил на этом участке, очевидно, объясняется просто невозможностью увеличить их численность здесь до тех пор, пока окончательно не будут разбиты русские армии на участке армейской группировки «Ц». Ещё ранее В. Лист в ходе доклада начальника штаба отметил, что и сам не очень удовлетворён теми силами, которые предоставлены в его распоряжение.

Ф. Шильдкнехт лично не слышал этого разговора, так как вместе с начальниками отделов 1-а и 1-ц и подполковником Рейссингером располагался за другим столом. Вернувшись в общежитие, Шильдкнехт попросил Этцдорфа информировать его о разговоре за столом фельдмаршала. Об этом он говорил на следующее утро и с адмиралом Бюркнером.

На следующий день, во время доклада связанного офицера авиации, посол Х. Осима сам сделал замечание, относящееся к этой же теме. Установив по карте воздушной разведки, что в северной части Кавказа нигде не обнаружено большого скопления русских сил, он сказал, что можно лишь сожалеть о том, что немецкое командование не располагает сейчас 10–20 дивизиями для того, чтобы быстро захватить Кавказ и Закавказье и прорваться дальше, к Персии. На вопрос Ф. Шильдкнехта, как он себе представляет подобный прорыв, посол ответил, что его можно было бы осуществить одним или несколькими моторизованными экспедиционными корпусами, с большим количеством танков при поддержке крупных сил авиации. Шильдкнехт заметил, что в этом виде оружия и подобных соединениях сильно нуждается весь Восточный фронт и до окончания войны на этом фронте проведение подобной операции едва ли возможно.

На второй день пребывания в Сталино, за ужином в гостинице военного коменданта, последний спросил Х. Осиму, как он расценивает возможности окончания японо-китайской войны. Посол ответил, что, по его мнению, война в Китае может продлиться очень долго. Там установилось известное равновесие сил, которое привело к более или менее стабильному фронту. Япония едва ли намечает сейчас проведение каких-либо крупных операций, так как на это у неё нет сил.

На вопрос Ф. Шильдкнехта, как посол расценивает возможность широкого китайского наступления, мощь и боеспособность китайской

армии в целом, Х. Осима ответил, что хотя китайская армия в количественном отношении намного превосходит японские силы, но в руководстве, организации, вооружении и снаряжении она отстаёт. Особенно большой недостаток она испытывает в оружии. В связи с этим крупномасштабное китайское наступление в ближайшее время невозможно. Важно по-прежнему изолировать Китай от ввоза оружия, с тем чтобы помешать или, по крайней мере, задержать вооружение китайской армии, ограничив возможности перевооружения продукцией слабо развитой китайской военной промышленности. Х. Осима полагал, что окончание японо-китайской войны возможно лишь после завершения борьбы между Японией и Америкой.

После ужина японский посол пригласил к себе представителей принимающей стороны. Адмирал Бюркнер, ротмистр фон Этцдорф и Шильдкнехт собрались в комнате посла. Продолжился разговор на тему о Дальнем Востоке, причём адмирал Бюркнер коснулся японо-советских отношений. Х. Осима охарактеризовал эти отношения как корректные. Ф. Шильдкнехт спросил посла, считает ли он возможным конфликт с Советским Союзом и вступление Японии в ближайшее время в войну против СССР. Х. Осима заявил, что, несомненно, был момент, когда такой конфликт был желателен для Японии, чтобы окончательно устранить угрозу со стороны Владивостока. Но теперь японские силы связаны в Китае и заняты наступлением в юго-западной части Тихого океана, а в его северной части, расположенной против Советского Союза, значительных военных сил не имеется. Япония в данный момент больше всего заинтересована в том, чтобы не иметь врага в тылу, и стремится создать и сохранить сносные отношения с Советским Союзом, делая всё возможное, чтобы избежать конфликта.

На вопрос Ф. Шильдкнехта, означает ли это, что Япония окончательно отказалась от своего прежнего намерения в отношении Владивостока, он ответил, что окончательного решения пока нет, но, в любом случае, этот вопрос временно отошёл на второй план.

Затем Х. Осима спросил Ф. Шильдкнехта, как, по его мнению, отразилось бы на европейском театре военных действий японское нападение на советский Дальний Восток. Шильдкнехт ответил, что, хотя подобное нападение было бы желательно для Германии, так как оно, по меньшей мере, заставило бы русских прекратить переброску дальневосточных частей на Западный фронт и ослабило бы снабжение и вооружение войск на советско-германском фронте, всё же приходится сомневаться в том, что это наступление может в короткий срок оказать решающее влияние на боевые операции в Европе. Посол согласился с этим мнением, подчеркнув при этом самостоятельность советского Дальнего Востока в хозяйственном и военно-промышленном отношении.

Ф. Шильдкнехт подчеркнул также, что при нынешнем положении он не видит угрозы для Японии со стороны СССР и считает невероятным, чтобы Россия без крайней необходимости стала стремиться к войне на Дальнем Востоке. Ведь она, несомненно, заинтересована в том, чтобы использовать в Европе все имеющиеся в её распоряжении силы и справиться с создавшимся там тяжёлым положением.

Затем разговор перешёл на тему о намерениях Японии на Тихом океане. Посол сказал, что центр тяжести японской активности окончательно перенесён на юг после того, как в Китае создалось равновесие сил. Цель и жизненно важная задача Японии заключается в том, чтобы на островах южной части Тихого океана найти и использовать всё необходимое сырьё, которое ей нужно для борьбы против Америки. Эта борьба только начинается, и она надолго свяжет все японские силы.

На китайском театре военных действий борьба в будущем также сможет разрешиться лишь при условии, что японская промышленность будет обеспечена сырьём в той мере, в какой это необходимо для ведения войны. Остаётся только надеяться, что Америка предоставит Японии достаточное времени, чтобы провести в этих областях необходимые военные мероприятия, укрепить и использовать в экономике их результаты.

Адмирал Бюркнер сообщил Шильдкнехту, что Осима, говоря с ним о совместной войне Германии и Японии, назвал большим недостатком отсутствие общего, конкретно выработанного стратегического плана. Все старания добиться у Риббентропа или у штаба оперативного руководства армией соответствующих твёрдых обещаний Германии относительно общего стратегического плана на долгий срок, остались безуспешными. Бюркнер сказал Шильдкнехту, что у него создалось впечатление, что Осима не слишком хорошего мнения о германском министре иностранных дел, так как последний оставляет все вопросы нерешёнными.

Во время осмотра поля боя под Севастополем Ф. Шильдкнехт беседовал с послом о сопротивлении советской армии и о непрерывном появлении новых войсковых соединений. Х. Осима спросил, как немцы оценивают объём наличных русских резервов. Ф. Шильдкнехт назвал ему цифру в 20–25 соединений и сказал, что Россия с этими силами и имеющимся в её распоряжении призывным контингентом не только в состоянии компенсировать понесённые ею в течение летнего германского наступления потери, которые в случае удачного исхода наступления оценивали в 70–80 соединений, но и сформировать значительное количество новых и использовать их для большого зимнего наступления. Особенно тревожат немцев советские танки, которые в виде вновь сформированных танковых бригад постоянно появляются на всём протяжении Восточного фронта. Согласно имеющимся данным и расчётам, Красная армия получает ежемесячно от собственной танковой промышленности и от союзников

до 1500 танков, то есть минимум 20 танковых бригад, если вычтеть некоторый процент для текущего пополнения. Посол Х. Осима согласился, что производственная мощность советской танковой промышленности оказалась неожиданно большой и до войны недооценивалась.

Как-то в разговоре Ф. Шильдкнехт спросил постоянно сопровождавшего Осиму подполковника Сейго, считает ли он возможным окончание зашедшей в тупик японо-китайской войны политическим путём, то есть компромиссным миром. Японец ответил, что это едва ли возможно, так как Чан Кайши⁴² не соглашается на японские условия, Япония же не может отказаться от экономической эксплуатации китайского сырья и военной оккупации баз и узловых пунктов Китая. Отказ от всякого японского влияния в Китае равносителен поражению в войне, признанию того, что война велась впустую и все жертвы принесены напрасно.

После окончания визита Ф. Шильдкнехт доложил о его итогах начальнику отдела атташе полковнику Х. фон Меллентину, которого интересовало, не было ли каких-либо недоразумений. Шильдкнехт рассказал о том, какое впечатление произвело на посла всё виденное, о его политических оценках и высказываниях, сообщил, что встреча посла с командиром 8-го авиационного корпуса в Мариуполе генерал-полковником фон Рихтгофеном не состоялась, и упомянул о небольшом курьёзе при осмотре завода им. Ильича в Мариуполе, когда офицер головной машины проехал по ошибке ворота завода, из-за чего всей остальной колонне пришлось сделать порядочный крюк. Фон Меллентин спросил, удовлетворён ли посол поездкой на фронт. Ф. Шильдкнехт ответил, что во время путешествия Х. Осима увидел очень много и был в целом удовлетворён. Особый интерес он проявил к посещению мест боёв в районе Севастополя и Ростова-на-Дону, и это произвело на него большое впечатление. Кроме того, ему явно понравились поездка в Одессу, посещение судостроительной верфи в Николаеве и осмотр танкового завода в Мариуполе. Несколько меньший интерес вызвал осмотр Сталино, но это связано с тем, что эта область была занята совсем недавно. Вероятно, было бы лучше организовать посещение большого города, уже давно занятого немцами, например Харькова, – осмотр ещё нескольких больших заводов мог бы основательно убедить японского посла в том, что в тыловых районах в полном объёме налажено производство и восстановлено хозяйство.

Ф. Шильдкнехт также пересказал содержание бесед с послом. Фон Меллентин порекомендовал Шильдкнехту проинформировать об этом оберквартирмейстера IV генерала фон Матцки.

О выполнении задания Ф. Шильдкнехт отчитался также перед начальником своего отдела подполковником Р. Геленом. Доложив об основных мероприятиях, он подробно описал ход осмотра района боёв у Севастополя

и сообщил, какую оценку дал японский посол наступающим немецким частям, постарался детально передать высказывания Х. Осимы по общеполитическим вопросам. Подполковник Гелен по итогам доклада заметил, что прорыв в Персию в теории и на бумаге выглядит очень хорошо, но для этого необходимо вначале разгромить Красную армию. В связи с упоминанием о намерениях Японии в южной части Тихого океана он спросил, не сообщили ли японцы точных сведений о том, какими силами они там располагают. Ф. Шильдкнехт ответил, что центр тяжести японского наступления перенесён туда, и туда же будут направлены все имеющиеся силы. Р. Гелен с сожалением сказал, что японцы ведут в южной части Тихого океана свою «частную войну», вместо того чтобы участвовать в борьбе против общего врага. Возможно, японское наступление на советский Дальний Восток и не имело бы непосредственного влияния на исход войны в Европе, но всё же со временем можно было бы снять с Восточного фронта некоторые германские стрелковые дивизии, бригады, танковые части и орудия.

Доклад о поездке японского посла Ф. Шильдкнехт сделал и оберквартирмейстеру IV генерал-майору Матцки, который, будучи проинформированным ротмистром фон Этцдорфом, спрашивал только о личном впечатлении – остался ли доволен посол своей поездкой. Ф. Шильдкнехт доложил ему то же, что и полковнику фон Меллентину.

Относительно желания посла о «прорыве в Персию» генерал Матцки сказал, что ему об этом известно, так как Х. Осима и ранее высказывался примерно в такой же форме. Генерал Матцки выразил сомнение в том, действительно ли это пожелание изначально имелось у японской стороны, а не возникло позже в результате легкомысленных обещаний и заверений высшего немецкого командования и МИДа.

Сведения, полученные японским послом во время поездки, безусловно, представляли определённую ценность для руководства Японии. Тем не менее желаемого для Германии воздействия на позицию императорского правительства это не оказало, и на вступление в войну против Советского Союза Япония так и не решилась.

Примечания

¹ Христофоров В.С. Материалы Центрального архива ФСБ России периода Великой Отечественной войны // Вестник архивиста. – 2005. – № 3 (87). – С. 48.

² Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Немецкие военнопленные в СССР: Историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. – Вологда, 2002. – С. 25.

³ См.: Генералы и офицеры вермахта рассказывают...: Документы из следственных дел немецких военнопленных: 1944–1951 / Вступит. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. – М., 2009; Тайны дипломатии Третьего рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену: Документы из следственных дел. 1944–1955 / Вступит. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова. – М., 2011.

⁴ Шильдкнехт Фридрих (1906–?) – немецкий офицер; полковник (1942). Уроженец Нюрнберга. В армии с 1924 г. В декабре 1927 г. произведён в офицеры, служил на строевых должностях до 1936 г. По окончании военной академии назначен референтом отдела «Иностранные армии – Восток» при ОКХ. В 1939 г. принял участие в польской кампании в качестве офицера особых поручений при штабе 17-го армейского корпуса. Во Франции служил в качестве начальника штаба 75-й стрелковой дивизии. Осенью 1940 г. назначен начальником группы в отделе «Иностранные армии – Восток», одновременно заместитель начальника отдела. С осени 1942 г. начальник штаба 8-го армейского корпуса. 1 февраля 1943 г. взят в плен в сталинградском «котле». Постановление о принятии дела в отношении Ф. Шильдкнехта к производству было утверждено 10 августа 1952 г. Дело велось следственным отделом 2-го Главного управления МГБ СССР. Содержался в Бутырской тюрьме. По завершении следствия дело было рассмотрено на Особом совещании при МГБ СССР 31 октября 1951 г. Ф. Шильдкнехт был обвинён в совершении преступления по ст. 58-6 ч. 1 УК РСФСР и заключён в исправительно-трудовой лагерь сроком на 25 лет. 27 февраля 1952 г. мера наказания была заменена тюремным заключением на неотбытый срок. 13 октября 1955 г. освобождён от наказания досрочно и репатриирован на родину в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28.09.1955. Заключение Главной военной прокуратуры РФ от 20 сентября 2001 г. реабилитирован.

⁵ ЦА ФСБ России. Р-48808. Л. 109–147.

⁶ Отдел «Иностранные армии – Восток» занимался сбором и анализом информации по армиям СССР, США, Швеции, Финляндии, Японии, Китая, Таиланда. Подчинялся оберквартирмейстеру IV (OQu IV) Верховного командования сухопутных войск.

⁷ Осима Хироси (1886–1975) – барон, генерал-лейтенант, военный разведчик и дипломат. Сын генерала, занимавшего пост военного министра. Убедённый милитарист и германофил с юности (сказалось влияние отца, неоднократно бывавшего в Германии с различными миссиями). В 1923–1924 гг. военный атташе в Будапеште и Вене. В первой половине 1930-х гг. под его непосредственным руководством было налажено сотрудничество с Германией в военной и разведывательной областях, он стал одним из ближайших друзей Ойгена Отта – впоследствии военного атташе и посла Германии в Японии. Военный атташе в Берлине (1936–1938), один из инициаторов Антикоминтерновского пакта (Х. Осима подписал его как представитель Японии). В результате успешной деятельности по укреплению японо-германского союза назначен послом (1938), но был вынужден оставить эту должность сразу после подписания Пакта о ненападении между Германией и СССР (1939). Восторженный поклонник национал-социализма и лично А. Гитлера, особым расположением которого он пользовался. Участвовал в подготовке Тройственного пакта. В начале 1941 г. Х. Осима назначен послом в Берлин, оставался на этом посту до конца войны. После нападения Германии на СССР занимал довольно осторожную позицию в вопросе о вступлении в войну Японии, считая боевые действия на нескольких фронтах для неё неприемлемыми. Благодаря хорошим отношениям с нацистами имел беспрецедентный для иностранца доступ к информации по германским военным планам и государственной политике. Все собранные сведения передавал в Токио дипломатическим кодом. Практически все донесения были перехвачены и дешифрованы американцами в рамках программы «Мэйджик». В мае 1945 г. интернирован в Европе союзниками. Международным военным трибуналом для Дальнего Востока (в Токио) в ноябре 1948 г. приговорён к пожизненному заключению. Освобождён в 1955 г.

⁸ Из записи беседы министра иностранных дел Германии И. фон Риббентропа с японским послом в Берлине Х. Осимой 9 июля 1942 г. (см.: Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: В 2 т. Т. 1. – Изд. 3-е. – М., 1955. – С. 20).

⁹ Пограничные войска СССР в годы Второй мировой войны: 1939–1945. – М., 1995. – С. 271.

¹⁰ Гелен Рейнхард (1902–1979) – немецкий военный деятель; генерал-майор (1944). Уроженец Эрфурта. Один из руководителей германской военной разведки. С июня 1940 г. адъютант начальника Верховного командования сухопутных войск. 1 апреля 1942 г. назначен начальником 12-го отдела («Иностранные армии – Восток») Верховного командования сухопутных войск.

¹¹ Меллентин Хорст фон (1898–1977) – немецкий военный деятель; генерал артиллерии (1945).

¹² До 1924 г. – г. Юзовка, с 1961 г. – г. Донецк.

¹³ Бюркнер Леопольд (1894–1975) – немецкий военный деятель; вице-адмирал (1943). С 15 июня 1938 г. руководитель управленческой группы «Абвер/Заграница».

¹⁴ Этцдорф Хассо фон (1900–1989) – немецкий дипломат. С 30 сентября 1939 по 23 января 1945 г. представитель МИД Германии при ОКХ; майор резерва (17 октября 1942).

¹⁵ Риббентроп Иоахим фон (1893–1946) – немецкий партийный и государственный деятель, дипломат; обергруппенфюрер СС (1938). С февраля 1938 г. до капитуляции нацистской Германии – имперский министр иностранных дел.

¹⁶ Возможно, речь идёт о немецком дипломате П. Шмидте. Шмидт Пауль Отто (1899–1970) – немецкий государственный деятель, дипломат; штандартенфюрер СС (1940). В 1924–1925 гг. министерский директор, руководитель информационного отдела и отдела прессы Имперского МИДа. В 1935–1945 гг. являлся личным переводчиком А. Гитлера. В 1940–1941 гг. начальник канцелярии МИДа. Автор мемуаров.

¹⁷ Возможно, речь идёт о Г. Хильгере. Хильгер Густав (1886–1965) – немецкий дипломат. С января 1923 по 22 июня 1941 г. начальник торгово-экономического отдела германского посольства в Москве, 2-й советник посольства; легионный секретарь. 24 июня 1941 г. интернирован, затем через Турцию выехал в Германию. В 1941–1945 гг. сотрудник германского МИДа; начальник реферата «Россия» Политического отдела МИДа. В 1945–1948 гг. находился в американском плену.

¹⁸ Так в документе. Шильдкнехт отметил в своих показаниях, что не уверен в точности этой фамилии. Возможно, речь идёт о губернаторе Транснистрии профессоре Георге Александру (1897–1946).

¹⁹ Возможно, речь идёт о К. фон Роке. Рок Карл фон (1880–1949) – немецкий военный деятель, генерал пехоты (1941). С 16 марта 1941 г. командующий тыловым районом группы армий «Юг», с 9 июля 1942 г. командующий тыловым районом группы армий «А».

²⁰ Возможно, речь идёт о генерал-майоре К. Трестиориану. Трестиориану Константин (1891–1983) – заместитель командира 10-й пехотной дивизии, командир 7-й пехотной дивизии румынской армии, после гибели первого коменданта Одессы бригадного генерала И. Глогожану – военный комендант города.

²¹ Так в тексте. Возможно, послу был показан корпус линкора «Советская Украина» (заложен в 1938, прекращён постройкой 10 июля 1941 г.). Линкоры этого класса имели водоизмещение 59 тысяч 150 тонн. Или же посол осмотрел корпус тяжёлого крейсера «Севастополь» (проект 69) – заложен в 1939 г. Водоизмещение 35 тысяч 250 тонн.

²² Манштейн Эрих Фриц фон (1887–1973) – немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1942). С сентября 1941 г. командующий 11-й армией.

²³ Ганзен (Ханзен) Эрик Петер (1889–1967) – немецкий военный деятель; генерал кавалерии (1940). С октября 1940 г. возглавил германскую военную миссию в Румынии. С июня 1941 г. командир LIV армейского корпуса, в составе 11-й армии участвовал в боях под Одессой, Антоновкой, на Перекопе, в Крыму.

²⁴ Шпет Ганс (Ханс) (1897–1985) – немецкий военный деятель; генерал артиллерии (1944). С 1 июня 1941 г. начальник штаба LIV армейского корпуса.

²⁵ Михай I Гогенцоллерн-Зигмаринген (1921) – румынский государственный деятель, король Румынии в 1927–1930 и 1940–1947 гг. С 1947 г. в изгнании, в настоящее время живёт в Швейцарии.

²⁶ Речь идёт о венгерском военном атташе Ш. Хомлоке. Хомлок Шандор (1892–1963) – венгерский военный деятель, генерал-лейтенант (1944). С 1 мая 1940 по 1 ноября 1944 г. военный атташе в Берлине.

²⁷ Самый мощный в СССР бронепрокатный стан «1250» завода им. Ильича был эвакуирован на Магнитогорский металлургический комбинат, часть оборудования вывезена на площадку Уральского вагоностроительного завода (танковый завод № 183) в Нижнем Тагиле. На базе эвакуированных трубных цехов завода им. Ильича в Челябинске впоследствии создан один из крупнейших в стране трубопрокатных заводов.

²⁸ Рихтгофен Вольфрам фон (1895–1945) – немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1943). С июля 1940 г. командир 8-го авиакорпуса, входившего в состав 3-го воздушного флота; участвовал в «Битве за Англию». В 1941 г. корпус переброшен на советско-германский фронт.

²⁹ Военными комендантами г. Сталино были: в 1941–1942 гг. – Петерс, в 1942–1943 гг. – Ленц.

³⁰ Возможно, речь идёт о подполковнике, докторе теологии В. Рейссингере. Рейссингер Вальтер – с 5 февраля по 17 июня 1940 г. начальник оперативного отдела 1-а 6-й пехотной дивизии. В конце 1942 г. командовал 215-м гренадерским полком 165-й дивизии.

³¹ Лист Вильгельм Зигмунд (1880–1971) – немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1940). В июле 1942 г. назначен командующим группой армий «А» (Кавказ), в состав которой входили 17-я, 11-я армии, 1-я и позже 4-я танковые армии.

³² Грейфенберг Ханс фон (1883–1951) – немецкий военный деятель; генерал пехоты (1944). С 1 апреля 1942 г. начальник штаба группы армий «А».

³³ Гильденфельдт Гейнц фон (1899–1971) – немецкий военный деятель; генерал-лейтенант (1944). С 5 мая 1942 г. начальник оперативного отдела 1-а штаба группы армий «А».

³⁴ Руофф Рихард (1883–1967) – немецкий военный деятель; генерал-полковник (1942). С 1 июня 1942 г. командующий 17-й армией (в составе группы армий «А»). В августе 1942 г. в его подчинение была передана 3-я румынская армия.

³⁵ Конрад Рудольф (1891–1964) – немецкий военный деятель; генерал горных войск (1942). С 19 декабря 1941 г. командир 49-го горно-стрелкового корпуса.

³⁶ Так в документе.

³⁷ Так в документе. Шильдкнехт отметил, что не уверен, правильно ли он запомнил фамилию и должность этого человека. Возможно, речь идёт о штабткомиссаре Днепропетровска Рудольфе Клостермане или о генеральном комиссаре генерального округа Днепропетровск рейхско-миссариата «Украина» Николаусе (Клаусе) Зельцнере.

³⁸ Речь идёт о Днепропетровском металлургическом заводе им. Коминтерна. Летом 1941 г. основное оборудование предприятия было эвакуировано на Урал, оккупанты смогли восстановить незначительную часть производственных мощностей.

³⁹ Гюндель Вальтер фон (1892–1973) – немецкий военный деятель; генерал-лейтенант (1943). С 25 сентября 1941 по 3 мая 1945 г. военный комендант ставки Верховного командования сухопутных войск.

⁴⁰ Возможно, речь идёт о К. Бибрахе. Бибрах Клаус – в 1936 г. командир артиллерийского батальона, в 1942 г. подполковник, представитель отдела военных атташе Генштаба сухопутных войск.

⁴¹ Матцки Герхард (1894–1983) – немецкий военный деятель, генерал пехоты (1944). С 5 января 1941 до ноября 1942 г. оберквартирмейстер IV (OQu IV) Генштаба сухопутных войск (в его функции входило руководство работой отделов иностранных армий «Восток» и «Запад», а также отдела военных атташе).

⁴² Чан Кайши (1887–1975) – военный и политический деятель Китая, с 1925 г. глава Гоминьдана (Китайская Национальная Народная партия), с 1926 г. главнокомандующий Национальной революционной армией.

«Война требует всё новых жертв»: чрезвычайные меры 1942 г.

Христофоров Василий Степанович,
доктор юридических наук,
Институт российской истории РАН

1942 г. стал для Советского Союза не менее тяжёлым, чем 1941-й, когда германские войска подошли вплотную к столице и для армии и страны сложилось катастрофическое положение. Успех контрнаступления под Москвой породил у определённой части советских людей надежды на скорую победу над врагом. Германская армия впервые потерпела крупное поражение, был развеян миф о её непобедимости. «Блицкриг» не состоялся, более того, немцы были вынуждены перейти к обороне. Но первые успехи Красной армии достигались за счёт вытеснения противника, а не за счёт его окружения, уничтожения или взятия в плен. Фронтальные бои требовали больших жертв. Старшие офицеры и генералы Красной армии это хорошо понимали и обоснованно полагали, что 1942 г. будет тяжёлым и предстоит «вынести труды небывалые»¹.

С января по апрель 1942 г. войска Ленинградского и Волховского фронтов проводили Любанскую наступательную операцию, пытаясь снять блокаду Ленинграда. Однако замысел не был осуществлён из-за недостатков в организации, нехватки оружия и других материальных средств. Ещё более трагические события произошли на юге. После 250 дней обороны пал Севастополь, а серьёзная неудача в районе Харькова имела далеко идущие последствия. Соотношение сил на южном крыле фронта резко изменилось. Красная армия понесла большие потери и вновь оказалась перед лицом тяжёлых испытаний.

Отсутствие Второго фронта и необходимость рассчитывать только на свои силы заставили использовать административно-командные методы в системе управления. Их основой были чрезвычайные меры в различных сферах жизни государства и общества. Продолжилось внесение изменений в законодательство, принимались новые нормативные правовые акты чрезвычайного характера. Широко использовались методы принуждения, основанные на ужесточении административной и уголовной ответственности, массовых репрессиях, судебном и внесудебном

принуждении, а также мобилизационные способы повышения организованности, исполнительности и дисциплины в армии, государственном аппарате, на предприятиях, объектах транспорта и связи.

Исследование ранее неизвестных документов российских архивов позволяет расширить представления об основном содержании мер чрезвычайного характера, предпринятых советским политическим и военным руководством в 1942 г. для того, чтобы переломить ход войны и взять стратегическую инициативу в свои руки.

Архивные документы свидетельствуют, что в 1942 г. действия чрезвычайных органов власти были ориентированы в первую очередь на мобилизацию всех ресурсов страны и объединение усилий партийных, советских, общественных, хозяйственных и военных структур. Основным чрезвычайным высшим государственным органом управления на период войны стал образованный 30 июня 1941 г. Государственный Комитет Оборона (ГКО). В соответствии с отведёнными полномочиями ГКО осуществлял всё государственное, военное и хозяйственное руководство в стране. В 1942 г. ГКО принял около 1600 постановлений и распоряжений, направленных на мобилизацию народного хозяйства на нужды фронта, перестройку деятельности всего государственного аппарата на военный лад, укрепление военной организации государства, правопорядка, поддержание строжайшей дисциплины и обеспечение госбезопасности. Все постановления и распоряжения ГКО имели силу и статус законов военного времени, обязательных для исполнения на всей территории Советского Союза. Военные, государственные, партийные, советские, общественные организации и граждане страны были обязаны принимать на себя обязательства, предписанные решениями ГКО.

В 1942 г. продолжилось формирование новых чрезвычайных органов управления, был создан ряд комитетов и специальных комиссий. Завершилась реорганизация ведомств, занимавшихся разведывательной и контрразведывательной работой, начавшаяся летом 1941 г.² 10 января органы 3-го Управления НКВМФ (военная контрразведка) были преобразованы в особые отделы и подчинены Управлению особых отделов НКВД СССР³.

Городские комитеты обороны, являвшиеся местными чрезвычайными органами руководства в условиях военного положения, стали создаваться на основании постановления ГКО от 22 октября 1941 г. Первоначально они были учреждены в 46 городах СССР: в Подмосковье, во всех крупных городах Центра, Поволжья и Северного Кавказа, а с 1942 г. – в Закавказье. В связи со сложной военно-политической обстановкой в ряде городов 13 сентября 1942 г. ГКО принял постановление о городских комитетах обороны⁴, 18 сентября – образовал городской комитет обороны в г. Гурьеве⁵.

Для решения различных вопросов хозяйственно-экономической деятельности в условиях чрезвычайной обстановки, связанной с продолжавшимися боевыми действиями, а также научно-практических задач, создавались различные комиссии, комитеты и оперативные бюро, имевшие государственный, научный или общественный статус. После выполнения возложенных задач названные структуры распускались. Так, 2 января 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление об образовании комиссии Бюро СНК СССР во главе с Н.А. Вознесенским для решения «всех текущих вопросов работы Совнаркома СССР». 8 декабря 1942 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О составе и работе Оперативного бюро ГОКО и Бюро Совнаркома СССР», упразднило Комиссию по текущим делам Бюро СНК СССР. Взамен было создано Оперативное бюро ГКО, которое занималось вопросами «контроля и наблюдения за текущей работой наркоматов», за составлением и исполнением планов производства и снабжения в отраслях промышленности.

Для централизации управления транспортной системой 14 февраля 1942 г. при ГКО был создан Транспортный комитет, в который вошли четыре члена Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с И.В. Сталиным, наркомы путей сообщения и водного транспорта, начальник тыла и начальник управления военных сообщений НКО. Этот комитет координировал работу ж.-д., речного и морского транспорта, руководил их материально-техническим снабжением, планировал и регулировал воинские и важнейшие народно-хозяйственные перевозки, имевшие оборонное значение. Транспортный комитет сыграл важную роль в период Сталинградской битвы. Его решениями от 14 и 15 июля 1942 г. и последующими указаниями на речной транспорт Волги возлагались всё возрастающие перевозки грузов для заводов, выпускавших броневую сталь, танки, артиллерийские орудия и другую важнейшую военную продукцию, а также перевозки боеприпасов. В Вольске, Саратове, Камышине и Сталинграде были созданы фронтовые базы снабжения, в Казани, Сызрани и Ульяновске срочно обустроивались крупные пункты перевалки воинских грузов⁶.

В связи с обострением обстановки на фронте и вновь возникшей необходимостью эвакуации людей и ценностей из областей, которым угрожала оккупация, 22 июня ГКО принял постановление «Об образовании при ГКО Комиссии по эвакуации»⁷ под председательством Н.М. Шверника⁸. Под руководством Комиссии в 1942 г. было эвакуировано свыше 150 крупных предприятий, значительные запасы продовольствия, около 8 млн человек⁹.

В целях установления сведений об эвакуированном населении в Главном управлении милиции НКВД постановлением СНК СССР от 23 января 1942 г. был создан Центральный детский адресный стол,

а на местах – специальные справочные адресные детские столы¹⁰, при паспортном отделе – Центральное справочное бюро¹¹.

С целью мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана, Среднего Поволжья и Прикамья по научно-техническим военноморским вопросам и по пищевым ресурсам было создано несколько комиссий в Академии наук СССР. Все эти комиссии были предназначены для объединения усилий учёных по наиболее эффективному использованию природных ресурсов на нужды обороны.

На базе Комиссии по составлению хроники обороны Москвы, образованной в октябре 1941 г., была сформирована Комиссия по истории Великой Отечественной войны. Руководителем первоначально был профессор Г.Ф. Александров, а затем член-корреспондент АН СССР И.И. Минц. Комиссия занималась сбором материалов в боевых частях и районах Московской области, ранее оккупированных противником.

В конце 1942 г. в СССР появился ещё один чрезвычайный орган. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. была образована Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК). Она одновременно была и государственным (все решения утверждались СНК СССР), и общественным органом (работала на общественных началах). Комиссия была предназначена для сбора документальных данных, их проверки и подготовки всех материалов о злодеяниях фашистов и причинённом ими материальном ущербе. Комиссия имела право поручать органам власти проводить расследования, опрашивать потерпевших, собирать свидетельские показания и иные документальные данные.

В состав ЧГК вошли Н.М. Шверник (председатель), Н.Н. Бурденко, Б.Е. Веденеев, А.А. Жданов, Е.В. Тарле, А.Н. Толстой, В.С. Гризодубова, И.П. Трайнин, митрополит Киевский и Галицкий Николай и др. Её аппарат включал 116 человек¹². Комиссия привлекала к своей работе крупных учёных, историков, археологов¹³, архитекторов, художников, инженеров. Она создавала специальные следственные комиссии для выезда на особо важные объекты (лагеря смерти и т.п.).

По Указу от 2 ноября 1942 г. местные органы власти были обязаны оказывать всемерное содействие в работе Чрезвычайной комиссии. С этой целью на освобождённых от оккупации территориях создавались республиканские, краевые и областные комиссии. Все материалы (акты, опросы свидетелей, материалы экспертизы и т.п.) поступали в ЧГК. Комиссия собрала огромное количество документов и вещественных доказательств, в том числе более 250 тысяч протоколов опроса свидетелей

и заявлений о злодеяниях нацистов на советской территории. Она принимала активное участие в судебных процессах над немецко-фашистскими преступниками, собранные ею материалы были представлены на Нюрнбергском судебном процессе.

Мобилизационные меры

ГКО уделял пристальное внимание формированию новых соединений Красной армии, совершенствованию форм и методов руководства армией, назначению руководящих кадров, обеспечению государственной безопасности и правопорядка, развитию партизанского движения, а также строго контролировал и наказывал виновных в невыполнении планов производства, срыве поставок вооружения.

С начала войны вопросы формирования и комплектования новых частей и соединений Красной армии имели первостепенное значение. Красная армия с первых же дней войны стала нести огромные потери. За шесть месяцев войны было убито, ранено, умерло от ран и болезней, пропало без вести и попало в плен 3 млн 137 тысяч 673 человека; общие потери, включая санитарные (раненые, контуженные, обожжённые, заболевшие и обмороженные), составили 4 млн 473 тысяч 820 человек¹⁴.

Именно поэтому вопросы комплектования, формирования новых соединений Красной армии носили чрезвычайный характер и постоянно находились в поле зрения ГКО. 29 июля 1941 г. постановлением ГКО было создано Главное управление формирования и комплектования войск Красной армии (Главупраформ), его функции и полномочия были утверждены 5 августа 1941 г. также постановлением ГКО. Возглавил Главупраформ Е.А. Щаденко¹⁵, который регулярно докладывал И.В. Сталину о ходе комплектования новых соединений, ежемесячно готовил материалы для рассмотрения на заседаниях ГКО, предлагая различные дополнительные источники комплектования¹⁶.

ГКО принимал постановления по вопросам формирования новых соединений, обеспечению их вооружением, боеприпасами, военной техникой, продовольствием. Так, 15 января 1942 г. ГКО принял постановление о формировании 20 гвардейских миномётных полков М-13, 16 января – дорожно-строительных и мостостроительных батальонов; 1 февраля 1942 г. – 50 новых стрелковых дивизий¹⁷ и 100 курсантских бригад¹⁸.

Формирование дивизий и бригад началось 15 февраля и предусматривало две очереди: в первую очередь, к 15 июня 1942 г., следовало сформировать 25 стрелковых дивизий и 50 курсантских бригад; во 2-ю очередь – к 1 октября 1942 г. – столько же стрелковых дивизий и курсантских бригад¹⁹. На укомплектование стрелковых дивизий и курсантских бригад ГКО разрешил «использовать раненых красноармейцев и младших командиров, выписываемых из госпиталей по выздоровлению,

призывников 1923 г.р., курсантов военных училищ и полковых школ, призванных по партийной и комсомольской мобилизации, военнообязанных из числа забронированных за промышленностью и народным хозяйством». Особое внимание обращалось на то, чтобы «стрелковые дивизии, формируемые на территории национальных республик, как правило, укомплектовать однородными национальностями».

На основании постановления ГКО в армию был зачислен весь личный состав истребительных отрядов и батальонов, находящихся вне зоны фронтов. Призыву подлежали призывники 1923 г.р. (половина из них весной, а вторая половина – осенью 1942 г.). Призывники 1924 г.р., окончившие средние учебные заведения, подлежали призыву в августе 1942 г. Всякое освобождение от службы в армии призывников 1922, 1923 и 1924 г.р. было запрещено²⁰.

От командующих войсками военных округов требовали как можно быстрее комплектовать «первоочередные дивизии». Командующий войсками Приволжского военного округа²¹ (ПриВО) С.А. Калинин²² вёл дневник, который хранится в Центральном архиве ФСБ России в качестве приложения к уголовному делу (Д. № Р-24261). С.А. Калинин фиксировал в своём дневнике все разговоры по телефону с начальником Главупраформа, подробно писал не только о своей каждодневной работе, но и о своих размышлениях и оценках складывавшейся ситуации.

Так, он сделал запись о разговорах с Е.А. Щаденко 14 января, затем 23 и 25 января: «Три дивизии уже полностью укомплектованы, но в двух дивизиях, которые необходимо подготовить к 1 февраля к отправке на фронт, нет материального обеспечения и совсем мало оружия. В одной дивизии две тысячи с небольшим винтовок, в другой – тысяча и по два десятка пулемётов. Остальное оружие обещают выдать в месте сосредоточения». Сроки готовности 42-й и 397-й сд были определены к 10 февраля²³.

Материальное обеспечение и вооружение формируемых соединений заметно отставало от темпов комплектования личным составом и задерживало подготовку к отправке на фронт. Об этом появится не одна запись в дневнике: «58-я сд на марше. Картина неутешительная. Кто подвязан верёвочкой, кто чем. Вместо вещевых мешков свои сумы. Вид отвратительный – словно толпа нищих»²⁴. «Война прожорлива, она требует всё новых и новых жертв», – запишет генерал 17 февраля. Получено указание о новых формированиях в округе. Необходимо было сформировать четыре стрелковые дивизии, десять стрелковых бригад, четыре училища, каждое по 2,5 тысячи человек. Сверх февральского плана было приказано отправить из ПриВО ещё 99 маршевых рот Калининскому и Ленинградскому фронтам, для этого необходимо было изыскать новых 25 тысяч человек и 50 тысяч по плану²⁵.

«Телефонное право» Е.А. Щаденко использовал активно. 10 марта он «выругал по телефону» Калинина за направленную им телеграмму о трудностях комплектования. С.А. Калинин согласился с тем, что «напоминание о трудностях на самом деле неуместно». 22 марта С.А. Калинин записал, что Е.А. Щаденко «грозил отнять у нас (ПриВО) Тамбовскую, Воронежскую и Орловскую области и передать их Московскому ВО». 9 апреля: «Щаденко рубит с плеча. Вологодская, Воронежская и Тамбовская области переданы МВО с мотивировкой “для лучшего использования ресурсов”. Возможно ли это?» 18 апреля Щаденко «запретил давать пополнение в 5-ю и 6-ю мсбр за счёт дивизии. Как много строится дел на неверных докладах». 19 апреля в дневнике появляется ещё одна запись: «Говорил по телефону с Щаденко. Он недоволен, что мало шумим, нет жалоб и т.д. Он все ещё расценивает стук кулаком по столу за энергичную работу»²⁶.

13 марта 1942 г. Е.А. Щаденко направил записку И.В. Сталину, в которой проинформировал о «расходе резервов военнообязанных за восемь месяцев войны и перспективах комплектования армии до конца 1942 года». После от мобилизации в Красной армии состояло около 9 млн человек. «На новые формирования для фронта (218 стрелковых дивизий, 85 отдельных стрелковых бригад, 55 кавалерийских дивизий, артиллерийских, автобронетанковых, инженерных и других частей) израсходовано 4 388 800 человек. [...] Отправлено маршевых пополнений 3 406 100 человек. [...] Израсходовано на формирование и укомплектование запасных частей, военных училищ, академий, местных стрелковых войск и тыловых учреждений военных округов 1 851 000 человек. Состоит в войсках НКВД и ВМФ 1 100 000 человек. Находится в рабочих колоннах 1 264 400 человек. Всего 21 010 300 человек, или 12% от населения, считая его в 170 млн человек»²⁷. В этой же записке было отмечено, что необходимо учитывать уменьшение количества военнообязанных в связи с временным занятием противником территории – «потеряно военнообязанных и призывников 1922, 1923, 1924 г.р. не менее 2 млн человек. Из призывных контингентов военнообязанных были исключены 250 тысяч человек – [представители] национальностей воюющих с СССР стран (немцы Поволжья и других районов, румыны, финны и др.), а также 1 182 000 человек – в тюрьмах и лагерях НКВД в возрасте от 17 до 45 лет. Всего 3 432 000 человек. Таким образом, общий расход военнообязанных составлял 24 млн 442 тысячи 300 человек, или 14,4% от населения страны».

По оценке Е.А. Щаденко, на 1 марта 1942 г. реальное число военнообязанных составляло 3 млн 167 тысяч человек, в том числе военнообязанных запаса до 40 лет включительно – 1 млн 63 тысячи человек, военнообязанных запаса от 41 до 45 лет – 425 тысяч человек, военно-

обязанных запаса от 46 до 50 лет – 627 тысяч человек, призывников 1922 и 1923 г.р. – 550 тысяч человек.

Всего на 1942 г., по расчётам Главупраформа, требовалось 7 млн 484 тысячи человек, в том числе только в марте – 2 млн 23 тысячи. Щаденко отмечал, что «по выполнении мартовского плана комплектования останется лишь 642 тысячи военнообязанных запаса и призывников, при условии почти поголовного использования ограниченно годных, а также старших возрастов (от 46 до 50 лет) и военнообязанных Средней Азии и Закавказья». Для пополнения Красной армии в течение апреля – декабря 1942 г., по расчётам Главупраформа, останется не более 2 млн 342 тысяч человек при потребности 5 млн 461 тысяча человек»²⁸.

В записке содержался вывод, что «столь напряжённое положение с людскими ресурсами являлось следствием не только отправлений крупных пополнений на фронт, но в значительной степени неправильным их использованием. Во-первых, все Главные управления Красной армии самостоятельно формировали части и соединения «без всякого учёта наличия людских ресурсов». При этом каждый «формирователь» требовал для своих частей лучшие контингенты (возраст до 35 лет, русских, украинцев и белорусов, 25–50% членов ВКП(б) и ВЛКСМ, хорошо грамотных и пр.). Во-вторых, для комплектования частей и соединений использовались преимущественно военнообязанные Московского, Приволжского, Орловского, Северо-Кавказского, Уральского и Сибирского военных округов. Практически все фронты и округа отрицательно относились к укомплектованию войск лицами из национальностей Средней Азии и Закавказья». При этом в записке отмечалось, что «военнообязанные этих национальностей с успехом выполняли боевые задачи, могли и должны были использоваться на тыловых хозяйственных и обслуживающих должностях, в караульных частях, аэродромных батальонах, складах и пр.». В-третьих, для обеспечения предприятий промышленности и сельского хозяйства использовались военнообязанные как путём бронирования рабочих и служащих, так и «передачей гражданским наркоматам сформированных рабочих колонн и батальонов». В записке в ГКО отмечалось, что бронирование военнообязанных, имевшее своей целью «сохранение промышленных кадров в горячий период первых мобилизаций, превратилось в полное освобождение от военной службы миллионов людей». Так, на 1 марта 1942 г. числились забронированными до 2,5 млн военнообязанных и до 200 тысяч человек, освобождённых от призыва в армию призывников 1919–1923 г.р. Е.А. Щаденко предлагал разбронировать и призвать в армию всех призывников 1919–1923 г.р., что могло дать около 200 тысяч человек, а также в течение мая «пересмотреть лиц, находившихся в лагерях НКВД, в возрасте до 45 лет с целью высвобождения годных для службы в ар-

мии не менее 250 тысяч человек». Он считал, что «при самом жёстком планировании, безоговорочном выполнении намеченных мероприятий и при бережном использовании людей можно рассчитывать на бесперебойное пополнение армии до декабря 1942 г.»²⁹

Слова о бережном отношении к людям в постановлениях ГКО, приказах или делопроизводственных документах НКО или НКВД встречались нечасто. Да и в записке, направленной Е.А. Щаденко И.В. Сталину, «бережное использование людей» имеет свой особый смысл: предлагается бережно относиться к людям на этапе укомплектования и тщательно собирать их по всей необъятной территории СССР. Дальнейшая судьба призывников и военнообязанных не входила в компетенцию начальника Главупраформа, хотя он прекрасно понимал, что происходит с малообученным маршевым пополнением.

Командующие фронтами и армиями постоянно жаловались не только на недостаток частей и соединений, но и на слабую обученность поступавшего пополнения. Считая «эти жалобы обоснованными», ГКО 16 марта принял постановление «О мерах по улучшению обученности маршевого пополнения»³⁰. Военные округа освобождались от формирования новых дивизий и бригад, их главное внимание переключалось на подготовку и обучение маршевого пополнения. Фронты и армии ни в коем случае не должны были с ходу направлять маршевые пополнения в дивизии, следовало, как правило, использовать их для укомплектования дивизий, выведенных в тыл на переформирование³¹. Как видно из самого документа, в нём содержалось противоречие: одновременно употреблялись словосочетания «ни в коем случае» и «как правило», что позволяло командованию фронтов и армий при поступлении маршевого пополнения действовать по своему усмотрению.

Получив постановление ГКО, командующий ПриВО С.А. Калинин записал в дневнике: «Получено постановление о плохой подготовке маршевых рот и снятия с округов формирования стрелковых дивизий и бригад. Последнее мероприятие, по-видимому, вызвано ещё тем, что старые дивизии снизили свою численность и требуются значительные контингенты, чтобы поднять их боеспособность. Зима дорого обошлась нам»³². Спустя шесть дней, 22 марта, появилась ещё одна запись: «Прошло девять месяцев войны. Всё тяжелее становится работать. Людские ресурсы подходят к концу. Всё труднее проходит план комплектования и отправки маршевых рот». 1 апреля подведены итоги за март 1942 г.: отправлены 55-я стрелковая дивизия, две стрелковые бригады, 65 маршевых рот, готовы к отправке – 100 маршевых рот, отправлено по старой задолженности 170 маршевых рот. Направлено на фронт 86 тысяч человек, а также в УрВО, СибВО и на Дальневосточный фронт – 24 тысячи 500 человек³³.

В первом квартале 1942 г. безвозвратные потери Красной армии составили 675 тысяч 315 человек. Для их восполнения 7 апреля ГКО постановил продолжить формирование 15 стрелковых дивизий, вывести с фронта и развернуть в дивизии 20 стрелковых бригад; сформировать 5 гвардейских стрелковых корпусов. В этих целях в Главупраформ в период с 15 апреля по 15 мая 1942 г. передавались 500 тысяч человек, годных к строевой службе, за счёт разбронирования военнообязанных, пользующихся отсрочками, 1922–1923 г.р., а также военнообязанных до 30 лет включительно из числа среднеазиатских национальностей (по Узбекистану – 100 тысяч человек и Казахстану – 50 тысяч человек). Ещё 65 тысяч человек направлялись в армию за счёт пересмотра ограниченно годных и освобождённых ранее от службы в армии по состоянию здоровья; 50 тысяч военнообязанных, находящихся на службе в милиции и военизированной охране; 35 тысяч человек за счёт тщательного отбора детей переселенцев и переселенцев призывного возраста³⁴.

Постановлением ГКО от 11 апреля 1942 г. предусматривалось в течение месяца мобилизовать в армию 500 тысяч человек, в том числе и 35 тысяч человек из числа детей спецпереселенцев и спецпереселенцев призывного возраста. В июле 1942 г. было принято решение призвать в армию ещё 30 тысяч заключённых лагерей и колоний и 15 тысяч трудпоселенцев. Согласно приказу НКВД СССР все трудпоселенцы, призванные в армию, и члены их семей (жена и дети) с учёта трудссылки снимались³⁵.

Второй квартал 1942 г. принёс большие потери – 842 тысячи 898 человек. В этих условиях ГКО принимает ряд постановлений: о выводе с фронта 30 стрелковых дивизий и бригад для доукомплектования и развёртывания бригад в дивизии (18 июля); о формировании 7–8 стрелковых дивизий в Северо-Кавказском военном округе (28 июля); 53 отдельных лыжных бригад (3 тысячи человек) и лыжных батальонов в дивизиях (28 августа); 20 моторизованных стрелковых бригад (6 сентября); 20 отдельных автотранспортных батальонов (7 сентября); о восстановлении 8 воздушно-десантных корпусов и 5 воздушно-десантных маневренных бригад (8 августа)³⁶.

В апреле 1942 г. только из ПриВО было отправлено на фронт 134 тысячи 739 человек (41 тысяча 512 человек – войсковые формирования, 92 тысячи 927 – маршевые пополнения, в том числе 89 тысяч 547 – в пехоту)³⁷, в мае – 83 тысячи 456³⁸, в июне – 87 тысяч 828, в июле – 71 тысяча 536, в августе – 58 тысяч 594, в сентябре – 101 тысяча 707 (4 стрелковые дивизии, 4 артполка, 3 танковые бригады, 91 маршевая рота), в октябре – 58 тысяч 524, в ноябре – 190 тысяч, в декабре – 135 тысяч 553 человека.

Получив очередное указание по отправке маршевых пополнений, С.А. Калинин записал в дневнике: «Задания сыпятся как из рога изо-

бия. Обучать уже давно не стало времени. Только успеваем разбивать по ротам, кое-как обмундировывать и отправлять. В учебных подразделениях ещё ни разу не дождалось окончания сокращённой программы. Давай-давай!! Вот главное требование. Такая приписка в шифровке, как “хорошо обученных, тщательно проверенных, под личную ответственность”, превратилась в штамп, ничего не говорящий»³⁹.

23 января в газете «Правда» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении «за образцовое выполнение задания командования Красной армии по формированию частей и соединений» ряда военачальников. Орденом Ленина были награждены Е.А. Щаденко, П.А. Артемьев (МВО), Н.В. Медведев (СибВО), орденом Красного Знамени – О.И. Городовников, С.А. Калинин, А.В. Катков и другие, всего 11 человек; орденом Красная Звезда – 15 человек.

Лишь в середине 1942 г. в войска Красной армии поступила установка: «Беречь людей». С.А. Калинин 19 июня делает запись: «Давно бы пора перестать смотреть [на страну], как на бездонную бочку. Война скоро кончится, а выиграет её тот, кто дольше сохранит людей». 25 июня добавляет: «Дана команда беречь людей. Уже поняли, что неисчерпаемые резервы тоже исчерпываются». 20 октября: «Получили команду на отправку 143-й стрелковой бригады и приказано подготовить один мехкорпус. Резервы начинают расходоваться раньше, чем создадутся. Всё время под кнутом»⁴⁰.

Если в 1941 г. ГКО принимал чрезвычайные меры по формированию стрелковых соединений и направлению их для «затыкания дыр», образовавшихся на том или ином участке фронта, то в 1942 г. всё большее внимание обращается на формирование и укомплектование авиационных, танковых и артиллерийских частей и соединений, а также частей ПВО.

С одной стороны, принимались огромные усилия по поиску дополнительных источников комплектования Действующей армии, а с другой – огромное количество военнослужащих было арестовано за дезертирство и подозрение в дезертирстве. Так, по сообщениям НКВД–УНКВД, особых отделов НКВД и транспортных органов НКВД, за время с 22 июня 1941 г. по 1 марта 1942 г. за дезертирство и по подозрению в дезертирстве было задержано 850 тысяч 111 человек, в том числе – 79 тысяч 499 – из числа уклонившихся от мобилизации и призыва. Из общего числа задержанных 646 тысяч 24 человека было передано в райвоенкоматы, воинские части и пункты формирования, а 103 тысячи 601 человек – арестованы, из них «за антисоветскую работу и шпионаж» – 14 тысяч 275 человек⁴¹. За два месяца (апрель – май 1942 г.) органами НКВД было задержано 62 тысячи 803 человека по подозрению в дезертирстве. Передано в райвоенкоматы, воинские части и пункты формирования 25 тысяч 233 человека⁴².

Одной из составных частей средств вооружённой борьбы советского народа против захватчиков стало партизанское движение. Партизанские отряды начали создаваться с первых дней войны. В советской историографии принято считать программой развёртывания партизанского движения директиву СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. Однако эта программа содержала только призывы к организации сопротивления, но не предусматривала никаких мер организационного, военного, материально-технического характера для оказания поддержки вновь формируемым партизанским отрядам. Несмотря на это к концу 1941 г. на оккупированных территориях действовало свыше двух тысяч партизанских отрядов (более 90 тысяч человек). Наиболее действенной структурой по формированию партизанских отрядов и оказанию им материально-технической помощи стал НКВД СССР, хотя и здесь приступили к работе по этому направлению только после начала боевых действий. Базой для формирования партизанских отрядов стали истребительные батальоны прифронтовых районов. Их подготовкой занимались 4-е отделы НКВД–УНКВД, а общее руководство осуществлял Центральный штаб, созданный при НКВД СССР. Содействие в подборе руководящего состава для истребительных батальонов оказывало 4-е Управление НКВД СССР⁴³, сформированное 18 января 1942 г. для проведения разведывательной и диверсионной работы в тылу противника.

В связи с активизацией весной 1942 г. деятельности разведывательно-диверсионных органов противника, ГКО «для усиления борьбы с парашютными десантами, а также забрасываемыми в тыл Красной армии шпионами и диверсантами на Кавказе», 20 мая принял постановление, а НКВД СССР в этот же день издал приказ, на основании которых численность истребительных батальонов НКВД по Краснодарскому и Орджоникидзевскому краям, Грузинской ССР, Чечено-Ингушской, Дагестанской и Кабардино-Балкарской АССР увеличивалась на 9 тысяч 700 человек⁴⁴.

Увеличение количества партизанских отрядов, но при этом их разобщённость, отсутствие в их деятельности координации и взаимодействия потребовали принятия мер по объединению руководства партизанским движением. 30 мая ГКО постановил создать при Ставке ВГК Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД). Для непосредственного руководства партизанскими отрядами при военных советах фронтов были созданы штабы партизанского движения: Украинский, Брянский, Западный, Калининский, Ленинградский, Карело-Финский, которые подчинялись ЦШПД. Начальником штаба был назначен первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко⁴⁵, с первых дней войны руководивший партизанскими отрядами на оккупированной территории республики. После образования штаба вопросы партизанского движения по несколько раз в месяц рассматривались на

заседаниях ГКО. Существенное влияние на дальнейшее развитие партизанского движения оказал приказ наркома обороны СССР от 5 сентября, в котором обобщался накопленный опыт, определялось место партизанского движения в борьбе советского народа против оккупантов и формулировались важнейшие задачи на весь дальнейший период: «...добиться, чтобы партизанское движение развернулось ещё шире и глубже, чтобы партизанская борьба охватила широчайшие массы советского народа на оккупированной территории. Партизанское движение должно стать всенародным».

Освобождение ранее оккупированных противником территорий в результате контрнаступления советских войск, в свою очередь, вызвало необходимость принятия чрезвычайных мер для поддержания общественного порядка в освобождённых городах и населённых пунктах, а также розыска и задержания агентов спецслужб противника, лиц, сотрудничавших с германскими оккупационными властями (старост, полицаяв и др.). В населённых пунктах, освобождённых от оккупантов, на основании постановления ГКО от 4 января 1942 г. выставлялись гарнизоны внутренних войск НКВД⁴⁶.

Сложнейшей проблемой в 1942 г. оставалось обеспечение отраслей народного хозяйства трудовыми ресурсами. Одним из способов была трудовая мобилизация⁴⁷. Трудовые мобилизации представляли собой вынужденную, чрезвычайную меру, которая позволяла государству обеспечить кадрами наиболее важные участки производства и выполнение оборонных работ.

Для решения организационных вопросов мобилизации рабочей силы и правильного распределения её по отраслям народного хозяйства был создан Комитет по учёту и распределению рабочей силы. 13 февраля 1942 г. принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Мобилизации подлежали лица, не работавшие в государственных учреждениях и на транспорте. В указе были определены приоритетные по направлению мобилизованных отрасли промышленности: авиационная, танковая, вооружения и боеприпасов, металлургическая, химическая, топливная. Мобилизации подлежали все неработающие мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 апреля 1942 г. мобилизация трудоспособного населения распространилась и на сельских жителей в целях привлечения их на работу в колхозы, совхозы, МТС в наиболее напряжённые периоды сельскохозяйственных работ.

29 сентября 1942 г. принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о переводе на положение мобилизованных всех рабочих, служа-

щих и инженерно-технических работников мужского и женского пола, работавших в государственных предприятиях и учреждениях в районах, близких к фронту, и закреплении их за теми предприятиями и учреждениями, где они работали. В необходимых случаях по решению правительства они подлежали обязательной эвакуации в организованном порядке (колоннами, эшелонами и т.п.). Перечень таких районов был определён ГКО. Президиум Верховного Совета СССР постановил, что дела о лицах, виновных в самовольном уходе, а также уклонении от обязательной эвакуации, рассматриваются военными трибуналами. Руководитель предприятия (учреждения), не обеспечивший организованной и полной эвакуации рабочих, служащих и инженерно-технических работников, привлекался к уголовной ответственности (тюремное заключение на срок от 5 до 10 лет)⁴⁸.

В указе было закреплено, что «самовольный уход с предприятий и учреждений рабочих, служащих и инженерно-технических работников, переведённых на положение мобилизованных лиц, рассматривать как дезертирство». Лица, виновные в дезертирстве, подлежали уголовной ответственности в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета от 26 декабря 1941 г., предусматривавшего наказание в виде тюремного заключения на срок от 5 до 8 лет. Всего в 1942 г. по Указу от 26 декабря было осуждено 173 тысячи 61 человек. Не менее значительное число граждан было привлечено к ответственности за прогулы без уважительных причин и самовольные уходы с работы на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. Всего в 1942 г. по СССР (исключая временно оккупированные территории) было осуждено 4 млн 948 тысяч 779 человек⁴⁹.

Отдельно следует сказать о трудовой мобилизации немцев и финнов и формировании из них на время войны рабочих колонн, или Трудовой армии. В Трудовую армию граждане призывались (мобилизовывались) через военкоматы и направлялись в районы, как правило, весьма удалённые от мест учёта их семей на спецпоселении.

В начале 1942 г. из Действующей армии были демобилизованы военнослужащие немецкой и финской национальностей и переведены в рабочие колонны НКВД, более известные как Трудовая армия⁵⁰ (около 20,8 тысячи человек). Специальные постановления ГКО о мобилизации выселенного немецкого населения в Трудовую армию от 10 января⁵¹, 14 февраля⁵² и 7 октября⁵³ 1942 г. означали практически сплошную мобилизацию трудоспособных немецких спецпоселенцев.

Из мобилизованных формировались отряды по 1500–2000 человек, разбитые на рабочие колонны в 250–500 человек и бригады в 35–100 человек, построенные по производственному принципу и проживавшие в одной казарме. Режим содержания мало чем отличался

от гуглаговского (колючая проволока, вышки, проверки, горячая еда дважды в день, один выходной за десять дней), правда, на работу и с работы выводили без конвоя. Трудоармеец обязывался отрабатывать себестоимость своего содержания, остальное копилось на его личном счету. Если в двух первых наборах в Трудовую армию (январском и февральском) речь шла исключительно о мужчинах призывного возраста – от 17 до 50 лет (в первом случае – о депортированных, а во втором – о местных), то в третьем (октябрьском) – о мужчинах уже от 15 до 55 лет, а также о женщинах от 16 до 45 лет, кроме беременных или имеющих малолетних (до трёх лет) детей. За неявку по мобилизации, отказ от работы или саботаж карали сурово. Советское руководство, формируя «рабочие колонны» и «трудовую армию», стремилось тем самым добиться максимальной эффективности труда при минимальных материальных затратах, обеспечив при этом строгий порядок и дисциплину. В то же время присутствовали унижение и циничная эксплуатация людей, бесчеловечное отношение к ним; режим содержания в «трудовой армии» был сравним с режимом исправительно-трудовых лагерей. «Наркоматам было передано 1 264 400 военнообязанных в составе рабочих колонн. Согласно постановлениям ГКО и СНК, требовалось сформировать ещё 129 рабочих колонн»⁵⁴.

10 августа СНК СССР принял постановление о порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время. В соответствии с этим постановлением граждане привлекались к трудовой повинности на срок до двух месяцев. Невыполнение производственных планов, нарушение технических условий производства влекло за собой как минимум административную ответственность. В качестве одного из органов, осуществлявших контроль и принуждение на предприятиях оборонной промышленности, выступал НКВД СССР, следивший за производством военной продукции, транспортировкой остродефицитных материалов, сырья, комплектующих изделий и других особо важных грузов⁵⁵.

Меры принудительного характера

К чрезвычайным мерам, принимавшимся в военные годы и основывавшимся на принуждении, относилось и формирование заградительных отрядов, командиры которых имели широкие полномочия по принуждению военнослужащих, в том числе расстрела на месте паникёров и дезертиров. Как известно, заградительные отряды для борьбы с дезертирами в Красной армии использовались в ходе боевых действий у озера Хасан (1938), на реке Халхин-Гол (1939), в советско-финляндской войне (1939–1940)⁵⁶.

С первых дней Великой Отечественной войны руководство НКВД СССР уделяло существенное внимание деятельности заградительных

отрядов, проверке военнослужащих, неорганизованно пробиравшихся с фронта в прифронтовую полосу. На дорогах, ж.-д. узлах и в лесных массивах стали выставляться подразделения заградительной службы (заставы) из военнослужащих войск НКВД по охране тыла фронтов, в состав которых включались оперативные сотрудники особых отделов. Они задерживали бойцов, покидавших поле боя, выявляли дезертиров, трусов и паникёров, вели борьбу с диверсионно-разведывательными группами, десантами и агентами противника.

Заградительные отряды создавались и подразделениями военной контрразведки⁵⁷. 27 июня 1941 г. начальник 3-го Управления НКО А.Н. Михеев подписал директиву, в которой предусматривалась организация подвижных контрольно-заградительных отрядов на дорогах и ж.-д. узлах для задержания дезертиров, подозрительных лиц, проникших на линию фронта, и проведения предварительного расследования⁵⁸.

За период с 22 июня 1941 г. по 1 января 1942 г. заградительными отрядами НКВД были задержаны 685 тысяч 629 человек, в том числе 562 тысячи 856 военнослужащих, отставших и потерявших свои части, 19 тысяч 847 военнослужащих, находившихся в плену у противника, 82 тысячи 89 человек, уклонившихся от службы, 4 тысячи 260 человек, бежавших со строительства оборонных сооружений, 16 тысяч 322 человека без документов, 246 мародёров⁵⁹.

Несмотря на принимаемые военным командованием и особыми отделами НКВД меры по борьбе с дезертирством и уклонением от воинской службы, летом 1942 г. не удавалось уменьшить число этих преступлений. На рост дезертирства и уклонения от службы негативное влияние оказывало продолжавшееся отступление советских войск. У некоторых военнослужащих возникало чувство страха и растерянности, неверия в конечную победу. Карательные меры, проводившиеся особыми отделами НКВД, – арест дезертиров, а в необходимых случаях и расстрел их на месте⁶⁰, – не могли остановить рост дезертирства.

В целях розыска и ареста лиц, дезертировавших из частей и соединений Красной армии, в каждом подразделении и воинской части в течение 48 часов проводилось тщательное расследование, после чего сообщение о дезертире и его биографические данные передавались в Особый отдел НКВД соединения. Если дезертир не был найден в течение трёх суток, то материалы передавались в Особый отдел армии или фронта, которые организовывали розыск. В розыске принимали участие все особые отделы армии (фронта), а также подразделения прифронтовых управлений НКВД, милиции, транспортные отделы НКВД и ж.-д. милиции, на территории которых мог скрываться дезертир. Если в течение 10 дней местный розыск не дал положительных результатов, то объявлялся всесоюзный розыск⁶¹.

В результате неудачных боёв советские войска летом 1942 г. потерпели ряд поражений, что негативно влияло на боеспособность частей Красной армии. Германские армии рвались к Сталинграду. В середине июля 1942 г. вокруг Сталинграда были организованы заградительные заставы войск НКВД, для чего «были брошены 14 рот 10-й стрелковой дивизии НКВД с задачей не допускать в город идущих с линии фронта бойцов частей бывшего Юго-Западного фронта⁶² и направлять их в места сосредоточения». На улицах города выставлялись заградительные регулировочные посты, проводились облавы и проверки документов у военнослужащих, которые, в зависимости от результатов проверки, либо арестовывались, либо направлялись в организованном порядке в военкоматы или к местам расположения частей Красной армии. Для организации заградительных постов и проведения облав из состава войск НКВД, милиции и комендантского батальона выделялось 2700 человек⁶³.

Однако меры, принимавшиеся органами и войсками НКВД, Сталину показались недостаточными. Для того чтобы прекратить дезертирство и паникёрство на передовой линии фронта, 28 июля 1942 г. был подписан приказ НКО СССР № 227, ставший широко известным под названием «Ни шагу назад!». Этот приказ стал одним из наиболее дискуссионных вопросов в истории Великой Отечественной войны. С конца 1980-х гг. приказ № 227 стал рассматриваться как пример некомпетентного вмешательства Сталина в руководство войсками, неоправданной жестокости, ставшей одной из причин огромных потерь Красной армии. Такой подход в некотором смысле традиционен для западной историко-публицистической литературы, где стойкость и мужество советских воинов нередко объяснялись страхом перед «железной дисциплиной комиссаров» и «расстрельными командами».

В российской историографии соответствующие оценки приказа № 227 получил в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Положения приказа по укреплению дисциплины осуждаются и характеризуются как «аморальные», «циничные», «нечеловеческие методы принуждения русских воинов к ведению боевых действий»⁶⁴.

Тем не менее в воспоминаниях советских военачальников приказ НКО от 28 июля 1942 г. № 227 оценивался как своевременная мера по укреплению воинской дисциплины и наведению порядка в войсках, повышению их боеспособности.

Г.К. Жуков, описывая военную обстановку летом 1942 г., отмечал, что в результате вынужденного отхода наших войск в руки врага попали богатейшие области Дона и Донбасса. Создалась прямая угроза выхода противника на Волгу и Северный Кавказ, потери Кубани и всех путей сообщения с Кавказом – важнейшим экономическим районом, снабжавшим нефтью армию и промышленность. Войска юго-западного направ-

ления и другие соединения, переданные Ставкой в процессе отступления, понесли большие потери, а сохранившиеся части не могли успешно сдерживать продвижение противника. Южный фронт оказался не в состоянии остановить врага на кавказском направлении. В войсках появились панические настроения и нарушения воинской дисциплины⁶⁵.

Заместитель начальника Генерального штаба С.М. Штеменко оценивал приказ № 227 как «один из наиболее интересных и важных документов войны. Он рисовал точную картину общего положения на фронтах, состояние противника, ставил советским войскам неотложные задачи. Общее положение страны оценивалось кратко и выразительно». 29 июля Главное политическое управление Красной армии издало директиву о разъяснении приказа бойцам и командирам. Влияние коммунистов в армии было направлено на выполнение требований приказа «Ни шагу назад!»⁶⁶.

Командующий войсками ПриВО генерал-лейтенант С.А. Калинин, получив приказ НКО № 227, сделал запись в своём дневнике от 29 июля 1942 г.: «Получен приказ НКО № 227, показывающий неустойчивость Красной армии. Клеймит позором и даёт целый ряд чрезвычайных мер для укрепления устойчивости. Введение штрафных рот и батальонов для трусов, которые должны ставиться на самые ответственные места, с тем чтобы своей кровью искупить своё преступление перед Родиной. Сформировать [заградительные] отряды для придания устойчивости боевому порядку и безжалостно расстреливать тех, кто без приказа командира отступает. Подобный приказ надо было раньше издать. Если командный состав дружно возьмётся, ещё можно и сейчас сделать перелом»⁶⁷.

По мнению бывшего начальника Особого отдела НКВД Юго-Западного, Сталинградского и Южного фронтов Н.Н. Селивановского, приказ «Ни шагу назад!» оказал огромное влияние на ход военных действий. Он поставил под удар военных контрразведчиков, поскольку именно им было поручено возглавить деятельность заградотрядов в тылу Действующей армии и бороться с паникёрами, дезертирами. Особый отдел получил карательные функции, и отношение к сотрудникам военной контрразведки изменилось в худшую сторону. С другой стороны, признавая жёсткий характер этого приказа, нельзя не отметить, что он сыграл стабилизирующую роль в упорядочении боевой обстановки⁶⁸.

Генерал-лейтенант А.И. Матвеев, во время Великой Отечественной войны начальник особого отдела НКВД дивизии, считает, что приказ № 227 сыграл важную роль в стабилизации обстановки на фронте, повышении боевого духа и установлении строжайшей дисциплины в войсках. Пресекались паникёрство и самовольное оставление позиций⁶⁹.

По мнению академика А.М. Самсонова, приказ № 227 имел большое значение. В нём «с суровой прямоотой» показана нависшая над

страной смертельная опасность. Приказ требовал от воинов прекратить дальнейшее отступление, отразить наступление врага. Военные неудачи лета 1942 г. объяснялись совокупностью целого ряда серьёзных причин. Каковы бы они ни были, однако эти причины не могли служить оправданием дальнейшего отступления. Приказ № 227 способствовал укреплению воинской дисциплины и имел огромное моральное воздействие на войска⁷⁰.

В соответствии с этим приказом в общевойсковых армиях были сформированы заградотряды численностью до 200 человек. Отряды размещались в тылу неустойчивых дивизий. В случае паники и беспорядочного отхода частей от них требовалось расстреливать на месте паникёров и трусов и способствовать исполнению бойцами долга перед Родиной. В каждой общевойсковой армии было сформировано по 3–5 хорошо вооружённых заградительных отрядов⁷¹.

Безусловно, дисциплина была укреплена, но какой ценой и какими методами? Сотрудники особых отделов возбуждали уголовные дела, проводили аресты и расстрелы лиц, негативно высказывавшихся по поводу издания приказа НКВД № 227, трусов, дезертиров и паникёров, бросивших оружие и бежавших с поля боя. За период с 28 июля по 7 августа в войсках Сталинградского фронта было сформировано три армейских заградительных отряда, каждый по 200 человек. Эти заградотряды и заградительные батальоны задержали 363 человека. В результате проверки 187 из них были направлены в свои подразделения, 43 – в отдел укомплектования, 73 – в спецлагеря НКВД, 27 – в штрафные роты, 2 – на медицинскую комиссию, 6 – арестованы, 24 – расстреляны перед строем. За период с 25 по 30 августа 1942 г. Особым отделом НКВД Сталинградского фронта за трусость, дезертирство и паникёрство расстреляны 12 бойцов и командиров⁷².

В августе и сентябре 1942 г. заградительные отряды Юго-Восточного фронта задержали 15 тысяч 649 человек, из них 14 тысяч 851 человек были направлены в свои части и на пересыльные пункты, 320 – в штрафные роты и батальоны, 244 – арестованы.

Непосредственно в районе боевых действий заградотряды задерживали дезертиров в тылах дивизий и армий. 5 сентября заградительный отряд 62-й армии задержал и возвратил в части 102 военнослужащих 196-й сд, бежавших с поля боя. 14 сентября противник предпринял наступление против частей 399-й сд 62-й армии, оборонявшей Сталинград. Бойцы и командиры 396-го и 472-го сп начали в панике отходить. Личный состав полков был остановлен заградительным отрядом и занял прежние рубежи.

В сообщении НКВД СССР в ГКО от 22 сентября 1942 г. указывалось, что в боях за Сталинград с 23 августа по 22 сентября 1942 г. военные

контрразведчики обоих фронтов проверили около 300 тысяч военно-служащих. Задержали без документов 74 тысячи 644 человека, в том числе около двух тысяч дезертиров и 1 тысячу 739 уголовных элементов. Арестовали за шпионскую деятельность 348 человек, в том числе более 50 агентов абвера, а также несколько десятков распространителей провокационных слухов. Всего до ноября 1942 г. сотрудники особых отделов обезвредили под Сталинградом 218 фашистских агентов, в том числе двух агентов-боевиков, готовивших террористический акт против командующего 62-й армией генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова.

К концу сентября 1942 г. в частях Сталинградского и Юго-Восточного фронтов был создан 41 заградительный отряд⁷³. Их формировали за счёт бойцов и командиров, положительно проявивших себя в боях против немцев. Начальниками заградительных отрядов назначались проверенные в боях сотрудники особых отделов НКВД СССР. В течение августа – сентября 1942 г. заградотряды в районе Сталинграда задержали 45 тысяч 465 военнослужащих. Из числа задержанных были арестованы 699 человек, по постановлениям особых отделов на месте и перед строем расстреляны 664 труса, паникёра и членовредителя, направлены в штрафные батальоны и роты – 1 тысяча 292 человека, возвращены в свои части и на пересыльные пункты – 41 тысяча 472 человека⁷⁴.

Всего за август – сентябрь 1942 г. заградительными отрядами в Красной армии были арестованы и расстреляны 1 тысяча 690 военнослужащих, что порой не было обосновано, поскольку в условиях военного времени проверка и установление степени их вины и применяемого наказания не проводились.

Если деятельность заградительных отрядов в соединениях Красной армии получила отражение в последние годы в отдельных работах, то практически ничего неизвестно о штрафных эскадрильях, создававшихся в ВВС в соответствии с директивой от 4 августа 1942 г. Немногочисленные архивные документы свидетельствуют о том, что командование авиационных соединений и воздушных армий фронтов с настороженностью встретило директиву о формировании штрафных эскадрилий. Например, командующий 1-й Воздушной армией Западного фронта генерал-майор С.А. Худяков⁷⁵ отмечал, что «приказ хороший, вокруг него необходимо работать с личным составом и подымать действенную дисциплину в авиачастях, но с созданием штрафных эскадрилий необходимо глубоко подумать о том, чтобы отдельные лётчики, которые попадут в эти подразделения, при вылетах на боевые задания не могли совершить измену Родине... в первую очередь необходимо применить в жизнь пункт 3 приказа товарища Сталина, т.е. безнадёжных и злостных шкурников изымать из авиачастей и направлять их в штрафные роты в пехоту».

Приказ по 1-й Воздушной армии о формировании трёх штрафных эскадрилий (штурмовой, бомбардировочной и истребительной) был подписан только 19 августа: создавались штрафные эскадрильи в 232-й штурмовой, 204-й бомбардировочной и 201-й истребительной авиадивизиях. Начальник Особого отдела НКВД 1-й Воздушной армии 21 сентября направил докладную записку начальнику Особого отдела НКВД Западного фронта о том, что, несмотря на директиву Ставки ВГК и приказ командования 1-й Воздушной армии, штрафные эскадрильи не созданы и проштрафившиеся военнослужащие в штрафные подразделения не сведены. Лишь к 1 октября были созданы две штрафные эскадрильи – истребительная при 201-й истребительной и штурмовая при 232-й штурмовой авиадивизиях. Но фактически их создание было лишь на бумаге. В истребительной штрафной эскадрилье числилось 5 человек, переведённых в неё за проявление трусости при выполнении боевых заданий, а в штурмовой – 2 человека. Так же пассивно проходило формирование штрафных эскадрилий и в других воздушных армиях.

Заградительными отрядами с начала их формирования были задержаны более 1 млн военнослужащих, сбежавших с передовой линии фронта. Из них 5205 человек были расстреляны перед строем, 4912 – направлены в штрафные батальоны и роты, 928 тысяч 930 человек возвращены в свои части и на пересыльные пункты⁷⁶.

Необходимость использования заградительных отрядов в 1943–1944 гг., в связи с положительными изменениями обстановки на советско-германском фронте, практически отпала, и в условиях наступательных боевых действий они использовались всё реже. В соответствии с приказом НКО СССР от 24 октября 1944 г. № 0349 все заградительные отряды были расформированы⁷⁷.

Усиление политического контроля

27 декабря 1941 г. ГКО принял постановление⁷⁸, в котором Наркомату обороны предписывалось создать в пределах армейского тыла сборно-пересыльные пункты для бывших военнослужащих, находившихся в плену и окружении противника, обнаруживаемых в местностях, освобождаемых от войск противника. Военные советы и командование фронтов и армий обязывались таких военнослужащих задерживать и направлять в распоряжение начальников сборно-пересыльных пунктов (СПП) НКО, которые были созданы в каждой общевойсковой армии. Органы НКВД стали проводить проверку (филтрацию). 21 января 1942 г. ГКО разрешил «использовать для пополнения действующих армий часть бывших военнослужащих, находившихся в плену и окружении противника, после надлежащей их филтрации на месте в армейских и фронтовых сборно-пересыльных пунктах»⁷⁹.

С февраля 1942 г. органам НКВД было предписано проводить проверку всех граждан, в том числе женщин и детей, переходивших линию фронта с территории противника, при этом требовалось организовать тщательную фильтрацию всех лиц, возвратившихся из плена или прибывших с территории, оккупированной противником⁸⁰. Расширение круга лиц, подлежащих фильтрации, органами НКВД обосновывалось тем, что в первые месяцы 1942 г. германские власти приняли решение о массовом применении труда советских военнопленных в военной промышленности рейха, а также к пополнению воинских частей за счет т.н. добровольных помощников или «хиви»⁸¹ из числа советских военнопленных. К концу февраля 1942 г. на фильтрационных пунктах находились 128 тысяч 132 человека. Они проходили проверку на сборно-пересыльных пунктах НКО и в 19 спецлагерях НКВД⁸². В марте 1942 г. были дополнительно организованы лагеря специального назначения: Красногорский (Московская обл.) на 4500 человек; Явасский (Мордовская обл.) на 5 тысяч человек; Масловский (Воронежская обл.) на 3 тысячи человек; Боровичский (Ленинградская обл.) на 5 тысяч человек⁸³; а также Белокалитвинский и Каменск-Шахтинский (Ростовская обл.) на 3 и 7 тысяч человек, соответственно⁸⁴. С середины 1942 г. фильтрацию стали проходить все совершеннолетние советские граждане, оказавшиеся в плену или на принудительных работах, помещённые в концлагеря, гетто и т.д.

Была образована система проверочно-фильтрационных лагерей, проверочно-фильтрационных пунктов, сборно-проверочных пунктов, которые располагались, как правило, в районах пребывания и формирования воинских частей, на крупных приграничных транспортных коммуникациях. В сложной и постоянно меняющейся военно-политической и оперативной обстановке Великой Отечественной войны задачи, возлагаемые на органы советской контрразведки, решались различными подразделениями НКВД. В зависимости от места нахождения военнопленного (СПП, фронтовые или стационарные лагеря) и конкретной обстановки изменялись объём и содержание оперативных мероприятий.

Процедура прохождения госпроверки включала в себя заполнение анкеты установленного образца, опрос по обстоятельствам его пребывания за рубежом, опрос свидетелей, которые могли бы подтвердить те или иные факты, подтверждение биографических данных проверяемого, места его жительства. В процессе фильтрации следовало по возможности быстро и точно установить, является ли военный служащий тем лицом, за которое себя выдаёт; выяснить фактические обстоятельства пленения, окружения, пребывания на территории противника, проверить факты, связанные с пребыванием в плену, окружении или на территории, занятой противником. Полное и точное выяснение этих све-

дений давало возможность выявить, не совершил ли военнослужащий действий, наносящих ущерб государству, уточнить конкретные обстоятельства, при которых он оказался в расположении войск или на советской территории, изучить при необходимости предшествующие периоды жизни, работы или службы проверяемого лица.

Во время наступления частей и соединений Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов с середины декабря 1942 г. по 8 января 1943 г. были задержаны более 20 тысяч бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену у противника. Даже несколько дней пребывания на территории, оккупированной противником, а тем более нахождения в немецком плену, было достаточным основанием для Особого отдела НКВД, чтобы арестовать не только рядового солдата, но и боевого генерала. По решениям Военных советов фронтов 8867 человек были оставлены для тыловых работ. Особыми отделами НКВД были арестованы 7786 человек, на сборно-пересыльных пунктах армий находились 8950 человек. Особые отделы НКВД провели тщательную фильтрацию всех бывших советских военнопленных, выявляя среди них агентов противника и одновременно с этим используя их в производственных лагерях в Подмосковном угольном бассейне⁸⁵.

Ещё одной чрезвычайной мерой в военной области была военная цензура, введённая 6 июля 1941 г. постановлением ГКО. Первоначально предусматривались меры по усилению политического контроля международной и внутренней почтово-телеграфной корреспонденции, а также введение военной цензуры в областях, объявленных на военном положении. Наркомат связи опубликовал правила приёма и отправления международной и внутренней почтово-телеграфной корреспонденции. Прекращался почтово-телеграфный обмен со странами, воюющими с СССР и порвавшими с ним отношения⁸⁶. Осуществление военной цензуры поручалось органам НКГБ и 3-м Управлениям НКО и НКВМФ, которые приступили к 100-процентному просмотру писем и телеграмм, идущих из фронтовой полосы.

Прошёл почти год после введения военной цензуры в Действующей армии, и 28 июня 1942 г. ГКО постановил ввести военную цензуру на всю почтово-телеграфную корреспонденцию. Это обосновывалось необходимостью предотвращения проникновения антисоветских и провокационно-клеветнических сведений, направленных против государственных интересов СССР. Для выполнения поставленных задач штат военных цензоров в НКВД СССР был увеличен на 3800 сотрудников⁸⁷.

Некоторые отделения военной цензуры и отдельные цензоры весьма своеобразно понимали данное им разрешение вскрывать чужие письма. Как свидетельствовали жалобы и заявления граждан, из вскрытых писем пропадали вложения: фотографии, деньги, документы

(паспорта, партбилеты, комсомольские билеты). Руководство НКВД СССР 30 июля направило всем наркомнам союзных и автономных республик, начальникам управлений НКВД краёв и областей, начальникам особых отделов фронтов и армий директиву о проведении немедленного расследования или проверки по жалобам на работу военной цензуры. Все материалы вместе с объяснениями и заключением о мерах взыскания в отношении виновных направлялись во 2-й спецотдел НКВД СССР⁸⁸.

Как показала практика, директива не оказала необходимого воздействия, и существенного улучшения не произошло. Работники военной цензуры при вскрытии и запечатывании конвертов часто срезали на адреса номера почтовых полевых станций или забивали их грифами, в результате чего многие письма бойцам и командирам не могли быть доставлены. Имелись случаи, когда при проверке письма перепутывались. Тексты в письмах зачёркивались или чрезвычайно небрежно и грязно, или настолько слабо, что легко прочитывались. Имелись «факты пропуска политически вредных писем и даже фашистских листовок». Для того чтобы улучшить работу органов военной цензуры, 12 сентября была разослана ещё одна директива НКВД СССР, которой предписывалось «в 20-дневный срок проверить работу отделений военной цензуры и принять меры по улучшению дела военной проверки писем и отправки их на фронт и трудящимся», а также «отменить установившуюся вредную практику погони за перевыполнением норм [...]. Цензоров, допускающих грубые ошибки в работе, равно как и цензоров, по своей квалификации и политической грамотности не соответствующих назначению, увольнять из органов НКВД, заменяя их проверенными и политически грамотными работниками»⁸⁹.

В целях своевременного прохождения в органах военной цензуры корреспонденции на языках народов СССР 20 ноября 1942 г. была издана директива НКВД СССР, согласно которой всю корреспонденцию, адресованную в Действующую армию из национальных республик и автономных областей, следовало «цензурировать в общегражданских пунктах военной цензуры», а исходящую с фронта – в отделениях военной цензуры при военно-почтовых базах. Для этого начальники особых отделов фронтов и армий, флотов и флотилий должны были подобрать контролёров, знающих соответствующие языки.

Сбор информации о политических настроениях населения и недопущение пропагандистского воздействия противника в годы войны приобрели особое значение, поскольку руководителям страны было важно знать о степени поддержки принимаемых решений. Сбором информации занимались, как правило, контрразведывательные, разведывательные и партийные органы. К началу войны в СССР сложилась разветвлённая структура органов, собиравших информацию об общест-

венных настроениях. После образования в феврале 1941 г. Наркомата госбезопасности эти функции были возложены на 3-е (секретно-политическое) Управление НКГБ. Деятельностью подразделений военной цензуры в 1941–1943 гг. руководил 2-й спецотдел НКВД, с мая 1943 г. эти функции были переданы в Отдел «В» НКГБ⁹⁰.

Для ГКО и ЦК ВКП(б) готовились докладные записки, сводки и спецсообщения, в которых анализировались отклики и реакция различных групп населения, военнослужащих, а также иностранцев. Эти сообщения составлялись, как правило, согласно строго выработанным канонам. В начале каждого документа делался вывод о всенародной поддержке действий И.В. Сталина, после этого приводились положительные примеры, подтверждавшие эту информацию. Далее отмечались негативно настроенные группы населения и давались примеры отрицательных высказываний. К паническим и пораженческим высказываниям относились вполне обоснованные сомнения в справедливости некоторых оценок советских средств массовой информации, в результативности тех или иных международных соглашений. Темы докладных записок и информационных сообщений выбирались в зависимости от происходивших событий.

В период Сталинградской битвы (оборонительный период с 17 июля по 18 ноября 1942 г.) значительная часть информации о настроениях населения и военнослужащих Красной армии поступала из органов военной цензуры. Только с 15 по 31 июля 1942 г. отделениями военной цензуры проверено 190 тысяч 367 писем военнослужащих Сталинградского фронта, направленных в тыл. Из всего количества, в основном по причине сообщений о результатах бомбёжек, военная цензура подвергла конфискации 128 писем (0,07 %) и изъяла 2470 текстов (около 1,3%)⁹¹. Начальник ОО НКВД 62-й армии Г.И. Витков в августе 1942 г. сообщал, что с 15 июля по 1 августа 1942 г. просмотрено 67 тысяч 380 писем. Большинство из них носило бытовой характер. 93 письма (0,1%) было изъято. В письмах военнослужащих отражалось здоровое политико-моральное состояние личного состава, высокий дух патриотизма, преданность Родине и готовность вести борьбу с фашизмом до полного разгрома немецкой армии⁹². Однако в записке в ГКО от 30 сентября 1942 г. говорилось, что в результате проверки писем выявлены тексты с жалобами на усталость от войны и тяжесть военной службы. Ряд писем отражал упаднические настроения. В течение июня – августа 1942 г. из 30 млн 237 тысяч прочитанных писем отмечено 15 тысяч 460, содержащих такие высказывания⁹³.

В июле 1942 г. Л.П. Берия проинформировал ГКО об откликах населения в связи с активизацией военных действий и последними событиями на фронтах⁹⁴. Органами государственной безопасности основное

внимание уделялось выяснению настроений населения и военнослужащих в связи с отступлением войск Красной армии. Особые отделы НКВД собирали информацию о реализации приказа НКО № 227 и реакции на него. Продвижение немецких войск на отдельных участках фронта трудящиеся СССР расценивали как временный успех, вызванный вводом противником в действие своих основных резервов, тогда как Красная армия ведёт оборонительные бои, сохраняя свои военные резервы для наступления по всему фронту. Признавая возросшую силу и организованность Красной армии, стойкость и упорство её бойцов, советская интеллигенция выказывает уверенность в том, что враг будет остановлен и разгромлен. Твёрдую уверенность в победе над гитлеризмом, стремление самоотверженно работать на предприятиях, увеличивать производство вооружения, необходимого для фронта, высказывали рабочие. Одновременно со стороны рабочих отмечались отрицательные настроения и сомнения в отношении открытия Великобританией военных действий против Германии на Западе. Колхозники одобряли постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О создании хлебного фонда Красной армии» и «Об уборке урожая и заготовке сельскохозяйственных продуктов в 1942 г.», выказывая готовность своевременно выполнять обязательства перед государством. Но среди некоторой их части были зафиксированы и отрицательные отклики на постановление правительства о создании хлебного фонда Красной армии⁹⁵. Сообщалось о сепаратистских настроениях, усилении в сельской местности пропаганды антиколхозных настроений со стороны «враждебных элементов»⁹⁶.

20 августа 1942 г. Л.П. Берия направил в ГКО докладную записку, в которой отмечал, что советское население верит в способность Красной армии остановить врага. Далее приводились примеры. В качестве своего рода индикатора социального состояния зачастую выбирались представители научной интеллигенции. Среди них велись разговоры следующего содержания: «Положение на фронте создаётся трагическое, кое-где начались пораженческие настроения, но опыт показывает, что немцы должны быть разгромлены. Вообще, вся эта тонкая цепочка немецкого наступления носит авантюрный характер, имеет задачей психологическое воздействие. Именно на Юге начнётся разгром немцев, там возьмёт всё в свои руки Сталин. Очень важно сейчас подумать об исходе войны. Германию необходимо раздавить, чтобы она никогда не поднялась. Иначе всегда России будет грозить опасность»⁹⁷. Приводились примеры пораженческих высказываний: «Если немцам удастся достичь Волги, то будет перерезана единственная артерия снабжения нефтью. Без нефти положение фронта будет катастрофическим. Чувствуется, как постепенно наступает паралич государственной жизни. Будущая зима вызывает тяжёлое предчувствие. Мы замерзнем от холода. Дела идут

плохо, не знаешь, о чём наше командование думает. Ведь немцы идут на Сталинград, чтобы отрезать от нас нефтяной район»⁹⁸.

Летом 1942 г. в СССР с нетерпением ждали открытия Второго фронта. Поэтому информация о том, что с 12 по 15 августа в Москве было проведено совещание глав правительств СССР, Великобритании и представителя президента США по военным и политическим вопросам, вызвала интерес у широких слоёв населения. В докладной записке Л.П. Берии от 23 августа 1942 г. приводились высказывания о большом политическом значении переговоров в дальнейшем укреплении военного сотрудничества между СССР и союзниками. В то же время отклики некоторой части населения свидетельствовали о недоверии к союзникам. Фиксировались мнения о том, что переговоры вызваны тревогой Великобритании о возможности заключения сепаратного мира между СССР и Германией⁹⁹. После переговоров возросла уверенность в том, что в ближайшее время на Западе откроется фронт против Германии. Это обстоятельство рассматривалось как одно из условий победы СССР. Вместе с тем высказывалось мнение, что Великобритания не заинтересована в победе СССР и ведёт политику истощения как СССР, так и Германии, с тем чтобы в удобный момент продиктовать свои условия обоим воюющим государствам. С другой стороны, высказывалась тревога, что Великобритания под предлогом оказания помощи введёт свои войска на Кавказ и оккупирует Баку. Среди представителей науки говорилось о том, что СССР лишён угля, железа, хлеба и, возможно, лишится нефти. Оставалась надежда только на Второй фронт, но высказывались сомнения в способности и желании англичан воевать. При вероятности открытия Второго фронта появилось мнение, что «первые 100 тысяч солдат, которые входят в контингент, должны погибнуть на проволочных заграждениях. Этого не хотят англичане, они ждут, что русские направят эти первые сотни, которые будут подорваны на минах, а уже за ними по открытой дороге, по трупам русских людей пойдут англичане»¹⁰⁰.

Продвижение немецко-фашистских войск вызвало панические настроения среди некоторой части научной, гуманитарной и технической интеллигенции. Создавшееся положение расценивалось как поражение СССР в войне и объяснялось неспособностью командования Красной армии остановить противника, не допустить его к источникам нефти. Некоторые учёные оценивали ситуацию на Юге страны как «очень тяжёлую». Они отмечали, что «дело не только в численном превосходстве немцев. Дело ещё больше зависит от командования. Немцы имеют превосходное командование, хорошую военную науку (ещё со времён Фридриха Великого) и тогда, когда мы говорим о Втором фронте, соглашениях, декларациях, они выпускают на сцену Роммеля. Устраивают инсценировку, англичан напугают, Второй фронт откладывается, а в это

время основной удар наносится на другом месте – на Юге России»¹⁰¹. Среди негативных высказываний отмечались и риторические вопросы: «До чего мы докатились, отступая такими темпами? Наши солдаты хороши, но командование у нас никуда не годится. Наши войска на Кавказе отступают так быстро, как не отступали из-под Киева»¹⁰².

Отступление советских частей на некоторых участках фронта вызвало недовольство, сомнение в возможности победы Советского Союза над фашизмом среди рабочих фабрик и заводов. У колхозников ряда районов появились антиколхозные настроения, тенденции саботировать сельскохозяйственные работы, расхищать колхозное имущество. В отдельных районах Ивановской, Горьковской, Тамбовской, Рязанской, Тульской областей и Мордовской АССР отдельные колхозники выражали надежду на то, что с приходом немцев к власти будет восстановлена частная собственность и крестьяне получают земельные наделы. Некоторые группы населения говорили о необходимости прекращения войны и заключения мира с Германией на любых условиях. При этом в качестве обоснования приводился довод, что союзники якобы не выполняли своих обязательств по договору, а Красная армия не в состоянии своими силами остановить продвижение немцев¹⁰³.

8 октября 1942 г. в ГКО вновь направили информацию о том, что население страны с большим вниманием следит за ходом военных действий. Представители советской интеллигенции, несмотря на серьёзную опасность создавшегося положения на фронтах и усилившуюся опасность для страны, выражают твёрдую уверенность в разгроме противника. Академики, профессора, видные деятели литературы и искусства определяли условием победы боеспособность Красной армии, решимость советского народа продолжить борьбу с противником, прочность советского государственного строя. Они в большинстве своём считали, что, проявляя особенное упорство в работе, несмотря на тяжёлое положение в стране, наука делает всё возможное для победы. К 25-й годовщине Октябрьской революции наперекор вражеским козням творческая интеллигенция намеревалась показать миру, что она живёт полной трудовой и творческой жизнью. Враг должен был увидеть, что советский народ несёт на своих плечах тяжёлое бремя войны, но не забывает о культуре. Решимость беспощадно бороться с немецко-фашистскими захватчиками до их полного уничтожения высказывали рабочие оборонных и промышленных предприятий. Однако в то же время люди недоумевали, по какой причине в момент, когда враг находился у Сталинграда и на Закавказье, не были введены резервы, что позволило бы отбросить и разгромить врага.

Неопределённость по поводу открытия Второго фронта вызывали подавленность, растерянность, рост нездоровых настроений в различ-

ных слоях интеллигенции. Наиболее панически настроенные её представители считали, что даже победа СССР не восстановит благополучия. Часто можно было услышать о том, что, закончив все операции на юге, захватив Кавказ, немцы начнут наступление на Москву и Ленинград, и к осени вся европейская часть Советского Союза будет в руках немцев. Некоторые называли причины непоправимых последствий: «страна могла быть сильнее, если бы раньше людям позволили спокойно работать, предоставили инициативу работникам, не вбивали страха за свою судьбу и ужас перед всякой ошибкой»¹⁰⁴.

Творческие работники с трудом ориентировались в складывавшейся обстановке: «когда в октябре 1941 г. немцы стояли под Москвой, люди меньше волновались: было ясно, что Москва не будет взята». Теперь же отсутствовало ясное представление о грядущих событиях. Высказывались опасения, что война показала неспособность советского народа воевать. На юге армия позорно бежала, талантливых генералов не нашлось, инициатива постоянно находилась в руках противника. Говорилось о том, что может разгореться пламя контрреволюции. Некоторые боялись, что если падёт Сталинград, то немцы пойдут по Волге и в Азию. Наиболее панически настроенные представители интеллигенции считали, что единственным выходом из создавшегося положения может стать немедленное заключение сепаратного мира с Германией и полная капитуляция СССР¹⁰⁵. Значительное распространение получило мнение о том, что своей политикой Великобритания и США добиваются поражения СССР, а затем и Германии.

9 октября 1942 г. Л.П. Берия проинформировал ГКО о том, что опубликованные в печати ответы И.В. Сталина на вопросы корреспондента американского агентства Ассошиэтед Пресс вызвали одобрение населения Москвы. Вместе с тем они рассматривались как свидетельство того, что СССР не сможет выдержать борьбу с немцами без помощи Великобритании и США. Были отмечены высказывания о том, что под «агрессивной державой, стремящейся обеспечить себе мировое господство» подразумеваются не только Германия и Япония, но и Великобритания с Америкой¹⁰⁶.

Некоторые представители интеллигенции объясняли неудачи на фронтах слабостью командных кадров и отсутствием необходимой боеспособности и дисциплины у Красной армии. Главный вопрос, по их мнению, который стоял на повестке дня, – это дисциплина в армии и в тылу. Они считали, что в армии не хватает авторитетных командиров. Война показала, что, несмотря на веру в стойкость Красной армии, на самом деле бойцы плохо обучены, офицерский состав слабый, хорошие генералы отсутствуют. Как отмечали в НКВД, антисоветски настроенная интеллигенция пыталась объяснить отдельные неудачи на фрон-

те неправильностью как внешней, так и внутренней экономической политики советской власти и её негуманным отношением к населению.

НКВД фиксировал, что отступление советских войск вызывало проявление недовольства в среде рабочих, которые высказывали сомнения в возможности победы. При этом политика Великобритании рассматривалась как попытка ослабить воюющие Германию и СССР, с тем чтобы в нужный момент продиктовать им свои условия. НКВД Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР сообщали, что наступление германских войск на Кавказе вызвало тревогу среди местного населения, испытывающего глубокую ненависть к немецко-фашистским оккупантам. Выражались опасения, что со вступлением захватчиков на территорию Закавказья будет уничтожена национальная культура и проведена насильственная германизация народов. Отмечались проявления панических и пораженческих настроений. Развернувшиеся военные действия на территории Кабардино-Балкарской АССР вызвали активизацию кулацких и буржуазно-националистических элементов, проводивших в неоккупированных районах профашистскую агитацию и пропаганду изменнических тенденций¹⁰⁷.

В начале октября были приняты решения по дальнейшему укреплению единоначалия. Первым шагом на этом пути стало упразднение Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 г. института военных комиссаров в Красной армии. На его основании 13 октября 1942 г. ГКО вынес постановление о подчинении уполномоченного особого отдела полка и начальника особого отдела соединения соответствующим командирам с одновременным их подчинением по линии органов НКВД¹⁰⁸. В этот же день подготовили докладную записку¹⁰⁹, в которой отмечалось, что это решение вызвало широкий положительный отклик «в среде командно-начальствующего и политического состава Красной армии». На 18 страницах документа приводились высказывания, в основном одобряющие такие меры. Командиры, начальники, комиссары и политработники армии считали, что «упразднение института комиссаров значительно улучшит управление войсками, создаст большую уверенность и свободу в действиях командиров и даст армии большей отряд новых командных кадров». Многие политработники выражали желание и готовность вернуться или вновь поступить на командные должности¹¹⁰. В то же время некоторые из политработников были в растерянности и рассматривали своё положение как неопределённое. В связи с отсутствием специального военного образования они выражали беспокойство о своей дальнейшей службе, возможности снижения их звания. Отмечались отрицательные высказывания в отношении созданного института заместителей командиров и начальников по политчасти¹¹¹.

Рубежом, отделяющим второй период Великой Отечественной войны от первого, стал перелом в ходе Сталинградской битвы, переход от обороны к контрнаступлению. Наметились существенные перемены в политических настроениях. Постепенно стала меняться их общая тональность, активнее демонстрировалась готовность поддерживать внешнеполитические военные и хозяйственные мероприятия советского руководства. Об этом свидетельствует содержание докладных записок НКВД СССР в ГКО, в которых анализировались общественные настроения, связанные с перспективами открытия Второго фронта и взаимоотношений с союзниками по антигитлеровской коалиции после войны¹¹². Особые отделы НКВД и органы военной цензуры стали уделять больше внимания информированию о плохой организации питания и медицинского обслуживания бойцов и командиров¹¹³.

Судебное и внесудебное принуждение

В 1942 г. продолжалось расширение полномочий правоохранительных органов, ужесточение уголовной и административной ответственности за противоправные действия в военное время, проводилось принудительное переселение жителей, а также широко практиковались меры судебного и внесудебного принуждения.

Произошло ужесточение ответственности и для лиц, совершивших хищение и разбазаривание военного имущества, которые стали квалифицироваться как «подрыв военной мощи СССР», а лица, «творящие эти злодеяния», должны были рассматриваться как враги народа. Эти положения определялись постановлением ГКО от 3 марта 1942 г.: «за хищение (воровство) оружия, боеприпасов, продовольствия, обмундирования, снаряжения, горючего и прочего военного имущества», а также «за умышленную порчу или приведение в негодность обмундирования, снаряжения, оружия и военно-технического имущества» установить на военное время высшую меру наказания – расстрел с конфискацией всего личного имущества преступника. Указанным постановлением предусматривалась мера ответственности как лишение свободы «не ниже 5 лет» за разбазаривание военного имущества в военное время. Кроме того, запрещалось «применение амнистии и каких-либо послаблений к преступникам, осуждённым по делам о хищении и разбазаривании военного имущества». Военные советы фронтов, армий и округов, командование частей и соединений, начальники военных учреждений, а также военная прокуратура и военные трибуналы были обязаны «дела о хищении и разбазаривании военного имущества заканчивать расследованием и производством в судах в трёхдневный срок»¹¹⁴.

Во вновь формируемых частях и соединениях Красной армии катастрофически не хватало вооружения. Так, например, в формируемых

стрелковых полках было по 250–260 винтовок, до 5 пулемётов и по одному орудию¹¹⁵. ГКО 16 января принял постановление, обязав граждан, проживавших «в освобождаемых Красной армией населённых пунктах, всё брошенное противником и подобранное огнестрельное и холодное оружие, боеприпасы, противогазы, обмундирование, обувь, людское и конское снаряжение, автотранспорт, повозки, продовольствие, фураж и прочее имущество, принадлежавшее частям Красной армии, советским, общественным организациям и частным лицам и присвоенное гражданами во время немецкой оккупации, в 24 часа сдать воинским частям, органам НКВД или местным органам власти по принадлежности».

Органы местной власти должны были немедленно сообщать органам НКВД или в ближайшую воинскую часть о собранном вооружении, боеприпасах и прочем военном имуществе, организовав на месте его охрану. Постановление ГКО предусматривало и меры ответственности. Так, лица, не сдавшие в установленный срок огнестрельное и холодное оружие, боеприпасы, подлежали ответственности по ст. 182, а в случае злостного уклонения от сдачи – по ст. 58-14 УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик. Лица, виновные в порче оружия, боеприпасов, военного имущества, а также в уклонении от сдачи прочего имущества, подвергались штрафу до трёх тысяч рублей или лишению свободы сроком на 6 месяцев, а в случаях злостной порчи или злостного уклонения от сдачи имущества – по ст. 58-14 УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик¹¹⁶.

Во исполнение названного постановления ГКО 19 января 1942 г. в НКВД СССР был издан приказ, предусматривавший в кратчайшие сроки проводить следствие и направлять в суды дела в отношении лиц, уклонившихся от сдачи оружия. В случаях злостного сокрытия оружия дела рекомендовалось направлять на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР. Информация о количестве «собранного и отобранного трофейного оружия, боеприпасов и материальных ценностей, а также о количестве лиц, привлечённых к ответственности за несдачу оружия», один раз в пять дней направлялась в штаб истребительных батальонов НКВД СССР¹¹⁷.

Постановлением ГКО в марте 1942 г. были созданы Центральная комиссия по сбору трофейного вооружения и имущества и Центральная комиссия по сбору чёрных и цветных металлов в прифронтовой полосе, а в составе Главного управления тыла Красной армии – Управление по сбору и использованию трофейного вооружения, имущества и материальных ценностей. В августе в органах НКВД прифронтовой полосы были созданы комиссии по сбору трофейных ценностей и валюты. Виновные в нарушении порядка сбора и сдачи трофейных ценностей и валюты привлекались к строгой ответственности¹¹⁸.

Документы Центрального архива ФСБ России свидетельствуют, что в 1942 г. органы НКВД по указанию И.В. Сталина продолжили поиск виновных в том, что Красная армия отступала на восток, оставляя целые регионы. По ложным обвинениям в антисоветском заговоре или совершении должностных преступлений были арестованы и приговорены к лишению свободы или даже расстреляны многие старшие офицеры и генералы. Рядовые и младшие командиры обвинялись в паникёрстве, дезертирстве и антисоветской пропаганде. Их также ждало скорое судебное разбирательство военного трибунала или внесудебное решение Особого совещания при НКВД СССР.

Так, 11 января 1942 г. по обвинению в антисоветской деятельности, клевете на политработников, пораженческих настроениях был арестован начальник штаба 4-й ударной армии Ф.Н. Романов¹¹⁹. 18 января 1942 г. за участие в заговорщической организации, проведение среди военнослужащих антисоветской агитации, дискредитации руководителей ВКП(б) и советского правительства, восхваление немецкой армии был арестован генерал-майор В.А. Меликов¹²⁰. Всю войну он провёл в тюрьмах в ожидании суда. 3 октября 1946 г. Меликов умер в больнице Бутырской тюрьмы.

21 января 1942 г. Особым отделом НКВД Закавказского военного округа по обвинению в преступлении, предусмотренных ст. 193-17 п. «а» УК РСФСР, был арестован бывший командующий 44-й армией, генерал-майор артиллерии И.Ф. Дашичев. 19 февраля 1942 г. Военная коллегия Верховного суда за преступное руководство войсками и сдачу противнику Феодосии приговорила И.Ф. Дашичева к четырём годам ИТЛ с лишением воинского звания¹²¹. 29 января 1942 г. на закрытом судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР рассматривалось уголовное дело по обвинению бывшего командующего 50-й армией А.Н. Ермакова¹²². Обвинение гласило, что он «преступно руководил вверенными ему войсками и вопреки приказу командования сдал противнику г. Сталиногорск» (22 ноября 1941 г. во время битвы за Москву), т.е. совершил преступление, предусмотренное ст. 193-21 п. «б» УК РСФСР. Он был приговорён к пяти годам ИТЛ с лишением воинского звания¹²³. 6 февраля 1942 г. бывшего командующего 43-й армией П.П. Собенникова¹²⁴ Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила к лишению свободы сроком на 5 лет.

16 февраля 1942 г. Специальным присутствием Верховного суда СССР Герой Советского Союза маршал Г.И. Кулик был признан виновным в том, что в ноябре 1941 г., будучи уполномоченным Ставки на Керченском направлении, вопреки приказам отдал войскам распоряжение об оставлении города. Он был осуждён по ст. 193-21 п. «б» УК РСФСР и постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1942 г. лишён не только воинского звания, но и всех правительственных наград¹²⁵.

16 февраля 1942 г. НКВД СССР был арестован бывший начальник артиллерии 58-й резервной армии комбриг Н.Ф. Гуськов. Он всю войну провёл в тюрьме, и лишь 2 декабря 1950 г. Особое совещание при МГБ СССР приняло постановление заключить его на 15 лет в ИТЛ за принадлежность к контрреволюционному военному заговору и антисоветскую агитацию¹²⁶. Такая же участь ждала и других ранее арестованных военачальников: бывшего командира 51-й стрелковой дивизии генерал-майора П.Г. Цирульникова (по обвинению в измене Родине и выдаче немцам секретных данных)¹²⁷, генерал-майора авиации А.А. Туржанского¹²⁸, дивизионного комиссара И.И. Жукова – по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде¹²⁹. 22 февраля 1942 г. был арестован начальник внутренней обороны г. Ленинграда генерал-лейтенант Ф.С. Иванов¹³⁰. Несмотря на то что предварительное следствие по делу было закончено 8 июля 1942 г., под стражей Ф.С. Иванов содержался до 1946 г.

23 февраля 1942 г. в газете «Правда» был опубликован приказ № 55 наркома обороны СССР, изданный в связи с 24-й годовщиной Красной армии, которую встречали «в суровые дни Отечественной войны против фашистской Германии, нагло и подло посягающей на жизнь и свободу нашей Родины». Рассказав об истории празднования дня Красной армии, Сталин отметил, что «в первые дни войны, ввиду неожиданности и внезапности немецко-фашистского нападения, Красная армия оказалась вынужденной отступить, оставить часть советской территории. Но, отступая, она изматывала силы врага, наносила ему жёсткие удары». Далее в приказе подчёркивалось, что у немцев теперь нет уже того «военного преимущества, которое они имели в первые месяцы войны в результате вероломного и внезапного нападения. Момент внезапности и неожиданности, как резерв немецко-фашистских войск, израсходован полностью». Текст приказа завершали здравицы в честь Красной армии и Военно-морского флота, партизан, «нашей славной Родины», «великой партии большевиков», непобедимого знамени Ленина.

Этот же день – день 24-й годовщины Красной армии – был отмечен расстрелом большой группы генералов, обвинённых в антисоветском военном заговоре и измене Родине. Обвинительные заключения на группу генералов, находившихся в тюрьме с лета и осени 1941 г., были утверждены 11 февраля 1942 г. В.С. Абакумовым и главным военным прокурором. Дела были направлены на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР, мерой наказания предлагался расстрел с конфискацией всего лично принадлежавшего имущества. Особое совещание 13 февраля 1942 г. «за участие в антисоветском военном заговоре» постановило приговорить к высшей мере наказания – расстрелу: помощника генерал-инспектора ВВС Красной армии Н.П. Васильченко; командующего ВВС Дальневосточного фронта генерал-лейтенан-

та авиации К.М. Гусева; командующего ВВС Прибалтийского особого военного округа генерал-майора авиации А.П. Ионова; начальника штаба ВВС Юго-Западного фронта генерал-майора авиации Н.А. Ласкина, заместителя командующего ВВС Ленинградского военного округа генерал-майора авиации А.А. Левина; бывшего командующего ВВС Московского военного округа генерал-лейтенанта авиации П.И. Пумпура; командующего ВВС Киевского особого военного округа, а затем командующего ВВС Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта авиации Е.С. Птухина; бывшего народного комиссара боеприпасов СССР комдива И.П. Сергеева; командующего ВВС Западного фронта генерал-майора авиации А.И. Таюрского; начальника Управления военных сообщений РККА генерал-лейтенанта технических войск Н.И. Трубецкого; начальника Научно-испытательного института ВВС Красной армии генерал-майора авиации А.И. Филина; помощника командующего ВВС по вузам Орловского военного округа генерал-майора авиации Э.Г. Шахта; заместителя начальника штаба ВВС РККА генерал-майора авиации П.П. Юсупова. 23 февраля 1942 г. приговор в отношении перечисленных выше генералов был приведён в исполнение.

Репрессии в отношении генералов и офицеров Красной армии продолжались. Так, 22 апреля 1942 г. Особое совещание при НКВД СССР постановило расстрелять бывшего командира 22-го территориального стрелкового корпуса Красной армии Г.Ю. Ионсона¹³¹; 9 мая 1942 г. – заключить начальника 4-го отдела НИИ ВВС Красной армии комбрига А.И. Залевского «за шпионские связи – в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет». Его судьба оказалась столь же трагичной: отбывая наказание в Гулаге, он умер 28 сентября 1945 г. 19 июля 1942 г. по обвинению в участии в антисоветской заговорщической группе в Военной академии им. Фрунзе и проведении антисоветской деятельности, т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» и 58-11 УК РСФСР, был арестован заместитель начальника штаба Западного фронта генерал-майор В.С. Голушкевич¹³². Он не признавал своей вины, а следователи не признавали своей ошибки, поэтому содержание В.С. Голушкевича под стражей и сроки ведения следствия затянулись почти на 10 лет. Лишь 24 марта 1952 г. Военная коллегия Верховного суда СССР в закрытом судебном заседании признала В.С. Голушкевича виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР, и приговорила его к лишению свободы в ИТЛ сроком на 10 лет. 28 июля 1953 г. он был реабилитирован.

Стремление добиться результата по «главной линии» – по разоблачению агентов германской разведки – приводило к тому, что подозревали всех, кто хоть как-то соприкасался с иностранцами. На основании оговоров и домыслов случайных людей органы НКВД проводили арес-

ты и начинали следствие. Например, 23 мая 1942 г. транспортным отделом НКВД Свердловской ж.д. была привлечена в качестве обвиняемой по ст. 58-1 «а», 58-11 УК РСФСР жительница Свердловска «Е.Л.». После интенсивных допросов она не только признала себя виновной, но и показала, что была завербована ещё в 1937 г. Е.А. Максимовой¹³³, проживавшей в Москве и ранее выезжавшей за границу. После ареста Е.А. Максимовой следователи узнали, что она жена советского разведчика Рихарда Зорге. Для неё это стало в некоторой степени отягчающим обстоятельством, так как следователи НКВД знали, что связь с Р. Зорге в это время была потеряна (он находился в японской тюрьме), что было уже само по себе подозрительным. Как выяснилось спустя годы, Зорге до конца был предан Советскому Союзу, но в 1942 г. это не облегчило участь его жены.

К чрезвычайным актам, регламентировавшим борьбу с преступностью, относилось постановление ГКО от 24 июня 1942 г. «О членах семей изменников Родины», согласно которому подлежали аресту и ссылке в отдалённые местности СССР (на пять лет) совершеннолетние члены семей военнослужащих и гражданских лиц, осуждённых судебными органами или Особым совещанием при НКВД СССР к высшей мере наказания по ст. 58-1 «а» УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик. Членами семьи изменника Родины считались «отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили совместно с изменником Родины или находились на его иждивении к моменту совершения преступления или к моменту мобилизации в армию в связи с началом войны»¹³⁴. Ст. 58-1 УК РСФСР предусматривала наказание за шпионаж в пользу Германии и других воюющих с нами стран; за переход на сторону врага, предательство или содействие оккупантам; службу в карательных или административных органах немецких оккупантов на захваченной ими территории и за попытку измены Родине и изменнические намерения. Это постановление ГКО противоречило принципам уголовного права, провозглашавшим конкретность деяния, за которым могло последовать уголовное наказание. В абсолютном большинстве члены семей не знали о совершённом их родственником преступлении, и наказание для них наступало в силу родственных связей, а не за конкретное деяние.

Тем не менее нарком внутренних дел СССР и прокурор СССР 27 июня 1942 г., в соответствии с постановлением ГКО от 24 июня, подписали совместную директиву о применении репрессий в отношении членов семей изменников Родины¹³⁵. Директива не только повторила пять оснований осуждения, перечисленных в постановлении ГКО, но и добавила шестое – «за добровольный уход с оккупационными войсками при освобождении захваченной ими территории». Не подлежали аресту и ссылке семьи тех изменников Родины, в составе

которых были военнослужащие Красной армии, партизаны, лица, оказывавшие в период оккупации содействие Красной армии, а также награждённые орденами и медалями Советского Союза¹³⁶. 13 сентября 1942 г. главный военный прокурор и начальник Главного управления военных трибуналов дали соответствующее разъяснение¹³⁷.

Несмотря на принимавшиеся чрезвычайные меры по предупреждению дезертирства из Красной армии и уклонения от воинской службы¹³⁸, число дезертиров и уклонистов от службы было велико. 16 января 1942 г. ГКО принял постановление № 1159 с, в котором предоставил право НКВД и НКО СССР организовать систематическую проверку воинских документов с целью выявления лиц, уклоняющихся от военной службы и военного учёта. Это обеспечивало выявление «новых ресурсов» для призыва в армию и «более широкое ведение борьбы с дезертирством». В результате проверок воинских документов в феврале 1942 г. было задержано 5656 дезертиров, выявлено 1944 человека, уклонившихся от призыва, и 13 тысяч 583 нарушителя военного учёта¹³⁹. Лица, уклонявшиеся от призыва на действительную военную службу, подлежали привлечению к уголовной ответственности и преданию суду военного трибунала по законам военного времени.

Существенным недостатком в организации борьбы с уклонением от призыва и мобилизации, по данным НКВД СССР, являлись «слабая борьба с взяточничеством, несистематический контроль за паспортным режимом, эпизодические проверки и облавы, как в местах скопления, так и на всех видах транспорта, сельских и городских магистралях». В целях усиления борьбы с дезертирством и уклонением от военной службы 7 июля 1942 г. В.Н. Меркулов подписал директиву НКВД СССР, в которой содержался комплекс организационных, административно-режимных, оперативно-розыскных и следственных мероприятий. Кроме того, он предложил «органам НКВД, проводившим следствие по делам дезертиров и лиц, уклонившихся от службы в Красной армии, сообщать соответствующим наркомам о решении суда или осуждении Особым совещанием НКВД СССР для лишения членов семей осуждённых права на получение государственного пособия, помощи и других льгот, предоставляемых военнослужащим»¹⁴⁰.

20 августа 1942 г. Л.П. Берия направил И.В. Сталину, В.М. Молотову и А.С. Щербакову сообщение о результатах привлечения к уголовной ответственности военнослужащих за измену Родине. С начала войны по 1 августа 1942 г. особыми отделами НКВД за попытки изменить Родине и изменнические намерения в частях действующей Красной армии арестованы 20 тысяч 794 военнослужащих, в том числе осуждены к расстрелу – 16 тысяч 287 человек. Наибольшее число изменнических проявлений было выявлено в частях Южного, Северо-Западного

и Ленинградского фронтов. С 24 июня по 10 августа 1942 г. органами НКВД привлечено к уголовной ответственности 2688 семей изменников Родине, из которых 1292 члена семей были осуждены¹⁴¹.

Продолжавшееся дезертирство из Красной армии привело к тому, что 11 октября 1942 г. ГКО постановил дезертиров, задержанных за бандитизм и вооружённый грабеж, предавать суду военного трибунала по статье об измене Родине, совершённой военнослужащим. При исключительных обстоятельствах особо опасных дезертиров расстреливали перед строем, что в условиях войны считалось вынужденной мерой, направленной на поддержание порядка в воинских частях. 12 октября прокурор СССР издал директиву, предложив дезертиров из Красной армии, занимавшихся бандитизмом, вооружёнными грабежами и контрреволюционной повстанческой работой, заочно предавать суду военных трибуналов по ст. 58-1 «б» как изменников Родине. Члены семей лиц, осуждённых к высшей мере наказания, подлежали репрессированию как члены семей изменников Родине.

Постановлению ГКО предшествовал доклад о результатах борьбы с дезертирами, который Л.П. Берия 11 октября 1942 г. представил И.В. Сталину. В документе говорилось: «За время войны органами и заградительными отрядами НКВД задержано по подозрению в дезертирстве и уклонении от военной службы 1 187 747 человек, из них передано в воинские части и райвоенкоматы 827 739 человек, арестовано 211 108 человек. Из числа арестованных осуждено к ВМН 63 012 человек, к лишению свободы – 28 285 человек и с заменой наказания отправкой на фронт – 101 191 человек»¹⁴².

Для ускорения проведения репрессий против дезертиров и членов семей изменников Родине 26 октября 1942 г. начальник Главного управления военных трибуналов направил председателям военных трибуналов фронтов, отдельных армий и флотов директиву, в которой указал перечень лиц, члены семей которых подлежали репрессированию. В перечень были включены граждане, осуждённые к высшей мере наказания по ст. 58-1 «а» и 58-1 «б»: дезертиры, занимавшиеся бандитизмом, вооружёнными грабежами и контрреволюционной повстанческой работой; командиры и политработники, отступавшие с боевых позиций без приказа свыше и преданные военному суду командующими и военными советами фронтов, командиров и политработников, во время боя срывавших с себя знаки различия и дезертировавшие в тыл или сдавшиеся в плен врагу. Репрессии подлежали члены семей лиц, осуждённых независимо от меры наказания: военнослужащих и гражданских лиц, совершивших побег или перелёт за границу¹⁴³.

29 ноября 1942 г. главный военный прокурор и начальник Главного управления военных трибуналов дали разъяснение о квалификации де-

зертирства, связанного с бандитизмом и повстанческой деятельностью: «постановление ГКО от 11 октября 1942 г., устанавливавшее ответственность дезертиров, занимавшихся бандитизмом или повстанческой деятельностью, – по ст. 58-1 “б” УК РСФСР, обратной силы не имеет, и не следует распространять его буквально на каждого дезертира, унёсшего с собой оружие».

Для усиления борьбы с бандитизмом и дезертирством 10 декабря 1942 г. была издана директива НКВД СССР, согласно которой к уголовной ответственности привлекались злостные укрыватели бандитов и дезертиров. «Для изъятия дезертиров», скрывавшихся в городах, рекомендовалось практиковать проведение тщательной проверки документов через органы милиции у лиц, вызывавших подозрение. Чекистско-войсковые мероприятия по «изъятию бандитско-дезертирского элемента», как правило, проводились в сочетании с агентурно-оперативными мероприятиями¹⁴⁴.

Органы НКВД предпочитали направлять материалы следственных дел на рассмотрение Особого совещания при НКВД. Это в первую очередь касалось тех дел, рассмотрение которых в судебном производстве считалось нежелательным. Именно поэтому в материалах обвинения делалась запись о целесообразности рассмотрения следственного дела на Особом совещании, при этом предлагалась и мера наказания. Заседания Особого совещания при НКВД СССР проводились от 4 до 9 раз в месяц. В 1942 г. было рассмотрено следственных дел на 53 тысячи 584 человека. Из этого числа к расстрелу приговорены – 9404 человека, к различным срокам лишения свободы – 44 тысячи 100 человек, в том числе 4029 членов семей изменников Родине¹⁴⁵, 80 человек¹⁴⁶ были выдворены за пределы СССР¹⁴⁷.

Чрезвычайные меры в сфере борьбы с преступностью, принимавшиеся в годы войны, вызывают дискуссии об их правомерности и обоснованности. Так, Е.В. Вертилецкая считает, что «действия органов НКВД не были лишены логики. Основной причиной осуждения людей, попавших в данную категорию, служило стремление предотвратить использование их германскими разведывательными органами. Угроза такого использования существовала, подобные случаи имелись. Поэтому при проведении следствия прежде всего должна была тщательно проверяться правдоподобность этих данных, чтобы исключить возможность необоснованных репрессий. Другим фактором была профилактика самой измены и перехода советских военнослужащих на сторону врага»¹⁴⁸.

Однако решение об аресте и ссылке в отдалённые местности на срок до 5 лет совершеннолетних членов семей лиц, осуждённых к высшей мере наказания, можно расценивать как нарушение законности. Это постановление противоречило принципам советского уголовного пра-

ва. Часть лиц, привлечённых к уголовной ответственности за измену Родине в годы Великой Отечественной войны, была в последующем реабилитирована за отсутствием в их действиях состава преступления.

В целях решения экономических задач либо в связи с изменениями военно-политической обстановки в 1942 г. происходили принудительные переселения или так называемые превентивные депортации отдельных групп населения в СССР. Переселение с применением силы или принуждения стало одной из форм политических репрессий, предпринятых государством по отношению к своим гражданам или подданным других государств. Для 1942 г. наиболее характерным стало переселение населения в экономических целях. Так, постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. на НКВД СССР было возложено переселение на рыбные промыслы в бассейне рек Сибири 35 тысяч спецпереселенцев. 30 октября 1942 г. Л.П. Берия направил записку в ЦК ВКП(б), в которой проинформировал о том, что завершено переселение спецконтингентов (52 тысяч 718 человек, в том числе 17 тысяч 34 члена семей).

Принудительный характер носили и массовые эвакуации из прифронтовой полосы. По решениям Ставки устанавливалась прифронтовая полоса на глубину 25 км, в которой воспрещалось проживание и доступ гражданского населения. Все гражданские лица, появившиеся в прифронтовой полосе, подлежали немедленному аресту и направлению в органы НКВД. Командующие соответствующими фронтами в двухнедельный срок проводили массовое выселение в тыл всего гражданского населения. В течение 1942 г. из прифронтовой зоны по всем фронтам были отселены 1 млн 133 тысячи 525 человек¹⁴⁹.

Преобладающим основанием для депортаций в годы войны стал этнический характер принудительных миграций в СССР. По указанию НКВД СССР милиция Куйбышева в июле 1942 г. провела «очистку» этого режимного города от польских граждан. Исключение делалось лишь для лиц польской национальности, зарегистрированных в НКВД как сотрудники посольства и военного атташата, и лиц, имевших специальное разрешение на въезд в город. Польские граждане, не имевшие разрешения на пребывание в Куйбышеве, в суточный срок были обязаны покинуть город и возвратиться к месту постоянного жительства¹⁵⁰.

Так называемые превентивные депортации народов стран, воюющих с СССР (немцев, финнов, румын, итальянцев и др.), в 1942 г. продолжались. В соответствии с постановлением Военного совета Ленинградского фронта от 20 марта 1942 г. были высланы из прифронтовой полосы все ингерманландцы. В марте 1942 г. из Харьковской, Крымской, Одесской, Днепропетровской и Калининской областей были выселены немцы, в мае – июне из Краснодарского края и Ростовской области – румыны, немцы, крымские татары и другие иностранные граждане. Депортация

советских немцев в годы Великой Отечественной войны стала крупнейшей внутренней кампанией и второй по своим масштабам в советской истории: она уступает только депортации в ходе раскулачивания.

Война внесла изменения не только в структуру аппарата высших государственных и местных органов власти, но и в порядок их работы. ГКО в течение 1942 г. принимал жёсткие чрезвычайные меры мобилизационного и принудительного характера, значительно усилился политический контроль за настроениями населения.

Важную роль в осуществлении чрезвычайных мер играли органы госбезопасности. Не обошлось без непоправимых ошибок и неправомерных действий. Для этого времени характерны необоснованные аресты, необъективное ведение следствия, нарушения уголовно-процессуального законодательства¹⁵¹.

Органами НКВД в годы Великой Отечественной войны в процессе борьбы с дезертирством и изменой Родине допускались существенные ошибки. Во-первых, при возбуждении уголовного дела применялся недостаточно ответственный подход, в результате чего имели место факты привлечения граждан к ответственности по весьма шатким основаниям, а также и случаи необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Во-вторых, расследования уголовных дел проводились поверхностно. В ряде случаев обвинение не обосновывалось с необходимой убедительностью, чем в значительной части объясняется высокий процент дел, возвращавшихся органами прокуратуры к повторному расследованию.

В-третьих, надзор органов прокуратуры за следствием в органах НКВД осуществлялся формально. Прокуроры редко принимали «непосредственное участие в расследовании уголовных дел и не проявляли необходимой твёрдости в обеспечении неуклонного соблюдения и правильного применения закона в расследовании конкретных дел» органами НКВД.

В-четвёртых, надзор за законностью выносимых приговоров осуществлялся недостаточно. Прокуроры не всегда добивались путём своевременного представленных протестов немедленного исправления ошибок, допущенных судебными органами. Были допущены как акты несправедливости к отдельным лицам, так и дискриминация и репрессии к целым группам населения.

Предпринятые чрезвычайные меры позволили в 1942 г. отмотобилизовать силы народа. Несмотря на огромные потери, понесённые Красной армией и советской экономикой в первые два года Великой Отечественной войны, ситуацию и на фронте, и в стране в целом к концу года удалось переломить.

Примечания

- ¹ Центральный архив (далее – ЦА) ФСБ России. Д. № Р-24261. Дневник. Тетрадь № 5. С. 27.
- ² В целях объединения усилий органов государственной безопасности и внутренних дел указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. наркоматы внутренних дел и госбезопасности были объединены в Народный комиссариат внутренних дел. В соответствии с постановлением ГКО от 17 июля 1941 г. Третье управление Наркомата обороны (военная контрразведка) было преобразовано в Управление особых отделов НКВД СССР. Третьи отделы и отделения фронтов, округов, армий, корпусов, дивизий переименовывались в особые отделы НКВД. См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : Сб. документов : В 8 т. Т. 3 : В 2 кн. Кн. 1. – М., 2003. – С. 27.
- ³ К полномочиям Управления особых отделов НКВД относились: борьба с изменой Родине, шпионажем, предательством, дезертирством и преступной деятельностью в частях Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД, информирование руководства страны о реальном положении дел на фронте и в тылу, правильности действий войсковых командиров, явлениях, мешавших укреплению обороноспособности. Особым отделам предоставлялось право ареста дезертиров, а в необходимых случаях – их расстрела на месте. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 602. Л. 246–248.
- ⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 56. Л. 22.
- ⁵ Там же. Д. 57. Л. 32.
- ⁶ См.: Самсонов А.М. Сталинградская битва. – Изд. 3-е, доп. – М., 1982. – С. 83.
- ⁷ Комиссия по эвакуации проводила расчёты, вносила предложения и составляла проекты постановлений ГКО по эвакуации предприятий, имущества и населения.
- ⁸ Шверник Николай Михайлович (1888–1970) – советский политический деятель. В 1932–1952 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), в 1930–1946 гг. член Оргбюро ЦК ВКП(б), в 1930–1944 гг. первый секретарь ВЦСПС, в 1938–1946 гг. председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР. В 1942–1945 гг. председатель ЧГК.
- ⁹ Комиссия по эвакуации прекратила работу осенью 1942 г.
- ¹⁰ Центральный детский адресный стол за годы войны возвратил родителям 19 211 детей и по запросам родственников установил местонахождение 2,7 млн человек.
- ¹¹ На учёте состояли более 6 млн эвакуированных граждан.
- ¹² К концу 1944 г. отделения комиссии действовали в 19 областях и республиках. В работе по составлению актов о преступлениях гитлеровцев приняло участие свыше 7 млн человек. ЧГК изучила 54 тысячи актов и свыше 250 тысяч протоколов допросов свидетелей и заявлений о злодеяниях оккупантов и 4 млн актов о причинённом материальном ущербе, составила 27 сообщений о злодеяниях гитлеровцев.
- ¹³ В конце 1942 г. в качестве эксперта был приглашён Барановский Пётр Дмитриевич (1892–1984), археолог, бывший заведующий филиалом Государственного исторического музея, эксперт Комитета по делам архитектуры при СНК СССР (1943–1946). 3 октября 1933 г. был арестован оперативным отделом ОГПУ по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58-10, 58-11 УК РСФСР. Постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 2 апреля 1934 г. заключён в исправительно-трудовой лагерь на три года. Наказание отбывал в Западно-Сибирском Мариинском ИТЛ. Постановлением Президиума Московского городского суда от 26 октября 1964 г. постановление от 2 апреля 1934 г. отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления. См.: ЦА ФСБ России. Д. Р-28879. Т. 1. Л. 47; Т. 10. Л. 42; Т. 11. Л. 509.
- ¹⁴ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь : Новейшее спр. изд. / Сост. Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. – М., 2009. – С. 60–61.
- ¹⁵ Щаденко Ефим Афанасьевич (1885–1951) – советский военачальник. Генерал-полковник (1942). В Красной армии с 1918 г. В июне 1941 г. армейский комиссар 1-го ранга, с августа 1941 г. начальник Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии (Главупраформ). С сентября 1943 г. член Военного совета Южного, а с октября 1943 г. – 4-го Украинского фронта. С января 1944 г. в распоряжении ГлавПУ РККА.

¹⁶ С 1 февраля 1942 г. в соответствии с постановлением ГКО дела на старший и средний начальствующий состав до командиров полков включительно передавались из Главного управления кадров РККА в Главупраформ и комплектованием этих должностей стал заниматься Главупраформ. См.: РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 20. Л. 152.

¹⁷ Численность каждой стрелковой дивизии составляла 11 641 человек.

¹⁸ Численность каждой курсантской бригады составляла 4500 человек.

¹⁹ В связи со слабой обученностью маршевого пополнения 16 марта 1942 г. ГКО принял постановление № 1457сс, которое требовало «прекратить немедленно формирование новых дивизий и бригад, предусмотренных постановлением ГКО за № 1229 от 1 февраля 1942 г., за исключением пяти стрелковых дивизий и десяти стрелковых бригад, из коих три стрелковые дивизии и пять стрелковых бригад – для Дальневосточного фронта; две стрелковые дивизии и три стрелковые бригады – для Забайкальского фронта и две стрелковые бригады – для Московской зоны обороны». См.: Архив Президента Российской Федерации (далее – АП РФ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 266. Л. 50.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 20. Л. 153–159.

²¹ Во время Великой Отечественной войны в ПриВО сформировано 5 армий, 132 дивизии, 65 отдельных полков, 253 отдельных батальона (дивизиона), свыше 800 госпиталей и медико-санитарных батальонов, подготовлено 16,5 тысячи запасных частей и маршевых подразделений. См.: Военный энциклопедический словарь. – М., 2002. – С. 1221.

²² Калинин Степан Андрианович (1890–1975) – генерал-лейтенант, командующий 24-й армией Западного фронта (июнь – июль 1941), помощник командующего войсками Западного фронта (август 1941), в распоряжении НКО (октябрь 1941), командующий войсками Приволжского военного округа (ноябрь 1941 – март 1944), командующий войсками Харьковского военного округа (март – июнь 1944). Арестован 13 июня 1944 г. Военной коллегией Верховного суда СССР. 25 октября 1951 г. приговорён к 25 годам лишения свободы в ИТЛ. Освобождён из-под стражи 17 ноября 1953 г. Реабилитирован 2 ноября 1956 г.

²³ 13 февраля С.А. Калинин записал в дневнике: «397-я сд для действий на войне ещё не готова, требуется ещё не менее 15 дней для подготовки батальона, полка. Командиры батальонов не имеют достаточного опыта. Плохо с разведкой [...]. Командиры полков и штабы плохо управляют». 14 февраля: «[...] Вооружение в 397-й сд – около 15 процентов».

²⁴ ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Дневник. Тетрадь № 5. С. 40, 44–46.

²⁵ Там же. С. 69–70.

²⁶ Там же. С. 86–87, 108–109, 117–119.

²⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 266. Л. 27–28.

²⁸ Там же. Л. 28–29.

²⁹ Там же. Л. 33–34.

³⁰ Там же. Л. 50–51.

³¹ Там же. Л. 51.

³² ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Дневник. Тетрадь № 5. С. 84–85.

³³ Там же. С. 94–95.

³⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 266. Л. 110–111.

³⁵ См.: История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : Собр. документов : В 7 т. Т. 5 : Спецпереселенцы в СССР. – М., 2004. – С. 752.

³⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 4. Л. 28–29.

³⁷ Там же. Д. № Р-24261. Дневник. Тетрадь № 5. С. 125.

³⁸ По мнению С.А. Калинина, сокращение численности отправленных на фронт из ПриВО в мае 1942 г. было вызвано плохой работой уральских железных дорог, округ в мае «не получил среднеазиатских контингентов в количестве 62 тысяч человек».

³⁹ ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Дневник. Тетрадь № 5. С. 118.

⁴⁰ Там же. С. 162, 168; Тетрадь № 6. С. 56.

⁴¹ Там же. Ф. 3. Оп. 9. Д. 3. Л. 12.

⁴² Там же. Л. 28.

⁴³ Первоначально, 5 июля 1941 г., для организации разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника была организована Особая группа НКВД СССР. При ней

была сформирована Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН). Бригада представляла собой своеобразный центр подготовки и комплектования разведывательно-диверсионных отрядов и групп, готовившихся к направлению в тыл противника. В её составе находились более 25 тысяч солдат и офицеров, из них около 2 тысяч иностранцев. Расформирована 26 октября 1943 г., личный состав бригады направлен на укомплектование подразделений Отдельного отряда специального назначения НКГБ СССР. 3 октября 1941 г. Особая группа была преобразована во 2-й отдел, а 18 января 1942 г. на основе 2-го отдела организовано 4-е Управление НКВД СССР.

⁴⁴ Численность истребительных батальонов по Краснодарскому краю была увеличена на 3975 человек; по Орджоникидзевскому – на 2000; по Грузинской ССР – на 2375 человек; по Чечено-Ингушской АССР – на 700 человек; по Дагестанской АССР – на 250 человек; по Кабардино-Балкарской АССР – на 400 человек. Дополнительно формировались истребительные батальоны в Краснодарском крае и Грузинской ССР. Численность истребительных батальонов в Новороссийске, Туапсе, Сочи, Армавире, Майкопе, Краснодаре, Сухуми, Поти, Батуми доводилась до 400 человек; в Ейске, Приморско-Ахтарске, Анапе, Адлере, Тихорецкой, Кропоткине, Геленджике, Крымском, Гаграх, Гудауте, Кобулету – до 200 человек. См.: ЦА ФСБ России. Ф. К-1 ос. Оп. 10. Д. 139. Л. 64; Ф. 66. Оп. 1. Д. 665. Л. 52–53.

⁴⁵ Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902–1984) – один из организаторов и руководителей партизанского движения, генерал-лейтенант (1943). В 1938–1947 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. С июня 1941 г. член Военного совета 3-й Ударной армии Калининского фронта, затем Центрального, Брянского, 1-го Белорусского фронтов. В 1942–1944 гг. начальник Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования.

⁴⁶ Для выполнения этой задачи были сформированы 8 дивизий войск НКВД общей численностью около 100 тысяч человек.

⁴⁷ Трудовая мобилизация – привлечение трудоспособных граждан к трудовой повинности – проводилась на основании указов Президиума Верховного Совета СССР, постановлений СНК СССР и ГКО, а также решений областных, городских и сельских исполкомов, которые регулировали все вопросы мобилизации и оплаты труда. Например, Челябинский горисполком 5 января 1942 г. принял решение о мобилизации 600 человек сроком на три дня для разгрузки вагонов на Кировском заводе, автозаводе им. Сталина и Бакалспецстрое. См.: Тогда была война... 1941–1945 : Сб. документов и материалов. – Челябинск, 2005. – С. 25–26.

⁴⁸ Органы государственной безопасности... Т. 3 : Кн. 2. – М., 2003. – С. 312.

⁴⁹ История сталинского ГУлага... : Т. 1 : Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. – С. 446.

⁵⁰ Трудовая армия была ликвидирована в январе – марте 1946 г. Но освободившиеся трудармейцы оставались прикрепленными к тем же самым предприятиям, где они до этого работали, правда, с правом переехать в общежитие за пределами зоны и вызвать семью.

⁵¹ 10 января 1942 г. подписано постановление ГКО СССР № 1123 сс, в котором был определен порядок использования труда немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет. В соответствии с названным постановлением все немцы указанного возраста, «годные к физическому труду», мобилизовывались в так называемые рабочие колонны НКВД СССР на всё время войны. Для начала было определено, что численность мобилизуемых будет составлять 120 тысяч человек. Мобилизованные немцы передавались в распоряжение НКВД СССР и направлялись на лесоразработки – 45 тысяч человек, на строительство заводов в Сибири – 35 тысяч человек. Остальные 40 тыс. человек поступали в распоряжение НКПС СССР и направлялись на строительство железных дорог в Сибири и в Северном Казахстане. Для мобилизованных были установлены нормы продовольственного и промтоварного снабжения по нормам, определенным для ГУлага НКВД СССР.

⁵² Постановление ГКО от 14 февраля 1942 г. предписывало мобилизовать в трудколонны всех мужчин-немцев, «постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках». Все мобилизованные на весь период войны немцы передавались НКВД для строительства железных дорог. Для вновь мобилизованных устанавливались продовольственные и прочие нормы ГУлага.

⁵³ 7 октября 1942 г. подписано постановление ГКО № 2383 сс о дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР. Мобилизации в «рабочие колонны» на всё время войны подлежали юноши в возрасте 15–16 лет и мужчины 51–55 лет включительно. Это постановление содержало ряд новшеств. На время войны в рабочие колонны мобилизовались и женщины-немки «в возрасте от 16 до 45 лет включительно». От мобилизации освобождались беременные женщины и матери, имевшие детей в возрасте до трёх лет. Дети старше трёх лет передавались «на воспитание остальным членам данной семьи». При отсутствии таковых предписывалось передавать детей «на воспитание ближайшим родственникам или немецким колхозам». Такие суровые меры в отношении женщин-матерей и детей трудно объяснить даже чрезвычайной обстановкой военного времени.

⁵⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 266. Л. 30–32.

⁵⁵ Демидов А. Обеспечение экономической безопасности в годы Великой Отечественной войны // Лубянка: обеспечение экономической безопасности государства: Ист. хроника событий : [Сб.]. – М., 2002. – С. 97.

⁵⁶ См.: Тайны и уроки зимней войны, 1939–1940: По документам рассекреченных архивов / Ред.-сост. Н.Л. Волковский – СПб., 2000. – С. 270–283.

⁵⁷ К военной контрразведке в 1941–1945 гг. относились Третьи управления НКО и НКВМФ, Управление особых отделов НКВД СССР, Главное управление контрразведки «Смерш» НКО.

⁵⁸ См.: Органы государственной безопасности... Т. 2 : В 2 кн. Кн. 1. – М., 2000. – С. 92–93.

⁵⁹ Доклад об итогах боевой и оперативно-служебной деятельности войск НКВД по охране тыла Красной армии в 1941 г., от 27 февраля 1942 г. См.: Там же : Т. 3 : Кн. 1. – С. 170.

⁶⁰ См.: То же : Т. 2 : Кн. 1. – С. 337–338.

⁶¹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 952. Л. 83–84.

⁶² Юго-Западный фронт образован 22 июня 1941 г. путём преобразования Киевского особого военного округа. Упразднён 12 июля 1942 г.

⁶³ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 13. Л. 64.

⁶⁴ См.: Сталинградская битва : Июль 1942 – февраль 1943 : Энциклопедия. – Волгоград, 2007. – С. 258.

⁶⁵ См.: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 3 т. Т. 2. – М., 1995. – С. 296.

⁶⁶ См.: Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны : [В 2 кн.] Кн. 1. – М., 1981. – С. 95.

⁶⁷ ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Дневник. Тетрадь № 6. С. 2–3.

⁶⁸ См.: Чекисты в Сталинградской битве : Документы. Воспоминания. Очерки. – Волгоград, 2002. – С. 201.

⁶⁹ См.: Матвеев А.И. 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны. – М., 2002. – С. 67.

⁷⁰ Самсонов А.М. Указ. соч. – С. 123–124, 163.

⁷¹ См.: Чекисты в Сталинградской битве... – С. 49.

⁷² См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 14. Л. 223.

⁷³ К середине октября 1942 г. в действующих частях Красной армии было сформировано 193 заградительных отряда.

⁷⁴ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 15. Л. 288.

⁷⁵ Хуляков Сергей Александрович (наст. имя Ханферянц Арменак Артёмович) (1902–1950) – маршал авиации (1944). С июня 1941 г. начальник штаба ВВС Западного фронта, с февраля 1942 г. командующий ВВС Западного фронта, с мая 1942 г. начальник штаба ВВС Красной армии, с июня 1942 г. командующий 1-й Воздушной армией Западного фронта, с мая 1943 г. начальник штаба и заместитель командующего ВВС Красной армии, с июня 1945 г. командующий 12-й Воздушной армией на Дальнем Востоке. 18 апреля 1950 г. ВК ВС СССР приговорён по ст. 58-1 п. «б» и 193-17 п. «а» УК РСФСР к высшей мере наказания, с конфискацией лично принадлежащего ему имущества. Приговор приведён в исполнение в тот же день. Реабилитирован 18 августа 1954 г. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-1340.

⁷⁶ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 15. Л. 285–287.

⁷⁷ См.: Россия и СССР в войнах XX века : Потери вооруженных сил : Стат. исслед. – М., 2001. – С. 442.

⁷⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 265. Л. 112–112 об.

⁷⁹ ГКО также предложил НКВД СССР «выделить необходимое количество работников Особых отделов для проведения фильтрации на сборно-пересыльных пунктах армий и фронтов бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника, в целях выявления среди них изменников Родины, шпионов, предателей, а также сомнительных лиц». См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 270. Л. 108.

⁸⁰ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 6. Л. 94–96; Ф. 4. Оп. 1. Д. 200. Л. 301–304; Ф. 66. Оп. 1. Д. 683. Л. 78–79, 157–158; Органы государственной безопасности... Т. 3 : Кн. 1. – С. 186, 217, 256–257; Т. 3. Кн. 2. – С. 539.

⁸¹ «Хиви» – сокращённое от немецкого термина «Hilfswillige» – добровольные помощники.

⁸² См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 6. Л. 94–96.

⁸³ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 636. Л. 6.

⁸⁴ См.: Там же. Л. 144.

⁸⁵ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4 ос. Оп. 1. Д. 10. Л. 83.

⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 1. Л. 193–195, 197.

⁸⁷ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 1 ос. Оп. 10. Д. 139. Л. 65.

⁸⁸ Органы государственной безопасности... Т. 3 : Кн. 2. – С. 81–82.

⁸⁹ Устанавливались нормы обработки писем для цензоров: 750 писем для контролёров первой категории и 650 писем для контролёров второй категории. Для вновь принятых контролёров нормы не устанавливались. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 684. Л. 251–252.

⁹⁰ См.: Лубянка : Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ, 1917–1991 : Справочник. – М., 2003. – С. 138.

⁹¹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 22. Д. 101. Л. 50, 63.

⁹² См.: Там же. Л. 63.

⁹³ См.: Там же. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 15. Л. 117–121.

⁹⁴ См.: Там же. Д. 12. Л. 294–305.

⁹⁵ См.: Там же. Д. 13. Л. 253–264.

⁹⁶ Там же. Д. 14. Л. 152–156.

⁹⁷ Там же. Л. 143–145.

⁹⁸ Там же. Л. 148.

⁹⁹ См.: Там же. Л. 199–205.

¹⁰⁰ Там же. Д. 15. Л. 67–73.

¹⁰¹ Там же. Л. 75.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ См.: Там же. Л. 78–79.

¹⁰⁴ См.: Там же. Л. 229.

¹⁰⁵ См.: Там же. Л. 230.

¹⁰⁶ См.: Там же. Л. 239–244.

¹⁰⁷ См.: Там же. Л. 234–236.

¹⁰⁸ Постановление ГКО от 13 октября 1942 г. № 2406 «О подчинении уполномоченного Особого отдела в полку и начальника Особого отдела соединения командиру части или соединения».

¹⁰⁹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 15. Л. 296–313.

¹¹⁰ См.: «Смерш» : Исторические очерки и архивные документы. – М., 2005. – С. 32.

¹¹¹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 15. Л. 313.

¹¹² См.: Там же. Ф. 14. Оп. 4. Д. 913. Л. 154–157.

¹¹³ См.: Там же. Д. 1008. Л. 67–69, 74–77.

¹¹⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 23. Л. 51–52. Опулб.: Органы государственной безопасности... Т. 3 : Кн. 1. – С. 188–189.

¹¹⁵ ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Дневник. Тетрадь № 5. С. 52.

¹¹⁶ См.: Органы государственной безопасности... Т. 3 : Кн. 1. – С. 42–43.

¹¹⁷ 26 января Наркомат юстиции в свою очередь издал приказ о квалификации случаев уклонения от сдачи трофейного оружия. См.: Там же. – С. 43–44.

¹¹⁸ Там же : Кн. 2. – С. 119.

¹¹⁹ Романов Фёдор Николаевич (1900–1966) – генерал-майор (1940), начальник штаба 4-й ударной армии, до ареста находился в распоряжении Главного управления кадров НКО. Осуждён Военной коллегией Верховного суда СССР 22 августа 1952 г., приговорён к 12 годам заключения в ИТЛ. Реабилитирован 28 июля 1953 г. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-1261.

¹²⁰ Меликов Владимир Арсеньевич (1897–1946) – генерал-майор (1940), в Красной армии с 1917 г. Начальник кафедры военной истории Академии Генштаба, доктор военных наук. По постановлению ГУКР МГБ СССР от 11 октября 1946 г. дело в отношении В.А. Меликова прекращено в связи со смертью. 5 августа 1953 г. дело прекращено по ст. 4 п. 5 УПК РСФСР за отсутствием состава преступления. К делу приобщена статья Меликова «Фашистская тотальная война». См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261.

¹²¹ 20 февраля 1942 г. постановлением Президиума Верховного Совета СССР судимость с И.Ф. Дашичева снята с освобождением от отбывания наказания, понижением в воинском звании и использованием на низшей военной работе. 12 декабря 1953 г. на основании протокола заседания Президиума Верховного Совета СССР Дашичев восстановлен в правах, постановление от 20 февраля 1942 г. в части понижения в воинском звании и лишения наград отменено. См.: ЦА ФСБ России Д. № Р-23925. 4 июля 1943 г. Дашичев арестован ГУКР «Смерш» по обвинению по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). Постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 2 декабря 1950 г. по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР заключён в ИТЛ на 10 лет. Решением ОСО при МВД СССР от 31 июля 1953 г. это постановление отменено, дело за отсутствием состава преступления прекращено с полной реабилитацией. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-1156.

¹²² Ермаков Аркадий Николаевич (1899–1957) – генерал-лейтенант (1944), командующий 50-й армией. Арестован 14 декабря 1941 г. по обвинению в преступных действиях, повлекших за собой тяжёлые последствия на фронте.

¹²³ 29 января 1942 г. А.Н. Ермаков подал прошение о помиловании и направлении на фронт на любую должность. 31 января 1942 г. Военная коллегия Верховного суда СССР постановила освободить его от отбывания наказания и снять судимость, понизив в воинском звании и использовать «на низшей военной работе». 3 февраля 1942 г. освобождён из-под стражи и направлен в распоряжение Главного управления кадров НКО СССР. В дальнейшем занимал ряд командных должностей на Западном, Калининском и 1-м Прибалтийском фронтах. После войны служил в Прибалтийском военном округе. С июля 1954 г. по апрель 1957 г. старший военный советник в Китайской народно-освободительной армии. 1 августа 2007 г. постановлением Верховного суда РФ приговор от 29 января 1942 г. отменён, уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления, реабилитирован.

¹²⁴ Собенников Пётр Петрович (1894–1960) – генерал-лейтенант (1944), командующий 43-й армией. Арестован 16 октября 1941 г. Обвинялся в участии в антисоветском военном заговоре и проведении вредительской работы, направленной на поражение Красной армии в войне. На допросах участие в антисоветском военном заговоре всячески отрицал, подтверждая лишь свою полную ответственность за поражение 43-й армии. За неудачный исход боёв отстранён от должности, лишён воинского звания и условно осуждён. Рассмотрев ходатайство о помиловании, Президиум Верховного Совета СССР судимость снял, понизил в воинском звании до полковника и рекомендовал назначить на низшую должность. С февраля 1942 г. занимался формированием резервных армий в тылу. С ноября 1942 г. и до конца войны зам. командующего 3-й армией. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Н-16689.

¹²⁵ Кулик Григорий Иванович (1890–1950) – Маршал Советского Союза (1940), Герой Советского Союза (1940). Заместитель наркома обороны СССР и начальник Главного артиллерийского управления (1939–1941). В начале войны направлен на Западный фронт, но не проявил организаторских способностей и с соединениями 10-й армии попал в окружение. После выхода из окружения с 29 июля по 6 августа 1941 г. и.о. начальника Главупраформа. В августе 1941 г. командующий 54-й армией на Ленинградском фронте. В связи

с неудачными действиями армии отозван в распоряжение наркома обороны. В ноябре 1941 г. представитель Ставки на Керченском полуострове. В обвинительном заключении сказано, что, «...имея приказ организовать активную оборону этих районов и не сдавать их противнику, ...преступно отнёсся к выполнению возложенных на него задач и самовольно и незаконно санкционировал эвакуацию Керчи и её района и сдачу их противнику...». За эти действия отозван с фронта и отдан под суд. 16 февраля снят с поста зам. наркома обороны. Лишён воинского звания и звания Героя. В марте 1942 г. присвоено воинское звание генерал-майора, исполнял поручения на фронтах как представитель Ставки. В апреле 1943 г. присвоено воинское звание генерал-лейтенанта, назначен командующим 4-й Гвардейской армией. За неправильное использование войск отстранён от командования и с октября 1943 г. – в распоряжении ГУК, с января 1944 г. заместитель начальника Главупраформа. Снят с поста и понижен в воинском звании до генерал-майора в июне 1945 г. После войны – заместитель командующего войсками Приволжского военного округа, в июле 1946 г. уволен из армии. 11 января 1947 г. арестован МГБ СССР по обвинению «в проведении активной вражеской деятельности» и приговором ВК ВС СССР от 24 августа 1950 г. осуждён по ст. 19-58-1 п. «б», 19-58-8, 19-58-10 ч. 1, 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу, с конфискацией имущества. В этот же день, 24 августа 1950 г., приговор приведён в исполнение. Признан виновным в том, что он, являясь заместителем командующего войсками Приволжского военного округа и питая злобу к советскому правительству за понижение его в воинском звании и должности за совершённые преступления, в 1945 г. установил преступную связь с командующим войсками этого же округа генерал-полковником В.Н. Гордовым и начальником штаба округа генерал-майором Ф.Т. Рыбальченко и вместе с ними организовал заговорщическую группу для борьбы с советской властью. В процессе следствия полностью признал вину, но в суде отказался от всех показаний, данных на предварительном следствии. «...Мои показания, данные на предварительном следствии, – заявил Г.И. Кулик, – являются ложными и полученными от меня незаконными методами следствия, от которых я полностью отказываюсь...». Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 11 апреля 1956 г. дело прекращено за отсутствием состава преступления. 31 июля 1957 г. приговор от 16 февраля 1942 г. отменён по вновь открывшимся обстоятельствам, а дело прекращено на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР, с возбуждением ходатайства о посмертном восстановлении в званиях и в правах на правительственные награды. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1957 г. Г.И. Кулик восстановлен в воинском звании Маршала Советского Союза, звании Героя Советского Союза и правах на награды.

¹²⁶ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-746.

¹²⁷ Цирульников Пётр Гаврилович (1900–1985) – генерал-майор (1940), бывший коВоезной коллегией Верховного суда СССР 24 марта 1952 г. приговорён к 12 годам заключения в ИТЛ, лишению воинского звания генерал-майора и правительственных наград. Реабилитирован 28 июля 1953 г. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-87.

¹²⁸ Туржанский Александр Александрович (1898–1982) – генерал-майор (1940), преподаватель Военной академии командно-штурманского состава ВВС Красной армии. В 1938 г. арестован по подозрению в участии в антисоветском военном заговоре, но за недоказанностью состава преступления в 1940 г. освобождён. Осуждён Военной коллегией Верховного суда СССР 25 марта 1952 г., приговорён к 12 годам ИТЛ. По постановлению СМ СССР от 12 апреля 1952 г. лишён воинского звания генерал-майора авиации. 9 апреля 1952 г. направлен в общий лагерь МВД СССР. Реабилитирован 27 июля 1953 г. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-17.

¹²⁹ Жуков Иван Иванович (1896–?) – дивизионный комиссар (1936). В 1938 г. арестован как участник антисоветского военного заговора, за недоказанностью состава преступления в 1939 г. освобождён. В 1941 г. комиссар штаба 18-й армии Южного фронта. Вновь арестован 13 мая 1942 г. Осуждён 27 марта 1952 г. Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР, с санкцией ст. 58-2 УК РСФСР, приговорён к заключению в ИТЛ сроком на 10 лет и лишён воинского звания. 12 апреля 1952 г. направлен для отбытия наказания

в общий лагерь МВД СССР. 13 мая 1952 г. из-под стражи освобождён. Реабилитирован 28 июля 1953 г. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-160.

¹³⁰ Иванов Фёдор Сергеевич (1897–1973) – генерал-лейтенант (1940). С начала Великой Отечественной войны командующий 8-й армией Северо-Западного фронта, с 31 августа 1941 г. – 42-й армией. 16 сентября 1941 г. как неспособный руководить войсками снят с должности Г.К. Жуковым. С 21 сентября по 15 декабря 1941 г. и.д. начальника гарнизона Ленинграда. Арестован 22 февраля 1942 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 10 ч. 2 и 193 п. 7 УК РСФСР («за пораженческие настроения в период серьёзной угрозы Ленинграду»). По специальному указанию из-под стражи освобождён (постановление ГУКР «Смерш» НКВД от 8 января 1946 г.). С 1947 г. помощник командующего механизированной армией ПриКВО. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-31390.

¹³¹ Ионсон Густав Юрьевич (1880–1942) – генерал-лейтенант, бывший генерал-майор эстонской армии. Командир 22-го территориального стрелкового корпуса. Арестован 17 июля 1941 г. по обвинению в активной борьбе против революционного движения (в 1918–1920 гг. вёл активную борьбу против Красной армии, как представитель военного министерства Эстонии входил в совет организации «Кайделит» и являлся председателем Таллинского сектора общества «Крест свободы»), т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-4 и 58-13 УК РСФСР. Расстрелян по решению Особого совещания при НКВД СССР 15 мая 1942 г. Реабилитирован 22 января 2001 г. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-48022.

¹³² Голушкевич Владимир Сергеевич (1898–1964) – генерал-майор, заместитель начальника штаба Западного фронта. Арестован 19 июля 1942 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 24 марта 1952 г. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР, и приговорён к заключению в ИТЛ на 10 лет с поражением в правах на 5 лет и лишению воинского звания. Реабилитирован 28 июля 1953 г.

¹³³ Максимова Екатерина Александровна (1904–1943) – начальник цеха завода № 382 НКАП в г. Москве. В 1926–1928 гг. проживала в Италии вместе с мужем Ю.Н. Юриным, после смерти которого возвратилась в СССР и поступила работать термометристой на завод измерительных приборов. Арестована 4 сентября 1942 г. по постановлению транспортного отдела НКВД Свердловской ж.д. на основе материалов, полученных в ходе расследования уголовного дела в отношении её двоюродной сестры – Е.Л. Гаупт, и этапирована в Свердловск. С ноября 1942 г. в распоряжении ТУ НКВД СССР. Содержалась в Бутырской и Внутренней тюрьмах НКВД СССР. По постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 13 марта 1943 г. «за связи, подозрительные по шпионажу» сослана в Красноярский край на 5 лет. 3 июля 1943 г. скончалась в Больше-Муртинской районной больнице Красноярского края от кровоизлияния в мозг. Реабилитирована 23 ноября 1964 г. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-28907.

¹³⁴ Там же. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 10. Л. 303–304.

¹³⁵ Директива была разослана всем наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краёв и областей, начальникам особых отделов фронтов, армий, округов, флотов и флотилий, начальникам транспортных отделов НКВД, начальникам пограничных войск НКВД округов, прокурорам союзных и автономных республик, краёв и областей, военным прокурорам фронтов, армий, округов, флотов, флотилий.

¹³⁶ См.: Органы государственной безопасности... Т. 3 : Кн. 1. – С. 570–571.

¹³⁷ Там же : Кн. 2. – С. 244–245.

¹³⁸ ГКО 17 июля 1941 г. предоставил особым отделам НКВД право ареста дезертиров, а в необходимых случаях и расстрела их на месте. Президиум Верховного Совета СССР внёс изменения и дополнения в п. 7, 12, 22 ст. 193 УК РСФСР, направленные главным образом на усиление уголовной ответственности за дезертирство.

¹³⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 266. Л. 32.

¹⁴⁰ Органы государственной безопасности... Т. 3 : Кн. 2. – С. 18.

¹⁴¹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 14. Л. 136–142.

¹⁴² Там же. Д. 15. Л. 285.

¹⁴³ См.: Органы государственной безопасности... Т. 3 : Кн. 2. – С. 409–410.

¹⁴⁴ Там же. – С. 523–524.

¹⁴⁵ Данные о количестве членов семей изменников Родине, приговорённых Особым совещанием при НКВД СССР к лишению свободы, появляются в сводках начиная с 9 сентября 1942 г. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 14. Л. 273.

¹⁴⁶ 21 и 24 октября 1942 г. на заседаниях Особого совещания при НКВД СССР были рассмотрены следственные дела на 1188 человек, из них приговорены к расстрелу 321 человек, выдворены за пределы СССР 80 человек и приговорены к разным срокам наказания 787 человек, в том числе членов семей изменников Родины – 212 человек. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 16. Л. 97.

¹⁴⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 5–17.

¹⁴⁸ См.: *Вертилецкая Е.В.* Деятельность органов государственной безопасности в отношении членов семей изменников Родины в годы Великой Отечественной войны // Материалы научной конференции «Роль органов и войск государственной безопасности в достижении победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (25–26 февраля 2005 г., Екатеринбург). – Екатеринбург, 2005. – С. 106–107.

¹⁴⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 4 ос. Оп. 1. Д. 10. Л. 280–283; Органы государственной безопасности... Т. 3 : Кн. 2. – С. 366.

¹⁵⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 3. Л. 66–67.

¹⁵¹ См.: Органы государственной безопасности... Т. 3 : Кн. 2. С. 33.

Военная промышленность СССР в 1941–1942 гг.

Быстрова Ирина Владимировна,

доктор исторических наук,

Институт российской истории РАН

В условиях Великой Отечественной войны, при перестройке всей промышленности (а также непромышленного сектора) на производство военной продукции, в СССР была создана мощная военная экономика, центром которой являлись отрасли оборонной промышленности.

Как известно, система управления страной в военные годы носила чрезвычайный характер. 30 июня 1941 г. был создан Государственный Комитет Оборона (ГКО) в следующем составе: И.В. Сталин (председатель), В.М. Молотов (зам. председателя), К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков, Л.П. Берия. Позднее в его состав были введены Н.А. Булганин, Н.А. Вознесенский, Л.М. Каганович, А.И. Микоян. В руках ГКО сосредоточивалась «вся полнота власти в государстве». Члены ГКО курировали различные отрасли народного хозяйства, в частности, давали предприятиям задания по выпуску вооружения и боеприпасов и контролировали их выполнение. ГКО непосредственно руководил обороной Москвы и Ленинграда, а в ряде крупных городов были созданы городские комитеты обороны.

По мнению ряда отечественных и зарубежных исследователей, советская мобилизационная экономика оказалась более эффективной, чем военная экономика противника – фашистской Германии. Экономика СССР смогла быстрее мобилизоваться и превзойти германскую не только по количественным показателям, но и по производительности труда в военной промышленности. Более того, согласно их подсчётам, по производительности труда военная промышленность СССР превзошла и Великобританию, уступая только США¹.

Ключевыми направлениями развития военной промышленности СССР в 1941–1945 гг. явились эвакуация и перераспределение производственных мощностей в пользу восточных районов, перестройка всей промышленности на производство военной продукции, при тотальном изменении производственного профиля предприятий и номенклату-

ры выпускаемой продукции, создание массового специализированного производства вооружений, ускоренное внедрение в промышленность перспективных образцов вооружения, созданных ещё до войны, при их последующей модернизации, усиление связки НИИ – КБ – промышленность. Главным достижением периода 1941–1942 гг. стала эвакуация в рекордные сроки промышленных предприятий на восток из угрожаемых районов и налаживание на них военного производства. По официальным данным, уже к январю 1942 г. были перевезены и вскоре введены в строй 1523 промышленных предприятия, в том числе 1360 оборонных.

Эвакуация из прифронтовых в тыловые районы страны промышленных предприятий, материальных ценностей и людских ресурсов, проводившаяся в соответствии с постановлением ГКО от 10 октября 1941 г., являлась важнейшей частью перестройки экономики в начальный период войны. Для общего руководства эвакуацией был создан Совет по эвакуации, его председателем назначен Н.М. Шверник, заместителями – А.Н. Косыгин и М.Г. Первухин. Решения по вопросам эвакуации тех или иных предприятий принимались постановлениями либо ГКО, либо Совета по эвакуации.

Оборудование крупнейших заводов Москвы, Ленинграда и других промышленных городов центра перевозилось полностью или частично на площадки предприятий и других производственных, складских помещений, а при их недостатке – в школы и тому подобные гражданские учреждения в так называемых «тыловых районах». К примеру, завод № 380 Наркомавиапрома из г. Харькова перевозился на склады Росшвейсбыта, Главтабака, Челябинторга, Текстильсбыта, Сельхозснаба, производственных мастерских артелей «Быстроход» и «Металлист», в производственные здания музыкальной фабрики г. Кургана².

При передвижениях производственные мощности заводов неоднократно дробились и перевозились в разные места, частично реэвакуировались – шёл гигантский продолжительный процесс перемещения составов с промышленным оборудованием. К началу 1942 г. лишь около 30% предприятий наркоматов оборонной промышленности оставались на своих местах, остальные были приведены в движение.

Дробление оборудования производилось по определённой схеме, например: завод № 66 г. Тула (Наркомвооружения) перевозился частично на завод № 64 ст. Уржумка Южно-Уральской железной дороги, частично – на заводы № 385 и № 54 г. Златоуста³.

На месте предприятия получали номера, обычно соответствовавшие номерам эвакуируемых заводов, и комбинированные наименования (старое название завода и местное географическое). Так, Уральский танковый завод № 183 получил своё название после эвакуации оборудования, кадров и заготовок танкового производства

с завода № 183 из Харькова на бывший Уралвагонзавод в г. Нижний Тагил⁴. В другом случае новый завод, составленный из ряда источников, сохранял старое название. Так произошло с авиационным заводом № 26, эвакуированным в Уфу из Рыбинска. В его состав вошли следующие предприятия:

1. Завод № 384 – Уфа: 1423 единицы оборудования и 8891 рабочий.
2. Завод № 451 – Ленинград, эвакуированный в июне 1941 г.: 364 единицы оборудования (смонтировано к 1/VIII-41 г.) и 1116 рабочих.
3. Завод № 234 – Ленинград, эвакуированный в августе 1941 г.: 1752 единицы оборудования (смонтировано к 1/X-41 г.) и 6487 человек персонала.
4. Завод № 219 – Москва, эвакуированный в ноябре – декабре 1941 г.: 182 единицы оборудования (смонтировано 20 единиц), 304 рабочих.
5. Завод № 338, строившийся в г. Уфе: 22 единицы оборудования и 322 человека персонала.
6. Завод № 26 – Рыбинск, эвакуированный в сентябре 1941 г.

В ходе эвакуации знаменитого Московского автозавода им. Сталина военная часть его производства (пушки 72-К) была направлена на завод № 172 в г. Молотов, всё оборудование было передано Наркомату вооружений. По 1-му ГПЗ им. Кагановича: всё оборудование, связанное с производством военной продукции, было передано НКАП (в то время как «гражданская часть» продукции этих предприятий – автомобили, подшипники и др. – оставалась в прежней ведомственной принадлежности и эвакуировалась на другие места)⁵.

В качестве примера «извилистого пути эвакуации» можно привести военную судьбу бывшего Челябинского тракторного завода (ЧТЗ), который в военные годы стал базой отечественного танкостроения. На площадку ЧТЗ прибыла основная часть оборудования и кадров Ленинградского Кировского завода (бывшего Путиловского), в связи с чем он получил название Кировский Челябинский завод («Танкоград»)⁶. Уже в IV квартале 1941 г. завод прекратил выпуск тракторов и полностью перешёл на выпуск танков КВ, начатый в январе 1941 г. параллельно с выпуском тракторов, а также на производство танковых дизелей. Последнее было организовано в связи с размещением на ЧТЗ бывшего дизельного завода № 75, эвакуированного из г. Харькова. Одновременно в 1941 г. на ЧТЗ были эвакуированы московские предприятия «Красный пролетарий», завод шлифовальных станков, Стальконструкция, Харьковский им. Молотова, которые в начале 1942 г. были реэвакуированы в Москву, оставив часть оборудования на ЧТЗ.

На местах новые предприятия часто включали в себя оборудование и рабочую силу с целого ряда предприятий, эвакуированных (частично

или полностью) из разных частей страны. Так, завод по производству танковых дизелей в Барнауле был построен в 1942 г. на новой площадке, с использованием оборудования и кадров частично ХТЗ, СТЗ, Ижорского завода, завода № 264 (бывшая судостроительная верфь)⁷.

Отступление Красной армии и утрата в столь короткий срок промышленно развитых районов поставили народное хозяйство в тяжёлое положение. Достаточно сказать, что до войны Украинская ССР давала 65% общего производства в СССР чугуна, 49% стали и проката, 70% железной руды. Чрезвычайные обстоятельства отрицательно сказались на ходе эвакуационных работ: иногда врагу доставалась часть готовой продукции или целые заводы, иногда в пути пропадало ценное оборудование. Фактически сорвалась эвакуация по важнейшим металлургическим, коксохимическим и огнеупорным заводам Сталинской (ныне Донецкой) области.

В целом в процессе эвакуации возникали огромные трудности, связанные как с проблемой транспортировки, так и с восстановлением предприятий в месте назначения. В подготовленном Госпланом докладе «О ходе восстановления эвакуированных предприятий по наркоматам» от 10 декабря 1941 г. указывалось, что большинство предприятий оборонных наркоматов, эвакуированные в районы Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии, не выполнили монтаж и ввод в действие оборудования в сроки, предусмотренные графиками восстановления эвакуированных предприятий.

Отставание монтажных работ и ввода в действие эвакуированных предприятий объяснялось в документе следующими причинами:

Во-первых, неудовлетворительной организацией дела эвакуации промышленного оборудования и продвижения его из прифронтовой полосы к месту назначения. При эвакуации многих предприятий отбор оборудования для демонтажа производился случайно, без учета комплектности [...] оборудования [...].

Большинство наркоматов всю работу по эвакуации оборудования и продвижению его в пути переложили на НКПС. НКПС в свою очередь не обеспечил своевременную подачу порожних вагонов [...] и установленной скорости продвижения оборудования в пути. Вместо установленной НКПС скорости движения поездов [...] в 400 км в сутки фактически поезда продвигаются со скоростью 200 км, а в отдельных случаях менее 100 км. Большинство поездов не имеют номеров маршрутов, что затрудняет наблюдение за их продвижением. Значительная часть оборудования следует в поездах отдельными вагонами, которые после реформирования составов теряются в пути. Большое количество маршрутов на различных станциях простаивает по неделе и более [...].

Во-вторых, неудовлетворительной организацией работ по восстановлению эвакуированных предприятий. Ключевой проблемой вос-

становления эвакуированных предприятий стал острый недостаток квалифицированных рабочих, особенно токарей, фрезеровщиков, шлифовальщиков и слесарей. В документе указывалось, что «наркоматы при вывозе оборудования предприятий не обеспечили эвакуации необходимого количества квалифицированных рабочих»⁸.

В целом количество эвакуированных рабочих составляло 30–40% общей численности рабочих, занятых на предприятиях до их эвакуации. Дополнительная потребность в рабочей силе для восстановления эвакуированных предприятий и пуска их на полную мощность составляла около 500 тысяч человек. По одной только группе авиационных предприятий г. Куйбышева не хватало около 30 тысяч рабочих. Аналогичной была ситуация на большинстве эвакуированных заводов.

Восполнить недостаток рабочей силы рекомендовалось за счёт «эвакуированного населения, потерявшего связи со своей прежней работой», включая женщин: «по предварительным расчётам, количество женщин в возрасте от 16 до 40 лет, которые могут быть вовлечены в производство, составляет не менее 300 тысяч человек».

«Узким местом» процесса восстановления производства стала проблема жилья. Строительство упрощённых жилых помещений для эвакуированных велось наркоматами «крайне неудовлетворительно». Так, Наркомат вооружения должен был в IV квартале 1941 г. построить для рабочих 26 эвакуированных заводов жилища упрощённого типа на 69 тысяч человек. Фактически к концу 1941 г. было построено барачных и земляночных всего лишь на 21 тысячу человек, что составляло 31% от плана.

По постановлению СНК СССР от 6 октября 1941 г. Наркомстрой должен был построить в IV квартале в г. Челябинске жилые дома упрощённого типа на 10 тысяч человек для рабочих танкостроения. Фактически Наркомстрой не приступал к строительству, так как к началу декабря были вырыты лишь котлованы девяти земляночных для строительных рабочих. Аналогичным было положение в НКАП и НКБ.

Кроме того, многие восстанавливаемые предприятия испытывали недостаток электроэнергии, особенно на Урале. В конце 1941 г. отпуск электроэнергии промышленным предприятиям по Уралэнерго систематически ограничивался вследствие невыполнения Наркомэлектростанций графика ввода в действие новых электростанций.

Ситуация усугублялась фактами бесхозяйственности: «на ряде предприятий НКБ эвакуированное оборудование свалено под открытым небом и портится (заводы № 259, 316, 78, 254, 179)». Отмечалось отсутствие в Наркомате боеприпасов «необходимой государственной дисциплины». Так, «оборудование третьего производства комбината № 101 было направлено на завод № 98, тогда как по решению ГКО его нужно было эвакуировать на завод № 580. Третье производство

комбината № 100 направлено на комбинат № 392 вместо завода № 98 [...]. Оборудование завода № 260, несмотря на решения ГКО об эвакуации его на завод № 10 (г. Молотов), направлено Наркоматом на завод № 572 (г. Саратов), но ввиду отсутствия свободных площадей на заводе № 572 переадресовано на завод № 10 (г. Молотов). Оборудование до сего времени находится в пути»⁹.

По ряду эвакуированных заводов, в частности по заводу № 314 Наркомвооружения, значительная часть оборудования была потеряна. Ни Наркомат вооружения, ни НКПС не могли найти оборудование заводов, разбитое на отдельные эшелоны и вагоны.

Розыском утерянного оборудования специально занимались органы НКВД. Об этом свидетельствуют многочисленные архивные документы. Так, в правительственной телеграмме из Горького от 27 февраля 1942 г., адресованной Наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии, говорится: «[...] по заводу № 80 нами приняты меры к розыску вагонов с порохами для М-13, отправленные заводу № 80. 12 вагонов были разысканы и доставлены заводу 24 февраля»¹⁰.

В адрес заместителя председателя СНК, члена ГКО Л.П. Берии отправлялись многочисленные просьбы ведомств о передаче им эвакуированного оборудования, которое месяцами лежало на платформах поездов, о разрешении им использовать «бесхозные» материалы и т.д. На так называемых «эвакобазах» скопилось немало «бесхозного» оборудования, которое могло по специальному решению ГКО использоваться в военных целях. Типичное решение по этому вопросу выглядело следующим образом: согласно постановлению ГКО № 1152сс от 15 января 1942 г. Наркомату боеприпасов было разрешено «отобрать на эвакобазах оборудование, необходимое для восстановления производства снарядов М-13» на заводе № 70¹¹.

Периодически производились «переписи неустановленного оборудования», которое распределялось по предприятиям в соответствии с «решениями правительства». По данным такой переписи, на заводах Наркомата танковой промышленности к 1 июня 1942 г. на хранении находилось 143 единицы оборудования, была закончена отгрузка оборудования, подлежащего передаче другим наркоматам (НКВ, НКСМ, НКПС, НКЧМ и др.) в количестве 413 единиц. Остальное оборудование было разделено между предприятиями Наркомтанкопрома (так, 173 единицы оборудования были отправлены на строительство завода танковых двигателей в Барнауле, 43 единицы – «для наращивания производственных мощностей по выпуску танковых двигателей» на завод № 76, 40 единиц – «для увеличения выпуска танкового электрооборудования» на завод № 255 и т.д.)¹².

По мнению аналитиков Госплана, процесс восстановления эвакуированных предприятий на местах должен был носить комплексный ха-

раक्टर: восстановлению подлежали также предприятия смежных производств, которые являлись поставщиками изделий и полуфабрикатов для авиации, танков и других отраслей военной промышленности.

Тем не менее, несмотря на все трудности, поражающий своими масштабами процесс эвакуации был в целом завершён в течение 1942 г. Как подчёркивалось в докладе Госплана, составленном в декабре 1942 г., важнейшим результатом, достигнутым в машиностроительной промышленности за 1942 г., являлось восстановление эвакуированных предприятий на территории восточных областей страны.

Сдвиги в географическом размещении машиностроительного и металлообрабатывающего производства в 1942 г. по сравнению с довоенными показателями характеризовались следующими данными:

Выпуск валовой продукции за 1940 и 1942 гг.

Области	1940 г.		1942 г. (январь – август)	
	абс. (млн руб.)	в % к итогу	абс. (млн руб.)	в % к итогу
Тыловые области	12 521	25,8	28 191	82,4
Прифронтовые области	24 825	51,4	6064	17,6
Временно оккупированные области	10 985	22,8	–	–
Итого	48 331	100,0	34 255	100,0

В основном эвакуированные заводы разместились на территории пяти областей: Молотовской (ныне Пермской), Свердловской, Челябинской, Куйбышевской и Новосибирской. Восстановление машиностроительной промышленности создало предпосылки для быстрого роста продукции военного и общего машиностроения. За первые 8 месяцев 1942 г. было выпущено продукции на 34,3 млрд руб., против 48,3 млрд руб. за 1940 г. Авторы доклада пришли к выводу, что «восстановление эвакуированного оборудования в восточных областях не увеличило производственные мощности машиностроения и металлообработки, но привело к их перемещению по территории страны».

В качестве главных источников пополнения военных потерь в оборудовании специалисты Госплана выделили: а) неустановленное эвакуированное оборудование: до 15 тысяч станков, прессов и молотов (включая вывоз оборудования из Ленинграда); б) металлообрабатывающее оборудование, подлежащее выпуску на станкостроительных заводах в количестве до 30 тысяч станков, прессов и молотов; в) импортное металлообрабатывающее оборудование в количестве до 5 тысяч единиц.

Прирост парка оборудования за 1942 г. в количестве до 20 тысяч единиц и за 1943 г. в количестве 35 тысяч единиц должен был восполнить потери, понесённые машиностроительной и металлообрабатывающей промышленностью за время войны¹³.

На заводах, оставшихся в крупных городах после эвакуации, налаживался в основном ремонт вооружения, а затем – новые производства. К примеру, на Кировском Ленинградском заводе был организован ремонт тяжёлых танков, производство запчастей к боеприпасам. После эвакуации Московского завода № 37 им. Орджоникидзе зимой 1941 г. Моссоветом на его площади был организован ремонт автомобилей, а во II квартале 1942 г. – ремонт танков и переделка трофейных танков в самоходные установки СУ-76, которые выпускались до декабря 1943 г. Одновременно на заводе ремонтировались дизели, производились запчасти к танкам¹⁴.

Однако проблема практической организации производства на эвакуированных предприятиях была также не из лёгких. В начале 1942 г. Московский горком ВКП(б) обратился в СНК СССР с просьбой рассмотреть вопрос об использовании свободных производственных площадей предприятий, эвакуированных из Москвы. К тому времени в столице имелось 2500 тысяч м² свободных производственных площадей, и МГК предлагал организовать на них выпуск различной промышленной продукции. В свою очередь, 16 наркоматов представили в Госплан СССР свои предложения по организации производства на 192 эвакуированных из Москвы заводах общей площадью 1280 тысяч м².

Разобраться в этом вопросе СНК поручил Госплану, который в феврале 1942 г. представил соответствующую докладную записку заместителю председателя СНК Н.А. Вознесенскому. Аналитики Госплана считали, что удовлетворение заявок наркоматов в полном объёме потребовало бы возвращения в Москву с Урала, из Западной Сибири, Казахстана и Поволжья большого количества оборудования (до 40% станков, ушедших в эвакуацию, и т.д.). По их мнению, целесообразно было организовать в Москве «на свободных мощностях заводов» производство отраслей, которые работали на нужды «Красной армии Западного фронта», на развитие хозяйства г. Москвы и на «восстановление хозяйства в районах, освобождаемых от немецких оккупантов». Все остальные предприятия, эвакуированные из Москвы, подлежали восстановлению в новых районах. В целом Госплан считал возможным восстановить производство только на 57 предприятиях (общая площадь 210 тысяч м²). Прежде всего намечалось восстановление военных производств, в частности:

1) по НКАП планировалось восстановление на четырёх предприятиях ремонта самолётов и моторов (к 1 сентября 1942 г. восстановить

мощности ремонтных мастерских заводов № 84, 207, 301; к 1 октября – завода № 482 для ремонта самолётов, изготовления запчастей, агрегатов на сумму 20 млн руб. в квартал);

2) по НКБ – на двух предприятиях производство порохов, взрывателей и снаряжения (к 1 апреля – на заводе № 358 – производство снаряжения взрывателей, к 1 мая на госзаводе НИИ-6 – производство пороха);

3) по Наркомсудпрому – на одном предприятии производство минных тралов («за счёт возвращения эвакуированного оборудования, разгруженного в пределах Московской области, организовать к 1 июля 1942 г. производство тралов в количестве 35 комплектов в месяц на заводе № 239»);

4) по Наркомату миномётного вооружения – на заводе «Арматура» производство редукторов кислородных и другой продукции на 23 млн руб.;

5) по Наркомтяжмашу – на заводе «Стальмост» восстановить мощности по производству кранов и боеприпасов в сумме 7,6 млн руб., при условии возвращения на завод неиспользованного эвакуированного оборудования;

6) по Наркомэлектропрому – организовать производство боеприпасов, радиоаппаратуры и др. на семи предприятиях, «продукция которых является наиболее дефицитной и восстановление этих заводов на востоке требует длительного времени»;

7) по Наркомату резиновой промышленности – на двух предприятиях организовать производство средств химзащиты (в том числе на заводе «Красный богатырь» – лицевой части противогазов и других средств химзащиты в количестве 35 тысяч шт. в сутки, и на заводе № 145 – мощностей по производству изделий санитарии и гигиены);

8) по Наркомстрою – на семи предприятиях производство спецпродукции («в течение первого полугодия 1942 г. организовать за счёт установки неиспользуемого оборудования производство боеприпасов и автобензоцистерн на заводе «Металлоконструкция» (Тюфелева роща), спецкупорки и прочей военной продукции на ДОЗ № 2, запчастей и спецпродукции на механическом заводе № 2 ОСМЧ «Строитель».

Помимо этого, согласно постановлению СНК СССР, в 1942 г. в Москве подлежали полному или частичному восстановлению 47 предприятий Наркомэлектропрома, Наркомлегпрома, Наркомчермета и др.

В записке Госплана указывалось на необходимость использовать для восстановления производств только свободные производственные помещения без строительства новых цехов и подсобных помещений, а также «запретить всем наркоматам без специального распоряжения СНК завозить в Москву оборудование и рабочих эвакуированных заводов»¹⁵.

Уже в 1942 г. началась частичная реэвакуация предприятий в Москву, в том числе авиационных предприятий, заводов боеприпасов и т.д. В 1941–1942 гг. из Москвы было вывезено в различные районы страны 211 предприятий, из которых 80 были частично или полностью реэвакуированы, а остальные дали начало 179 новым предприятиям. Так, часть оборудования по производству танков с Московского завода № 37 им. Орджоникидзе, вывезенная в Свердловск, была подключена к производству танков Т-34 на Уральском заводе тяжёлого машиностроения (УЗТМ) сначала на правах филиала. С октября 1943 г. был создан самостоятельный завод № 50, производивший узлы и агрегаты к танкам Т-34, выпускавшимся УЗТМ, и артиллерийские детали – для завода № 9¹⁶. В целом война способствовала значительному развитию военного производства «вширь».

Проблемы реэвакуации были сходны с трудностями эвакуации. В качестве примера можно привести ситуацию с восстановлением Нагатинского завода. Постановлением ГКО от 15 января 1942 г. № 1152сс Наркомату речного флота было предписано «восстановить в Москве эвакуированный Нагатинский завод для изготовления элементов боеприпасов». Из документа Наркомата речного флота следовало, что часть станков завода при эвакуации замёрзла в барже, зазимовавшей в Белгородском затоне. В связи с заносом дорог Наркомат обратился с просьбой «обязать Горьковский облисполком [...] выделить 3 трактора "Челябинца" и 50 шт. лошадей с горючим и фуражом для вывоза станочного парка с Белгородского затона». Кроме того, для ускорения пуска Нагатинского завода заместитель народного комиссара речного флота В. Рахманин просил разрешить вывезти в Нагатино 20 токарных станков с Саратовского судоремонтного завода («Саратовский завод получил 19 станков с эвакуазы и 4 станка, прибывших к нему с Запорожского завода, оборудованием для имеющихся у него заказов будет обеспечен»)¹⁷. Так шёл сложный процесс перемещения, «заимствования» оборудования между предприятиями.

В целом период наименьшего производства военной продукции за всю войну пришёлся на ноябрь – декабрь 1941 г., и потребовался почти год, чтобы восстановить и заметно увеличить её выпуск.

В это время, в условиях общего сокращения валовой продукции более чем вдвое, оборонные отрасли постепенно набирали темпы производства. Перелом наметился к концу 1941 г. По свидетельству наркома оборонной промышленности Б.Л. Ванникова (с февраля 1942 г. – нарком боеприпасов СССР), в условиях мирного времени заказы на вооружение не полностью загружали производственные мощности. Однако заводы располагали высококвалифицированными кадрами,

мощным станочным парком и крупными материальными ресурсами, поэтому выпуск продукции удалось наладить в довольно сжатые сроки. До войны были созданы резервы специального металла, металлургических заготовок, полуфабрикатов по всем операциям технологии производства. К тому же до войны за границей были размещены заказы на некоторые виды станочного, кузнечно-прессового, прокатного и другого оборудования, которое отечественное станкостроение не производило и которое в военное время поступало по ленд-лизу.

К декабрю 1942 г., по сравнению с декабрем 1941 г., производство самолётов увеличилось в 3,3 раза, авиамоторов – в 5,4 раза, танков – почти в 2 раза, артиллерийских систем – в 1,8 раза, пулеметов – в 1,9 раза, винтовок – на 55%¹⁸. К июню 1942 г. валовая продукция наркоматов оборонной промышленности в млн руб. в неизменных ценах 1926–1927 гг. по НКАП составила 800,0 (в июне 1941 г. – 516,0), по НКТП – 161,9 (в июне 1941 г. – 102,4), по НКВ – 364,3 (в июне 1941 г. – 460,8), по НКСП – 31,5 (в июне 1941 г. – 45,8%).

По словам историка Е.А. Тюриной, «оценку огромного военно-стратегического и оборонно-промышленного значения эвакуации промышленных предприятий на Восток дают данные об удельном весе эвакуированных предприятий и предприятий восточных районов в валовой продукции наркоматов оборонной промышленности за I полугодие 1942 г. Так, валовая продукция эвакуированных заводов НКАП СССР к общему объёму валовой продукции составила 63,9%, по НКТП – 20,7%, по НКВ – 33,9%, по НКСП – 21,8%».

По данным Госплана СССР, в марте 1942 г. выпуск военно-промышленной продукции в восточных районах страны достиг довоенного уровня по всему Союзу. К 1943 г. советская военная промышленность работала уже на полную мощность. В этом огромная заслуга директоров и технологов предприятий, сумевших в сжатые сроки организовать по единому плану поточное производство основных предметов вооружения и боевой техники, внедрить в производственный процесс передовые технологии, унифицировать и стандартизировать детали и узлы предметов вооружения, добившись серьёзного снижения себестоимости военной продукции»¹⁹.

Параллельно с организацией эвакуации руководство СССР уделяло первоочередное внимание налаживанию массового специализированного военного производства. Для концентрации усилий на производстве военной продукции, помимо имевшихся к началу войны наркоматов вооружения, боеприпасов, авиационной промышленности, судостроительной промышленности, были созданы новые специализированные наркоматы: в сентябре 1941 г. – Наркомат танковой промышленности, а в ноябре того же года – Наркомат миномётного вооружения.

Это свидетельствовало о первоочередном значении организации производства в начальный период войны именно этих видов вооружения.

К числу основных методов управления военной промышленностью в 1941–1945 гг. можно отнести такие, как:

1) крайняя централизация управления, личный контроль И.В. Сталина и других членов ГКО (Л.П. Берии, В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, А.И. Микояна), уполномоченных ГКО на местах за основными военными программами; усиление роли органов безопасности, НКВД;

2) усиление персональной ответственности партийных и хозяйственных руководителей, наркомов военной промышленности за выполнение военных заказов. Постановление ГКО от 3 января 1942 г. содержит типичную для того времени формулировку: во II квартале 1942 г. «важнейшей задачей работы обкомов ВКП(б): Челябинского, Свердловского, Сталинградского, Горьковского, Омского, Кировского и их первых секретарей тт. Патоличева, Андриянова, Чуянова, Радионова, Куликова и Лукьянова является обеспечение выполнения плана по выпуску танков, танковых дизелей и запчастей к ним».

В соответствии с этим решением ГКО, приказ № 334сс наркома танковой промышленности В.А. Малышева от 12 апреля 1942 г. «О плане производства танков и о материально-техническом обеспечении танковой промышленности на II кв. 1942 г.» предусматривал следующие меры: «Предупредить директоров, главных инженеров и главных металлургов заводов, что за невыполнение плана по внутринаркоматовской кооперации они будут привлекаться к судебной ответственности по законам военного времени в соответствии с решением ГКО от 3.1.1942 г.

Обязать директоров заводов телеграфировать заводам-потребителям, в копии наркомату о каждой производственной отгрузке изделий по кооперации»²⁰.

3) Сокращение сроков отчётности по военным заказам: отчёты наркоматов по выполнению планов производства оборонной продукции давались за следующие сроки: месяц, 20 дней, 15 дней, декада, пятидневка, день (например, 11, 12, 13, 14, 15 декабря 1942 г.)²¹.

4) Сосредоточение ресурсов на небольшом количестве заводов-гигантов. Так, в системе Наркомтанкопрома создавались предприятия с числом рабочих 5000–10000 – ориентированные на самообеспечение комбинаты, объединяющие различные производства, максимально независимые от поставщиков и работы транспорта²². Наркомтанкопром создавался на базе ряда машиностроительных отраслей (транспортное, сельскохозяйственное машиностроение, судостроение, тяжёлое машиностроение).

Важнейшим ресурсом быстрого создания массовой специализированной военной промышленности стала организация производства и внедрение научно-технических достижений. В составленном работни-

ками Госплана «Обзоре развития бронетанковой техники после Великой Отечественной войны» подчёркивалось: «Наиболее значительным фактором в развитии отечественного танкостроения является наличие к началу войны отработанных конструкций танков – среднего Т-34 и тяжёлого КВ [...]. Боевые качества советских танков среднего Т-34 и тяжёлого КВ (в последующем ИС) не были превзойдены ни одной другой страной мира на протяжении всего периода войны.

Преимущество наличия полностью отработанных конструкций и технологии изготовления танков стало очевидным уже в первый период войны, когда после временной потери танковых заводов в европейской части СССР, в очень короткий срок было освоено их производство на неспециализированных заводах Урала и Сибири.

Сравнительная простота конструкции танка Т-34 позволила сделать его массовым в производстве и легко доступным для освоения в Красной Армии, когда потребовалось подготовить в короткий срок большое количество танковых экипажей.

Огромным достижением советского танкостроения в военный период явилась широкая стандартизация при создании новых видов боевых машин (танков и артсамоходов), которой не могли достичь ни союзная, ни вражеская промышленность».

При этом, как подчёркивалось в документе, «в конструкциях вновь создаваемых танков и артсамоходов были и значительные отступления от разовых машин, вызываемые требованиями войны и появлением новых видов вооружения у противника. Улучшения происходили в основном в направлении увеличения огневой мощи танков и артсамоходов и их броневой защиты при сохранении высокой подвижности, маневренности и проходимости»²³.

Производственной базой для создания танков в начале войны стали тракторные заводы. Одним из первых базовых предприятий стал знаменитый Сталинградский тракторный завод, о военной судьбе которого необходимо хотя бы кратко упомянуть. До войны на СТЗ работал небольшой танковый цех, в котором было собрано в конце 1940 г. из готовых узлов всего 10 танков Т-26. В конце 1940 г. завод был перестроен на Т-34, которые он начал выпускать с января 1941 г. параллельно с тракторами и тягачами, и работал до сентября 1942 г. (в 1942 г. СТЗ выпустил 2539 танков, в том числе 2380 Т-34). После разгрома немцев в Сталинградской битве на СТЗ началось восстановление производства танков, дизельмоторов (выпуск продукции возобновлён с ноября 1943 г.) и тракторов (со II квартала 1944 г.). В конце 1945 г. завод был передан Министерству сельскохозяйственного машиностроения²⁴.

Ведущую роль в создании танков сыграло основанное на Урале конструкторско-производственное объединение «Танкоград» (Кировский

Челябинский завод). В Челябинске находилось руководство Министерства танковой промышленности во главе с В.А. Малышевым (в 1942–1943 гг. министром был И.М. Зальцман); там был создан коллектив конструкторов (Ж.Я. Котин, Н.Л. Духов и др.), обеспечивший совершенствование танков и САУ, развёртывание серийного производства и выпуск за годы войны более 17 тысяч единиц бронетанковой техники. Создание транспортных дизелей серии В-2, новых марок стальной брони, внедрение Е.А. Патеном автоматической скоростной сварки – все эти достижения обеспечили массовое экономичное производство танков²⁵.

Крупные успехи были достигнуты в развитии миномётного вооружения. Ещё до войны под руководством Б.И. Шавырина в конструкторском бюро при Ленинградском артиллерийском заводе была разработана серия миномётов, превосходивших по своим характеристикам германские миномёты Шнейдера. Б.И. Шавырину удалось доказать, что жёсткая схема конструкции (без противооткатных устройств) имеет значительные преимущества. Она была воплощена в конструкции 120-мм миномёта, принятого на вооружение в 1939 г. Согласно Постановлению ГКО № 1576 от 11 апреля 1942 г., СКБ Шавырина было перемещено в подмосковный город Коломна и переименовано в Конструкторское бюро машиностроения (сам Б.И. Шавырин работал в Ленинграде во время блокады). На заключительном этапе войны наша армия имела трёхкратное превосходство над Германией в миномётном вооружении, а его доля составляла более половины всей имевшейся в армии артиллерии²⁶.

СССР достиг существенных успехов в деле создания реактивной артиллерии. На московских заводах было налажено производство установок реактивного залпового огня («Катюш»). На производство реактивных миномётов переключился завод «Компрессор». Уже 3 июля 1941 г. коллектив завода отправил на фронт первую батарею «Катюш». На заводе «Борец» начали производить миномёты, снаряды для «Катюш», крупнокалиберные мины.

Наркомат миномётного вооружения стал в годы войны одним из ведущих специализированных наркоматов по производству боеприпасов. Процесс организации этого производства был показан в отчёте о выпуске боеприпасов предприятиями, входившими в систему Наркомминвооружения за период 1941–1945 гг., представленном в Госплан в 1952 г. министром машиностроения и приборостроения П.И. Паршиным. Согласно документу, «к концу 1941 г. только 32% заводов наркомата оставались на своих местах, причём эти заводы составляли 16% общей довоенной мощности заводов наркомата». Уже к началу 1942 г. наркомат вновь приспособил под производство и увеличил сохранённые площади на 270 тысяч м².

Весьма эффективно было организовано производство стрелкового вооружения. Принципиальной особенностью стрелкового вооружения Красной Армии являлось то, что в конструкцию образцов оружия была заложена технология изготовления, ориентированная на массовое производство. Кроме того, за счёт применения поточных методов были созданы условия для использования рабочей силы относительно невысокой квалификации. Эти факторы сыграли важную роль в ходе войны, когда пришлось форсированными темпами наращивать выпуск стрелкового оружия. Начиная с 1942 г. отечественная промышленность полностью удовлетворяла потребности фронта в стрелковом оружии, причём пехотное стрелковое вооружение являлось одним из видов вооружения, которые СССР не получал от союзников в рамках поставок по ленд-лизу²⁷.

Одним из основных оборонных производств периода войны являлась патронная промышленность. Массовое производство патронов стрелкового оружия связано с созданием специального оборудования со встроенным автоматическим контролем. Приход в 1937 г. в патронную промышленность Л.Н. Кошкина положил начало её развитию на основе новых роторных технологий. Созданные по его предложениям первые роторные автоматы показали высокую эффективность работы в чрезвычайных условиях войны. В 1943 г. Л.Н. Кошкину была присуждена Государственная премия. Патронная промышленность заняла ведущие позиции в автоматизации производства.

Важнейшим направлением перестройки промышленности стал перевод гражданских предприятий на производство военной продукции. Военная экономика базировалась на оборонной промышленности, созданной в мирное время. Поскольку существующие мощности не удовлетворяли потребностей действующей армии, то в соответствии с мобилизационными планами тысячи заводов тяжёлого машиностроения, тракторных, автомобильных и судостроительных перешли на изготовление боевой техники. На Уралмаше началось серийное производство корпусов и башен для тяжёлых танков КВ. Вокруг Сталинградского тракторного завода образовалась крупная база танкостроения в Поволжье. В Горьковской области ряд заводов (включая автомобильный) стали выпускать танки Т-34.

Наибольшие трудности были связаны с производством боеприпасов, подавляющая часть заводов по их изготовлению располагалась в западных районах страны и, следовательно, подлежала срочной эвакуации. По решению ГКО, к производству орудийных гильз, корпусов мин, авиационных бомб, взрывателей, пороха, тротила привлекались предприятия других наркоматов промышленности.

Уже в начальный период войны в целях максимальной мобилизации предприятия невоенных отраслей и гражданские учреждения ста-

ли перестраиваться на военный лад. Предприятия лёгкой промышленности начали производить по заказам ГКО обозно-вещевое имущество для Красной армии (армейскую обувь, палатки и другую продукцию). На полную мощность работали парашютные заводы; шорно-седельная промышленность получила план по производству кавалерийских сёдел и упряжи²⁸. Предприятия местной промышленности и промысловой кооперации получили планы производства боеприпасов и вооружения для Красной армии.

На массовое производство обмундирования и инженерного имущества переходили предприятия лёгкой, текстильной и обувной отраслей промышленности. Комбинат «Трёхгорная мануфактура», фабрика «Красная роза» и другие предприятия столицы стали выпускать ткани для обмундирования, шинельное сукно, парашютный шёлк, технические ткани. Швейные предприятия Москвы шили обмундирование. Фабрика «Парижская Коммуна» и другие предприятия обувной промышленности получили заказы на армейскую обувь. 2-я парашютная фабрика, выпускавшая грузовые парашюты (в 1944 г. переименована в завод № 10 Наркомата лёгкой промышленности СССР), специализировалась на выпуске парашютных систем в соответствии с заданиями ГКО.

Обычной практикой стали «изъятия» необходимого оборудования, изделий и материалов из любых отраслей на нужды военного производства. При этом всё необходимое собиралось буквально «по крупицам». К примеру, ГКО поручил Госплану рассмотреть вопрос обеспечения станочным оборудованием производства танков Т-34 на заводе «Красное Сормово» Наркомсудпрома. После изучения этой проблемы заместитель председателя Госплана Н.А. Борисов сообщил заместителю председателя СНК В.А. Малышеву, что «из потребных Наркомсудпрому уникальных станков в количестве 75 шт. возможно выделить 58 станков за счёт изъятия с заводов НКТМ – 4, НКСМ – 20 шт., НКОМ – 5, НКСтанкостроения – 1, НКНефти – 1, НКЭП – 2, НКСМ (завод № 402) – 8, ГУЛАГ НКВД (стройка № 203) – 17 шт.». Несмотря на то что все наркоматы возражали против изъятия станков, Госплан считал необходимым, учитывая «особо важное задание, установленное заводу “Красное Сормово”, произвести изъятие из указанных наркоматов 58 станков независимо от возражений наркоматов»²⁹.

Ярким примером тотальной мобилизации может служить организация производства боеприпасов и элементов боеприпасов. В это производство были включены не только все промышленные наркоматы, но и сугубо гражданские ведомства, как Комитет по делам искусств, Наркомат социального обеспечения РСФСР, ВЦСПС, Моссовет и другие. Задействованы были практически все регионы страны. Так, руководство Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической

Республики в письме на имя заместителя председателя СНК Н.А. Вознесенского от 6 февраля 1942 г. просило выделить необходимые фонды (различные виды сырья, станки и приборы) для выполнения плана «по производству боеприпасов и вооружения для Красной Армии на предприятиях местной промышленности и промысловой кооперации Северо-Осетинской ССР на первое полугодие 1942 г.». Заявки на сырьё и материалы для выполнения плана по этим «спецзаданиям» поступили от всех задействованных предприятий, в числе которых оказались предприятия Наркомата местной промышленности республики, Промсоюза, Севоскоопинсоюза, Севослеспромсоюза, Управления трудовых резервов и т.д. – вплоть до предприятий Всероссийского общества слепых³⁰.

В отчёте о выпуске боеприпасов промышленностью РСФСР за 1941–1945 гг. отмечались следующие факторы достижения массового выпуска спецпродукции:

1) преимущества, предоставляемые ГКО промышленности РСФСР в части первоочередного обеспечения предприятий, производящих боеприпасы, рабочей силой, металлом, сырьём, инструментом и т.д.;

2) привлечение к производству самых крупных, наиболее технически оснащённых предприятий не только местной промышленности и кооперации, но и ряда предприятий непромышленных наркоматов – просвещения, коммунального хозяйства, соц. обеспечения и т.д.;

3) дополнительное оснащение указанных предприятий и концентрация на них оборудования, пополнение их рабочей силой за счёт переброски с других предприятий, не занятых производством боеприпасов;

4) систематический контроль за выполнением плана производства элементов боеприпасов, спецукупорки и парковой арматуры и оказание предприятиям необходимой помощи в выполнении производственных заданий;

5) проведение большой работы по мобилизации внутренних ресурсов промышленностью РСФСР, а также по организации металлоразделочных баз и сбора металлических отходов на металлообрабатывающих и машиностроительных заводах союзной промышленности;

6) внедрение более совершенной технологии и осуществление оргтехнических мероприятий, способствующих увеличению выпуска боеприпасов, повышению производительности труда и снижению себестоимости готовой продукции³¹.

Некоторые руководители предлагали сосредоточить все предприятия, занимавшиеся производством военной продукции, в наркоматах оборонной промышленности. Так, в мае 1942 г. секретарь МГК ВКП(б) Г.М. Попов и нарком миномётного вооружения П.И. Паршин обратились к Председателю ГКО И.В. Сталину с предложением: «в целях

улучшения руководства и обеспечения выполнения плана, утверждённого ГКО, заводами г. Москвы, занятыми на производстве мин и миномётов, МГК и НКМВ просят передать в ведение НКМВ заводы г. Москвы, занятые изготовлением мин и миномётов». Это мотивировалось тем, что заводы находились в ведении семи различных наркоматов, что приводило к «дезорганизации снабжения, усложнению кооперации, отсутствию технического руководства».

Этот проект не реализовался: против него решительно выступили не только руководители смежных наркоматов, но и Госплан, который указал в соответствующей записке, что данные заводы («Динамо» Наркомэлектропрома, «Борец» Наркомнефти, завод «Комега» Наркомтяжпрома и др.) производили не только мины и миномёты, но и другую продукцию³².

Схема мобилизации гражданских предприятий на военное производство может быть показана на следующем примере. Московский завод «Гостеасвет» до войны производил осветительную аппаратуру для театров. С начала войны предприятию пришлось дважды перестраивать производство в зависимости от изменения потребностей в военной продукции. С 1 июля 1941 г. завод стал переходить на изготовление морской светоаппаратуры для ВМФ, что потребовало перестройки технологии производства (хотя в целом пока соответствовало производственному профилю завода). К концу III квартала 1941 г. производство морской аппаратуры было освоено, но сразу приостановлено. С 18 октября 1941 г. (в условиях военной угрозы Москве) завод во второй раз был вынужден перестраиваться на выполнение заказов непосредственно для нужд фронта – на изготовление элементов боеприпасов. Противотанковые мины ТМ-41, минный взрыватель МВ-5, удлинённый заряд УЗ-1 были впервые выпущены на заводе «Гостеасвет» и затем переданы специализированным заводам Наркомвооружения и Наркомбоеприпасов и стали производиться в массовом количестве. Завод также производил ряд опытных работ по заданиям Инженерного комитета Красной Армии по изготовлению военно-инженерной техники³³.

В целом организация массового производства вооружения на «мобилизуемых» предприятиях достигалась путём модернизации станков, внедрения поточного метода, уплотнённого графика, кооперирования предприятий, совмещения профессий и развёртывания соревнования среди рабочих. Модернизация станков позволяла повысить маневренные способности предприятий в условиях, когда заводам приходилось выполнять заказы, не полностью соответствовавшие их производственному профилю, и на ходу менять специализацию.

В налаживании производства оборонной продукции активно участвовали общественные организации, главной из которых в годы войны

был Осоавиахим. В частности, Центральный Совет этого общества в целях «обеспечения населения имуществом противохимической защиты и другой оборонной продукцией» взялся за организацию «в своей системе» завода № 5 по производству противогазов ГП-1 и некоторых изделий санитарного имущества («санносилок», «сансумок»). По сообщению председателя ЦС Осоавиахима СССР и РСФСР генерал-майора авиации П.П. Кобелева от 13 июня 1942 г., секретарь Тульского обкома ВКП(б) В.Г. Жаворонков взял на себя организацию этого производства в Туле и предоставил соответствующее помещение для завода № 5, ранее принадлежавшее артели им. Володарского (площадью 2500 м²).

Оборудование для этого производства требовалось «простейшее» и в основном подлежало изготовлению на месте, а слесарно-механическое оборудование планировалось завезти из Москвы «за счёт капитального восстановления имеющихся станков». Начальник МПВО НКВД СССР генерал-лейтенант В.В. Осокин дал обещание предоставить «сырьё для производства ГП-1»³⁴.

В последующие годы войны производство боеприпасов продолжало наращаться в массовом порядке и достигло своего пика уже к 1944 г.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что именно в чрезвычайных условиях войны советская централизованная модель управления смогла проявить себя в наибольшей степени. В начальный период войны СССР совершил своего рода «экономическое чудо», в короткие сроки выведя из-под удара немецких захватчиков тысячи промышленных предприятий. Несмотря на большие трудности, уже в 1942 г. эти предприятия стали давать продукцию на новых местах. Одновременно налаживалось специализированное массовое производство военной продукции. Таким образом, создавались предпосылки для достижения количественного перевеса по производству вооружений перед противником в следующем, 1943 г. Кроме того, война вызвала колоссальное географическое расширение военно-промышленной инфраструктуры в стране, форсированное освоение восточных районов страны в промышленном отношении.

Примечания

¹ Harrison M. Wartime mobilization: a German comparison // The Soviet Defence-Industry Complex from Stalin to Khrushchev / Ed. by J. Barber and M. Harrison. – Basingstoke; London, 2000. – P. 99–117; Ханин Г. Советское экономическое чудо: миф или реальность? // Свободная мысль. – 2003. – №№ 7–9.

² См.: Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 93. Д. 266. Л. 413.

³ Там же. Л. 412, 415.

⁴ Там же. Оп. 99. Д. 1101. Л. 20.

⁵ Там же. Оп. 93. Д. 487. Л. 262.

⁶ Там же. Оп. 99. Д. 1101. Л. 16.

- ⁷ Там же. Л. 36.
- ⁸ См.: Стратегический очерк Великой Отечественной войны : 1941–1945. – М., 1961.
- ⁹ См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 490. Л. 200–216.
- ¹⁰ Там же. Оп. 93. Д. 427. Л. 41.
- ¹¹ Там же. Л. 4.
- ¹² См.: Там же. Д. 576. Л. 450–452.
- ¹³ Там же. Оп. 93. Д. 490. Л. 92–93.
- ¹⁴ Там же. Оп. 99. Д. 1101. Л. 34.
- ¹⁵ Там же. Ф. 4372. Оп. 93с. Д. 487. Л. 246–251 (в деле обратная нумерация страниц).
- ¹⁶ Там же. Оп. 99. Д. 1101. Л. 34.
- ¹⁷ Там же. Оп. 93. Д. 427. Л. 16–17.
- ¹⁸ См.: Экономика Победы : К 65-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне / РАН; Ин-т экономики. – М., 2010. – С. 103.
- ¹⁹ Там же. – С. 104.
- ²⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 576. Л. 397.
- ²¹ Подробнее см.: Там же. Д. 434.
- ²² Ермолов А.Ю. Народный комиссариат танковой промышленности СССР в период Великой Отечественной войны : Организация и деятельность. 1941–1945 гг. : [Автореф. дис.]. – М., 2004. – С. 19.
- ²³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 99. Д. 1100. Л. 38–39.
- ²⁴ Там же. Д. 1101. Л. 31–32.
- ²⁵ Советская военная мощь от Сталина до Горбачева / Отв. ред. А.В. Минаев. – М., 1999. – С. 429–430.
- ²⁶ Там же. – С. 419–420.
- ²⁷ Там же. – С. 473.
- ²⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 621. Л. 54.
- ²⁹ Там же. Д. 438. Л. 251–252.
- ³⁰ См.: Там же. Д. 621. Л. 14–20 (в деле обратная нумерация страниц).
- ³¹ Там же. Оп. 94. Д. 1099. Л. 128–133.
- ³² Там же. Оп. 93. Д. 438. Л. 209.
- ³³ Там же. Оп. 94. Л. 181–182.
- ³⁴ Там же. Оп. 93. Д. 621. Л. 78.

Противоборство Ставок на советско-германском фронте в сражении за нефть

Арцыбашев Валерий Александрович,
кандидат исторических наук,
Главархив Москвы

События декабря 1941 г. – провал плана «Барбаросса», вынужденный переход немецких войск к стратегической обороне на всём советско-германском фронте и вступление Соединённых Штатов Америки в войну на стороне антигитлеровской коалиции – существенно осложнили военно-политическое положение Германии в целом и достижение целей, поставленных перед вермахтом в Восточной кампании, в частности¹. Руководство Третьего рейха столкнулось с необходимостью вести длительную войну в глобальном масштабе, к чему страна не была готова. В этих условиях первостепенное значение для немецких стратегов приобретали окончательный разгром Советского Союза в 1942 г. и овладение экономически важными районами, что позволило бы Третьему рейху усилить свой промышленный потенциал и иметь определённые шансы на успех в борьбе с обладавшими огромными ресурсами англосаксонскими морскими державами².

Известно, что в ходе начавшейся Второй мировой войны Германия постоянно испытывала недостаток в нефтепродуктах, который ставил её в зависимость от владеющих нефтью союзников (Румынии и Венгрии) и вынуждал наладить масштабное производство синтетического горючего³. Стратегическое значение нефти заключалось не только в том, что она являлась основным видом топлива, применяемого вооружёнными силами, но и в её широком использовании в различных отраслях военной промышленности⁴. Вот почему зимой 1941/42 гг., учитывая дальнейшие перспективы ведения войны, Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ – нем. Oberkommando der Wehrmacht, ОКВ)⁵ во главе с А. Гитлером уделяло особое внимание проблеме доступа к богатым нефтяным месторождениям, которые находились на Кавказе и Ближнем Востоке.

Так, в частности, 3 января 1942 г. в беседе с японским послом Х. Осимой А. Гитлер доверительно сообщил ему о своих намерениях

в ближайшем будущем захватить нефтяные ресурсы противников держав Оси. «Цель в том, – заявил германский канцлер, – чтобы возобновить наступление на Кавказ, как только позволят погодные условия. Это самое важное направление наступления; мы должны дойти до нефтяных промыслов там, а также в Иране и Ираке. Как только мы туда доберёмся, мы надеемся, что сможем помочь началу освободительного движения в арабском мире. Естественно, мы сделаем также всё, что в наших силах, чтобы стереть с лица земли Москву и Ленинград»⁶.

Идея похода на Кавказ являлась для А. Гитлера не новой. Впервые она была высказана им ещё в 1940 г., на ранних стадиях разработки плана нападения на Советский Союз. Позднее А. Гитлер неоднократно возвращался к необходимости получить контроль над нефтепромыслами Кавказа, прекрасно понимая его стратегическое значение для СССР⁷.

Действительно, в Советском Союзе Кавказ являлся одним из самых важных экономических регионов, где до войны была создана крупная топливно-энергетическая база. Только один Бакинский район давал почти три четверти всей нефти, добывавшейся в СССР. Кроме того, через Кавказ и порты Чёрного и Каспийского морей осуществлялся значительный внешнеторговый грузооборот Советского государства. После нападения Германии и ее союзников на СССР основные торговые пути, по которым в Советский Союз поступали вооружение и стратегическое сырьё из США и стран Британского Содружества, проходили через Кавказский регион⁸.

Таким образом, важное стратегическое значение Кавказа давало основание военно-политическому руководству Германии сконцентрировать основное внимание в 1942 г. на южном участке советско-германского фронта, где в результате разгрома войск Красной армии можно было, в целях дальнейшего успешного ведения мировой войны, овладеть нефтяными богатствами Кавказского региона и нарушить связь Советского Союза с внешним миром через Иран. Кроме того, захват Кавказа позволял немцам создать удобный плацдарм для последующих действий вермахта на Ближнем и Среднем Востоке, где тоже находились большие запасы нефти, и открывал путь в Индию – главную британскую колонию.

В феврале 1942 г. германские военно-морские круги выдвинули свой стратегический план войны. Его суть состояла в перенесении тяжести немецких усилий с Восточного фронта на совместное ведение военных действий коалицией Германия – Япония, с тем чтобы взять в клещи Британскую империю (Индию и Ближний Восток)⁹. Прорыв к иранской и иракской нефти через Советский Союз казался Верховному командованию военно-морского флота (ОКМ – нем. Oberkommando der Marine, ОКМ)¹⁰ слишком трудным, поэтому оно предлагало больше

не наступать на Восточном фронте, перенести основные усилия в район Средиземного моря, а удар через Кавказ, если для него появятся благоприятные предпосылки, сделать вспомогательным¹¹.

В частности, в записке ОКМ от 20 февраля 1942 г. отмечалось следующее: «Из обоих стратегических направлений наступления против британских позиций на Ближнем Востоке одно ведёт через Южную Россию и Кавказ в Иран, второе – через Средиземное море и Северную Африку в Египет (Суэц). Оба пути представляют большие трудности как для снабжения войск, так и с точки зрения местности. Слабость нынешних английских позиций в зоне Суэцкого канала не оставляет никаких сомнений в том, что стратегическая цель “Суэц” может быть достигнута быстрее, нежели преодоление Кавказа [...]. На основании этих соображений военно-морское руководство пришло к выводу, что следует нанести удар по Суэцу (Египту) кратчайшим или обходным путём, чтобы обезопасить европейское жизненное пространство»¹².

Генеральный штаб сухопутных войск вермахта во главе с генерал-полковником Ф. Гальдером, который занимался планированием военных действий на Восточном фронте, крайне отрицательно отнёсся к предложениям военных моряков. Ф. Гальдер, считая планы военно-морского руководства нереалистичными, позднее даже записал в своём дневнике: «Картина войны на море, которую обрисовало военно-морское командование, значительно отличается от нашей, более трезвой оценки. Люди витают в континентальных масштабах. Они, исходя из прежнего опыта сухопутной армии, полагают, что только от нашей доброй воли зависит, будем ли мы пробиваться и когда мы будем пробиваться по суше через Кавказ к Персидскому заливу или из Киренаики через Египет к Суэцкому каналу»¹³. А. Гитлер тоже не был склонен рассматривать предложения ОКМ в качестве альтернативы своим замыслам нанести в ближайшие месяцы крупное поражение Красной армии и захватить кавказскую нефть, поэтому Советский Союз и в 1942 г. оставался основным объектом германской стратегии¹⁴.

Несмотря на увеличение вооружённых сил Германии и привлечение большого количества войск её союзников, немецкое командование вынуждено было признать, что оно всё же не располагает достаточными силами, чтобы в летне-осенней кампании 1942 г. вести наступление на Восточном фронте одновременно на всех стратегических направлениях, как это было летом 1941 г.¹⁵ Поэтому вермахту предстояло решать поставленные перед ним задачи последовательно, начиная с наиболее важного участка советско-германского фронта. В то же время не весь немецкий генералитет разделял точку зрения А. Гитлера о том, что летом 1942 г. целесообразно развернуть решающее наступление, прежде всего на юге, с целью овладения кавказской нефтью.

Так, например, командующий группой армий «Север» генерал-полковник Г. фон Кюхлер предлагал отказаться от захвата Кавказа и на первом этапе летней кампании 1942 г. сосредоточить все усилия на северном участке советско-германского фронта с целью захвата Ленинграда. Представители Генерального штаба сухопутных войск, в том числе и генерал-полковник Ф. Гальдер, продолжали, как и в 1941 г., считать наиболее важным московское направление и поэтому предлагали развернуть решающее наступление в полосе группы армий «Центр» с целью захвата Москвы и Центрального промышленного района¹⁶.

А. Гитлер был категорически не согласен ни с первым, ни со вторым предложением. Весной 1942 г. Верховный главнокомандующий вермахта вернулся к концепции, которая лежала в основе его первоначальных замыслов по реализации плана «Барбаросса» в декабре 1940 г. и летом 1941 г. Суть её заключалась в том, чтобы одержать победу над Советским Союзом путём быстрого захвата его промышленных, сырьевых и хозяйственных центров на севере (район Ленинграда) и на юге (Украина, Кавказ). И если сокрушить СССР не получилось в 1941 г., то, с точки зрения А. Гитлера, это произошло прежде всего потому, что он, Верховный главнокомандующий, недостаточно твёрдо отстаивал свою позицию, пошёл на поводу у Генерального штаба сухопутных войск и стал искать решения судьбы всей Восточной кампании в наступлении на Москву. Теперь же, после крупного поражения немецких войск на московском направлении, Гитлер вновь предложил сконцентрировать усилия вермахта на фланговых участках советско-германского фронта. Основное отличие от летней кампании 1941 г., однако, заключалось в том, что в 1942 г. разгром войск Красной армии предполагалось осуществить не одновременно на обоих флангах, а последовательно, начав на юге с Кавказа¹⁷.

28 марта 1942 г. в ставке Гитлера состоялось специальное совещание, на котором был рассмотрен план летне-осенней кампании на советско-германском фронте. Спустя несколько дней результаты этого совещания были оформлены в основополагающей директиве ОКВ № 41, подписанной Верховным главнокомандующим вермахта 5 апреля 1942 г.¹⁸ Главная цель, поставленная в директиве перед вооружёнными силами Германии и её союзников, заключалась в том, «чтобы окончательно уничтожить оставшиеся ещё в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров»¹⁹. Для этого планировалось, «сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ»²⁰. В директиве также подчёркивалось, что «в первую оче-

редь все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет. Окончательное окружение Ленинграда и захват Ингерманландии откладываются до тех пор, пока изменение обстановки в районе окружения или высвобождение других достаточных для этого сил не создадут соответствующих возможностей»²¹.

Решающее наступление на южном участке Восточного фронта, согласно замыслам германского командования, намечалось осуществить нанесением ряда дополняющих друг друга последовательно распределённых с севера на юг ударов с таким расчётом, чтобы в каждом из них на решающих участках было сконцентрировано как можно больше сухопутных войск и авиации²². Сначала немецким войскам предписывалось нанести удар из района Орла на Воронеж, затем продолжить наступление вдоль течения Дона на юг и поддержать второй удар, наносимый из района Харькова в восточном направлении. После этого войска, наступавшие вниз по течению Дона, планировалось объединить под Сталинградом с войсками, пробивавшимися на восток из района Таганрог – Артёмовск²³. Основным итогом всех этих частных наступательных операций должны были стать окружение и уничтожение частей Красной армии в треугольнике Воронеж – Ростов-на-Дону – Сталинград и создание необходимых условий для последующего наступления в сторону нефтеносных районов Кавказа²⁴. Интересно отметить, что достижение района Сталинграда, где впоследствии разыгрались решающие события летне-осенней кампании 1942 г., первоначально рассматривалось командованием вермахта как важная, но всё же частная задача. Главной стратегической целью, как уже неоднократно отмечалось, было овладение кавказской нефтью²⁵.

Чтобы скрыть от противника свои замыслы на лето 1942 г., немецкое командование спланировало дезинформационную операцию под кодовым названием «Кремль». Её результатом должно было стать создание у советской Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) впечатления, что вермахт собирается наносить главный удар не на юге, а на московском направлении, то есть в центре советско-германского фронта²⁶.

В целом план летнего наступления, разработанный немецкими генштабистами весной 1942 г., имел ряд существенных недостатков, поскольку, также как и план «Барбаросса», содержал в себе элементы авантюризма и строился на переоценке сил вермахта и недооценке сил и возможностей Красной армии. Запланированное «ступенчатое» наступление, которое постепенно как бы спускалось с севера на юг, всё ближе

и ближе к Кавказу, обязательно должно было привести к колоссальной растянутости всей линии фронта и потребовать привлечения огромного количества дополнительных сил для прикрытия всё удлиняющегося открытого немецкого левого фланга вдоль р. Дон. Кроме того, даже успешное глубокое наступление на одном южном участке советско-германского фронта без сильного давления на центр этого фронта неизбежно ставило тыл всей немецкой стратегической группировки, действующей на юге, под угрозу удара из центральных районов Советского Союза²⁷.

Таким образом, принимая решение о наступлении только на одном – южном – крыле Восточного фронта, германское Верховное главнокомандование шло на огромный риск. Но, с другой стороны, наступать одновременно на всех стратегических направлениях вермахт в 1942 г. уже не мог из-за недостатка сил, а кавказская нефть была очень нужна Германии для дальнейшего ведения войны. Поэтому немецкому командованию ничего не оставалось делать, кроме как уверять себя в успешной реализации весьма зыбкого плана предстоящей летне-осенней кампании.

Весной 1942 г. для Советского Союза военно-политическая обстановка продолжала оставаться крайне сложной. Несмотря на создание антигитлеровской коалиции, Второй фронт в Европе пока отсутствовал, поэтому Красная армия вынуждена была вести борьбу один на один с главными силами Германии и её европейских союзников. Кроме того, сохранялась реальная угроза нападения на СССР со стороны Японии и Турции²⁸. Советские Вооружённые силы, хотя и одержали крупную победу под Москвой, в дальнейшем, в ходе общего наступления зимой 1941/42 гг., почти полностью израсходовали свои стратегические резервы, оказались к середине весны сильно ослабленными и, не сумев выполнить все поставленные перед ними задачи, вынуждены были перейти к обороне²⁹. В такой сложной обстановке Генеральный штаб Красной армии³⁰ приступил к планированию летне-осенней кампании 1942 г.

Прежде всего необходимо было вскрыть замыслы противника и определить те стратегические направления, на которых суждено было разыгаться основным событиям на советско-германском фронте³¹. Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин предполагал, что вермахт летом 1942 г. сможет вести крупные наступательные операции одновременно на двух стратегических направлениях, вероятнее всего – на московском и на юге страны. Но при этом Сталин считал, что немцы не будут предпринимать попыток захватить Кавказ, пока не возьмут Москву. Он был убеждён, что в противном случае наступление вермахта на юге СССР приведёт к чрезмерной растянутости линии

фронта, на что германское командование явно не пойдёт³². Мнение И.В. Сталина о том, что в летне-осенней кампании 1942 г. главный удар противник нанесёт именно на московском направлении, а удар на юге возможен только как вспомогательный, разделяли и Генштаб, и командование большинства фронтов³³. Такая оценка обстановки во многом вытекала из того, что весной 1942 г. наиболее мощная группировка германских войск (более 70 дивизий) по-прежнему находилась на западном (московском) направлении и угрожала Москве как столице государства и крупному экономическому и стратегическому центру страны³⁴. Учитывая это обстоятельство, Ставка ВГК считала правильным подготовить стратегические резервы (основное средство влияния Верховного Главнокомандования на ход вооружённой борьбы) для западного направления в гораздо большем количестве, чем для юго-западного³⁵.

Последующие события, развернувшиеся на советско-германском фронте, показали, что прогноз Ставки ВГК в отношении замыслов противника на лето 1942 г. не подтвердился, хотя и являлся вполне логичным³⁶.

Как уже отмечалось, в ходе общего стратегического наступления зимой 1941/42 гг. Красная армия практически исчерпала свои наступательные возможности, израсходовав почти полностью все резервы, и по завершении зимней кампании в советском Генеральном штабе сложилось твёрдое убеждение в том, что основной ближайшей задачей войск на весну и начало лета 1942 г. должна быть временная стратегическая оборона. Такой вид военных действий, по мнению советских генштабистов, позволил бы сорвать готовившиеся противником удары, ослабить его силы и тем самым создать благоприятные условия для перехода Красной армии в решительное наступление. При этом к началу крупных наступательных операций советских войск предусматривалось накопление мощных обученных резервов, оружия, боеприпасов, танков, самолётов и другой боевой техники, а также всех необходимых материальных ресурсов. В середине марта 1942 г. эти планы с необходимыми обоснованиями и расчётами были доложены начальником Генштаба маршалом Б.М. Шапошниковым лично И.В. Сталину, как Верховному Главнокомандующему³⁷.

Существовали и другие предложения. Например, генерал армии Г.К. Жуков рекомендовал в рамках стратегической обороны в начале лета провести наступательную операцию на западном направлении с целью разгрома ржевско-вяземской группировки противника и улучшения оперативного положения войск. Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко доказывал необходимость в мае осуществить широко-масштабную операцию на юго-западном направлении и силами трёх

фронтов (Юго-Западного, Южного и Брянского) разгромить врага на всём южном крыле советско-германского фронта³⁸.

28 марта 1942 г. на совместном заседании Ставки ВГК и Государственного Комитета Обороны (ГКО) СССР³⁹ был рассмотрен окончательный вариант плана предстоящей летне-осенней кампании. На заседании выступил начальник Генштаба Б.М. Шапошников, который в обстоятельном докладе ещё раз подчеркнул необходимость перехода советских войск к активной стратегической обороне и сосредоточения новых резервов Ставки на центральном направлении и частично в районе Воронежа, откуда ожидался удар противника в обход Москвы с юго-запада⁴⁰.

При рассмотрении предложений маршала С.К. Тимошенко о проведении широкомасштабной наступательной операции на юге страны Б.М. Шапошников выразил несогласие Генштаба с планами командования Юго-Западного направления, указав на трудности организации подобной операции и отсутствие необходимых для неё резервов⁴¹.

Совместное совещание Ставки и ГКО закончилось тем, что И.В. Сталин в целом поддержал мнение Генерального штаба о необходимости перехода Красной армии к стратегической обороне, но одновременно с этим отдал распоряжение о проведении в ближайшее время серии наступательных операций на фронте от Мурманска до Севастополя. Верховный Главнокомандующий также разрешил маршалу С.К. Тимошенко провести операцию на юге, но в ограниченном масштабе, с целью разгрома только харьковской группировки противника⁴². По мнению И.В. Сталина, проведение ряда наступательных операций на всём протяжении советско-германского фронта «должно было закрепить успехи зимней кампании, улучшить оперативное положение наших войск, удержать стратегическую инициативу и сорвать мероприятия гитлеровцев по подготовке нового наступления летом 1942 г.»⁴³.

Планы Ставки ВГК были изложены к началу мая в записке, озаглавленной «Оценка обстановки и общие соображения о летней кампании 1942 г.», которая была подготовлена заместителем начальника Оперативного управления Генерального штаба генерал-майором Ф.М. Исаевым. В этом документе, составленном с учётом мартовских наработок Генштаба и предложений командующих фронтами, указывалось, что на северо-западном направлении Красная армия должна разгромить любанско-чудовскую группировку противника и деблокировать Ленинград; на западном направлении – нанести поражение вражеским войскам в ржевско-вяземском выступе; а на юго-западном направлении – разгромить группировки противника в районе Орла, Курска и Харькова и освободить Донбасс⁴⁴. В дальнейшем, в ходе общего стратегического наступления, предполагалось полностью

разгромить агрессора, освободить все оккупированные территории и к концу года выйти к западной границе СССР⁴⁵.

Таким образом, план советского Верховного Главнокомандования на лето 1942 г. в своем первоначальном виде страдал двойственностью: при общей установке на переход к стратегической обороне Вооружённые силы СССР должны были провести ряд наступательных операций на всех трёх стратегических направлениях. Как показали дальнейшие события, попытки Красной армии одновременно обороняться и наступать на фронте от Ладожского озера до Чёрного моря являлись далеко не лучшим вариантом действий вследствие распыления сил и внимания советского командования.

Несостоятельность первоначального замысла летней кампании Красной армии выявилась уже в первой декаде мая 1942 г., когда на советско-германском фронте возобновились широкомасштабные военные действия. Для войск Красной армии они развивались крайне неудачно. Начатые советским командованием наступательные операции под Харьковом и Любаныю, оборонительная операция в Крыму, а также попытки уничтожить противника в районе ржевско-вяземского выступа и под Демянском закончились крупными поражениями. Особенно тяжёлые последствия имел провал Харьковской наступательной операции (12–24 мая 1942 г.), в ходе которой войска Юго-Западного и Южного фронтов понесли большие потери⁴⁶.

В результате серьёзных неудач Красной армии в Крыму и под Харьковом обстановка на южном крыле советско-германского фронта коренным образом изменилась в пользу вермахта. Германское Верховное главнокомандование вновь овладело стратегической инициативой и к концу июня 1942 г. в достаточно благоприятных условиях завершило подготовку к нанесению главного удара на юге СССР с целью захвата кавказской нефти (операция «Блау»).

В свою очередь советское Верховное Главнокомандование смогло окончательно вскрыть истинные замыслы противника уже в ходе возобновившихся военных действий, определив, что летом 1942 г. немцы попытаются прежде всего овладеть нефтепромыслами Кавказа, а не Москвой.

Поскольку попытки Вооружённых сил СССР одновременно обороняться и наступать на фронте от Ладожского озера до Чёрного моря привели к тому, что в мае – июне 1942 г. советские войска потеряли ряд важных районов и плацдармов и оказались ослабленными накануне тяжелейших испытаний на юго-западном направлении, перед Ставкой ВГК встала необходимость осуществления чрезвычайных мер.

Прежде всего, советское Верховное Главнокомандование приняло решение начать срочную переброску на юг страны стратегических

резервов, большая часть которых располагалась на московском направлении⁴⁷. Ставка ВГК также усилила внимание к развернувшемуся весной 1942 г. строительству тыловых оборонительных рубежей на курском, воронежском, сталинградском и северокавказском направлениях⁴⁸. Более того, учитывая реальную опасность прорыва вражеских войск к богатому нефтью району Баку, Ставка в своей директиве № 170441 от 7 июня 1942 г. дала указание командованию Закавказского фронта в течение двух недель подготовить план обороны Закавказья с севера⁴⁹.

В конце июня 1942 г. вооружённые силы Германии и её союзников приступили к реализации плана «Блау». Группировка советских войск на юге (войска Юго-Западного направления) к началу наступления противника состояла из трёх фронтов – Брянского (командующий – генерал-лейтенант Ф.И. Голиков), Юго-Западного (командующий – маршал С.К. Тимошенко) и Южного (командующий – генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский)⁵⁰.

28 июня немецкая армейская группа генерал-полковника М. фон Вейхса нанесла удар по войскам Брянского фронта на воронежском направлении, а 30 июня из района Харькова перешла в наступление в направлении Острогожска группа армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока.

Чтобы помешать продвижению вражеских войск в полосе Брянского фронта, Ставка ВГК усилила его тремя танковыми корпусами⁵¹. Однако из-за быстрого изменения обстановки фронтовое командование не сумело своевременно организовать контрудар по флангам наступавшей вражеской группировки. Корпуса вводились в сражение по мере их прибытия, а не одновременно. В результате войскам Брянского фронта не только не удалось разгромить, но и остановить наступление немцев на Воронеж⁵².

К 7 июля 1942 г. оборона советских войск оказалась прорванной на 300-километровом участке; противник продвинулся вглубь страны примерно на 170 км, вышел к Дону в районе Воронежа и охватил с севера войска Юго-Западного фронта⁵³. Чтобы ликвидировать прорыв, Ставка ВГК перебросила на воронежское направление несколько резервных армий и в целях улучшения руководства войсками разделила Брянский фронт на два – Брянский (командующие – генерал-лейтенант Н.Е. Чибисов, затем генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский) и Воронежский (командующие – генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, затем генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин). Войскам Брянского фронта была поставлена задача удерживать занимаемые рубежи и активными действиями на юге перерезать тыловые коммуникации группировки противника, прорвавшейся на Дон в районе Воронежа. Воронежский фронт, в свою очередь,

должен был очистить от вражеских войск восточный берег Дона и за-крепиться там⁵⁴. 8 и 9 июля Ставка ВГК направила директивы командующим Дальневосточным и Забайкальским фронтами об отправке стрелковых частей и соединений в резерв Верховного Главнокомандования, с тем чтобы в дальнейшем использовать их на советско-германском фронте⁵⁵.

Однако все эти меры пока не могли изменить общую неблагоприятную для Красной армии обстановку. С 7 июля 1942 г. войска противника развернули наступление на юго-восток, вдоль Дона, с целью выйти в тыл основным силам Юго-Западного и Южного фронтов. В этих условиях Ставка ВГК вынуждена была принять решение на их отвод за Дон и к Ростову-на-Дону⁵⁶.

9 июля 1942 г. немецкая группа армий «Юг» была разделена на два объединения: группу армий «А» под командованием генерал-фельдмаршала В. Листа и группу армий «Б», которую возглавил сначала генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок, а затем генерал-полковник М. фон Вейхс. Это разделение стало необходимым в связи с возрастанием размаха боевых действий и постановкой войскам новых крупных задач. Группа армий «Б» должна была наступать на Сталинград, а группа армий «А» – на Северный Кавказ⁵⁷.

В середине июля 1942 г. советские войска под ударами превосходящих сил противника вынуждены были отступить на значительное расстояние. Враг захватил Донбасс, форсировал Дон в его нижнем течении и создал непосредственную угрозу Сталинграду и Северному Кавказу⁵⁸. Однако, несмотря на то что немецким войскам в первые недели летнего наступления удалось захватить значительные территории, их командование не смогло реализовать планы по разгрому основных сил Красной армии на юго-западном направлении⁵⁹.

Вместе с тем А. Гитлер, воодушевлённый продолжавшимся отступлением советских войск, 23 июля 1942 г. решился на подписание директивы ОКВ № 45, которая имела важное значение для дальнейшего продолжения операции «Блау», переименованной с 30 июня 1942 г. в «Брауншвейг». В этом документе Верховный главнокомандующий вермахта подчёркивал: «Во время кампании, продолжавшейся менее трёх недель, большие задачи, поставленные мной перед южным крылом Восточного фронта, в основном выполнены. Только небольшим силам армий Тимошенко удалось уйти от окружения и достичь южного берега р. Дон. Следует считаться с тем, что они будут усилены за счёт войск, находящихся на Кавказе. Происходит сосредоточение ещё одной группировки противника в районе Сталинграда, который он, по-видимому, собирается оборонять»⁶⁰. Далее в директиве № 45 группам армий «А» и «Б» ставились задачи продолжать наступление

на Сталинград и на Кавказ (то есть по двум расходящимся направлениям) не последовательно, а одновременно.

Так, войска группы армий «А» должны были сначала окружить и уничтожить силы Красной армии, ушедшие за р. Дон, в районе южнее и юго-восточнее Ростова-на-Дону, а затем одной группировкой овладеть восточным побережьем Чёрного моря и лишить СССР черноморских портов и Черноморского флота; второй группировкой форсировать р. Кубань, захватить возвышенную местность в районе Майкопа и Армавира и овладеть перевалами Западного Кавказа; а третьей – захватить район Грозного, перерезать Военно-Осетинскую и Военно-Грузинскую дороги и ударом вдоль Каспийского моря овладеть районом Баку (эти операции группы армий «А» получили кодовое название «Эдельвейс») ⁶¹.

Одновременно с этим войска группы армий «Б» получили задачи, наряду с оборудованием оборонительных позиций на р. Дон, нанести удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку советских войск, захватить город, а также перерезать перешеек между Доном и Волгой и нарушить перевозки по реке. Вслед за этим танковые и моторизованные соединения должны были нанести удар вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и там также парализовать движение по главному руслу Волги (эти операции группы армий «Б» получили кодовое название «Фишрейер») ⁶².

Необходимо отметить, что Генеральный штаб сухопутных войск вермахта был против одновременного наступления на Сталинград и Кавказ. Генерал-полковник Ф. Гальдер ратовал за то, чтобы все усилия немецких и союзных армий первоначально сосредоточить на сталинградском направлении, а наступление на Кавказ отложить до тех пор, пока оно в достаточной степени не будет обеспечено с фланга и тыла ⁶³.

Однако А. Гитлер всё же подписал директиву № 45, окончательно установив одновременное ведение дальнейшего наступления по двум расходящимся направлениям (сталинградскому и кавказскому). Уже после Второй мировой войны многие зарубежные историки считали это решение Верховного главнокомандующего вермахта главной причиной всех последующих бед. Но в данном случае следует говорить не об очевидной ошибке Гитлера, а о вынужденности принятия такого решения германским Верховным главнокомандованием ⁶⁴.

Дело в том, что, сумев вывести войска Красной армии из-под удара и таким образом избежать их окружения западнее Дона, советское командование стало отводить одну часть сил на Средний Дон, а другую – на юг страны. Вот почему ставка Гитлера теперь уже не могла сосредоточить все усилия на каком-то одном направлении: если бы вермахт

и армии союзников попытались наступать только на Кавказ, им угрожали бы советские войска, отходившие к Среднему Дону и подтягиваемые к Сталинграду, и наоборот; более того, направлять удар только на Сталинград являлось совершенно бессмысленным, так как в таком случае могла быть упущена основная цель – кавказская нефть⁶⁵. Таким образом, расположение двух советских группировок под углом друг к другу вынуждало германское командование расплывать силы и одновременно наступать и на Сталинград, и на Кавказ, поскольку в случае сосредоточения усилий немцев на одном из направлений Красная армия имела бы возможность нанести удары во фланг и тыл либо группе армий «А», либо группе армий «Б»⁶⁶.

В итоге Верховному главнокомандованию вермахта ничего не оставалось делать, кроме как попытаться успешно реализовать основные положения директивы № 45 путём одновременного наступления двух оперативно-стратегических объединений по расходящимся направлениям, поскольку группе армий «Б», наступавшей на Сталинград, необходимо было обеспечивать фланг группы армий «А», на войска которой возлагалась главная задача летней кампании – захватить нефтепромыслы Грозного и Баку.

В конце июля 1942 г. в ставке Гитлера состоялось совещание, на котором немецкие генералы вынуждены были признать, что, вопреки первоначальным расчётам, сталинградское направление из второстепенного превратилось в главное. Вот что 30 июля записал в своём военном дневнике Ф. Гальдер: «На докладе у фюрера слово было дано генералу Йодлю, который высокопарно объявил, что судьба Кавказа решится под Сталинградом. Поэтому необходима передача сил из группы армий “А” в группу армий “Б”, и это должно произойти как можно дальше к югу от Дона. Таким образом, в совершенно новой сервировке преподносится та самая мысль, которую я высказал фюреру шесть дней тому назад, при форсировании 4-й танковой армией Дона. Но тогда досточтимая компания из ОКВ ничего не поняла»⁶⁷. Главным итогом совещания стала директива Верховного главнокомандования вермахта от 31 июля 1942 г., согласно которой 4-я танковая армия, находившаяся в подчинении командующего группой армий «А», была переброшена на сталинградское направление и включена в состав группы армий «Б». Но это уже не могло существенно повлиять на изменение обстановки на южном крыле советско-германского фронта, потому что для одновременного наступления на Сталинград и на Кавказ немецкому командованию явно не хватало сил⁶⁸.

Развернувшиеся Сталинградская (17 июля – 18 ноября 1942 г.) и Северо-Кавказская (25 июля – 31 декабря 1942 г.) стратегические оборонительные операции советских войск осуществлялись в тесной

взаимосвязи. Поэтому события на Кавказе влияли на обстановку под Сталинградом и в самом городе, и наоборот⁶⁹.

На кавказском направлении Ставка ВГК, в целях концентрации усилий и улучшения руководства войсками, 28 июля 1942 г. объединила Южный и Северо-Кавказский фронты в единый Северо-Кавказский фронт под командованием маршала С.М. Будённого, подчинила ему в оперативном отношении Черноморский флот (командующий – вице-адмирал Ф.С. Октябрьский) и Азовскую военную флотилию (командующий – контр-адмирал С.Г. Горшков) и поставила перед ними задачу остановить противника, а затем активными действиями восстановить положение по южному берегу р. Дон⁷⁰.

30 июля 1942 г. Ставка ВГК приказала войскам Закавказского фронта под командованием генерала армии И.В. Тюленева занять и подготовить к прочной обороне подступы к Закавказью с севера⁷¹.

Во второй половине 1942 г. в ходе битвы за Кавказ советские войска провели Армави́ро-Майкопскую (6–17 августа), Новороссийскую (19 августа – 26 сентября), Моздок-Малгобекскую (1–28 сентября), Туапсинскую (25 сентября – 20 декабря) и Нальчикско-Орджоникидзевскую (25 октября – 12 ноября) фронтовые оборонительные операции.

В конце лета и в начале осени 1942 г. наступавшей на кавказском направлении группе армий «А» удалось добиться значительных успехов. Несмотря на то что сухопутные войска вермахта поддерживал 4-й воздушный флот, немецкое командование запрещало бомбить нефтепромыслы и нефтеперерабатывающие заводы. Дело в том, что за боевыми частями шли специальные «нефтяные бригады» специалистов-нефтяников, которым ставилась задача наладить добычу кавказской нефти для нужд рейха. В самой Германии был создан целый ряд специальных фирм («Немецкая нефть на Кавказе», «Ост-Оль» и др.), которым германское правительство предоставило монопольное право на разработку кавказских нефтяных месторождений на 99 лет⁷².

Наступая на кавказском направлении, немцы надеялись не только захватить нефтеносные районы и базы Черноморского флота, обеспечив тем самым своё полное господство на Чёрном море, но и установить непосредственную связь с турецкой армией⁷³. С выходом частей вермахта в Закавказье германское руководство рассчитывало втянуть нейтральную Турцию в войну с Советским Союзом, серьёзно осложнить его военно-политическое положение и создать предпосылки для вторжения в страны Ближнего и Среднего Востока.

Во второй половине 1942 г. вероятность вступления Турции во Вторую мировую войну на стороне держав Оси была достаточно велика, тем более что у турецкого правительства имелись планы создания Великой Турции за счёт территории СССР. Ещё в июле 1941 г. турецкий

журнал «Бозкурт» в качестве приложения к статье «Туркизм ждёт» опубликовал карту «Великой Турции», в состав которой пантюркисты намеревались включить Кавказ, всё Заволжье до Казани, Среднюю Азию, Крым и даже часть Сибири⁷⁴. Летом 1942 г. на советско-турецкой границе было сосредоточено 26 дивизий вооружённых сил Турции. Однако турецкое правительство не торопилось объявлять войну СССР и выжидало благоприятного момента, ставя выступление Турции против Советского Союза в зависимость от того, смогут немцы взять Сталинград или нет⁷⁵.

Наряду с попытками германского руководства использовать турецкие войска в войне против СССР, успехи немецкой группы армий «А» в первые недели битвы за Кавказ были восприняты в Берлине как сигнал для приведения в действие механизма ближневосточной экспансии⁷⁶. 20 августа 1942 г. ОКВ приняло решение о развёртывании особого корпуса «Ф» под командованием генерала авиации Г. Фельми. Этот корпус, после вступления германских войск в Тбилиси, подлежал переброске по железной дороге через Ростов-на-Дону на Кавказ и в дальнейшем должен был наступать по направлению Западный Иран – Ирак с выходом к Персидскому заливу, к Басре⁷⁷.

Войска Красной армии, ведя ожесточённые бои с наступающим противником, вынуждены были оставить Новороссийск, Таманский полуостров, Кубань и большую часть Северного Кавказа. Однако надежды немцев овладеть кавказской нефтью не сбылись. Основные её запасы были заблаговременно вывезены, буровые скважины разрушены, а оборудование либо спрятано в землю, либо эвакуировано. Только в районе Майкопа немцы сумели пробурить несколько скважин, которые, однако, не сыграли существенной роли в обеспечении Германии нефтепродуктами⁷⁸. К концу оборонительного периода битвы за Кавказ советские войска были прижаты противником к перевалам Главного Кавказского хребта и к р. Терек, но всё же им удалось остановить наступление немецкой группы армий «А» и не дать ей прорваться в Закавказье и овладеть Бакинскими нефтепромыслами⁷⁹.

На сталинградском направлении, где с середины лета 1942 г. стали развиваться главные события на советско-германском фронте, боевые действия носили особо напряжённый характер. Ставка ВГК расценивала возможный захват немцами Сталинграда как самую большую опасность для сражавшихся на юге страны войск Красной армии, поскольку потеря города и выход частей вермахта к Волге привели бы к расколу всего советского фронта на две изолированные части и к утрате единственной коммуникации, связывавшей центральные районы СССР с Кавказом⁸⁰. Вот почему советское Верховное Главнокомандование делало всё возможное для создания на сталинградском направлении

глубокой обороны. На подступах к Сталинграду строились четыре оборонительных обвода: внешний, средний, внутренний и городской⁸¹.

Наступавшей на сталинградском направлении немецкой группе армий «Б» противостояли войска Сталинградского (Донского) и Юго-Восточного (Сталинградского) фронтов⁸², которые в течение июля – ноября 1942 г. вели ожесточённые оборонительные бои сначала на дальних подступах к Сталинграду (с 17 июля), затем – на ближних (с 18 августа) и, наконец, непосредственно в самом Сталинграде (с 13 сентября)⁸³.

Германское Верховное главнокомандование, в свою очередь, хорошо осознавало, что советские войска в районе Сталинграда представляют собой реальную угрозу левому флангу и тылу группы армий «А», наступавшей на кавказском направлении, и поэтому единственный выход из создавшегося положения видело в разгроме частей Красной армии в Сталинградской битве и овладении городом, поскольку в конечном итоге от исхода боёв в районе Сталинграда зависело успешное завершение всей летне-осенней кампании 1942 г. на Восточном фронте⁸⁴. Однако неоднократные попытки вермахта взять штурмом город всякий раз оканчивались неудачей. Более того, осенью 1942 г. войска группы армий «Б», завязнув в Сталинграде, оказались растянутыми на широком фронте и, имея ослабленные фланги, сами попали в опасное положение⁸⁵.

В целом к середине октября 1942 г. стратегическое наступление вооружённых сил Германии и её союзников на южном крыле Восточного фронта утратило силу. 14 октября А. Гитлер отдал оперативный приказ № 1, в котором уже ставилась задача перехода к стратегической обороне.

В своём приказе Верховный главнокомандующий вермахта констатировал, что «летняя и осенняя кампании этого года, за исключением отдельных ещё продолжающихся операций и намечаемых наступательных действий местного характера, завершены. Достигнуты крупные результаты. В итоге мощного наступления противник отброшен на Кавказ и Дон, а центральная часть России в основном отрезана от районов Кавказа, имеющих жизненно важное значение для дальнейшего ведения войны. [...]»

Нам предстоит провести зимнюю кампанию. Задачей Восточного фронта в ней является, за исключением ещё продолжающихся или намечаемых наступательных операций, во что бы то ни стало удерживать достигнутые рубежи, отражать всякие попытки со стороны противника прорвать их и тем самым создать предпосылки для продолжения нашего наступления в 1943 г. в целях окончательного уничтожения опаснейшего врага. Подготовка к зимней кампании идёт полным ходом.

Эту вторую русскую зиму мы встретим более тщательно и своевременно подготовленными. Сами русские в ходе последних боёв были серьёзно ослаблены и не смогут зимой 1942/43 гг. располагать такими же большими силами, какие имелись у них в прошлую зиму. В отличие от минувшей, эта зима не может быть суровой и тяжёлой»⁸⁶.

Содержание приказа Гитлера, однако, не вполне отражало реальную действительность. Несмотря на то что вооружённым силам Германии и её союзников удалось в ходе летне-осенней кампании выйти к Кавказу и Волге, главная цель – захватить кавказскую нефть, а затем осуществить вторжение в страны Ближнего и Среднего Востока – не была достигнута. Более того, войска Красной армии на южном участке советско-германского фронта не только не были разгромлены, но и, сохраняя полностью боеспособность, сами готовились к переходу в мощное контрнаступление⁸⁷.

Положение советских войск осенью 1942 г. хотя и оставалось сложным, но в сравнении с противником было всё же более благополучным. Главные преимущества советской стороны заключались в том, что войска Красной армии занимали охватывающую позицию по отношению к основным группировкам врага, имели более короткие и устойчивые коммуникации, а также крупные резервы, что позволяло Ставке ВГК своевременно усиливать наиболее важные участки фронта⁸⁸. Советские войска, как и войска противника, распределялись по стратегическим направлениям неравномерно, но в отличие от вермахта главные силы Красной армии находились не на южном, а на центральном участке советско-германского фронта. На юге страны (под Сталинградом и на Северном Кавказе) действовала вторая по мощи группировка советских войск⁸⁹.

Но именно здесь, на сталинградском и северокавказском направлениях, Ставка ВГК решила нанести главный удар в зимней кампании 1942/43 гг. Дело в том, что осенью 1942 г. в районе Волги и Кавказа образовалась огромная дуга, которая могла служить вермахту удобным трамплином для последующего наступления либо на юг, либо на северо-восток. Но она же могла стать для него и ловушкой. Положение же на северном и центральном участках советско-германского фронта являлось, по мнению Ставки ВГК, вполне устойчивым⁹⁰. Вот почему при планировании Генеральным штабом Красной армии зимней кампании 1942/43 гг. для решающего контрнаступления был выбран южный – наиболее уязвимый для немцев – участок Восточного фронта.

Первоначально замышлялся разгром одновременно двух немецких групп армий («А» и «Б»), однако позднее советское Верховное Главнокомандование пришло к выводу, что для реализации этого плана нет необходимых сил и средств.

Распределение усилий по двум стратегическим направлениям неизбежно могло привести к ослаблению ударных группировок фронтов и к срыву выполнения ими задач. Поэтому уже на ранней стадии планирования контрнаступления на юге страны Ставка ВГК приняла другое решение: разгромить противника под Сталинградом и на Северном Кавказе не одновременно, а поочерёдно⁹¹.

Согласно общему замыслу советского Верховного Главнокомандования, на первом этапе зимней кампании 1942/43 г. предусматривалось в ходе решительного контрнаступления окружить и уничтожить наиболее крупную и опасную сталинградскую группировку врага, а в дальнейшем – расширить фронт наступления путём ввода в сражения дополнительных резервов, разгромить войска противника на Среднем Дону и ударом в направлении на Ростов-на-Дону отрезать пути отхода в Донбасс действовавшей на Северном Кавказе немецкой группы армий «А»⁹². Всё это, по мнению Ставки ВГК, могло в конечном итоге привести к развалу всего южного крыла германского фронта, освобождению важных в экономическом отношении районов страны и стратегическому перелому в войне в пользу Красной армии.

Принципиальное решение о контрнаступлении под Сталинградом было принято Верховным Главнокомандующим И.В. Сталиным 13 сентября 1942 г., после того как он заслушал доклады своего заместителя генерала армии Г.К. Жукова и начальника Генерального штаба генерал-полковника А.М. Василевского⁹³.

Подготовка Сталинградской стратегической наступательной операции проводилась в сложной обстановке, когда немцы, ещё удерживая в своих руках инициативу, предпринимали отчаянные попытки полностью овладеть городом на Волге. План контрнаступления советских войск под Сталинградом был утверждён И.В. Сталиным в конце сентября 1942 г. и получил кодовое название «Уран». Но в отличие от Московской стратегической наступательной операции 1941–1942 гг. этот план изначально предусматривал не вытеснение противника из района, где он достиг наибольшего успеха, а отсечение и окружение главной ударной группировки врага с последующим её уничтожением⁹⁴.

Операцию «Уран» Ставка ВГК предусматривала провести силами Юго-Западного⁹⁵, Донского и Сталинградского фронтов, причём основную мощь этих оперативно-стратегических объединений планировалось сосредоточить против флангов главной группировки противника, прикрываемых слабыми румынскими и итальянскими частями. Замысел операции состоял в том, чтобы ударами войск Юго-Западного и Сталинградского фронтов с плацдармов на Дону в районах г. Серафимовича и станицы Клетской и из района Сарпинских озёр южнее Сталинграда разгромить фланговые соединения группы армий «Б» и, развивая

наступление по сходящимся направлениям на г. Калач-на-Дону – пос. Советский, окружить и уничтожить её главные силы непосредственно под Сталинградом⁹⁶.

В ноябре 1942 г. Генеральный штаб Красной армии приступил к разработке ещё одной операции, которая должна была стать составной частью стратегического контрнаступления советских войск на юге страны. Замысел этой операции, получившей условное название «Сатурн», предусматривал через две-три недели после начала контрнаступления под Сталинградом нанести войсками левого крыла Воронежского и правого крыла Юго-Западного фронтов глубокий рассекающий удар с рубежа Дона (в его среднем течении) через г. Миллерово на Ростов-на-Дону. В случае успеха «Сатурна» немецкая группа армий «А» могла полностью попасть в окружение и впоследствии быть уничтожена⁹⁷.

В целях маскировки предстоящего контрнаступления под Сталинградом Ставка ВГК осенью 1942 г. прилагала большие усилия к тому, чтобы ввести германское Верховное главнокомандование в заблуждение относительно времени и направлений ударов советских войск.

Так, например, из Ставки ВГК во фронты, действовавшие на сталинградском направлении, шли незашифрованные директивы о прекращении всех частных наступательных операций и переходе к жёсткой обороне. Расчёт делался на то, что эти директивы станут известны немецкой разведке. Более того, советское Верховное Главнокомандование стремилось создать у противника впечатление, что крупное зимнее наступление Красной армии начнётся не на южном, а на центральном участке советско-германского фронта. Подтверждением тому должны были служить не только стратегические резервы Ставки ВГК, которые формировались и располагались восточнее и юго-восточнее Москвы (о чём немецкая разведка знала)⁹⁸, но и наступательная операция на западном (московском) направлении.

Именно с целью активного сковывания основных сил группы армий «Центр» и отвлечения на московское направление сил противника, которые могли быть брошены на спасение немецких войск под Сталинградом, в советском Генеральном штабе была спланирована операция под кодовым названием «Марс», в ходе которой силами Калининского и Западного фронтов намечалось нанести поражение германским войскам в районе Ржев – Сычёвка⁹⁹.

В конечном итоге комплекс дезинформационных и маскировочных мероприятий, проведённый Ставкой ВГК, позволил убедить немцев в том, что зимой 1942/43 гг. главные события развернутся именно на центральном, а не на южном участке советско-германского фронта. Подтверждением этому может служить, в частности, Дневник

боевых действий ОКВ, в котором 7 ноября 1942 г. появилась следующая запись: «Перед немецким Восточным фронтом вырисовывается с возрастающей ясностью главный район предстоящих русских операций на участке группы армий “Центр”. Но поскольку там уже приняты серьёзные меры: армия Манштейна переброшена и укрепляет занимаемые позиции, Гитлер решил оставить свою главную квартиру и в тот же день уехать в Баварию, чтобы затем отдохнуть в своём сказочном дворце в горах, в Бергхофе. Вместе с фюрером отправились отдыхать оба руководящих генерала штаба верховного командования Кейтель и Йодль»¹⁰⁰.

А спустя пять дней, 12 ноября, новый начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал пехоты К. Цейтцлер доложил А. Гитлеру о том, что «на Дону для развертывания широких операций противник не располагает достаточным количеством сил»¹⁰¹. Таким образом, цель дезинформационных мероприятий Ставки ВГК была достигнута и начало контрнаступления Красной армии под Сталинградом стало для германского Верховного главнокомандования неприятной неожиданностью.

Операция «Уран» началась 19 ноября 1942 г. За пять дней контрнаступления войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов прорвали вражескую оборону, нанесли тяжёлое поражение двум румынским армиям и, выйдя к исходу 23 ноября подвижными соединениями в район Калач – Советский – Мариновка, завершили оперативное окружение группировки противника. В «котле» в районе Сталинграда оказались 22 дивизии и 160 отдельных частей во главе с командующим 6-й немецкой армией генерал-полковником Ф. Паулюсом¹⁰². С 24 ноября советские войска продолжили решительные действия и, развивая наступление на внутреннем фронте окружения, к концу месяца сократили почти вдвое территорию, занимаемую противником в сталинградском «котле»¹⁰³.

Верховное главнокомандование вермахта лихорадочно искало выход из создавшейся критической ситуации. Перед Гитлером и его советниками встала дилемма: либо немедленно, не теряя времени, предпринять попытку силами окружённой группировки попробовать пробиваться на запад, либо организовать её деблокаду извне¹⁰⁴.

Генеральный штаб сухопутных войск и командование группы армий «Б», разделяя точку зрения самого генерал-полковника Ф. Паулюса, настаивали на том, чтобы окружённые под Сталинградом войска, во избежание полной катастрофы, попытались самостоятельно прорваться на запад. Ещё 23 ноября 1942 г. командующий группой армий «Б» генерал-полковник М. фон Вейхс направил в ставку Гитлера телеграмму: «Несмотря на всю важность ответственности, которую я испытываю,

принимая это решение, я должен доложить, что считаю необходимым поддержать предложение генерала Паулюса об отводе 6-й армии [...]»¹⁰⁵.

Однако немедленный изолированный прорыв окружённой группировки, не поддержанный извне в силу отсутствия свободных соединений, являлся очень рискованным, так как не было никакой гарантии, что вследствие беспорядочного отступления немцев и их союзников на запад советские войска не окажутся в Ростове-на-Дону, тем самым закрыв группе армий «А» пути для выхода из кавказской ловушки.

Решение предпринять немедленный контрудар силами окружённой группировки с целью выхода из сталинградского «котла» неизбежно влекло за собой ещё одно решение: быстро эвакуировать немецкие войска с Кавказа, поставив их в выгодное оперативное положение по отношению к левому стратегическому флангу советских армий.

Поскольку последнее фактически являлось крахом всех планов по овладению кавказской нефтью, Гитлер категорически запретил окружённой сталинградской группировке пробиваться на запад самостоятельно и настаивал на удержании позиций на Волге. Не желая отказываться от достигнутых за пять месяцев наступления успехов, Верховное Главнокомандование вермахта приняло решение деблокировать окружённые войска генерала Паулюса извне¹⁰⁶.

В свою очередь, советское Верховное Главнокомандование считало важнейшей стратегической задачей, которую необходимо было решить вслед за окружением противника под Сталинградом, отсечение войск группы армий «А» на Северном Кавказе. Однако оперативная обстановка, сложившаяся в декабре 1942 г. на сталинградском направлении, – контрудар вновь созданной группы армий «Дон» под командованием генерал-фельдмаршала Э. Манштейна, предпринятый с целью деблокировать окружённые войска Паулюса извне, – заставила Ставку ВГК на некоторое время отказаться от замысла по полному разгрому всего южного крыла стратегического фронта противника и трансформировать план «Сатурн» в «Малый Сатурн»¹⁰⁷.

Вместо нанесения глубокого удара на Ростов-на-Дону с целью выхода в тыл всей неприятельской группировке на юге СССР, советское Верховное Главнокомандование приняло решение направить главные усилия Юго-Западного фронта на юго-восток, в сторону Морозовска и Тормосина, то есть в тыл деблокирующей группировке противника. В результате успешных действий Красной армии в ходе проведения операции «Малый Сатурн» попытка немецких подвижных соединений прорваться к окружённым под Сталинградом войскам и деблокировать их извне завершилась полным провалом¹⁰⁸.

В этих условиях А. Гитлер вынужден был прислушаться к советам начальника Генерального штаба сухопутных войск генерала

К. Цейтцлера и признать необходимым отвод группы армий «А» с Кавказа. 28 декабря 1942 г. появился оперативный приказ № 2, в котором Верховный главнокомандующий вермахта подчеркивал: «Как и прежде, моим намерением остаётся удержать 6-ю армию в её крепости и создать предпосылки для её освобождения. Вместе с тем следует избегать новых “котлов”, которые могут возникнуть вследствие отхода союзных войск, образования выступов фронта, обороняемых собственными слабыми частями, или создания противником на отдельных участках большого превосходства»¹⁰⁹. Далее в приказе группе армий «А» ставилась задача постепенного отвода войск с Кавказа, с использованием промежуточных рубежей¹¹⁰.

Таким образом, победы Красной армии на южном участке советско-германского фронта в конце 1942 г. предопределили крушение планов военно-политического руководства Германии по захвату богатейших источников нефти, чрезвычайно необходимых для успешного ведения войны против стран антигитлеровской коалиции. Окружение немецких войск под Сталинградом и последовавшее за этим вынужденное отступление группы армий «А» с Северного Кавказа явились не только крахом наступательной стратегии Верховного главнокомандования вермахта на Восточном фронте, но и провалом всей восточной политики германского военно-политического руководства, которое рассчитывало в течение 1942 г. окончательно сокрушить Советский Союз и лишить Великобританию её экономических и военных ресурсов в Азии.

В ноябре – декабре 1942 г., благодаря победам Красной армии, произошёл коренной перелом не только в вооружённой борьбе на советско-германском фронте, но и во Второй мировой войне в целом. Лишившись возможностей захватить богатые нефтеносные районы Кавказа и Ближнего Востока, Германия практически потеряла шансы на успешное завершение длительного противоборства со странами антигитлеровской коалиции, обладавшими неисчерпаемыми природными ресурсами. Поэтому начиная с зимы 1942/43 гг. поражение Третьего рейха и его союзников во Второй мировой войне было лишь вопросом времени.

Примечания

¹ Михалёв С.Н. Военная стратегия : Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. – М.; Жуковский, 2003. – С. 360.

² Вегнер Б. От «жизненного пространства» к пространству смерти : Военные действия Германии между сражением под Москвой и Сталинградской битвой // Сталинград : Событие. Воздействие. Символ / Пер. с нем. – М., 1995. – С. 15–16.

³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов : В 12 т. Т. 1 : Основные события войны. – М., 2011. – С. 241.

- ⁴ Кириленко Г.В. Нефть во второй мировой войне // Военно-исторический журнал. – 1987. – № 12. – С. 38.
- ⁵ В 1942 г. начальником штаба Верховного главнокомандования вооружённых сил был генерал-фельдмаршал В. Кейтель (февраль 1938 – май 1945), начальником штаба Оперативного руководства ОКВ – генерал артиллерии А. Йодль (июнь – ноябрь 1938, август 1939 – май 1945).
- ⁶ Цит. по: Варлимонт В. В ставке Гитлера : Воспоминания немецкого генерала, 1939–1945. – М., 2005. – С. 248.
- ⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 годов : В 12 т. Т. 1... – С. 241.
- ⁸ Великая Отечественная война, 1941–1945 : Воен.-ист. очерки : В 4 кн. Кн. 1. – М., 1998. – С. 369.
- ⁹ Вегнер Б. Указ. соч. – С. 17.
- ¹⁰ В начале 1942 г. главнокомандующим военно-морскими силами Германии был гросс-адмирал Э. Редер (июль 1935 – январь 1943), начальником штаба Руководства морской войной – вице-адмирал К. Фрике (июнь 1941 – февраль 1943).
- ¹¹ Прозатор Д.М. Агрессия и катастрофа : Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне 1939–1945. – М., 1972. – С. 397.
- ¹² Цит. по: Дашичев В.И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945 : Ист. очерки, документы и материалы : В 4 т. Т. 3. – М., 2005. – С. 405–406.
- ¹³ Гальдер Ф. Военный дневник : Ежедневные записи начальника Ген. штаба сухопутных войск : От начала Восточной кампании до наступления на Сталинград. 22.06.1941 – 24.09.1942. – М., 2004. – С. 574.
- ¹⁴ Дашичев В.И. Указ. соч. – С. 406.
- ¹⁵ Паротькин И. О плане летней кампании немецко-фашистского командования на советско-германском фронте в 1942 году // Военно-исторический журнал. – 1961. – № 1. – С. 35.
- ¹⁶ Там же. – С. 35.
- ¹⁷ Соловьёв С.П. Замыслы и планы : Обзор воен. планирования нем.-фашистского ген. штаба. – М., 1964. – С. 227; Вегнер Б. Указ. соч. – С. 15; Варлимонт В. Указ. соч. – С. 252.
- ¹⁸ Дашичев В.И. Указ. соч. – С. 408.
- ¹⁹ Там же. – С. 424.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. – С. 425.
- ²² Князьков А.С. Советская стратегия 1942 года // Сталинград : Событие. Воздействие. Символ... – С. 39.
- ²³ Вегнер Б. Указ. соч. – С. 14.
- ²⁴ Соловьёв С.П. Указ. соч. – С. 229.
- ²⁵ Михалёв С.Н. Указ. соч. – С. 362.
- ²⁶ Князьков А.С. Указ. соч. – С. 39.
- ²⁷ Паротькин И. Указ. соч. – С. 42; Соловьёв С.П. Указ. соч. – С. 230–231; Князьков А.С. Указ. соч. – С. 40; Дашичев В.И. Указ. соч. – С. 410.
- ²⁸ Мировые войны XX века : В 4 кн. Кн. 3 : Вторая мировая война : Ист. очерк. – М., 2002. – С. 146.
- ²⁹ Князьков А.С. Указ. соч. – С. 41; Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца : (Ист. очерки, воспоминания, документы). – М., 2008. – С. 124.
- ³⁰ В 1942 г. начальниками Генерального штаба Красной армии были Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников (июль 1941 – май 1942) и генерал-полковник А.М. Василевский (июнь 1942 – февраль 1945).
- ³¹ Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца... – С. 124.
- ³² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления : В 2 т. Т. 2. – М., 2010. – С. 68.
- ³³ Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца... – С. 125.
- ³⁴ Военная стратегия / Под. ред. В.Д. Соколовского. – М., 1968. – С. 189; Мировые войны XX века : Кн. 3... – С. 147.
- ³⁵ Князьков А.С. Указ. соч. – С. 43.

³⁶ Как уже говорилось, Ставка ВГК обоснованно считала, что германское командование не решится начать наступление на Кавказ прежде, чем будет захвачена Москва, чтобы чрезмерно не растягивать фронт и не подставлять левый фланг всей немецкой южной группировки под удар из центральных районов СССР. В то же время от советской разведки неоднократно поступали сообщения о том, что летом 1942 г. немцы нанесут главный удар именно на южном участке фронта с целью захвата кавказской нефти (см.: *Лота В.И. Сорвать «Эдельвейс»: Советская военная разведка в битве за Кавказ (1942–1943)*. – М., 2010. – С. 142–147). Но эта разведывательная информация, будучи по сути верной, советским Верховным Главнокомандованием не принималась во внимание, очевидно, потому, что явно противоречила здравому смыслу.

³⁷ *Грылев А.Н.* Некоторые особенности планирования летне-осенней кампании 1942 года // Военно-исторический журнал. – 1987. – № 8. – С. 21.

³⁸ *Князьков А.С.* Указ. соч. – С. 43–44.

³⁹ Государственный Комитет Обороны – чрезвычайный высший орган СССР, который в период Великой Отечественной войны руководил деятельностью всех ведомств и учреждений в стране. Председателем ГКО являлся И.В. Сталин (июнь 1941 – сентябрь 1945).

⁴⁰ *Князьков А.С.* Указ. соч. – С. 44.

⁴¹ *Жуков Г.К.* Указ. соч. – С. 70–71.

⁴² *Мировые войны XX века: Кн. 3...* – С. 146.

⁴³ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. – М., 2002. – С. 188.

⁴⁴ *Михалев С.Н.* Указ. соч. – С. 364.

⁴⁵ *Великая Отечественная война, 1941–1945: Воен.-ист. очерки: Кн. 1...* – С. 327.

⁴⁶ *Мировые войны XX века: Кн. 3...* – С. 147–148.

⁴⁷ *Шевченко В.Н.* О применении стратегических резервов в летне-осенних кампаниях 1941–1942 годов // *Военная мысль*. – 1991. – № 9. – С. 4.

⁴⁸ *История военной стратегии России / Под ред. В.А. Золотарева*. – М., 2000. – С. 313.

⁴⁹ *Великая Отечественная: [Сб.] 5–2: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год*. – М., 1996. – (Русский архив: Т. 16). – М., 1996. – С. 240–241 (далее – *Великая Отечественная: Ставка ВГК*).

⁵⁰ *Великая Отечественная: Действующая армия: Науч.-спр. изд.* – М.; Жуковский, 2005. – С. 22, 55, 57.

⁵¹ Соответствующие директивы см.: *Великая Отечественная: Ставка ВГК...* – С. 265–266.

⁵² *Андроников Н.Г., Соколов А.М.* *Великая Отечественная война: Хронограф 1942*. – М., 2009. – С. 279–280.

⁵³ *Мировые войны XX века: Кн. 3...* – С. 148.

⁵⁴ *Великая Отечественная: Ставка ВГК...* – С. 291–292; *Андроников Н.Г., Соколов А.М.* Указ. соч. – С. 298.

⁵⁵ *Великая Отечественная: Ставка ВГК...* – С. 294–296.

⁵⁶ *История военной стратегии...* – С. 305.

⁵⁷ *Великая Отечественная война 1941–1945: Сб. воен.-ист. карт: В 3 ч. Ч. I*. – М., 2011. – С. 103.

⁵⁸ *Андроников Н.Г., Соколов А.М.* Указ. соч. – С. 284.

⁵⁹ *Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Кампании и стратегические операции в цифрах: В 2 т. Т. 1*. – М., 2010. – С. 383–384.

⁶⁰ *Дашичев В.И.* Указ. соч. – С. 431.

⁶¹ Там же. – С. 431–432.

⁶² Там же. – С. 432.

⁶³ *Вегнер Б.* Указ. соч. – С. 27.

⁶⁴ *Проэктор Д.М.* Указ. соч. – С. 412.

⁶⁵ Там же. – С. 412.

⁶⁶ *Князьков А.С.* Указ. соч. – С. 48.

⁶⁷ *Гальдер Ф.* Указ. соч. – С. 613–614.

- ⁶⁸ *Дашичев В.И.* Указ. соч. – С. 415.
- ⁶⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов : В 12 т. Т. 1... – С. 452.
- ⁷⁰ Великая Отечественная : Ставка ВГК... – С. 330; *Харьков А.Г.* Советское военное искусство в битве за Кавказ // Военно-исторический журнал. – 1983. – № 3. – С. 21.
- ⁷¹ Великая Отечественная : Ставка ВГК... – С. 333–334.
- ⁷² *Золотарев В.А., Соколов А.М., Янович М.В.* Нефть и безопасность России. – М., 2007. – С. 211–212.
- ⁷³ *Ибрагимбейли Х.М.* Крах гитлеровского плана захвата Кавказа // Военная мысль. – 1982. – № 9. – С. 13.
- ⁷⁴ *Он же.* Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. – М., 1977. – С. 58.
- ⁷⁵ Там же. – С. 59.
- ⁷⁶ *Демьяненко А.П.* Провал планов ближневосточной экспансии фашистской Германии // Народы Азии и Африки. – 1984. – № 6. – С. 63.
- ⁷⁷ *Ибрагимбейли Х.М.* Крах «Эдельвейса»... – С. 149.
- ⁷⁸ *Золотарев В.А., Соколов А.М., Янович М.В.* Указ. соч. – С. 212.
- ⁷⁹ История военной стратегии... – С. 306.
- ⁸⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : Кампании и стратегические операции... : Т. 1... – С. 417.
- ⁸¹ Там же. – С. 417.
- ⁸² Сталинградский фронт был создан в соответствии с директивой Ставки ВГК от 12 июля 1942 г. на базе упразднённого Юго-Западного фронта, а также переданных из резерва Верховного Главнокомандования трёх общевойсковых армий (командующие – маршал С.К. Тимошенко, затем генерал-лейтенант В.Н. Гордов). 10 августа Сталинградский фронт был подчинён генерал-полковнику А.И. Ерёмко, который одновременно командовал войсками Юго-Восточного фронта, образованного на основании директивы Ставки ВГК от 5 августа 1942 г. 28 сентября 1942 г. Ставка упразднила единое командование Юго-Восточного и Сталинградского фронтов и 30 сентября 1942 г. переименовала Сталинградский фронт в Донской (командующий – генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский), а Юго-Восточный – в Сталинградский (командующий – генерал-полковник А.И. Ерёмко) (см.: Великая Отечественная : Действующая армия... – С. 26, 44–45, 54).
- ⁸³ История военной стратегии... – С. 306.
- ⁸⁴ Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943 : Энциклопедия / Ред. кол.: М.М. Загоруйко (гл. ред.) и др. – Волгоград, 2009. – С. 516.
- ⁸⁵ История военной стратегии... – С. 306.
- ⁸⁶ *Дашичев В.И.* Указ. соч. – С. 434–435.
- ⁸⁷ Там же. – С. 417.
- ⁸⁸ Великая Отечественная война, 1941–1945 : Воен.-ист. очерки : Кн. 2... – С. 26.
- ⁸⁹ Там же. – С. 29.
- ⁹⁰ Там же. – С. 21.
- ⁹¹ Там же. – С. 108–109.
- ⁹² *Макар И.П.* От «Урана» до «Кольца» : Опыт деятельности органов стратегического руководства при подготовке и в ходе Сталинградской наступательной операции // Военно-исторический журнал. – 2008. – № 1. – С. 9.
- ⁹³ Там же. – С. 9.
- ⁹⁴ *Михалёв С.Н.* Указ. соч. – С. 366.
- ⁹⁵ Юго-Западный фронт (2-го формирования) под командованием генерал-лейтенанта Н.Ф. Ватугина был создан на основании директивы Ставки ВГК № 994273 от 22 октября 1942 г. (см.: Великая Отечественная : Ставка ВГК... – С. 440–441).
- ⁹⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : Кампании и стратегические операции... : Т. 1... – С. 486.
- ⁹⁷ Там же. – С. 486–487.
- ⁹⁸ *Скворцов А.С.* Великая Победа на Волге // Военно-исторический журнал. – 2002. – № 11. – С. 5–6.

⁹⁹ Подробнее об этой операции см.: *Гуркин В.В.* «Марс» в орбите «Урана» и «Сатурна» // Военно-исторический журнал. – 2000. – № 4. – С. 14–19.

¹⁰⁰ Цит. по: *Андроников Н.Г., Соколов А.М.* Указ. соч. – С. 478–479.

¹⁰¹ Там же. – С. 479.

¹⁰² *Макар И.П.* Указ. соч. – С. 12–13.

¹⁰³ Там же. – С. 13.

¹⁰⁴ *Соловьёв С.П.* Указ. соч. – С. 240.

¹⁰⁵ Цит. по: Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943 : Энциклопедия... – С. 517.

¹⁰⁶ *Соловьёв С.П.* Указ. соч. – С. 240.

¹⁰⁷ *Михалёв С.Н.* Указ. соч. – С. 368.

¹⁰⁸ *Макар И.П.* Указ. соч. – С. 14.

¹⁰⁹ *Дашичев В.И.* Указ. соч. – С. 488.

¹¹⁰ Там же. – С. 448, 488–490.

Коллаборационизм на оккупированной территории северо-запада России в 1942 г.: мотивы, формы, специфика

Ковалёв Борис Николаевич,

доктор исторических наук,

Новгородский государственный университет

имени Ярослава Мудрого

К началу 1942 г. нацистам на подконтрольной им территории северо-запада России в целом удалось организовать деятельность местной коллаборационистской «новой русской администрации». Для гитлеровцев это было необходимо. Никакая армия, действующая в качестве оккупантов какой-либо страны, не может обойтись без сотрудничества с местными властями и населением. Без такого сотрудничества оккупационная система не может быть полностью дееспособной. Она нуждается в переводчиках, в специалистах-администраторах, хозяйственниках, знатоках политического строя, местных обычаев и т.д.¹

Комплекс взаимоотношений между оккупантами и представителями местного населения и составляет сущность коллаборационизма.

Степень вины или ответственности людей, которые в той или иной форме сотрудничали с оккупантами, безусловно, была разной. Это признавало руководство советского сопротивления ещё в начальный период войны. Среди старост и прочих представителей «новой русской администрации» были люди, занявшие эти посты по принуждению, по просьбам своих односельчан и по заданию советских спецслужб.

Мы должны учитывать при характеристике данной проблемы социально-политические и национальные истоки коллаборационизма, а также причины личного характера, приведшие отдельных граждан к сотрудничеству с оккупантами. Поэтому и природа коллаборационизма как явления не так проста и единообразна.

В большинстве случаев открытый переход на сторону врага был связан с неверием в победу Красной армии, ненавистью к советской власти, мстью государству или конкретным людям за обиду, желанием хорошо и сытно жить в экстремальных условиях нацистской оккупации.

Победа советского народа под Москвой и, как следствие этого, срыв плана молниеносной войны против СССР заставили оккупантов пересмотреть свои взгляды на использование представителей народов Советского Союза в боевых действиях.

Весной 1942 г. в оккупированных нацистами районах нашей страны появилось значительное количество различных «вспомогательных подразделений», не имевших, как правило, ни чёткой организационной структуры, ни штатов, ни строгой системы подчинения и контроля со стороны немецкой администрации. Их функции заключались в охране железнодорожных станций, мостов, автомагистралей, лагерей военнопленных, где они должны были заменить немецкие войска, необходимые на фронте. В группе армий «Север» они назывались «местные боевые соединения» (Einwohnerkampfverbände)².

К концу лета 1942 г. по мере значительного роста потребностей в охранных войсках германское командование наряду с набором добровольцев приступило к насильственной мобилизации годных к военной службе мужчин от 18 до 50 лет. Суть такой мобилизации состояла в том, что перед жителями оккупированных районов ставилась альтернатива: быть завербованными в «добровольческие» отряды или угнанными на принудительные работы в Германию.

На смену скрытой мобилизации пришло открытое принуждение с применением против уклоняющихся санкций – вплоть до привлечения к суду по законам военного времени, взятия из семей заложников, выселения из дома и прочих репрессий.

С июня 1942 г. на страницах различных коллаборационистских газет, и в частности псковской газеты «За родину», появились обращения, призывающие «всех честных русских граждан вступать в добровольческие отряды»³.

Эти формирования по своему составу были крайне неоднородными. Кроме предателей, добровольно идущих на службу к оккупантам, там находились бывшие военнопленные и мирные жители. Последних принудили надеть вражескую форму посредством террора, шантажа, подкупа, обмана и насильственной мобилизации. Пленным красноармейцам было обещано хорошее питание и возможность в скором будущем отбыть на Родину⁴.

Наступление на партизан на северо-западе России весной и осенью 1942 г. несколько потеснило силы советского сопротивления, но не смогло его полностью уничтожить. Напряжённое положение на фронтах не позволяло командованию вермахта постоянно держать у себя в тылу значительные подразделения немецких войск. Было принято решение о переброске на оккупированную территорию Ленинградской области «национальных легионов». Все они комплектовались за счёт вербовки военнопленных. «Легионеры» носили красноармейскую форму, советские знаки отличия. Нацистские тайные агенты, используя это, получили задание распространять среди населения слухи о том, что все легионы состоят из бойцов РККА, добровольно перешедших на сторону германских вооружённых сил. Эта акция провалилась. Сразу же по при-

бытии на место дислокации несколько бывших военнопленных бежало к партизанам, разоблачив этим инсинуации противника⁵.

При подготовке очередного наступления на партизанские соединения оккупанты были вынуждены отозвать легионеров с линии их соприкосновения с народными мстителями и использовать в дальнейшем только на хозяйственных работах. Национальный состав карательных отрядов, пришедших им на смену, был представлен в основном немцами, латышами и эстонцами, а также русскими, уже принявшими участие в различных карательных акциях⁶.

В августе 1942 г. начальник Ленинградского штаба партизанского движения М.Н. Никитин отправил начальнику опергруппы Северо-Западного фронта и командирам партизанских отрядов «Указания о способах разложения антисоветских отрядов и частей, формируемых немцами на оккупируемой территории» (аналогичные документы были направлены из Москвы Брянским и Смоленским партизанам)⁷.

Впервые с начала войны в этом документе прямо писалось о том, что не все лица, служащие захватчикам, являются потенциальными врагами советской власти. Кроме вооружённой борьбы с полицейскими и карателями, партизанам предлагалось использовать все возможности для разложения этих формирований⁸.

В соответствии с указаниями из центра, сопротивление организовало свою работу с коллаборационистскими подразделениями следующим образом: выявлялись дислокация, организация, численность и порядок комплектования тех антисоветских «добровольческих отрядов», которые действовали в районах, контролируемых народными мстителями. В подразделения «добровольцев» засылалась партизанская агентура, которая путём распространения листовок и устных бесед с «добровольными помощниками» склоняла их к переходу с оружием на сторону партизан. Там, где сочувствующих силам сопротивления было несколько, создавались подпольные группы для разложения отрядов изнутри.

Подобные акции значительно ослабляли вражеский тыл и делали весьма затруднительным активное использование добровольческих соединений, набранных из местных жителей.

Поскольку немецкие пропагандистские службы поместили в периодической печати ряд статей о зверской расправе, учинённой партизанами над перешедшими на их сторону коллаборационистами, некоторые группы и одиночки-перебежчики стали опровергать это в своих письменных обращениях к личному составу тех антисоветских формирований, где их знали. Если отряды «добровольцев» переходили на сторону партизан в полном составе, то им выделялись специальные районы действий и ставились самостоятельные боевые задачи.

В тех местах, где деятельность советских агитаторов и пропагандистов была затруднена из-за большой концентрации вражеских войск,

особыми отделами партизанских бригад и отрядов проводились операции по дискредитации отдельных коллаборационистов⁹.

Кроме всего прочего, оккупанты формировали «вспомогательные подразделения» путём насильственной мобилизации мирного населения. С этой целью предварительно проводилась обязательная регистрация мужчин в возрасте 14–60 лет. За уклонение от регистрации виновные подвергались репрессиям. В первый период оккупации прошедшим регистрацию предлагалось подавать заявления о добровольном желании служить в антисоветских формированиях. «Добровольцев» соблазнили высоким жалованием, хорошим питанием и обмундированием, обещали выдачу продовольственного пайка семьям, а после войны – предоставление больших земельных наделов, льгот при поступлении в учебные заведения и уравнивание во всех правах с немцами.

Усиление сопротивления и коренной перелом в Великой Отечественной войне заставили нацистские оккупационные и пропагандистские службы разработать новый план по активному вовлечению в коллаборационистские подразделения русских граждан. В 1941 г. немцы требовали от населения в основном экономической поддержки, с 1942 г. командование вермахта пошло на создание вспомогательных отрядов из местных жителей.

Кроме оказания военной помощи оккупантам, эти формирования должны были заниматься дискредитацией сил сопротивления. Ленинградские партизаны регулярно сообщали в Ленинградский штаб партизанского движения: «Оккупанты стремятся всеми средствами расколоть связь населения с партизанами. Они организывают шайки бандитов из числа эвакуированных жителей или “отрядчиков” (полиция, отряды самообороны и т.д.) по 10–15 человек, задачей которых является грабить мирное население под видом партизан и тем самым оправдывать название “партизаны-грабители”, чтобы восстанавливать, таким образом, население против советского сопротивления»¹⁰.

Провокация была одним из наиболее распространённых методов агентурной работы нацистских спецслужб. Агенты под видом советских разведчиков или лиц, переброшенных в тыл немецких войск командованием Красной армии со спецзаданиями, поселялись у советских граждан, входили к ним в доверие, давали задания, направленные против немцев, организовывали группы для перехода на сторону советских войск. Затем все эти люди подвергались аресту.

С этой же целью из немецких агентов создавались лжепартизанские отряды, в которые вовлекались люди, искренне желавшие вести борьбу с захватчиками. Впоследствии их арестовывали. Кроме того, лжепартизанские отряды, созданные для дискредитации партизанского движения, организовывали налёты, грабили, убивали мирное население.

Для проведения карательных акций против советских партизан создавались специальные подразделения. В районе Пскова действовал специальный антипартизанский орган «Референт-Н». Завербованные им агенты должны были выявлять коммунистов и комсомольцев, оставшихся в городе, лиц, поддерживающих связь с партизанами и подпольщиками или проявляющими недовольство оккупационным режимом¹¹.

Отмечено много случаев, когда бывшие репрессированные, вернувшиеся в свои деревни после прихода туда немцев, выдавали оккупантам активных участников раскулачивания и коллективизации. В сентябре 1942 г. ими были задержаны скрывавшиеся от оккупантов председатель колхоза «Новый труд» из деревни Бойково Ашевского района Ленинградской области* Е. Алексеев и его жена. Немцы отрубили им обоим сначала руки, потом ноги, затем выкололи глаза и только после этого расстреляли¹².

Немецкое «Наставление по борьбе с партизанами» рекомендовало вербовать секретную агентуру из числа «жителей пограничных районов или лиц, семьи которых пострадали от большевиков». Секретные агенты должны были контролироваться тайной полевой полицией¹³.

Кроме вооружённых коллаборационистов нацисты активно сотрудничали с теми людьми, которые были готовы оказывать им экономическую или идеологическую помощь. В этих условиях особыми льготами пользовались лица, как активно сотрудничавшие с нацистами, так и пострадавшие от советской власти, а также и некоторые национальные группы (в первую очередь из Прибалтики).

В 1941–1942 гг. наиболее активных коллаборационистов поощряли морально (грамота от оккупационных властей, статья в профашистской прессе «Они помогают строить Новую Европу», благодарность) и материально (снижение налогов, выдача скота или сельхозинвентаря).

Весной 1942 г. в зоне действий группы армий «Север» оккупационной администрацией было издано распоряжение. Согласно этому документу, лица, находящиеся на службе у германского командования и в русских учреждениях (волостные старшины, писари, агрономы, учителя, землемеры и врачи), а также лица, добровольно поступившие на службу в русскую полицию, освобождались от всех государственных натуральных налогов на 50% по отношению к остальному населению. В тех случаях, если хозяйства вышеперечисленных лиц пострадали от нападения партизан, они освобождались от натуральных государственных налогов полностью¹⁴.

Особыми льготами пользовались лица, с оружием в руках борющиеся с советским сопротивлением, – каратели и бойцы так называемых «сил самообороны». Не только они, но и члены их семей освобождались от всех видов налогов и сборов.

*11 мая 1937 г. перешёл в состав Опочецкого пограничного округа Калининской области, 22 августа 1944 г. передан в состав Псковской области.

Массовое возвращение на родину из Синявинских поселений под Ленинградом кулаков, выселенных туда в 1931–1934 гг., с одной стороны, способствовало расширению и укреплению пронемецки настроенного слоя граждан, но с другой – ухудшало положение их односельчан, так как все расходы по обустройству «пострадавших от жидобольшевистской власти» на местах были возложены на последних¹⁵.

Непосредственный сбор большинства налогов с населения осуществляла коллаборационистская «новая русская администрация». Но всё это делалось под жёстким контролем немецких оккупационных служб различного уровня. Районные комендатуры имели специальный отдел, который назывался «Гражданское управление». Он ведал регистрацией, учётом населения, сбором налогов. Последние раскладывались по волостям, и за их выполнение отвечали русские старшины районов и старосты.

Наибольшую зарплату среди «новой русской администрации» получал бургомистр. Его месячное содержание равнялось 1500 руб. Заработная плата мелких служащих варьировалась от 300 до 700 руб. Но небольшая официальная заработная плата коллаборационистов с лихвой компенсировалась взятками и поборами с населения. Что же касается рядовых граждан, то для них выплата этих налогов являлась непосильным бременем. Для русского населения, привлечённого оккупантами для выполнения различных работ, с конца 1942 г. практиковалась выдача продовольственных пайков в форме производственного питания. Ни о каких денежных выплатах здесь речь не шла, более того, за невыполнение заданий в качестве наказания люди могли лишиться и этого продовольствия.

В Гдовском и Сланцевском районах Ленинградской области германские комендатуры издали приказы, согласно которым каждый сельский староста должен был назначить определённое число физически здоровых мужчин и женщин для отправки в Германию. Ответственность за явку людей на железнодорожную станцию возлагалась на сельских старост и волостных старшин. За уклонение от поездки в Германию виновных арестовывали и отправляли в концентрационные лагеря. Из Красногвардейска (Гатчины), Пушкина, Слуцка (Павловска) и других оккупированных городов Ленинградской области немцы вывезли до 60 тысяч человек, при этом некоторым было объявлено, что они переселяются на «родину», так как они будто бы являются потомками немцев, переселившихся в окрестности Петербурга при Екатерине II. При этом им обещали особые льготы в «фатерлянде»¹⁶.

Волостные старшины и деревенские старосты Солецкого района получили от немецкого командования распоряжение, в котором говорилось, что из-за наличия большого количества беженцев запасы продовольствия быстро уменьшаются. С целью решения этой проблемы поступил приказ выселить 800 семей из Солецкого района в Прибалтику или

в Германию. Давалось обещание, что «эти семьи будут устроены на сельхозработках и получают хорошую зарплату и достаточное продовольствие». При этом специально оговаривалось: «Выселение этих семей так разложить по деревням, чтобы очистка дорог и заготовка и вывозка лесного материала в Солецком районе не замедлялась. Предназначенные для выселения люди должны: а) иметь знания в сельхозработках, б) быть совершенно здоровыми, в) во всех отношениях политически благонадежными. Члены коммунистической партии и её подразделений, комсомольцы и все политически неблагонадежные люди к высылке не допускаются»¹⁷.

Как уже отмечалось, наибольшее доверие оккупанты испытывали к людям, репрессированным при советской власти. Чекистские группы, действовавшие зимой 1941/1942 гг. на территории Ленинградской области, докладывали в Центр о следующем: «Старосты подбираются из антисоветского элемента: бывших купцов, лиц духовного звания, предателей из числа финнов и эстонцев.

В городе Любань старостами назначены:

1. Словцов М.А. – бывший певчий клироса (староста города).

2. Арсентьев Н. – родственники служили в жандармерии, староста участка.

3. Егоров В.Н. – состоял в церковной двадцатке.

В деревнях Красногвардейского района старостами стали бывший торговец, бывший белогвардеец, эстонец, финн»¹⁸.

Вся служебная переписка «новой русской администрации» в обязательном порядке велась, согласно распоряжению, на двух языках – русском и немецком. Причём немецкий текст должен был помещаться по отношению к читателю на левой, а русский – на правой стороне листа, разделённого на две одинаковые части¹⁹.

К «пронемецким» признакам представителей «новой русской администрации», на которые оккупанты обращали определённое внимание, относились следующие: хотя бы частичное знание немецкого языка, бравый вид, умение приветствовать поднятием руки или просто удобная для произношения русская фамилия²⁰.

Бургомистр, возглавлявший «новую русскую администрацию» в крупных населённых пунктах, являлся должностным и административным руководителем всех подчинённых ему чиновников, организаций и учреждений. Он имел право накладывать административные взыскания на население подведомственного ему района. На допросе в НКГБ бургомистр Пскова В.М. Черепенькин заявил: «Да, я был председателем суда, председателем общества взаимопомощи, директором музея. Но на все эти работы я шёл только из любви к русскому народу.

Занимая все эти должности, я был только русским для русских. Законы наши русские распространялись только на русских, немцы, про-

живавшие до этого в России, под эти законы не попадали, и их судить мы не имели права. Председателем суда меня никто не избирал, я сам был назначен на эту должность согласно выпущенному немцами положению о судах. В суде рассматривались дела, за которые полагалось не более 3000 руб. штрафа. О принудительных работах, тюремном заключении наш суд не имел права выносить решения»²¹.

Слова В.М. Черепенькина не соответствуют действительности. Уже в конце 1941 г. ему были предоставлены бланки «Распоряжений о наложении административного наказания». Заполнялись они на двух языках: немецком и русском. В них имелись следующие графы, касающиеся лиц, привлечённых к административной ответственности: фамилия и имя, профессия, адрес проживания, год и место рождения. Налагал административное наказание, согласно этим документам, городской голова (бургомистр) или волостной староста. Утверждал его местный военный комендант.

В качестве возможных наказаний указывались денежный штраф, арест и принудительные работы. Из сохранившихся «распоряжений», заверенных подписью В.М. Черепенькина, видно, что он налагал все возможные и разрешённые оккупантами наказания²².

В соответствии с распоряжениями об административных наказаниях, штрафы налагались по очень широкому кругу дел: за кражи, драки, нарушение комендантского часа, нарушение светомаскировки, задержку в выплате налогов, опоздание на совещание или собрание, проводившееся немцами и их пособниками, и за многое другое. Но что считалось наиболее опасным?

Так, Павлова Ефросинья, рабочая, 26 февраля 1942 г. была наказана денежным штрафом в размере 2000 руб. и принудительными работами на срок четыре недели за то, что «дала своей сестре для продажи военные брюки-галифе немецкого производства»²³. Домохозяйка Поташова Анна отправилась на 10 дней в тюрьму, предварительно заплатив штраф в 200 руб., за то, что без разрешения пользовалась электричеством²⁴. Предприниматель Панков Михаил выложил 3000 руб. за торговлю сахарином, а швея Фомина Екатерина – 300 руб. за покупку на рынке немецкого одеяла. Штрафы в 100 руб. полагались за «нарушение постановления городского управления об очистке», «продажу в небазарный день молока» и даже за «нарушение постановления комендатуры о пребывании в чужих квартирах в запрещённые часы»²⁵. В качестве доказательства вины обычно выступало собственное признание. Как видно, наиболее сурово нацисты и их пособники наказывали за административные правонарушения, связанные со сделками по продаже немецкого военного имущества.

В своей пропагандистской работе оккупанты делали всё, чтобы привлечь на свою сторону как можно больше представителей раз-

личных творческих профессий. На страницах коллаборационистской печати регулярно появлялись статьи под характерными названиями: «К интеллигенции!», «Освобождённому народу – народное искусство», «О месте русской интеллигенции в этой войне».

Нацистская пропаганда требовала, чтобы русские литераторы и живописцы, театральные артисты и музыканты полностью пересмотрели те художественные позиции, которые «были насильно введены большевиками». Творческих работников призывали «...очистить искусство от всех вредных наслоений, образовавшихся за годы жидовского засилья».

Практически во всех коллаборационистских изданиях были «углки культуры». В них печатались произведения русских классиков – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского и др. Комментарии обращали внимание читателей на те аспекты их творчества, которые при советской власти замалчивались или принижались: религиозность, антисемитизм, национализм²⁶.

Уже в 1942 г. на оккупированной территории России начинается выпуск специальных литературно-художественных журналов. В Берлине находилась редакция журнала «Мир» (ежемесячный журнал по вопросам политики, хозяйства и культуры, издавался с ноября 1942 г.). В Пскове выходил «Вольный пахарь» (ежеквартальный журнал по вопросам политики и «цивилизованного землепользования»). Ещё большее количество периодических изданий было анонсировано на страницах коллаборационистской прессы. На северо-западе России кроме газет, выходивших в крупных населённых пунктах (Псков, Дно, Гатчина), распространялись «Северное слово» (Ревель) и «Правда» (Рига, затем Ревель).

В этих изданиях сотрудничали журналисты, имевшие опыт работы в советских газетах, русские эмигранты, немцы, владеющие русским языком, а также люди, у которых в Советском Союзе в предвоенные годы не было возможности реализовать свой творческий потенциал.

Практически в каждом номере газеты и журнала писалось о том, что было до войны: преступления «жидобольшевизма», низкий уровень жизни абсолютного большинства людей, засилье евреев. Начавшаяся война объяснялась как стремление Германии и её фюрера помочь русскому народу, которого И.В. Сталин пытается продать мировому еврейству и англо-американскому капиталу. Особое внимание уделялось публикациям о Гитлере, его соратниках и, в целом, о нацистской Германии. Это государство представлялось как страна всеобщего счастья. Таким образом, шёл процесс формирования у читателей образа врага и образа друга и союзника.

В качестве своих потенциальных союзников гитлеровцы рассматривали православное духовенство. Советская антицерковная политика в предвоенные годы, массовое закрытие храмов, аресты священников были теми

факторами, на которых нацисты решили сыграть. В этих условиях на северо-западе России была образована «Православная миссия в освобождённых областях России», известная также как «Псковская православная миссия». Органы Службы безопасности НСДАП (СД), подчинив всю практическую деятельность «Православной миссии...» интересам своей контрразведывательной работы, вели через церковь активную борьбу против Советского Союза. С этой целью СД проводила широкую вербовку среди руководства «Православной миссии...» и подчинённого ей духовенства. Так, К.И. Зайц перед своим назначением на должность начальника «Православной миссии...» был вызван в органы СД в Риге, завербован в качестве секретного агента и получил задание вести через «Миссию» пропаганду и контрразведывательную работу в пользу немцев. О своей вербовке органами СД и полученных заданиях К.И. Зайц сообщил: «[...] В беседе с начальником отдела СД последний поставил передо мной вопрос о необходимости полного контакта в работе “Миссии” с СД и неуклонном выполнении “Миссией” всех указаний СД по беспощадной борьбе с большевизмом.

Говоря о задачах “Православной миссии...”, начальник отдела СД указал, что “Миссия” обязана:

а) всяческими путями оказывать помощь немецкой армии в её “освободительной” миссии против большевистского ига;

б) развернуть через членов “Православной миссии...” активную пропагандистскую работу, направленную против советской власти и на восхваление фашистского порядка;

в) через священнослужителей Псковской, Новгородской и Ленинградской губерний выявлять из местного населения лиц неблагонадёжных и враждебно настроенных против немцев и немедленно сообщать о них в СД.

В конце беседы начальник отдела СД предложил подписать обязательство о сотрудничестве с СД, содержание которого было примерно следующим: “Я, Зайц Кирилл Иванович, обязуюсь оказывать всяческое содействие СД и немецкой армии в их борьбе с большевизмом. Я обязуюсь строго выполнять все указания и задания СД, а также хранить в тайне мою связь с СД»²⁷.

К.И. Зайц подтвердил, что предложенное ему обязательство о сотрудничестве с СД он подписал. Показания К.И. Зайца по вопросам связи «Православной миссии...» с органами СД и ведения контрразведывательной работы были подтверждены рядом арестованных органами НКГБ членов «Православной миссии...»²⁸.

Помимо ведения активной пропаганды и сбора сведений о политическом и экономическом состоянии районов, «Православная миссия...», по предварительным данным, сдала немецким контрразведывательным органам 144 партизана и советских патриотов, проводивших активную борьбу против немцев²⁹.

В августе 1942 г. священники оккупированных районов северо-запада РСФСР получили секретный циркуляр от «Православной миссии...», подписанный протоиреем Кириллом Зайцем. В нём давались следующие задания:

- 1) выявлять партизан и лиц, связанных с ними;
- 2) среди прихожан выявлять всех тех, кто настроен против немцев и высказывает недовольство немецкими порядками;
- 3) выявлять всех служителей культа, которые отправляют службы, не имея соответствующего образования, то есть священников-самозванцев;
- 4) выявлять в своём приходе всех лиц, кто ранее был репрессирован советской властью.

Здесь же указывалось, что все эти сведения должны ежемесячно пересылаться в Псков в «Православную миссию...». В этом же циркуляре были и задания по церковным делам, в том числе по сборам прихожан на бедных детей, ремонт храмов и т.д. 10% от всех сборов должны были посылаться на содержание «Православной миссии...» и экзархата³⁰.

В других циркулярах, рассылаемых «Православной миссией...» за подписями её руководителей: К. Зайца, Н. Жунды и Н. Шенрока, – священникам разъяснялся порядок богослужения, предписывалось предоставлять сведения о количестве молящихся, мужчин, женщин и детей, о количестве крещёных и умерших.

Немецкие власти стремились максимально использовать работу «Православной миссии...» для своих целей. Её руководство регулярно получало распоряжения от нацистов о содействии оккупационным властям. Они принимались к исполнению. Представители различных германских служб – военных, экономических, разведывательных – рассчитывали на то, что через «Православную миссию...» они смогут получить значительное количество информации.

Интересы немцев распространялись на самые различные сферы жизни, часто весьма далёкие от религиозных. Служащие тыловых подразделений вермахта хотели знать не только о всех категориях собранной сельскохозяйственной продукции, но и о возможностях русского населения увеличить поставки продовольствия для нужд германской армии. В инструкции по работе с русскими священниками, которая была подготовлена в районе действия группы армий «Север» летом 1942 г., говорилось о том, что русские крестьяне могут лгать соседу, старосте. Они с недоверием относятся к немцам, как к пришельцам, но они никогда не рискнут обманывать своего местного священника.

Абвер постоянно рассчитывал на помощь «Православной миссии...» при подготовке агентуры для работы как на оккупированной территории, так и для заброски в советский тыл.

Даже благие дела «Православной миссии...» носили определённый идеологический уклон. Так, в Пскове, при церкви Дмитрия Солунского, в 1942 г. стал действовать приют для сирот на 15 человек. В него принимались дети от 8 до 15 лет. Для этой цели был отремонтирован дом, принадлежавший Дмитриевской церкви. Через прихожан собиралась вся необходимая обстановка: кровати, мебель, постельное бельё, столовая и кухонная утварь. Продукты частично приобретались на средства, пожертвованные прихожанами, частично приютские дети сами выращивали овощи для себя. Предполагалось, что приютские дети будут воспитываться как христианские миссионеры для религиозно-нравственной работы среди своих сверстников³¹. Псковский священник Георгий Бениксен по предложению псковского отдела пропаганды с сентября 1942 г. стал заведовать отделом детских передач псковского радиоузла. В этих передачах принимали участие не только священники, но и воспитанники церковной школы. Что касается взрослых, то для них еженедельно звучал специальный «Религиозный час». По средам шли серии передач «Учёные и религия» и «Святые русской земли»³².

1 октября 1942 г. в Пскове, при церкви Дмитрия Солунского, открылись церковный детский сад и церковная школа. В первый принимались дети дошкольного возраста, во вторую – школьники, закончившие четыре класса начальной школы³³. В Псковской художественной школе обучались 60 юношей и девушек в возрасте от 17 до 22 лет. Закон Божий являлся одним из основных предметов. Это можно объяснить тем, что учащиеся готовили во многом для церковных мастерских.

Данная политика проводилась по ряду причин. Во-первых, экономически она мало затрагивала интересы вермахта и Германии. Во-вторых, церковный амвон был идеальным местом для проведения пропаганды и, в-третьих, это была хорошо задуманная контрпропагандистская акция, ибо в первые месяцы войны советская сторона по инерции считала церковь своим злейшим врагом.

Что касается деятельности рядовых приходов на северо-западе России, то оккупанты предполагали, что все они будут неукоснительно соблюдать распоряжения «Православной миссии...». На деревенского священника оккупанты и коллаборационисты возлагали широкий круг задач.

По предложениям (фактически по приказам. – Б.К.) нацистов утверждались темы проповедей. Так, в июне 1942 г. вышло распоряжение «Православной миссии...», в котором говорилось: «[...] В ночь с 21 на 22 сего месяца исполняется год той освободительной борьбы, которую ведёт победоносная германская армия с большевизмом во имя спасения человечества от сатанинской власти поработителей и насильников.

Христианский долг требует от нас искреннего сознания всей важности продолжающейся освободительной борьбы, а также соответствующую

щего серьёзного отношения и к великой дате современной истории, ознаменовавшей собой начало этой борьбы.

В связи с этим предписываем всему духовенству 21 сего июня после божественной литургии и произнесения соответствующего слова совершить молебствование о даровании Господом сил и крепости Германской армии и её вождю Адольфу Гитлеру для окончательной победы над проклятым жидобольшевизмом»³⁴.

Некоторые священнослужители сами проявляли инициативу. Примером антисоветских проповедей могут служить выступления с амвона Казанского собора в Луге протоиерея Н.Ф. Заблоцкого в 1941–1943 гг. В них он регулярно провозглашал: «Благоденственное мирное житие, здравие, во всем благое поспешение на враге, победу и одоление подай, Господи, вождю народа германского Адольфу Гитлеру, освободившему нас от тирании нечестивых людей. Всем начальникам армии германской и сохрани их на многие лета!»³⁵.

Летом 1942 г. на оккупированной территории северо-запада России в массовом порядке гитлеровцами и их пособниками проводились различные торжества по поводу «годовщины освобождения от ига большевизма». Так, в Волотовском районе священник Михаил Никитин, выступая перед прихожанами с проповедью, восхвалял немецкую армию, а в конце провозгласил: «Вождю германского народа – освободителю Адольфу Гитлеру – многие лета!»³⁶.

Его поддержал начальник района П.И. Мановский: «Граждане! Благодаря немецкому командованию вы находитесь в церкви. Большевики к церкви относились варварски, разрушали её, а немецкие власти во всех освобождённых районах открыли церкви. Мы должны идти с германским народом рука в руку»³⁷.

Однако далеко не все верующие были готовы слушать антисоветские проповеди с церковного амвона. Так, священник-самозванец Амосов, активный пособник гитлеровцев, однажды в приходе Камно получил удар по голове кирпичом за то, что сообщил в СД о неблагонадёжности волостного старшины и церковного старосты. Рассматривая этот случай, руководство Псковской православной миссии было вынуждено признать: «Крестьяне, очевидно, ценили этих сельских работников, не изменивших большевизму, о чём они, конечно, знали»³⁸.

Германское командование пыталось использовать русских священников в оккупированных районах для сбора сведений разведывательного характера, а также информации о настроениях населения. В циркуляре миссии от 4 марта 1942 г. прямо указывалось: «Предписывается всем, согласно распоряжениям соответствующих учреждений германской власти, возможно часто, не реже чем раз в месяц, доставлять в управление Миссии подробный отчёт о положении в ваших приходах:

о настроениях населения, о деятельности городских, волостных и сельских учреждений, о школьном деле, о нашей деятельности приходско-духовной, просветительской и благотворительной»³⁹.

В циркуляре № 471 от 2 сентября 1942 г. начальника «Православной миссии...» К.И. Зайца благочинным после проведения бесед с населением предлагалось о собеседованиях, характере их и о задаваемых слушателями вопросах и об отношении к собеседованиям и религии вообще давать сведения ежемесячные, а в особых случаях доносить немедленно⁴⁰.

Но «духовно-нравственное возрождение на освобождённой от ига жидобольшевизма территории России» меньше всего интересовало оккупантов. С середины 1942 г. немецкие тыловые службы рассчитывали на помощь «Православной миссии...» при определении количества налогов, которые должно было выплатить русское население. По требованию германского командования миссия издала 10 августа 1942 г. циркуляр № 383, согласно которому священники на местах должны были в кратчайший срок и с соблюдением строжайшей конспирации собирать сведения о наличии зерна и овощей у населения. Данное распоряжение оккупантов маскировалось следующим образом: «Трудное материальное положение, как городского населения, так и беженцев обязывает православную церковь исполнить свой христианский долг и всеми силами помочь германским учреждениям разрешить очень трудный вопрос обеспечения городского населения и беженцев продуктами питания на наступающую зиму»⁴¹.

Православная миссия стремилась контролировать церковную жизнь на всей оккупированной территории северо-запада России. Она действовала в тесном контакте с различными службами вермахта и коллаборационистской «новой русской администрацией».

В конце 1942 г., во время своей поездки по оккупированным районам России, генерал А.А. Власов встретился с митрополитом Рижским Сергием. Последний выдвинул идею о необходимости создания в занятых немцами областях Святейшего Синода во главе с одним из иерархов Русской Православной Церкви. Сергей выражал опасения из-за активизации эмигрантов-карловчан (Русская зарубежная Православная Церковь). Он отмечал, что карловчане, давно оторвавшись от российской действительности, в работе с населением обнаружили свою полную непригодность и зависимость от немецких властей. Власов в беседе с экзархом Сергием заявил: «Религия – личное дело каждого русского человека. Религия должна быть свободной. Верить – дело личной совести каждого»⁴². Через несколько дней в Пскове во время выступления перед горожанами им было сказано: «Нет ничего прекраснее обрядов Православной Церкви. За две тысячи лет христианство сделало так много хорошего для нашего многострадального отечества»⁴³.

За многовековую историю нашего отечества православное духовенство не раз способствовало консолидации нации перед угрозой внешнего врага. Пользуясь тем, что церковь в предвоенные годы в СССР оказалась на грани уничтожения, нацисты всячески пытались использовать её в период оккупации для своих целей: духовного порабощения общества и изоляции сил сопротивления. Церковь ими рассматривалась как филиал министерства пропаганды, а священнослужители – как потенциальные агенты немецких спецслужб.

Пренебрежительное отношение к христианству вообще и к православию в частности скрывалось у нацистских идеологов за лозунгами об «освобождении русской церкви от ига большевизма». Каждый факт сотрудничества православных священников и нацистов широко освещался в коллаборационистской печати.

Как отмечали позднее представители советского сопротивления, нацисты пытались убить в людях, жителях оккупированных районов, веру в возможность победы Красной армии, парализовать волю к борьбе с гитлеровцами, а также максимально привлечь их на свою сторону.

Нацистские пропагандистские службы рассчитывали на то, что им удастся легко внести раскол в советское общество не только благодаря своим успехам на фронтах, умелой пропаганде, но и из-за событий предвоенных лет: насильственной коллективизации, необоснованных массовых репрессий, конфликта государства с церковью.

Активность сотрудничества различных категорий граждан нашей страны с гитлеровцами во многом была связана с положением на фронтах Отечественной войны. Понятно, что после срыва планов blitzkriega, после того как русское население убедилось в человеконенавистническом характере нацистского оккупационного режима, в условиях активизации советского сопротивления в тылу врага очень многие коллаборационисты стали пытаться как-то искупить вину перед своими соотечественниками⁴⁴.

Большая заслуга сил советского сопротивления заключается в том, что они в ходе боевых действий отказались от жёсткого деления общества на «своих» и «чужих». Советская сторона отлично понимала, что лишь при консолидации всех сил возможна победа. У страны был один враг – иноземные захватчики, и их необходимо было уничтожить.

Примечания

¹ Семиряга М.И. Коллаборационизм : Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М., 2000. – С. 5.

² Thomas N. Partisan Warfare : 1941–1945. – London, 1983. – P. 14.

³ Государственный архив новейшей истории Новгородской области (далее – ГАНИНО). Ф. 260. Оп. 1. Д. 138. Л. 65.

⁴ Там же. Л. 66.

- ⁵ Там же. Д. 193. Л. 63.
- ⁶ Там же. Л. 85.
- ⁷ Там же. Д. 138. Л. 65.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Архив Управления ФСБ по Новгородской области (далее – АУ ФСБ НО). Д. 1/7187. Л. 56.
- ¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 625. Оп. 1. Д. 11. Л. 412.
- ¹¹ Архив Управления ФСБ по Псковской области (далее – АУ ФСБ ПО). Д. 41586. Л. 68.
- ¹² Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- ¹³ АУ ФСБ ПО. Д. 41586. Л. 71.
- ¹⁴ Государственный архив Новгородской области (далее – ГАНО). Ф. 2113. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.
- ¹⁵ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 102. Л. 16.
- ¹⁶ Служба регистрации архивных фондов Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее – СР АФ УФСБ СПб. и ЛО). Материалы к литературному делу № 118. Л. 146.
- ¹⁷ ГАНО. Ф. Р-2113. Оп. 1. Д. 7. Л. 21.
- ¹⁸ Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- ¹⁹ То же.
- ²⁰ Кулик С.В. Антифашистское движение сопротивления в России: 1941–1944 гг. : (Проблемы политического и идеологического противоборства). – СПб., 2006. – С. 120.
- ²¹ АУ ФСБ ПО. Д. 2367. Л. 31.
- ²² Там же. Л. 135–141.
- ²³ Там же. Л. 135.
- ²⁴ Там же. Л. 140.
- ²⁵ Там же. Л. 137–141.
- ²⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов. Санкт-Петербург (далее – ЦГА ИПД). Ф. 0-116. Оп. 1. Д. 131. Л. 17.
- ²⁷ Ломагин Н.А. Неизвестная блокада : В 2 кн. Кн. 1. – СПб., 2002. – С. 356.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. – С. 358.
- ³⁰ АУ ФСБ ПО. Д. 2370. Л. 140–141.
- ³¹ Государственный архив Псковской области. Ф. Р-1633. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.
- ³² Там же. Л. 14 об.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. Л. 223.
- ³⁵ Там же. Л. 228.
- ³⁶ АУ ФСБ НО. Ф. 7. Д. 33. Л. 18.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. – СПб., 2005. – С. 407.
- ³⁹ СР АФ УФСБ СПб. и ЛО. Материалы к литературному делу № 118. Л. 233.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ СР АФ УФСБ СПб. и ЛО. Материалы к литературному делу № 118. Л. 235.
- ⁴² ЦГА ИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1278. Л. 11.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Кулик С.В. Указ. соч. – С. 118.

К истории предательства генерала Власова *(по материалам Центрального архива ФСБ России)*

Иванов Илья Борисович,
Центральный архив ФСБ России

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой, освобождение Ростова-на-Дону, Керчи и Феодосии на южном участке фронта и Тихвина на северном зимой 1941/42 г. вызвали у высшего советского военного руководства, прежде всего у Верховного главнокомандующего И.В. Сталина, своеобразное «головокружение от успехов» и породили необоснованную уверенность в превосходстве военного потенциала Советского Союза, в истощении сил Германии и её сателлитов и её способности к ведению активных боевых действий. На 1942 г. советская Ставка запланировала ряд ударов на всех участках фронта, которые должны были привести к решительному перелому в войне и полному разгрому захватчиков. В частности, на севере планировалось деблокировать Ленинград, в центре – окончательно отбросить противника от Москвы, на юге – освободить Украину и Крым.

Чем закончилась эта эйфория и стратегические просчёты Верховного главнокомандующего, известно: Ленинград остался в блокаде, под Харьковом советские войска потерпели жесточайшее поражение, в Крыму они вынуждены были оставить Керчь, Феодосию, Севастополь, то есть весь Крымский полуостров оказался в руках противника.

К числу таких неудач относится проведённая в январе – июне 1942 г. Любанская операция, о которой речь пойдёт ниже.

В те весенние и летние месяцы 1942 г. во многом повторилась картина года 1941: наши бессистемные атаки укреплённых пунктов противника, нерациональное использование людских ресурсов и техники, затем беспорядочный отход, а зачастую бегство с занимаемых позиций, и – как результат – окружение и разгром советских войск, а главное – потери, измеряемые миллионами убитых, раненых, плененных. Летом 1942 г. вермахт вышел к кавказским перевалам, а осенью – к берегам Волги.

Пропагандистский аппарат фашистской Германии сполна использовал эту ситуацию. На временно оккупированной территории Советского Союза, в лагерях советских военнопленных и «восточных рабочих» резко возросли коллаборационистские¹ настроения.

О «советском» коллаборационизме сейчас пишут много, литературу по этой теме можно найти в любом книжном магазине. В многочисленных публикациях последних лет и на интернет-сайтах проводится мысль о том, что советские граждане, сотрудничавшие с оккупационными властями, служившие в вооружённых силах фашистской Германии, являлись вовсе не изменниками Родины, а героями, восставшими против сталинского режима. Это относится, например, к К.П. Воскобойнику², Б.В. Каминскому³, С.В. Мосину⁴ и другим деятелям так называемой «Локотской республики», созданной с разрешения немцев на территории Орловской (ныне Брянской) области⁵. Авторы ряда работ, посвящённых «Локотской альтернативе», пользуясь малой изученностью проблемы, пытаются доказать возможность создания при помощи «немцев-освободителей» процветающей «новой России» без большевиков, колхозов и НКВД. Тем самым ставится под сомнение целесообразность подвига нашего народа, заплатившего непомерно высокую цену за победу над «коричневой чумой».

Иной точки зрения придерживаются исследователи, чьи статьи помещены в четвёртый том шеститомного издания «65 лет Великой Победы»⁶. Здесь основной упор делается на противодействие попыткам фальсификации отечественной истории XX века, основанным на недобросовестном подходе к проблемам «советского» коллаборационизма или эгоистических интересах отдельных авторов. В данном издании им даётся аргументированный отпор.

Много сейчас пишут о деятельности казачьих и национальных формирований в составе вермахта, охранной и вспомогательной полиции, различных антипартизанских подразделений на временно оккупированной территории СССР⁷.

Представляется, что наиболее эффективным способом воссоздания объективной картины Великой Отечественной войны и деятельности «советских» коллаборационистов на захваченных фашистской Германией территориях является введение в научный оборот новых рассекреченных документов, в том числе Центрального архива ФСБ России. Это делается, но сборники документов ЦА ФСБ России, а также написанные на их основе работы публикуются малыми тиражами, которые не идут ни в какое сравнение с тем валом непроверенной, искажённой или откровенно лживой информации, которая заполняет страницы некоторых книг о Великой Отечественной войне.

Цель данной статьи – проследить жизненный путь генерала А.А. Власова, ставшего символом русского коллаборационизма, и

процесс превращения потенциального героя Великой Отечественной войны в генерала-предателя, закончившего жизнь на виселице во дворе Бутырской тюрьмы. Основу для написания статьи составили документы Центрального архива ФСБ России.

О Власове начали писать ещё в советские времена. Сдача в плен заместителя командующего Волховским фронтом⁸ и по совместительству командующего 2-й ударной армией⁹ генерал-лейтенанта А.А. Власова в июле 1942 г., после провала Любанской операции, его активная деятельность по созданию Русской освободительной армии из бывших советских военнослужащих, перешедших на сторону немцев, в советской исторической литературе однозначно трактовались как предательство и измена.

По неясным причинам в конце 1970-х – начале 1980-х гг. имя Власова в энциклопедических изданиях вдруг внезапно исчезает при описании Любанской операции¹⁰. В этих изданиях нет биографических статей о Власове, а в статьях, посвящённых ударным армиям периода Великой Отечественной войны, в части, касающейся 2-й ударной армии, сказано, что ею в период с января по апрель и с июля по декабрь 1942 г. командовал генерал Н.К. Клыков¹¹. Складывается впечатление, что в мае – июне 1942 г. 2-я ударная армия воевала сама по себе, на каких-то анархических началах. Это тем более странно, что генерал Власов к тому времени попал на страницы художественной литературы¹², а в 1970-е гг. его фигура стала вообще узнаваемой, после того как актёр Ю.Б. Померанцев исполнил его роль в фильмах «Огненная дуга» (из киноэпопеи «Освобождение») и «Родины солдат».

В наше время российские и западные исследователи чётко разделены на два непримиримых лагеря. Одни традиционно считают генерала Власова предателем, верным пособником фашистов, другие¹³ – героем, негибаемым борцом против большевистской тирании, у которого не было иной возможности выразить свой антисталинский протест, кроме как объединить все антисоветские силы в составе вермахта, свергнуть ненавистный тоталитарный режим и построить «новую Россию». Версия о том, что генерал Власов являлся суперсекретным агентом советских спецслужб¹⁴ и работал на немцев, выполняя приказ Сталина, в данной статье не рассматривается за отсутствием документов, хотя бы косвенно свидетельствующих о его принадлежности к органам госбезопасности.

Итак, что же говорят о Власове документы Центрального архива ФСБ России? Представление о довоенном генерале Власове дают заверенные копии анкеты из личного дела и его автобиографии, написанной в 1940 г. Оба документа приобщены во 2-й том архивного уголовного дела № Н-18766 по обвинению генерала А.А. Власова и его сообщников¹⁵.

Андрей Андреевич Власов родился в деревне Ломакино Покровской волости Сергачского уезда Нижегородской губернии

1 (14) сентября 1901 г. в семье крестьянина-середняка. Отец, помимо сельского хозяйства, занимался портняжным делом. По окончании средней школы на средства отца и брата¹⁶ был отдан в духовное училище как самое недорогое по плате за обучение. С 15 лет подрабатывал репетиторством. Окончив училище, поступил в духовную семинарию на правах иносословного, то есть лица не духовного звания.

Октябрьская революция и Гражданская война внесли свои коррективы в дальнейшую судьбу Андрея Власова. С духовной карьерой он расстался, поступив в 11-ю Нижегородскую единую трудовую школу 2-й ступени, которую окончил в 1919 г. Закончить первый курс агрономического факультета Нижегородского государственного университета помешала мобилизация в Красную армию в мае 1920 г. В результате Власов не стал ни священником, ни агрономом. Его дальнейшая военная карьера существенно не отличалась от жизненного пути будущих советских военачальников, выдвинутых из народной толщи Октябрьской революцией и Гражданской войной. Он в дальнейшем так и говорил: «В другой обстановке я должен бы быть попом, а советская власть сделала меня командиром»¹⁷; любил подчёркивать, что он сам пробивал себе дорогу в жизнь, что он – «генерал из деревни»¹⁸.

В июне 1920 г. красноармеец Власов был направлен на 24-е Нижегородские пехотные курсы, а в октябре, после их окончания, – на врангелевский фронт. В качестве командира взвода 14-го Смоленского стрелкового полка 2-й Донской стрелковой дивизии¹⁹ он принял участие в боях на кавказском участке Южного фронта.

После разгрома П.Н. Врангеля Власов участвовал в ликвидации многочисленных антисоветских и антикоммунистических банд, действовавших на юге России. По окончании Гражданской войны А.А. Власов 10 лет служил в той же части, последовательно занимая должности командира взвода, роты, батальона, начальника полковой школы и временно исполняющего должность начальника штаба полка. В 1929 г. окончил Высшие стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава РККА «Выстрел». В 1926 г. он женился на своей односельчанке А.М. Ворониной²⁰.

1930 г. стал в значительной степени судьбоносным для комбата Власова. В апреле он вступил во Всесоюзную Коммунистическую партию (большевиков)²¹, а в ноябре был переведён из Ейска в Ленинград на должность преподавателя тактики Объединённой военной школы им. В.И. Ленина. О своей общественной работе А.А. Власов писал в автобиографии: «Проводил агитмассовую работу. Неоднократно избирался членом партийного бюро школы и полка. Был редактором школьной газеты. В общественной работе всегда принимал активное участие. Был избран членом военного трибунала округа, членом президиума

районных организаций: Осоавиахима и др. Партвзысканий не имел. В других партиях и оппозициях никогда не состоял и никакого участия не принимал. Никаких колебаний не имел. Всегда твёрдо стоял на генеральной линии партии и за неё всегда боролся. Органами советской власти по суду никогда не привлекался»²².

Служба в Ленинградском военном округе²³ складывалась удачно. До июля 1937 г., когда Власов был переведён в Киевский военный округ²⁴, он успел побывать на преподавательской и штабной работе, получив соответствующие умения и навыки. В 1936 г., в связи с введением в Красной армии персональных воинских званий, был аттестован на майора.

Он успешно избежал массовой предвоенной чистки армии, более того, в 1938 г. был награждён орденом Красного Знамени и юбилейной медалью «XX лет РККА». В том же году Власов стал полковником. За успехи в обучении и воспитании войск неоднократно награждался ценными подарками.

В Киевском военном округе, который с июля 1938 г. стал Особым, Власов прослужил сравнительно недолго: в сентябре 1938 г. он был направлен в правительственную командировку в Китай, оставаясь в должности командира 72-й стрелковой дивизии²⁵.

На китайском периоде жизни А.А. Власова следует остановиться особо. С начала 1930-х гг. международная обстановка на Дальнем Востоке становилась всё более накалённой. В конце 1931 – начале 1932 гг. Япония оккупировала северо-восточные провинции Китая и создала здесь марионеточное государство Маньчжоу-Го, руководство которого с первых шагов стало проводить антисоветскую политику. Пользуясь невмешательством западных держав и капитулянтской позицией правительства генералиссимуса Чан Кайши²⁶, японская военщина в июле 1937 г. вторглась в Северный и Центральный Китай. В этих условиях Чан Кайши пошёл на создание единого антияпонского фронта, объединявшего патриотические силы Китая, и подписание с СССР Договора о ненападении (август 1937). В соответствии с этим договором в Китай направлялись советская военная техника, специалисты и советники. В числе таких советников по линии Разведывательного управления РККА под псевдонимом «Волков» в Китай был направлен полковник А.А. Власов.

Набор волонтёров для участия в операции «Зет», как стало называться оказание военной помощи Китаю, проводился в «добровольно-принудительном» порядке: на кандидата собирали первичные характеризующие данные, объясняли цель командировки и спрашивали о согласии. Немотивированный отказ в те суровые времена мог стоить как минимум карьеры, как максимум – головы. Поэтому «отказников» было мало.

Представление о деятельности Власова-«Волкова» на должности военного советника в Китае дают отрывочные документы из материаль-

лов секретного делопроизводства за 1938–1940 гг. В его архивном уголовном деле китайский период почти не отражён. И это объяснимо: следователей и судей куда больше интересовала изменническая деятельность бывшего генерала Красной армии Власова.

Так, в июне 1939 г. сообщалось в Москву: «В качестве советника Власов был прикреплен к командующему 2-м районом (северо-запад Китая) генералу Ень Сишаню²⁷, человеку с амбициями. Его позиция по отношению к Чан Кайши отличалась неустойчивостью, более того, Ень Сишань рассчитывал через полковника Власова наладить прямые поставки вооружения и техники из СССР, минуя центральное китайское правительство, и, при удачном стечении обстоятельств, самому занять пост президента Китайской Республики»²⁸.

Стараниями Ень Сишаня и его окружения «Волков» от работы был фактически изолирован, истинного положения дел во 2-м районе и состояния войск Ень Сишаня он не знал, и его деятельность как советника свелась к различным выступлениям перед войсками, населением и даже полицией и жандармерией. В то же время Власов был «раскручен», в районе были расклеены плакаты с его портретами и надписью «Да здравствует великий полководец Волков!». Власов принимал это как должное, хотя в одной из бесед с другим советником заявил, что на 80% занимался политической деятельностью.

Результатом стало принятие руководством решения о замене А.А. Власова двумя другими советниками и о последующем отзыве его в «деревню» (так в секретной переписке именовался в широком смысле Советский Союз, в узком – Москва).

Дополнительные штрихи к портрету «Волкова» даёт документ, датированный 23 сентября 1939 г., когда Власов находился в Чунцине²⁹, ожидая выезда в «деревню»³⁰.

В нём сообщалось: «Советник Волков (который работал у генерала Ень Сишаня), пьяница и прихлебатель “Ч.”³¹. На банкетах бросал лозунги о “Ч.” как о вожде, примерно: “Под руководством нашего вождя “Ч.” мы всех япов разобьём”. В беседе со мной говорил: “Я не политик, а только воен[ный] человек, и считаю, что “Ч.” – великий человек”, и т.д. Когда я ему сказал, что он прежде всего человек-политик и сказанное им неправильно, он моим словам значения не придал и ещё несколько раз эту фразу повторял, а когда я его рубанул за политическую беззубость, обиделся и теперь очень осторожен. При инструктаже советников хвалил Ень Сишаня как хорошего и передового генерала, советники с ним не согласились, но он настаивал на своём. В беседе со мной Волков, наоборот, ругал Ень Сишаня и иногда перегибал палку»³². Отсюда делался вывод: «Волков – политически ритупившийся подхалим. Пытался узнать позицию “деревни”

в отношении его походов у Ень Сишаня. В работе ленивый, в разговоре болтливый...»³³.

Однако, как бы то ни было, для советника «Волкова» его малорезультативная деятельность последствий не имела. Более того, в справке, датированной 4 марта 1943 г., то есть когда уже было известно об измене Власова, сказано: «За большую работу, проделанную по организации обороны 2-го района китайской армии и практическую помощь, оказанную китайскому командованию, был представлен к награждению орденом Красного Знамени. Награждения не было»³⁴.

Вернувшись из Китая, полковник Власов после короткого отпуска был назначен командиром 99-й стрелковой дивизии, дислоцированной в Перемышле, на самой границе с Третьим рейхом. После командировки он стал комбригом, а в апреле 1940 г., в связи с введением в Красной армии генеральских званий, был переаттестован на генерал-майора. В феврале 1941 г. был награждён орденом Ленина.

Как видим, обижаться на Сталина, советскую власть или вышестоящее начальство у Власова не было никаких оснований. В одной из своих листовок он так и писал: «Меня ничем не обидела советская власть»³⁵.

99-й стрелковой дивизией А.А. Власов командовал год: в январе 1941 г. он был назначен командиром 4-го механизированного корпуса³⁶ с дислокацией в районе Львова. В этой должности он встретил 22 июня 1941 г. За неимением соответствующих документальных материалов судить о полководческих дарованиях генерала Власова первого месяца войны невозможно. Известно, что со своим механизированным корпусом он участвовал в пограничном сражении в районе Львова и Перемышля, во встречном танковом сражении под Дубно и Ровно, а затем с боями отводил корпус на восток.

С 23 июля 1941 г. генерал-майор Власов – командующий новосформированной 37-й армией³⁷, комендант Киева и командующий Киевским укрепленным районом. Он успешно оборонял Киев, сумел выйти из киевского «котла». Затем, в должности командующего 20-й армией 2-го формирования³⁸, отличился, как полагают некоторые исследователи, в контрнаступлении под Москвой, в январе 1942 г. получил очередное воинское звание генерал-лейтенанта.

Здесь представление о полководческом таланте генерала Власова дают два донесения, полученные особыми отделами 20-й армии и Западного фронта³⁹ соответственно 2 и 3 апреля 1942 г.⁴⁰.

Так, в конце января 1942 г. части 20-й армии прорывали оборону противника на участке Пустой Вторник – Аржаники (Гжатский район Смоленской обл.). Участок прорыва был выбран неудачно – в лесистой местности. Немцы, оставляя один блиндаж, успевали построить другой. Наши войска наступали с равномерным распределением

по фронту сил и средств. Артиллерия по старинке провела двухчасовую артподготовку, в результате которой огневые точки противника по всему переднему краю оказались неподавленными. О сопровождении пехоты артиллерийским огнём, о массированном применении танков не было речи. В наступлении участвовала и конница – это в лесах, при глубоком снежном покрове. Итогом такого наступления явились громадные потери, хотя войска 20-й армии сумели освободить Солнечногорск, Волоколамск и ряд других населённых пунктов. Как видим, никакого полёта полководческой мысли здесь нет, в подобных случаях принято говорить, что так может воевать любая домохозяйка. Впрочем, так же в начальном периоде войны воевали многие советские военачальники. Портрет генерала Власова в качестве одного из организаторов победы под Москвой поместили некоторые центральные средства массовой информации, например, газета «Известия» от 31 декабря 1941 г. и журнал «Огонёк» (№ 39 за 1941 г.).

Как представляется, точкой отсчёта пути предательства генерала Власова следует считать Любанскую операцию Красной армии, которая проводилась в период с января по июнь 1942 г. силами соединений Волховского фронта, в том числе 2-й ударной армии генерал-лейтенанта Н.К. Клыкова. Замысел операции состоял в том, чтобы, соединившись с войсками 54-й армии⁴¹ в районе станции Любань, разгромить немецкую группу армий «Север» и деблокировать Ленинград.

Эту операцию следует признать примером того, как не надо вести боевые действия. Здесь командование Волховского фронта воевало примерно так, как генерал Власов под Москвой.

Немецкую оборону удалось пробить на десятикилометровом участке фронта в районе деревни Мясной Бор, однако противник принял контрмеры и сузил коридор до двух километров, то есть всё, что по нему двигалось, находилось в пределах дальности ружейно-пулемётного огня, не говоря уже о действиях артиллерии и особенно авиации противника, которая господствовала в воздухе. Немцы несколько раз закрывали этот коридор, и каждый раз его открытие сопровождалось огромными потерями советских войск. Наступление проходило по расширяющимся направлениям в лесисто-болотистой местности, зимой – при сильных морозах и глубоком снежном покрове, весной – в условиях распутицы, оттаивания болот и разлива рек. Таким образом, 2-я ударная армия сразу попала в крайне невыгодные условия. Тем не менее наступление на Любань продолжалось. Попытки советского командования наладить снабжение путём постройки узкоколейной железной дороги пресекались действиями артиллерии и авиации противника. Попытки снабжения окружённой армии по воздуху дали очень скромные результаты.

В этих условиях в середине апреля 1942 г. Власов сменил заболевшего Н.К. Клыкова на посту командующего 2-й ударной армией, оставаясь по совместительству заместителем командующего Волховским фронтом генерал-полковника К.А. Мерецкова⁴².

Этим решением Ставки оба генерала, похоже, были недовольны. К.А. Мерецков писал в своих воспоминаниях: «По-видимому, Власов знал о своём предстоящем назначении. Этот авантюрист, начисто лишённый совести и чести, и не думал об улучшении дел на фронте. С недоумением наблюдал я за своим заместителем, отмалчивавшимся на совещаниях и не проявлявшим никакой инициативы. Мои распоряжения Власов исполнял очень вяло. Во мне росло раздражение и недовольство. В чём дело, мне тогда было неизвестно. Но создавалось впечатление, что Власова тяготит должность заместителя командующего фронтом, лишённая чётко очерченного круга обязанностей, что он хочет получить “более осязаемый” пост. Когда командарм-2 Клыков тяжело заболел, Власов был назначен приказом Ставки командующим 2-й ударной армией»⁴³.

30 апреля 1942 г. А.А. Власов получил приказ о прекращении наступления и переходе к обороне, 14 мая – с большим опозданием – приказ о выводе армии к плацдарму на Волхове. Бои в полном окружении продолжались больше месяца.

Советские войска, загнанные в «мешок», испытывали громадные трудности в снабжении боеприпасами и продовольствием, имелись многочисленные случаи голодной смерти. С самолётов им сбрасывали в основном мешки с сухарями, которые падали в болота, рвались, цепляясь за ветки деревьев, а при попадании на твёрдый грунт их содержимое превращалось в панировочную муку. В тех подразделениях, где удавалось их подобрать, норма выдачи составляла от 50 до 100 г на человека в сутки, т.е. меньше, чем в блокадном Ленинграде. В пищу шло всё, чем можно набить желудок: древесная кора, листья, трава, корни, прошлогодние ягоды и – в качестве деликатеса – ежи и лягушки. Упомянутое употреблялось в основном в сыром виде: немецкая «рама»⁴⁴ на замеченный костёр немедленно наводила «юнкерсы».

В мае и июне 1942 г. бойцы и командиры продолжали носить зимнее обмундирование. Нередким явлением стали суициды.

В результате кровопролитных боёв 19–21 июня и массированного штурма немецких укреплений в ночь на 24 июня 1942 г. снаружи и изнутри «котла» удалось пробить коридор шириной от 250 до 400 м, по которому вышла часть бойцов и командиров 2-й ударной армии. Во время прорыва погиб член Военного совета армии дивизионный комиссар И.В. Зуев. Начальник особого отдела армии А.Г. Шашков⁴⁵, получив тяжёлое ранение руки, не желая отягощать товарищей, застрелился.

В числе последних приказов по армии, отданных Власовым, был приказ о выходе из окружения мелкими группами, кто как и где сможет. 1941 г. показал, что такой приказ превращает организованную войсковую силу в неуправляемую толпу, и первый период войны дал немало примеров того, как мелкими группами погибали целые дивизии и даже армии.

К тому же немцы постарались поставить прочные заслоны на путях возможного выхода из окружения воинов 2-й ударной армии. Они установили наблюдательные посты из числа местных жителей, недовольных советской властью, с немецкими командирами, и истошный вопль дежурного: «Господин немец, русские идут!» или «Красные идут!» поднимал на ноги охранное подразделение со специально натасканными собаками. Сломить сопротивление качавшихся от голода теней в лохмотьях оказывалось, как правило, делом нетрудным.

7 августа 1942 г., когда Любанская операция завершилась и стало известно о пленении генерала Власова, начальник особого отдела Волховского фронта старший майор госбезопасности Д.И. Мельников⁴⁶ написал справку о положении войск и вооружения 2-й ударной армии⁴⁷. По состоянию на 1 июня 1942 г., по спискам частей и соединений во 2-й ударной армии числилось 40 157 человек. Из окружения вышло 13 018 бойцов и командиров, то есть одна треть⁴⁸. «Из 27 139 человек, находившихся в окружении, – писал Д.И. Мельников, – большинство погибло в бою с врагами, часть сдалась в плен»⁴⁹. Выжившие до конца дней своих стеснялись признаться в том, что воевали во 2-й ударной армии, боясь получить клеймо «власовцы».

Имеющиеся в нашем распоряжении документы свидетельствуют о высоком моральном духе подавляющего большинства бойцов и командиров 2-й ударной армии. В плен сдавались, когда наступал предел человеческих возможностей. На наш взгляд, всяческого уважения достойны те, кто настойчиво пробивался из окружения.

Так, 28 августа 1942 г., спустя два месяца после полного окружения 2-й ударной армии, в районе обороны 188-й стрелковой дивизии⁵⁰ 27-й армии⁵¹ Северо-Западного фронта⁵² со стороны противника перешла группа бойцов и командиров – 18 человек, все с оружием и личными документами⁵³. Вели группу командир 267-й стрелковой дивизии (к тому времени расформированной решением Ставки) полковник П.А. Потапов⁵⁴ и комиссар интендантского отдела 2-й ударной армии А.К. Сушко⁵⁵. Сдаваться бойцы группы Потапова не собирались: приняв наше охранение за немцев, открыли стрельбу, и в результате «дружеского огня» один человек был убит и четверо ранены. Стрельбу прекратили только когда убедились, что перед ними свои. В особом отделе армии они поведали об обстоятельствах гибели 2-й ударной армии и о переходе её командующего на сторону противника⁵⁶. Командира дивизии пол-

ковника П.А. Потапова направили в Москву, о чём будет сказано ниже, ещё одного участника группы, некоего Н.Г. Сверчкова⁵⁷, арестовали как не внушающего доверия (перебежал от немцев, намереваясь выйти на сторону частей Красной армии), остальных отправили на пересыльный пункт Северо-Западного фронта, а раненых – в госпиталь⁵⁸.

Из той же 267-й «потаповской» стрелковой дивизии на другом участке фронта вышла из окружения группа бойцов и командиров во главе с начальником артиллерии дивизии Я.И. Медведевым⁵⁹, тоже с оружием, в советской военной форме, с личными документами, со знаками различия и отличия. Коммунисты, комсомольцы, беспартийные. В их числе – телефонистка штабной батареи артиллерии 267-й стрелковой дивизии Х.Х. Кадырова⁶⁰. Сохранились их полные установочные данные. По учётам ФСБ – МВД России ни один из них не проходит, а это значит, что их, скорее всего, подкормили на пересыльном пункте, дали возможность прийти в себя и снова отправили на фронт.

Генерал-лейтенант Власов со штабом не вышел. Его искали и свои, и немцы. До уровня полковников Потапова и Медведева, комиссара Сушко и вольнонаёмной телефонистки Кадыровой и их боевых товарищей он подняться не захотел.

А.А. Власов отклонил предложение выходить большой группой в составе членов Военного совета и Особого отдела армии, которая в дальнейшем со сравнительно малыми потерями пробилась в расположение наших войск. Он решил выйти из окружения малой группой, состоящей из самого А.А. Власова, начальника штаба армии полковника П.С. Виноградова, повара столовой Военного совета армии М.И. Пелипенко⁶¹ и нескольких красноармейцев. Где он находился и что делал с конца июня 1942 г. до момента пленения – из наших документов неясно.

12 июля 1942 г. А.А. Власов оказался в плену. Обстоятельства его пленения также неясны до сих пор: по одним данным, он добровольно вышел к немцам, по другим – его сдали местные жители, по третьим – был взят в плен в бою.

Сам Власов на допросах на Лубянке говорил о своей добровольной сдаче в плен. Германское информационное бюро в сводке от 16 июля сообщало следующее: «Немецкого офицера встретил староста небольшого села, через которое офицеру пришлось проезжать. Староста заявил, что нашёл одного раненого большевика в обществе какой-то женщины и арестовал обоих. Тогда германский офицер направился к импровизированной тюрьме, в которой находился большевик, направил свой автомат на дверь, открыл её и предложил пленнику выйти. Появился советский солдат в традиционной русской рубашке (гимнастёрке – *И.И.*). Большие очки на носу с горбинкой обращали на себя внимание на этом измождённом лице. Ещё раньше, чем германский

лейтенант успел произнести слово и высказать свои подозрения, большевик сказал на плохом немецком языке: “Не стреляйте, я – генерал Власов”. В тот же момент генерал большевистской армии показал портфель, в котором находились бумаги, удостоверявшие его личность, и передал его германскому офицеру. В тот же вечер генерал Власов был доставлен в штаб, где подтвердились факты, устанавливающие его личность»⁶².

На машине Власов был доставлен в штаб 18-й немецкой армии на станции Сиверская. Пленение советского генерала – явление, конечно, неординарное, тем более что в плен попал заместитель командующего фронтом и по со-вместительству командующий армией. Но и из ряда вон выходящим этот случай не назовешь: в немецкий плен советские генералы попадали и до, и после 12 июля 1942 г., и не имеют особого значения обстоятельства пленения – ранение, контузия, добровольная сдача, выдача его подчинёнными или местными жителями. Важно дальнейшее поведение генерала. Есть мнение, что Власову ничего не оставалось, кроме как застрелиться или пойти на сотрудничество с оккупантами. Это не так.

Можно было погибнуть в бою, как командующий Юго-Западным фронтом генерал М.П. Кирпонос под Киевом; застрелиться, как это сделал генерал И.И. Копец, не сумевший пережить разгром вверенной ему авиации Белорусского особого военного округа в начале войны; отказаться от сотрудничества с врагом и принять мученическую смерть, как генерал инженерных войск Д.М. Карбышев в Маутхаузене. Показательна в этом плане судьба генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина. Попав тяжело раненным в плен под Вязьмой в октябре 1941 г., в концлагерях он держал себя достойно, ни на какое сотрудничество с немцами не шёл, категорически отказался от участия в каких-либо антисоветских организациях, хотя в первые месяцы плена критически отзывался о советской власти. В мае 1945 г. был освобождён из плена, прошёл проверку и в ноябре 1946 г. вышел в отставку по состоянию здоровья, с мундиром и пенсией. Более того, в 1993 г. ему было посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации.

Можно привести пример и из другой войны, Первой мировой, когда после поражения в Восточно-Прусской операции 1914 г. при выходе из окружения застрелился командующий 2-й армией (это чистое совпадение) генерал от кавалерии А.В. Самсонов. Кстати, в числе вышедших из «мешка» находился младший унтер-офицер 29-го пехотного Черниговского полка П.А. Потапов, о котором говорилось выше.

С большой долей уверенности можно говорить о том, что генерал Власов сумел бы оправдаться перед любым судом. Из всех крупных генералов, имевших отношение к Любанской операции, трагедии Мясного Бора, он был виновен, пожалуй, меньше всех, приняв 2-ю ударную

армию в безнадёжной ситуации. Даже послевоенное, предвзятое, по мнению некоторых исследователей, следствие⁶³ не поставило Власову в вину её провал. В обвинительном заключении, подписанном начальником Следственной части по особо важным делам МГБ СССР и министром государственной безопасности СССР 27 июля 1946 г., слова «Любанская операция» вообще отсутствуют⁶⁴. Нет этих слов и в приговоре Военной коллегии Верховного Суда СССР от 1 августа 1946 г.⁶⁵

Отметим, что командующий Волховским фронтом генерал-полковник К.А. Мерецков не поплатился ни головой, ни должностью за провал Любанской операции и измену своего заместителя. В дальнейшем он доблестно воевал, в 1944 г. стал Маршалом Советского Союза. Вверенный ему 1-й Дальневосточный фронт совместно с двумя другими советскими фронтами и Тихоокеанским флотом поставил точку в окончании Второй мировой войны. В 1945 г. он стал кавалером ордена Победы. Много сделал для развития отечественных Вооружённых Сил в послевоенный период. Его последняя должность – генеральный инспектор группы инспекторов Министерства обороны СССР (1964). Он умер в 1968 г., и его прах с подобающими почестями был захоронен в Кремлёвской стене.

И ещё несколько слов о полковнике П.А. Потапове. Его привезли на Лубянку, с ним беседовали (именно беседовали, а не проводили допрос) о Любанской операции и измене генерала Власова руководители Управления особых отделов НКВД. Никаким репрессиям за своё длительное пребывание в окружении и за разбитую 267-ю стрелковую дивизию П.А. Потапов не подвергся. Он навещил своих московских родственников, встретился с женой, а затем получил в Наркомате обороны новую дивизию и убыл на Северо-Западный фронт.

Всё это говорится к тому, что никаких огульных репрессий по отношению к «окруженцам» органы госбезопасности не проводили, хотя, если верить телесериалам типа «Диверсант» или «Штрафбат», мнение может сложиться обратное.

Следует сказать, что Любанская операция и катастрофа 2-й ударной армии никогда не замалчивались советской литературой о Великой Отечественной войне. Её описание разной степени полноты можно найти практически во всех исследованиях, посвящённых событиям 1942 г., в том числе в фундаментальных изданиях, посвящённых Второй мировой и Великой Отечественной войнам⁶⁶.

Почти одними и теми же словами в них говорится о том, что одной из главных причин провала Любанской операции стали трусость и измена командующего 2-й ударной армией генерала Власова, перешедшего на сторону врага (в первом из указанных источников он понижен почему-то до генерал-майора).

О Любанской операции писали её организаторы и вдохновители⁶⁷. В частности, касаясь роли Власова в Любанской операции, М.С. Хозин⁶⁸ писал: «Впоследствии мы узнали, что бывший командующий 2-й ударной армией генерал Власов сдался в плен, стал предателем и активным пособником фашистов. Не исключено, что его действия как командующего армией, отличавшиеся неорганизованностью и приведшие к потере управления войсками, не были случайны»⁶⁹.

Ему вторит К.А. Мерецков: «Возникает вопрос: как же всё-таки случилось, что Власов оказался предателем? Ответ, мне кажется, может быть дан только один. Власов был беспринципным карьеристом. Его поведение до этого вполне можно считать маскировкой, за которой скрывалось равнодушие к своей Родине. Его членство в Коммунистической партии – не более чем дорожка к высоким постам. Его действия на фронте, например в 1941 году под Киевом и Москвой, – попытки отличиться, чтобы продемонстрировать профессиональные способности и поскорее выдвинуться. Но война сложнее. Его армия застряла под Любанью, а в начале июня была взята в кольцо. Дальнейшая судьба её известна»⁷⁰.

Как видим, налицо явные попытки снять с себя ответственность за провал Любанской операции и всю вину свалить на генерала Власова.

На первых допросах в Сиверской в середине июля 1942 г. Власов не сказал немцам ничего существенного, хотя и обладал отличной памятью. Он рассказал свою биографию, назвал номера армий, входивших в состав Волховского фронта, и фамилии их командующих (кто командовал 4-й армией, Власов и сам не знал), дал характеристику некоторым советским военачальникам, похвалив С.К. Тимошенко⁷¹, вскрыл причины катастрофы 2-й ударной армии и ответил на другие вопросы, в которых немцы были осведомлены не хуже него. В то же время, как сказано в протоколе допроса, «он, как командующий армией, не был осведомлён об оперативной обстановке в большом масштабе, [...] это держалось в такой тайне, что даже командующие армиями не знали о намерениях Верховного командования даже на соседних участках»⁷². А вот как раз оперативная обстановка интересовала немцев больше всего.

В Сиверской А.А. Власов был представлен командующему германской армейской группировкой «Север» генерал-полковнику Г. Линдемманну⁷³, с которым он сфотографировался. Как показал бывший военнослужащий немецкой армии Э. Шубап на допросе 9 апреля 1943 г., Власов в первые дни после пленения чувствовал себя совершенно спокойно. В штабе Линдемманна он «свободно разговаривал с офицерами и временами смеялся»⁷⁴.

Вскоре А.А. Власов был направлен в г. Летцен, а затем – в лагерь военнопленных в Винницу. Именно здесь, в Винницком лагере, Власов бесповоротно и без нажима встал на путь измены. В беседе с сотруд-

ником разведотдела германского верховного командования подполковником А. фон Ронне⁷⁵ и представителем отдела пропаганды капитаном В. Штрик-Штрикфельдтом⁷⁶, бывшим белогвардейцем, Власов высказал мысль, что «для русских, которые хотят воевать против советской власти, нужно дать какое-то политическое обоснование их действиям, чтобы они не казались наёмниками Германии»⁷⁷.

Здесь же он нашёл и единомышленников из числа пленных командиров Красной армии. Так, 3 августа 1942 г. А.А. Власов и бывший командир 41-й стрелковой дивизии полковник В.И. Боярский⁷⁸ по собственной инициативе составили меморандум, суть которого сводилась к созданию «русской армии» из числа военнопленных и жителей оккупированных немецко-фашистскими войсками территорий для свержения сталинского режима и установления нового государственного строя. «Это мероприятие, – писали авторы меморандума, – легализует выступление против России и устранил мысль о предательстве, тяготящую всех военнопленных, а также людей, находящихся в неоккупированных областях»⁷⁹. Кроме того, для достижения своей цели Власов и Боярский не исключали возможности союза с Соединёнными Штатами Америки и Англией⁸⁰. Этот меморандум был вручён А. фон Ронне для передачи германскому верховному командованию.

Свой взгляды на формирование полноценной русской армии из военнопленных и восточных добровольцев для свержения сталинского правительства с последующим созданием самостоятельного русского государства на основе социально-экономического раскрепощения населения Власов развивал и в дальнейшем.

Об этом, в частности, свидетельствует перевод трофейной записки⁸¹ представителя Министерства иностранных дел Германии Г. Хильгера⁸² от 7 августа 1942 г., в которой он информировал своё руководство о результатах беседы с генералом А.А. Власовым, полковником В.И. Боярским и полковым комиссаром И.Я. Кернессом⁸³.

Насколько можно судить из контекста записки, с Хильгером говорил в основном Власов. Боярский ему поддакивал, а Кернесс помалкивал. «Его (Власова. – И.И.) суждения спокойны и обдуманно», – писал Хильгер⁸⁴. И далее: «Чтобы добиться победы над Сталиным, нужно, по мнению обоих офицеров, ввести в бой против Красной армии русских военнопленных. Ничто не подействует на красноармейцев более сильно, чем выступление русских соединений на стороне немецких войск. [...] На обломках Советского Союза возникнет новое русское государство, которое в тесном союзе с Германией и её вождями будет работать над созданием нового порядка в Европе. [...] Я ясно сказал советским офицерам, что не разделяю их убеждений. Россия в течение ста лет являлась постоянной угрозой Германии, вне зависимости

от того, было ли это при царском или при большевистском режиме. Германия вовсе не заинтересована в возрождении русского государства на великорусской основе»⁸⁵.

Подобные ответы Власов и его единомышленники получали от высокопоставленных деятелей Третьего рейха и в дальнейшем. Выполняя чёткую установку А. Гитлера о превращении России в колонию Германии, они ясно давали понять, что ни о какой «новой России», пусть даже надёжной союзницы Германии, речи быть не может. Доводы Власова и власовцев о том, что между независимым государством и колонией есть и другие формы государственного устройства: доминион, протекторат с временным или постоянным введением оккупационных войск, — успеха не имели.

Для немцев А.А. Власов оказался настоящей находкой: на сотрудничество с ними пошёл генерал высокого ранга, с безукоризненной боевой репутацией героя нынешней войны, орденосеиц, который в результате мучительных колебаний осознал преступность сталинского режима и необходимость борьбы с ним всеми силами. Учили они и его навыки дипломатической, политической, строевой и штабной работы.

В октябре 1942 г. Власов был направлен в Берлин, а оттуда — в лагерь для военнопленных командиров Красной армии. Здесь он встретился со своими будущими соратниками по борьбе, в частности, с генерал-майором В.Ф. Малышкиным⁸⁶ и генерал-майором береговой службы И.А. Благовещенским⁸⁷.

В то же время находившиеся в лагере генералы П.Г. Понеделин⁸⁸, М.Г. Снегов⁸⁹ и М.Ф. Лукин⁹⁰ категорически отказались от сотрудничества с Власовым. Отметим, что отказ этот прозвучал тогда, когда под Сталинградом решался исход Второй мировой войны. Забегая вперёд, скажем, что уж тем более отказом эти генералы ответили в декабре 1944 г., когда к ним, к тому времени переведённым в Нюрнбергский лагерь, по поручению Власова наведалься генерал-майор РОА М.А. Меандров⁹¹ — заместитель начальника Главного управления пропаганды Комитета освобождения народов России. Снегов болел и потому избежал беседы, Лукин и Понеделин ответили отказом, первый — в решительной, второй в более тактичной форме. Генералы Н.К. Кириллов⁹² и М.И. Потапов⁹³ вообще отказались разговаривать с посланцем Власова. «Других генералов, содержащихся в Нюрнбергском лагере, я вызывать не решился», — говорил Меандров на допросе 17 апреля 1946 г.⁹⁴

В декабре 1942 г. по предложению службы пропаганды германского верховного командования в Берлине Власовым и его единомышленниками было подготовлено «Обращение к бойцам и командирам Красной армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза», в котором провозглашалось создание в Смоленске так называемого

«Русского комитета» и излагались его задачи. Обратим внимание на то, что Комитет сформировался в Берлине, по подсказке немцев, но для камуфляжа его центром был выбран исконно русский город.

В этом «Обращении»⁹⁵, подписанном председателем Комитета Власовым и секретарём Малышкиным, отпечатанном в виде двухстраничной листовки и широко распространённом немцами среди советских военнопленных и на фронтах, подчёркивалось: «Большевизм – враг русского народа [...], он вовлёл русский народ в кровавую войну за чуждые ему интересы [...]. Германия не посягает на жизненное пространство русского народа и его национально-политическую свободу». Говорилось это, повторимся, в декабре 1942 г., когда жители оккупированных территорий на себе познали «новый порядок», а бойцы и командиры наступающей Красной армии своими глазами видели последствия оккупации.

Комитет ставил перед собой такие цели, как свержение Сталина и его клики, уничтожение большевизма, заключение почётно мира с Германией, «создание, в содружестве с Германией и другими народами Европы, новой России без большевиков и капиталистов». В числе главных принципов, заложенных в основу строительства «новой России», лежали ликвидация колхозов, планомерная передача земли крестьянам в частную собственность, восстановление торговли, ремесла, кустарных промыслов, поощрение частной инициативы, защита трудящихся от эксплуатации, уничтожение режима террора и освобождение политических заключённых и т.п. В «Обращении» содержался призыв к бойцам и командирам Красной армии переходить на сторону действующей в союзе с вермахтом Русской освободительной армии. При этом всем перешедшим на сторону борцов против большевизма гарантировалась неприкосновенность и жизнь вне зависимости от их прежней деятельности и занимаемой должности.

Создание «Русского комитета» было с восторгом встречено всеми зарубежными антисоветскими силами. В частности, статьи одобрения прислали атаман Г.М. Семёнов⁹⁶, возглавлявший русскую белоэмиграцию в Маньчжурии и выражавший намерение объединиться с власовским движением для совместной борьбы против советской власти, и А.Ф. Керенский⁹⁷, проживавший в США⁹⁸.

С созданием «Русского комитета» Власов заметно активизировал свою антисоветскую деятельность. В течение 1943 г. он часто выезжал в различные города на временно оккупированной территории Белоруссии, Прибалтики, Смоленщины, посещал лагеря для военнопленных, выступая от имени «Русского комитета» с речами, призывающими к борьбе с большевиками и вступлению в добровольческие формирования вермахта. Здесь же усиленно распространялась газетно-журнальная пропаганда на языках народов СССР о райской жизни в Третьем рейхе,

о буднях военнослужащих добровольческих формирований вермахта, о необходимости борьбы с большевизмом. Кроме того, немцы отпечатали огромное количество листовок-пропусков с призывами к офицерам и солдатам Красной армии переходить на сторону Германии. Улыбающиеся физиономии сытых, одетых с иголочки власовцев должны были свидетельствовать о том, что они избрали правильный путь, перейдя на службу вермахту.

И эта пропаганда давала свои плоды. Имели место и переходы на сторону противника одиночками и группами, и запись военнопленных во всевозможные восточные батальоны, национальные легионы и вспомогательные службы вооружённых сил фашистской Германии. Основными причинами, побуждавшими военнослужащих Красной армии к измене Родине, следует считать недовольство сталинским режимом и стремление избежать смерти в нечеловеческих условиях немецкого плена. Кроме того, многие рассчитывали на то, что, попав в антипартизанское формирование или в восточный батальон, действующий против Красной армии, можно будет бежать и, следовательно, быстрее оказаться у своих. Таких случаев было немало, и они участились начиная с 1943 г. под влиянием побед Красной армии.

Правда, какой-либо статистикой об антифашистских восстаниях и побегах мы не располагаем. Неизвестно и то, сколько антифашистских групп и одиночек было вскрыто немцами на этапах приготовления при помощи провокаторов из числа борцов против сталинского режима.

Впрочем, немецкие листовки и радиообращения перебежчиков давали и обратный эффект. Это нашло отражение в художественной литературе. Так, героиня романа К. Симонова «Солдатами не рождаются» «... не раз за войну слышали русские голоса оттуда: “Товарищи красноармейцы, сдавайтесь, я такой-то, со мной хорошо обращаются, вы в надёжном положении...”. Слышали и били по таким голосам изо всех видов оружия, со всей яростью, на какую были способны»⁹⁹. Самосуды над пленными, носившими на рукавах мундиров шевроны РОА и других антисоветских формирований, были на фронте обычным явлением.

В Москве в измену генерал-лейтенанта Власова долго не верили. Только 7 ноября 1942 г. заместитель наркома внутренних дел СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга В.С. Абакумов¹⁰⁰ утвердил постановление о возбуждении уголовного преследования в отношении А.А. Власова по признакам ст. 58-1 «б» УК РСФСР (измена Родине, совершённая военнослужащим). 6 декабря 1942 г. материалы сформированного дела были направлены в Военную коллегия Верховного суда СССР, которая 24 февраля 1943 г. заочно приговорила А.А. Власова к смертной казни по обвинению в преступлении, предусмотренном ст. 58-1 «б» УК РСФСР.

Однако прошло три с лишним года, пока приговор Военной коллегии в отношении Власова и 11 его подельников был приведён в исполнение.

Сыграли свою роль показания полковника П.А. Потапова, о котором говорилось выше, и бежавшего из немецкого плена личного шофёра Власова красноармейца Н.В. Конькова¹⁰¹. А ещё больше – листовки и воззвания, доставляемые с фронта, с призывами переходить на сторону немцев, как это сделал генерал Власов. Эта бумажная пропаганда также отложилась в материалах секретного делопроизводства Центрального архива ФСБ России. Графическая экспертиза подтвердила подлинность подписи генерал-лейтенанта Власова.

Вот одна из листовок, датированная 10 сентября 1942 г., с воспроизведённой собственноручной подписью генерала Власова. Начинается она с обращения: «Товарищи командиры! Советская интеллигенция!», как будто рядовых бойцов, рабочих и колхозников содержание листовки не касалось. В первом абзаце он вкратце рассказывал о своих предвоенных и военных подвигах, закончив его словами: «...командуя 2-й ударной армией, находясь в условиях окружения, вёл непрерывные бои до последней возможности. В бою был взят в плен». Как это было на самом деле, показано выше. Остальной текст посвящался резкой критике «сталинской клики», ведущей войну в интересах США и Англии, с конечным призывом к её свержению любой ценой¹⁰².

В более развёрнутом виде эта критика прозвучала в открытом письме генерал-лейтенанта Власова «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом», опубликованном немцами 16 марта 1943 г. Здесь же содержалось обоснование его измены: «Там, в болотах, я окончательно пришёл к выводу, что мой долг заключается в том, чтобы призвать русский народ к борьбе за свержение власти большевиков. В этой борьбе за наше будущее я открыто и честно становлюсь на путь союза с Германией»¹⁰³.

Вскоре дело пошло дальше призывов: А.А. Власов всё настойчивее ставил перед руководителями Третьего рейха вопрос о создании единой Русской освободительной армии.

Тут необходимо пояснение.

За первые восемь недель войны против СССР вермахт потерял только убитыми и пропавшими без вести 100 тысяч человек, столько же, сколько за все предшествовавшие кампании начиная с сентября 1939 г. Прибывавшее пополнение не могло возместить этих потерь: до конца ноября 1941 г. из строя выбыло 740 тысяч солдат и офицеров, а пополнение составило не более 400 тысяч человек¹⁰⁴.

В этих условиях командование вермахта вынуждено было решать проблему своими силами: немецкие солдаты заменялись советскими военнопленными, сначала в подразделениях обеспечения (шофёры,

конюхи, рабочие по кухне, разнорабочие, сапожники, портные и т.п.), затем – в боевых подразделениях (подносчики боеприпасов, связные, сапёры, санитары). Они получили общее наименование «хиви» (сокр. от нем. *Hilfswillige* – добровольные помощники, буквально – «готовые помочь»), закрепившееся за ними до самого окончания войны.

Ещё одной важнейшей проблемой для командования вермахта стал рост партизанского движения на временно оккупированной территории СССР. Привлечение регулярных германских войск для борьбы с партизанами оказалось невыгодным, так как, во-первых, требовало значительного распыления сил, во-вторых, оборачивалось большими потерями при ведении боевых действий в непривычных геоклиматических условиях. Выход был найден в создании из числа местного населения вспомогательных охранных и антипартизанских формирований. Наиболее типичными из них были роты и батальоны, реже – полки и лишь в исключительных случаях – дивизии и бригады и приравненные к ним соединения.

В ряде случаев их комплектование проводилось по национально-этническому принципу. Так, в составе вермахта в ходе войны появились так называемые «восточные батальоны», казачьи и калмыцкие части, а также легионы, составленные из уроженцев Средней Азии, Кавказа, Поволжья, Прибалтики, различные полицейские подразделения. Помимо обеспечения безопасности тыла германских войск, борьбы с партизанами, охраны важных объектов, поддержки оккупационного режима и проч., такие формирования привлекались к непосредственным боевым действиям на фронте, разбавив немецкий кадровый состав и получив статус добровольцев-фрайвиллиге (*freiwillige*).

Как правило, все эти отряды и части находились под строгим надзором немецкого командования. Почти во всех частях командование было немецким, для благонадёжности в них вливался большой процент немецкого рядового состава.

Эти отряды и части пригодились немцам и на территории оккупированной Европы: для охраны тылов и коммуникаций, проведения облав, антипартизанских операций и акций устрашения. Имелась прекрасная возможность показать, например, полякам, югославам, французам, датчанам, кто такие русские. Есть много свидетельств того, как при проведении карательных операций немецкие командиры намеренно ослабляли дисциплину и контроль за своими русскими подчинёнными, и те начинали творить бесчинства, которые списывались на неуправляемость «русских наёмников». Следовательно, и от Красной армии население оккупированных территорий не могло ожидать ничего хорошего. Кто такие русские, поняли и англо-американские союзники, когда высаживались на побережье Нормандии в июне 1944 г.

Для поощрения отличившихся добровольцев 14 сентября 1942 г. руководство Третьего рейха учредило знак отличия для восточных народов за храбрость и заслуги, имевший два класса и пять степеней. Награждение сопровождалось грамотой, дававшей право на ряд привилегий¹⁰⁵. Так, 23 апреля 1943 г. усердие генерала Власова было отмечено знаком отличия «За храбрость» для восточных народов 2-го класса в бронзе.

К основным причинам, в силу которых советские граждане шли на сотрудничество с оккупантами в период Великой Отечественной войны, следует отнести недовольство определённой части населения потерей имущества и привилегий в результате Октябрьской революции, тоталитарным сталинским режимом и сопровождавшими его насильственной коллективизацией, «рассказачиванием», «голодомором», уничтожением «эксплуататорских классов» и политических противников, гонениями на церковь, многочисленными репрессиями и чистками 1930-х гг., низким жизненным уровнем подавляющего большинства населения и т.д. К этому уже в ходе войны прибавились потеря веры в способность советского правительства организовать отпор агрессору, оставление Красной армией громадной территории, неумелое ведение советским командованием боевых действий, сопровождавшееся большими потерями, перебои с вещевым и продовольственным снабжением, боязнь ответственности за плохо проведённую войсковую операцию, невыносимые условия жизни в немецком плену, желание выжить любой ценой и многое другое. Зачастую немецкое командование прибегало к открытой мобилизации мужчин призывного возраста под угрозой привлечения к военно-полевому суду по законам военного времени.

Однако единого командования этими формированиями не существовало. Название «Русская освободительная армия» на тот момент носило собирательный характер. Власов попытался объединить эти разрозненные формирования в одно целое.

В частности, Центральный штаб партизанского движения сообщал, что в начале июня 1943 г. А.А. Власов в Риге на совместном совещании представителей РОА и эмигрантских организаций выступил с речью, в которой сообщил собравшимся о результатах своих переговоров с верховным командованием вермахта, в ходе которых Власов выставил четыре основных требования:

1. Предоставить ему возможность объединить все эмигрантские и русские отряды при немецких частях в одно целое – Русскую освободительную армию.

2. Предоставить РОА свободу проведения самостоятельных боевых операций на определённом участке фронта, в частности Ленинградском.

3. После занятия РОА Ленинграда объявить состав Русского национального правительства.

4. Германскому правительству признать РОА союзной армией.

Далее Власов дал понять присутствующим, что США и Англия после катастрофы Германии будут поддерживать те силы, которые в будущем поведут борьбу против большевизма¹⁰⁶.

Здесь же, в Риге, бывший семинарист встретился с митрополитом Сергием¹⁰⁷. Беседа закончилась ничем: митрополит стоял за создание Святейшего Синода на оккупированных немцами территориях, Власов посоветовал не торопиться, а для начала объединить духовенство для борьбы против большевизма и выяснить отношение населения к церкви. В конце концов договорились встретиться и обсудить эту тему дополнительно.

Под влиянием побед Красной армии летом 1943 г. Власов начал задумываться над поиском контактов с союзниками СССР по антигитлеровской коалиции. Об этом, в частности, рассказал на допросе 30 января 1946 г. Ф.И. Трухин¹⁰⁸, занимавший у А.А. Власова пост начальника штаба вооружённых сил КОНР и РОА. Летом 1943 г. в пригороде Берлина, где жил Власов, они беседовали о последних событиях на фронте.

«Касаясь успехов Красной армии на Восточном фронте, – говорил Трухин на допросе, – я спросил Власова, что мы будем делать, когда Германии разобьют, не попытаться ли нам заранее установить связь с англичанами и выяснить, как они отнесутся к нам в случае разгрома Германии. Власов ответил, что, исходя из последних событий, можно предположить, что Германия действительно будет разбита, поэтому вопрос об установлении связи с англичанами является актуальным.

Далее Власов заявил, что этим вопросом необходимо заняться, так как Англия и Америка настоящими друзьями Советскому Союзу никогда не будут, они, безусловно, после поражения Германии не потерпят, чтобы флаг Советского Союза развевался в ряде европейских государств. Рано или поздно Англия выступит войной против СССР, а так как к концу этой войны, как говорил Власов, каждая дивизия будет цениться на вес золота, выступив со своими силами, мы сможем захватить власть в свои руки. Этим вопросом, в заключение беседы заявил Власов, я займусь лично.

Позже, в марте 1945 г., Власов мне рассказал, что он под видом установления связи с Международным управлением Красного Креста послал в Швейцарию белоэмигранта Ю.С. Жеребкова¹⁰⁹, которому дал задание установить связь с англо-американцами. Жеребков в конце марта 1945 г. оформил все необходимые для поездки в Женеву документы, но выехал ли или нет, сказать не могу¹¹⁰.

Но пока, в 1943 г., А.А. Власов делал ставку на союз с А. Гитлером. В коллаборационистских газетах и журналах продолжались печататься карикатуры на дядю Сэма и Джона Буля. Листовки, сбрасываемые с са-

молётов, уверяли советских солдат, что они воюют не за свою Родину, а за интересы англо-американских капиталистов.

Весь 1943 г. А.А. Власов настойчиво изыскивал возможности личных встреч с фюрером. На допросе 17 июля 1946 г. Ф.И. Трухин показывал, что Власов предпринимал такие попытки с помощью немецкого писателя Э. Дзвингера¹¹¹ и редактора журнала «Ди акцъон» М. Видеманн¹¹², а также посылал письма Гитлеру через гросс-адмирала К. Дёница и ведомство Р. Лея¹¹³. Эти попытки успехом не увенчались. Начальник штаба верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршал В. Кейтель также свидетельствовал: «Верховное командование никогда не имело никаких серьёзных расчётов на использование власовских войск. Фюрер также самым резким образом отвергал мысль о формировании армии Власова и решительно отказался принять его. Покровительство Власову оказывали только Гиммлер и СС»¹¹⁴.

А.А. Власов всё время настойчиво искал новые пути войти в ещё большее доверие к руководству рейха, используя для этой цели в том числе и женщин¹¹⁵. В августе 1944 г. в Рупольдинге он познакомился с заведующей местным домом отдыха выздоравливающих немецких солдат Аделью Биленберг, вдовой видного эсэсовца, убитого годом раньше на Кубани. Брат её также являлся приближённым Гиммлера. Власов решил жениться на Биленберг. Это притом что его законная жена по ту сторону фронта уже отбывала срок как «член семьи изменника Родины». По той же причине отбывала срок его боевая подруга по 37-й и 20-й армиям Агнесса Подмазенко¹¹⁶, считавшая себя также законной женой Власова. «Этим путём (женитьбой на Биленберг – И.И.), – показывал Власов на следствии, – я рассчитывал войти в ССовские круги, подчеркнуть прочность своих связей с немцами и не исключал возможности получить через брата Биленберг доступ к Гиммлеру. Мне не стоило большого труда уговорить Биленберг стать моей женой. Предполагая, что мои отношения с Биленберг будут известны Гиммлеру, в разговорах с ней я настойчиво проводил одну и ту же мысль, что если мне будет предоставлена большая свобода действий, то я организую из военнопленных боеспособную армию, которая окажет немцам помощь в войне против Советского Союза.

Не могу утверждать, что эти разговоры повлияли на последующие события, но [...] 18 сентября 1944 г. меня из Рупольдинга вызвали на приём к Гиммлеру, и я получил от него задание создать Комитет освобождения народов России. Позже Гиммлер разрешил мне брак с Биленберг»¹¹⁷.

Забегая вперёд, скажем, что А.А. Власов оформил свой брак с А. Биленберг в апреле 1945 г., с соблюдением всех формальностей, принятых в Германии. Как представляется, надо было иметь особые заслу-

ги, чтобы немцы в обход расовых законов Третьего рейха разрешили «недочеловеку»-славянину брак с чистокровной арийкой.

Следует отметить, что до середины 1944 г. гитлеровское руководство осторожно подходило к вопросу создания крупных «добровольческих формирований»: имелись многочисленные случаи восстаний, перехода «добровольцев» на сторону партизан или Красной армии, стрельбы по немецким солдатам и т.п. Создавать Русскую освободительную армию с русским командованием, которая в дальнейшем могла бы стать серьёзным соперником обескровленному вермахту, немцы не торопились.

Да и само это словосочетание – Русская освободительная армия – становилось всё более странным: непонятно, кого она собиралась освобождать, когда Красная армия неуклонно шла на запад. Добровольцы и легионеры охраняли Атлантический вал, боролись с партизанами в Вогезах, Карпатах, на Балканах, в Италии. Причём здесь освобождение России от большевизма, понять трудно.

В этих условиях взгляды германского руководства достаточно резко изменились. Как говорилось выше, 18 сентября 1944 г. в ставке верховного командования вермахта близ г. Растенбурга (Восточная Пруссия) состоялась первая встреча А.А. Власова с Г. Гиммлером. На этой встрече рейхсфюрер СС заявил, что с этого времени он лично будет руководить всей работой по организации добровольческих формирований из числа русских военнопленных для борьбы с большевиками, в связи с чем Власову в дальнейшем предлагалось согласовывать все свои мероприятия только с СС. Кроме того, Гиммлер предложил Власову объединить существующие на оккупированных территориях различные белогвардейские, националистические и другие антисоветские организации и формирования. При этом Гиммлер согласился с предложением Власова создать Комитет освобождения народов России, разрешил начать формирование пяти дивизий РОА и дал указание разработать и представить ему на утверждение манифест КОНР. Одновременно Гиммлер выделил своего представителя, оберфюрера СС Э. Крёгера¹¹⁸ для непосредственного руководства всей деятельностью Власова и будущего КОНР.

Вскоре А.А. Власов вместе с Г.Н. Жиленковым¹¹⁹ и В.Ф. Малышкиным подготовили проект «Манифеста» и предложения по личному составу КОНР, которые Г. Гиммлер одобрил.

14 ноября 1944 г. в Праге состоялось учредительное собрание КОНР, на котором присутствовали А.А. Власов и его ближайшее окружение, представители различных белоэмигрантских и антисоветских националистических организаций. Немецкую сторону представляли статс-секретарь протектората Богемии и Моравии обергруппенфюрер СС К. Франк¹²⁰ и начальник Главного управления СС по репатриации

этнических немцев обергруппенфюрер СС В. Лоренц¹²¹, выступившие с приветственными речами, оберфюрер СС Э. Крёгер и др. С программной речью выступил А.А. Власов. Он огласил «Манифест КОНР» и заверил гитлеровское руководство, что «народы России, как верные союзники немецкого народа, в своей борьбе против большевизма никогда не сложат оружия и будут бороться плечом к плечу вместе с немецким народом до полной победы»¹²².

Как видим, к «верным союзникам немецкого народа» Власов смело причислил и тех, кто сражался с фашизмом на фронте, и тех, кто трудился в советском тылу. А таким, не желавшим установления «нового порядка», счёт шёл на десятки миллионов.

Но вернёмся к «Манифесту». В нём объявлялось о создании Комитета освобождения народов России, излагались задачи КОНР и 14 программных пунктов, которые должны были лечь в основу новой государственности народов России. Главной своей целью КОНР ставил борьбу за «свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы, [...] прекращение войны и заключение по-чётного мира с Германией, создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров»¹²³.

Опять-таки заметим, что все эти лозунги озвучивались тогда, когда Красная армия на широком фронте уже перешла государственную границу СССР и вышла к границам Восточной Пруссии. В самой Германии в помощь вермахту начали формироваться отряды фольксштурма, зондировалась почва для начала сепаратных переговоров с союзниками. Неминуемость краха фашистской Германии осознавали и Власов, и всё его окружение.

Основное содержание 14 пунктов «Манифеста» сводилось к утверждению национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации; ликвидации колхозов и свободе форм трудового землепользования; установлению неприкосновенной частной трудовой собственности, ремёсел, кустарного промысла и предоставлению частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны и др.

«Манифест» заканчивался призывом к военнослужащим Красной армии повернуть оружие против «большевистских узурпаторов». «Братья и сёстры на родине» призывались к усилению борьбы против «сталинской тирании»¹²⁴.

Председателем КОНР и командующим РОА стал А.А. Власов, о чём немцы выдали ему соответствующее удостоверение, подписанное оберфюрером Э. Крёгером 30 декабря 1944 г.

В состав КОНР вошли В.Ф. Малышкин (секретарь), Г.Н. Жиленков, Ф.И. Трухин, В.И. Боярский, С.К. Буняченко¹²⁵, М.А. Меандров,

а также бывший генерал царской и белой армий, один из руководителей Русского общевойскового союза¹²⁶ Ф.Ф. Абрамов¹²⁷, руководящий работник Национально-трудового союза нового поколения¹²⁸ белоэмигрант А.С. Казанцев¹²⁹, белоказачий генерал Е.И. Балабин¹³⁰ и др. – всего более 60 человек. Согласно утверждённому немцами временному положению о КОНР, председатель Комитета руководил гражданскими делами совместно с президиумом, а военными – единолично. Структурно КОНР состоял из пяти управлений, в том числе военного (Ф.И. Трухин), пропаганды (Г.Н. Жиленков), организационного (В.Ф. Малышкин). Гражданское управление возглавил Д.Е. Закутный¹³¹. Он же по совместительству являлся агентом гестапо, регулярно информируя немцев о настроениях Власова и его окружения. Впрочем, этим же грешили многие ближайшие соратники председателя КОНР, а на московском следствии давали друг другу нелестные характеристики: Малышкин, например, чересчур любил женщин, Жиленков любил выпить, сам Власов – и то, и другое.

Геббельсовская пропаганда широко разрекламировала создание Комитета. Это событие освещалось в передачах немецкого радио и в прессе, приветственные послания А.А. Власову направили рейхсфюрер СС Г. Гиммлер и начальник генштаба германской армии генерал-полковник Г. Гудериан, на которые председатель КОНР ответил в верноподданническом духе. Кроме того, немцы в большом количестве распространяли листовки с «Манифестом КОНР» и лозунгами Комитета в лагерях советских военнопленных и на фронте. Некоторые образцы печатной пропаганды осели в материалах секретного делопроизводства Центрального архива ФСБ России.

После создания КОНР активность А.А. Власова резко возросла. В течение ноября 1944 – февраля 1945 г. он неоднократно встречался с Гиммлером, Герингом, Геббельсом и фон Риббентропом по вопросам организации работы и финансирования своего Комитета и РОА.

В последние месяцы перед крушением Третьего рейха его заправили, похоже, стали воспринимать Власова всерьёз. Так, он подписал 18 декабря 1944 г. с МИДом Германии и 18 января 1945 г. с германским правительством соглашения о порядке финансирования деятельности КОНР, в которых предусматривалось, что Власов будет погашать немецкие кредиты «после захвата власти в СССР»¹³². Как показал на послевоенном следствии С.А. Андреев¹³³, начальник финансовой службы КОНР, содержание только аппарата Комитета обошлось немецкой казне в 2 млн марок¹³⁴.

В начале декабря 1944 г. Власов с Закутным и Малышкиным побывали на приёме в одном из управлений «Рабочего фронта», руководимого Р. Леем. Помимо чиновников этого ведомства, на приёме присутствовали и представители СС.

Рассказывает Д.Е. Закутный: «Эта встреча имела целью установить контакт между Комитетом освобождения народов России и ведомством Р. Лея и обменяться мнениями в отношении положения в Германии русских рабочих, угнанных немцами с оккупированной советской территории.

На приёме первым говорил Власов, который в своём выступлении заявил: «Теперь, когда создан КОНР и началось формирование РОА, необходимо разъяснять русским рабочим, занятым в германской промышленности, что они работают на себя, так как их продукция идёт не только для снабжения немецкой армии, но и для снабжения РОА».

Далее Власов порекомендовал немцам для увеличения производительности труда русских рабочих ввести в германских предприятиях систему принуждения: у невыполняющих производственную норму уменьшать паёк, помещать таких рабочих в худшие помещения. Своё выступление Власов закончил тем, что предложил всем присутствовавшим поднять тост за здоровье Гитлера»¹³⁵.

Если словосочетание «русские рабочие» заменить словом «заключённые», «германские предприятия» заменить «советскими», а тост поднять за здоровье Сталина, а не Гитлера, то никаких отличий от реальный жизни в СССР во времена ГУЛАГа не будет. Это к вопросу о том, что несли с собой генерал Власов и возглавляемый им КОНР на смену «сталинской тирании».

Не подтверждают слова председателя КОНР и тезис некоторых исследователей о том, что он старался облегчить участь советских военнопленных и «ост-арбайтеров». А.А. Власов и до создания КОНР посещал предприятия на временно оккупированной территории Советского Союза. Вот что говорится в документе 4 (зафронтового) Управления НКГБ СССР о посещении им 1 мая 1943 г. псковского завода «Металлист»: «На заводе Власов беседовал с рабочими. На ответы рабочих, что их избивают, кормят плохо, а работать заставляют много, Власов ничего не сказал и уехал. Рабочие после посещения Власова говорят, что это авантюрист, поставленный немцами»¹³⁶.

После создания КОНР А.А. Власов по поручению Г. Гимmlера проводил активные переговоры с руководителями всевозможных антисоветских и националистических организаций о проведении совместной борьбы против советской власти. Такие переговоры он провёл с руководителем РОВС в Германии белогвардейским генералом А.А. фон Лямпе¹³⁷, белоказачьим атаманом П.Н. Красновым¹³⁸, видными функционерами НТСНП В.М. Байдалаковым¹³⁹ и В.Д. Поремским¹⁴⁰, главой «Русского национального союза участников войны» генералом А.В. Туркулом¹⁴¹, представителями созданных немцами Туркестанского и Азербайджанского комитетов. Туркул спросил как-то Власова, как тот относится к белогвардейскому движению. «Для меня, – ответил предсе-

датель КОНР, – никакой разницы нет, кто из русских будет участвовать в Комитете и вести борьбу против советской власти»¹⁴².

Для совместной работы А.А. Власову удалось привлечь только часть туркестанских националистов. Другая их часть во главе с Каюм-ханом¹⁴³ сотрудничать с Власовым категорически отказалась. Переговоры с лидерами белорусских, украинских, грузинских и азербайджанских националистов о вхождении их в КОНР закончились ничем: стремление Г. Гимmlера объединить все антисоветские националистические организации встретило резкое противодействие рейхсминистра по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберга, которого поддержали рейхсминистр пропаганды Й. Геббельс и рейхслайтер М. Борман.

Если сотрудничество Власова с вышеуказанными организациями носило в основном политический характер и ограничивалось разговорами, то куда опаснее для наступающей Красной армии оказалась организация двух разведывательно-диверсионных школ, созданных по заданию службы безопасности (СД) отделом безопасности КОНР. Одну школу открыли близ Мариенбада в январе 1945 г., другую – под Братиславой в марте того же года. Здесь готовили кадры агентов и диверсантов для проведения шпионской и диверсионной деятельности и организации повстанческого движения в тылу Красной армии. Контингент слушателей состоял из нескольких десятков человек, отобранных из лиц, служивших в РОА и хорошо зарекомендовавших себя на службе у немцев. В том, что они добровольно не перейдут на сторону партизан или Красной армии и не явятся с повинной в органы НКВД/НКГБ, можно было не сомневаться. В выпуске агентуры этих школ Власов принимал личное участие.

Идеологическую составляющую Власов тоже не забывал. Так, в ведение КОНР перешли курсы пропагандистов¹⁴⁴ в местечке Дабендорф (близ Берлина). Эти курсы были созданы по инициативе Власова отделом пропаганды главного командования вермахта ещё в начале 1943 г. в целях подготовки кадров для ведения прогерманской пропаганды среди советских военнопленных и гражданского населения временно оккупированных областей Советского Союза и вербовки их в созданные немцами добровольческие воинские формирования.

Отбор кандидатур на курсы осуществлялся немцами в лагерях военнопленных из числа антисоветски настроенных лиц. Слушатели изучали такие темы, как внутренняя и внешняя политика СССР, его экономическое положение, состояние Красной армии и т.п. Лекции по этим вопросам читали Благовещенский, Малышкин, Трухин и др. Неоднократно выступал и сам Власов. Через дабендорфские курсы за всё время их существования прошло около 4 тысяч человек (по другим данным,

свыше 4 тысяч. – *Ред.*) Выпускники принимали присягу на верность фюреру и направлялись на работу в части РОА и в лагеря военнопленных.

При этих курсах находилось издательство антисоветских газет. До ноября 1944 г. издавались газеты «Заря», которая распространялась среди военнопленных, и «Доброволец», предназначенная для добровольческих формирований немецкой армии. С образованием КОНР начали выходить новые газеты – «За родину» и «Воля народа».

Одновременно с созданием КОНР А.А. Власов с санкции Г. Гиммлера и под руководством германского военного командования приступил к созданию Русской освободительной армии, сводя всевозможные восточные батальоны и «батальоны РОА», существовавшие с 1942 г., в единую армию.

На личный состав вновь сформированной армии немцы вполне могли положиться: наиболее ненадёжный и колеблющийся элемент давно перешёл на сторону партизан или Красной армии, а оставшиеся понимали, что своим участием в боях против советских и союзных войск, в антипартизанских и карательных акциях они отрезали себе путь возвращения. Понимали и то, что, если даже им и удастся избежать красноармейского или партизанского самосуда в момент пленения, приговор советского правосудия будет варьироваться от 10 лет ИТЛ до смертной казни.

Если боевого опыта военнслужащим РОА было не занимать, то в обстановке надвигающегося краха Третьего рейха, полной неясности перспектив сотрудничества с союзниками СССР по антигитлеровской коалиции, опасения грядущего возмездия процесс морального разложения А.А. Власова и власовцев пошёл ускоренными темпами.

Командир 2-й дивизии РОА Г.А. Зверев¹⁴⁵ говорил на допросе: «Характерно отметить, что очень помногу спиртных напитков употребляли Власов и Жиленков. Лично я при встречах с Власовым никогда не видел его в трезвом состоянии. Что касается Малышкина, то он окончательно спился»¹⁴⁶.

От верхушки не отставали и офицеры РОА. Так, 28 марта 1945 г. отдел пропаганды вооружённых сил КОНР издал в помощь пропагандистам специальную инструкцию «Борьба с элементами бытового и политического разложения в рядах ВС КОНР», в которой отмечались «многочисленные случаи нарушения офицерами дисциплины», взяточничество, «пьянство в офицерской среде», процветание азартных картёжных игр», «грубо-хамское, наглое и скотское отношение к женщинам»¹⁴⁷.

В январе 1945 г. Власов был официально утверждён главнокомандующим вооружёнными силами КОНР. Начальником штаба стал Ф.И. Трухин. А.А. Власову удалось сформировать две дивизии.

1-я дивизия (командир – С.К. Буняченко) создавалась на военном полигоне в Мюнзингене (Штутгарт, Германия). В её состав целиком влилась так называемая «бригада Каминского», «прославившаяся» своими кровавыми делами на территории Орловской и Курской областей РСФСР, Белоруссии и чудовищными зверствами при подавлении Варшавского восстания 1944 г.

К концу войны дивизия имела на вооружении 100 орудий, 12 танков, винтовки и автоматы. Её состав насчитывал до 20 тысяч человек. При этой же дивизии функционировала офицерская школа (примерно 1000 курсантов).

2-я дивизия (командир – Г.А. Зверев), 12 тысяч человек, создавалась на полигоне в Хойберге (Вюттемберг, Германия) и полностью была сформирована только к апрелю 1945 г. Эта дивизия являлась практически невооружённой, так как, по мнению Власова, немцы боялись предоставить русским военнопленным большое количество оружия и хотели проверить на примере 1-й дивизии, как они будут себя вести в бою. Забегая вперёд, скажем, что когда они проверили и поверили, оказалось поздно.

3-я дивизия (командир – М.М. Шаповалов¹⁴⁸) существовала в основном на бумаге.

Кроме этих дивизий были сформированы два истребительных батальона по 300 человек в каждом, вооружённых автоматами и фаустпатронами, а также отряд под командованием белоэмигранта И.К. Сахарова, в состав которого входили два добровольческих батальона, переброшенных из Дании, и истребительная группа из 50 отборных солдат и офицеров, созданная по специальному приказу Власова. Ф.И. Трухин показывал на следствии: «Власов действиями этой группы обещал показать немцам, как нужно бороться с танками Красной армии и как это умеют делать власовцы»¹⁴⁹.

Воинские звания в РОА Власов ввёл старорежимные: поручик, а не старший лейтенант, как в Красной армии, и не обер-лейтенант, как в вермахте. Для себя он пошил особую униформу – нечто среднее между униформой генерала Красной армии и генерала вермахта. (Таким он и запечатлелся на фотографиях.) Приветствие вверенному воинству Власов тоже избрал какое-то половинчатое: что-то среднее между нацистским «хайль Гитлер!» и вальяжным «здорóво, ребята!»

После создания КОНР власовские формирования усилили борьбу против частей Красной армии, союзников и партизан.

Так, по данным 4-го Управления НКГБ СССР, в районе г. Бановице (Словакия) «немцы бросают крупные соединения власовцев для борьбы с партизанами, все леса контролируются. Немцы создают из власовцев лжепартизанские отряды и группы»¹⁵⁰.

В январе 1945 г. советские войска перешли в решительное наступление и начали Висло-Одерскую операцию. Союзники, оправившись от поражения в Арденнах, активизировали свои действия на Западном фронте. Германское военное командование все чаще бросало в бой не только армейские части, но и формирования фольксштурма и подростков из «Гитлерюгенд». Началось судорожное зондирование почвы на предмет заключения с союзниками сепаратного мира.

Приближение катастрофы заставило военно-политическое руководство Третьего рейха по-другому взглянуть на Русскую освободительную армию.

В этих условиях Г. Гиммлер, уповая на помощь 1-й дивизии РОА, принял А.А. Власова в своей ставке северо-восточнее Берлина. «Беседа с Гиммлером в этот раз, – говорил Власов на допросе 25 мая 1945 г., – я заметил, что в связи с тяжёлым положением на фронте Гиммлер нервничал и искал выхода из создавшегося положения, и в связи с этим он со мной обращался так, как будто я, Власов, мог своими активными действиями против Красной армии облегчить положение на фронте»¹⁵¹.

После встречи с Гиммлером Власова захотели видеть Г. Геринг, Й. Риббентроп и Й. Геббельс.

Рейхсмаршал авиации дал «добро» на создание в структуре ВС КОНР авиационного соединения из пленных советских летчиков.

Рейхсминистр иностранных дел интересовался у «будущего руководителя русского государства», будут ли входить в состав «новой России» Западная Украина и Прибалтика. Этот вопрос удивил самого Власова: дело шло к неминуемому краху Германии, Красная армия приближалась к Берлину, а Риббентроп интересовался вопросами раздела территории Советского Союза. Власов ответил, что включать прибалтийские республики в состав «нового русского государства» КОНР не будет, а что касается Западной Украины, то вопрос с ней будет решён позже.

Геббельс обещал помощь КОНР в организации антисоветской пропаганды.

В мае – апреле 1945 г. 1-я дивизия РОА приняла активнейшее участие в боях на Одере, в районе Штеттин – Кюстрин – Фюрстенберг. Некоторые её подразделения участвовали в обороне юго-восточной части Берлина. Затем 1-я дивизия была переброшена в Чехословакию.

Сам Власов в апреле 1945 г. перебрался из Берлина в Фюссен, где предпринял шаги, чтобы избежать возмездия. Малышкин говорил на следствии: «Я лично имел подготовленное решение идти к англо-американцам и продолжать борьбу с советским правительством. Власов дал мне указание – явиться на сторону американских войск и просить их о том, чтобы они не выдавали нас советскому командованию, а

если не выдадут, как говорил Власов, то, само собой разумеется, будет возможность дальнейшей работы против советской власти»¹⁵².

Аналогичные указания он дал и некоторым другим членам КОНР. Установка сводилась к тому, что «части РОА намерены вести борьбу против большевизма, а вообще РОА никогда не вела борьбу против американцев»¹⁵³. Между тем, как показал Зверев на следствии, в 1944 г., когда «немцы отдали приказ о переброске на Западный фронт русских формирований, Власов выступил с обращением, в котором говорил, что вооружённая борьба против англо-американцев есть борьба против советской власти»¹⁵⁴.

Последние замыслы Власову осуществить не удалось: 12 мая 1945 г. при попытке бежать к американцам он был задержан в районе Праги.

Итог власовской эпопеи известен: московское следствие в отношении бывшего генерал-лейтенанта Красной армии А.А. Власова и 11 активных участников КОНР, заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР 30 июля – 1 августа 1946 г. и, наконец, казнь Власова и его подельников 1 августа 1946 г. во дворе Бутырской тюрьмы.

Стараниями некоторых отечественных исследователей, о которых говорилось выше, Власов превращается едва ли не в национального героя, поднявшегося против сталинской тирании. Всячески превозносятся его довоенные заслуги, умелые действия в первые дни войны, грамотное руководство войсками в период боёв за Киев и в ходе Московского контрнаступления, его попытки вывести из окружения 2-ю ударную армию. А то, что он без какого-либо сопротивления сдался немцам и без всякого силового нажима с их стороны пошёл на сотрудничество вплоть до создания альтернативного Кремлю правительства и формирования целиком подконтрольного немецкому командованию организованной русской вооружённой силы – это не предательство, а антисталинский протест.

Как это было на самом деле, мы постарались показать при помощи имеющихся в ЦА ФСБ России документов.

А.А. Власов якобы имел благую цель: с оружием в руках свергнуть тоталитарный сталинский режим, освободить народы СССР от большевистского ига и построить новую, демократическую Россию. А. Гитлер и его окружение не позволили бы им это сделать. Немцы неоднократно давали Власову недвусмысленные разъяснения относительно «новой России», которую они, следуя предначертаниям фюрера, желали бы иметь не в качестве союзницы, а в качестве «жизненного пространства» для «высшей расы», в идеале – Россию без русских. Претворять в жизнь мечтания пленного советского генерала они не собирались. Власовцы интересовали их прежде всего как пушечное мясо и неиссякаемый резервуар для всевозможных разведывательно-диверсионных школ. Не случайно Гит-

лер пошёл на создание ВС КОНР лишь в самом конце войны, когда фронт и на Западе, и на Востоке неумолимо продвигался к границам Германии.

Замена тоталитарного сталинского режима – а другого, заметим, в СССР не было – тоталитарным гитлеровским ничего хорошего народам Советского Союза не сулила. Что такое фашизм и «новый порядок», советские люди давно поняли. Как немцы относятся к «недочеловекам», мог видеть и сам Власов, посещая лагерь советских военнопленных и «остарбайтеров».

Представляется, что в законодательстве любой страны деятельность Власова, то есть активное сотрудничество с врагом вплоть до участия в организованных вооружённых формированиях, выступающих на стороне врага против своего народа, подпадает под нормы уголовного права и иначе, как государственной изменой, не называется. Наказание за неё предусматривается соответствующее. Так что повешение А.А. Власова и 11 его подельников 1 августа 1946 г. было справедливым возмездием в рамках нормативно-правовой базы того времени, а отказ Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации в их реабилитации от 1 ноября 2001 г. – совершенно обоснованным.

Примечания

¹ Коллаборационизм (от фр. collaboration – сотрудничество) – в юридической трактовке международного права подразумевает осознанное, добровольное и умышленное сотрудничество с врагом в его интересах и в ущерб своему государству. Является преступлением против своего государства. Первоначально означал сотрудничество граждан Франции, к которому призвал нацию глава режима Виши маршал А.Ф. Петен в 1940 г., с немецкими властями в период оккупации Франции в ходе Второй мировой войны. Затем этот термин стал применяться и к другим европейским правительствам, действовавшим под германской оккупацией.

² Воскобойник Константин Павлович (1895–1942) – участник Первой мировой и Гражданской войн. Отбывал заключение в исправительно-трудовых лагерях за участие в антисоветской банде. Преподаватель физики в Локотском лесохимическом техникуме. Организатор и первый руководитель Локотского окружного самоуправления. Убит партизанами.

³ Каминский Бронислав Владиславович (1899–1944) – участник Гражданской войны. Подверглся административной высылке за принадлежность к троцкистам. Главный инженер Локотского спиртзавода. Заместитель К.П. Воскобойника в Локотском окружном самоуправлении, а после его убийства партизанами – обер-бургомистр Локотского самоуправляющегося округа. Организатор бригады Русской освободительной народной армии (бригада РОНА, или бригада Каминского). Бригада РОНА отличилась крайними зверствами в борьбе против партизанского движения на территории Локотского самоуправления округа, Лепельского и Дятловского районов Белорусской ССР, при подавлении Варшавского восстания. В дальнейшем бригада РОНА была преобразована в дивизию СС, а после расстрела Каминского эсэсовцами вошла в армию Власова в качестве 1-й дивизии РОА.

⁴ Мосин Степан Васильевич (1904–1946) – директор неполной средней школы в Суземском районе Орловской (ныне Брянской) области. Был исключён из ВКП(б) за критику коллективизации. Призван в РККА в сентябре 1941 г., в октябре 1941 г. дезертировал из части и вернулся домой. Активный деятель Локотского окружного самоуправления,

заместитель Б.В. Каминского по гражданской части. В 1946 г. приговорён Военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания. Не реабилитирован.

⁵ См., напр.: *Верёвкин С.И.* Вторая мировая война : Вырванные страницы. – М., 2006; *Он же.* Самая запретная книга о Второй мировой. – М., 2009; *Ермолов И.Г., Дробязко С.И.* Антипартизанская республика. – М., 2001; *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский». – М., 2009.

⁶ См.: 65 лет Великой Победы : В 6 т. / Под общ. ред. С.Е. Нарышкина и А.В. Торкунова. Т. 4 : Другое лицо войны. – М., 2010.

⁷ См. напр.: *Дробязко С.И.* Вторая мировая война, 1939–1945 : Восточные легионы и казачьи части в вермахте. – М., 1999; *Он же.* Вторая мировая война, 1939–1945 : Русская освободительная армия. – М., 2000.

⁸ Волховский фронт был образован на северо-западном направлении 17 декабря 1941 г. за счёт войск левого крыла Ленинградского фронта и резервов Ставки Верховного Главнокомандования с задачей разгромить противника, обороняющегося на левом берегу р. Волхов, в дальнейшем наступать в северо-западном направлении и во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта снять блокаду города. 23 апреля 1942 г. Ставка ВГК преобразовала Волховский фронт в Волховскую оперативную группу и включила её в состав Ленинградского фронта. Это решение впоследствии признали ошибочным, и 9 июня 1942 г. Волховская оперативная группа была преобразована в Волховский фронт 2-го формирования. Войска фронта участвовали в полном снятии блокады Ленинграда и освобождении северо-запада РСФСР. 15 февраля 1944 г. Волховский фронт расформировали, а его войска передали Ленинградскому и частично 2-му Прибалтийскому фронтам. ⁹ 2-я ударная армия была сформирована на Волховском фронте в декабре 1941 г. путём преобразования 26-й армии. С января по июнь 1942 г. принимала участие в Любанской операции. В дальнейшем участвовала в прорыве блокады Ленинграда (1943), освобождении Советской Прибалтики (1944), в Берлинской операции (1945).

¹⁰ См., напр.: Советская военная энциклопедия : В 8 т. / Ред. комис.: А.А. Гречко и др. Т. 8. – М., 1980. – С. 173; Великая Отечественная война, 1941–1945 : Энциклопедия / Ред. кол.: Ю.Я. Барабаш и др. – М., 1985.

¹¹ Клыков Николай Кузьмич (1888–1968) – генерал-лейтенант Красной армии, участник Первой мировой и Гражданской войн, подавления Кронштадтского восстания (1921). В РККА с 1918 г. В январе – апреле и июле – декабре 1942 г. командующий 2-й ударной армией.

¹² См.: *Васильев А.Н.* В час дня, Ваше превосходительство! – М., 1974 (переизд.).

¹³ См., напр.: *Александров К.М.* Русские солдаты вермахта : Герои или предатели. – М., 2005; *Он же.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова, 1944–1945. – СПб., 2001; *Попов Г.Х.* Вызываю дух генерала Власова // Новая газета. – 2007. – № 69 и др.

¹⁴ См., напр.: *Филатов В.И.* Власовщина : РОА: белые пятна. – М., 2005.

¹⁵ См.: Центральный архив ФСБ РФ (далее – ЦА ФСБ России). АУД № Н-18766. Т. 2. Л. 10–16.

¹⁶ Погиб на колчаковском фронте, сражаясь на стороне красных.

¹⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1299. Л. 137 об.

¹⁸ Там же. Л. 138.

¹⁹ 2-я Донская стрелковая дивизия была сформирована приказом по Северо-Кавказскому военному округу в мае 1920 г. в Азове. Участвовала в боевых действиях на кавказском участке Южного фронта против войск генерала П.Н. Врангеля, затем – в подавлении бандитско-повстанческого движения в Екатеринославской и Таврической губерниях и в Донской области.

²⁰ Воронина Анна Михайловна, как жена изменника Родины (иных преступлений ей не инкриминировалось), была арестована в октябре 1942 г., в октябре 1943 г. постановлением Особого совещания при наркомте внутренних дел СССР заключена в лагерь на 8 лет, срок отбыла полностью. В октябре 1956 г. Прокуратура Московского военного округа отозвала её в реабилитации, и реабилитация состоялась только в июне 1992 г. на основании Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г.

²¹ Кстати, Власов сохранил в плену свой партбилет. Он упоминается в протоколе обыска, проведённого в отделе контрразведки «Смерш» 13-й армии 13 мая 1945 г.

²² ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 2. Л. 16.

²³ 20 марта 1918 г. на базе Петроградского военного округа был сформирован Петроградский округ РККА, переименованный 1 февраля 1924 г. в Ленинградский военный округ. Территория округа включала Ленинградскую, Псковскую, Новгородскую, Олонецкую и Череповецкую губернии. В последующем территория округа неоднократно менялась.

²⁴ Киевский военный округ был образован 12 марта 1919 г. В годы Гражданской войны и в межвоенный период его название и границы неоднократно менялись. 26 июля 1938 г. Киевский военный округ был преобразован в Киевский Особый военный округ.

²⁵ 72-я стрелковая дивизия была преобразована 21 мая 1936 г. из 4-й Туркестанской Краснознамённой дивизии, ведущей свою историю с 1922 г. Принимала участие в борьбе с басмачеством в районах Самарканда и Бухары (июль 1924 – июнь 1926), в походе в Западную Украину (сентябрь 1939), в советско-финляндской войне (январь – февраль 1940).

²⁶ Чан Кайши (Цзян Цзеши) (1887–1975) – генералиссимус, президент Китайской Республики в 1927–1949 гг.

²⁷ Ень (Янь) Сишань (1883–1960) – генерал, в 1937 г. успешно организовал сопротивление японским захватчикам. Премьер-министр Китайской Республики (о. Тайвань, 1949–1950), советник президента Китайской Республики (о. Тайвань, 1950–1960).

²⁸ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 330. Л. 480–484.

²⁹ 6-й (Чунцинский) район, один из главных районов японо-китайской войны, располагался к югу от Янцзы, на чунцинском направлении.

³⁰ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 331. Л. 387–390.

³¹ Черепанов Александр Иванович (1895–1984), главный военный советник при правительстве Чан Кайши. К описываемому времени был отозван в Москву.

³² ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 331. Л. 388.

³³ Там же.

³⁴ Там же. АУД № Н-18766. Т. 2 (приложение). Л. 40.

³⁵ ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 7. Л. 67.

³⁶ 4-й механизированный корпус был сформирован в июле 1940 г. Входил в состав 6-й армии Киевского Особого военного округа. Состоял из двух танковых, одной моторизованной дивизии и ряда отдельных частей.

³⁷ 37-я армия 1-го формирования была образована 8 августа 1941 г. в составе Юго-Западного фронта на базе Киевского укреплённого района и резервов Ставки ВГК. В неё вошли шесть стрелковых дивизий, Киевский укреплённый район, ряд других частей и соединений. Расформирована 25 сентября 1941 г.

³⁸ 20-я армия 2-го формирования была создана в ноябре 1941 г. на базе оперативной группы полковника А.И. Лизюкова. В неё вошли две стрелковые дивизии, три стрелковые бригады, два танковых батальона и ряд отдельных частей. Расформирована в апреле 1944 г.

³⁹ Западный фронт был сформирован 22 июня 1941 г. на базе войск Западного Особого военного округа. В период Московской битвы в него входило десять общевойсковых армий. 24 апреля 1944 г. переименован в 3-й Белорусский фронт.

⁴⁰ См.: ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 1 (приложение). Л. 79–82.

⁴¹ 54-я армия была сформирована в сентябре 1941 г. Принимала участие в Тихвинской и Любанской операциях, в освобождении северо-западных областей РСФСР и республик Прибалтики. В октябре 1944 г. расформирована, а её войска переданы 1-й ударной и 61-й армиям.

⁴² Мерецков Кирилл Афанасьевич (1897–1968) – Маршал Советского Союза (1944). В РККА с 1918 г. Участник Гражданской и советско-финляндской войн. Герой Советского Союза (1940). В 1936–1937 гг. был командирован в Испанию в качестве военного советника. С июня по декабрь 1941 г. находился под арестом по ложному обвинению. С декабря 1941 по апрель 1942 г. и с июня 1942 по февраль 1944 г. командующий Волховским фронтом.

⁴³ Мерецков К.А. На службе народу. – М., 2003. – С. 283.

⁴⁴ Или «костьль». Так советские солдаты в обиходе называли за характерные очертания двухфюзеляжный немецкий самолёт-разведчик FW-189.

⁴⁵ Пашков Александр Георгиевич (1900–1942) – майор госбезопасности. Начальник Особого отдела НКВД 2-й ударной армии.

⁴⁶ Мельников Дмитрий Иванович (1906–1956) – генерал-лейтенант (1944). В органах госбезопасности с 1928 г. С 25 июня 1942 по 15 февраля 1944 г. начальник Особого отдела НКВД, Управления контрразведки «Смерш» Волховского фронта.

⁴⁷ См.: ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 1 (приложение). Л. 93–94.

⁴⁸ В исторической литературе, посвящённой Любанской операции, можно найти и другие цифры.

⁴⁹ ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 1 (приложение). Л. 93.

⁵⁰ 188-я стрелковая дивизия была сформирована в марте – апреле 1941 г. в Прибалтийском Особом военном округе на базе 1-й мотострелковой бригады. В 1941–1943 гг. участвовала в боях в Прибалтике и на северо-западном направлении. В 1943 г. переброшена на южный участок фронта. В 1948 г. переформирована в 52-ю стрелковую бригаду.

⁵¹ 27-я армия 2-го формирования была создана на базе соединений 11-й армии Северо-Западного фронта. Участвовала в боях на северо-западном и южном участках фронта. Расформирована в августе 1946 г.

⁵² Северо-Западный фронт создан 22 июня 1941 г. на базе войск Прибалтийского Особого военного округа. 20 ноября 1943 г. был расформирован, а его управление выведено в резерв Ставки ВГК.

⁵³ По некоторым данным, они вынесли с собой дивизионные и полковые документы и знамёна (см.: Гаврилов Б.И. «Долина смерти»: Трагедия и подвиг 2-й ударной армии. – М., 2006. – С. 308). К сожалению, имеющимися в распоряжении ЦА ФСБ России документами этот факт мы подтвердить не можем.

⁵⁴ Потапов Павел Андреевич (1892–1944) – генерал-майор (1944) Красной армии. Участник Первой мировой и Гражданской войн, подавления басмаческого движения в Средней Азии. В РККА с 1919 г. С января по июль 1942 г. – полковник, командир 267-й стрелковой дивизии 1-го формирования. В дальнейшем командовал различными частями и соединениями РККА, был награждён тремя орденами Красного Знамени. С января по август 1944 г. командир 189-й стрелковой дивизии, которая стала Краснознамённой Кингисеппской. Погиб в бою при освобождении г. Тарту (Эстонская ССР).

⁵⁵ Сушко Александр Константинович – комиссар интендантского отдела 2-й ударной армии. Другими данными о нём мы, к сожалению, не располагаем.

⁵⁶ ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 2 (приложение). Л. 39.

⁵⁷ Сверчков Николай Герасимович – красноармеец, пекарь 559-го стрелкового полка. Другими данными и сведениями о его дальнейшей судьбе не располагаем.

⁵⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 20. Л. 28–29.

⁵⁹ Медведев Яков Иванович (1896–?) – полковник (?) Красной армии, начальник артиллерии 267-й стрелковой дивизии. Судя по дате рождения, воинскому званию, службе в РККА с 1918 г. и медали «XX лет РККА», участник Первой мировой и Гражданской войн. Член ВКП(б).

⁶⁰ Кадырова Хуснурт Хазнахметовна (1923–?), уроженка г. Чкалова (так в 1938–1957 назывался г. Оренбург), член ВЛКСМ, по национальности татарка, телефонистка штабной батареи артиллерии 267-й стрелковой дивизии, вольнонаёмная. Это всё, что мы знаем о ней, как и о полковнике Я.И. Медведеве.

⁶¹ Пелипенко Мария Игнатьевна (1909–?). Это её девичья фамилия. Она несколько раз была замужем, поэтому в некоторых исследованиях фигурирует как Воронова и Логинова. Шеф-повар столовой Военного совета 2-й ударной армии, вольнонаёмная. После пленения побывала во многих лагерях «восточных рабочих», в 1945 г. вернулась в СССР, была арестована органами НКВД.

⁶² ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 2 (приложение). Л. 38.

⁶³ См., напр.: Александров К.М. Русские солдаты вермахта... – С. 397–414.

⁶⁴ ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 10. Л. 1–38.

⁶⁵ Там же. Л. 108–118.

⁶⁶ См., напр.: История Великой Отечественной войны Советского Союза : 1941–1945 : В 6 т. / Ред. комис.: П.Н. Поспелов (пред.) [и др.]. Т. 2. – М., 1963. – С. 335–336, 470; История второй мировой войны : 1939–1945 : В 12 т. Т. 5. – М., 1975. – С. 139–140.

⁶⁷ См., напр.: Мерецков К.А. На волховских рубежах // Военно-исторический журнал. – 1965. – № 1; Хозин М.С. Об одной малоисследованной операции // Военно-исторический журнал. – 1966. – № 2; Мерецков К.А. На службе народу...

⁶⁸ Хозин Михаил Семёнович (1896–1979) – генерал-полковник (1943) Красной армии. Участник Первой мировой и Гражданской войн, подавления Антоновского движения в Тамбовской губернии. В РККА с 1918 г. С октября 1941 по май 1942 г. командующий войсками Ленинградского фронта и одновременно с апреля 1942 г. командующий войсками Волховской оперативной группы. Снят с должности 8 июня 1942 г. с формулировкой: «За невыполнение приказа Ставки о своевременном и быстром отводе войск 2-й ударной армии, за бумажно-бюрократические методы управления войсками, за отрыв войск, в результате чего противник перерезал коммуникации 2-й ударной армии и последняя была поставлена в исключительно тяжёлое положение». С 1963 г. в отставке.

⁶⁹ Хозин М.С. Указ. соч. – С. 44.

⁷⁰ Мерецков К.А. На службе народу... – С. 306.

⁷¹ Тимошенко Семён Константинович (1895–1970) – Маршал Советского Союза (1940). Участник Первой мировой, Гражданской и советско-финляндской войн. В РККА с 1918 г. Народный комиссар обороны СССР (1940–1941). Дважды Герой Советского Союза (1940, 1965). С сентября 1941 по июль 1942 г. командующий войсками Юго-Западного направления.

⁷² ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 7. Л. 29.

⁷³ Линдемманн Георг (1884–1963) – генерал-полковник (1940). На военной службе с 1903 г. Участник Первой и Второй мировых войн. Командующий группой армий «Север» (1942). В 1945–1948 гг. находился в английском плену.

⁷⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 16. Оп. 312а. Д. 233. Л. 349.

⁷⁵ Ронне (Рённе, Ренне) Алексис фон (?–?) – полковник, начальник «Группы III» (трофейный пункт) отдела «Иностранные армии Востока» генерального штаба сухопутных войск. Уроженец Курляндии, хорошо владел русским языком.

⁷⁶ Штрик-Штрикфельдт Вильфрид Карлович (1897–1977) – участник Первой мировой войны и Белого движения. В эмиграции с 1920 г. Кадровый офицер разведки вермахта, один из инициаторов создания восточных добровольческих частей в составе вермахта из граждан СССР, ближайший сотрудник А.А. Власова.

⁷⁷ ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 2. Л. 5.

⁷⁸ Боярский Владимир Ильич (псевд., наст. имя Баерский Владимир Гелярович) (1901–1945) – полковник (1941) Красной армии. Участник Гражданской войны. В РККА с 1920 г. Командир 41-й стрелковой дивизии. В плен попал в мае 1942 г. Активный участник власовского движения, заместитель начальника штаба Вооружённых сил Комитета освобождения народов России (ВС КОНР), генерал-майор (1945). Повешен чешскими партизанами.

⁷⁹ ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 7. Л. 61.

⁸⁰ Там же. Л. 60.

⁸¹ См.: Там же. Л. 45–58.

⁸² Хильгер Густав (1886–1965) – немецкий дипломат. С 1923 по июнь 1941 г. – начальник торгово-экономического отдела германского посольства в Москве, советник посольства Германии в Москве. 24 июня 1941 г. интернирован, затем через Турцию выехал в Германию. Нацистских взглядов не разделял. В годы Второй мировой войны сотрудник МИДа Германии. В 1944 г. сотрудник «бюро Риббентропа». В 1945–1948 гг. в американском плену. В 1953–1956 гг. – советник правительства ФРГ по «восточным вопросам».

⁸³ Кернесс (Кернес) Иосиф Яковлевич (1910–1969). В РККА с 1931 г. Комиссар 914-го стрелкового полка 244-й стрелковой дивизии, полковой (по другим данным,

батальонный. – *Ред.*) комиссар (1942). В плен попал под Харьковом в июне 1942 г. Содержался в Винницком лагере в одно время с А.А. Власовым. 27 декабря 1942 г. переброшен немцами за линию фронта с разведывательными целями. Арестован органами госбезопасности 19 января 1943 г. Постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 4 декабря 1946 г. заключён в тюрьму сроком на 20 лет, освобождён по амнистии 4 октября 1955 г. Реабилитирован 1989 г.

⁸⁴ ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 7. Л. 45.

⁸⁵ Там же. Л. 47.

⁸⁶ Малышкин Василий Фёдорович (1896–1946) – генерал-майор (1941) Красной армии. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В РККА с 1918 г. С августа 1938 по октябрь 1939 г. содержался в заключении по обвинению в заговоре и шпионаже. Начальник штаба 19-й армии. Взят в плен в районе Вязьмы в октябре 1941 г. Активный участник власовского движения. Начальник Главного организационного управления КОНР (1944). По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР повешен 1 августа 1946 г. Не реабилитирован.

⁸⁷ Благовещенский Иван Алексеевич (1893–1946) – генерал-майор береговой службы (1940). Участник Первой мировой и Гражданской войн. В РККА с 1918 г. Начальник Военно-морского училища ПВО в Липае. Взят в плен в районе Липаи в июле 1941 г. Активный участник власовского движения. Начальник идеологической группы Главного управления пропаганды КОНР (1945). По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР повешен 1 августа 1946 г. Не реабилитирован.

⁸⁸ Понеделин Павел Григорьевич (1893–1950) – генерал-майор (1940) Красной армии. Участник Первой мировой, Гражданской и советско-финляндской войн. В РККА с 1918 г. Командующий 12-й армией Киевского Особого военного округа. В плен попал в августе 1941 г. под Уманью. По возвращении в СССР осуждён и расстрелян (1950). Реабилитирован в 1956 г.

⁸⁹ Снегов Михаил Георгиевич (1896–1960) – генерал-майор (1940) Красной армии. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В РККА с 1918 г. В 1926 г. находился в Китае в качестве военного советника. Командир 8-го стрелкового корпуса 12-й армии. В плен попал тяжело раненым в августе 1941 г. Категорически отказался сотрудничать с немцами и власовцами. По возвращении в СССР занимал различные должности в Советской армии. Заведующий военной кафедрой Харьковского института инженеров коммунального строительства (1952–1959).

⁹⁰ Лукин Михаил Фёдорович (1892–1970) – генерал-лейтенант (1940) Красной армии. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В РККА с 1918 г. Командующий 19-й армией. В плен попал в сентябре 1941 г. под Вязьмой тяжело раненым (в лагере военнопленных ему ампутировали ногу). Здесь же, в лагере, критически отзывался о советской власти, однако от сотрудничества с немцами и власовцами категорически отказался. По возвращении в СССР был восстановлен в Советской армии, занимал различные должности. С 1946 г. в отставке по состоянию здоровья. Герой Российской Федерации (1993).

⁹¹ Меандров Михаил Алексеевич (1894–1946) – полковник (1938) Красной армии. Участник Первой мировой, Гражданской и советско-финляндской войн. В РККА с 1918 г. Заместитель начальника штаба – начальник оперативного отдела 6-й армии. Взят в плен в районе Умани в августе 1941 г. Активный участник власовского движения. Заместитель начальника Главного управления пропаганды КОНР, начальник офицерской школы КОНР (1945). По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР повешен 1 августа 1946 г. Не реабилитирован.

⁹² Кириллов Николай Кузьмич (1897–1950) – генерал-майор (1940) Красной армии. Участник Первой мировой войны. В РККА с 1920 г. Командир 13-го стрелкового корпуса 12-й армии. В плен попал в августе 1941 г. под Уманью. По возвращении в СССР осуждён и расстрелян (1950). Реабилитирован в 1956 г.

⁹³ Потапов Михаил Иванович (1902–1965) – генерал-полковник (1961) Советской Армии. Участник Гражданской войны и боёв на Халхин-Голе. В РККА с 1920 г. Командующий 5-й армией. Генерал-майор танковых войск (1940). В плену с сентября 1941 г. По возвра-

щении в СССР занимал различные должности в Советской армии. Первый заместитель командующего войсками Одесского военного округа (1958–1965).

⁹⁴ ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 20. Л. 262–267.

⁹⁵ Там же. Т. 7. Л. 68.

⁹⁶ Семёнов Григорий Михайлович (1890–1947) – генерал-лейтенант (1919). Участник Первой мировой войны и Белого движения. Преемник адмирала А.В. Колчака на посту «Верховного правителя России». По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР казнён 30 августа 1946 г. Не реабилитирован.

⁹⁷ Керенский Александр Фёдорович (1881–1973) – российский буржуазный политический деятель, глава нескольких составов Временного правительства (1917). В эмиграции с 1918 г. С 1940 г. проживал в США. Автор ряда мемуаров и документальных публикаций.

⁹⁸ ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 4. Л. 210.

⁹⁹ Симонов К.М. Солдатами не рождаются. М., 1966. – С. 507.

¹⁰⁰ Абакумов Виктор Семёнович (1908–1954) – генерал-полковник (1945). В органах госбезопасности с января 1932 г. Заместитель наркома внутренних дел СССР (с февраля 1941) и начальник Управления особых отделов НКВД СССР (с июля 1941).

¹⁰¹ Коньков Николай Васильевич (1919–1942) – красноармеец, личный шофёр генерал-лейтенанта А.А. Власова. В РККА с 1939 г. Умер во время операции в тюремной больнице.

¹⁰² См.: ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 7. Л. 66–66 об.

¹⁰³ См.: Там же. Л. 67–67 об.

¹⁰⁴ Материалы по истории Русского освободительного движения 1941–1945 гг. : Сб. статей, документов и воспоминаний : Вып. 1 / Под общ. ред. А.В. Окорочкова. – М., 1997. – С. 21.

¹⁰⁵ Там же. – С. 43.

¹⁰⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2212. Л. 122.

¹⁰⁷ Сергей (Воскресенский Дмитрий Николаевич) (1897–1944) – митрополит Виленский и Литовский, экзарх Латвии и Эстонии. В 1923 г. осуждён за антисоветскую пропаганду и агитацию. В годы Великой Отечественной войны сохранил подчинение Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию (Старгородскому) несмотря на недовольствие немецких властей. Убит по дороге из Вильнюса в Каунас при невыясненных обстоятельствах.

¹⁰⁸ Трухин Фёдор Иванович (1896–1946) – генерал-майор (1940) Красной армии. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В РККА с 1918 г. Начальник оперативного отдела и заместитель начальника штаба Прибалтийского военного округа. В плен попал 27 июня 1941 г. Активный участник власовского движения, занимал различные должности в РОА и КОНР. По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР повешен 1 августа 1946 г. Не реабилитирован.

¹⁰⁹ Жеребков Юрий (Георгий) Сергеевич (1908 – после 1982) – артист балета, политический деятель. Эмигрировал в Югославию, затем жил в Германии, с 1940 г. – во Франции. Руководитель Комитета по делам взаимопомощи русских эмигрантов в Париже, преобразованного в апреле 1942 г. в Управление по делам русской эмиграции во Франции. После образования КОНР возглавил отдел внешних сношений, который в перспективе должен был развернуться в самостоятельное управление. В 1945 г. был арестован французскими властями. В 1946 г. приговорён французским судом к пяти годам «национального бесчестья», а в 1948 г. – к пожизненным принудительным работам за пособничество оккупационным властям в депортации русских евреев. Жил в Испании под псевдонимом «Волков».

¹¹⁰ ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 2. Л. 186–187.

¹¹¹ Дзвингер (Двингер) Эдвин Эрих (1898–1981) – немецкий писатель, популярный в 1930–1940-е гг. Участник Первой мировой войны, с 1915 по 1921 г. находился в русском плену. Во время Второй мировой войны – офицер для особых поручений на Восточном фронте, решительный противник восточной оккупационной политики. Активный сторонник Власова.

¹¹² Видеманн Мелитта (1900 – не ранее 1977) – журналист, секретарь редакции газеты «Ангриф», издаваемой Й. Геббельсом. В 1939–1944 гг. главный редактор национал-социалистического ежемесячника «Die Aktion» (в отличие от широко известного в Европе одноимённо-

го литературного журнала экспрессионистов «Die Aktion» (Берлин, 1911–1932), это издание имело подзаголовок «Kampfblatt (Листок борьбы) gegen Plutokratie und Völkerverhetzung»).

¹¹³ ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 15. Л. 89.

¹¹⁴ Там же. Т. 11. Л. 160.

¹¹⁵ То, что А.А. Власов являлся страстным поклонником прекрасного пола, подчёркивают все исследователи его деятельности. Это подтверждается и документами ЦА ФСБ России. При желании можно подсчитать женщин-фигуранток архивного уголовного дела № Н-18766. Сколько же их не попало на страницы дела – можно только гадать. Но на донжуанских похождениях генерала Власова подробно останавливаться не будем, чтобы не выходить за рамки заявленной темы.

¹¹⁶ Подмазенко Агнесса Павловна (1918–1997). Старший врач медпункта 37-й, затем 20-й армии. Считала себя законной женой генерала А.А. Власова. Комиссована из армии по беременности. В 1943 г. по решению Особого совещания получила пять лет исправительно-трудовых лагерей. Известно, что отбывала ещё и ссылку. Реабилитирована в 1989 г. (см.: *Ильяшенко А.*, протоиерей. Безнравственный облик генерала Власова [электрон. ресурс] // Православие и мир : Ежедн. интернет-СМИ // <http://www.ppravmir.ru/beznravstvennyj-oblik-generalavlasova>.

¹¹⁷ ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 2. Л. 53–55.

¹¹⁸ Крёгер Эрхард (1905–1987) – оберфюрер СС, представитель Г. Гимmlера в ставке А.А. Власова.

¹¹⁹ Жиленков Георгий Николаевич (1910–1946) – бригадный комиссар, член Военного совета 32-й армии Западного фронта. В 1940–1941 гг. 2-й секретарь Ростокинского РК ВКП(б) г. Москвы. В РККА с 1941 г. В плен попал 14 октября 1941 г. Активный участник власовского движения, занимал различные должности в РОА и ВС КОНР. Генерал-лейтенант ВС КОНР (1944). По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР повешен 1 августа 1946 г. Не реабилитирован.

¹²⁰ Франк Карл Герман (1898–1946) – обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции. Участник Первой мировой войны. Видный деятель националистической Судетской партии, один из руководителей оккупационного режима в Чехословакии. Повешен по приговору Чехословацкого чрезвычайного народного суда.

¹²¹ Лоренц Вернер (1891–1974) – обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции. Участник Первой мировой войны. Начальник Главного управления СС по репатриации этнических немцев. В 1948 г. Американским военным трибуналом по делу расовых учреждений СС приговорён к 20 годам тюремного заключения, затем срок снижен до 15 лет. Освобождён из заключения в 1954 г.

¹²² ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2211. Л. 11.

¹²³ Там же. АУД № Н-18766. Т. 7. Л. 97 об.

¹²⁴ Там же. Л. 98 об.

¹²⁵ Буняченко Сергей Кузьмич (1902–1946) – полковник (1938) Красной армии. Участник Гражданской войны и подавления басмаческого движения в Средней Азии. В РККА с 1918 г. Командир 59-й отдельной стрелковой бригады. В плен попал в декабре 1942 г. в районе Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Активный участник власовского движения, генерал-майор ВС КОНР (1945). Командир 1-й пехотной дивизии ВС КОНР (1945). По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР повешен 1 августа 1946 г. Не реабилитирован.

¹²⁶ Русский общевоинский союз (РОВС) создан в 1924 г. по инициативе генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля. Включал в себя белоэмигрантские воинские союзы и объединения во всех странах. В настоящее время объединяет потомков участников Белого движения.

¹²⁷ Абрамов Фёдор Фёдорович (1871–1963) – генерал-лейтенант (1920), один из руководителей Белого движения. Участник русско-японской и Первой мировой войн. Командир Донского корпуса армии Врангеля (1920). Председатель РОВС (1937–1938). В годы Второй мировой войны участвовал в формировании казачьих частей в составе вермахта. Активный деятель КОНР, подписал «Пражский манифест».

¹²⁸ Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП) – русская белоэмигрантская организация, ставившая целью свержение советской власти и восстановление в России частной собственности. Оформился в 1930 г. в Белграде как Национально-трудовой союз, в 1936 г. переименован в НТСНП. Программа Союза неоднократно менялась. Участники НТСНП активно поддержали власовское движение.

¹²⁹ Казанцев Александр Степанович (1908–1963) – журналист. В эмиграции с конца Гражданской войны. Член НТСНП с 1930 г. Активный сторонник генерала А.А. Власова. Заместитель редактора газеты «Воля народа», в 1944–1945 гг. – редактор. С 1957 по 1961 г. главный редактор русской секции радиостанции «Свобода» в Мюнхене.

¹³⁰ Балабин Евгений Иванович (1879–1973) – генерал-лейтенант (1919). Участник Первой мировой войны и Белого движения. Член Донского правительства, зав. отделом коневодства Донской армии. В 1940–1945 гг. атаман «Общеказачьего объединения в Германской империи, Словакии и Венгрии». В 1944 г. по приглашению Власова вошёл в состав КОНР.

¹³¹ Закутный Дмитрий Ефимович (1897–1946) – генерал-майор (1940) Красной армии. Участник Гражданской войны. В РККА с 1918 г. Командир 21-го стрелкового корпуса. В плен попал в июле 1941 г. Активный участник власовского движения, руководитель Гражданского управления КОНР. По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР повешен 1 августа 1946 г. Не реабилитирован.

¹³² ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 2. Л. 89.

¹³³ Андреев Сергей Андреевич (1890–?) – профессор кафедры учёта Всесоюзного учебного комбината промышленной кооперации им. товарища Молотова в Ленинграде (с 1938 г. – Ленинградский технологический институт Всесоюзного имени В.М. Молотова). Находясь в командировке в Клину, в ноябре 1941 г. был задержан немцами и направлен в лагерь военнопленных в Вязьме, затем переведён в Смоленск. Активно сотрудничал с немцами. Начальник финансового управления КОНР. В 1945 г. осуждён Военным трибуналом Группы советских оккупационных войск в Германии к заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком на 10 лет с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества. Не реабилитирован.

¹³⁴ ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 5. Л. 248.

¹³⁵ ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 2. Л. 237–238.

¹³⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 312 а. Д. 233. Л. 345.

¹³⁷ Лямпе (Лампе) Алексей Александрович, фон (1885–1967) – последний председатель РОВС (1957–1967). Участник русско-японской и Первой мировой войн, Белого движения. Исполняющий должность квартирмейстера штаба 8-й армии румынского фронта (1917). Генерал-майор резерва ВС КОНР (1945).

¹³⁸ Краснов Пётр Николаевич (1869–1947) – генерал от кавалерии (1918), писатель, один из лидеров Белого движения. Участник русско-японской и Первой мировой войн. В октябре 1917 г. вместе с А.Ф. Керенским возглавил антисоветские вооружённые выступления. В 1918 – начале 1919 г. атаман Войска Донского и командующий белоказачьей армией. С 1920 г. в эмиграции. Автор воспоминаний, многочисленных статей и романов. Во время Великой Отечественной войны активно сотрудничал с гитлеровцами. По приговору советского суда казнён. Не реабилитирован.

¹³⁹ Байдалаков Виктор Михайлович (1900–1967). Участник Белого движения. Стоял у истоков НТСНП, занимал в Союзе руководящие должности. В 1955 г. в результате идейных разногласий вышел из НТСНП с группой своих сторонников.

¹⁴⁰ Поремский Владимир Дмитриевич (1909–1997) – политолог, один из основателей НТС. Эмигрировал из России в 1920 г. С 1943 г. член Исполнительного бюро Совета НТС. В 1955–1972 гг. председатель НТСНП.

¹⁴¹ Туркул Антон Васильевич (1892–1957) – генерал-майор (1920). Участник Первой мировой и Гражданской войн, Белого движения. Начальник Дроздовской дивизии Русской армии генерал-лейтенанта Врангеля. Находясь в эмиграции, в 1935 г. основал Национальный союз участников войны и встал во главе его. В годы Второй мировой войны активно участвовал в формировании РОА, считая её продолжательницей Белого дела.

¹⁴² ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 2. Л. 28.

¹⁴³ Каюм (Каюм-хан) Вели (1905–?). В 1922 г. правительством Бухарской Народной Советской Республики (1920–1924) был направлен на учёбу в Германию, на родину вернуться не пожелал. В годы Второй мировой войны являлся руководителем Туркестанского национального комитета, стоял на чётких фашистских, антисоветских и антироссийских позициях. Активно сотрудничал с немцами по вовлечению военнопленных уроженцев Средней Азии в Туркестанский легион.

¹⁴⁴ В Дабендорфе находился Отдел восточной пропаганды особого назначения, созданный в 1943 г.

¹⁴⁵ Зверев Григорий Александрович (1900–1946) – полковник (1939) Красной армии. Участник Гражданской и советско-финляндской войн. В РККА с 1919 г. Командир 350-й стрелковой дивизии, военный комендант г. Харькова. В марте 1943 г. взят в плен в районе Харькова. Командир 2-й дивизии РОА, генерал-майор (1945). По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР повешен 1 августа 1946 г. Не реабилитирован.

¹⁴⁶ ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 26. Л. 20.

¹⁴⁷ Там же. Т. 27. Л. 134–134 об.

¹⁴⁸ Шаповалов Михаил Михайлович (1898–1945) – генерал-майор (1942) Красной армии. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В РККА с 1918 г. Командир 1-го отдельного стрелкового корпуса особой армии Северо-Кавказского фронта. В плен сдался в августе 1942 г. Активный участник власовского движения, занимал различные должности в РОА и КОНР, командир 3-й пехотной дивизии ВС КОНР. Расстрелян чешскими партизанами.

¹⁴⁹ ЦА ФСБ России. АУД № Н-18766. Т. 2. Л. 120.

¹⁵⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2208. Л. 266.

¹⁵¹ Там же. АУД № Н-18766. Т. 2. Л. 37.

¹⁵² Там же. Л. 83.

¹⁵³ Там же. Т. 4. Л. 188–189.

¹⁵⁴ Там же. Т. 26. Л. 68.

Белоруссия в 1942 г.: повседневность в условиях нацистской оккупации

Гребень Евгений Александрович,

кандидат исторических наук,

Белорусский государственный аграрный
технический университет

История Второй мировой войны традиционно рассматривается как противостояние враждебных идеологий на фронтах, функционирование оккупационного режима, проблема сопротивления оккупантам. До настоящего времени жизнь «маленького человека», факторы, оказывавшие влияние на повседневность в период нацистской оккупации, изучены достаточно фрагментарно. В данной статье рассматривается ряд аспектов повседневной жизни гражданского населения оккупированной Белоруссии.

Оккупированная территория Белоруссии осенью 1941 г. была поделена нацистами на несколько частей. Западные регионы Минской области, части Барановичской, Виленской, Брестской, Пинской и Полесской областей – примерно четверть площади бывшей БССР – вошли в состав рейхскомиссариата «Остланд» в качестве генерального округа «Белорутения». Часть Виленской области была включена в состав генерального округа «Литва» этого же рейхскомиссариата. Западные районы Белоруссии, в том числе Белостокская область, составили отдельный округ (Bezirk), присоединённый к землям рейха (Восточной Пруссии). Южные области республики оказались в составе рейхскомиссариата «Украина», а восточные остались под управлением военных властей в тыловом районе группы армий «Центр».

Генеральные округа рейхскомиссариатов подразделялись на особые административные единицы – гебиты, во главе с гебитскомиссарами. В «Белорутении» имелось 10 гебитов: Барановичский, Виленский, Ганцевичский, Глубокский, Лидский, Минский, Новогрудский, Слонимский и Слуцкий, а также город Минск на правах самостоятельного гебита. Гебиты в свою очередь делились на волости и районы.

Высшим органом управления в «Белорутении» являлся генеральный комиссариат, состоявший из 10 рефератов (отделов) и некоторого числа подотделов. На местах оккупационная администрация была

представлена волостными, городскими управами, возглавляемыми войтами и бургомистрами. В сельских поселениях назначались старосты и полицейские.

В тыловых районах группы армий «Центр» власть осуществлял его начальник генерал от инфантерии Максимилиан фон Шенкендорф. Ему и его штабу подчинялись многочисленные местные, городские и районные комендатуры с военными комендантами во главе. Для проведения в жизнь решений военных властей в городах также организовывались управы и назначались бургомистры, а в сёлах – старосты.

Уже в первые месяцы оккупации начала функционировать система регистрации и учёта местного населения. На основании распоряжения немецкого военного командования от 17 октября 1941 г. все коммунисты были обязаны ежедневно являться на проверку¹. Приказом по Добрушскому городскому управлению от 27 марта 1942 г. предписывалось всем военнообязанным гражданам Добруша 17–50 лет, прибывшим из окружения или не попавшим в армию, в трёхдневный срок обязательно стать на учёт в отделе кадров городского управления². В постановлении Езерищанской районной управы, предписывавшей явку на регистрацию мужчин старше 15 лет и женщин – бывших комсомолок и членов партии, подчёркивалось, что лица, не зарегистрировавшиеся к определённому сроку, будут рассматриваться как пособники партизан со всеми вытекающими из этого обвинения последствиями³.

Отдельно учитывались бывшие советские военнопленные, которым оккупационные власти патологически не доверяли, поэтому местная администрация заводила на бывших военнопленных особый список, отмечая среди них местных уроженцев и пришлых из других регионов⁴. Бывшие красноармейцы были обязаны проходить еженедельную проверку⁵.

Естественно, при первой же возможности местная администрация стремилась избавиться от этой небезопасной категории граждан. Например, в марте 1942 г. (с самого начала мобилизации жителей Белоруссии на работы в Германию) из Холопеничского района было отправлено 20 человек бывших красноармейцев, уроженцев России и Казахстана⁶. В западных районах Белоруссии администрация с недоверием относилась к так называемым «восточникам», прибывшим сюда после сентября 1939 г.

Все граждане оккупированных территорий были обязаны регистрироваться в местной администрации. За регистрацию лиц моложе 18 лет отвечали родители или опекуны ребёнка. Любое лицо, прибывшее на территорию волости на временное или постоянное место жительства, было обязано в течение 24 часов явиться к бургомистру и указать имя, фамилию, год и место рождения, профессию, национальность, подданство и вероисповедание, а также предыдущее место

жительства. При снятии с учёта указывалось предполагаемое место жительства. Каждый домовладелец являлся ответственным за то, чтобы все въезжающие или выезжающие лица регистрировались у бургомистра. По факту прибытия (убытия) бургомистром выдавалось специальное удостоверение. Поскольку часть граждан уклонялась от регистрации, оккупационные власти угрожали наказанием, в частности временным или постоянным лишением продуктовых карточек, поскольку штрафы с исключительно бедного населения взимать было проблематично. Лицам, дающим приют партизанам или сочувствующим советской власти, грозил расстрел⁷.

В связи с тем, что главы местной администрации несли персональную ответственность за благонадёжность проживающих в данной местности граждан, старосты иногда отказывались регистрировать некоторых лиц, прибывших в данный район после начала войны, тем самым снимая с себя ответственность и возможное наказание со стороны немцев, в случае если человек потом мог быть обвинён в нелояльности к новому порядку.

В частности, это касалось лиц, репрессированных и высланных советскими властями на поселение в Белоруссию. Поэтому оккупационные власти обращали внимание местной администрации на то, что данная категория граждан также подлежит обязательной регистрации и обеспечению удостоверениями личности (наставления бургомистрам от 12 сентября 1941 г.). Для этой категории граждан требовалось завести специальную регистрационную книгу – «реестр чужих», в которой отмечались дата прибытия на нынешнее место жительства и предыдущий адрес. Копия «реестра чужих» передавалась местной комендатуре. В свою очередь, от граждан, вносимых в «реестр чужих», требовалось доказать документально или через свидетелей, что они не имели связей с коммунистической партией или Красной армией. В случае, если подобные лица не могли доказать свою непричастность к советским структурам, их требовалось немедленно передавать для проверки в местную комендатуру⁸.

О необходимости регистрации и порядке функционирования паспортного режима местных жителей уведомляли специальными листовками. Иногда в них содержались предписания разного рода. Так, одна из листовок за подписью германского главнокомандующего призывала не ходить по дорогам и не переезжать на другое место жительства в целях безопасности (например, чтобы человека не сочли партизаном).

Лицам, вследствие боевых действий оказавшимся на новом месте жительства, рекомендовалось не менять его, поскольку зарегистрированные граждане могли быть уверены в неприкосновенности своей жизни, а также получить «хлеб и работу». Отмечалось, что тем, «кто

болтается с места на место», никто не имеет права давать есть, их могут убить или ограбить партизаны, и, более того, эти граждане могут подвергнуться нападению волков⁹.

Документы разрешалось выдавать только тогда, когда проситель мог подтвердить заявляемые сведения, причём это касалось даже лиц, которые давно проживали в данной местности.

Если у гражданина не оказывалось довоенных документов (советского или польского паспорта, церковной метрики), то он был обязан предоставить свидетелей, которые могли подтвердить правдивость слов просителя, то есть его фамилию, имя, отчество, возраст, место жительства и род занятий, а также политическую благонадёжность, после чего выдавалось удостоверение личности.

Гражданское население старше 16 лет было обязано иметь при себе удостоверение личности (аусвайс), выданное по месту жительства главой местной администрации. Гражданам, имеющим советские паспорта с неистекшим сроком действия (а в западных районах республики и польские паспорта), в первый период оккупации аусвайсы не выдавались: вместо этого в паспорте делалась регистрационная отметка на немецком и русском языках.

Лицам, не имеющим выданных прежними властями (советскими или польскими) документов, после проверки личности выдавались аусвайсы (порядковый номер аусвайса соответствовал номеру в «реестре обывателей» или «реестре чужих»).

Последнее позволяло в случае необходимости сверить номер аусвайса с номером реестра и удостовериться в подлинности документа, поскольку постоянно имели место случаи подделок аусвайсов или заполнения украденных формуляров партизанами и подпольщиками.

С целью дифференциации удостоверения снабжались пометками: чужие обозначались буквой «F», евреи – «J», а иностранцы – «A». Записи в удостоверениях личности выполнялись на немецком и белорусском (в генеральном округе «Белорутения») или русском языках (тыловая зона группы армий «Центр»), за исключением генерального округа «Белосток», где выдавались аусвайсы на немецком языке, содержавшие дактилоскопический отпечаток¹⁰.

Для многих жителей западных районов Белоруссии стратегией выживания в период оккупации являлась смена национальности с польской на белорусскую. К этому их вынуждало подчёркнуто негативное отношение немецкой и белорусской коллаборационной администрации к польскому меньшинству.

Более того, многие этнические белорусы, особенно католики, во времена Российской империи, при советской власти, польской вла-

сти в Западной Белоруссии* 1920–1930-х гг. были ошибочно записаны в документах как поляки.

Смену национальности приветствовала и белорусская коллаборационная администрация, сотрудники которой пострадали от польских властей и стремились взять реванш, используя сложившуюся политическую ситуацию. Чтобы сменить национальность, граждане должны были подать заявление на имя начальника района, а также подтвердить предоставляемые сведения документально или посредством свидетельств¹¹.

В период оккупации перемещение местных жителей было существенно ограничено. На территории Остланда передвижения были возможны при наличии разрешения, подписанного начальником района. Поездки в Восточную Белоруссию, на территорию зоны оперативного тыла группы армий «Центр», разрешались только чиновникам местной вспомогательной администрации по служебным делам, но были запрещены для гражданских лиц, также как и выезд в округ Белосток и в целом на территорию рейха¹². Запрещалось перемещение граждан вне территории общины без специального разрешения на проезд или малой путёвки.

Разрешения выдавались полевыми и местными комендатурами и пограничной охраной, малые путёвки – комендатурами, немецкими офицерами и сельскими старостами. Разрешения на поездки в немецкую администрацию для оформления разрешений на проезд и малых путёвок выдавались бургомистрами и действовали в течение двух дней¹³.

Решение о прописке граждан в другом населённом пункте принимали начальники районов. Как правило, менять место жительства приходилось сотрудникам коллаборационной администрации и их семьям по причине угрозы со стороны партизан.

Начальники районов санкционировали их временное или постоянное проживание в районных центрах. В ряде случаев санкцию на прописку по новому адресу давали гебитскомиссары, которые могли поручать начальникам районов выяснить, насколько указанные в прошении о переезде обстоятельства соответствуют действительности¹⁴.

Нацистская оккупация, помимо физического уничтожения оккупантами гражданского населения, обернулась резким ухудшением их материального положения. Мизерная зарплата (200–300 руб. для неквалифицированных рабочих, 500–600 руб. для квалифицированных рабочих и служащих) едва позволяла отоваривать продуктовые карточки и оплачивать коммунальные услуги. Исключение составляли сотрудники руко-

* По условиям Рижского мирного договора 1921 г., завершившего Советско-польскую войну 1919–1920 гг., территория Западной Белоруссии отошла к Польше. 14 ноября 1939 г. вошла в состав БССР.

водящего звена городской администрации, которые, помимо более высокой зарплаты, периодически получали повышенные продуктовые пайки.

Продуктовые нормы горожан г. Лепеля в октябре 1942 г. выглядели следующим образом:

Категория	Хлеб г/день	Картофель кг/месяц	Мясо г/месяц	Молоко л/месяц
I	70	5		
II	150	10		
III	180	12	300	
IV	200	14	540	2
V	220	16	640	2

Помимо фиксированных пайков, городская управа изредка могла выдавать дополнительно некоторые виды продуктов исходя из их наличия¹⁵. В городской столовой в апреле 1942 г. готовилось 1000 обедов, осенью того же года – 300 обедов. Согласно калькуляции, на каждое блюдо расходовалось следующее количество продуктов: 360 г картофеля, 180 г брюквы, 25 г муки, 21,6 г мяса¹⁶.

Коллаборационная администрация столкнулась с проблемой обеспечения инвалидов и пенсионеров. Учёт данной категории граждан начался уже осенью 1941 г. В Могилёве регистрация пенсионным подотделом инвалидов и пенсионеров проходила с 6 по 25 ноября 1941 г. По состоянию на 25 ноября 1941 г., в г. Могилёве было зарегистрировано 1388 инвалидов и пенсионеров, 60 инвалидов войны и 61 человек, относящиеся к категории материально необеспеченных, – всего 1509 человек, которым выплачивалась пенсия на сумму 121 088 руб. Некоторые инвалиды и пенсионеры были вынуждены работать или имели работающих членов семьи¹⁷. Приведённые статистические данные пенсионный отдел считал предварительными, отмечая, что ряд граждан проживает в окрестностях города и ещё будет являться в пенсионный отдел, а значит, количество заявлений о пособии вырастет, а многие граждане нуждаются в срочной помощи деньгами и продуктами. Для рассмотрения поступивших от граждан ходатайств предлагалось создать пенсионную комиссию, которая работала бы и после удовлетворения основной массы заявлений, собираясь в дальнейшем 2–3 раза в месяц. Размер пенсий предлагалось установить не ниже доверенного минимума: 25–50 руб. для инвалидов в зависимости от группы: I группа – 50 руб., II группа – 40 руб. и III группа – 25 руб. Для иждивенцев умерших кормильцев предлагалось пособие в 30 руб. на одного иждивенца, 40 руб. при наличии двух иждивенцев и 50 руб. для трёх и более иждивенцев. Рассматривалась возможность выдавать большие по сравнению с обычным пособием суммы лицам, пострадавшим от большевиков¹⁸. В течение февраля 1942 г. пенсионным подотделом

было зарегистрировано ещё 10 иждивенцев (инвалидов I группы – 1 человек, II группы – 1 человек, III группы – 2 человека, три члена семей умерших кормильцев и три получателя пенсии по старости), которым было назначена пенсия на общую сумму 542 руб. К имевшимся ранее поступило ещё 126 заявлений граждан на выдачу пособия; были выданы пособия 598 гражданам, из них: инвалиды труда и войны – 202 человека, семьи умерших кормильцев – 226, пенсионеры по старости – 52, пенсионеры за выслугу лет – 18, материально необеспеченные граждане – 90, лица, получившие пособия на похороны, – 10¹⁹.

На основании приказа по Тереховскому районному управлению от 11 декабря 1941 г. вплоть до издания немецкими властями закона о пенсиях была установлена временная пенсия в размере 40–100 руб. в месяц исходя из имущественного и семейного положения пенсионеров²⁰.

24 марта 1942 г. отдел народного призрения Оршанской городской управы в письме к бургомистру отмечал, что в довоенное время пенсионеры и инвалиды пользовались налоговыми льготами, освобождающими их либо частично, либо полностью от уплаты разных видов налогов, и что военное лихолетье ухудшило положение таких категорий граждан, кроме того, появилось неимоверное количество новых семей, оказавшихся в бедственном положении. К таким семьям отдел народного призрения относил семьи, оставшиеся без мужчин, мобилизованных в Красную армию (с весны 1942 г. и до конца оккупации количество таких семей резко возрастало за счёт мобилизации на работы в Германию. – Е.Г.), семьи, чье имущество уничтожено пожарами, и др. Отдел народного призрения отмечал, что для таких семей уплата земельной ренты и налога на постройки является непосильным бременем, и просил бургомистра принять решение по данному вопросу²¹.

Сложную ситуацию со снабжением гражданского населения продуктами констатировали и сами немецкие власти. Иногда этот факт использовался в пропагандистских целях, чтобы подчеркнуть, что снабжению продуктами подлежат только те местные жители, чей труд полезен Германии. В письме Пропойской комендантуры начальникам Пропойского и Чериковского районов от 9 июля 1942 г. отмечалось, что проблемы при обеспечении продуктами гражданского населения имеют место и что снабжаются продуктами только зарегистрированные в бюро труда рабочие и служащие, дети до 14 лет, пожилые люди от 60 лет и инвалиды, а также пациенты больниц, воспитанники детских садов и беженцы. Крестьяне должны были обеспечивать себя продуктами самостоятельно, это же касалось и жителей небольших городов²².

В момент отступления советских войск с территории Белоруссии летом 1941 г. население разграбило государственные склады товаров. Поскольку оккупационные власти рассматривали собственность СССР

как принадлежащую ныне германскому государству, разграбление её, пусть даже и в период безвластия, рассматривалось как незаконный акт, и все товары подлежали изъятию. 18 октября 1941 г. начальник Браславской районной полиции издал приказ подчинённым выехать в местечко Слободка и произвести проверку всех местных жителей на предмет наличия товаров с государственных складов. Для мероприятия были откомандированы 40 полицейских, которые проводили обыски в присутствии двух понятых и составляли акт с указанием изъятых предметов²³. Факт разграбления местными жителями складов в период отступления советских войск и до занятия города немецкими подтверждал и бургомистр Бобруйска. 15 августа 1941 г. Бобруйский комендант издал приказ, на основании которого горожане и жители окрестных деревень должны были сдать награбленное назад на склады, однако возвращено было незначительное количество товаров, поэтому в декабре 1941 г. бургомистр просил у коменданта санкции на проведение с целью выявления разграбленных товаров повторных обысков, в которых предполагалось участие представителей немецкой администрации²⁴.

Тотальный дефицит продуктов питания вынудил Борисовскую районную управу обязать бургомистра г. Борисова и начальников городской и районной полиции провести проверки у граждан на предмет наличия излишков продовольствия и, в случае отказа продать их, произвести принудительную закупку по установленным ценам: 100 кг ржи – 26 руб., 100 кг гречки – 40 руб., 100 кг проса – 23 руб., 100 кг картофеля – 6 руб. Декларировалась возможность для этих граждан в дальнейшем приобрести промышленные товары. Как видно, даже владение собственностью отдельными гражданами (а в том, что подобные запасы имели считанные единицы горожан и незначительное число сельских жителей, сомневаться не приходилось) не защищало их от её конфискации, поскольку приведённые цены, по которым местная администрация якобы собиралась выкупать продукты, выглядели просто смешными и даже не камуфлировали акт реквизиции. Предполагалась продажа реквизированных продуктов по государственным ценам, то есть местная администрация практически собиралась спекулировать ими. Те же 100 кг ржи планировалось продавать населению уже по 123 руб., 100 кг гречихи – по 170 руб., 100 кг проса – по 130 руб. и 100 кг картофеля – по 50 руб.²⁵ Районная администрация объясняла эти меры, во-первых, необходимостью заботы о пропитании необеспеченных граждан, во-вторых, тем фактом, что, по мнению начальника района, запасы у отдельных граждан есть результат грабежей²⁶. По сути, начальник Борисовского района санкционировал грабёж полицией местного населения, и вряд ли полицейские вникали в детали того, каким путём тот или иной гражданин создал запасы продуктов питания.

На территории тыловой зоны группы армий «Центр» в сентябре 1942 г. было распространено распоряжение гебитскомиссара «О мерах пресечения, применяемых по отношению ко всем лицам, нарушающим законный порядок снабжения гражданского населения городов», согласно которому наказанию подлежали лица, сообщавшие властям при распределении продовольственных карточек неверные сведения с целью получения продуктов более положенной нормы. Наказанию подлежали также граждане, занимавшиеся подделкой продуктовых карточек или получавшие продукты сверх установленной нормы. В случае незаконного получения продуктов в особо крупном объёме могла последовать смертная казнь. Наказанию, вплоть до смертной казни, подлежали сотрудники местной администрации, допускавшие нарушения при распределении продовольствия. Утерянные продуктовые карточки не подлежали возобновлению, за исключением случаев, санкционированных местной комендатурой; чиновники, нарушавшие данное распоряжение, подлежали наказанию, причём не только за сам факт нарушения, но даже за попытку обойти существующие правила²⁷. Доступ к продуктам порождал различные злоупотребления. Склады продовольствия и товаров становились объектами воровства²⁸.

В первые месяцы оккупации исключительно тяжёлым стало материальное положение детдомов и других учреждений социального обеспечения. Документы коллаборационной администрации содержат как приукрашенные отчёты, так и документы, в которых показывалась реальная картина. Так, 25 сентября 1941 г. был составлен акт обследования детского дома № 3 г. Бобруйска за подписью школьного инспектора. Чиновник констатировал отсутствие режима дня и питания: «[...] Подъём происходит неорганизованно: часть детей одета, часть поднимается, а несколько лежат на кроватях в верхней одежде. [...] В помещении дети сидят в пальто и шапках, под кроватями целые склады грязной обуви, чулок и белья (спальня девочек). Во дворе возле спальни устроена уборная». Очевидно, имелись проблемы с отоплением (нахождение детей в помещении в верхней одежде) и обеспечении продуктами (в отчёте упоминались походы детей за яблоками)²⁹. Подобная удручающая картина жизни и быта воспитанников детдома наблюдалась уже через несколько месяцев после начала оккупации, и со временем ситуация только ухудшалась. Ужасающие условия повседневной жизни воспитанников детдомов вынуждали их любыми способами добывать пропитание. Некоторые из воспитанников летом покидали детдом и нанимались к крестьянам в качестве пастухов, другие занимались бродяжничеством.

В 1942 г. в ряде городов были организованы детские сады для детей дошкольного возраста. По мнению оккупационных властей, они должны были способствовать воспитанию детей в нужном нацистам духе

ещё с дошкольного возраста, а также освободили бы их родителей для работы, поэтому местной администрации рекомендовалось в первую очередь принимать детей работающих матерей. Последний аргумент являлся превалярующим³⁰.

В бедственном положении оказывались и инвалиды. Так, по состоянию на 1 января 1942 г., в доме инвалидов в дер. Польшковичи (под Могилёвом) среди стариков и инвалидов находилось 16 лежачих больных и слабоумных, которые требовали особого ухода и лечения. Заведующий пенсионным подотделом в письме санитарному отделу констатировал отсутствие обслуживающего персонала, соответственно, лежачие больные и слабоумные оказались без какого-либо ухода³¹.

Помимо постоянной нехватки продуктов питания гражданское население испытывало острый дефицит в промышленных товарах. Некоторые граждане использовали довоенные запасы, кому-то удавалось выменять продукты на соль, спички, керосин, мыло на рынке. Цены на них на чёрном рынке для абсолютного большинства граждан были недоступны, в государственных магазинах купить одежду и обувь было практически невозможно. В такой ситуации некоторые нуждающиеся граждане обращались к руководству районной управы с просьбой оказать помощь товарами (продать со склада по государственной цене либо выдать бесплатно), и таких прошений поступало множество. Промтовары периодически выдавались сотрудникам коллаборационной администрации и полиции, остальное население обеспечивалось некоторыми видами дефицитных товаров очень редко³².

В городах наблюдался постоянный дефицит топлива, поскольку дрова со склада отпускались только предприятиям и учреждениям, выдача дров и угля населению носила спорадический характер, объёмы были мизерными.

Коллаборационная администрация понимала всю глубину социальных проблем. Например, Лепельская районная управа признавала, что заработная плата рабочим и служащим выплачивалась по довоенным ставкам, в то время как цены на продукты и товары увеличились в 5–10 раз. Исключение составляли цены на продукты питания, выдаваемые по карточкам, однако продуктовые нормы вынуждали горожан владеть полуголодное существование³³. Но местные власти имели весьма ограниченные финансовые ресурсы для решения подобной проблемы и обладали столь же ограниченными возможностями для принятия решений. К тому же значительная часть средств уходила на помощь самим же сотрудникам коллаборационной администрации и их семьям, а также поддержку граждан, пострадавших от действий партизан, поскольку лояльность к нацистскому режиму даже мизерной части белорусского общества приходилось щедро оплачивать. В итоге и без того

скудные средства, тратившиеся на социальные нужды, становились ещё меньше, и действительно нуждающиеся категории населения практически не получали помощь. Иногда прошения малоимущих граждан удовлетворяли просто выделением им земельных участков под посевы картофеля, и тем самым решение продовольственной проблемы перекладывалось на них самих.

18 февраля 1942 г. на территории тыловой зоны было издано Временное постановление о налогах, действовавшее до конца оккупации. Подушным (поголовным) налогом облагались все сельские жители в возрасте 15–65 лет. Подушный налог в размере 150 руб. в год уплачивался бургомистру волости, в случае неуплаты начислялась пеня в 10%. Уменьшение или освобождение граждан от уплаты подушного налога допускалось в отдельных обоснованных случаях с разрешения начальника района. От уплаты налога освобождались сотрудники полиции, бывшие полицейские, ставшие нетрудоспособными на службе, вдовы погибших полицейских и сотрудников коллаборационной администрации. Родители этих же категорий граждан могли освобождаться от уплаты налога в случае, если находились на их содержании³⁴.

Летом 1941 г. многие жители Белоруссии сталкивались с реквизицией продуктов питания проходящими немецкими воинскими частями и полицией. В отдельных случаях командиры немецких частей выдавали крестьянам документы о количестве конфискованных продуктов, стоимость которых немецкое командование обещало в будущем компенсировать. В дальнейшем реквизиции стали регулярными, поскольку территория Белоруссии являлась транзитной для немецких войск, направлявшихся на Восточный фронт, кроме того, тут размещались значительные контингенты охранных войск и полиции, боровшиеся с партизанами. В ряде случаев реквизиции проходили в форме обычных грабежей, поэтому крестьянские общины стремились самостоятельно задокументировать эти факты и пытались добиться снижения налогов.

В период советской власти у части граждан были изъяты земля и имущество. Естественно, что с приходом немцев обиженные советской властью граждане апеллировали к местной администрации, требуя вернуть имущество. Следует отметить, что немецкая администрация не очень охотно реагировала на подобные просьбы, рассматривая конфискованное советской властью имущество как принадлежащее в данный момент германскому государству. Немцы явно не хотели создавать прецедент возврата национализированной собственности, прогнозируя в таком случае массовые обращения жителей Западной Белоруссии с подобными просьбами. Оккупационная администрация констатировала, что бывшие кулаки неоднократно обращались в мировые суды с требованием возврата отчуждённого имущества, в первую очередь построек

и приусадебного земельного участка. Специально подчёркивалось, что мировые суды не уполномочены принимать к рассмотрению подобные иски, которые следовало переадресовывать комендантуре или районному агроному³⁵. Оккупационная администрация неоднократно заявляла, что существовавший при советской власти закон о собственности пока не может быть отменён³⁶. Немцев устраивало сложившееся положение вещей, когда национализированная большевиками собственность автоматически стала собственностью Третьего рейха, возвращать которую прежним владельцам немцы не желали.

Первые постановления оккупационных властей, регламентировавшие торговлю, вышли уже осенью 1941 г. В Барановичах торговыми днями являлись понедельник и четверг. Торговцам разрешалось продавать товары, а покупателям платить только ту цену, которая была установлена гебитскомиссаром на конкретный товар. В случае нарушения данного правила наказанию подлежали как продавец, так и покупатель. Запрещалась также обменная торговля³⁷. Торговцам предписывалось товары на полках и в витринах магазинов и на рынках снабжать табличками с указанием цены в марках и рублях, а также единиц измерения. Цены на ряд товаров (мясо и колбасы, хлебобулочные изделия, зерновые и бобовые, кофе, чай, сахар, мармелад, масло, яйца, сыр, картофель) должны были быть оформлены отдельным списком, вывешенным на видном месте. Рестораны, столовые, буфеты должны были размещать цены на еду и напитки на столах, указывая там же повышение цены в результате налогов и обслуживания клиента. Ценники необходимо было выполнять на немецком и белорусском языках³⁸.

В Койданово (ныне г. Дзержинск) с разрешения Минского гебитскомиссара с 5 июля 1942 г. был открыт рынок. Торговля осуществлялась еженедельно по четвергам с 8:00 до 15:00. Можно было продавать птицу, яйца, овощи, рыбу, промышленные товары, художественные изделия. Торговля поросятами разрешалась в изолированном от остальной части рынка месте под надзором ветеринарного врача. Торговый сбор составлял 1,5 марки с воза и 0,5 марки с торгового места за прилавком. Волостным бургомистрам предлагалось оповестить местных жителей об открытии рынка. К торговле допускались граждане, имевшие свидетельства о сдаче государственных поставок³⁹.

Немецкая и местная администрация пытались регулировать цены на товары и услуги. При органах местной администрации могли создаваться специальные комиссии для контроля цен или их контролировал сам глава администрации⁴⁰. Попытки контролировать цены были вызваны признанием оккупационными властями мизерного размера заработной платы и продуктовых пайков для местных жителей. Немецкая администрация была вынуждена гарантировать стабильные цены

на товары первой необходимости, получаемые по карточкам, чтобы не провоцировать массовые выступления и иметь возможность эксплуатировать местную рабочую силу. Однако если в зарегистрированных районной управой учреждениях и организациях цены можно было контролировать, то на рынках это было сделать крайне сложно, здесь процветали спекуляция и, вопреки строжайшим распоряжениям немцев, обменная торговля. Угрозы наказания не помогали. На рынке в Могилёве килограмм ржаной муки стоил 800 руб., ржи – 600 руб., ячменя или гречихи – 400 руб., масла – 400 руб., рыбы – 100 руб., пуд картофеля – 180–200 руб., литр молока – 25–30 руб., десяток яиц – 65–80 руб., живая курица – 120 руб.⁴¹ Иногда государственные цены на некоторые товары повышались решением местной администрации. В Браславском районе с 25 ноября 1941 г. до 2 руб. была поднята цена за килограмм соли как не соответствующая ценам на молоко и жиры. Осенью 1941 г. официально выросли цены на все продовольственные товары: хлеб – с 1,1 до 1,4 руб. за килограмм, рожь – с 0,9 до 1,3 руб., пшеница – с 1,2 до 1,8 руб.⁴²

Несоблюдение правил торговли фиксировалось регулярно. Наиболее распространённым нарушением была обменная торговля. Деньги в период оккупации фактически потеряли свою функцию на рынках, где действовали рыночные механизмы. Несколько больше, чем советские рубли (ими можно было отоваривать продуктовые карточки, уплачивать налоги), котировались немецкие марки. Однако в условиях жесточайшего дефицита товаров, особенно промышленных, торговцам на рынке было важно не просто продать товар, пусть и по очень высоким ценам, важно было обратить вырученные средства в конкретное материальное воплощение, то есть приобрести необходимую в обиходе продукцию, такую как одежда, керосин, мыло, спички, соль. Поскольку в свободной продаже эти товары отсутствовали, а получить их по карточкам сельское население не могло, обмен дефицитных для горожан продуктов питания на сохранившиеся с довоенных времён промышленные товары был единственной альтернативой. Как эквивалент денег использовалось спиртное.

В городах сформировалась прослойка граждан, для которых спекуляции на чёрном рынке стали обычным занятием. Нередко спекуляцией занимались дети и подростки. В 1942 г. бургомистр г. Борисова запретил торговать на базарах гражданам моложе 16 лет под угрозой конфискации денег и товаров⁴³. Запрет имел целью пресечь втягивание детей и подростков в спекуляции на рынке и их криминализацию.

В период оккупации Белоруссии гражданское население лишь в исключительных случаях могло легально приобретать алкогольную продукцию. Спиртное в коммерческих столовых и закусовых продавалось

редко. Результатом такого дефицита стало, несмотря на строжайший запрет, самогонование.

Суровое наказание ожидало лиц, появившихся в нетрезвом виде в общественных местах⁴⁴. Запрет на производство алкоголя гражданами был обусловлен, во-первых, монопольным правом государства на данный вид продукции, во-вторых, самогон изготавливался из зерна, ставшего для Германии в условиях войны стратегическим продуктом. На оккупированных территориях даже часть сельского населения, не говоря уже о горожанах, испытывала нехватку продовольствия, а самогонщики, по мнению властей, лишь увеличивали дефицит зерна. В распоряжении о борьбе с самогонованием начальника Борисовского района от 26 сентября 1942 г. особо подчёркивается, что самым вредным является самогонование из зерновых культур⁴⁵. Активизация самогонования происходила после сбора очередного урожая, и местная администрация оперативно реагировала на участвовавшие случаи самогонования очередным устрашающим распоряжением. Комендант местечка Корма в своём приказе о запрещении самогонования от 12 января 1942 г. констатировал изготовление самогона в больших масштабах и грозил наказанием в виде расстрела⁴⁶. Спекуляция алкогольной продукцией на «чёрном рынке» была обыденной практикой для многих торговцев⁴⁷. Однако несмотря на запреты и угрозы, суровых наказаний со стороны немецкой оккупационной и коллаборационной администрации не следовало, а нередко при попустительстве со стороны последней, самогонование на территории оккупированной Белоруссии приобретало значительные масштабы.

Тяжёлое материальное положение вынуждало население Белоруссии искать альтернативные, помимо наёмного труда, источники дохода. Возможно, сказалось и то, что новая власть сняла введённый большевиками запрет на предпринимательство. Уже с осени 1941 г. финансовый отдел Витебской городской управы начал выдачу патентов на занятие ремеслом и торговлей. С 1942 г. этот процесс приобретает массовый характер. Только за февраль 1942 г. было выдано 420 патентов по 29 специальностям, за первое полугодие – 693 патента по 44 специальностям, до конца лета того же года – 754 патента, кроме того, некоторые витебчане занимались предпринимательством нелегально⁴⁸. Население города к августу 1942 г. составляло 33 508 человек⁴⁹. Если учесть, что оккупационные власти рассматривали в качестве трудоспособного 50% населения (около 16 750 человек), предпринимательской деятельностью занималось более 6% активного населения г. Витебска. В 1942 г. в г. Лепеле было зарегистрировано 66 кустарей, некоторые из которых работали при германских воинских частях⁵⁰. На территории Лепельского района работали 93 кустаря⁵¹. Желаящие заниматься ремесленной деятельностью

подавали в городскую (районную) управу заявление о выдаче патента, которое зачастую направлялось в полицию для установления политической благонадёжности просителя, после чего глава администрации санкционировал выдачу патента⁵².

Ремесленное производство и частная торговля регулировались распоряжениями немецкой комендатуры на основании изданного 18 февраля 1942 г. властями тыловой зоны группы армий «Центр» «Временного ремесленного порядка». Согласно этому документу, каждый предприниматель получал ремесленную карточку при условии благонадёжности. Местная администрация составляла списки ремесленников города (в них указывались фамилия, имя, адрес мастерской, число работающих членов семьи, учеников). За выдачу патента взималась пошлина в размере 100 руб. в год. Мастерская ремесленника снабжалась табличкой с именем мастера и названием профессии (на немецком и русском языках). Внутри помещения на видном месте закреплялась табличка с тарифами.

Квалификация претендента на ремесленный патент проверялась специальной испытательной комиссией или на собрании ремесленников, созываемом ремесленным отделом городской управы. Немецкий комендант имел право регулировать численность ремесленников по каждой специальности. Временный ремесленный порядок разрешал функционирование ремесленных артелей, существовавших до войны⁵³. Расценки на изделия и услуги ремесленников устанавливались специальной комиссией местной администрации. 22 декабря 1942 г. в г. Витебске были установлены расценки на услуги сапожников, часовщиков, парикмахеров, швей, слесарей, гончаров, фотографов, валяльщиков и шапочников. По распоряжению германских оккупационных властей проводились собрания ремесленников определённых специальностей для выработки общих правил работы и цен⁵⁴.

Торгово-промышленный отдел Лепельской городской управы определял квалификацию кустарей и выдавал патент на право открытия торгово-промышленных предприятий. Предприниматели заключали договор и оплачивали патент в финансовом отделе⁵⁵.

Предпринимательская деятельность не стала постоянным занятием для большинства горожан. Уже осенью 1941 г. финотдел Витебской городской управы фиксировал отказ от патентов некоторых предпринимателей (как правило, по причине выезда в деревню). Многие сдавали патенты в финансовый отдел, потом вновь получали их. Часть предпринимателей прекращала работу из-за неудачно складывающейся рыночной конъюнктуры, невозможности работать по причине боевых действий, перехода на работу на предприятия и в учреждения. На сентябрь 1942 г. в Витебске сдали патент 331 предприниматель, то есть почти половина получивших его в этом году⁵⁶. Некоторые граждане совмещали предпринимательство

с работой в государственных учреждениях и на предприятиях. Доходы большинства предпринимателей были невысокими и вполне сопоставимы с низкой заработной платой рабочих и служащих.

Наряду с зарегистрированными предпринимателями многие граждане работали нелегально. В 1942 г. 40 ремесленников-кузнецов Тереховского района не уплатили налог на занятие ремеслом и были оштрафованы⁵⁷. Работа кустарей, не имеющих патента, создавала конкуренцию зарегистрированным ремесленникам, платившим налоги, чьи цены, соответственно, были выше, тогда как мастера, работавшие без патента, могли снижать их. В Тереховском районе к марту 1942 г. 11 кустарей возвратили патенты, поскольку их соседи работали без таковых⁵⁸. Многие предприниматели, работающие легально, часто подвергались санкциям со стороны финансового отдела администрации за нарушение правил работы. Самое распространённое нарушение – несвоевременная подача или непредоставление налоговой декларации⁵⁹.

Актуальная в Белоруссии в предвоенный период жилищная проблема исключительно обострилась в период нацистской оккупации. Во-первых, в ходе оборонительных боёв лета 1941 г. многие населённые пункты были значительно разрушены, часть жилого фонда была уничтожена или находилась в аварийном состоянии. Наблюдавшийся в первые месяцы войны отток городского населения (попытка эвакуироваться на восток, переждать боевые действия в сельской местности) сменился возвращением части горожан и притоком в Белоруссию жителей из других регионов. Например, число жителей в Могилёве на 8 сентября 1941 г. составляло 46 361 человек, через месяц, 1 октября 1941 г. оно увеличилось до 47 048 человек⁶⁰. Во-вторых, очень многие здания (как административные, так и жилые) были заняты расквартированными в городах частями вермахта, что вынуждало горожан, и без того проживавших в стеснённых условиях, ещё более уплотняться.

В результате возникала проблема самовольного вселения граждан в дома и квартиры, оставленные прежними жильцами, поэтому уже в первые недели оккупации органы коллаборационной администрации издавали распоряжения, направленные против самовольного захвата жилплощади. Приказ Могилёвского городского управления от 29 августа 1941 г. предусматривал штраф в 200 руб. за самовольный захват жилья и от 25 до 100 руб. – за отсутствие прописки или несвоевременную прописку⁶¹. Несмотря на это, уже осенью 1941 г. сотрудники жилотдела и полиции неоднократно выявляли лиц, вселившихся незаконно⁶². Проблема самовольного вселения граждан в пустующие жилые помещения решалась городской администрацией по-разному. Некоторые граждане стремились легализовать занятую жилплощадь путём получения ордера: они обращались к городским управам с просьбой выдать ордер

на занимаемую жилплощадь, приводя различные аргументы в пользу своего проживания. Например, гражданка, занявшая осенью 1941 г. пустующую еврейскую квартиру в г. Речице, просила городское управление выдать ей ордер, поскольку она фактически вносила коммунальную плату и не имела другого жилья⁶³.

Частично жилищная проблема решалась за счёт переселяемых в гетто евреев. Освободившееся жильё распределялось местной администрацией среди нуждающихся. В конце 1941 г. в Могилёве была создана комиссия по продаже домов, принадлежавших евреям и коммунистам. Бургомистр предписывал комиссии продавать дома в первую очередь погорельцам, гражданам, высланным из своих домов по распоряжению германского командования, лицам, у которых дома были реквизированы советской властью и проданы евреям, а также гражданам, которые занимали эти дома⁶⁴. Бывшие еврейские дома становились объектами притязаний граждан и в сельской местности, хотя здесь жилищная проблема и не стояла так остро, как в городах. Наряду с погорельцами на пустующие дома претендовали граждане, вернувшиеся из ссылки, эмиграции, а также лица, переехавшие из городов в сельскую местность⁶⁵.

Бесхозные постройки коллаборационная администрация рассматривала как коммунальную собственность и распоряжалась ими по собственному усмотрению. В бесхозное жильё расселялись нуждающиеся в жилплощади граждане и постоянно прибывающие беженцы. Однако удовлетворить всех нуждающихся в жильё было невозможно, поэтому реалиями повседневности стали подселение на частные квартиры, уплотнение жильцов, расквартирование в гражданских квартирах военнослужащих вермахта или выселение в связи с этим гражданских лиц.

С установлением оккупационного режима возникла проблема собственности на жилплощадь, национализированную советской властью. Местная администрация уже осенью 1941 г. стала получать прошения от граждан, требовавших вернуть жильё, принадлежавшее им или их родственникам, репрессированным советской властью. Одни ссылались на акты о национализации собственности, другие и без наличия таковых требовали возврата своего имущества. Коллаборационная администрация была на стороне бывших владельцев. Начальник Вилейского района 25 марта 1942 г. обратился с просьбой к Вилейскому гебитскомиссару с просьбой вернуть национализированные дома их бывшим владельцам, если их площадь не превышает 113 м². Отмечалось, что большевиками были национализированы дома граждан, сосланных в Сибирь или бежавших с приходом советской власти, в результате чего в муниципальной собственности находится множество небольших домов, выстроенных лично на заработанные средства⁶⁶. С подобной инициативой выступало и Могилёвское городское управление, поскольку

в случае положительного решения многие дома были бы переданы с баланса администрации⁶⁷. На домах, отведённых под нужды германской армии, вывешивались специальные объявления, в которых также содержалась угроза наказания за повреждение этих помещений⁶⁸. Аналогичным образом маркировались и квартиры местного населения, куда воспрещался доступ солдатам вермахта⁶⁹.

От жильцов ведомственных или бесхозных домов местные власти требовали соблюдать чистоту и порядок в квартирах и местах общего пользования: кухнях, коридорах, уборных, дворах. В квартирах запрещалось пилить и колоть дрова, разбирать печи, расхищать стекло, двери. В Орше за первое нарушение подобного рода полагался штраф до 100 руб., при вторичном нарушении – выселение из квартиры⁷⁰.

В связи с потенциальной опасностью бомбардировок горожане под угрозой штрафа были обязаны соблюдать светомаскировку. Однако это распоряжение оккупационной администрации не всегда выполнялось. 20–27 января 1942 г. по приказу Могилёвского городского управления за несоблюдение правил светомаскировки были приговорены к штрафу в 100 руб. 33 гражданина⁷¹.

В период оккупации гражданское население испытывало острую нехватку строительных материалов. Часть предприятий строительной отрасли прекратила работу, другие обеспечивали в первую очередь коммунальные объекты, вермахт. Для выделения жителям стройматериалов требовалось аргументированное ходатайство, подписанное представителем низового звена коллаборационной администрации. Несколько проще дело обстояло с получением лесоматериалов: необходимо было предоставить в надлесничество документ, заверенный старостой, что данный гражданин нуждается в определённом количестве леса для произведения постройки⁷². Сложнее было достать продукцию строительных предприятий, в которой нуждалась оккупационная администрация. Летом 1942 г. Слуцкий гебитскомиссар издал распоряжение, согласно которому все каменные стройматериалы (кирпич, черепица, плитка), а также известь подлежали реквизиции, и выдавать их гражданам с предприятий можно было только с разрешения хозяйственного отдела гебитскомиссариата⁷³. В условиях тотального дефицита стройматериалов и топлива бесхозные постройки становились объектом посягательства местного населения. Разбор домов приобретал всё большие масштабы, и коллаборационная администрация не могла пресечь этот процесс⁷⁴. Даже угроза сурового наказания за нанесение ущерба постройкам не останавливала местных жителей, отчаянно нуждавшихся в топливе и стройматериалах.

Для строительства новых домов требовалось специальное разрешение, но это зачастую игнорировалось населением, особенно в первый пе-

риод оккупации. Начальник Лунинецкого района Пинского округа в октябре 1941 г., в связи с массовой незаконной застройкой в городах и сёлах, превращающейся в неконтролируемый хаотичный процесс с несоблюдением правил технологии и противопожарной безопасности, запретил с 1 ноября 1941 г. всякое строительство без разрешения волостного или городского управлений. Возведение новых построек разрешалось в этом регионе на основании правил, существовавших в Польше до 1939 г. На постройки, возведённые до издания данного распоряжения, разрешение могло быть выдано только в том случае, если постройка соответствовала вышеуказанным правилам, в противном случае её владелец был обязан внести соответствующие изменения. Проекты зданий высотой в два этажа и более, а также строящихся вдоль центральных улиц, необходимо было представлять для утверждения непосредственно начальнику района⁷⁵.

Распоряжение оставалось пустым звуком, и уже в июле 1942 г. начальник Лунинецкого района констатировал, что в деревнях в последнее время начато строительство новых жилых домов без соответствующего разрешения, и требовал от волостной администрации заморозить строительство, а от владельцев – легализовать постройки. Для получения разрешения было необходимо представить в районную управу план постройки в масштабе 1:100, план усадьбы и сведения о наличии-- мастеров, рабочих и тягловой силы⁷⁶. Разрешение требовалось даже в случае отстройки сгоревшего дома на своей же земле⁷⁷.

Рост коммунальных платежей ложился непосильным бременем на обнищавшее городское население. Органы местной администрации были буквально завалены прошениями граждан относительно уменьшения либо отмены квартплаты. Помимо традиционной причины – крайне бедственного материального положения, – приводились и иные аргументы, которые, по мнению просителя, могут быть приняты во внимание оккупационной властью. Так, в заявлении от 2 января 1942 г. в жилищное управление Речицкого городского управления гражданка написала, что является неработающей матерью-одиночкой; другая просила освободить её от ежемесячной квартплаты в 30 руб., потому что «муж арестован советской властью за политику». Как правило, на подобные прошения накладывалась резолюция «обследовать имущественное положение», в результате чего квартплата могла быть снижена либо отменена на определенное время (один-два месяца).

О росте коммунальных платежей свидетельствует обращение гражданки к начальнику жилищного управления Речицкого городского управления от 16 декабря 1941 г.: она просит снизить квартплату за комнату, за которую ранее платила 2 руб., а теперь 15 руб.⁷⁸ В отличие от довоенного времени в Могилёве были введены фиксированные ставки квартплаты

в размере 2 руб. за м² (до войны в зависимости от удобств квартиры и доходов жильца ставки колебались от 3 коп. до 1,32 руб. за м²)⁷⁹.

В период оккупации было введено обязательное страхование построек. Согласно предварительному распоряжению германского командования от 18 февраля 1942 г. «О налогах и сборах» на территории тыловой зоны «Центр», также вводилась система обязательного страхования строений. Страхованию подлежали постройки частных лиц, сельских общин, волостных управлений; страховая сумма составляла 1% от страховой стоимости зданий, при неуплате в срок платежи взыскивались в принудительном порядке с изъятием и реализацией части имущества и начислением 10% штрафа за просрочку платежа⁸⁰. На территории генерального округа «Белорутения» страхованию подлежали все постройки, за исключением фабричных и принадлежащих военным властям. Страховка начислялась из расчёта 1–2 марки от каждых 100 марок страховой стоимости плюс гербовый сбор в размере 5% от суммы страховки, оценочная стоимость рассчитывалась на основании польских оценочных реестров 1939 г.⁸¹.

В конце 1941 – начале 1942 г. городское коммунальное хозяйство было в основном восстановлено. В крупных городах заработали электростанции. Электроэнергией в первую очередь обеспечивались подразделения оккупационной администрации, части вермахта, предприятия и учреждения. Гражданское население получало электроэнергию по остаточному принципу. В ноябре 1941 г. был издан приказ бургомистра Бобруйска, согласно которому все горожане, пользующиеся электроэнергией, должны были зарегистрироваться в абонентном отделе городской управы. Получившим разрешение выдавались специальные удостоверения. Жителям, которые использовали электросеть без санкции управления техническими предприятиями, угрожал штраф в размере 100 руб. Категорически воспрещалось пользоваться электрическими и нагревательными приборами под угрозой штрафа в 300 руб. Суммарная мощность всех источников потребления электроэнергии в одной квартире не должна была превышать 100 Вт. В случае несоблюдения этой нормы виновные должны были оплатить электроэнергию в 5-кратном размере считая с 1 августа 1941 г.

Уцелевшие электростанции работали с перебоями из-за дефицита топлива, привозного угля или торфа, добыча которого была проблематична весь период оккупации. В Барановичах уже осенью 1941 г., согласно изданному распоряжению, вводился временный запрет (с 19:00 до 6:00) на использование электричества гражданским населением в связи с острым дефицитом угля на электростанции⁸². Запретное время практически совпадало с комендантским часом. 24 ноября 1941 г. вышло распоряжение Барановичского гебитскомиссара, на основании кото-

рого запрещалось пользоваться электроэнергией без счётчика, а также начиная с 1 декабря 1941 г. для граждан вводился лимит потребляемой электроэнергии: для владельцев одной комнаты – 5 киловатт в месяц, двух – 7, трёх – 9, четырёх и более – 10. В случае превышения лимита нарушитель уплачивал за каждый киловатт в десятикратном размере⁸³.

В 1941 г. в Могилёве были установлены новые тарифы на электроэнергию по группам потребителей. Парикмахерские, кинотеатры, театры, цирки и гостиницы платили 1,1 руб. за кВт/час, то есть столько же, сколько до войны; конторы, госучреждения, учебные заведения – 0,5 руб. (до войны – 0,41 руб.); торговые учреждения – 1,65 руб. (каки до войны); частные абоненты – 1,7 руб. (до войны – 0,25 руб.); тарифы для промышленных предприятий остались практически на довоенном уровне. Рост тарифов на электроэнергию для учреждений и организаций был минимальный, однако для частных лиц тарифы возросли более чем в 6 раз⁸⁴. 27 августа 1941 г. Могилёвское городское управление установило расценки на различные виды топлива: дрова отпускались гражданам по цене от 15 до 24 руб. за кубометр, каменный уголь стоил 10–60 руб. за тонну, торф – 17–32 руб. за тонну⁸⁵.

С осени 1941 г. заработал городской Водоканал, была возобновлена подача воды предприятиям и гражданам. Решением бургомистра от 17 октября 1941 г. была введена плата за пользование водой и установлены тарифы. Оплата взималась за получение воды из всех источников, за исключением вырытых колодцев и открытых водоёмов. Стоимость кубометра воды устанавливалась в размере 0,7 руб., её очистки в канализированных домах – 1 руб. Государственные учреждения, предприятия, кустарные предприятия и частные лица были обязаны приобрести за наличный расчёт абонементные книжки. В случае неуплаты в отношении частных лиц предусматривалось отключение подачи воды без предупреждения⁸⁶.

Ежемесячная плата за воду по тарифам Водоканала выглядела следующим образом: в домах канализированных с горячим отоплением – 4,2 руб., в таких же домах без горячего отопления – 1,9 руб., в неканализированных – 1,26 руб.; пользование водой из уличных водозаборов – 0,84 руб., вода для домашнего скота – 0,10–2,1 руб.⁸⁷.

Вряде городов было восстановлено радиовещание. Все радиоприёмники подлежали обязательной сдаче (это практиковалось оккупационными властями по всей Белоруссии для предотвращения получения информации с неоккупированной территории СССР), взамен желающие могли установить стационарные радиоточки. На 22 февраля 1942 г. насчитывался 271 абонент Браславского радиозула⁸⁸. Заявки на установку радиоточек подавали учреждения и организации, финотдел, пожарная охрана, больница, электростанция, а также граждане⁸⁹.

В первые месяцы оккупации возобновилась работа некоторых медицинских учреждений. Однако не хватало помещений, медикаментов, медработников. Последнее обстоятельство вынуждало оккупационные власти использовать в гражданских больницах и амбулаториях медработников из числа военнопленных и евреев. Относительно частной медицинской практики у оккупационной администрации не было единого подхода. В одних административно-территориальных единицах она существовала, в других – не разрешалась. Очевидно, разрешение частной медицинской практики было связано с наличием или дефицитом медицинских кадров в конкретном регионе.

Медицинские услуги в основном были платными. В подписанной врачом фельдкомендатуры и начальником медико-санитарного отдела Могилёвского городского управления «Таксе для врачей и больниц» от 5 февраля 1942 г. отмечалось, что ни один больной не должен получать медицинскую помощь бесплатно, за исключением крайне опасных для жизни или инфекционных заболеваний. Бесплатная медицинская помощь могла предоставляться также бедным гражданам при наличии соответствующего удостоверения⁹⁰. В Могилёве оплата за лечение в городских больницах устанавливалась в размере 12,5 руб., в больницах за пределами города – 8,1 руб. В сумму входили врачебные услуги, уход, медикаменты и перевязочный материал.

Тарификация основных медицинских услуг выглядела следующим образом. Первый приём врачом в амбулатории или у себя на дому – 5 руб., последующий приём – 3 руб. Первое посещение врачом больного на дому – 8–10 руб., последующее – 6–8 руб., осмотр врачом-специалистом – 10 руб., процедуры – 2–5 руб., услуги акушерки при родах – 25 руб., проведение анализов – 5–15 руб., операции – 10–30 руб., услуги стоматолога – 5–35 руб., рентген – 20–30 руб. При посещении больного на дому ночью взималась двойная оплата. Использование врачом собственного экипажа оплачивалось дополнительно по тарифам, принятым в данном районе. Время, потраченное врачом на дорогу, стоило 1 руб. за пройденный километр, а ночью – вдвое больше⁹¹.

Лица, страдающие опасными заразными заболеваниями (тиф, бешенство, туберкулёз, венерические инфекции, скарлатина), подлежали обязательной госпитализации, в случае отказа они подвергались принудительному лечению. Врачам запрещалось лечить больных венерическими заболеваниями в амбулаториях: такие пациенты подлежали стационарному лечению. В случае обнаружения местным врачом указанных заболеваний или появления подозрения предписывалось в течение 24 часов сообщить об этом районному врачу, провести обязательный осмотр заболевшего, привлекая при необходимости полицию, а также организовать дезинфекцию помещения⁹². В Гомельском округе

за отказ инфекционных больных (заболевшие сыпным или брюшным тифом, дизентерией, дифтерией и скарлатиной) от госпитализации был установлен штраф до 1000 руб. Диагностирование и лечение инфекционных больных было бесплатным⁹³.

Ситуация в сфере здравоохранения видна из отчёта по Бобруйскому городскому отделу здравоохранения за февраль 1942 г. Девять женщин лечились от гонореи в стационаре, 15 мужчин – амбулаторно, от сифилиса лечилось 23 человека (один в стационаре, 22 амбулаторно). В течение месяца за зубоврачебной помощью обратилось 1085 человек, в зубной амбулатории имелось четыре стоматологических кресла, работало пять стоматологов. В городе также имелась зубопротезная мастерская, обслуживавшая военнослужащих германской армии и гражданское население. Свыше 2500 человек обращались за помощью в амбулатории, куда дополнительно были направлены врачи (двое из числа военнопленных). Санитарное состояние Бобруйска оценивалось санитарным врачом как неудовлетворительное из-за переполнявших его нечистот и мусора, и очистку города в марте санитарный врач считал насущной задачей. Вспышки заболеваний сыпным тифом наблюдались в первую очередь среди эвакуированного из Смоленской области гражданского населения. Общежитие эвакуированных было подвергнуто карантину, заболевшие госпитализированы. Эвакуированные расценивались как главная угроза для здоровья местного населения, поэтому санитарный отдел дал указание бирже труда на период карантина не отправлять их на работы. Локализации эпидемических заболеваний препятствовало отсутствие сыворотки против брюшного тифа и дифтерии, а также вакцины оспы для инъекций хотя бы новорождённым⁹⁴.

Действительно, санитарно-эпидемическая ситуация на оккупированной территории была исключительно сложной. Мизерный рацион, дефицит медицинских работников и медикаментов, плохие жилищные условия, перебои в работе коммунальных служб стимулировали рост эпидемических заболеваний, в первую очередь тифа. Имевшиеся в городах бани не удовлетворяли потребностей горожан. Учитывая дефицит и цены на топливо, помывка в холодных домах и квартирах для горожан была не очень приятной процедурой. Дефицитным товаром было мыло, поэтому баня оставалась для многих единственно возможным способом поддержания гигиены, борьбы с традиционным спутником военного лихолетья – вшами, создававшими угрозу распространения эпидемий. Возле городских бань стояли очереди, дезинсекционные станции постоянно обслуживали солдат вермахта, и гражданское население не могло пройти обезвшивливание⁹⁵.

Оккупационные власти хорошо осознавали, что рост эпидемических заболеваний среди гражданского населения неминуемо затронет

дислоцированные в Белоруссии подразделения вермахта, полиции, а также чиновников оккупационной администрации, поэтому санитарные мероприятия проводились довольно интенсивно. На территории тыловой зоны санитарное законодательство было введено уже осенью 1941 г. К октябрю 1941 г. Временное управление Бобруйска дважды издавало распоряжение относительно выделения вещей со складов в магазины для последующей продажи только после предварительной дезинфекции, проводимой санитарным отделом. Данная практика, по мнению городского головы, должна была препятствовать распространению вшей⁹⁶. Уже в 1941 г. бургомистр Бобруйска предоставил санитарному врачу право налагать штраф за нарушение санитарных правил в размере 5–20 марок⁹⁷. 1 марта 1942 г. Бобруйское городское управление издало постановление об обязательной дезинфекции общежитий, детских учреждений, кинотеатров, предприятий пищевой промышленности, источников воды, мест содержания скота. Требовалось производить санобработку в общежитиях два раза в месяц, в школах, банях, душевых установках, кинотеатрах – четыре раза в месяц; хлорирование предприятий пищевой промышленности, водохранилищ – ежедневно, других предприятий – через день⁹⁸.

6 февраля 1942 г. вышло распоряжение Барановичского гебитскомиссара относительно обезвшивливания населения. В нём отмечалось, что вши являются переносчиками сыпного тифа, который ежегодно уносит множество жизней граждан. Поэтому все граждане, у которых обнаружат вшей, после проверки санитарной комиссией под руководством немецкого дезинфектора будут отправлены на обработку в Барановичи, а их дома – дезинфицированы. Отправляемые на обработку должны были взять с собой бельё и одежду. Прошедшим обработку выдавалось специальное свидетельство. В случае обнаружения в домах вшей, блох и иных насекомых-паразитов, граждане обязаны были сообщать об этом немецкому дезинфектору в окружном комиссариате или окружному отделу здравоохранения. За уклонение от дезинфекции предусматривалось наказание, приём на постой лиц, не прошедших дезинфекцию, был запрещён⁹⁹.

Воззвание к населению за подписью Новоградского гебитскомиссара и окружного врача под заголовком «Берегите своё здоровье» содержали советы, как уберечься от брюшного тифа и дизентерии, которые распространялись среди жителей округа. Рекомендовалось не употреблять сырую воду и молоко, не брать воду из колодцев, которыми пользуются жители домов, где есть заболевшие, поддерживать чистоту тела, мыть посуду горячей водой, соблюдать карантинные мероприятия и, что было симптоматично, не обращаться за помощью к «знахарям, бабкам, шептунам», а слушаться советов врачей¹⁰⁰.

7 мая и 10 сентября 1942 г. санитарный офицер Осиповичской комендатуры издал распоряжение, регламентирующее порядок госпитализации инфекционных больных. После госпитализации больного в инфекционное отделение его требовалось вымыть в тёплой воде, снабдить чистым бельём; после помывки помещение дезинфицировалось. Жители дома, из которого поступил заболевший, подвергались дезинфекции и трёхнедельному карантину. Бургомистрам под угрозой штрафа предписывалось снабжать такие дома соответствующими надписями. Палаты и инфекционные бараки должны были снабжаться ёмкостями с водой для мытья рук и дезинфицирующими средствами, дважды в день промываться горячей водой. Медперсонал обязан был менять халаты после посещения заразных больных, право посещения таких больных имело лишь ограниченное число медработников, само помещение закрывалось на ключ и снабжалось при входе надписями на немецком и русском языках¹⁰¹.

В 1942 г. за подписью начальника Добрушского района вышло «Обязательное постановление Добрушского городского и районного управления по борьбе с эпидемией среди гражданского населения». В нём содержались типичные санитарные требования относительно утилизации отходов, запрещалось отводить стоки воды в водоёмы, используемые для питья, приготовления еды или стирки белья, маркировать колодцы и водоёмы с непригодной для питья водой. С целью предупреждения сыпного тифа населению рекомендовалось регулярно ходить в баню или мыться дома. Ответственность за выполнение данного распоряжения возлагалась на волостных бургомистров¹⁰².

Ввиду нехватки сотрудников коммунальных служб, к уборке города привлекалось население. Каждый домовладелец, сотрудники любого предприятия или учреждения были обязаны ежедневно очищать дворы, тротуар и прилегающую проезжую часть. Данная повинность была распространена на всей территории оккупированной Белоруссии, и население повсеместно от неё регулярно уклонялось, за что городское управление периодически штрафовало наиболее злостных нарушителей¹⁰³.

Коммунальные службы регулярно отмечали сложное санитарное состояние в городах (причины: недостаток дворников, нежелание или отсутствие у горожан, занятых добыванием пропитания, времени на уборку), издавали бесконечные распоряжения, предписывающие домовладельцам и руководителям предприятий и учреждений производить уборку улиц и дворов. Активизация мероприятий по уборке обычно происходила весной. Тем не менее многочисленные распоряжения местной администрации не давали особого эффекта: санитарное состояние городов весь период оккупации оставалось сложным, что приводило к росту эпидемических заболеваний. Не помогали и угрозы штрафов.

В принятом в Чечерском районе в ноябре 1941 г. «Перечне проступков и взысканий по ним» плохое содержание дворов, улиц и помещений каралось штрафом до 500 руб.¹⁰⁴. Бургомистр г. Добруша в приказе от 22 апреля 1942 г. констатировал, что приказ начальника района об очистке территории города практически не выполняется, и предписывал штрафовать домовладельцев, уклоняющихся от уборки улиц и дворов от мусора, на 300–500 руб.¹⁰⁵.

Весной 1942 г. на местах прошедших боёв ещё находилось большое количество непогребённых трупов солдат, что с наступлением тепла угрожало распространением эпидемии. Бургомистр г. Борисова поручил полиции организовать местных жителей для погребения трупов, которые требовалось закапывать на глубину 2,5 м¹⁰⁶. Городские власти Бобруйска констатировали случаи складирования отходов и нечистот в неустановленных местах. Ассенизационный обоз, мясокомбинат и воинские части часто выгружали их на пустыри вблизи домов, что могло спровоцировать распространение заразных заболеваний с наступлением весны. В связи с этим комендант Бобруйска в своём приказе 27 февраля 1942 г. определял разрешённые для свалок участки и вменял в обязанности начальнику конного транспорта, мясокомбинату и всем другим организациям вывезти мусор в установленные места¹⁰⁷.

Для предотвращения эпидемии вводились карантинные мероприятия. 13 января 1942 г. запрет на скопление людей перед магазинами и в других общественных местах из-за угрозы распространения сыпного тифа издал Барановичский гебитскомиссар¹⁰⁸. 28 января 1942 г. начальник Клецкого района ещё раз подтвердил запрет на собрания граждан как превентивную меру против тифа, приказав волостным бургомистрам использовать для их разгона полицию¹⁰⁹. Распоряжением начальника Браславского района и районного врача от 12 января 1942 г. в качестве карантинной меры против распространения сыпного тифа впредь до особого распоряжения были запрещены богослужения во всех храмах¹¹⁰. В связи с начавшейся в Латвии эпидемией тифа жителям Браславского района с 9 января 1942 г. был запрещён въезд на территорию Латвии¹¹¹.

Эпидемии тифа часто вспыхивали в местах скопления беженцев. Огромные массы гражданского населения, принудительно перемещаемые оккупантами из прифронтовых районов или партизанских зон, продолжительное время находились в антисанитарных условиях, без какой-либо медицинской помощи. В результате к моменту расселения их на новом месте многие оказывались источником возбудителей заразных заболеваний, угрожавших перекинуться и на местное население, поскольку беженцев, как правило, расселяли в домах местных жителей. Тем не менее оккупационным властям удавалось в лучшем случае несколько сдерживать рост эпидемических заболеваний, которые продолжали уносить жизни гражданского населения.

Вынужденное внимание немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации к ветеринарным мероприятиям явилось следствием резкого падения поголовья скота на оккупированной территории Белоруссии. Испытывающие острый дефицит в тягловой силе и заинтересованные в регулярных поставках мяса для нужд вермахта, оккупационные власти пытались уберечь постоянно сокращающееся поголовье скота от эпидемических заболеваний.

Воссозданная в 1941 г. ветеринарная служба вела постоянный мониторинг эпизоотической ситуации. В рамках профилактических мероприятий периодически проводилась вакцинация домашнего скота. С осени 1941 г. и на протяжении всего периода оккупации неоднократно издавались распоряжения относительно содержания собак: в целях профилактики бешенства владельцам собак предписывалось держать их (а в некоторых случаях и котов!) на привязи. Полиция имела распоряжение отстреливать свободно бегущих животных; немедленному уничтожению подлежали также животные, больные бешенством, и животные с подозрением на это заболевание¹¹².

С целью предотвращения эпизоотии среди домашнего скота ветеринарные службы коллаборационной администрации проводили карантинные мероприятия, которые могли охватывать как целые районы, пострадавшие от эпизоотии, так и отдельные деревни или дворы. Например, согласно приказу Могилёвского городского управления от 20 февраля 1942 г., в целях предотвращения распространения ящура дворы двух жителей были подвергнуты карантину. Карантинные мероприятия предусматривали ограничение доступа во дворы посторонних лиц и животных, восприимчивых к эпидемии. Граждане, ухаживающие за животными, должны были иметь отдельные галоши и халат, обязательно дезинфицировать руки и обувь. Дезинфекционные средства размещались при входе во двор и в помещениях, где находился больной скот. Молодняк содержался изолированно от остального скота. Молоко и сливки, полученные от заражённых животных, разрешалось использовать после термической обработки только внутри хозяйства в пищу людям и скоту. Хозяева заражённых животных получали предписания, как заботиться о них. Больных животных необходимо было ежедневно обеспечивать чистой подстилкой, достаточным количеством чистой воды и специальным питанием (болтушка из отрубей и сена). Скотный двор, загоны и предметы ухода необходимо было ежедневно очищать и раз в три дня дезинфицировать 2%-ным раствором едкого натрия, поилки и кормушки обрабатывались 3–5%-ным раствором бельевой соды¹¹³. Согласно распоряжению Могилёвского бургомистра, начальнику городской полиции 26 мая 1942 г. предписывалось установить два заградительных поста во избежание проникновения в город животных, больных ящуром¹¹⁴.

Многие граждане не могли обращаться в ветеринарные службы из-за высокой стоимости услуг. В качестве иллюстрации можно привести расценки на ветеринарные услуги в Гомельском округе, утверждённые на период с 1 сентября 1941 г. по 1 января 1942 г. Например, первичный приём ветеринаром крупного рогатого скота и лошадей стоил 15 руб., повторный – 5 руб., мелкого рогатого скота и свиней – 10 и 2 руб., птиц и кроликов – 3 и 1 руб., собак и кошек – 10 и 2 руб. соответственно; вызов на дом ветеринара к животным всех видов стоил 30 руб., экспертиза на предмет определения трудоспособности – 25 руб. (на дому – 50 руб.); кастрация – 10–30 руб. (на дому – 15–50 руб.); туберкулинизация и маллеинизация* – 5 руб.¹¹⁵ В результате гибель домашних животных не была редкостью.

В период нацистской оккупации регламентировалось содержание домашних животных. Владельцы домашнего скота были обязаны зарегистрировать его в органах местной администрации. Регистрация лошадей имела целью получить представление о количестве тягловой силы, поэтому уклонение от нее рассматривалось как серьёзное преступление. В Барановичах гражданам, не зарегистрировавшим своих лошадей до 1 января 1942 г., бургомистр угрожал штрафом до 2000 руб. и конфискацией лошадей¹¹⁶.

Осенью 1941 г. немецкая оккупационная и коллаборационная администрации приняли первые постановления о порядке содержания скота, которые в дальнейшем дополнялись. Полоцкая районная управа потребовала от бургомистров собрать весь бесхозный скот и скот, выданный гражданам под охранные расписки (во время эвакуации органов советской власти часть колхозного скота передавалась гражданам)¹¹⁷. Руководителям хозяйств предписывалось сдать на базу всех непригодных лошадей¹¹⁸. У граждан имелся также скот, купленный у евреев перед их отправкой в гетто. Такой скот рассматривался немецкими властями как незаконно приобретённый, а его владельцы – как временные держатели, у которых его могли забрать при первой же необходимости (выполнение очередных мясопоставок, наделение скотом лиц, лояльных оккупационной администрации). В г. Бобруйске в марте 1942 г. были зафиксированы 31 житель, имевшие, по мнению управы, незаконно приобретённый скот¹¹⁹.

Самовольный убой домашних животных категорически воспрещался, о чём немцы неоднократно напоминали коллаборационной администрации. Тем не менее распоряжения администрации, запрещающие убой скота, не выполнялись. Весной 1942 г. Полоцкая районная управа констатировала подобные факты, в очередной раз угрожая

*Диагностическая проба с целью выявления сапа.

гражданам изъятием у них скота, как личного, так и переданного в пользование¹²⁰. В марте 1942 г. районная управа потребовала от агронома Экиманской волости предоставить списки граждан, которые забили телят, родившихся в 1942 г., и списки граждан, выращивающих телят¹²¹.

В интересах оккупационной администрации было поддержание поголовья лошадей на уровне, необходимом для удовлетворения нужд местной экономики. Спрос на тягловую силу возрастал пропорционально уменьшению конского поголовья. В лошадях отчаянно нуждались крестьяне, промышленные предприятия, часть животных передавалась владельцами добровольно или конфисковывалась партизанами. Лошади также регулярно реквизировались вермахтом. Всё это приводило к постоянному снижению конского поголовья. Чтобы хоть как-то минимизировать последствия вышеуказанных факторов, оккупационные власти, помимо запретов на самовольный убой, практиковали замену лошадей. Были запрещены убой или эксплуатация на работах племенных производителей¹²².

Реквизиция скота вермахтом могла производиться как официально, то есть в плановом порядке с санкции командования, так и произвольно, в виде банального мародёрства со стороны отдельных немецких военнослужащих. При официальной реквизиции командеры воинских частей могли выдавать квитанции на забранный скот, обещая позднее выплату компенсации немецкими властями, чего практически никогда не происходило. Чтобы минимизировать последствия очередной реквизиции лошадей вермахтом (сложилась диспропорция количества лошадей в различных общинах), Городокское районное земельное управление 27 февраля 1942 г. приказало перераспределить тягловую силу между общинами и волостями, передав безвозвратно лошадей из более обеспеченных общин и волостей нуждающимся¹²³.

Значительное количество безлошадных хозяйств породило практику закрепления лошади за несколькими хозяйствами одновременно, что приводило к злоупотреблениям. Часто крестьяне-владельцы или держатели общинных лошадей отказывались предоставлять тягловую силу односельчанам, которые не могли обработать свои наделы. В результате органы местной администрации были завалены жалобами крестьян, которым отказали в праве пользования лошадьми. Иногда лошади закреплялись за двумя крестьянами поочерёдно, что тоже приводило к спорам и конфликтам¹²⁴. В спорах крестьян по поводу владения лошадьми аргументом служило то, кто из них сдавал скот привступлении в колхоз. Этот факт обычно учитывался при разделе скота во время ликвидации колхозов в 1942 г. или при распределении лошадей, переданных общине¹²⁵.

Относительно действий партизан следует отметить, что в заявлениях крестьян, отчётах волостных старост фразу «конфискация скота партизанами» необходимо рассматривать критически, поскольку часто даже в случае добровольной передачи партизанам скота и имущества документально этот акт оформлялся как насильственные действия со стороны партизан. Об этом свидетельствует обращение к населению генерального комиссара «Белорутении» В. Кубе, который отмечал, что очень многие жители содействуют партизанам тем, что отдают им без отпора коней и транспортные средства. В. Кубе предупреждал гражданское население, что подобные действия будут классифицироваться оккупационными властями как саботаж¹²⁶.

Владельцы коров были обязаны сдавать государству определённое количество молока или молокопродуктов. Крестьяне, державшие домашнюю птицу, сдавали яйца и мясо птицы. В Тереховском районе распоряжением районного земельного управления с 1 января 1942 г. была введена обязательная годовая норма сдачи молока от коровы – 110 л при жирности 3,9%. Хозяйства рабочих и служащих до особого распоряжения от сдачи освобождались. Устанавливался план сдачи в течение года: январь – 2%, февраль – 3%, март – 5%, апрель – 7%, май – 10%, июнь – 20%, июль – 20%, август – 13%, сентябрь – 10%, октябрь – 5%, ноябрь – 3%, декабрь – 2%. Местным властям предписывалось провести проверку дойных коров. Для приёма молока в районе организовывались девять пунктов. Заведующие сливными или сепараторными пунктами вели ежедневный учёт молока, передавая суммарные данные волостному старшине. Далее всё молоко ежедневно к 17:00 доставлялось на Тереховский маслозавод. В случае порчи молока вследствие несвоевременной доставки виновные должны были покрыть убыток в пятикратном размере, испорченные продукты в общий объём поставок не засчитывались¹²⁷. От поставок молока освобождались только владельцы стельных коров до момента отёла¹²⁸.

Требование указывать в официальных документах жирность молока было обусловлено естественным стремлением владельцев коров минимизировать количество сдаваемого оккупационной администрации молока. Власти вели постоянную борьбу с держателями коров, которые разбавляли молоко водой. Бургомистр г. Добруша в приказе от 29 мая 1942 г. констатировал, что при проверке в лаборатории сдаваемого молока выяснилось, что 10 граждан разбавляли его водой, в результате чего жирность колебалась от 0,4 до 1,2% при требуемых 3%. Подобные действия расценили как саботаж, и начальнику полиции было приказано изъять у этих граждан коров. Остальные горожане еще раз получили предупреждение об ответственности за фальсификацию молока¹²⁹.

При наложении контингента* поставки мяса оккупационную администрацию интересовало получение всего объёма контингента, поэтому применялся гибкий принцип замены. В случае если крестьянское хозяйство не могло выполнить установленную норму по сдаче мяса коров, разрешалась сдача телят общим весом 250 кг или свиньи весом 100–150 кг, или поросят общим весом 150 кг¹³⁰. Практиковалась сдача на мясо коров, выданных крестьянам из общинного стада¹³¹. Выполнение мясопоставок сопровождалось конфликтами между крестьянами. Некоторые малоимущие граждане считали, что община могла бы выполнить контингент за счёт сдачи скота их более состоятельных односельчан. Осенью 1942 г. на имя начальника Тереховского районного земельного отдела поступило заявление от жительницы д. Тереховка, которая просила отменить сдачу коровы, которая пала от укуса бешеной собаки, и перечисляла семьи, в которых имелись коровы, тёлки и свиньи; у этих семей, по её мнению, можно было изымать скот безболезненно¹³². Сельский комендант Осиповичского района в конце 1942 г. предписывал старосте общины д. Репище прикрепить крестьян, сдавших своих коров в счёт военного сбора, к имеющим коров односельчанам из расчёта: две большие или три малые семьи на одну корову. Корма для коровы поставляли все закреплённые за коровой семьи¹³³.

Немецкие оккупационные власти в условиях затяжной войны были вынуждены уделять особое внимание системе землепользования для эффективного обеспечения вермахта, рейха и гражданского населения на оккупированной территории Белоруссии. На востоке Белоруссии были сохранены колхозы, впоследствии трансформировавшиеся в общинные хозяйства, в западных районах доминировали индивидуальные крестьянские хозяйства.

Крестьяне оккупированной Белоруссии платили земельный, натуральный и подушный налоги. В случае невыплаты граждане подвергались штрафу. Прошения о снятии обязательной поставки сельскохозяйственной продукции были очень распространены. Значительная часть мелких и средних крестьянских хозяйств не могла справляться с выполнением норм и апеллировала к местной администрации и районному сельскому руководителю, указывая на невозможность сдачи продуктов. Помимо бедности части крестьян, причиной невыполнения поставок являлись действия партизан, которые, часто принудительно, изымали у крестьян продукты. Однако оккупационные власти не были склонны полностью освобождать крестьян от поставок. В октябре 1942 г. начальник Браславского района уведомил волостных бургомистров, что

*Зд.: предельное количество, норма.

крестьяне должны выполнить хотя бы часть поставок, и только тогда они могут обращаться с просьбой к районному сельскому руководителю об их снижении¹³⁴. Поводом для обращения граждан в местные органы власти с просьбой уменьшить или отменить обязательный контингент становились военные действия или природные катаклизмы. Например, в земельно-хозяйственный отдел Клецкого района поступило заявление гражданина, который имел 3,5 гектара земли, полностью сдал контингент картофеля, но не мог сдать остальные продукты, так как, по его словам, в 1941 г. посевы были уничтожены градом на 80%¹³⁵.

В период прохождения по территории Белоруссии частей вермахта у местного населения были реквизированы продукты питания, взамен им выдавались квитанции и расписки. С момента установления оккупационных административных структур крестьяне начали выдвигать к немецким властям требования о компенсации за изъятую продукцию. Однако компенсации не последовали автоматически. Немецкие власти ограничились сбором у населения таких расписок и начали выяснение правомерности требований крестьян, для чего планировалось связаться с соответствующими частями вермахта, проводившими реквизиции¹³⁶. Конфискация продуктов вермахтом давала крестьянам повод требовать от местной администрации снижения или отмены продналога. Житель Борковичской волости Дриссенского района просил волостную управу включить в счёт госпоставок семь берковцев* сена, реквизированных у него вермахтом, но получил отказ в связи с отсутствием доказательств¹³⁷. Другой гражданин апеллировал к коменданту Дриссенского района с просьбой снять с него продналог, так как всё его имущество сгорело. Решение было передано на усмотрение сельского старосты, с условием, что уменьшение налогов с сельской общины недопустимо, можно только перераспределять их, перекладывая выплаты на тех, кто в состоянии их производить¹³⁸.

Часто граждане обращались в местную администрацию с просьбой пересмотреть налогообложение с числящейся за ними земли, которая традиционно делилась на три категории в зависимости от её ценности, и от этого зависел размер налога. Гражданин Купеловской общины Браславского района просил солтыса** перевести в третью категорию 16 гектаров имеющегося у него мохового болота, которое при прежней власти числилось как земля второй категории¹³⁹. В другом случае крестьянин обращался к властям с просьбой не начислять налог на землю, которую у него, как кулака, конфисковала советская власть. Из бывших в его собственности до прихода советской власти 50,5 гектара ему

* Старинная мера веса (массы), равная 10 пудам (163,8 кг).

** В средних веках глава (староста) села, деревни в Центральной и Восточной Европе. В старину был одновременно и судьёй.

оставили 15 гектаров, причём конфискованная земля никому не была передана, никем не обрабатывалась, но числилась за прежним владельцем, с которого взимался налог¹⁴⁰. Нередкими были случаи споров крестьян по вопросам собственности на землю, причём эти споры могли быть очень давними, со времён польской или советской власти¹⁴¹.

В западных районах генерального округа «Белорутения» существовала практика назначения опекунов (кураторов) над движимым или недвижимым имуществом граждан, если они по какой-либо причине (малолетство, старость) не могли управлять имуществом сами. Иногда просьба назначить куратора могла исходить от супругов, находящихся между собой в конфликте¹⁴². Поскольку оккупационная администрация была заинтересована в том, чтобы вся пахотная земля обрабатывалась, кураторство над землёй могло назначаться даже без согласия владельца. Назначенные кураторами крестьяне не всегда были довольны, так как эта обязанность отнимала силы и время от работы в своём хозяйстве.

Чтобы крестьяне максимально полно выполняли поставки продуктов государству, оккупационная администрация ввела систему стимулирующих мер. Летом 1942 г. Полоцкий районный отдел заготовки продуктов через волостных бургомистров извещал сельское население, что за сданную сельскохозяйственную продукцию крестьяне смогут приобрести товары (верёвки, вёдра, дёготь и др.) по твёрдым ценам в магазинах Центрального торгового общества «Восток» или обменивать излишки продуктов на дефицитные товары (соль, спички)¹⁴³.

Кроме фиксированных налогов, жители облагались рядом дополнительных повинностей и поборов. Периодически проводился сбор вещей для нужд вермахта. Осенью 1942 г. по Экиманской волости у крестьян было реквизировано 367,5 кг шерсти, 145 меховых полушубков, 16 меховых шапок, 25 ватных брюк, 100 пар валенок и других тёплых вещей¹⁴⁴. В разное время население принуждалось также сдавать для нужд вермахта колючую проволоку, сани, конский волос и др.¹⁴⁵.

Граждане, пользующиеся земельными участками, но не занимающиеся сельским хозяйством, не облагались поземельным налогом. На основании распоряжения командующего тылом группы армий «Центр» от 18 февраля 1942 г. с городского населения, пользовавшегося земельными участками, взималась земельная рента: с застроенных земельных участков – 20 коп. за м², с незастроенных – 5 коп. за м². Используемые частными лицами фруктовые сады и огороды не рассматривались как сельскохозяйственные земли. Но если их владельцы (рабочие, учителя, ремесленники) получали дополнительный доход, продавая продукцию на рынке, то вместе с налогом на продажу они платили и земельную ренту¹⁴⁶. Граждане, имеющие огороды, были обязаны платить натуральный сбор¹⁴⁷.

Спутником военного лихолетья были пожары. В довоенный период в городах Белоруссии преобладала деревянная застройка частного сектора, многие каменные административные здания центральной части города имели деревянные перекрытия, доминировало печное отопление, что создавало потенциальную опасность возгорания.

К 1942 г. в городах и районах были созданы пожарные команды и добровольные пожарные дружины. В Могилёве городская пожарная команда насчитывала 75 человек рядового состава и административный персонал. В подчинении городской службы находились районная служба и трубоотряд. К лету 1942 г. были восстановлены семь пожарных автомашин и собран некоторый инвентарь. На ряде предприятий возобновили работу пожарные дружины¹⁴⁸. В рамках профилактических мероприятий были обследованы 7000 частных и коммунальных зданий, дважды обследованы предприятия и учреждения, осмотрены пожарные гидранты, трижды проводилось информирование населения по радио о мероприятиях противопожарной безопасности. Как недостаток отмечалась слабая система оповещения о возгораниях, в результате чего в ряде случаев пожарная команда выезжала к месту пожара, ориентируясь по зареву¹⁴⁹.

Пожары происходили вследствие ряда причин. К возгоранию могла привести интенсивная топка печей в деревянных домах¹⁵⁰. Всего за 1942 г. в Могилёве, по неполным данным, произошли 43 пожара¹⁵¹. Большая часть пожаров приходилась на холодное время года и была вызвана интенсивной топкой печей и их конструктивными недостатками (размещение вплотную к деревянным стенам, проход дымохода через деревянные перекрытия) и, в меньшей степени, халатностью граждан и военнослужащих. Значительная часть пожаров происходила в зданиях, занятых личным составом вермахта или используемых как складские армейские помещения. Эти строения были вне сферы доступа инспекторов пожарной охраны, и производить тут профилактические мероприятия не представлялось возможным. В ряде случаев установить причину пожара не представлялось возможным, и это также чаще всего относилось к зданиям, занимаемым вермахтом. Немецкие военные не позволяли проводить детальное дознание ни пожарным, ни местной полиции.

Приказом Могилёвской городской управы от 2 февраля 1942 г. с целью предотвращения пожаров в городе вводилась немедленная принудительная чистка труб. Домовладельцы и квартиросъёмщики не должны были препятствовать мероприятию под страхом наказания. Вводились расценки на очистку. Чистка обыкновенной трубы стоила 1 руб., труб усиленных топок дважды в месяц – 6 руб., паровых труб – 15–30 руб., выемка птичьих гнёзд из дымоходов – 9 руб., выжигание сажи в дымоходах

– 10–20 руб.¹⁵². В Витебске с 1 октября 1941 г. по 1 октября 1942 г. в домах, принадлежавших домоуправлению и промышленным предприятиям, по неполным данным, произошло 15 пожаров. Из отчёта витебской пожарной охраны за январь – сентябрь 1942 г. следует, что было произведено профилактическое обследование 1961 жилого дома, 37 предприятий, 70 мастерских, 15 столовых, в 105 домах составлены акты об обнаружении дефектов, расследованы причины 27 пожаров¹⁵³.

Таким образом, изучение документов коллаборационной администрации позволяет получить объективную картину повседневной жизни сельского населения Белоруссии, даёт представление об эффективности мероприятий немецких оккупационных властей. Немецкие оккупационные власти стремились максимально использовать ресурсы оккупированной Белоруссии для обеспечения вермахта и рейха, в результате коллаборационная администрация не имела средств для поддержания на должном уровне коммунального хозяйства и здравоохранения, удовлетворения насущных нужд граждан.

Установление нацистского оккупационного режима обернулось для гражданского населения резким ухудшением санитарной обстановки вследствие недостатка врачей, медикаментов, острым дефицитом воды, топлива, электроэнергии и ухудшением жилищных условий. Население Белоруссии становилось также жертвой чрезвычайных ситуаций: стихийных бедствий или техногенных катастроф. Коллаборационная администрация предпринимала определённые усилия для борьбы с пожарами и наводнением, однако чрезвычайные ситуации, уносившие человеческие жизни и причинявшие материальный ущерб, возникали регулярно. Нарушение функционирования довоенных ветеринарных структур, высокая стоимость ветеринарных услуг, хаотичное перемещение домашнего скота вследствие принудительной миграции населения на оккупированной территории приводили к резкому увеличению эпизоотических заболеваний, что сокращало поголовье скота и ещё более ухудшало и без того суровую оккупационную действительность.

Примечания

¹ Государственный архив Гомельской области (далее – ГАГО). Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1. Л. 117.

² ГАГО. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.

³ Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). Ф. 2134. Оп. 1. Д. 5. Л. 20–21.

⁴ ГАВО. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 5. Л. 30, 31 об.

⁵ Там же. Л. 16–17.

⁶ Государственный архив Минской области (далее – ГАМО). Ф. 1039. Оп. 1. Д. 49. Л. 14.

⁷ Там же. Ф. 686. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 1. Л. 4–4 об.

⁹ Государственный архив Могилёвской области (далее – ГАМГО). Ф. 858. Оп. 32. Д. 2. Л. 35.

¹⁰ ГАМО. Ф. 686. Оп. 1. Д. 1. Л. 205–206.

- ¹¹ Там же. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 3. Л. 91, 119–119 об.
¹² ГАВО. Ф. 2841. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
¹³ Там же. Ф. 2088. Оп. 2. Д. 1. Л. 11 об.
¹⁴ Государственный архив Гродненской области. Ф. 610. Оп. 1. Д. 23. Л. 175 А.
¹⁵ ГАВО. Ф. 2088. Оп. 2. Д. 2. Л. 145–146.
¹⁶ Там же. Л. 146.
¹⁷ ГАМГО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 19. Л. 1, 3–6.
¹⁸ Там же. Л. 1–2.
¹⁹ Там же. Л. 10.
²⁰ ГАГО. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
²¹ ГАВО. Ф. 2074. Оп. 1. Д. 8. Л. 292.
²² ГАМГО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 2. Л. 45–47.
²³ ГАВО. Ф. 2847. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
²⁴ ГАМГО. Ф. 858. Оп. 1. Д. 96. Л. 7.
²⁵ ГАМО. Ф. 624. Оп. 2. Д. 1. Л. 30.
²⁶ Там же. Л. 32.
²⁷ ГАВО. Ф. 2088. Оп. 2. Д. 1. Л. 28.
²⁸ ГАМГО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 40. Л. 22.
²⁹ Там же. Ф. 858. Оп. 1. Д. 1. Л. 84.
³⁰ ГАМО. Ф. 1039. Оп. 1. Д. 81. Л. 159.
³¹ ГАМГО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 19. Л. 8.
³² ГАВО. Ф. 2088. Оп. 1. Д. 2. Л. 18–19.
³³ Там же. Л. 130.
³⁴ Там же. Д. 1. Л. 42–43.
³⁵ Там же. Л. 24 об.
³⁶ ГАМО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 9. Л. 16.
³⁷ Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). Ф. 684. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 об.
³⁸ Там же. Л. 1.
³⁹ ГАМО. Ф. 681. Оп. 1. Д. 27. Л. 109.
⁴⁰ ГАВО. Ф. 2848. Оп. 1. Д. 232. Л. 4.
⁴¹ ГАМГО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 45. Л. 126.
⁴² ГАВО. Ф. 2848. Оп. 1. Д. 232. Л. 1–2, 29.
⁴³ ГАМО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 3. Л. 75.
⁴⁴ ГАВО. Ф. 2841. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.
⁴⁵ ГАМО. Ф. 1039. Оп. 1. Д. 81. Л. 162.
⁴⁶ ГАГО. Ф. 1344. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
⁴⁷ ГАВО. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 5. Л. 168.
⁴⁸ Там же. Ф. 2073. Оп. 2. Д. 139. Л. 6, 10, 14, 25, 34.
⁴⁹ Там же. Оп. 1. Д. 181. Л. 7, 21.
⁵⁰ Там же. Ф. 2088. Оп. 2. Д. 2. Л. 143–144.
⁵¹ Там же. Л. 144.
⁵² ГАГО. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2, 5–5 об.
⁵³ ГАВО. Ф. 2073. Оп. 1. Д. 182. Л. 51–52 об.
⁵⁴ Там же. Д. 183. Л. 3–11.
⁵⁵ Там же. Ф. 2088. Оп. 1. Д. 35. Л. 46.
⁵⁶ Там же. Ф. 2073. Оп. 2. Д. 139. Л. 60–63.
⁵⁷ ГАГО. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 35. Л. 9–9 об.
⁵⁸ Там же. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.
⁵⁹ ГАВО. Ф. 2073. Оп. 1. Д. 180. Л. 1–9.
⁶⁰ ГАМГО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 104. Л. 1, 3.
⁶¹ Там же. Д. 15. Л. 48.
⁶² Там же. Д. 17. Л. 7–7 об.
⁶³ ГАГО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
⁶⁴ ГАМГО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 1. Л. 355.

- ⁶⁵ ГАГО. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.
⁶⁶ ГАМО. Ф. 4232. Оп. 1. Д. 29. Л. 74.
⁶⁷ ГАМГО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 23. Л. 63.
⁶⁸ Там же. Д. 163. Л. 31.
⁶⁹ Там же. Л. 30.
⁷⁰ ГАВО. Ф. 2074. Оп. 1. Д. 38. Л. 37.
⁷¹ ГАМГО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 47. Л. 5–7, 9.
⁷² ГАМО. Ф. 1566. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.
⁷³ Там же. Ф. 1542. Оп. 1. Д. 24. Л. 31.
⁷⁴ ГАВО. Ф. 2115. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.
⁷⁵ ГАБО. Ф. 2733. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.
⁷⁶ Там же. Д. 28. Л. 69.
⁷⁷ ГАМО. Ф. 1540. Оп. 1. Д. 32. Л. 109.
⁷⁸ ГАГО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 1. Л. 48, 87–89.
⁷⁹ ГАМГО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 23. Л. 62 об.
⁸⁰ Там же. Ф. 261. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.
⁸¹ ГАВО. Ф. 2840. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.
⁸² ГАБО. Ф. 684. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
⁸³ Там же. Л. 2 об.
⁸⁴ ГАМГО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 29. Л. 60.
⁸⁵ Там же. Д. 156. Л. 363.
⁸⁶ Там же. Д. 15. Л. 93.
⁸⁷ Там же. Л. 94.
⁸⁸ ГАВО. Ф. 2848. Оп. 2. Д. 18. Л. 5–9.
⁸⁹ Там же. Д. 20. Л. 3; Д. 19. Л. 6, 7–7 об.
⁹⁰ ГАМГО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 46. Л. 5.
⁹¹ Там же. Л. 5–10.
⁹² ГАВО. Ф. 2848. Оп. 1. Д. 245. Л. 63.
⁹³ ГАГО. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.
⁹⁴ ГАМГО. Ф. 858. Оп. 1. Д. 30. Л. 60–62.
⁹⁵ Там же. Ф. 259. Оп. 1. Д. 46. Л. 2–2 об.
⁹⁶ Там же. Ф. 858. Оп. 3. Д. 3. Л. 57.
⁹⁷ Там же. Л. 82–82 об.
⁹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 21. Л. 16.
⁹⁹ ГАБО. Ф. 684. Оп. 1. Д. 6. Л. 6 об.
¹⁰⁰ Там же. Д. 4. Л. 41.
¹⁰¹ ГАМГО. Ф. 847. Оп. 2. Д. 2. Л. 8.
¹⁰² ГАГО. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
¹⁰³ ГАМГО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 26. Л. 34.
¹⁰⁴ ГАГО. Ф. 1344. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
¹⁰⁵ Там же. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.
¹⁰⁶ ГАМО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 8. Л. 85.
¹⁰⁷ ГАМГО. Ф. 858. Оп. 32. Д. 2. Л. 8.
¹⁰⁸ ГАБО. Ф. 684. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
¹⁰⁹ ГАМО. Ф. 1540. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.
¹¹⁰ ГАВО. Ф. 2841. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
¹¹¹ Там же. Л. 15.
¹¹² Там же. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 8. Л. 74; ГАМО. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 6. Л. 26.
¹¹³ ГАМГО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 156. Л. 88.
¹¹⁴ Там же. Ф. 259. Оп. 1. Д. 20. Л. 290.
¹¹⁵ ГАГО. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1. Л. 92.
¹¹⁶ ГАБО. Ф. 684. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
¹¹⁷ ГАВО. Ф. 2825. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
¹¹⁸ Там же. Л. 13.

- ¹¹⁹ ГАМГО. Ф. 858. Оп. 1. Д. 98. Л. 79–80.
¹²⁰ ГАВО. Ф. 2823. Оп. 1. Д. 2. Л. 57.
¹²¹ Там же. Л. 47.
¹²² ГАВО. Ф. 2149. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.
¹²³ ГАВО. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
¹²⁴ Там же. Ф. 2833. Оп. 1. Д. 1. Л. 100–100 об.
¹²⁵ Там же. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 15. Л. 20.
¹²⁶ ГАМО. Ф. 1542. Оп. 1. Д. 22. Л. 18.
¹²⁷ ГАГО. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–11 об.
¹²⁸ ГАВО. Ф. 2833. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.
¹²⁹ ГАГО. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.
¹³⁰ Там же. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 2. Л. 26.
¹³¹ ГАВО. Ф. 2823. Оп. 1. Д. 1. Л. 151.
¹³² ГАГО. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 4. Л. 9, 13–13 об.
¹³³ ГАМГО. Ф. 845. Оп. 3. Д. 3. Л. 26.
¹³⁴ ГАВО. Ф. 2848. Оп. 1. Д. 17. Л. 23.
¹³⁵ ГАМО. Ф. 1539. Оп. 1. Д. 1. Л. 71.
¹³⁶ ГАВО. Ф. 2848. Оп. 1. Д. 16. Л. 5.
¹³⁷ Там же. Ф. 2833. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
¹³⁸ Там же. Л. 49.
¹³⁹ Там же. Ф. 2849. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–1 об.
¹⁴⁰ Там же. Л. 5.
¹⁴¹ Там же. Д. 3. Л. 32–32 об.
¹⁴² Там же. Л. 10–10 об.
¹⁴³ Там же. Ф. 2823. Оп. 1. Д. 1. Л. 147.
¹⁴⁴ Там же. Л. 179.
¹⁴⁵ Там же. Ф. 2088. Оп. 1. Д. 22. Л. 11.
¹⁴⁶ ГАМО. Ф. 1604. Оп. 2. Д. 4. Л. 119–120.
¹⁴⁷ ГАВО. Ф. 2074. Оп. 1. Д. 30. Л. 10, 15.
¹⁴⁸ ГАМГО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 23. Л. 54.
¹⁴⁹ Там же. Д. 21. Л. 134.
¹⁵⁰ Там же. Л. 41.
¹⁵¹ Там же. Л. 2–130.
¹⁵² Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 156. Л. 129.
¹⁵³ ГАВО. Ф. 2073. Оп. 2. Д. 142. Л. 14, 23.

Пропаганда нацистской Германии в Прибалтике в 1941–1942 гг. (на примере генерального округа «Латвия»)

*Д-р Каспарс Зеллис,
Латвийский университет*

Вступление

Цель данной статьи – показать на примере Латвии, как национал-социалистическая Германия старалась реализовывать свою оккупационную политику в странах Балтии и каковы были главные направления её пропаганды во второй половине 1941 г. и в 1942 г. Содержание нацистской пропаганды, а также оккупационная политика имели свои особенности в каждой стране, однако, к сожалению, пример Эстонии и Литвы до настоящего момента не отображён в историографии. Документы нацистских учреждений позволяют утверждать, что оккупационная политика в странах Балтии в то время имела много общего.

Пропагандисты

В нацистской Германии военная пропаганда воспринималась как мощное оружие, которое, по словам А. Гитлера, «...есть важнейший инструмент в уничтожении морали и воли противника к победе», эффективность которой было необходимо обеспечить определённым, управляемым разделением сфер компетенции»¹. Однако в реальности как в Третьем рейхе, так и на оккупированных территориях политика пропаганды подвергалась множеству структурных реформ. В рассматриваемом периоде можно выделить два этапа: период военной оккупации, с июня по сентябрь – декабрь 1941 г., когда за пропаганду официально были ответственны пропагандистские части группы армий «Север», и сменивший его период гражданского управления, когда пропагандистские функции перешли к пропагандистским частям генерального комиссара, подчинённым рейхскомиссару Министерства оккупированных восточных территорий.

Созданное Й. Геббельсом Министерство народного просвещения и пропаганды контролировало пропагандистскую деятельность в нацистской Германии и на подчинённых территориях. Например, находившийся в юрисдикции генерал-губернатора Польши Г. Франка² отдел пропаганды правительства генерал-губернаторства был в прямом подчинении Министерства пропаганды³. Указания по ведению пропаганды во время войны с Советским Союзом были приняты на общем заседании Министерства пропаганды, Министерства иностранных дел, генштаба вермахта, контрразведки и других партийных и государственных институтов⁴, но разработкой стратегии пропаганды занималось только Министерство пропаганды.

Однако на оккупированных восточных территориях роль министерства до 1943 г. была вторичной.

Отдел пропаганды вермахта был создан ещё в апреле 1939 г. и находился в подчинении генерал-майора Х. фон Веделя⁵. В ходе войны его задачи и функции неуклонно возрастали. Так, согласно приказу А. Гитлера от 10 февраля 1941 г., для упорядочения ведения и увеличения эффективности пропаганды Х. фон Веделю передавался контроль над радио и прессой на всех оккупированных территориях⁶. Для реализации данной задачи были созданы специальные отделы. Й. Геббельс не раз пытался, хотя и неудачно, перевести пропагандистские части вермахта в своё подчинение⁷. В итоге они сохранили свою автономию.

Поле деятельности данных частей было определено 6 июня 1941 г., незадолго до нападения на СССР, в утверждённой начальником штаба Верховного командования вермахта А. Йодлем⁸ директиве⁹, включённой в план «Барбаросса».

Для реализации пропаганды на оккупированных территориях были созданы специальные роты (Propagandastaffel), составленные из активных пропагандистов, журналистов, цензоров и, частично, работников радио¹⁰. Изначально в их задачи входило распространение листовок и плакатов, контроль над прессой и радио. Согласно 10-му пункту директивы, с продолжением наступления пропагандистским ротам следовало занимать большие города и радиоретрансляторы¹¹. Они организовывали пропагандистскую работу, следуя за боевыми частями вермахта. В первые недели июля был создан отдел пропаганды вермахта в «Остланде» (позднее – отдел пропаганды группы армий «Север» под командованием старшего лейтенанта Кнота). Отдел подчинялся командующему тыловым районом группы армий «Север» генералу пехоты Ф. фон Року как составная часть штаба 16-й армии.

На начальном этапе оккупации именно пропагандистские роты вермахта осуществляли контроль над средствами массовой информации и частично занимались созданием пропагандистских текстов¹².

Пропагандистские материалы главным образом поступали из отделов Министерства пропаганды. В пояснении шефа печати рейхскомиссара Вальтера Циммермана частям печати Министерства оккупированных восточных территорий от 2 октября 1941 г. прямо указывалось, что все газеты, выходящие на территории Латвии, были созданы пропагандистскими частями вермахта¹³.

С созданием рейхскомиссариата «Остланд» и передачей ему управления оккупированной территорией влияние пропагандистских частей вермахта начало снижаться. Уже в сентябре отдел печати рейхскомиссара принял на себя работу с прессой и цензуру, затем – контроль над культурной политикой, а в декабре – и активную пропагандистскую деятельность. С 1942 г. на территории Латвии пропагандистские части вермахта сохранили за собой лишь надзор за печатью. Так, предоставлять читателям информацию с фронта пресса могла только на основании циркуляров главного командования вермахта¹⁴, которые предоставляло Германское информационное бюро (DNB). Категорически запрещалось публиковать данные о потерях в частях вермахта и союзников Германии¹⁵. Военной цензурой ведали окружные комендатуры вермахта. Так, например, издания, выходявшие в свет на территории Курземе (западный регион Латвии), контролировались Лиепайской комендатурой, которая указывала на недостатки и сообщала о новых запретах¹⁶. Также комендатуры вермахта давали указания гражданским структурам в вопросах пропаганды.

Отдел пропаганды группы армий «Север» вёл самостоятельную пропагандистскую деятельность на оккупированных территориях северо-запада России, где издавались газеты на русском языке – «За родину», «Северное слово», журнал «Новый путь» и др. 28 августа 1941 г. отдел пропаганды начал издавать газету «Правда». Внешне она полностью копировала советское издание, однако содержание являлось продуктом нацистской пропаганды,

Аудиторию пропагандистских частей вермахта составляли не только жители оккупированных территорий или красноармейцы, но также немецкие солдаты и офицеры. Пропагандисты обеспечивали идейное воспитание немецких солдат и организовывали культурную жизнь на фронте. Для поддержания боевого духа и политического образования солдат издавались специальные издания, а с 1942 г. для чиновников и офицеров вермахта в ранге не ниже зондерфюрера начали проводить серию семинаров в целях укрепления боевого и идейного духа¹⁷.

Согласно указу А. Гитлера от 20 апреля 1941 г., А. Розенберг был назначен «доверенным лицом» фюрера по восточным территориям¹⁸. Гражданское управление в Прибалтике также было в руках А. Розенберга как главы Государственного министерства оккупированных

восточных территорий, или неофициально – Восточного министерства. Оккупированная Прибалтика была составной частью рейхскомиссариата «Остланд», управляющим (рейхскомиссаром) которого был назначен Генрих Лозе¹⁹. В его подчинении находились четыре генеральных комиссара в Риге, Таллине, Каунасе и Минске. Территорией бывшей Латвийской Республики, переименованной в генеральный округ «Латвия», распоряжался генеральный комиссар Отто Дрехслер²⁰. В его подчинении находились пять (из шести) созданных гебитскомиссариатов (областных комиссариатов) – Елгава, Валмиера, Лиепая, Даугавпилс и Рижский округ. В свою очередь гебитскомиссариат города Риги находился в прямом подчинении Министерства восточных территорий²¹. Передача полномочий гражданской администрации продолжалась с 1 сентября по 1 декабря 1941 г.

Для упорядочивания пропагандистской деятельности в составе 1-го (политического) управления Министерства восточных территорий был создан 8-й отдел – печати и просвещения. Изначально им руководил майор Карл Кранц, впоследствии – капитан Йобст Циммерман. Отдел состоял из семи групп: общая, немецкой прессы, восточной ненемецкой прессы, иностранной информации, радио, кино и активной пропаганды²².

В отчёте о пропаганде за 1942 г. начальник отдела обозначил следующие задачи пропаганды на восточных территориях:

а) поддержка войсковых частей посредством пропаганды в среде врага и агитационная работа с гражданским населением оккупированных восточных территорий;

б) противостояние вражеской лжи в рамках общей военной политики; проведение генеральной пропаганды на востоке; просветительная деятельность на восточных территориях и за границей;

в) привлечение к сотрудничеству населения восточных территорий посредством пропагандистских нововведений, через образовательную работу в среде проживающих на советских территориях, информируя об искажённых и ранее неизвестных представлениях о европейских отношениях, формируя общественное мнение посредством улучшения деятельности общественных организаций»²³.

Иерархия главных институтов пропаганды была следующая:

1) начальник периодической печати Министерства восточных территорий²⁴;

2) части периодической печати и пропаганды рейхскомиссаров;

3) службы периодической печати и пропаганды генеральных комиссаров²⁵;

4) службы областных комиссаров, пропагандистская работа которых, как указывалось в другом документе, должна служить «краеугольным камнем в мосте к местному населению»²⁶.

Планирование политической пропагандистской работы осуществлялось группой активной пропаганды отдела печати и образования Министерства восточных территорий²⁷. Координация планирования осуществлялась соответствующими службами Министерства восточных территорий по согласованию с генеральным референтом восточного отдела Министерства пропаганды Э. Таубертом. Изготовлением образцов пропагандистских материалов занималась группа активной пропаганды Министерства восточных территорий, а также восточный отдел Министерства пропаганды. Ответственность за техническое изготовление материалов возлагалась на восточный отдел Министерства пропаганды.

Доставку материалов обеспечивали соответственные службы рейхскомиссаров или же их заказчики. В свою очередь за распространение материалов были ответственны пропагандистские службы генеральных и областных комиссаров²⁸.

Отдел печати и образования Министерства восточных территорий ежедневно выпускал, начиная с 7 августа 1942 г., так называемые «оперативные бюллетени», которые рассылались службам пропаганды и периодической печати на оккупированных территориях. Бюллетени содержали ежедневные пароли шефа периодической печати рейха, важнейшие распоряжения и директивы Министерства восточных территорий, общую информацию о зарубежье, материалы для пропаганды на востоке, контрпропагандистские материалы и т.п.²⁹

Начиная с 21 августа 1942 г. два раза в месяц министерство издавало специальное издание «Propaganda-Dienst», в котором были размещены материалы о пропагандистских акциях, указания прессе и т.д.³⁰

Пресса считалась важнейшим средством пропаганды в Балтии, и значительная роль в руководстве пропагандой в «Остланде» принадлежала шефу печати рейха Вальтеру Циммерману³¹, в юрисдикции которого находилась вся печать государства. Фактически он руководил всем потоком информации в периодической печати, и именно через его бюро происходил обмен информацией не только с Министерством восточных территорий, но и с Министерством иностранных дел, частями вермахта и т.д. В подчинении В. Циммермана находилось и крупнейшее издание на латышском языке «Тевия» («Отчизна»).

Другие издания, выходившие на латышском языке, находились в подчинении пресс-референта пропагандистской части генерал-комиссара Риги Мартина Верхана. Также М. Верхан регулярно рассылал конфиденциальные указания для прессы и со своими латышскими подчинёнными осуществлял цензуру материалов, предназначенных для изданий на латышском языке³².

В отделе пропаганды генерал-комиссара было отделение культуры и литературы, главной задачей которого были цензура работ латышских

литераторов, надзор за публичными мероприятиями, театрами и деятелями искусства³³. Всё это подчинялось главной цели – преобразованию культурной жизни латышей согласно немецкому видению и сохранению немецкой культуры³⁴.

Группа активной пропаганды в свою очередь обеспечивала издание и распространение плакатов, брошюр и листовок, а также организацию публичных мероприятий. Она находилась в подчинении руководителя отдела Густава Дреслера, который, как и многие другие, попал в гражданское управление из рот пропаганды вермахта.

Министерство пропаганды и просвещения, нередко конфликтуя с ведомством А. Розенберга, вело самостоятельную пропагандистскую деятельность на оккупированных территориях. В нём ещё до начала войны против СССР был организован специальный восточный отдел под руководством Э. Тауберта. В этом отделе было создано отделение пропаганды для восточных территорий «Винета», которое формально подчинялось «Антикоминтерну»³⁵. Данное подразделение³⁶ занималось сбором информации и изготовлением пропагандистских материалов – плакатов, брошюр, информационных сообщений и репортажей, радиобозрений и т.д.³⁷, которые регулярно рассылались Министерством восточных территорий для проведения пропагандистской работы.

Служба «Винета» формально была зарегистрирована как общество, единственной задачей которого являлась «поддержка восточного отдела Министерства пропаганды в политической пропаганде»³⁸. Уже в 1942 г. в отделе «Винета» было выделено 12 групп. Третья группа работала на оккупированные территории Прибалтики («Остланд») и включала в себя четыре отделения – латышское, литовское и эстонское, а также группу активной пропаганды «Остланда»³⁹. Латышской редакцией изначально руководил Эрнстс Трейгутс-Гале, которого сменил Андреис [Андре] Лаздиньш. Штат редакции составляли 8–10 человек⁴⁰. Главной задачей редакции была подготовка радиопередач на латышском языке. С началом войны «Винета» вещала, используя радиопередатчик Кёнигсберга. Кроме создания радиоматериалов, «Винета» занималась также выпуском плакатов (главным образом переводили с немецкого), брошюр и листовок. При этом восточный отдел Министерства пропаганды регулярно собирал информацию о ведении пропагандистской кампании на востоке, разрабатывал конкретные акции пропаганды и контрпропаганды.

В пропагандистской работе на оккупированной территории Латвии значительную роль играло также бюро по пропагандистской работе Немецкой национал-социалистической рабочей партии. Оно контролировало ежедневное издание на немецком языке «Deutsche Zeitung im Ostland»⁴¹.

Свои интересы в пропагандистской работе были также у Министерства иностранных дел Германии, которое, согласно директиве

А. Гитлера от 8 сентября 1939 г., занималось пропагандистской работой с границей, по указанию министра иностранных дел⁴² распространяло фильмы, листовки, периодические издания, а также занималось радиовещанием⁴³.

Это означало, что вся пропаганда на границу находилась в подчинении министерства И. фон Риббентропа⁴⁴. В оккупированной нацистами Риге действовало и бюро Министерства иностранных дел при рейхскомиссаре «Остланда», руководителем которого до января 1943 г. являлся доктор Виндекер. В его обязанности входило информирование Министерства иностранных дел о событиях в «Остланде», а также подготовка местных пресс-релизов, которые потенциально могли быть использованы в деятельности министерства⁴⁵. Также он предоставлял информацию о пресс-релизах союзников и противников, которые не были включены в материалы, подготовленные Германским информационным агентством. Так, например, в феврале 1942 г., после сообщений В.М. Молотова⁴⁶ и С.А. Лозовского⁴⁷ о бесчеловечном обращении немецких оккупационных властей с гражданским населением Прибалтики Министерство иностранных дел выступило с предложением издавать «Балтийский манифест» – брошюру, в которой будут отражены мнения представителей структур самоуправления и интеллигенции, осуждающих такую «ложь Москвы»⁴⁸. Через Министерство иностранных дел организовывались также визиты зарубежных представителей и журналистов в «Остланд»⁴⁹.

Интересы IV управления (СД) Главного управления имперской безопасности (РСНА) в Латвии с лета 1941 г. представляла айнзатцгруппа «А», руководителем которой являлся бригаденфюрер СС Ф. Шталекер⁵⁰. В настоящее время сложно сказать, как далеко распространялась компетенция СД в вопросах пропаганды, но можно предположить, что вдохновителями радикального антисемитизма были именно представители СД. Не случайно самые экстремальные формы антисемитской пропаганды появились именно в издаваемой начальником штаба службы безопасности Елгавы газете «Национала Земгале» («Национальная Земгалия») ⁵¹; это подтверждается и тем, что цензорами первых номеров газеты были представители айнзатцгруппы «А»⁵². Доверенное лицо Ф. Шталекера, офицер СД Ханс Э. Дрекслер практически возглавлял газету «Брива Земе» («Свободная земля») ⁵³. Он также участвовал в создании и надзоре над газетой «Тевия»⁵⁴.

Деятельность айнзатцгрупп в Латвии активизировалась во второй половине 1941 г., когда функции политической полиции перешли к полиции безопасности и СД, которые подчинялись Рудольфу Ланге⁵⁵.

Полиция безопасности и СД вмешивались в работу пропагандистских институтов, в первую очередь проверяя всех местных жителей,

которых оккупационные войска привлекали к сотрудничеству в сфере пропаганды⁵⁶. СД осуществляла также послепечатную цензуру всех латышских изданий и прослушивание радиопередач, тщательно следила за изменениями в общественном мнении. Начиная с 1942 г. в ежемесячные отчёты СД о настроениях местных жителей включались сведения о проводимых пропагандистских мероприятиях и вражеской пропаганде (листовках, плакатах, сплетнях и т.д.). Сотрудникам службы безопасности приходилось также оценивать эффективность немецкой пропаганды в прессе, кино и на радио, анализируя её восприятие и влияние, указывая на ошибки и недостатки⁵⁷. Отчёты о пропагандистских кампаниях рассылались гражданским пропагандистским частям.

В компетенцию СД входила и борьба с пропагандой врага как полицейскими, так и пропагандистскими средствами (работники СД выпускали и распространяли псевдонелегальные печатные издания для дискредитации их реальных издателей)⁵⁸.

Роль проводника пропагандистских концепций оккупантов была возложена на латышское самоуправление. Так называемые латышские земельные (земские) самоуправления стали образовываться уже в первые недели оккупации, когда военным властям для управления территорией требовалось участие местного населения. По мнению профессора А. Эзергайлуса, «земельное (земское) самоуправление являлось частью нацистской игры, которую они проводили для того, чтобы скрыть планы уничтожения Латвии и её жителей»⁵⁹. Данная эмоциональная оценка, по сути, раскрывает ещё одну функцию самоуправления – пропагандистско-манипулятивную, то есть создание иллюзорных «латышских институций самоуправления» нейтрализовало возможное противодействие «немецкой власти».

В тыловых зонах вермахта лекторами-пропагандистами нередко становились завербованные местные жители. Главной их задачей являлось разъяснение населению решений оккупационных властей. Деятели латышского самоуправления активно включились в пропагандистские кампании оккупантов: они не только разъезжали с лекциями, разъясняя и поддерживая решения нацистских властей, называя их «латышским делом», но и публиковали подобные материалы в прессе. Их также использовали в проведении других акций; так, например, руководитель латышского самоуправления Оскарс Данкерс сообщал совету генеральных директоров, что его подписью утверждено распространение листовок среди солдат расквартированной в районе оз. Ильмень большевистской латышской дивизии⁶⁰ с призывом к сдаче в германский плен «с гарантиями личной свободы»⁶¹.

В реализацию пропаганды были включены два органа самоуправления – Управление (с декабря 1941 г. – департамент)⁶² общественных

дел и искусств Генеральной дирекции внутренних дел и Генеральная дирекция образования и культуры.

Отделы и части Департамента общественных дел и искусств готовили для пропагандистских частей переводы статей, просьб, программ концертов и культурных мероприятий. Они переводили также материалы, полученные от оккупационных властей, и материалы нацистской политической и культурной пропаганды⁶³. Фактически департамент выполнял роль посредника между пропагандистскими частями вермахта и СД⁶⁴ и местными пропагандистами. С его помощью нацисты проводили свои кампании по изъятию запрещённых книг и граммофонных (патефонных) пластинок из библиотек и книжных магазинов, контролировали провинциальную прессу и т.д. Генеральную дирекцию образования и культуры нацисты использовали в подготовке реформы образования в нацистском духе и т.д.

В августе 1941 г. члены организации «Перконкрустс» («Громовой крест») с разрешения оккупационных властей начали создание в Риге Института антисемитизма, главной целью которого являлись создание и рассылка печатным изданиям антисемитских материалов. Институт так определял свою миссию: «ознакомить широкие круги населения с еврейским и масонским вопросом, так как каждому арийцу необходимо ознакомиться со своими врагами»⁶⁵. В Институте антисемитизма было несколько отделений – культуры, хозяйства и финансов, свободных профессий, политики, общественных дел, истории, исследования идеологии иудаизма, а также по исследованию вспомогательных организаций евреев и «вольных каменщиков»⁶⁶. Работы сотрудников публиковались в латышской печати⁶⁷. Сами работники института, отмечая необходимость создания данного заведения, ссылались на пример Германии⁶⁸.

В 1942 г. Институт антисемитизма был включён в структуру местного самоуправления как отделение антисемитизма Департамента культуры и искусств (культуры и общественных дел), руководителем которого стал Леонс Домбровский (ранее – Я. Витолс)⁶⁹. Главной задачей отделения антисемитизма являлись подготовка пропагандистских материалов для прессы, издание соответствующих брошюр, а также участие в подготовке пропагандистских выставок.

Необходимо признать, что ни одно из решений или распоряжений «самоуправления», во всяком случае в вопросах пропаганды, не вышло без разрешения оккупационных властей. Никакой реальной власти у генеральных дирекций и департаментов не было. Они служили лишь инструментом в руках немецкой оккупационной администрации и послушно реализовывали её решения.

Каналы пропаганды

Для доведения до целевой аудитории содержания пропаганды нацисты использовали все возможные каналы и средства коммуникации: широко применялись наглядные материалы, музыка и песни, выставки. Заметная роль отводилась каналам межличностной коммуникации, так называемой «живой» или «вербальной пропаганде» – распространялись сплетни как составляющая часть модели «пропаганды шёпотом».

Наиболее влиятельным каналом пропаганды того времени были периодические издания, которые стали выходить сразу после прихода немцев. Так, уже 30 июня 1941 г. в Елгаве в свет вышла «Национала Земгале» («Национальная Земгалия») ⁷⁰. За ней последовала центральная ежедневная газета «Тевия» («Отечество») ⁷¹, выходившая в Риге, а также другие крупные региональные издания: «Курземес Вардс» («Курземское слово») ⁷² в Лиепае, «Талавиетис» («Талавиец») ⁷³ в Валмиере и «Даугавас Вестнесис» («Вестник Даугавы») ⁷⁴ в Даугавпилсе, которые, в отличие от других провинциальных изданий меньшего тиража и объёма, выходили шесть раз в неделю ⁷⁵.

Периодические издания могли выходить только с разрешения пропагандистских частей вермахта или военных комендатур ⁷⁶. Если вначале разрешения давались, вероятнее всего, в устной форме, то уже в конце июля 1941 г. в газете «Тевия» появилось распоряжение пропагандистской части Риги о необходимости получения разрешения на издание газет и журналов ⁷⁷. В обзоре командующего тыловым районом группы армии «Север» Ф. фон Рока от 19 июля 1941 г. говорится, что «все газеты перед изданием подвергаются цензуре [...]. Цензурный надзор централизован. Ни одна газета не выходит без соответствующего разрешения» ⁷⁸.

Неформальным официозом оккупационного режима на латышском языке становится газета «Тевия», первый номер которой вышел в свет 2 июля 1941 г. (датирован 1 июля) ⁷⁹. Первым редактором газеты стал Артур Кродерс ⁸⁰, известный в годы независимой Латвийской Республики своими антинемецкими взглядами. Вследствие этого уже 24 июля 1941 г. ⁸¹ он был отстранён от должности как «печально известный англофильский журналист-подстрекатель» ⁸². 25 июля 1941 г. редактором газеты был назначен Андрейс Рудзис ⁸³, но уже 23 сентября того же года его сменил Паулс Ковалевскис ⁸⁴. Нового редактора характеризовали как дружественного Германии журналиста, назначение которого поддерживала и пропагандистская часть ⁸⁵.

Издателем газеты являлся полковник-лейтенант Э. Крейшманис ⁸⁶, однако его влияние на редакционную политику газеты было нулевым. Фактическим издателем в это время был Отдел пропаганды вермахта

в «Остланде», который создал для издания газеты особый совет по надзору. В него входил бывший ректор Института Гердера профессор Вильгельм Клумберг⁸⁷, цензор пропагандистской роты В. Гроссберг и, как советник, Алфред Валдманис⁸⁸.

После 1 сентября 1941 г. пропагандистские части вермахта передали гражданскому управлению фактически готовую систему из 15 газет и 4 журналов, полностью охватывающую аудиторию на оккупированной территории Латвии.

Процесс передачи полномочий начался с распоряжения А. Розенберга «Об обеспечении порядка в делах периодической печати», запрещающего выход любых периодических изданий без письменного разрешения министерства. Существующие издания необходимо было перерегистрировать до 10 октября 1941 г.⁸⁹

Параллельно при рейхскомиссаре и генеральном комиссаре были созданы особые издательские отделы, которые контролировали материально-техническую базу всех издательств, а именно – обеспечение типографскими машинами, бумагой, краской и т.д. Издательские отделы генеральных комиссаров подчинялись издательскому отделу рейхскомиссара, который, в свою очередь, получал распоряжения из соответствующего отдела Министерства восточных территорий. Такая модель была характерна для большинства структур гражданской администрации времён оккупации. Однако высшие указания они получали от имперского руководителя прессы НСДАП и президента палаты печати⁹⁰. Влияние руководителя бюро печати НСДАП, главным образом, затрагивало издания на немецком языке, а также работу прессы на русском, белорусском и литовском языках. Латышские и эстонские издательства данному влиянию были подвергнуты в незначительной степени. В генеральных комиссариатах «Эстония» и «Латвия» была проведена мнимая приватизация издательств, чтобы настроить местную журналистику «на немецкое дело»⁹¹. Чтобы подчеркнуть «латышскость» периодических изданий, в них исчезли параллельные тексты на немецком языке, что было характерно для курземской прессы летом 1941 г. Областной комиссар Курземе указал, что это решение «политически невыносимо», так как все немецкие учреждения, включая вермахт, изначально должны публиковать свои указы на латышском, а не на немецком языке⁹².

«Фактические» издатели газет на деле были фиктивными. Например, соглашение от 1 декабря 1941 г., заключённое между шефом прессы рейхскомиссариата «Остланд» В. Циммерманом и издателем газеты «Тевия» Э. Крейшманисом, гарантировало последнему, как владельцу издательства, только 5% чистой прибыли. Остальной доход направлялся в кассу Объединения прессы, печати и издательств (Verband der Presse-, Druck- und Verlagsunternehmen im Ostland)⁹³. Из средств

данного объединения дотиrowались убыточные издания и мероприятия⁹⁴. К тому же Э. Крейшманис лишился какого-либо влияния на редакцию газеты и её содержание⁹⁵.

1 декабря 1941 г. газета «Тевия» полностью перешла в подчинение шефа прессы рейхскомиссариата. Это особо не затронуло работу издания. Хотя цензоров вермахта и сменили гражданские цензоры, большая их часть перешла из отделов пропаганды вермахта в службу гражданского управления. Предварительная цензура производилась только в газете «Тевия», провинциальные издания подвергались постцензурированию референтами прессы областных комиссаров⁹⁶, отделениями полиции безопасности и СД, а также вермахта, которые получали от редакций газет экземпляры всех свежих номеров.

Намеченная на конец 1941 г. ликвидация мелких провинциальных изданий не состоялась, но они были оставлены на финансировании самоуправлений или издателей⁹⁷. Возможно, оккупационный режим надеялся на их самоликвидацию из-за нехватки средств, но напрасно. Так, например, в 1943 г. ревизионная комиссия, проверявшая газету «Тукума Зинас» («Тукумские новости»), пришла к выводу, что «в целом предприятие работает успешно и не требует от самоуправления дополнительного финансирования»⁹⁸. Следовательно, и мелкие провинциальные издания были востребованы аудиторией.

Уже в 1942 г. начали выходить ещё несколько журналов, наиболее значимыми из которых были иллюстрированный еженедельник «Лакметс» («Эпоха»)⁹⁹ и издание для домохозяек «Мана Мая» («Мой дом»)¹⁰⁰. В общей сложности на оккупированной территории Латвии на латышском языке регулярно выходили 16 газет и 8 журналов.

Количество печатных изданий и их тиражи позволяли почти полностью охватить потенциальную целевую аудиторию. Для сравнения: самая крупная из 16 газет в Эстонии – таллиннская «Эсти Сона» («Эстонское слово») выходила тиражом 100 000 экз., что фактически было в три раза меньше, чем тираж газеты «Тевия»¹⁰¹. В Литве издавались 10 газет и 6 журналов, из которых самая большая была каунасская газета «Атейтис» («Будущее») с тиражом 90 000 экз.¹⁰²

В Латвии огромную роль играла также радиопропаганда, особенно в первые недели войны, когда для многих это был единственный источник информации. Однако данный канал технически не мог охватить широкую аудиторию¹⁰³.

В октябре 1941 г. Рижское радио было включено в структуру Радио рейха. Была создана группа радиовещания «Остланд» под руководством Х. Криглера. Он находился в подчинении отделения пропаганды рейхскомиссариата. В его распоряжении, в свою очередь, находился не только главный ретранслятор в Риге с ретрансляторами в Мадон-

не, Кулдиге и Лиепеае, но и в других городах «Остланда» – Каунасе, Минске, Таллине¹⁰⁴.

Радиопропаганда в «Остланде» имела следующие цели:

1. Борьба против английской и большевистской пропаганды.
2. Поддержка деятельности немецких властей в «Остланде».
3. Пропаганда достижений рейха и национал-социалистских культурных ценностей.
4. Предоставление политических и военных обзоров¹⁰⁵.

Передавать можно было только проверенную цензурой информацию¹⁰⁶. Позже, в апреле 1945 г., во время допроса в НКВД диктор и редактор радиостанции Александр Плущис¹⁰⁷ свидетельствовал: «Все передаваемые материалы мы получали от DNB. Материалы, созданные по собственной инициативе, передавать было запрещено. Было разрешено только сокращать некоторые статьи, чтобы уложиться в эфирное время. Обработка материалов радиопередач производилась на Рижском радио, здесь они переводились на латышский язык, так как все материалы приходили на немецком языке»¹⁰⁸. Для местных новостей использовались прошедшие цензуру статьи из газет, главным образом, из «Тевия» или «Дойче цайтунг им Остланд». В компетенции латышских редакторов был только их отбор и, в случае необходимости, перевод¹⁰⁹.

Таким образом, латышская редакция главного радиоузла в Риге фактически занималась только переводом, монтажом полученного материала и подготовкой незначительных заказных репортажей – главным образом это была запись публичных речей официальных должностных лиц¹¹⁰.

Вместе с тем радио позволяло слушать и вражескую пропаганду, с помощью которой очень легко можно было дезинформировать и дезорганизовать общество. Поэтому нацистская пропаганда нередко подчёркивала, что доверие, «оказанное немецким правительством в восточных регионах, оставившим в распоряжении жителей их радиоаппараты, нельзя использовать против него»¹¹¹. «Объективные сообщения» немецкого радио и прессы вполне достаточны, чтобы ориентироваться в вопросах военных событий. В то же время «прослушивание еврейской лживой пропаганды подходит только для создания неразберихи, особенно если безответственный слушатель считает нужным неправильные вражеские новости распространять далее в виде слухов»¹¹². Поэтому рейхскомиссар «Остланда» издал указание «для несознательных» радиослушателей, согласно которому запрещалось «сознательно» слушать зарубежные радиостанции. Наказанием за это могло быть заключение в воспитательные дома или тюрьмы с конфискацией радиоаппаратов. В особо тяжких случаях применялась смертная казнь¹¹³.

Во избежание недоразумений газеты публиковали списки тех радиостанций, которые «сознательный» латыш имел право слушать¹¹⁴. Однако общественность якобы «живо обсуждала», почему же не разрешено слушать радиостанции союзников Германии – Венгрии, Финляндии и др., при этом «левонастроенные элементы» трактовали это распоряжение как доказательство того, что зарубежные радиостанции действительно передают нечто такое, что немцам хотелось бы скрыть¹¹⁵.

Таким образом, влиятельный канал пропаганды оказался столь же эффективным средством контрпропаганды врага, и, например, руководитель вспомогательного пункта полиции безопасности Екабпилса вынужден был признать, что «трудно проверить», как строго соблюдается распоряжение рейхскомиссара, «но есть основание полагать, что оно не выполняется в полной мере»¹¹⁶. Для борьбы с этим злом даже распространялись слухи о существовании особого пеленгующего устройства, которое позволяет определить, на какую волну настроен радиоприемник¹¹⁷. Жителей, конечно же, наказывали за прослушивание неразрешённых радиостанций, но это происходило в основном вследствие доносов¹¹⁸.

Итак, необходимо признать, что радио не стало серьёзным каналом пропаганды среди местных жителей. Во-первых, количество радиоприемников было недостаточным. Во-вторых, и это гораздо важнее, радио обслуживало немецкую аудиторию, не уделяя должного внимания латышской общественности. Большую часть эфира занимали либо передачи из Берлина для немецких солдат, либо музыка. Мало времени отводилось на отражение местных политических вопросов, радио больше концентрировалось на хозяйственных и бытовых проблемах¹¹⁹. Так, в обзоре полиции безопасности и СД от 5 июня 1944 г. говорится, что большая часть слушателей выключает радио после местных выпусков новостей. В связи с повышенным интересом в обществе к местным новостям, СД рекомендовало продумать пропагандистское значение данного вопроса¹²⁰.

Кино как важное средство пропаганды также использовалось оккупационным режимом в Латвии. Основой для кинопропаганды стала организация «Латвийский фильм», находившаяся в прямом подчинении отделений пропаганды вермахта и генеральной дирекции торговли и промышленности¹²¹. Однако уже в конце 1941 г. руководство приняло новое предприятие «Кинообъединение Остланд» вместе с «Объединением Украина-фильм». Они в свою очередь, 10 ноября 1941 г. были включены в состав созданного в этот же день «Центрального кинообъединения Восток». Изначально деятельность кинообъединения регламентировалась Министерством восточных территорий, но в начале 1944 г. была переподчинена восточному отделу Министерства пропаганды¹²².

Восстановление кинопропаганды было первоочередной задачей немецкой администрации в Риге. Первый фильм – «Sieg im Westen»

(«Победа на западе») – демонстрировался в кинотеатре «Splendid Palace» уже 7 июля 1941 г.

В июле 1941 г. командующий тыловым районом группы армий «Север» отмечает в своём обзоре, что в Риге из 26 кинотеатров работают только 4. В них демонстрируют немецкие фильмы. Поэтому латышам нужно как можно быстрее восстановить кинотеатры, чтобы смотреть новые фильмы¹²³.

В сентябре 1941 г. в генеральном округе Латвия действовал 21 кинотеатр и одна передвижная киноустановка¹²⁴. В октябре работали уже 32 кинотеатра¹²⁵ и 4 передвижные киноустановки¹²⁶. Если в июле 1941 г. было 659, в августе – 959 киносеансов, то в октябре было предусмотрено увеличить количество сеансов до 2136¹²⁷.

Данные о количестве кинотеатров в следующие годы нацистской оккупации не сохранились, но можно предположить, что их число кардинально не изменилось. Оккупационная власть не имела средств на строительство новых кинотеатров, а закрывать существующие было бы пропагандистской ошибкой¹²⁸.

Начиная с 1942 г. свою деятельность развернул «Ostland Film». Его основной задачей была подготовка пропагандистского киножурнала «Ostland Woche» («Неделя в Остланде»). Первая кинохроника появилась в июне 1942 г.¹²⁹ и регулярно выходила вплоть до сентября 1944 г.¹³⁰. Все фильмы, предназначенные для Латвии, передавались сначала в главное бюро «Ostland Film», где их просматривали дирекция и комиссия, после чего копии фильмов рассылались по кинотеатрам¹³¹. Отправка фильмов проводилась централизованно, и в обязанности руководства кинотеатров входило только обеспечение рекламы и дохода от показа¹³².

Вначале фильмы шли на немецком языке. Субтитрами сопровождалась только пропагандистские фильмы, которые выпускал «Ostland Film»¹³³.

Было бы ошибочным считать, что в кинотеатрах жители Латвии постоянно подвергались воздействию нацистской идеологии. Показывали в основном игровые и развлекательные фильмы – мелодрамы, комедии и т.д.¹³⁴, которые давали возможность отвлечься от суровой реальности военных лет. Однако перед игровыми фильмами обязательным был просмотр кинохроники и пропагандистских фильмов.

Кинопропаганда стала важным средством психологического воздействия, так как, приходя в кинотеатр развлечься, зрители не были готовы критически оценивать предоставляемую им информацию, тем более что увиденное на экране воспринималось как реальность¹³⁵.

Эффективное использование нацистами всего спектра пропагандистских средств позволило держать латышское общество на протяже-

нии всей оккупации под влиянием нацистской идеологии. Однако политическая действительность нацистской оккупации часто отличалась от пропаганды, что, в свою очередь, вызывало критическое отношение к ней, а в конце войны – даже полное недоверие к каналам пропаганды.

Содержание пропаганды

В основе разработанной в Германии военной пропаганды лежала национал-социалистическая идеология. На территории оккупированной Латвии в открытую «идеологию пропаганды» попали только несколько идей нацизма – антисемитизм, антимарксизм, государственный социализм, в то время как идеи превосходства немецкой нации или идеи колонизации (необходимости жизненного пространства) старались скрывать¹³⁶.

Фактически идеологию пропаганды национал-социалистического оккупационного режима составляли постулаты «антибольшевистских крестовых походов» нацистов, центральной тезой которых было освобождение народов, в том числе латвийского, от большевиков. Идеология пропаганды была простой, её можно было выразить в нескольких словах: ошибки латвийских политиков привели к советской оккупации страны; главные действующие лица оккупации – евреи, которые в то время реализовывали репрессивную политику в Латвии, основываясь на планах «международного еврейства» по захвату власти во всём мире. От этих ужасов латышей спасла немецкая армия, под эгидой которой латвийский народ, избавившись от остатков прошлого и выполняя налагаемые на него обязанности, войдёт в Новую Европу. Таким образом, эта упрощённая концепция идеологии пропаганды в общих чертах определила прошлое, настоящее и будущее народа. Все дальнейшие пропагандистские кампании основывались на упомянутых постулатах¹³⁷.

Основным клише нацистской пропаганды был «год советской оккупации» – так называемый «страшный год», в течение которого Латвия потеряла около 21 тысячи своих граждан, к тому же 15 424 человека, в том числе и новорождённые, были депортированы в вагонах для скота в течение одного дня – 14 июня 1941 г. Репрессии против гражданского населения имели место и при отступлении Красной армии в конце июня 1941 г., когда советские органы безопасности без решения суда проводили расстрелы во дворах тюрем, а отступающие армейские части расправлялись с каждым, кто давал основания для подозрений¹³⁸.

В результате подавляющее большинство латвийского общества встретило немецкие войска как освободителей. К тому же советский режим оставил за собой так много свидетельств своих преступлений, что нацистская пропаганда получила широкие возможности для использования их в своей работе. Главной задачей пропаганды было связать

евреев и коммунистический режим, возложив на евреев всю ответственность за коммунистический террор 1940–1941 гг. Ещё 29 мая 1941 г. в Берлине были определены основные линии нацистской пропаганды для войны с СССР: «Естественно, евреев сделаем главными виновниками, что определённо будет поддержано всеми жителями»¹³⁹. Таким образом, евреи представлялись как предатели Латвийского государства, которые в 1940 г. приветствовали приход советских войск, а также как главные организаторы советского террора и депортаций¹⁴⁰.

В латвийском обществе поднялась нарастающая волна антисемитизма. Для Латвии антисемитизм не был чуждым понятием, однако это в основном был не расистский, а бытовой, экономический или религиозный антисемитизм¹⁴¹. Нацисты привнесли в Латвию расистский антисемитизм, призывавший к полной изоляции и уничтожению евреев. Елгавская газета «Земгале» писала: «По отношению к жидам-коммунистам у нас, латышей, может быть только один подход. А именно – уничтожать их, как они хотели уничтожить наш народ. Жидам-коммунистам не удалось осуществить свои намерения, но мы свои – осуществим!»¹⁴².

Каковы были цели пропаганды антисемитизма? Добиться участия населения в уничтожении евреев? Нацисты уничтожили бы евреев и в том случае, если бы не было такого взрыва ненависти. Однако это помогло нацистам сформировать ошибочное представление о том, что латыши сами требуют ликвидации латвийских евреев, и таким образом возложить ответственность за холокост на местных националистов¹⁴³.

Специальный корреспондент в Риге «Газеты Лицманштадта» («Litzmannstadter Zeitung») ¹⁴⁴, обосновывая создание гетто, осенью 1941 г. писал: «Настрой латышей по отношению к евреям исключительно враждебный. По этой причине оккупационная власть изолировала евреев от латышей и сконцентрировала их в отдельных районах, откуда их под охраной отвозят на рабочие места и привозят обратно»¹⁴⁵. Данный пример хорошо демонстрирует, как, манипулируя фактами, национал-социалисты стремились и за пределами Латвии подчеркнуть роль латышей в расправах над евреями. Возможно, подобный радикальный антисемитизм в Латвию был принесён членами айнзатцгруппы «А»¹⁴⁶.

Отношение общества к антисемитизму и холокосту хорошо иллюстрирует как большое количество сообщений в прессе за 1941 г. о помощи, оказываемой латышами евреям, так и распространившиеся в 1942 г. слухи о том, что латыши, участвовавшие в уничтожении евреев, «будут осуждены и расстреляны подобно жидам». Это была исключительно немецкая политика привлечь латышей к уничтожению евреев, с тем чтобы позднее можно было уничтожить самих латышей¹⁴⁷. Гебитскомиссар Валмеры 19 марта 1942 г., в частности, докладывал генерал-комиссару о необходимости усилить пропагандистскую работу, так как «по многим

основным вопросам, в том числе и еврейской проблеме, даже у значимых представителей латышского общества нет правильного понятия¹⁴⁸.

Однако навязанная обществу пропагандистская идеологема о годе советского господства как о «страшном годе» оказалась действенной. Её усиливала постоянная актуализация и ритуализация: так, например, в 1942 г. было принято решение объявить 14 июня (день массовой депортации жителей Прибалтики) днём траура, который отмечали минутой молчания в школах и на рабочих местах, богослужениями, а также центральным мероприятием с концертом в Рижской опере¹⁴⁹; в Риге по инициативе генерал-комиссара был издан богато иллюстрированный «сборник снимков и документов» «Страшный год»¹⁵⁰, вышел пропагандистский фильм «Красная мгла»¹⁵¹ и была организована выставка «Год правления красных в Латвии», подготовленная руководителем отдела пропаганды Г. Дреслером. Возможно, даже более действенным был реальный опыт, пережитый обществом за год советской власти.

Как памятный день был провозглашён день «освобождения» Риги – 1 июля, когда прославлялись вермахт и фюрер немецкого народа за избавление от «жидовского большевизма». Но, несмотря на то, что в июле немецкая армия была встречена как армия-освободительница, вскоре все иллюзии по поводу возможного восстановления независимости Латвии рассеялись. Уже в 1941 г. в сообщении отделения абвера «Остланд» от 23 октября так описывались настроения в обществе: «восторг широких кругов латышского общества, который ещё в июле этого года был искренним, в августе уже стал в большой мере ослабевать, в сентябре ситуация ещё больше ухудшилась, а за эти недели октября появился определённый пессимизм по отношению к новому режиму»¹⁵².

С самого начала оккупационные власти резко реагировали на любое проявление латышского национализма. Это хорошо иллюстрирует отношение к 18 ноября – дню провозглашения независимости Латвии в 1918 г.¹⁵³ 5 ноября 1941 г. руководитель политической части рейхско-миссариата «Остланд» Фридрих Трампедахт издал распоряжение, запрещающее любые мероприятия в честь 18 ноября, «которые могут особо отметить имевшую место когда-то независимость, напомнить о ней либо возродить надежды на обретение независимости в будущем»¹⁵⁴. Вдобавок, в этот день требовалось отказаться от проведения массовых мероприятий – концертов, театральных постановок, песенных вечеров. Любые подобного рода запланированные мероприятия было рекомендовано не проводить¹⁵⁵.

Однако такое резкое отношение к латышскому национализму наблюдалось только в 1941 г., уже совсем скоро немецкому оккупационному режиму пришлось спекулировать им самим же запрещёнными символами, чтобы добиться согласия латышей с целым рядом осущест-

вляемых оккупантами мероприятий, таких как поступление в Имперскую трудовую службу (RAD), полицию и т.д. Так, уже в 1942 г. жители с волнением ждали 18 ноября, возникали различные версии о будущем Латвии. Говорилось как об инкорпорации Латвии и других Балтийских стран в состав немецкого рейха, так и о провозглашении некоторой независимости¹⁵⁶. Как курьёз стоит отметить распространившийся слух о том, что по случаю государственного праздника будут выделены дополнительные дозы выдаваемой по карточкам водки, «таким образом Латвии уже присваивались определённые государственные права»¹⁵⁷.

Нацисты с большим подозрением относились к проявлениям национализма. В марте 1942 г. руководитель отдела пропаганды Г. Дреслер сделал предупреждение заместителю генерал-комиссара Боннеру в связи с тем, что радиоузел в Эстонии, завершая работу, передал эстонский национальный гимн, что могло явиться опасной тенденцией для Латвии¹⁵⁸.

18 ноября 1942 г. встречали с богослужениями в церквях, а в Риге люди шли к памятнику Свободы и на Братское кладбище, вечером состоялись праздничные концерты и постановки во всех рижских театрах и концертных залах¹⁵⁹. Практически все выходившие на латышском языке издания посвятили этому событию первые полосы, отметив, что главное значение данного дня в том, что предыдущие годы независимости Латвии ясно показали, кто является настоящим врагом Латвии, а от кого следует ожидать дружбы и помощи. Лиепайское «Курземское слово» писало по этому поводу: «Пусть сегодняшнее 18 ноября напоминает нам о периоде политических заблуждений предыдущего руководства нашей страны, от которого нужно строить мост к дню настоящей свободы, когда народу открылся путь для жизни и свободы, а именно с 1 июля 1941 г.»¹⁶⁰. Таким образом, День независимости для нацистской пропаганды служил лишь поводом для прославления дня, когда немецкая армия вошла в Ригу, который представлялся и как день присоединения к семье европейских государств под покровительством Германии¹⁶¹.

Значительные ресурсы нацистская пропаганда тратила на подавление так называемых «англофильских» настроений в Латвии. Поскольку уже к концу 1941 г. в Латвии стали усиленно распространяться сведения об английском десанте, который союзники готовятся высадить, наблюдалось массовое прослушивание радиопередач из Лондона. Оккупационная власть пыталась изменить проанглийский настрой общества, утверждая, что «советский большевизм и западная плутократия – это две стороны проявления международного еврейства», целью которого является подчинение себе европейских народов, в том числе и латвийского. Указывалось, что самой большой проблемой латвийских политиков в довоенный период являлось чрезмерное упование на англичан, которые при первой же возможности оставили латышей в руках большевиков.

Единственная дружественная латышам страна – это Германия, поэтому только в сотрудничестве с Германией у латышей есть шанс выжить¹⁶².

Рассматриваемые пропагандистские идеи были доминирующими для всего периода оккупации. Их можно условно считать «долгосрочными» или интеграционными акциями¹⁶³, направленными на изменение мировоззрения общества, системы ценностей или стереотипов и, соответственно, на интеграцию общества в запланированную оккупационным режимом среду. Осуществление вышеупомянутых целей требовало регулярной актуализации содержания этой пропаганды.

Пропагандистские кампании проходили непрерывно, зачастую накладываясь друг на друга и тем самым уменьшая пропагандистский эффект. Так, например, в начале 1942 г. параллельно проходила вербовка в Имперскую трудовую службу и полицию порядка. Кампании, связанные с рабочей повинностью, акции – вербовочные, по сбору сырья и т.д. – одна за другой занимали информационную среду, не давая возможности сконцентрироваться, оценить значение и последствия этих мероприятий¹⁶⁴.

Ещё одной задачей пропаганды была борьба с различными «негативистскими настроениями», которые стали неотъемлемой частью общества военного времени. Начиная с 1942 г. против подобных проявлений была начата планомерная борьба с использованием пропагандистских и полицейских методов¹⁶⁵.

Спекуляции, уклонение от уплаты пошлин и от работы, слухи, прослушивание зарубежных радиостанций – это лишь небольшая часть негативных проявлений, с которыми боролся оккупационный режим. На основе характерной для пропаганды биполярности разрабатывались пропагандистские конструкции, моделирующие поведение общества. Был создан образ «правильного латышского гражданского лица»: это человек, который полностью доверяет немецким средствам массовой информации, не ропщет по поводу трудностей военного времени, выполняет все указания немецких оккупационных властей, работает, чтобы приблизить победу Германии, с радостью исполняет свой «святой долг» относительно народа и «освободителей», вступая в ряды полицеев или отправляясь на работы в Германию.

Им противопоставлялись те «немногие», кто действовал наоборот: слушал радиостанции врага, распространял слухи, роптал, спекулировал, дезертировал. Любой человек, который нарушал изданные нацистами указания, считался «несознательным» или «врагом общества».

В рассматриваемый период нацисты в Латвии создали разветвлённый пропагандистский аппарат и сеть каналов пропаганды, опиравшиеся на хорошо разработанный комплекс идей и стереотипов, которые использовались до конца войны. И хотя нацистская пропаганда не смогла завоевать доверие людей, она гарантировала более-менее спокойное

существование оккупационного режима. В первый год оккупации Латвии нацистам удалось в значительной мере достичь контроля над обществом, в том числе с помощью антибольшевистской пропаганды, которая преподносилась как реальная угроза выживанию народа.

Основными причинами конечной неудачи нацистской пропаганды стали реальная политика оккупантов, презрение к латышам и их национальным символам, а также национальные предрубеждения самих латышей по отношению к немцам.

Примечания

¹ Führer-Erlasse 1939–1945: Edition sämtlichen überlieferter, nicht im Reichsgesetzblatt abgedruckter, von Hitler während des Zweiten Weltkrieges schriftlich erteilter Direktiven aus den Bereichen Staat, Partei, Wirtschaft, Besatzungspolitik und Militärverwaltung. – Stuttgart, 1997. – S. 91, 159.

² Франк Ганс (1900–1946) – генерал-губернатор оккупированной Польши (1939–1945).

³ Jockheck L. Propaganda in Generalgouvernement : Die NS-Besatzungspresse für Deutsche und Polen, 1939–1945. – Osnabrück, 2006. – S. 69–82.

⁴ Kangeris K. Padomju okupācija un 14.jūnija deportācija nacionālsociālistiskās Vācijas propagandā // 1941.gada 14.jūnija deportācija – noziedzums pret cilvēci : (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti. 6.sēj.). – Rīga, 2002. – Lp. 158–160.

⁵ Ведель Хассо, фон (1898–1961) – генерал-майор (1943), ас Первой мировой войны, руководитель отдела пропаганды ОКВ вермахта (1939–1945).

⁶ Führer-Erlasse... – S. 159.

⁷ Bonacker M. Goebbels's Mann beim Radio : Der NS-Propagandist Hans Fritche (1900–1953). – München, 2007. – S. 171.

⁸ Йодль Альфред (1890–1946) – начальник Штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта, генерал-полковник.

⁹ Нюрнбергский процесс : Сб. материалов : В 8 т. Т. 3. – М., 1989. – С. 560–564.

¹⁰ Там же. – С. 563.

¹¹ Там же. – С. 562–563.

¹² Только 31 июля 1941 г. появилось распоряжение всем издающим организациям получить письменные разрешения от отдела пропаганды в Риге. Возможно, сначала такие разрешения были устными или давались частями айнзатцгруппы «А» (см.: Tēvija. – 1941. – 31.jūl.).

¹³ Латвийский Государственный исторический архив (Latvijas Valsts vēstures arhīvs, далее – LVVA). P-70.f., 5.apr., 68.l., 8. lp.

¹⁴ LVVA. P-74.f., 1.apr., 2.l., 53. lp.

¹⁵ Там же. 30. lp.

¹⁶ Там же. P-427.f., 1.apr., 10.l., 31., 74. lp.

¹⁷ LVVA. P-70.f., 5.apr., 46.l., 334. lp.

¹⁸ Führer-Erlasse... – S. 168; Pajouh C. Die Ostpolitik Alfred Rozenberg : 1941–1944 // Deutschland, Weimarer Republik und Drittes Reich / Hg. M. Garleff : B. 1. – Köln, 2008. – S. 172–174.

¹⁹ Лозе Генрих (1896–1964) – с 17 июля 1941 г. (фактически с 1 сентября 1941 г.) по 26 сентября 1944 г. генерал-комиссар рейхскомиссариата «Остланд».

²⁰ Дрехслер Отто Генрих (1895–1945) – генеральный комиссар Латвии (1941–1944).

²¹ Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A. Latvija Otrajā pasaules karā : (1939–1945). – Rīga, 2008. – 259–260. lpp.

²² LVVA. P-1018.f., 1.apr., 36.l., 18. lp.

²³ Федеральный архив Германии (Das Bundesarchiv, далее – BArch). 90/32. pag. 1.ff.

²⁴ Фактически периодической печатью заведовали два отдела: отдел немецкой прессы (руководитель Хохенштейн) и отдел «ненемецкой» прессы (руководитель Штейн). (LVVA. P-1018.f., 1.apr., 36.l., 22.–23., 25. lp.).

²⁵ Там же.

²⁶ ВArch. 90/154, pag. 1.

²⁷ Начальник группы – балтийский немец Карл Георг фон Штакельберг (1913–1980).

²⁸ ВArch. 90/32.

²⁹ LVVA. P-1018.f., 1.apr., 46.l., 32. lр.

³⁰ Там же; ВArch. R 90/154.

³¹ Циммерман Вальтер (1901–1952) – руководитель отдела прессы рейхскоммисариата «Остланд».

³² LVVA. P-69.f., 1a.apr., 18.l., 330. lр.

³³ Там же.

³⁴ ВArch. R 92/18, pag. 89.

³⁵ Антисоциал-демократический союз (полное название «Всеобщий союз немецких антикоммунистических организаций») – ассоциация немецких антикоммунистических объединений. Создана в октябре 1933 г. по инициативе Министерства просвещения и пропаганды, оно же и финансировало эту организацию. Руководила Антисоциал-демократическим союзом специально созданная при министерстве группа «Антикоммунистическая» (Реферат «А»), начальником группы был Эберхард Тауберт.

³⁶ «Винета» имела четыре отдела: отдел Советского Союза (Abt. Sowjetunion), отдел прессы (Abt. Presse), иностранный отдел (Abt. Ausland) и отдел противоеврейских акций (Abt. Antijüdische Aktion).

³⁷ *Longerich P. Propagandisten im Krieg : Die Presseabteilung des Auswärtigen Amtes unter Ribbentrop.* – München, 1987. – S. 111.

³⁸ ВArch. R 55/1296, pag. 133.

³⁹ Ebd. pag. 135.

⁴⁰ Ebd. pag. 213, 175, 168.

⁴¹ LVVA. P-70.f., 5.apr., 68.l., 97., 54. lр.

⁴² Подробнее о пропагандистской работе Министерства иностранных дел см.: *Longerich P. Propagandisten im Krieg...*

⁴³ *Führer-Erlasse...* – S. 91–92.

⁴⁴ Риббентроп Ульрих Фридрих Вильгельм Иоахим фон (1893–1946) – министр иностранных дел Германии (1938–1945).

⁴⁵ LVVA. P-70.f., 5.apr., 46.l., 253.–255., 250.–251. lр.

⁴⁶ Мологов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – глава советского правительства в 1930–1941 гг. народный комиссар иностранных дел СССР (1939–1949), затем министр (1953–1956).

⁴⁷ Лозовский (Дридзо) Соломон Абрамович (1878–1952) – в 1941–1946 гг. директор Совинформбюро, заместитель наркома иностранных дел (1939–1946). Один из руководителей Еврейского антифашистского комитета.

⁴⁸ LVVA. P-1018.f., 1.apr., 68.l., 8. lр.; (DNB): *Lozovskis publicē aizbēgušo komunistu deklarācijas // Tēvija.* – 1942. – 27.janv.

⁴⁹ LVVA. P-70.f., 5.apr., 46.l., 169., 236.–237., 239.–241. lр.

⁵⁰ Шталекер Франц Вальтер (1900–1942) – бригаденфюрер СС, генерал-майор полиции, командир айнзатцгруппы «А».

⁵¹ *Ezergailis A. Holokausta vācu okupētajā Latvijā, 1941–1944.* – Rīga, 1999. – Lp. 184–190.

⁵² «...айнзатцгруппа с самого начала вместе с отделением пропаганды участвует в цензуре прессы и радио», – говорилось в докладе Шталекера от 7 июля 1941 г. (*Samsons V. Opt. cit.* – Lp. 117.).

⁵³ *Brīvā Zeme.* – 1941. – 1.jūl.

⁵⁴ LVVA. P-70.f., 5.apr., 3.l., 238. lр.; *Zverts J. Viena gaiša diena 55. gadu okupācijas laikā : Krievu – vācu okupācijas maiņa Rīgā 1941. gadā // Brīvā Latvijā.* – 2005. – №30; *Ezergailis A. Opt. cit.* – Lp. 195.

⁵⁵ Ланге Мартин Франц Рудольф (1910–1945) – командир СД и полиции безопасности в Риге.

⁵⁶ LVVA. P-70.f., 5.apr., 4.l., 322. lр. Отдел пропаганды вермахта при передаче своих функций отделу пропаганды рейхскоммисариата, рекомендуя нескольких лиц для дальнейшей организации работы местной прессы, уточнил, что проверку данных лиц ещё не провела СД. Так что получить место редактора в газете без санкции СД было невозможно.

⁵⁷ LVVA. P-252.f., 1.apr., 43.l., 52.–53. lp.

⁵⁸ VArch. R 92/19. pag. 42.

⁵⁹ *Ezergailis A.* Opt. cit. – Lp. 156.

⁶⁰ То есть 201-я дивизия Красной армии.

⁶¹ LVVA. P-97.f., 1.apr., 2.l., 313. lp.

⁶² Департамент позднее многократно менял своё название.

⁶³ LVVA. P-946.f., 1.apr., 26.l., 27.l.

⁶⁴ В описываемый период Ж. Унамс – директор департамента культуры и общественных дел в латышском «самоуправлении». Унамс в своих воспоминаниях пишет, что СД своё влияние в департаменте осуществляла через людей из латышского национал-социалистического и антисемитского объединения «Перконкрустс», работавших в департаменте (см.: *Unāms Ž.* Karogs vējā : Kara laika atmiņas divos sējumos. – [В. v.], 1969). О деятельности «Перконкрустс» см.: *Felder B.M.* Letland im Zweiten Weltkrieg : Zwischen sowjetischen und deutschen Besatzen : 1940–1946. – Paderborn, 2009. – S. 236–238.

⁶⁵ *Institūts žīdu un brīvmūrnieku jautājuma pētīšanai Latvijā // Tēvija.* – 1941. – 3.nov.

⁶⁶ Там же; *Būs Kultūras fonds un institūts žīdu un brīvmūrnieku jautājumu pētīšanai // Tēvija.* – 1941. – 15.nov.

⁶⁷ Об Институте антисемитизма см.: *Dribins L.* Antisemitisms un tā izpausmes Latvijā. – Rīga, 2001. – Lp. 121–122. Директор института Янис Мартинсонс писал: «Надо признать, что нужно много времени, пока мы освободимся от жидовского влияния. Потому надо ещё и ещё рассматривать жидовский вопрос, писать о нём и открывать всё новые факты» (*Martinsons J.* *Спа pret židismu // Tēvija.* – 1941. – 1.dec.).

⁶⁸ *T. Z. [Zeltiņš T.]* *Žīdu varas tiklos.: Sabiedrībai jāatbalsta Antisemitisma institūts // Daugavas Vēstnesis.* – 1941. – 29. okt.; *Antisemitisma institūta darbs // Tēvija.* – 1942. – 22.janv.

⁶⁹ *Kangeris K.* *Baigā gada izpēte vācu okupācijas laikā: vēsture starp zinātni un propagandu // Okupētā Latvija 1940–1990.* – Rīga, 2007. – Lp. 203; LVVA. P-949.f., 1.apr., 1.l., 32. lp.

⁷⁰ *Nacionālā Zemgale.* – 1941. – № 1 (30 июня).

⁷¹ *Tēvija.* – 1941. – № 1 (1 июля).

⁷² *Kurzemes Vārds.* – 1941. – № 1 (2 июля).

⁷³ «Талавиетис» – между 6 и 12 июля 1941 г. выходил под названием «Валмиеритис» (*Valmierietis*).

⁷⁴ *Daugavas Vēstnesis.* – 1941. № 1 (между 15 июля до 30 сентября 1941 г. газета называлась «Daugavpils Latviešu Avīze» – «Даугавпилс латвиешу авизе» – «Газета даугавпилских латышей»).

⁷⁵ Кроме валмиерского «Талавиетиса», выходящего 3 раза в неделю.

⁷⁶ «Национала Земгале» такое разрешение получила, видимо, от айнзатцгруппы «А».

⁷⁷ *Tēvija.* – 1941. – 31.jūl.

⁷⁸ LVVA. P-70.f., 5.apr., 4.l., 306. lp.

⁷⁹ Выход первого номера «Тевии» был подготовлен редакцией газеты «Брива Земе» («Свободная страна»), которую запретили как несанкционированное издание с двусмысленным названием (см.: *Zellis K.* *Nacionālsociālistiskās Vācijas propaganda okupētajā Latvijā : (1941.g. jūnijs – decembris) // Okupētā Latvija 20.gadsimta 40.gados : Latvijas Vēsturnieku komisijas 2004.gada pētījumi (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti. 16.sēj.).* – Rīga, 2005. – 238. lpp.

⁸⁰ Кродерс Артурс (1892–1973), публицист, редактор газет «Тевijas Sargs» («Защитник Отечества») (1919–1920; 1934–1937) и «Pirmdiena» («Понедельник») (1925–1927; 1930), соредактор журнала «Vārds» («Слово») (1937–1939), один из идеологов режима К. Ульманиса. С 1944 г. проживал в Швеции.

⁸¹ В донесении начальника 4-го управления РСХА Г. Мюллера от 15 августа 1941 г. сказано, что это делалось по инициативе айнзатцгруппы (см.: *Samsons V.* *Latvijas suverenitātes ideja liktenģriežos : Vācu okupācijas laika dokumenti, 1941–1945.* – Rīga, 1990. – Lp. 38). Руководитель отдела пропаганды вермахта, в свою очередь, отмечал, что черемны вызваны требованием его отдела (VArch. 90/143., pag. 2).

⁸² Против включения А. Кродерса в состав редакции «Тевии» возражал Кнот, учитывая антинемецкую направленность его публицистики во времена Ульманиса. Но так как в пер-

вых статья в «Тевии» Кродерс показал себя человеком, который «исторически вырос», в редакции его оставили (BArch. 90/143, pag. 4).

⁸³ Рудзис Андрейс (1905–1984) – капитан Латвийской армии, редактор газет «Latvijas Kareivja» («Солдат Латвии») (1940) и «Sarkan Kareivja» («Красный солдат») (август – октябрь 1940 г.). После войны проживал в США.

⁸⁴ Ковалевскис Паулс (лит. псевдоним – Павилс Кланс) (1912–1979) – писатель и журналист. В феврале 1941 г. репатриирован в Германию, летом 1941 г. вернулся в Латвию как «доброволец немецкой армии».

⁸⁵ BArch. 90/143, pag. 4.

⁸⁶ Крейшманис Эрнестс (1890–1965) – полковник Латвийской армии, владелец издательства «Тевия».

⁸⁷ Клумберг Вильгельм (1886–?) – балтийский немец, экономист, в 1941 г. был политическим советником генерала фон Рока, в 1943–1944 гг. руководил Институтом восточных исследований, организованным на базе Института восточноевропейской экономики Кёнигсбергского университета.

⁸⁸ LVVA. P-70.f., 5.apr., 3.l., 238. lp.

⁸⁹ Там же. 68.l., 6.–7. lp.

⁹⁰ Там же. 6.l., 54., 20. lp.

⁹¹ Там же. 97.–98. lp.

⁹² BArch. R 92/18, pag. 28.

⁹³ LVVA. P-70.f., 5.apr., 6.l., 385. lp.; По подсчётам Ж. Унамса, эти 5% гарантировали Э. Крейшманису доход от 7000–8000 рейхсмарок ежемесячно (*Unāms Ž. Karogs vēja... – Lp. 158.*

⁹⁴ LVVA. P-70.f., 5.apr., 6.l., 386. lp.; 13.l., 270.–271. lp.

⁹⁵ Там же. P-946 f., 1.apr., 33.l., 13.–16. lp ; P-70.f., 5.apr., 13.l., 270.–271. lp.

⁹⁶ Так, цензурой «Курземес Вардс» заведовал бывший сотрудник отдела пропаганды вермахта Зихарт. Редакторы местных газет были обязаны представить для цензуры статьи, переведённые на немецкий язык (см.: Латвийский государственный архив (Latvijas Valsts arhīvs, далее LVA) 1986.f., 1.apr., 43269.l., 9., 18. lp.

⁹⁷ Так, например, «Тукума Зиняс» («Тукумские вести») принадлежала самоуправлению Тукумского уезда и города; «Малиенас Зиняс» («Вести Малиены») – городскому самоуправлению г. Алуксне; для издания «Баускас Вестис» («Вести Бауски») было организовано издательское общество; газету «Вентас Балс» («Голос Венты») издавали на паях бывшие члены запрещённой организации «Перконкрустс» (LVA. 1986.f., 1.apr., 4698.l., 23. lp.; LVVA. P-70.f., 5.apr., 4.l., 261. lp.).

⁹⁸ LVVA. P-73.f., 1.apr., 2.l., 20. lp.

⁹⁹ Laikmets. – 1942. – № 1.

¹⁰⁰ Mana Māja. – 1942. – № 1.

¹⁰¹ LVVA. P-70.f., 5.apr., 4.l., 265. lp.

¹⁰² Там же. 264. lp.

¹⁰³ Латвийский Радиофон на 1941 г. насчитывал 170 442 абонента (по числу зарегистрированных радиоприёмников) (см.: Тёвija. – 1941. – 9. jūlijs). В Латвии примерно из 1000 жителей только 60 были абонентами Радиофона, по сравнению с Германией, где 140 жителей из 1000 имели свои радиоприёмники, это число невелико, но в Эстонии в ту пору было только 44, а в Литве – 20 абонентов на 1000 жителей. Таким образом, радио не могло быть всеобъемлющим средством пропаганды (см.: *Ločmelis J. Telekomunikāciju vēsture. – Rīga, 2000.*

¹⁰⁴ *Kriegler H. Sendergruppe Ostland // Welt-Rundfunk. – 1942. – Heft.1.*

¹⁰⁵ BArch. 90/154, pag. 12.–13.

¹⁰⁶ Там же. R-92/30, pag. 2.

¹⁰⁷ Плущис Александрс (1909–?) – диктор Рижского радио, редактор, переводчик.

¹⁰⁸ LVA. 1986.f., 1.apr., 12019.l., 9. lp.; Похожие свидетельства приводил в 1951 г. и сотрудник Радиофона Освальд Поритетс (см.: Там же. 28757.l., 23. lp.).

¹⁰⁹ Там же. 12019.l., 12. lp.

¹¹⁰ Там же. 28757.l., 23. lp.

- ¹¹¹ Pēdējais brīdinājums // Talsu Vārds. – 1942. – 29.janv.
- ¹¹² Там же; Mums nav vajadzīga šī melu propaganda // Tēvija. – 1942. – 20.febr.
- ¹¹³ Austrumu apgabala valstskomisāra 1942.gada 13.janvāra rīkojums par ārkārtējiem soliem pret ārējiem radioraidījumu klausītājiem // Tēvija. – 1942 – 20.janv.
- ¹¹⁴ Raidītāji, kurus atļauts klausīties // Tēvija. – 1942. – 21.janv.
- ¹¹⁵ LVVA. P-252.f., 1.apr., 43.l., 5. lp.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ *Kruks S.* Radio karš : Propaganda latviešu valodā Otrajā pasaules karā // Latvijas Arhīvi. – 2000. – № 4.
- ¹¹⁸ LVA. 1986.f., 1.apr., 14061.l., 8., 29.–30. lp.
- ¹¹⁹ *Kruks S.* Radio karš...
- ¹²⁰ BArch. 92/30. pag. 29.
- ¹²¹ LVVA. P-946.f., 1.apr., 12.l., 1. lp.
- ¹²² BArch. R 55/567; R 55/564. pag. 68.
- ¹²³ LVVA. P-70.f., 5.apr., 4.l., 306. lp.
- ¹²⁴ Там же. P-946.f., 1.apr., 13.l., 35. lp.
- ¹²⁵ Три кинотеатра – «Форум», «Радио модерн», «Фильм-палас» – были для немецких военных.
- ¹²⁶ LVVA. P-946.f., 1.apr., 11.l., 35.–36. lp.; 13.l., 6. lp. В «Остланде» за первый год оккупации открылись 173 кинотеатра, в которых побывало 19 млн зрителей (см.: Kulturschaffen im Ostland // Ostland. – 1942. – № 2).
- ¹²⁷ LVVA. P-946.f., 1.apr., 13.l., 35. lp.
- ¹²⁸ Так, в отчете о проводимой работе по пропаганде даугавпилский гебитскомиссар в декабре 1942 г. докладывал: «В Даугавпилсе два кинотеатра. Показываемые фильмы воспринимаются с большим интересом. Фильмы доказывают, что они являются первоклассным средством пропаганды» (BArch. R 92/18, pag. 26).
- ¹²⁹ Два первых выпуска киножурнала не сохранились, третий номер «Остланд Вохе» датирован 12 июля 1942 г. (Государственный архив кинофотофонодокументов Латвии (далее – LVKFFDA) 950).
- ¹³⁰ Последний выпуск «Остланд Вохе» датирован 14 сентября 1944 г. (LVKFFDA. 1322).
- ¹³¹ LVA. 1986.f., 2.apr., 3644.l., 15. lp.
- ¹³² Там же. 1.apr., 6242.l., 30. lp.
- ¹³³ BArch. 90/32 (Lagebericht über die Ost propaganda von 18.04.1942).
- ¹³⁴ Так как во время нацистского режима в Германии были созданы более тысячи художественных фильмов и ещё больше короткометражных и киножурналов, немецкая пропаганда на отсутствие продукции не могла жаловаться (см.: *Hake S.* German National Cinema. – London; New York, 2002. – P. 59; *Der deutsche Film im Ostland // Ostland. – 1944. – № 7*).
- ¹³⁵ «Большой популярностью пользуются кинохроники, где показаны бои немецких войск против врагов. Не установлено, чтобы люди воспринимали их только как представление», – отмечается в донесении латышской вспомогательной политической полиции в июле 1942 г. (LVVA. P-252.f. 1.apr., 43.l., 56. lp.).
- ¹³⁶ *Zellis K.* Nacionālsociālistiskās Vācijas... – 243. lpp.
- ¹³⁷ Там же. – 261. lpp.
- ¹³⁸ *Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A.* Opt. cit. –208–210. lpp.
- ¹³⁹ *Kangeris K.* Trešā Reiha dokumenti par ebreju situāciju Latvijā: 1940.gada jūnijs – 1941. gada jūnijs // *Holokausta izpēte Latvijā : Starptautisko konferenču materiāli, 2003.gada 12.–13. jūnijs, 24.oktobris, Rīga un 2002.–2003.gada pētījumi par holokaustu Latvijā. – Rīga, 2004.–100–101. lpp.*
- ¹⁴⁰ *Zellis K.* «Baigais gads» – mīts un tā evolūcija // *Mīti Latvijas vēsturē : Rakstu krājums. – Rīga, 2006. – 94–98. lpp.*
- ¹⁴¹ Об антисемитизме в Латвии см.: *Dribins L.* Antisemitisms un tā izpausmes Latvijā : Vēsturisks atskats. – Rīga, 2001; *Stranga A.* Ebreji un diktatūras Baltijā : (1926–1940). – Rīga, 2002. – Lp. 163–257.; *Stranga A.* Ebreji Baltijā : No ienākšanas pirmsākumiem līdz holokaustam. 14.gadsimsts – 1945.gads. – Rīga, 2008. – 292–574. lpp.

¹⁴² Komūnisms un židisms // Zemgale. – 1941. – 20.aug.

¹⁴³ *Dribins L.* Antisemitiskās ideoloģijas histērija vācu nacistu okupētajā Latvijā 1941.–1942. gadā // Holokausta izpētes problēmas Latvijā : Starptautiskās konferences referāti un pētījumi par holokaustu Latvijā. 2000. gada 16.–17. oktobris, Rīga. – Rīga, 2001. – 125. lpp.

¹⁴⁴ Газета НСДАП, выходящая в городе Лодзь, который в 1940–1944 гг. назывался Лицманштадт в честь немецкого генерала периода Первой мировой войны Карла Лицмана.

¹⁴⁵ Velns cilvēka izskatā // Daugavas Vēstnesis. – 1941. – 7.okt.

¹⁴⁶ *Angrick A., Klein P.* Die «Endlösung» in Riga : Ausbeutung und Vernichtung 1941–1944. – Darmstadt, 2006. – S. 60.

¹⁴⁷ LVVA. P-252.f., 1.apr., 43.l., 48. lp.

¹⁴⁸ Там же. P-69.f., 1a. apr., 18.l., 22.–23.lp.

¹⁴⁹ Интересно, что в предписании генерального комиссара в Риге в конце 1941 г. такого дня памяти не упоминалось (см.: LVVA. P-946.f., 8.apr., 30.l., 19.–20. lp.).

¹⁵⁰ Baigais gads : Attēlu un dokumentu krājums par boļševiku laiku Latvijā no 17. VI. Līdz 1.VII 1941 / Red. P. Kovaļevskis, O. Noriģis, M. Goppers. – Rīga, 1942.

¹⁵¹ LVKFFDA. 1346 (Sarkanā migla, 1942).

¹⁵² Latvijas suverenitātes ideja liktenīgriežos... – 40. lpp.

¹⁵³ Подробнее см.: *Reichelt K.* The Role of Latvia's Independence Day, 18th November, in Nazi Occupation Policy, 1941–1943 // Latvija Nacistiskās Vācijas okupācijas varā 1941–1945 : Starptautiskās konferences referāti 2003. gada 12.– 13. jūnijs, Rīga. – Rīga, 2004. – 177–187. lpp; *Zellis K.* Latviešu vēsturiskuma izpratnes rekonstrukcija nacionālsociālistiskās Vācijas okupācijas laikā // Pēdējais karš : Atmiņas un traumas komunikācija. – Rīga, 2011. – 87–88. lpp.

¹⁵⁴ VArch. R 90/155 (Regierungsrat Trampedacht – Gebietskommissar in Riga, 16.08.1941).

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ LVVA. P-252.f., 1.apr., 43.l., 78. lp.

¹⁵⁷ Там же. 93. lp.

¹⁵⁸ VArch. R 92/30. pag. 34.

¹⁵⁹ J.G. 18.novembris Rīgā // Tēvija. – 1942. – 19.nov.

¹⁶⁰ 18.novembris // Kurzemes Vārds. – 1942. – 18.nov.

¹⁶¹ *Kovaļevskis P.* No tumsas līdz gaismai // Tēvija. – 1942. – 30.jūn.

¹⁶² *Neiburgs U.* Western Allies in Latvian Public Opinion and Nazi Propaganda during the German Occupation 1941–1945 // The Hidden and Forbidden History of Latvia under Soviet and Nazi Occupations : 1940–1991. – Rīga, 2005. – P. 132–147.

¹⁶³ *Ellul J.* Propaganda: The Formation of Men's Attitudes. – New-York, 1973. – P. 70–79.

¹⁶⁴ *Zellis K.* Nacionālsociālistiskās Vācijas propaganda okupētajā Latvijā 1942. – 1943. gadā // Okupētā Latvija 1940–1990 : Latvijas Vēsturnieku komisijas 2005.gada pētījumi. – Rīga, 2007. – 219–238. lpp.

¹⁶⁵ Там же. – 225–230. lpp.

Судьба художественных ценностей на оккупированной территории северо-запада России

Кантор Юлия Зораховна,

доктор исторических наук,

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

«С войной покончили мы счёты» – строчка из советской песни и 67 лет спустя после победы над нацизмом отнюдь не является аксиомой. Счёт не закрыт: горький список утрат, в частности в сфере культуры, не полон до сих пор. В последние два десятилетия, среди наиболее острых тем после долгого замалчивания во время «холодной войны», оказалась тема перемещённого, или трофейного, искусства – художественных ценностей, вывезенных в СССР в конце войны и в первые послевоенные годы. Она стала не только актуальной для исследователей, но и для политиков. Grimаса новейшей истории: почти через 70 лет после окончания Второй мировой войны и 20 – после окончания «холодной» полюса поменялись: теперь Россия воспринимается в дискуссиях о «перемещённом искусстве» едва ли не как «ответчик». Основной аргумент критикующих – Россия как правопреемница СССР несёт ответственность за политико-правовые действия, предпринимавшиеся в советскую эпоху, а значит, обязана решать конгломерат проблем, в частности связанных с «перемещённым искусством». В таком контексте вопрос о российских утратах в сфере культуры, – также не получивший должного внимания в советское время, – как бы отодвигается на второй план, теряет свою остроту. Однако вектор истории движения искусства, вывезенного из нашей страны во время Второй мировой войны (значительная часть его либо была варварски уничтожена, либо бесследно исчезла) вёл с востока на запад, из России и других республик в Третий рейх. И это непререкаемое обстоятельство не имеет срока давности. Увы, отсутствие крупных скоординированных поисковых проектов, в том числе международных, создаёт ошибочное представление о том, что «инцидент» исчерпан: искать больше негде и нечего. Однако тема российских художественных утрат периода Великой Отечественной войны по-прежнему остаётся одной из самых актуальных как среди историков, так и искусствоведов.

Эвакуация

Совет по эвакуации населения, предприятий, учреждений, военных и иных грузов и ценностей из районов риска был создан 24 июня 1941 г. «За практическое осуществление перебазирования производительных сил стали отвечать центральные комитеты партии и совнаркомы союзных республик, обкомы, райкомы и горкомы партии, исполкомы местных Советов прифронтовых и многих областей страны, где были созданы специальные комиссии, комитеты, бюро или советы по эвакуации. К выполнению этой чрезвычайно важной военно-хозяйственной задачи были также привлечены Госплан СССР и Наркомат обороны СССР»¹. Непосредственное руководство эвакуационными мероприятиями было возложено на местные партийные и советские органы. Разумеется, максимальные усилия прилагались к тому, чтобы срочно вывезти в восточные регионы СССР стратегически важные учреждения, военные заводы и другие предприятия оборонной промышленности, наукоёмкие производства.

К 1941 г. Наркомпросу (Наркомату просвещения РСФСР) на территории России подчинялось 439 музеев, Комитету по делам искусств – 56, Академии наук – 18, прочим ведомствам – 123. Координации по вопросу эвакуации между ними не было. Наркомпрос в начальный период войны не сразу собрал информацию о ситуации с музеями, не имел чётко разработанных планов масштабной эвакуации музейных ценностей на случай возникновения угрозы их гибели или вывоза врагом. Значительная часть проектов по защите музейных сокровищ была подготовлена в середине 1930-х гг. и ориентирована на сохранение экспонатов в подземных укрытиях во время бомбёжек и обстрелов: поскольку официальная советская военная наука исходила из доктрины ведения войны на территории противника, то и перспектива оккупации агрессором советских территорий не рассматривалась. Относительно реалистичные планы вывоза художественных ценностей вглубь страны существовали лишь у некоторых музеев Ленинграда и Ленинградской области: рядом проходила государственная граница с Финляндией, недавняя «незнаменитая» война с которой стала серьёзным поводом для подготовки региональных эвакуационных планов. Неожиданное нападение гитлеровской Германии и стремительное развитие военных действий, неготовность СССР к войне не позволили союзным и республиканским властям принимать адекватные ситуации меры по эвакуации музеев в восточные районы страны. Отсутствие эвакуационных планов серьёзно осложнило решение о вывозе музейных ценностей из регионов, находившихся в опасной близости от фронта. Фронт летом – осенью 1941 г. стремительно надвигался на столицу, и таких регионов, в част-

ности в РСФСР, становилось всё больше. Наркомпрос рекомендовал все ценности, хранившиеся в музеях, разделить на три очереди: 1-я – предметы, которые необходимо вывезти; 2-я – эвакуация вещей, если есть возможность их вывезти, 3-я – ценности, оставляемые на местах.

В условиях военных действий эвакуация культурных ценностей проводилась в спешке, без должного материального обеспечения (не хватало тары, упаковочных материалов и т.д.) и необходимых транспортных средств. Только экспонаты Оружейной палаты Кремля, Русского музея и Эрмитажа вывозились по специальным правительственным решениям. В данном разделе речь пойдёт о положении в Ленинграде и его дворцово-парковых пригородах.

Управление культурно-просветительных предприятий Ленгорисполкома (УКППЛ) на четвёртый день войны издало приказ № 93, в котором говорилось следующее:

«1. Закрыть для общего пользования все дворцы-музеи и выставки: г. Пушкин, Петергоф, Павловск (Слуцк), Ораниенбаум, Гатчина (Красногвардейск), Летний дворец Петра I в Летнем саду, домик Петра I и Антирелигиозный музей (бывш. Исаакиевский собор).

2. Директорам предприятий на основе указаний, данных управлением (совещание в УКППЛ 22.06 – 25.06 с.г.), приступить к консервации музеев и музейных вещей, скульптуры, фонтанов, павильонов с принятием мер по предохранению от повреждений бомбардировок (перевод в особые хранилища, подвалы, нижние этажи зданий, устройство ставней, укрытие мешками с песком и т.д.)»².

В процитированном документе речь об эвакуации не идёт. Однако стремительное наступление вермахта вынудило городские и областные власти принимать экстренные меры, причём в условиях всеобщей ведомственной неразберихи и тотальной нехватки транспорта. В частности, серьёзнейшим, практически непреодолимым препятствием для осуществления эвакуационных работ стало отсутствие вагонов, в которых можно было бы отправлять экспонаты на восток страны: в них перевозилось оборудование стратегически важных предприятий. Кроме того, не выполнялись «авральные» предписания о предоставлении городским и пригородным музеям для доставки на железнодорожные вокзалы машин и рабочей силы. По понятным причинам, властям было «не до музеев».

Коллекции Государственного Эрмитажа были вывезены из Ленинграда по планам, подготовленным задолго до начала войны. 1 июля 1941 г. в Свердловск отправился первый эшелон особого назначения. В 22 вагонах находилось 500 тысяч единиц музейных ценностей – вся экспозиция и сокровища Особой кладовой Эрмитажа³. К концу июля была организована отправка более 700 тысяч экспонатов⁴. Отpravку

вещей 3-й очереди завершить не удалось – 30 августа войска вермахта перерезали последнюю железнодорожную магистраль между Ленинградом и страной⁵. К этому времени в г. Молотов (Пермь) была вывезена значительная часть сокровищ Русского музея, подготовленная к эвакуации всего за восемь дней. В течение лета 1941 г. благодаря усилиям музейных работников удалось отправить в Ульяновск фонды Центрального военно-морского музея, в Новосибирск – Артиллерийского исторического музея, в Горький – Государственного музея этнографии, в Иркутск – Музея революции.

Ленинградские власти, не дождавшись рекомендаций из Москвы, обратились к руководству Сарапула и Горького с просьбой принять экспонаты из музеев Ленинграда и Ленинградской области. Эвакуация была проведена в несколько этапов. Первые три очереди отправили по железной дороге в Горький (когда над городом стала появляться немецкая авиация, вещи дворцов-музеев Ленинграда перевезли в Новосибирск)⁶. Некоторые грузы перевезли в Сарапул. Экспонаты последней очереди пришлось вывозить в Ленинград (из Ленобласти, значительная часть территории которой уже была оккупирована) на автомобилях и с попутными рейсами грузовых барж под непрерывным огнём противника. Многие из них оставались в Ленинграде до конца войны – вывезти их из блокированного города в сентябре было уже невозможно – 8 сентября началась блокада. Около 12 тысяч музейных экспонатов пережили войну в подвалах Исаакиевского собора. Всего из пригородных дворцов-музеев было эвакуировано 40 765 предметов, менее четверти того, что имелось. Оставшиеся экспонаты были законсервированы и спрятаны на территории музеев-заповедников (крупногабаритная мебель, дворцовая и парковая скульптура). Увы, многие из них нацистам удалось обнаружить и вывезти.

С июня 1941 по январь 1943 г. число музеев России с 592 сократилось до 390. Было законсервировано 29 крупных областных музеев, перестала функционировать значительная часть районных. Около 200 музеев оказались на оккупированной территории⁷.

В феврале 1942 г. музейщиков обязали «принять срочные меры к документированию разрушенных музеев [...] для доклада правительству и для предъявления в будущем счёта неприятелю [...]»⁸. Письмо Наркомпроса от 3 февраля 1942 г. – первый официальный документ республиканского уровня о необходимости учёта разрушений памятников истории и культуры и потерь, понесённых музеями и библиотеками на территории СССР, временно оккупированной немецко-фашистскими войсками⁹. В документе нарком просвещения РСФСР В.П. Потёмкин поручил руководителям только что освобождённых от врага областей России организовать специальные комиссии, которые должны собрать

подробнейшую информацию об уничтожении отечественных памятников культуры. Он предложил руководящим областным организациям привлечь к работе в комиссиях авторитетных местных специалистов, представителей общественности, директоров, сотрудников музеев и библиотек. Члены комиссий должны были собрать показания свидетелей, подготовить фотодокументы, составить акты о разрушениях памятников, музейных и библиотечных зданий, разграблении и вывозе музейных и библиотечных коллекций. Все собранные документы предполагалось предъявить нацистам как счёт «за разрушение и разграбление наших культурных ценностей»¹⁰.

Распоряжением Наркомпроса весной 1942 г. советским и партийным органам предписывалось «немедленно приступить к проверке состояния учёта и хранения музейных фондов»¹¹. К 1 апреля 1943 г. планировалось составить научную картотеку музейных фондов на основе присланных с мест описей. Была создана экспертная комиссия по выявлению ценнейших музейных предметов и коллекций для создания инвентарной книги музейных фондов РСФСР и подготовки материалов для составления сводного каталога. Однако наспех сформированные списки экспонатов и коллекций не могли служить достаточным исходным материалом для госучёта и подготовки сводных каталогов из-за разрозненности и противоречивости информации, а также обилия «информационных пустот», касающихся происхождения экспонатов и их принадлежности тем или иным музеям.

Указом Президиума Верховного Совета СССР 2 ноября 1942 г. была образована Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК). Одним из направлений её деятельности являлось определение ущерба, нанесённого культуре. ЧГК создала собственное экспертное подразделение – Бюро экспертизы, которое возглавил И.Э. Грабарь. ЧГК собрала огромное количество документальных и вещественных доказательств, в том числе и касающихся утрат художественных ценностей. Частично они как свидетельства обвинения были предъявлены на Нюрнбергском процессе¹².

Позднее в научных публикациях появлялись данные о том, что в СССР было разрушено или полностью уничтожено около трёх тысяч памятников архитектуры, разграблено 427 музеев, из них 173 – в России. Была названа и цифра вывезенных оккупантами за пределы страны наиболее ценных художественных и научных экспонатов – свыше 100 тысяч. В Министерстве культуры появилась информация, что 64 музея потеряли в войну свыше 783 тысяч экспонатов. Тогда же выяснилось, что ЧГК не включила в свой перечень утраты 12 крупных музеев¹³.

Проведённые ЧГК исследования потерь культурных ценностей не являются полными и требуют серьёзного научного изучения. Исчерпывающих данных о размерах ущерба, нанесённого российским музеям войной, до сих пор нет. В настоящее время под эгидой Министерства культуры России издаётся многотомный Сводный каталог утраченных ценностей Российской Федерации*. С 1999 по 2011 г. Министерство культуры РФ выпустило 50 книг сводного каталога российских музейных потерь. Базой для работы стали данные об экспонатах в российских музеях 30-х – 40-х годов. В сводном каталоге содержатся данные более чем о 70 тысячах предметах, которые потеряли музеи во время войны.

Нацистские организации-грабители

Возведённый в ранг государственной задачи грабёж художественных и исторических ценностей на оккупированных территориях осуществлялся несколькими специальными структурами Третьего рейха. Создание этих институций и их взаимоотношения требуют рассмотрения именно применительно к 1942 г., когда был принят ряд регламентирующих их деятельность документов и когда эта деятельность стала осуществляться на практике в тотальных масштабах.

Уже 5 июля 1940 г. на основании распоряжения А. Гитлера (дополненного затем 17 сентября) под руководством рейхсляйтера НСДАП А. Розенберга, «ответственного за мировоззрение», был создан Оперативный штаб Рейхсляйтера Розенберга для отбора и вывоза культурных ценностей на занимаемых в ходе войны территориях. Его главной задачей было «отстаивание интересов НСДАП в борьбе против мировоззренческих противников, и в особенности – в конфискации и перевозке в рейх книжного, архивного и рукописного материала», необходимо-го рейхсляйтеру «для дальнейшей работы»¹⁴. За первым оперативным штабом Розенберга появились другие – сначала в Юго-Восточной, затем – в Восточной Европе. Довольно быстро они стали позиционироваться не как совокупности аналогичных структур, а как отделения единой централизованной службы – Оперативного штаба (далее – штаб Розенберга) с центром в Берлине¹⁵. Повседневное управление всей этой разветвлённой структурой осуществлял с 1 апреля 1941 г. начальник её главного имперского отделения Г. Утикаль. В меморандуме от 2 апреля 1941 г. «уполномоченного по централизованному решению проблем восточно-европейского пространства», каковым до назначения на пост руководителя «восточного министерства» являлся Розенберг, также упоминается о необходимости «взятия под контроль» культурных ценностей.

*Сведения из него размещаются также на сайте <http://www.lostart.ru>.

Летом 1941 г. в связи с началом войны гитлеровской Германии с СССР для деятельности штаба Розенберга открылся широкий простор. 17 июля 1941 г. приказом рейсканцлера Германии А. Гитлера «О гражданском управлении в оккупированных восточных областях» было создано Имперское министерство по делам оккупированных восточных территорий. Его возглавил Розенберг. Имперское министерство по делам оккупированных восточных территорий взяло на себя внутреннее управление захваченных нацистами областей, его оперативный штаб, базировавшийся с конца лета 1941 г. в Риге, «курировал», в частности, все вопросы сбора и вывоза в рейх художественных ценностей. Розенберг готовил специальные команды, создавал штабы, разрабатывал планы вывоза культурной собственности народов Советского Союза¹⁶. Рейхсмаршал Г. Геринг «превентивным» распоряжением от 1 мая 1941 г. специально настраивал как военные, так и идеологические структуры на сотрудничество с ним: «Борьба [...] против мировоззренчески враждебных сил является во время войны первоочередной задачей национал-социализма [...]. Поэтому я приветствовал решение рейхсфюрера Розенберга создать во всех занятых областях оперативные штабы с целью фиксации и транспортировки в Германию культурных ценностей [...]. Всем учреждениям партии, государства и вермахта, поэтому, предписывается предоставлять любую мыслимую поддержку и помощь штабсфюреру оперативных штабов рейхсфюрера Розенберга, начальнику [их] главного имперского отделения члену партии Утикалю и его заместителю члену партии фон Беере при выполнении ими их задач»¹⁷. Приказ фюрера от 1 марта 1941 г. завершил формирование «правовой базы», которой руководствовался штаб в своей деятельности. А. Гитлер поручал А. Розенбергу «вести планомерную духовную борьбу против евреев, масонов и связанных с ними мировоззренческих противников национал-социализма – разжигателей ведущейся ныне войны» и подтверждал в связи с этим право штаба осуществлять в оккупированных областях, находившихся как под военным, так и под гражданским управлением, следующие мероприятия:

«– обследование библиотек, архивов и “прочих мировоззренческих и культурных учреждений всякого рода”, конфискация материалов мировоззренческого характера;

– конфискация ценностей культуры, находящихся в собственности евреев, а также оставшихся без владельцев;

– “укрытие” и “взятие под охрану” культурных ценностей, находящихся на оккупированных территориях, чтобы не допустить их повреждения или уничтожения»¹⁸.

Эти задачи штаба были конкретизированы в распоряжениях А. Розенберга от 20 августа и 3 октября 1941 г. Структура штаба Розенберга

была достаточно гибкой и разветвлённой: координацию деятельности различных подразделений осуществляло центральное управление, в его ведении в 1942 г. находилось пять главных рабочих групп: «Франция», «Бельгия и Северная Франция», «Нидерланды», «Прибалтика» и «Украина». Две последние – «Прибалтика» («Остланд»), созданная 20 августа 1941 г. и базировавшаяся в Риге, и «Украина» с основной базой в Киеве, созданная 3 октября 1941 г., осуществляли учёт культурных ценностей на оккупированных территориях СССР. Группа «Остланд» в свою очередь состояла из подразделений «Литва», «Латвия» и «Эстония», а также небольшой мобильной передовой команды «Петербург», действовавшей в зоне армейского наступления и входившей в занимаемые города непосредственно за штурмовыми частями. В оккупированных областях создавались и более мелкие «оседлые» группы, в частности «Псков» и «Новгород» (обе подчинялись группе «Эстония») и др.

Помимо руководителей отделов берлинского управления штаба в командировки из Германии на оккупированные нацистами территории направлялись и научные эксперты. Они действовали в соответствии с тематическими направлениями: «Архивы», «Музыка», «Ранняя история», «Изобразительное искусство», «Наука», «Этнография»¹⁹. Им надлежало указывать сотрудникам рабочих групп на то, что «заслуживало отправки в Германию». Только в октябре 1943 г. на Запад ушли, главным образом через Прибалтику и Восточную Пруссию, около 40 товарных вагонов, гружённых произведениями искусства²⁰. До середины 1943 г. штаб Розенберга провёл 2256 акций на оккупированных территориях СССР: 375 – в архивах, 957 – в библиотеках, 531 – в институтах, 402 – в музеях. Были похищены дорогостоящие экспонаты из музеев Киева, из картинной галереи Минска и Харькова, иконы и книги из Пскова и Новгорода²¹. В октябре 1944 г. А. Розенберг сообщал фюреру: для награбленных его частями ценностей требовались 1418 товарных вагонов. На морских судах было вывезено 427 тонн ценных грузов. В общей сложности 427 музеев (из них 173 в России), 1670 православных и 237 католических церквей, а также 532 синагоги были уничтожены или разграблены оккупантами²². Только крупные библиотеки утратили свыше 100 млн экземпляров книг. По оценкам архивистов, было уничтожено 44 897 архивных собраний²³. Это составляет 63% архивного фонда Российской Федерации.

Лучшее из отобранного штабом в оккупированных странах предполагалось экспонировать в музее фюрера в Линце, который планировалось создать после окончания войны. 24 июля вышел специальный указ А. Гитлера о том, что «прерогатива фюрера» по отбору произведений искусства распространяется «[...] на все оккупированные немецкими войсками области [...] и на те русские территории, которые ещё предстоит

занять»²⁴. Руководил отбором ценностей для будущего музея особый уполномоченный – директор Дрезденской галереи Г. Поссе. Эти акции, производившиеся под личным патронатом фюрера (планировавшего сделать город, где прошло его детство, «центром духовной жизни национал-социалистического движения»), именовались в документах «миссия Линц». Именно Г. Поссе ещё летом 1941 г. начал подготовку к тому, чтобы как можно больше «трофеев» из России было направлено в Линц. О захваченном для музея фюрера, А. Розенберг писал А. Гитлеру: «Желая доставить Вам, мой фюрер, радость ко дню моего рождения, радость ко дню Вашего рождения, позволю передать Вам папку с фотографиями некоторых ценнейших картин, которые мой айнзацштаб, выполняя Ваш приказ, изыал на оккупированных территориях [...]. Эта папка фотографий представляет собой дополнение к уже поступившим в Ваше собрание из этого источника [...] ценнейшим произведениям искусства. Но и она даёт лишь слабое представление о чрезвычайно обширных и ценных сокровищах искусства, собранных моим штабом»²⁵. «Миссия Линц» до 1944 г. доставила на территорию Германии 137 вагонов с картинами, предметами декоративно-прикладного искусства, ювелирными украшениями, мебелью²⁶.

Наряду со штабом Розенберга действовало, зачастую открыто конспирируя с ним, «зондеркоманда Кюнсберга». Эта структура под руководством штурмбанфюрера Э. фон Кюнсберга находилась в непосредственном подчинении министерства иностранных дел Третьего рейха и, соответственно, его главы И. фон Риббентропа (перманентно соперничавшего с ведомством А. Розенберга). У «команды» Кюнсберга были представительства в Варшаве и Риге. Характерно, что с 1941 г. три из четырёх рот Кюнсберга действовали на территории СССР, приданные группам армий «Север», «Центр» и «Юг»²⁷ (в 1939 – первой половине 1941 г. эта зондеркоманда работала во Франции, Бельгии, Польше, Норвегии). Одна из них, приданная группе армий «Север», – в окрестностях Ленинграда располагала 40 профессиональными экспертами, подразделением СС в количестве 300 человек и необходимым транспортом. Изначально перед зондеркомандой ставилась задача вывоза документов политического характера, однако уже с осени 1941 г. эта установка применялась весьма расширительно – вывозились архивы и библиотеки, документы, содержащие сведения о новейших проектах в военной области, а также в сфере сельского хозяйства и промышленности. В 1942 г. в Берлине состоялась выставка «Образцы материалов, добытых специальной командой Кюнсберга при Министерстве иностранных дел в русской кампании», самым большим разделом которой стала экспозиция культурных ценностей (предметов искусства, древних книг, предметов религиозного культа и т.д.), вывезенных с территории России. Эта

выставка была быстро закрыта, поскольку вызвала неудовольствие И. фон Риббентропа: во-первых, она усиливала трения его ведомства с министерством А. Розенберга, во-вторых, вызвала необходимость делиться собранным с другими структурами нацистского руководства, что и было сделано летом 1942 г.

Также узаконенным нацистами государственным грабежом национального достояния нашей страны занимались специальные «уполномоченные» вермахта. Ещё одним конкурентом штаба Розенберга была группа армий «Север», имевшая уполномоченного по «охране художественно-культурных ценностей» графа Э. Зольмс-Лаубаха. Именно он вывез с Северо-Запада России тысячи уникальных музейных экспонатов, включая Янтарную комнату из Царского Села. Активность Э. Зольмс-Лаубаха неоднократно становилась предметом раздражения подчинённых А. Розенберга, не успевавших следить за «утечкой» к Лаубаху уже намеченных для вывоза вещей. В 1942 г. на советской территории начала действовать группа «Аненербе» – подразделение военного института Немецкого общества по изучению древней германской истории и наследия предков, в 1941 г. включённого Г. Гиммлером в состав СС. Как структура «культурной деятельности СС»²⁸, эта группа, действовавшая на оккупированных нацистами территориях СССР, была ориентирована на выявление и вывоз археологических коллекций и предметов доисторического и раннеисторического периодов. Официальная цель этой грабительской деятельности – доказать, во-первых, наличие «следов» древних германцев на этих землях и тем самым «узаконить» захват территории и, во-вторых, выявить «позитивное влияние арийской расы» на культуру народов, эти территории населяющих²⁹. Нацисты исходили из постулатов так называемого «остфоршунга» – исследований восточных территорий для расширения жизненного пространства рейха – и других «научных дисциплин»³⁰, ориентированных на «доказательство» идеологом о «большевистской угрозе западной цивилизации» и «миссии немцев на Востоке». Эти идеологемы, несколько варьируясь, стали лейтмотивом гитлеровской пропаганды после начала войны на Восточном фронте. К этому времени «остфоршунг» по сути подменил краеведение, археологию и антропологию. Нацистская доктрина о роли немцев в исполнении «культурной миссии в Восточной Европе» чрезвычайно подходила для того, чтобы замаскировать требование «жизненного пространства» видимостью научности. Ещё до Второй мировой войны в Берлине был создан Институт исследования родины и славянского вопроса, имевший несколько отделений: «История и этнография», «Экономика», «Славянская история», «Предыстория». Его идеологической задачей стала борьба против польских научно-исследовательских институтов, доказывавших принадлежность в прошлом

некоторых территорий Восточной Германии к Польше. Институт был призван противопоставить политическим позициям и работам поляков свои «научные» изыскания, которые в случае необходимости могли быть опубликованы. Планировались исследования поселений древних готов и бургундов на территории Западной Польши, чтобы тем самым доказать принадлежность этих территорий к Германии³¹. Они велись с целью оправдания захватнических планов фашистской Германии. В дальнейшем эти изыскания были экстраполированы на все захваченные восточные территории.

Деятельность «Аненербе» освещалась даже в коллаборационистской прессе, издававшейся на оккупированной нацистами территории СССР: «В то время как на фронтах гремят орудия и льётся кровь, в тылу под защитой германской армии ведётся мирная созидательная работа. Организуются научные исследования, в том числе и археологические раскопки – даже в местах, непосредственно прилегающих к фронту»³². Императивную установку на то, какими должны быть результаты таких «научных» исследований на территории России от Пскова до Урала, дал А. Розенберг на состоявшемся в Берлине 22–24 марта 1942 г. совещании руководителей отделов штаба: «В течение прошедших веков эта территория была заселена германскими народами. Мы должны исходить из этого [...]. Жизненное пространство на Востоке даёт сегодня немецкому народу возможность дышать свободно. Как только закончатся военные действия, начнётся натиск на восток – его освоение. И я прошу вас быть внутренне готовыми к этому [...]. Политика – это будущая история»³³.

Ещё одним грабителем, облечённым широкими государственными полномочиями, был рейхсмаршал, уполномоченный по четырёхлетнему плану Г. Геринг, отбиривший уникальные ценности для своей официальной резиденции в Каринхалле. По поручению рейхсмаршала его подчинённые отбирали вывезенные штабом Розенберга и структурами «Аненербе» предметы искусства. Впоследствии Г. Геринг признал на Нюрнбергском процессе, что владеет крупнейшей коллекцией если не в Европе, то в Германии. В 1945 г. в Каринхалле были обнаружены 409 ящиков с живописными полотнами, вывезенными из советских музеев³⁴.

Помимо перечисленных структур существовало ещё несколько организаций, участвовавших в расхищении художественных и исторических ценностей нашей страны: это экономическая команда «Герлиц», спецуполномоченные СД, отделы пропаганды и др. Однако кроме официального государственного грабежа был грабёж и частный: огромное количество ценных предметов оседало в багаже и карманах офицеров и солдат, отправлявших в Германию «сувениры». Тысячи экспонатов, имеющих музейное происхождение, были получены офицерами вермахта в качестве поощрений³⁵.

Итак, тотальное и систематическое разграбление отечественного культурного достояния (включая музейные экспонаты), оказавшегося на оккупированных территориях, осуществлялось сетью «специальных» организаций, подчинявшихся различным ведомствам Третьего рейха. То, как происходило это разграбление, имеет смысл рассмотреть на конкретном и наиболее типичном примере Северо-Запада Российской Федерации. Речь пойдёт о Ленинградской области (куда до 1944 г. входили не только Ленинградская в её современных границах, но и нынешние Новгородская и Псковская области) и Карелии. Это даст возможность не только проанализировать сами факты вывоза и исчезновения, а нередко и уничтожения ценностей, но и специфику взаимодействия и конкуренции нацистских структур в оккупированных во время войны регионах, привлечение ими коллаборантов из местного населения, а также выявить причины затруднённости поиска утраченного национального достояния. Один из крупнейших российских исследователей данной проблематики М.С. Зинич предложила типологию утрат российских учреждений искусства, предусматривающую четыре их группы. Одна из них – музей-дворцы пригородов Ленинграда, разграбление которых в данной статье анализируется ниже на примере Царского Села. Вторая – региональные художественные музеи, разграбленные на оккупированной территории. Их судьба рассматривается на примере Новгорода и Пскова. (Ещё две выделяемые М.С. Зинич категории – полностью погибшие музеи и картинные галереи и пострадавшие от налётов и обстрелов – рассматриваться здесь не будут как хорошо изученные.) Также ниже будет рассмотрен практически не исследовавшийся как в советской, так и в новейшей отечественной историографии вопрос об участии Финляндии как союзницы гитлеровской Германии в разграблении отечественного культурного наследия.

Царское Село

Упаковка, эвакуация и захоронение музейных ценностей г. Пушкина (Царское Село) продолжались в течение 83 дней, с первого дня войны до захвата города гитлеровскими войсками. Сотрудники музея стремились спасти как можно больше экспонатов. В первую очередь упаковывали экспонаты, наиболее ценные в художественном и материальном отношении: образцы стульев и кресел из разных мебельных гарнитуров, уникальные картины, редчайшие коллекции русского, западноевропейского и китайского фарфора, архивные материалы, чертежи, планы, фототека, акварели, изображающие дворцовые интерьеры, зарисовки парковых пейзажей и памятников.

Город Пушкин был оккупирован вермахтом 17 сентября 1941 г. Практически одновременно с передовыми частями захватчиков здесь

появились нацистские искусствоведы-эксперты. В районе действия группы армий «Север» имел хождение особый перечень, подготовленный по указанию А. Гитлера Н. фон Хольстом 24 июня 1941 г. Перечень включал в себя 55 объектов Ленинграда и его ближайших пригородов с точным указанием местонахождения: 17 музеев, 17 архивов, 6 церквей и полтора десятка библиотек.

Н. фон Хольст – ведущий эксперт по вопросам искусства в России – 15 ноября 1940 г. обратился к директорам немецких музеев с требованием обязать всех начальников подразделений подготовить для него информацию обо всех произведениях (хранящихся в советских музеях), которые могли бы с любой точки зрения стать ценным вкладом в немецкую культурную сокровищницу. В начале 1941 г. Н. фон Хольст был членом культурной комиссии, которая работала в Литве, Ленинграде и Москве. 26 сентября 1941 г. ему была поручена сохранность награбленных в пригородах Ленинграда музейных экспонатов³⁶.

О вывозе сокровищ нацистами рассказывают документы 18-й армии, входившей в группу «Север», и свидетельства очевидцев. Из них стало известно, что Э. Кох, гауляйтер Восточной Пруссии, предоставил 18-й армии большую колонну грузовиков, подвозивших на фронт боеприпасы, а обратно в Пруссию эти машины в сентябре – октябре 1941 г. возвращались с награбленным имуществом.

В полевом дневнике командования группы армий «Север» есть запись, сделанная уже 29 сентября 1941 г.: «Ротмистр граф [Э.] Зольмс [-Лаубах] из штаба группы армий, которому поручено отобрать произведения искусства в императорских резиденциях, просит поставить охрану в Пушкине, где взрыв авиабомбы причинил некоторые повреждения. В настоящее время солдаты на передовой линии фронта могут своими неосторожными действиями нанести дворцу ущерб, в связи с чем охрана поручена 50-му армейскому корпусу»³⁷. В документах 50-го армейского корпуса имеется уникальная запись: «1.10. Красногвардейск (так в 1929–1944 гг. называлась Гатчина. – Ю.К.). Для обеспечения сохранности предметов искусства в район действий корпуса прибыли ротмистр граф Зольмс и гауптман Пенсген. 14.10. Красногвардейск. Транспортировка экспертами по искусству ротмистром графом Зольмсом и гауптманом Пенсгеном предметов искусства из Гатчины и Пушкина – среди них и облицовка стен Янтарного зала из замка в Пушкине (Царское Село) – в Кёнигсберг. 14.11. Красногвардейск. Ротмистр граф Зольмс и гауптман Пенсген, завершая свою деятельность (сохранение предметов искусства), покидают штаб корпуса»³⁸. Благодаря этому документу специалистам Государственного музея-заповедника «Царское Село» уже в постсоветское время удалось выявить точную дату вывоза художественных ценностей и, что особенно важно, дату вывоза Янтарной комнаты – 14 октября 1941 г.

В 1966 г. граф Э. Зольмс-Лаубах, к тому времени – директор музея художественных промыслов во Франкфурте-на-Майне, заявил, что он в самом деле занимался «эвакуацией» ценностей из Екатерининского дворца, и в частности Янтарного зала: «Отдельные детали Янтарной комнаты были тщательно упакованы в ящики и через Плескау (Псков) отправлены в Ригу [...]. В конце концов эти ящики каким-то образом попали из Риги в Кёнигсберг»³⁹.

В пяти железнодорожных вагонах, отправленных в Кёнигсберг, находились не только янтарные панели, но и огромное количество самых разных произведений искусства. Министерство по делам оккупированных восточных территорий в Берлине вскоре запрашивает подробный отчёт: какие именно культурно-художественные ценности были тогда вывезены и где точно они размещены в настоящее время. В ответ на этот запрос Р. Нерлинг, руководитель рабочей группы «Остланд» штаба Розенберга, информирует, что «у самого Зольмса получить такую информацию не удаётся. Впрочем, в боевой обстановке он, возможно, и не составил перечня при вывозе. В любом случае, решение о местонахождении этих культурно-художественных ценностей будет окончательно принято лишь после войны»⁴⁰. И. фон Риббентроп в 1942 г. сообщил А. Гитлеру о вывозе предметов из Царского Села: «Из Екатерининского замка в безопасное место осенью 1941 г. был вывезен Янтарный кабинет [...], причём были вынуты отдельные детали. Кабинет временно разместили в Кёнигсбергском замке. Таким образом, это уникальное произведение искусства сохранено от разрушения. Тогда же было вывезено 18 грузовиков наиболее ценной мебели и др. произведений искусства, и прежде всего картин, в Кёнигсберг для лучшей их сохранности»⁴¹. В 1942 г. Янтарная комната была выставлена в Кёнигсбергском замке. В дарственной книге Кёнигсбергского музея под номером 200 было записано, что комната подарена музею Германским государственным управлением дворцов и садов. Директор музея А. Роде в 1944 г. писал, что Янтарная комната, вернувшись на свою родину, стала лучшим украшением Кёнигсбергского музея⁴².

Предметы искусства из Екатерининского и Александровского дворцов вывозились в несколько этапов в разное время, разными ведомствами и разными воинскими соединениями. В 1942 г. ТАСС распространил в Европе информацию, полученную от военнопленного Н. Фёрстера, оберштурмфюрера зондеркоманды Кюнсберга. Он дал подробные показания о том, как происходил вывоз ценностей из Екатерининского дворца осенью 1941 г.: «2-я рота МИДа в Царском Селе захватила и вывезла имущество Большого дворца-музея императрицы Екатерины. Со стен были сняты китайские шелковые обои и золочёные резные украшения. Наборный пол сложного рисунка увезли в разобранном виде.

Из дворца императора Александра вывезены старинная мебель и богатая библиотека в 6–7 тысяч книг на французском языке и свыше 5 тысяч книг и рукописей на русском языке. Среди этих отобранных книг было очень много литературы на французском языке и большое количество произведений греческих и римских классиков, являющихся библиографической редкостью»⁴³. В марте 1942 г. упоминавшиеся сотрудники зондеркоманды Кюнсберга конфисковали архивы и библиотеки из Екатерининского и Александровского дворцов, попутно присваивая и другие «бесхозные ценности». Из пригородных дворцов под Ленинградом ими были вывезены в Берлин четыре огромные библиотеки.

В отчётах руководителей группы «Остланд», координировавшей и проводившей все работы по вывозу художественных ценностей из дворцов под Ленинградом, имеются материалы по обследованию этих дворцов. В октябре 1942 г. в них сообщается об отправке в Ригу Готторпского глобуса и трёх картин художника Г. Робера⁴⁴.

Целую серию «обследований» группа «Остланд» проводила в ноябре 1941 г., в феврале и апреле 1942 г. В составе рабочих групп находились высококлассные немецкие искусствоведы. Из информации, направлявшейся ими в штаб Розенберга, становится ясно, что поток художественных предметов из Царского Села, отправляемых на Запад, иссякает: документальные источники свидетельствуют о вывозе «ряда мелких объектов, которые изъяты различными неконтролируемыми службами». В апреле 1942 г. в отчётных документах, посылаемых в Берлин, отмечается, что оставшиеся в Екатерининском дворце Царского Села предметы «надёжно сохраняются местной командой СД и подразделениями войск СС»⁴⁵.

Вывезенные предметы, не попавшие в реестры государственных нацистских структур, растворялись в личных коллекциях высокопоставленных гитлеровских преступников. Судьба многих этих культурных ценностей остаётся неизвестной. В частности, исчезли бесследно 98 старинных икон из церкви Екатерининского дворца, знаменитый живописный плафон работы художника Д. Валериани из паркового павильона «Эрмитаж», а разнообразные бытовые вещи, принадлежавшие российским императорам, – фотографии, письма, акварели, гравюры, книги и т.п. – погибли.

Данные об утратах Царского Села по информации на 2011 г. выглядят так: Екатерининский дворец-музей, г. Пушкин (Царское Село): числилось по инвентарным описям – 42 172 предмета; за период войны утрачено – 30 151 предмет; Александровский дворец, г. Пушкин (Царское Село): числилось по инвентарным описям – 30 382 предмета; за период войны утрачено – 22 628 предметов⁴⁶. (Картина потерь в остальных дворцах-музеях «приленинградья» не менее плачев-

на. Павловский дворец-музей: числилось по инвентарным описям – 22 133 предмета; за период войны утрачено – 8715 предметов. Гатчинский дворец-музей: числилось по инвентарным описям – 54 030 предметов; за период войны утрачено – 38 152 предмета; дворцы-музеи Петергофа: числилось по инвентарным описям – 31 511 предметов; за период войны утрачено – 16 700 предметов)⁴⁷.

Великий Новгород

19 августа 1941 г. советские войска оставили Великий Новгород. Город на два с половиной года оказался в оккупации. О том, в каком состоянии оказались памятники Новгорода после окончания боёв, можно судить по «Акту осмотра от 26–27 ноября 1941 г.», составленному 4 декабря 1941 г. руководителем группы «Эстония» Г.Ф. фон Крузенштерном: «Древний город Новгород разрушен более чем на 90%. Немецкая комендатура находится в [...] здании Духова монастыря. Город, кремль и участок фронта заняты испанской “Голубой дивизией” (испанское добровольческое формирование, состоявшее из служащих регулярной армии, ветеранов гражданской войны и фалангистской – по названию ультраправой профашистской партии Испании – милиции. – Ю.К.) [...]. Из большого количества церквей лежащей на другом берегу Волхова Софийской стороны только одна открыта и используется для церковной службы [...] (церковь Михаила Архангела на Прусской улице). Знаменитый Софийский собор XI в. подвергся артиллерийскому обстрелу [...]. В здании в советское время располагался музей атеизма и богатейшие исторические музейные коллекции. От атеистического музея сейчас остались только отдельные плакаты, пустые витрины, шкафы и тексты описаний. В многочисленных [...] помещениях собора в беспорядке среди щебня и камней лежат [...] обломки драгоценных гробниц, одежды русских князей, скульптуры из камня и дерева, литургические одеяния из шитой золотом парчи, хоругви, штандарты, церковная утварь и остаток знаменитого собрания Библий. Так как стёкла в окнах выбиты, кругом много снега и льда. На галерее осталась прекрасная мебель. Напротив Софийского собора в угловом здании (в Лихудовом корпусе) находилась большая библиотека, которая при захвате города ещё оставалась целой. Она была собрана большевиками из очень ценной древней библиотеки новгородского архиепископа и других частных библиотек близлежащих дворянских усадеб. В настоящее время библиотека значительно пострадала от солдат испанской дивизии. Я нашёл около 10 000 книг во многих больших помещениях валяющимися на полу. Кирпичи, мусор (человеческие нечистоты) покрывали ценные кожаные тома XVII–XIX вв. В библиотеке не было ни целых окон, ни дверей. Многими книгами были закрыты окна в казармах, другие лежали

на снегу»⁴⁸. Г.Ф. фон Крузенштерн составил и описание картин, вывезенных впоследствии из Новгорода⁴⁹.

Вместе с передовыми командами и рабочими группами оценку объектов производили и специалисты, научные эксперты – сотрудники упоминавшихся особых штабов. В Новгороде таким экспертом был доктор искусствоведения Д. Роскамп, член особого штаба «Изобразительное искусство». Отчёт Д. Роскампа от 14 марта 1942 г. имеет смысл привести подробно: «В одной только сожжённой [...] церкви Иоанна на Торговой стороне погибло около 3000 собранных древних икон [...]. Огромный ущерб памятникам нанесён солдатами расположенной в Новгороде испанской дивизии [...]. Большая часть из хорошо сохранившихся иконостасов была использована испанскими солдатами для отопления (церковь Фёдора Стратилата). Другие церкви выгорели по неосторожности солдат (Знаменский собор), и их древнее убранство в настоящее время утрачено. Все церкви Новгорода стоят открытыми. Особый случай – церковь Михаила Архангела на Прусской улице, единственная действующая в годы советской власти. Церковь хорошо сохранилась, и здесь были собраны произведения искусства из многих других храмов. Однако в конце января 1942 г. (27–30 января) испанские солдаты взорвали дверь ручной гранатой и проникли внутрь. Украдены серебряная утварь и иконы»⁵⁰. Заключение часть отчёта Д. Роскампа состоит из кратких описаний состояния памятников Новгорода. «В Софийском соборе храмовая икона – образ св. Софии, царские врата из иконостаса одного из приделов, два трона и паникадило XVI в. вывезены профессором Заммом. Никольский собор: в декабре 1941 г. храм ещё был невредим. Сейчас он полностью опустошён (испанскими) солдатами. Фрагменты резного иконостаса XVIII в. лежат на полу, в снегу. Церковь Параскевы Пятницы: здесь находились ценные иконы. Церковь выгорела. Церковь Жён-Мироносиц: внутреннее убранство полностью уничтожено. Церковь Спаса на Ильине: пострадала при артиллерийском обстреле. Знаменский собор: убранство и церковные предметы недавно уничтожены – сожжены испанскими солдатами. Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря: в церкви мусор; иконостас [...] страдает от дождя и снега.

Церковь Фёдора Стратилата: в годы советской власти использовалась как музей. Иконостас употреблён на топливо испанскими солдатами [...]. Церковь Петра и Павла: здесь находится один из самых значительных иконостасов XV в. Сейчас покрыт снегом и подвергается опасности [...]. В историческом музее и музее русского искусства (оба в кремле) больше нет произведений искусства. Здания используются солдатами испанской дивизии как морг и магазин»⁵¹. Рефреном документов являются упоминания о неуправляемости испанцев и их варварском отношении к культурным ценностям: «Церкви открыты

и разграблены, иконостасы и отдельные иконы уничтожены испанцами [...]. Необходимо обеспечить порядок в этой части города, повесить таблички, закрыть храмы, для того чтобы предотвратить дальнейшее разграбление и уничтожение памятников». Таблички были вывешены, но никакого эффекта это не возымело: «Везде на дверях древних храмов прибиты запретительные надписи на немецком и испанском языках, но испанцы не обращают на эти надписи никакого внимания, взламывают двери и уносят из храмов иконы»⁵². Испания, куда ведут следы многих утраченных во время войны советских культурных ценностей, увы, до сих пор terra incognita для российских специалистов, занимающихся поисками вывезенных во время войны оккупантами предметов искусства: никаких систематических исследований, касающихся российских утрат, здесь практически не ведётся.

История оккупации Великого Новгорода даёт весьма колоритный пример коллаборации местного населения с нацистами именно в сфере грабежа художественных ценностей – явления малоизученного, но достаточно распространённого⁵³. Первым бургомистром занятого нацистами Новгорода стал археолог В.С. Пономарёв*. В библиотеке Марбургского университета хранится архив В.С. Пономарёва, фрагменты

*Внук знаменитого в Новгородской губернии археолога и коллекционера, основателя местного общества любителей древности В.С. Передольского, В.С. Пономарёв пошёл по стопам деда: окончил Московский университет и стал археологом. Был репрессирован в 1933 г. по делу «Российского студенческого христианского движения», после лагерей, в 1939–1941 гг., несмотря на клеймо «враг народа» смог вернуться в музей и работать по специальности. Согласился сотрудничать с гитлеровскими оккупационными властями, пробыл в должности бургомистра Новгорода несколько месяцев, но вскоре был снят с неё. Ему было поручено первичное исследование хранилищ культурных ценностей, организация мероприятий по их сохранению, а впоследствии – вывозу из города, сначала во Псков и Ригу, а затем в Германию. Кроме того, в период фашистской оккупации занимался археологией: с помощью выделенных под его начало для «чёрной работы» солдат вермахта и советских военнопленных продолжал начатые до войны раскопки славянских курганов на р. Оредеж (гитлеровцев интересовали древности и драгоценности). В.С. Пономарёв при благожелательном отношении сотрудников штаба Розенберга отправился сопровождать культурные ценности в Германию, где в 1944 г. занимался описанием новгородских археологических коллекций в Университете Грайфсвальда. После войны оказался в американской оккупационной зоне. В СССР не вернулся, небезосновательно полагая, что сотрудничество с оккупационным режимом ему не простят. Преподавал историю и археологию. Умер в 1978 г. в Марбурге, гражданства ФРГ не приняв (по одним данным, потому что не хотел быть гражданином страны, напавшей на его Родину; по другим, не менее вероятным, – поскольку статус лица без гражданства давал наибольшую защиту от экстрадиции). С родственниками, оставшимися в Советском Союзе, никаких контактов не поддерживал, закономерно опасаясь навлечь на них неприятности. Содействовал германским властям в работе по возвращению новгородских и псковских ценностей в СССР. В нашей стране, разумеется, был «персоной нон грата» до начала 1990-х гг. В последние годы маятник качнулся в противоположную сторону, и ныне в Новгороде о В.С. Пономарёве говорят почти исключительно как о спасителе ценностей от неминуемой гибели. Несколько лет назад по инициативе родственников его останки были перезахоронены на родине.

которого – воспоминания об оккупации Новгорода, написанные в начале 1950-х гг., видимо, на основе более ранних, военных дневников, – недавно опубликованы (Ежегодник Новгородского государственного объединённого музея-заповедника. – Великий Новгород, 2006). Приведём фрагмент из докладной записки В.С. Пономарёва о мерах по охране памятников искусства и древности в Новгороде Великом 22 апреля 1942 г.: «После занятия германскими войсками г. Новгорода были приняты меры к охране архива, св. Софии, библиотеки и фонда музея. Мне, назначенному 29 августа (1941 г. – Ю.К.) первым бургомистром г. Новгорода, было поручено выяснить состояние этих хранилищ, важнейшие ценности из которых, как оказалось, были эвакуированы советскими властями. Затем в начале октября профессор Замм вывез из Софийского собора несколько древних икон (в их числе храмовый чудотворный образ св. Софии и царские двери из иконостаса Рождественского придела собора) и несколько картин, перенесённых в собор из картинной галереи. В ноябре месяце мы с отцом Василием Николаевским, священником Новгородской приходской церкви, организовали Церковно-археологический комитет и на собранные пожертвования произвели работы по очистке собора [...]. В декабре 1941 г. книги библиотеки музея были перенесены сотрудниками Оперативного штаба из Лихудова корпуса в придел Софийского собора. А в феврале 1942 г. руководитель группы "Новгород", представитель особого штаба "Библиотеки" доктор филологии П. Вааль вывез церковные книги и рукописи из Новгорода сначала во Псков, а затем в Ригу»⁵⁴. Наиболее ценные из них были показаны на организованной в апреле 1942 г. в рижском штабе Розенберга выставке «Новгородские библиотеки и их сокровища». Среди них: Евангелие 1644 г. в окладе из церкви Николы в Наволоке (под Крестцами), Евангелие 1606 г. из Юрьева монастыря, «Житие и чудеса св. Моисея, архиепископа Новгородского» XVII в., Евангелие 1663 г. из Старой Руссы и ряд Евангелий XVII–XVIII вв. в серебряных окладах. Обработка уникальной коллекции была закончена к сентябрю 1942 г., о чём свидетельствует отчёт группы «Остланд» руководству Оперативного штаба «Об обработке Новгородской библиотеки». Согласно отчёту, всего в Ригу из Новгорода было направлено 33 892 тома; к отчёту приложены списки книг на 68 листах по разделам «Археология», «Этнография» и «Раритеты». Среди них 1260 экземпляров Библии, Евангелия и других книг XV–XVIII вв., принадлежавших Новгородскому музею и происходящих из различных собраний – Новгородской церковной библиотеки, библиотек братства св. Софии, Юрьева монастыря, Софийского собора, личных библиотек архиепископа Арсения и архиерея Григория Лубинского, а также ряда церквей под Новгородом. Эта коллекция предназначалась для передачи экзархату православной церкви в Латвии в Риге. Но в протоколе

состоявшейся в Риге 27 ноября 1942 г. передачи группой «Остланд» экзархату православной церкви в лице митрополита Литовского и Виленского Сергия упоминаются лишь 1026 богослужебных рукописных и печатных книг из Новгорода⁵⁵. Систематизация и описание произведений искусства, вывозимых с оккупированных территорий Северо-Запада, выполнялись структурами штаба Розенберга в Риге. Характерно, что списки, довольно подробно описывающие произведения искусства, практически не содержат информации о музеях, из которых они были вывезены нацистами. Гитлеровских историков искусства не интересовала принадлежность награбленных ими сокровищ. Сегодня историки и музейные работники при идентификации уцелевших перемещённых ценностей вынуждены порой ориентироваться лишь по комплексу старых (музейных) номеров, подробно перечисленных в описаниях (это было необходимо во избежание путаницы при наличии, скажем, двух икон или предметов утвари с одинаковым названием).

С начала 1943 г. вывоз культурно-художественных ценностей на Запад приобретает массовый характер и становится весьма поспешным. К этому времени установки штаба Розенберга в отношении ценностей на оккупированных восточных территориях существенно изменились. Вывезенные из Новгорода художественные ценности сначала были определены на хранение в Псков, где проводилась их инвентаризация и составление описей. Затем, в 1943 г., они переправлялись в Ригу, на базу группы «Остланд» для дальнейшей обработки, упаковки и отправки в Германию.

Точных данных, характеризующих количество утрат Великого Новгорода в сфере музейных ценностей, сегодня не существует.

Псков

Псков, оккупированный вермахтом 9 июля 1941 г., стал в 1942–1943 гг. «перевалочным пунктом», через который художественные ценности из других регионов Северо-Запада переправлялись в Прибалтику и далее – на территорию Германии⁵⁶. До начала оккупации в считанные дни власти сумели эвакуировать из города часть населения, промышленные предприятия, больницы, учебные и детские учреждения и некоторые музейные коллекции (для них смогли выделить минимум транспортных и прочих средств). Большая же часть огромного музейного собрания осталась в Пскове. Спасти фонды Псковского музея не удалось, так как для них была выделена четверть вагона, а необходимо было как минимум пятнадцать⁵⁷. В первые дни оккупации Псковский музей был открыт для всех, потом его посетителями стали только немецкие солдаты. Здание музея позже, когда началось разграбление пригородов Ленинграда, стало перевалочно-сортировочным пунктом для привозимых ценностей из дворцовых музеев⁵⁸.

Музей обладал богатейшими коллекциями археологии, нумизматики, рукописных и старопечатных книг и документов, иконописи и других произведений церковного искусства. Имелись и собрания русской и западноевропейской живописи, графики, мелкой пластики, фарфора, естественнонаучные коллекции. После того как Псков оставили советские войска, оккупационная власть в городе осуществлялась военно-полевой комендатурой, затем был назначен бургомистр (В.М. Черепенькин). Были организованы гражданские службы в сферах культуры и образования. «Ответственными за порядок и чистоту» в музее и областной библиотеке назначены сын бургомистра Л. Черепенькин и Г. Помеленко. В своих донесениях военные оккупационные власти Пскова жаловались на отсутствие кадров, из-за того что «почти вся псковская интеллигенция из города сбежала»⁵⁹. В первые же дни оккупации Пскова служба Э. Зольмса-Лаубаха, уполномоченного группы армий «Север», взяла «на учёт и под охрану» всё найденное в музее. В документах штаба Розенберга отмечаются факты вандализма, расхищения солдатами утвари в Троицком соборе⁶⁰.

Кроме отдела графа Зольмса в городе работала зондеркоманда «Псков», подразделение группы «Остланд», занимавшееся всеми вопросами культурной и общественной жизни Пскова и окрестностей. Приоритетным направлением её деятельности были захват и вывоз культурных ценностей.

Вопросами «учёта» и вывоза культурных ценностей занимались также СД и упоминавшаяся выше зондеркоманда Кюнсберга.

К концу лета 1941 г. по инициативе и под руководством графа Зольмса из коллекций псковских музеев был сформирован «музей Поганкина». Его экспозиция была выставлена в здании Исторического музея. (Поганкины палаты – каменная постройка XVIII–XIX вв., принадлежавшая купцу Сергею Поганкину.) Для немецких солдат устраивались выставки, где были представлены западноевропейская и русская живопись, исторические предметы, одежда, церковные облачения, иконы, утварь, книги и пр., а также остатки естественнонаучного собрания и ботанический материал»⁶¹. Музей, в котором был небольшой штат русских сотрудников, был доступен и для местного населения два часа в день.

Представители группы «Остланд» и сотрудники штаба Розенберга периодически появлялись в Пскове с инспекциями и обследованиями. Их отчёты содержат информацию о состоянии культурных ценностей в разные периоды оккупации, а также о фактах их изъятия и перемещения. Например, в октябре 1941 г. сообщается о том, что материалы евангелической лютеранской общины Якоби, хранившиеся в музее, отправлены комендантом Пскова в институт изучения зарубежных стран в Штутгарте. При этом что вывоз художественных ценностей носил

систематический характер, один из руководителей штаба Розенберга д-р Цайсс пояснил: «[...] Восточные области должны быть после войны превращены в учебное пространство для немцев, форма которого ещё вырабатывается, имеющиеся там предметы культуры не должны быть разграблены и должны оставаться на своих местах [...]»⁶².

В хранилище псковских музеев и Солодежне* в трёх помещениях были размещены «доисторические древности», западноевропейская и русская живопись (в том числе работы представителей кубизма и экспрессионизма), фарфор, иконы небольшого размера, пластика, одежда и т.д.

В «музее Поганкина» находилась библиотека, которая, по мнению проверяющих, включала в основном собрания Псковского археологического общества. Кроме самых различных изданий, в фондах, по оценке специалистов, имелись «драгоценнейшие старопечатные книги». Представители группы «Остланд» сожалели, что не смогли обнаружить книгу описей этой библиотеки и некоторые ценные документы и книги, известные им по каталогам. Они также сообщили в Берлин, что материалы «идеологического характера, остатки антирелигиозной выставки в Троицком соборе», книги и документы дома Советов взяты на хранение СД, большая их часть уже переправлена в Ревель (Таллин), ещё несколько тысяч томов должны быть отправлены туда же⁶³.

600–700 икон из церквей и часовен всей Псковской губернии, большое число церковных одеяний, а также чудотворная икона князя Всеволода-Гавриила находились в «музее Поганкина». Часть раритетов была выставлена, часть хранилась в Пароменской церкви. 23 февраля 1942 г. в Псков прибыла очередная бригада представителей группы «Остланд» с целью проверить состояние культурных ценностей и обобщить происшедшие со времени предыдущей ревизии изменения. В отчётах зондеркоманды «Псков» от 2 марта 1942 г. отмечается, что службами вермахта осуществлена расчистка городской библиотеки, книжные фонды которой перемещены в «музей Поганкина». После повторного осмотра выяснилось, что состояние хранилищ и условия хранения претерпели существенные изменения: в помещениях царил беспорядок, на полу валялись картины, количество их существенно уменьшилось с октября 1941 г. В упоминавшейся выше Солодежне, находившейся под охраной полевой комендатуры, были обнаружены признаки грабежа и разрушений. В открытых шкафах, на подоконниках и на полу в беспорядке – портреты, гравюры, народные костюмы, археологические находки, предметы естественнонаучной коллекции, книги. От ценного фарфора были обнаружены только остатки. Исчезли иконы-миниатюры⁶⁴.

*Остатки богатого жилого дома первой трети XVII в., в XIX в. в здании производили солод, во время войны использовалось как хранилище.

Служащие городской управы информировали проверяющих о хищениях музейных предметов. И о том, что раритеты продавали, дарили. В отчёте зондеркоманды «Псков» от 3 марта 1942 г. сообщается, что установлены случаи мародёрства и незаконного приобретения офицерами культурных ценностей за символическую цену. В частности, майор Хоппе «за заслуги при создании музея» должен был получить 1 икону и 1 картину, но вместо этого присвоил и частично переправил в Германию 30 икон. Ещё один из сотрудников, помогавших Э. Зольмсу в организации музейных выставок, «прихватил 2 ценных пейзажа из музея⁶⁵. Упоминались и случаи награждения немецких офицеров музейными предметами. Представители группы «Остланд» зафиксировали, что «комендант города зондерфюрер де Бари придерживается той точки зрения, что “музейная собственность является трофеями, распоряжаться которыми может только полевая комендатура по собственному усмотрению”»⁶⁶.

Сохранившиеся документы свидетельствуют, что все службы, занятые «спасением и охраной культурных ценностей», осуществляли планомерный, методичный, централизованный вывоз культурных ценностей в интересах рейха.

В январе 1942 г. экономическая команда «Герлиц» передала в Псков ценные раритеты, захваченные в Тихвине. Среди них была и чудотворная Тихвинская икона Божией Матери. В течение трёх лет пребывания в Пскове икона хранилась в оружейном помещении военно-полевой комендатуры. В числе остальных 63 предметов, вывезенных вместе с ней, в документах штаба Розенберга упоминаются только 35 икон. Эти материалы помогают выяснить, какие произведения искусства так и не вернулись в Тихвин. Список кончается № 64, но в нём пропущена почти половина номеров. В феврале 1942 г. на хранение в Псков была доставлена большая партия «предметов искусства, происходящих из Новгородского региона». Обсуждался вопрос о возможности передачи их штабу Розенберга. Во второй половине 1942 г. в Пскове концентрировалось всё больше и больше культурных ценностей с северо-запада России. В августе 1942 г. профессор Энгель из зондерштаба «Древняя и ранняя история» изучал музеи и места археологических раскопок Изборска, Пскова, Новгорода. В Изборске, чьи памятники Энгель оценил ещё во время первого краткого посещения в октябре 1941 г., он отмечает «могилу Трувора», а также археологический и геологический музей в школе. Он был уже разорён, и многие его экспонаты утрачены. Энгель обращает внимание и на древние церковные книги в местной церкви. В Пскове он обнаружил многочисленные ящики с предметами археологических раскопок.

В 1941–1944 гг. Псковский музей был основной базой хранения культурно-художественных ценностей, вывезенных не только из псковского региона, но и из Новгорода, Тихвина, Пушкина, Павловска, Гатчины,

Петергофа. Отсюда сокровища отправлялись в Ригу⁶⁷. Как свидетельствуют документы, псковские ценности порой меняли маршрут следования – их пересылали и в другие регионы территории «Остланд»⁶⁸.

К середине 1943 г. ситуация в Риге, где в хранилище находились музейные предметы, характеризовалась как «не очень устойчивая» – фронт откатывался на запад, – и в октябре 1943 г. нацисты начали массовый и экстренный вывоз ещё оставшихся на оккупированной территории художественных ценностей в Германию.

Точное количество утраченных художественных ценностей Пскова не выяснено до сих пор. Как и в случае с Новгородом, проблема выявления утрат, понесенных здешними музеями в период нацистской оккупации, осложнилась еще и тем, что во время войны погибла значительная часть учетной документации.

Карелия

Прежде чем приступить к обзору происходившего на территории Карелии в годы Великой Отечественной войны, следует заметить, что почти всё ценное в художественно-историческом отношении из Выборга и его окрестностей, а также с Карельского перешейка было вывезено в Хельсинки ещё в 1939 г. – в период Зимней войны. Это большая часть коллекции Художественного музея, часть предметов из Исторического музея, очень много церковных предметов (иконы, облачения, утварь), включая всё наиболее ценное из Валаамского и Коневецкого монастырей. Сейчас эти вывезенные вещи хранятся в различных финских музеях. Например, в Музее православия в Куопио есть множество предметов с подписями, из каких выборгских храмов они перевезены. Частные коллекции нередко вывозились хозяевами, как в случае с усадьбой Монрепо. Знаменитая художественная коллекция Монрепо долго находилась у наследников последних владельцев поместья из рода баронов Николаи, и только в 1995 г. перешла в собственность Национального музея Финляндии. В 1940 г., уже во время Зимней войны, из Выборга была вывезена уникальная коллекция струнных инструментов Х. Валя (работы Страдивари, Амати, Гварнери, старых немецких мастеров). Данные о ней расходятся, есть предположения, что вывезли от 29 до 34 самых ценных инструментов (разошедшихся по частным финским коллекциям), а остальные остались в Выборге, их дальнейшая судьба неизвестна.

В 1941–1944 гг. в Восточной Карелии работала комиссия от Национального музея Финляндии, которая собирала карельские этнографические ценности: предполагалось, что после войны эта территория (никогда не относившаяся к Финляндии) останется за финнами здесь будут созданы новые музеи краеведческого характера, в которые эти вещи и поступят. В том числе финские оккупационные власти планировали

создать единственный в мире музей вепсов. Сейчас в фондах Национального музея свыше 400 предметов, собранных в то время, – так называемая «русская коллекция». Из всех союзников гитлеровской Германии Финляндия была единственным государством, имевшим не только намерения расширить свои границы за счёт территории России, но и государственные планы вывоза художественных ценностей с оккупированных территорий. Среди задач военных властей в Восточной Карелии была и образовательно-просветительская: «Образование и просветительская работа должны быть направлены на финское население края. Основываются библиотеки, школы, кружки, газеты, начинается радиовещание»⁶⁹. В планы по просветительской работе входили также сохранение и соби́рание памятников культуры. Г. Вилкун, уполномоченный по сбору художественных и этнографических ценностей, сообщал в Главную ставку, что при военном правлении необходимо учредить должность этнографа, который мог бы работать при археологической комиссии.

Главная ставка финляндского командования обязывалась соблюдать необходимые требования при отборе вещей и их атрибуции при отправке в финские музеи: «Когда предметы поступают на хранение в музей, нужно, чтобы с ними поступали важные сведения о месте изготовления, наименовании, назначении и т.п. Собрать нужно столько, чтобы коллекции Национального музея были значительно пополнены и чтобы типичные и тщательно отобранные предметы были для будущих музеев Беломорья и Олонецкой провинций. Кроме того, для типологических предметов есть другие возможности, использовать их в волостных музеях, которые уже имеются в Шёлтозеро и Лодейном Поле. Развитие музея в Шёлтозеро особенно важно, поскольку это единственный в мире музей вепсов»⁷⁰.

В 1942–1944 гг. были организованы финские экспедиции в Посвирье и Беломорскую Карелию. Значительная часть собранных ими коллекций блуждала по частным рукам до конца войны. Две из них, собранные во время «Войны-продолжения» в Посвирье, Кархумяки, на Карельском перешейке и в Петрозаводском регионе, в 1946–1947 гг. дополнили коллекцию Национального музея. В январе – феврале 1942 г. на территории Карело-Финской ССР работала экспедиция одного из крупнейших финских археологов С. Пялиси. Она обследовала Александро-Свирский монастырь, деревни Троица, Кенкиево и Самбатус. В исследовательскую группу входили известный журналист О. Пааволайнен и не менее известный поэт и фольклорист М. Хаавио⁷¹.

Археологическая комиссия начала работу в Восточной Карелии осенью 1941 г. Совместно с правлением греко-католической (униатской) церкви она создала группу по сохранению церковных предметов. От комиссии в военное правление входил сотрудник Национального музея Э. Никкиля. Его задачей было обеспечение сохранности ценных с музейной

точки зрения предметов⁷². Э. Никкиля начал работу в ноябре 1941 г. и составил программу по обеспечению сохранности и сбору памятников культуры. Охране подлежали музеи, церковные древности и строительная культура. Предметы следовало собирать для Центрального музея Карелии и для Национального музея. Была проведена разъяснительная работа среди капелланов, офицеров, военной полиции, назначены ответственные за сбор и сохранение ценностей в отдельных военных частях⁷³.

При Министерстве образования Финляндии в декабре 1941 г. была создана Государственная научная восточно-карельская комиссия, задача которой сводилась к координации и сбору воедино сведений, полученных в научных отделах и обществах Восточной Карелии. Комиссии уже в январе 1942 г. было предписано заниматься исследованиями, которые направлены «прежде всего на те задачи, в решении которых в Финляндии уже прежде были достигнуты важные результаты и которые дополняли бы важнейшие с точки зрения нашей страны исследовательские задачи»⁷⁴. И что принципиально важно, комиссия должна была «направлять упомянутые исследования так, чтобы с их помощью постараться, насколько возможно, сформировать общее представление о новых территориях и доказать их безусловную принадлежность Финляндии»⁷⁵.

Под руководством Археологической комиссии сотрудники Национального музея «вели исследования в Восточной Карелии». В октябре 1941 г. в результате экспедиции в финно-угорскую коллекцию Национального музея поступило 410 предметов. На следующий год экспедиция в Пораярви собрала и передала в Национальный музей около 1000 карельских предметов. За годы «Войны-продолжения» Археологической комиссии было передано свыше 500 икон, в тот же период в отдел не-финской этнографии поступило около 400 русских предметов⁷⁶. Финны собрали в общей сложности примерно 900 предметов культуры из кижских церквей и других храмов Заонежья и отправили их из Карелии на пароходе «Медвежьегорск». Так древние русские иконы оказались на территории Финляндии⁷⁷.

Работы по изъятию ценностей в Заонежье и Кижях с 1942 г. велись централизованно, под руководством генерал-лейтенанта В. Хеглунда и магистра по церковной архитектуре и истории искусств Л. Петтерсона. Для консультаций в 1942 г. в Карелию были приглашены один из чинов греко-католической церкви Л. Казанко, православные священники, а также директор Художественной галереи в Хельсинки, специалист по иконописи Б. Хинце. Если судить по специализации привлечённых экспертов, то становится ясно, что шла продуманная работа по инвентаризации наиболее ценных образцов древней православной живописи для последующего её вывоза. Летом 1943 г. четверо финских экспертов объехали Заонежье. Именно в этот период и созрел план, со-

гласно которому вывезенные вскоре иконы разместили в пяти различных регионах Финляндии – якобы из соображений безопасности. Именно на Л. Петтерссона власти возложили задачу по планомерному вывозу ценностей в Финляндию. В Хельсинки собирались открыть выставку «Защита искусства в годы войны. Иконопись Восточной Карелии». Для неё отобрали 152 иконы, вывезенные из Кижей, Кондопоги, сёл Яндомозеро, Тамбицы, Типиницы и других мест, однако выставка сорвалась. В последний момент лично верховный главнокомандующий К.Г. Маннергейм распорядился не выставлять иконы как военные трофеи⁷⁸.

Финские профессионалы, занимавшиеся санкционированным грабежом художественных и этнографических ценностей, негодовали по поводу того, что «в финских частях идёт охота за ценными предметами, особенно за произведениями церковного искусства»⁷⁹. Все хотели на память получить карельские образа. «Их берут, где только можно, отправляют в котомки и переправляют домой. В каждой деревне, где мы были, эти собиратели военных трофеев уже побывали до нас, и редкий дом сохранился от них [...]. Эти награбленные в Карелии образа перевозят в Финляндию в огромном количестве, и ими уже здесь торгуют». На вепских территориях происходило аналогичное, свидетельствовали сами же финские участники экспедиций: «Финские и шведские солдаты уже во время Зимней войны рыскали вокруг как шакалы или саранча египетская, и у них нет никакого представления о морали, частной ответственности и уважении к памятниками старины [...]»⁸⁰.

Тема вывоза художественных и этнографических ценностей с территории Карелии сегодня остаётся фактически неисследованной отечественными специалистами, и связей – тем более совместных проектов – в этой области истории и музееведения практически не существует. Хотя именно такие проекты могли бы существенно расширить представления о карельских культурных утратах времён Великой Отечественной войны и, вероятно, выявить местонахождение вещей, покинувших этот регион в 1941–1944 гг.

* * *

Подводя итоги, следует сказать, что поиск утраченных в период Великой Отечественной войны художественных ценностей России невозможен без широкого профессионального диалога музейщиков, искусствоведов, архивистов, специалистов по военной истории как из России, так и из других государств. Он требует постоянной, систематизированной работы по созданию единого информационного пространства по данной проблематике (которое отнюдь не исчерпывается созданием «Сводного каталога...») и не может быть спорадическим, ведущимся от случая к случаю или в рамках политических кампаний, приуроченных к тем или иным историческим датам. Проекты – региональные, республиканские и междуна-

родные – по изучению ситуации на оккупированных нацистами в годы войны российских территориях в аспекте вывоза и уничтожения отечественного национального достояния во многом реализуются лишь благодаря профессионалам-энтузиастам и не пользуются должной поддержкой федеральных властей. Первый крупномасштабный российско-германский исследовательский проект «Российские музеи во время Второй мировой войны» стартовал в марте 2012 г. Он начал работу в рамках так называемого «Музейного диалога», инициированного несколько лет назад немецкими Фондом культуры федеральных земель и Фондом прусского культурного наследия, а также Союзом музеев России. Объектом внимания участников проекта станут Новгород, Псков, Царское Село, Петергоф, Гатчина и Павловск. Цель – добиться наиболее полной оценки масштабов разрушений, потерь и ущерба, причинённых художественным произведениям и другим культурным ценностям в 1941–1945 гг. Проект поддерживает немецко-русский Учёный совет, в который входят президент Фонда прусского культурного наследия Г. Парцингер, президент Союза музеев России, директор государственного Эрмитажа М. Пиотровский и другие представители музейных сообществ нашей страны и Германии.

Примечания

¹ Куманёв Г.А. Война и эвакуация в СССР : 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 28.

² Третьяков Н. Война, эвакуация // Гатчина сквозь столетия : Ист. ж-л [электрон. ресурс] // <http://www.history-gatchina.ru/museum/warpalace/warpalace3.html>.

³ См.: Эрмитаж спасенный : [Каталог выст. / Авт. вступит. ст. В.Ф. Левинсон-Лессинг]. – СПб., 1995.

⁴ Там же.

⁵ См.: Эрмитаж : Хроника военных лет. 1941–1945: Документы Архива Гос. Эрмитажа. – СПб., 2005.

⁶ Гузанов А.Н. Возвращение и поиск музейных предметов, утраченных во время Второй мировой войны из коллекции Павловского дворца-музея // Вторая мировая война как проблема национальной памяти : Материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 24–26 сентября 2009 г. : Ч. 2. – СПб., 2010. – С. 11.

⁷ Никандров Н. Эвакуация во спасение [электрон. ресурс] // <http://www.lostart.ru/ru/>.

⁸ Культурные ценности – жертвы войны [электрон. ресурс] // <http://www.lostart.ru/ru/>.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Никандров Н. Эвакуация...

¹² См.: Зинич М.С. Преступления нацистов против культуры : (По материалам Нюрнбергского процесса) // Нюрнбергский процесс: уроки истории : Материалы междунар. науч. конф. Москва, 20–21 ноября 2006 г. – М., 2007. – С. 182–192.

¹³ Музеи Российской Федерации, пострадавшие в годы Второй мировой войны [электрон. ресурс] // http://www.lostart.ru/ru/svodnyj_katalog/museums/#fulltab.

¹⁴ Картоотека «Z» Оперативного штаба «Рейхслайтер Розенберг» : Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии : 1941–1942. – М., 1998. – С. 13.

¹⁵ См.: Manasse P.M. Verschleppte Archive und Bibliotheken: Die Tätigkeit des Einsatzstabes Rosenberg während des Zweiten Weltkriegs. – St. Ingbert, 1997.

¹⁶ Зинич М.С. Похищенные сокровища: вывоз нацистами российских культурных ценностей. – М., 2005. – С. 23.

¹⁷ Картотека «Z»... – С. 14.

¹⁸ *Комарова Ю.Б.* Перемещение культурных ценностей из Новгорода в 1941–1943 гг. : (По материалам фонда Оперативного штаба «Рейхслайтера Розенберг» в ЦГА ВОО) // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. – Великий Новгород, 2003. – С. 59.

¹⁹ *Зинич М.С.* Реституция российских музейных ценностей в послевоенные годы // Вторая мировая война как проблема национальной памяти : Материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 24–26 сент. 2009 г. : Ч. 2. – СПб., 2010. – С. 29.

²⁰ *Volkert N.* Der Kulturgutraub durch deutsche Behörden in den während des Zweiten Weltkriegs besetzten Gebieten // Kulturgüter im Zweiten Weltkrieg. – Magdeburg, 2007. – С. 31.

²¹ *Ibid.* – С. 32.

²² *Zinič M.* Zwischen den Zonen : Restitution von Kulturgut an Rußland // Kunst im Konflikt : Kriegsfolgen und Kooperationsfelder in Europa. – Berlin, 2006. – С. 323.

²³ *Ibid.*

²⁴ Сводный каталог утраченных ценностей Российской Федерации : Т. 1: Государственный музей-заповедник «Царское Село». Екатерининский дворец [электрон. ресурс] // http://www.lostart.ru/ru/svodnyj_katalog/knigi/tom1/.

²⁵ *Зинич М.* Особый уполномоченный Гитлера // Независимое военное обозрение. – 1997. – № 23.

²⁶ *Васильева Т., Коренюк Н.* Миссия Линц // Совершенно секретно. – 1993. – № 11. – С. 21.

²⁷ *Мазурицкий А.* Ферстер из «Кюнсберга» // Аргументы недели. – 2010. – 31 марта [электрон. ресурс] // <http://www.argumenti.ru/society/pobeda65/n231/55386/>.

²⁸ *Васильченко А.В.* Герольды «Наследия предков». – М., 2011. – С. 113.

²⁹ Там же.

³⁰ *Фойхт Г.* К вопросу о роли фашистского «остфоршунга» перед Второй мировой войной // Вторая мировая война : Взгляд из Германии. – М., 2005. – С. 63.

³¹ Центральный архив (далее – ЦА) ФСБ России. Протокол допроса арестованного Нидермайера О. Ф. от 28 августа 1945 года. Л. 31 об. – 32. См. также: *Кантор Ю.З.* Заклятая дружба : Секретное сотрудничество СССР и Германии 1921–1939 гг. – СПб., 2008. – С. 275–289.

³² См.: На курганах // Новое время. – 1943. – 5 сентября; Нодбельские курганы // Северное слово. – 1943. – 17 сентября.

³³ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1405. Оп. 1. Д. 70. Л. 76–76 об.

³⁴ *Зинич М.С.* Реституция российских музейных ценностей в послевоенные годы... – С. 29.

³⁵ См.: Картотека «Z»... С. 24.; *Зинич М.С.* Похищенные сокровища... – С. 24–26.

³⁶ *Бардовская Л., Ходасевич Т.* [Предисловие] // Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны : Т. 1. Кн. 1 : Екатерининский дворец. – М.; СПб., 1999. – С. 11.

³⁷ Сводный каталог утраченных ценностей Российской Федерации : Т. 1 [электрон. ресурс]... // http://www.lostart.ru/ru/svodnyj_katalog/knigi/tom1/.

³⁸ *Бардовская Л., Ходасевич Т.*... – С. 12.

³⁹ *Рябушев А.* Остров сокровищ Восточная Пруссия // Независимое военное обозрение. – 2009. – 11 сентября.

⁴⁰ Сводный каталог утраченных ценностей Российской Федерации : Т. 1 [электрон. ресурс]... // http://www.lostart.ru/ru/svodnyj_katalog/knigi/tom1/.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же; *Кантор Ю.З.* Глаз изумлен // Известия. – 2003. – 11 апреля.

⁴³ Преступная клика Гитлера грабит и уничтожает культурные богатства Советского Союза // Правда. – 1942. – 17 ноября.

⁴⁴ Historische Kunstschatze : Wertvolles Kulturgut im Ostraum sichergestellt // Revaler Zeitung. – 1943. – 23 Sept.

⁴⁵ Ещё одна сторона войны : Царское Село [электрон. ресурс] // <http://www.lokos.net/rcp/rcp2004/data/ww>.

⁴⁶ Музеи Российской Федерации, пострадавшие в годы Второй мировой войны [электрон. ресурс] // http://www.lostart.ru/ru/svodnyj_katalog/museums/#fulltab.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Сводный каталог утраченных ценностей Российской Федерации : Т. 11 [электрон. ресурс]... // http://lostart.ru/ru/svodnyj_katalog/knigi/tom11/kniga4-6/; см. также: Кантор Ю. Город, которого нет // Время новостей. – 2009. – 19 августа.

⁴⁹ Latvijas Valits Vestures arhivs (далее – LVVA). P-1018. 1. apr. 175.l.

⁵⁰ Комарова Ю.Б. Указ. соч. – С. 61.

⁵¹ Там же.

⁵² Кантор Ю. Деятельность группы «Остланд» Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга : (На примере Великого Новгорода) // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : Матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 8 крас. 2010 г. : Вып. 9. – Мінск, 2010. – С. 50.

⁵³ См.: Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. – М., 2011. – С. 468–529.

⁵⁴ Сводный каталог утраченных ценностей Российской Федерации : Т. 11 [электрон. ресурс] // http://lostart.ru/ru/svodnyj_katalog/knigi/tom11/kniga4-6/; см. также: Кантор Ю. Город, которого нет...

⁵⁵ То же.

⁵⁶ ЦА ФСБ России. АСД № Н-18313. Т. 11. Л. 310а.

⁵⁷ Сафронова М. Псков сорок первого // Псковская губерния. – 2011. – 6–12 июля.

⁵⁸ Сафронова М. Псков под немцами // Псковская губерния. – 2011. – 13–19 июля.

⁵⁹ Ткачева Н. Каменщик света // Псковская губерния : обл. еженед. обществ. газета. – 2010. – 28 апреля – 4 мая.

⁶⁰ Ткачева Н. Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник [электрон. ресурс] // http://www.lostart.ru/ru/svodnyj_katalog/knigi/tom14/.

⁶¹ Ткачева Н. Псковский музей в годы оккупации : Судьба коллекций [электрон. ресурс] // <http://www.libfl.ru/restitution/conf/tkatcheva-r.html>.

⁶² Ткачева Н. Псковский государственный объединенный... http://www.lostart.ru/ru/svodnyj_katalog/knigi/tom14/

⁶³ Ткачева Н. Псковский музей в годы оккупации 1941–1944 гг. // Сводный каталог культурных ценностей Российской Федерации, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны : Т. 14. Кн. 1 : Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. – М., 2007. – С. 7.

⁶⁴ Там же. – С. 10.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ ЦА ФСБ России. АСД № Н-18313. Т. 11. Л. 310а.

⁶⁸ Государственный архив Псковской области. Ф. Р-2271. Д. 5, 6, 12, 15.

⁶⁹ РГВА. Ф. 1401. Д. 65. Л. 58.

⁷⁰ Furu L. Museoesineitä Itä-Karjalasta. – Helsinki, 2010. – S. 26.

⁷¹ См.: Haavio M. Me marssimme Aunuksen teitä : Päiväkirja sodan vuosilta, 1941–1942. – Porvoo; Helsinki, 1991.

⁷² Helminen H. Matkapäiväkirja : Museoesineiden keruumatka Repolassa, 6.10–18.11.1941. – Helsinki, 2008. – S. 89.

⁷³ См.: Laine A. Suur-Suomi kahdet kasvot : Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. – Helsinki; Otava, 1982.

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Furu L. Op. cit. – S. 57.

⁷⁶ Helminen H. Op. cit. – S. 119

⁷⁷ Дятлов В. Трофейная сага [электрон. ресурс] // <http://www.itogi.ru/obsh-tema/2010/18/151688.html>

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Palsi S. Voittajien jäljissä : Sodanäkaisen Aunuksen oloja ja elämää. – Helsinki, 1942. – S. 153.

⁸⁰ Furu L. Op. cit. – S. 82.

ДОКУМЕНТЫ

ДОКУМЕНТЫ ОРГАНОВ НКВД СССР ПЕРИОДА ОБОРОНЫ СТАЛИНГРАДА

Сотрудники отечественных органов безопасности внесли немалый вклад в разгром фашистских войск под Сталинградом. Предупреждение и пресечение деятельности спецслужб Германии и ее союзников были основными задачами оперативных подразделений НКВД СССР. Германскую разведку интересовали численность и дислокация войск Красной армии, артиллерийских складов, состояние оборонительных сооружений на подступах к городу. Вражеские шпионы стремились попасть на территорию крупных предприятий, выпускавших продукцию для фронта: Сталинградский тракторный завод, металлургический завод «Красный Октябрь», завод «Баррикады», химический завод № 91 и другие. Немецкая агентура пыталась сломить боеспособность советских войск, распространяя провокационные слухи и склоняя советских военнослужащих к измене Родине.

Советские контрразведчики держали под оперативным контролем многие отрасли народного хозяйства: следили за строительством железной дороги для переброски войск и боевой техники, оказывали помощь заводам по выполнению военных заказов, обеспечивали безопасность работ на строительстве, предотвращали аварии на предприятиях и др. Кроме решения разведывательных и контрразведывательных задач органы безопасности занимались охраной правопорядка: боролись с преступностью, разоблачали и привлекали к уголовной ответственности предателей, карателей и других вражеских пособников.

Достоверная информация армейских контрразведчиков была необходима для партийного и военного руководства страны. В августе-ноябре 1942 г. в крайне сложной военной и оперативной обстановке особые отделы НКВД Донского и Сталинградского фронтов ежедневно направляли донесения в Государственный комитет обороны и Генеральный штаб Красной армии о положении на фронте, налётах вражеской авиации на транспортные и промышленные объекты и ситуации в окрестностях Сталинграда. В сводки, как правило, включалась информация о деятельности заградотрядов, 10-й стрелковой дивизии войск НКВД¹ и батальонов охраны.

Одной из основных задач органов военной контрразведки в боях за город на Волге было обеспечение режима строжайшей секретности в подготовке генерального наступления советских войск.

Особые отделы фиксировали просчёты и недостатки при проведении боевых операций и информировали о случаях паникёрства, трусости, дезертирства, перехода бойцов Красной армии на сторону противника, так называемых «контрреволюционных высказываниях» со стороны отдельных военнослужащих, проявлявших антисоветские настроения.

В представленной подборке публикуются рассекреченные документы органов госбезопасности СССР, освещающие события накануне и в дни Сталинградского сражения. При подготовке публикации унифицировано написание имен собственных и географических наименований.

№ 1

РАСПОРЯЖЕНИЕ НКВД СССР О СТРОИТЕЛЬСТВЕ Ж.Д. СТАЛИНГРАД–КАМЫШИН

*8 февраля 1942 г.
Совершенно секретно*

№ 52/1448

Начальнику УНКВД по Сталинградской области²
т. Воронину³

Постановлением Государственного комитета обороны от 23 января 1942 г. за № 1190 с на НКВД возложены изыскания, проектирование и строительство ж.-д. линии Сталинград–Саратов. Начальником Южного района (Сталинград–Камышин) назначен т. Смирнов Андрей Петрович, заместителем начальника района – т. Хомчик Михаил Иванович, главным инженером района – т. Жигин Александр Дмитриевич.

До организации на месте строительства лагеря НКВД прошу оказать указанному руководящему составу экспедиции необходимое содействие при мобилизации рабочей силы, рабочих помещений, транспортных средств и организации питания.

Зам[еститель] наркома внутренних дел СССР
комиссар госбезопасности 3-го ранга

Чернышов⁴

№ 2

**РАСПОРЯЖЕНИЕ НКВД СССР О ПОСТАВКАХ ЗАВОДА
«КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ»**

6 мая 1942 г.

Совершенно секретно

№ 52/5954

г. Сталинград, УНКВД
т. Воронину

Постановлением ГОКО в мае 1942 г. завод «Красный Октябрь»⁵ НКЧМ обязан поставить Канашскому ВРЗ (Чувашская АССР) – 17 тыс. заготовок корпусов 120 мм мин Борисоглебскому ВРЗ – 10 тыс. заготовок и Тамбовскому ВРЗ – 18 тыс. заготовок корпусов. Контроль [за] выполнением задания и оказание помощи заводу возлагается на вас и нач. ЭКО УНКВД т. Коненкова⁶. [О] ходе выполнения задания сообщайте ежедневно к 12 час. дня в ЭКУ НКВД СССР.

Зам. наркома внутренних дел СССР
комиссар госбезопасности 3-го ранга

Кобулов⁷

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 117. Л. 55. Копия.

На документе помета: «Передать немедленно по ВЧ».

№ 3

**ИЗ СПРАВКИ УНКВД ПО СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
О НЕДОЧЁТАХ В ХРАНЕНИИ СЕКРЕТНЫХ ДОКУМЕНТОВ
И ОХРАНЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ**

12 мая 1942 г.

№ 20600

Начальнику ЭКУ НКВД СССР
ст. майору госбезопасности т. Мешику⁸

[...] Профилактическая работа

За отчётный период серьёзных аварий и на промышленных предприятиях г. Сталинграда и области не было. 21 апреля с.г. нами по основным промышленным предприятиям была проведена проверка несения охраны и хранения секретных документов. Установлен ряд существенных недочётов.

Завод № 221⁹. В конструкторском отделе завода значительное количество комнат и рабочих столов были открыты, в столах находились различные чертежи и документы с грифами «для служебного пользования» и «неподлежащие оглашению». У конструктора Муравьева в столе обнаружены: брошюра с описанием технических условий БР-18, 30 штук различных секретных чертежей, которые числятся на учёте в архиве, но в конце работы не сданы в архив. У зам. гл[авного] конструктора Розенберг В.М. стол был открыт, в столе обнаружены два экземпляра технических условий по МСД-120 и другие документы. Комната группы перспективного планирования (руководитель Шабаров) – комната и столы открыты. На всех столах в беспорядке были навалены груды различных секретных чертежей, количество которых не представлялось возможности учесть. В комнате зам. главного конструктора Розенберг, находились 33 альбома чертежей УСВ, в том числе уравнивающие механизмы, прицел, подъёмные механизмы и др. Комната не опечатана, дежурный по конструкторскому отделу пропустил проверяющих, не проверив документов. В технический отдел завода проверяющие прошли мимо вахтёра Салониной, которая документы не проверила. В отделе обнаружены открытыми шкаф с различными бумагами и чертежами, в частности, альбом технологий по Б-13 Пс., технологические карты в кальках по Б-25 Пс. и ряд других документов.

Сталинградский тракторный завод¹⁰. Помещение техотдела и бухгалтерия инструментального цеха оказались открытыми, большинство столов не закрыты. В столах обнаружены различные служебные бланки, формы сведений и штампы. В комнате техотдела секретные чертежи обнаружены приколотыми к чертёжному доскам, на столе зав. техбюро лежала целая грудка различных чертежей, а на одной из отопительных батарей обнаружены чертежи приспособлений и его деталировка. В отделе главного энергетика завода в коридоре стоит шкаф с архивными секретными документами (сводные ведомости, электромощности завода за 1940 г.). Шкаф не закрыт, и любое лицо, попавшее в отдел, имеет возможность воспользоваться этими документами.

Завод № 264¹¹. В цехе № 300 секретные чертежи в виде груды макулатуры набросаны на столах, часть из них порваны и запачканы мазутом. Имеющийся шкаф для хранения чертежей используется для хранения верхней одежды табельщицы. По цеху № 900 учёт имеющихся чертежей отсутствует. Находящиеся на участке у мастера чертежи сохраняются в папках на открытом столе. В этом же цехе в открытых ящиках стола военпреда Гайда были при проверке обнаружены секретные технические условия на приёмку вооружения Т-60¹² и краткое описание танкового прицела ТМФД¹³.

Завод № 490¹⁴. При проверке кабинета главного инженера Шлемензон в ящиках незакрытого стола оказался график работ кон-

структорского отдела, общие технические условия десантных планеров, ведомость аэродромного оборудования, необходимого для сборки и эксплуатации планеров и другие секретные документы. В комнате конструкторского отдела чертежи со столов не убраны, дежуривший конструктор Помочин обнаружен спящим. Комната технического бюро № 2 открыта, столы с чертежами не закрываются.

Главнефтесбыт. При проверке охраны нефтебазы Главнефтесбыта самый ответственный пост (центральный вход на нефтебазу и масломазеваренный завод) оказался открытым. Вахтёр Семенюк, который должен был стоять на посту, спал в сторожевой будке, и после того, как зам. управляющего облконторой Главнефтесбыта т. Максимовым была изъята винтовка и зажжён свет, Семенюк был разбужен.

Завод № 264. 18 апреля с.г. при проверке бдительности главных проходных ворот завода № 264 установлено, что вахтёры не тщательно просматривают пропуска. Контролёрам были предъявлены 2 ложных пропуска (на чужую фамилию и срок действия которых истёк в марте 1942 г.). Контролёры Богинский, Матюхин и Подольский, делая вид, что тщательно рассматривают пропуска, беспрепятственно пропустили проверяющих на территорию завода. Аналогичные недостатки были обнаружены на таких предприятиях, как завод «Красный Октябрь», лесозавод им. Куйбышева и других.

По всем обнаруженным при проверке предприятий недостаткам нами представлена обстоятельная справка секретарю Сталинградского обкома ВКП(б). Поднятые нами вопросы охраны предприятий, бдительности и сохранения государственной тайны были предметом обсуждения городского и районных партийных активов.

Кроме этого, нами направлено 8 спецзаписок и справок секретарю Сталинградского облисполкома депутатов трудящихся о падеже скотопоголовья в Ленинском районе и необходимых мероприятиях по спасению скота, о неудовлетворительной обеспеченности семенами колхозов Сиротинского района. О срыве отгрузки авиабомб заводу № 80, о недочётах в работе Сталинградского мясокомбината, о загрязнённости аппаратуры Северной электроподстанции и других.

По большинству поставленных нами вопросов перед областными партийными и советскими организациями проведен ряд практических, исправляющих положение, мероприятий.

Агент «Серов» 23 апреля 1942 г. сообщил, что на Сталинградском центральном телеграфе систематически нарушаются правила хранения контрольной ленты шифровок и другой секретной телеграфной корреспонденции. В апреле 1942 г. при передаче шифровок по первым секторам телеграфных связей Ростов и Куйбышев контрольная лента с текстом шифровок выбрасывалась в мусорную корзину, откуда выносилась в мусорный ящик, находящийся во дворе телеграфа, и вместе с другой

макулатурой сдавалась в утиль. Учитывая, что такая беспечность в хранении лент шифровок может быть использована для сбора шпионских сведений, нами были установлены пути прохождения контрольной ленты от аппарата до мусорного ящика. В результате этой проверки оказалось, что все старшие и младшие техники телеграфа в порядке контроля работы аппарата «Бодо» имеют возможность пропустить контрольную ленту с любым текстом и бросить её в корзину. К этим лицам относятся:

1. Попов Павел Павлович, 1890 г.р., беспартийный, из торговцев, старший техник телеграфа, разрабатывается по агентурному делу как подозрительный по шпионажу.

2. Шеблокин Павел Андреевич, 1905 г.р., беспартийный, старший техник телеграфа, разрабатывается как антисоветский элемент по учетному делу № 5446.

3. Шипшин Дмитрий Васильевич, 1917 г.р., беспартийный, старший техник телеграфа и другие.

Указанные недостатки нами через руководство облуправления связи устранены. Соприкасающихся с передачей шифровок лиц тщательно изучаем, подозрительных по шпионажу с этой работы удалим. На май отдел ставит перед собой задачу проведения активных противодиверсионных мероприятий по основным военным заводам. [...]

Начальник УНКВД Сталобласти
майор госбезопасности

Воронин

Зам[еститель] начальника ЭКО УНКВД
лейтенант госбезопасности

Таренков¹⁵

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 1131. Л. 15–18. Подлинник.

№ 4

ТЕЛЕГРАММА ЗАМ. НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР ОБ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНАХ И ЭВАКУАЦИИ ОБОРУДОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ СТАЛИНГРАДА

*14 июля 1942 г.
Совершенно секретно
10 час. «ВЧ»*

№ 1
г. Москва, НКВД СССР
т. Берия

1. Примерная потребность основных предприятий Сталинграда в вагонах для эвакуации лишнего оборудования и материалов составляет 1910 вагонов, в том числе тракторный завод (СТЗ) – 400 ваг[онов], завод № 264 – 950 вагонов, включая вагоны для рабочих, завод

«Красный Октябрь» – 210 вагонов; завод № 91 – 300 вагонов; Сталгрэс – 50 вагонов; данные по заводу № 221 будут сообщены дополнительно. Цифры уточняются. Вопрос эвакуации будет сегодня обсуждаться в обкоме с участием Хрущёва¹⁶.

2. Истребительные батальоны¹⁷ в области очень плохо вооружены. Так, в самом городе Сталинграде на 1200 бойцов имеется 440 винтовок. По 35 ближайшим к фронту районам на 4200 бойцов имеется 445 винтовок. Пулемётов, автоматов и гранат нет вовсе. Было бы крайне желательно получить для вооружения указанного количества бойцов минимально 5000 винтовок, 20 тыс. гранат и возможное количество пулемётов и автоматов. Также необходим перевод бойцов на казарменное положение.

3. Небольшая группа противника отмечена на одном хуторе Серафимовического района Сталинградской области. Ни в одном из других районов области появление противника не отмечалось. Связь с районами имеется регулярная.

4. Проверяю работу аппарата УНКВД, одновременно оказывая помощь.

5. Состояние Воронина удовлетворительное, перевезён из больницы на квартиру.

Заместитель народного комиссара
внутренних дел СССР
комиссар госбезопасности 3-го ранга

Меркулов¹⁸

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 36. Л. 1–2. Подлинник. Рукопись.

№ 5

ЗАПИСКА УНКВД ПО СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ОБ ОБСТАНОВКЕ В ПРИФРОНТОВЫХ РАЙОНАХ

г. Сталинград

14 июля 1942 г.

21 час

Совершенно секретно

Зам. народного комиссара внутренних дел СССР
комиссару государственной безопасности 3-го ранга
г. Меркулову

От РО УНКВД принята по телефону следующая информация:

Перелазовский район – по сообщению начальника РО УНКВД т. Донскова, 14 июля 1942 г. в 16 час. 30 мин., в районе хуторов Хохлачи и Малахов со стороны Боковского района Ростовской области, обстре-

лян противником из миномётов истребительный батальон РО УНКВД. В районе этих же хуторов подбит наш самолёт, который благополучно совершил посадку. Лечкичи невредимы, машина цела. В районе хутора Пронин–Большая Донщинка ведут разведку две наших танкетки и танк. (Тип не установлен).

Из Боковского района Ростовской области, по направлению Чернышевского района этой же области, замечено передвижение автоколонны. Точно установить количество автомашин не представилось возможным. Десант, высаженный в Боковском районе Ростовской области, продолжает оперировать на границе Перелазовского района. Десантом задержано около 100 воинских машин, двигавшихся в сторону Перелазовского района. Десант состоит из 90 автоматчиков, которым придано 7 танкеток.

Воинские части, расположенные в хуторе Рачки (командующий генерал-майор, дважды орденосеиц, фамилия не установлена), необходимых мер к ликвидации десанта не принимают, заявляя, что он выполняет свои задачи и этим вопросом заняться не может. В просьбе об использовании истребительным батальоном противотанковых ружей, имеющихся в данной воинской части, для борьбы с танкетками противника – отказал. Истребительный батальон Перелазовского района, состоя из 17 человек, существенной помощи Боковскому району оказать не может.

Нижне-Чирский район. По сообщению начальника РО НКВД т. Лебедева¹⁹, 14 июля в 16 час. 20 мин. на переправе через Дон скопилось 1500 автомашин и много подвод. Работает на переправе только два небольших парома. Подгона скота к Дону в настоящее время пока нет, ожидается к вечеру. В районе В[ерхне]-Чирской в 18 час. вечера будет готов буферный мост, что даст возможность разгрузить переправу, а также быстро переправить скот.

Кагановический район. Начальник РО УНКВД т. Шашурин²⁰ сегодня в 15 час. 20 мин. сообщил, что все население района эвакуируется, и район переходит в распоряжение командующего армией. Работники РО УНКВД остаются на месте. Сегодня утром с нарочным нач[альника] РО УНКВД направлена в адрес Управления НКВД подробная докладная записка о положении в районе.

Чернышковский район. Особых сведений, кроме тех, которые переданы вчера, нет. Продвижение противника продолжается на Обливскую.

Калачёвский район. 14 июля в 15 час. 40 мин. оперуполномоченный РО УНКВД т. Чернов²¹ сообщил, что со стороны отдельных колхозников имеются факты отказа эвакуировать скот на левый берег. Активных выступлений не было, но под влиянием взрослых группы подростков разгоняют скот, препятствуя его перегону для переправы через Дон. Мост в районе Калача заканчивается постройкой сегодня. В ночь с 13 на 14 июля во время переправы скатилась с парома и затонула машина УПО Харьковского УНКВД. Два человека погибли.

Клетский район. Сегодня в 21 час нач[альник] 1-го отделения 4-го отдела УНКВД т. Трушин²², организующий проведение мероприятий в Сиротинском и Клетском районах, передал, что начальник Клетского РО НКВД находился в ст. Сиротинской, куда прибыл с материалами РО УНКВД, предназначенными для отправки в Сталинград, сегодня выбыл обратно в ст. Клетскую. Эвакуация скота, по сообщению начальника РО милиции, происходит неудовлетворительно, имеет место значительное количество случаев со стороны колхозников отказа гнать скот. Выделенные гонщики скрываются. Переправа через Дон работает удовлетворительно. В райцентр прибыла воинская часть, командование которой сообщило в РО УНКВД, что принимает на себя руководство районом и охрану общественного порядка.

Подтелковский район. Дежурный по РО УНКВД 14 июля в 17 час. сообщил, что в станицах Вёшенская и Богучар, что в 60 км от райцентра, отмечено появление противника. Через переправу двигается значительное количество машин с войсками со стороны фронта на переформирование. Мост охраняется. Скопления машин у переправы нет. Начата эвакуация скота.

В районах: Фрунзенском, Тормосиновском, Котельниковском, Верхне-Курмоярском, Кумылженском – изменений нет. С Хопёрским, Нехаевским, Добринским, Урюпинскими, Кругловским районами – связи нет из-за повреждения линии.

Заместитель начальника УНКВД
капитан госбезопасности

Прошин²³

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 36. Л. 242–244. Подлинник.

№ 6

ТЕЛЕГРАММА ЗАМ. НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР О ЗАДЕРЖАНИИ НЕМЕЦКИХ ПАРАШЮТИСТОВ

№ 5
г. Сталинград

16 июля 1942 г.
Совершенно секретно

г. Москва, НКВД СССР
т. Берия

В ночь на 15 июля в Городищенском районе Сталинградской области были сброшены с немецкого самолёта два парашютиста. В 10 час. утра 15 июля они были задержаны и доставлены в УНКВД. На допросе они сознались, что являются агентами германской разведки и назвались

– первый – Бондарем Захарием Михайловичем²⁴, 1911 г.р., а второй – Колокольцевым Владимиром Михайловичем²⁵, 1921 г.р.

Оба окончили германскую разведывательную школу в Краматорске²⁶ и переброшены в Сталинградскую область с задачей сбора сведений о расположении наших штабов, передвижении частей Красной армии, состоянии мостов и о производстве танков на заводах Сталинграда.

У задержанных обнаружены приёмопередаточная радиостанция, деньги общей суммой 13 110 руб., паспорта и удостоверения об освобождении от военной обязанности.

Бондарь и Колокольцев показали, что вместе с ними в самолёте находились ещё 6 человек, которые должны были быть выброшены, как это стало им известно из разговоров в самолёте, между ст. Поворино и Борисоглебск Юго-Восточной ж.д. с задачей взорвать ж.-д. мосты. Фамилии этих шести диверсантов якобы им неизвестны.

ДТО Ю[го]-В[осточной] ж.д. ориентировано о приметах сброшенных диверсантов, также приняты меры к их розыску в районах Сталинградской области. Допрос арестованных продолжается.

Заместитель народного комиссара
внутренних дел СССР
комиссар госбезопасности 3-го ранга

Меркулов

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 36. Л. 7. Подлинник.

№ 7

ТЕЛЕГРАММА ЗАМ. НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР О РЕЗУЛЬТАТАХ РАБОТЫ ПО ОЧИСТКЕ Г. СТАЛИНГРАДА

№ 12
г. Сталинград

20 июля 1942 г.
Совершенно секретно

г. Москва, НКВД СССР
т. Берия

Сообщаю итоги работы по очистке города Сталинграда за сутки 19 июля:

Проверено документов	25 733	чел.
Задержано для более тщательной проверки и фильтрации	2238	чел.
направлено в комендатуру города	297	чел.
в военкоматы, на пересыльные пункты и в милицию	178	чел.
в Особый отдел фронта	136	чел.
освобождено после проверки	1579	чел.
в порядке очистки ж.-д. вокзала отправлено по ж.д.	2000	чел.

сдано в особый отдел фронта	19	чел.
передано коменданту города	67	чел.
Всего	2086	чел.
<hr/>		
В порядке очистки пристаней отправлено:		
в сторону Саратова,	1350	чел.
в сторону Астрахани	1205	чел.
на пристань Владимировка	245	чел.
перевезено на левый берег Волги эвакуированных из придонских районов Сталинградской области	2200	чел.
Всего	5500	чел.
<hr/>		
Кроме того, за период несения заградительной службы на подступах к Сталинграду, с 14 по 18 июля включительно, проверено	7003	чел.
задержано для фильтрации	589	чел.
направлено на пересыльный пункт и в органы милиции	39	чел.
в Особый отдел фронта	468	чел.
освобождено	80	чел.
проверено автомашин	5602	

Изято оружия: 164 винтовки, 33 револьвера, 3 пулемёта, 13 автоматов, 428 гранат, 23 800 патронов. Работа по очистке города продолжается и днём и ночью

Заместитель народного комиссара
внутренних дел СССР
комиссар госбезопасности 3-го ранга

Меркулов

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 36. Л. 15–16. Подлинник.

№ 8

ТЕЛЕГРАММА ЗАМ. НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР О ПОЯВЛЕНИИ ПРОТИВНИКА НА ТЕРРИТОРИИ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

№ 15

г. Сталинград

21 июля 1942 г.

Совершенно секретно

г. Москва, НКВД СССР

т. Берия

С вечера 20 июля отдельные части противника появились на территории Серафимовического и Перелазовского районов Сталинградской области. В Серафимовическом районе противником занят хутор Большой, в котором отмечено до 35 мотоциклов и около 100 автомашин с пехотой. [В] Перелазовском районе противником заняты хутора Большая Донщинка и Пронин. Командованию фронтом об этом известно. Серафимовичи находятся от Сталинграда на расстоянии 160 км. Перелаз – на расстоянии 150 км. В Ново-Анненском

и Кумылженском районах, в связи с прибытием в район значительного количества разрозненных групп военнослужащих и отсутствия должной их организации со стороны военного командования, отмечен ряд случаев мародёрства со стороны отдельных бойцов и командиров, которые забирают в колхозах лошадей, скот, хлеб, птицу.

РО НКВД и органами особых отделов приняты меры к розыску мародёров и возвращению по принадлежности забранного ими имущества. Информировано командование. Подробности сообщу дополнительно.

Заместитель народного комиссара
внутренних дел СССР
комиссар госбезопасности 3-го ранга

Меркулов

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 36. Л. 20. Подлинник.

№ 9

ТЕЛЕГРАММА ЗАМ. НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР О БОЛЬНЫХ ПО ФОРМЕ № 30*

№ 16
г. Сталинград

21 июля 1942 г.
Совершенно секретно

г. Москва, НКВД СССР
т. Берия

В состоянии больных формой № 30 наступило резкое ухудшение. Больной Крылов умер, положение Богдановой также тяжёлое. Здоровье изолированных лиц, имевших контакт с больными, пока удовлетворительное, никаких клинических признаков заболевания формой № 30 у них нет. Обнаружен больной, подозрительный на форму № 30, рабочий 1-го участка ОИТКа на Сталгрэссе Оводов. Окончательный результат бактериологического исследования пробы, взятой от этого больного, будет известен завтра – 22 июля. Необходимые меры принимаются.

Заместитель народного комиссара
внутренних дел СССР
комиссар госбезопасности 3-го ранга

Меркулов

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 36. Л. 21. Подлинник.

* Заболевание по форме № 30 – холера.

№ 10

**ТЕЛЕГРАММА ЗАМ. НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
О МЕРАХ ПО БОРЬБЕ С МАРОДЁРСТВОМ**

№ 19
г. Сталинград

22 июля 1942 г.
Совершенно секретно

г. Москва, НКВД СССР
т. Берия

1. По существу телеграммы секретаря Урюпинского райкома партии. Урюпинский район входит в состав Воронежского фронта²⁷ и находится на стыке со Сталинградским фронтом, хотя в административном отношении является районом Сталинградской области. Поэтому мною предложено начальнику охраны тыла Воронежского фронта генерал-майору Панкину²⁸ выслать в Урюпинский район группу бойцов с командиром для наведения порядка и проверки сведений, изложенных в телеграмме секретаря Урюпинского райкома партии.

Одновременно с этим мною предложено начальнику охраны тыла Сталинградского фронта генерал-майору Рогатину²⁹ выбросить в Урюпинский район от 91-го пограничного полка 25 бойцов с командиром для наведения порядка. Вместе с этой группой в Урюпинский район командирован Военный трибунал войск НКВД по охране тыла армии для немедленного суда над мародёрами. Соответствующие указания также даны начальнику РО НКВД Урюпинского района.

2. Ново-Анненский район, в котором также имели место случаи мародёрства, входит в состав Сталинградского фронта, за исключением самого районного центра, который отнесён к Воронежскому фронту. Из состава войск НКВД по охране тыла Сталинградского фронта в Ново-Анненский район послано 15 человек бойцов с командиром для наведения порядка.

3. Кумылженский район находится впереди частей по охране тыла, являясь районом расположения боевых порядков Красной армии. Туда также выслана группа бойцов – 10 человек с командиром. Соответствующие указания даны начальникам РО НКВД и особым отделам частей Красной армии, дислоцированным в Ново-Анненском и Кумылженском районах. О результатах будет доложено дополнительно.

Заместитель народного комиссара
внутренних дел СССР
комиссар госбезопасности 3-го ранга

Меркулов

№ 11

**СООБЩЕНИЕ ЗАМ. НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
О ВВЕДЕНИИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ
В СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

№ 25

г. Сталинград

23 июля 1942 г.

Совершенно секретно

Военный совет Сталинградского фронта

– т. Хрущёву

Обком ВКП(б)

– т. Чуянову³⁰

Военный совет Сталинградского военного округа

– т. Герасименко³¹

В связи с введением военного положения в Сталинградской области органами и войсками НКВД приняты следующие меры по установлению должного порядка в городе:

1. Проводятся облавы и проверка документов у военнослужащих, которые, в зависимости от результатов проверки, или задерживаются, или направляются в организованном порядке на сборные пункты Красной армии, военкоматы и в милицию.

2. Вокруг города организованы заградительные заставы войск НКВД.

3. Организованы очистка ж.-д. и речного вокзалов от скопившихся пассажиров и отправка их из Сталинграда.

В результате этих мероприятий, за период с 18 по 21 июля проверено документов у 115 720 человек, задержано для более тщательной проверки и фильтрации – 28 317 человек, в том числе: направлено в комендатуру города 2202 человек; в райвоенкоматы, на пересыльные пункты и в милицию 731 человек; на сборные пункты Красной армии 12 360 человек; в Особый отдел фронта 1350 человек; освобождено 2801 человек.

Работа по разгрузке речного и ж.-д. вокзалов от скопившихся пассажиров и отправка их за пределы Сталинградской области в основном закончена.

Водным транспортом за этот период вывезено из Сталинграда – 28 259 человек. В порядке разгрузки ж.-д. вокзала вывезено железной дорогой 4411 человек и передано командованию фронта – 870 человек, коменданту города – 242 человека и особому отделу – 39 человек.

За время с 18 по 21-е июля изъято следующее количество оружия: винтовок – 252; револьверов – 53; пулемётов – 7; автоматов – 47; гранат – 462; патронов – 31 478.

Работа по наведению порядка в городе продолжается. Помимо вышеуказанного, приступлено к проведению сплошной проверки

правильности прописки населения в г. Сталинграде, аресту уголовного и подозрительного элемента и выселению лиц, не имеющих права проживать в городе.

Заместитель народного комиссара
внутренних дел СССР
комиссар госбезопасности 3-го ранга

Меркулов

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 36. Л. 31–32. Копия.

№ 12
СПРАВКА КРО УНКВД ПО СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
О ЗАДЕРЖАННЫХ АГЕНТАХ-ПАРАШЮТИСТАХ
НЕМЕЦКОЙ РАЗВЕДКИ

23 июля 1942 г.
Совершенно секретно

Следствием по делу задержанных германских парашютистов – Бондарь и Колокольцева – установлено, что в ночь с 14 на 15 июля 1942 г. с Полтавского аэродрома в направлении Сталинградской области вылетело два самолёта с группой диверсантов и разведчиков (16 чел.). В результате принятых мер задержано 7 диверсантов и 1 разведчик.

1. Глаголько Николай-Степан Моисеевич³², 1919 г.р., уроженец ст. Старо-Леушковской Ново-Леушковского района Краснодарского края, бывш. красноармеец. 2. Рогов Семён Петрович³³, 1920 г.р., уроженец с. Шипунова Сузуньского района Новосибирской области, бывш. красноармеец. 3. Пискунов Андрей Абрамович,³⁴ 1913 г.р., уроженец хут. Крутинского Белокаменского района Ростовской области, бывш. сержант РККА. 4. Бочарников-Гурко Захар Михайлович³⁵, 1921 г.р., уроженец с. Гурвино Новосибирской области, бывш. красноармеец. 5. Фомин Иван Григорьевич³⁶, 1915 г.р., уроженец с. Бобылево Орловской области, бывш. сержант РККА. 6. Назаренко-Фурманов Михаил Яковлевич³⁷, 1915 г.р., уроженец с. Новый Житомир Днепропетровской области, по национальности еврей, бывш. старшина РККА. 7. Пивовар Александр Иванович³⁸, 1912 г.р., уроженец с. Павловки Харьковской области. 8. Юдин Александр Гаврилович³⁹, 1915 г.р., уроженец дер. Ладнозеро Ленинградской области.

Все они окончили германскую разведывательную школу в Полтаве и переброшены со следующими заданиями: Глаголько, Пискунов и Рогов – организовать крушения воинских эшелонов между ст. Фролово–Калинино Сталинградской области. Бочарников, Фомин и Назаренко – для диверсионной работы на железной дороге между станциями

Раковка–Зелёновка. Пивоваров переброшен в форме железнодорожника с заданиями вести диверсионную деятельность также на ж.д. между станциями Поворино–Полянка, Поворино–Косарка.

При задержании у каждого диверсанта изъяты взрывчатые вещества: по две цилиндрических коробки в виде килограммовых банок консервов, по две продолговатых железных коробки наподобие аккумуляторов и радиоприёмников, начинённых толом, по две толовых плитки 200–400 граммовых, необходимое количество к ним бикфордова шнура, капсулей детонатора, зажигалок для запала шнура, электробатарейки с контактами на хомутике для накладки на рельсы и у Пивоварова изъят часовой механизм. Кроме того, каждый из диверсантов был снабжен по 4000 руб. совзнаками и разведчик Юдин двумя тысячами. По показаниям всех арестованных, вместе с ними в ночь с 14 на 15 июля выброшены около Сталинграда диверсанты: Копанице; Вакуленко Александр; Кореньков. В районе Поворино: Бабенко Григорий; Котенко Дмитрий Иванович; Шамаев Николай. Приняты меры их розыска.

Из числа задержанных германских парашютистов:

А) Добровольно явились с повинной:

1. Пискунов Андрей Абрамович, диверсант, сброшен в ночь с 14 на 15 июля 1942 г. во Фроловском районе. 2. Рогов Семен Петрович, диверсант, сброшен в ночь с 14 на 15 июля 1942 г. во Фроловском районе. 3. Глаголько Николай–Степан Алексеевич, диверсант, выброшен вместе с Роговым. 4. Пивоваров Александр Иванович, диверсант, сброшен у ст. Поворино в ночь с 14 на 15 июля 1942 г.

Б) Не явились, были задержаны:

1. Бондарь Захар Михайлович, радист-разведчик, выброшен на территории Городищенского района в ночь с 14 на 15 июля 1942 г. Намечается к использованию с содержанием под стражей. 2. Колокольцев Владимир Михайлович, радист, выброшен вместе с Бондарь. 3. Амалиев Гафура Кинзитович⁴⁰, разведчик, выброшен 19 июля 1942 г. на территории Средне–Ахтубинского района. 4. Бочарников–Гурко Захар Михайлович, диверсант, выброшен в ночь с 14 на 15 июля 1942 г., задержан 17 июля под пос. Михайловка Сталинградской области. 5. Назаренко Михаил Яковлевич, он же Фурманов, диверсант, выброшен вместе с Бочарниковым, задержан 17 июля 1942 г. 6. Юдин Александр Гаврилович, разведчик, выброшен в расположении ст. Поворино в ночь с 14 на 15 июля 1942 г. Вначале не сознавался, дал показание после очных ставок с переброшенными с ним двумя парашютистами – Пивоваровым и Пискуновым. 7. Аверин Николай Герасимович⁴¹, разведчик, выброшен 19 июля 1942 г., после приземления в осуществление заданий германской разведки установил связь с другим разведчиком, задержан 23 июля 1942 г. 8. Фомин Иван Григорьевич, диверсант, выброшен

в Михайловском районе в ночь с 14 на 15 июля. Обстоятельства его задержания выясняются. 8 человек на свободе.

Начальник КРО УНКВД по Сталобласти
капитан госбезопасности

Литман⁴²

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 36. Л. 129–132. Подлинник.

Помета на документе: «Послано сообщение т. Берия 23/VII».

№ 13

ТЕЛЕГРАММА ЗАМ. НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР О ПОДГОТОВКЕ ОПЕРАЦИИ ПО АРЕСТАМ И ВЫСЕЛЕНИЮ СОМНИТЕЛЬНОГО И ЧУЖДОГО ЭЛЕМЕНТА И ЗАДЕРЖАНИИ НЕМЕЦКИХ АГЕНТОВ

№ 27

г. Сталинград

23 июля 1942 г.

Совершенно секретно

г. Москва, НКВД СССР
т. Берия

1. УНКВД Сталинградской области подготовлена операция по арестам, выселению и удалению из Сталинграда подозрительного, сомнительного и чуждого элемента. Намечено к аресту 221 человек, к выселению в принудительном порядке – 402 человека, удалению из города – 3318 человек, в том числе польских граждан, бессарабцев и лиц без гражданства – 2700 человек. К проведению операции приступаем.

2. Помимо задержанных парашютистов-диверсантов, о которых мною ранее сообщалось (Глаголенко, Фролов, Пискунов и другие), дополнительно задержаны, выброшенные из того же самолёта, парашютисты-диверсанты: 1. Пивовар Александр Иванович, 1912 г.р., уроженец Харьковской области; 2. Юдин Александр Гаврилович, 1915 г.р., уроженец Ленинградской области. Оба окончили германскую разведывательную школу в Полтаве и имели задание вести диверсионную деятельность на железной дороге между станциями Поворино–Полянка, Поворино–Косарка. У диверсантов изъяты взрывчатые вещества, радиоприёмник, бикфордов шнур и советские деньги.

3. В ночь на 19 июля в Средне-Ахтубинском районе задержан германский парашютист Амалиев Гафур Кинзитович, 1900 г.р., татарин, уроженец Башкирской республики, бывш. член ВКП(б), бывш. майор Красной армии, помощник командира 104-го полка 52-й дивизии. Амалиев попал в плен к немцам в сентябре 1941 г. под г. Лубны, был за-

вербован германской разведкой и в мае месяце направлен под Варшаву на курсы разведчиков, которые окончил 1 июля. Амалиев 19 июля был направлен с Полтавского аэродрома на самолёте в Сталинград с заданием связаться с германским агентом-радиостом (агент УНКВД под кличкой «Яковлев»). При задержании у него изъяты 14 500 руб., батареи для радиостанции и фиктивные документы, которые предназначались для указанного радиста.

4. В ночь с 22 на 23 июля вражеской авиацией был совершен налёт на г. Сталинград. Несколькими самолётами сброшено 33 фугасных бомбы, из них 4 – на территории Сталинградского тракторного завода. Завод не повреждён. По городу разрушено 7 и частично повреждено 11 домов. Убито 18 человек, ранено 141, из них тяжело – 89.

Заместитель народного комиссара
внутренних дел СССР
комиссар госбезопасности 3-го ранга

Меркулов

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 36. Л. 35–36. Подлинник.

№ 14

СПРАВКА КРО УНКВД ПО СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ О ЗАДЕРЖАНИИ АГЕНТА ГЕРМАНСКОЙ РАЗВЕДКИ «АВАЛИНА»

*24 июля 1942 г.
Совершенно секретно*

23 июля с.г. в г. Сталинграде нами задержан агент германской разведки, прибывший на связь к нашему агенту-радиосту «Матвееву» – Аверин Николай Герасимович, кличка «Авалин», 1906 г.р., уроженец дер. Волчанка Чапаевского района Куйбышевской области. До призыва в РККА 15 августа работал комендантом спецпосёлка НКВД Дивинской райкомендатуры Орджоникидзевого края. В сентябре 1941 г. попал к немцам в плен и содержался в Новоград-Волынский лагерь военнопленных командиров РККА. Окончил Варшавскую школу разведчиков (мест. Сулеюв). В ночь с 19 на 20 июня был сброшен на парашюте с немецкого самолёта в районе с. Западное, Средне-Ахтубинского района Сталинградской области. После задержания «Авалина» выездом в район его приземления было обнаружено: револьвер системы «Наган» с 14 боевыми патронами, два комплекта батарей, привезённых им для радиостанции «Матвеева», 10 тыс. руб. денег советскими знаками и фиктивные воинские и гражданские документы. «Авалин» прибыл в Сталинград в 13 час. 22 июля и в 20 час. связался с «Матвеевым»

у него на квартире. В этот же день он передал «Матвееву» 8000 руб. денег, присланных германской разведкой. В частной беседе с «Матвеевым» «Авалин» сообщил ему, что он с 1929 по 1930 г., проживая у себя на родине, являлся агентом германской разведки. «Авалин» показал, что после вручения «Матвееву» питания для радиостанции и денег он имел задание выехать в Краснодар, чтобы собрать там сведения о наличии и расположении воинских частей и оборонительных рубежах и возвратиться в г. Сталинград для совместной работы с «Матвеевым».

Начальник КРО УНКВД Сталобласти
капитан госбезопасности

Литман

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 36. Л. 133–134. Подлинник.

№ 15

СПРАВКА КРО УНКВД ПО СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ О ЗАДЕРЖАНИИ АГЕНТА ГЕРМАНСКОЙ РАЗВЕДКИ «АРАБОВА»

25 июля 1942 г.

Совершенно секретно

24 июля 1942 г. на ст. Гумрак задержан агент германской разведки «Арабов» прибывший на связь к германскому радиоразведчику «Онегину» (наш агент «Михайлов»). «Арабов» назвал себя Аргатом Василием Васильевичем⁴³, 1909 г.р., уроженцем с. Сердюковка Смелянского района Киевской области; беспартийный, мл. лейтенант, командир 2-й роты 401-го отдельного строительного батальона. В ноябре 1941 г. попал к немцам в плен и содержался в лагере Владимир-Вольнск, где был завербован германской разведкой. Окончил Варшавскую школу разведчиков (мест. Сулеюв) и в ночь с 19 на 20 июля сброшен на парашюте с немецкого самолёта в районе хут. Шляховского Логовского района. «Арабов» 24 июля прибыл на ст. Гумрак, где связался с «Михайловым» и передал ему 8000 руб. совзнаками. При задержании у него изъяты револьвер системы «Наган» и 8000 руб. По показаниям «Арабова», он привёз питание для радиостанции «Михайлову», которое оставил у одного колхозника хут. Шляховского, фамилию его не назвал, парашют закопал в землю на месте приземления. 25 июля выезжаем на место для изъятия вещественных доказательств.

Начальник КРО УНКВД Сталобласти
капитан госбезопасности

Литман

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 36. Л. 135. Подлинник.

№ 16

**ОПЕРАТИВНО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА № 2 УНКВД
ПО СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ О ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВНИКА
И ПОЛОЖЕНИИ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ**

№ 85010

г. Сталинград

*28 июля 1942 г.**Совершенно секретно
По состоянию на 16 час.*

Заместителю наркома внутренних дел СССР
комиссару госбезопасности 3-го ранга
т. Меркулову

Резидент «Охотник», перешедший в расположение Клетского района линию фронта 23 июля, сообщил, что станица Клетская войсками противника после упорных боёв была занята к вечеру 22 июля. Численность вражеских войск, вступивших в станицу, составляла приблизительно две тысячи человек, вооружённых автоматами, винтовками, минометами, артиллерией и танками.

Из двух тысяч местных жителей в райцентре осталось до 500 человек, в подавляющем большинстве женщин с детьми, отказавшихся от эвакуации. В боях за станицу Клетскую из мирного населения убито 120–150 человек. Вражеские войска, сразу же после оккупации Клетской, занялись грабежом колхозников, начали отбирать индивидуальный скот, птицу, хлеб и другие продукты. Оставшееся в тылу врага население в основном состоит из враждебно настроенных к соввласти лиц (родственники кулаков, репрессированных белогвардейцев и т.д.), ожидавших прихода войск противника. По данным резидента «Охотник», из этой среды активное содействие немцам в грабеже оказывала колхозница Харитонова, 32–35 лет – дочь репрессированного кулака. Наряду с беспартийными колхозниками, отмечен ряд фактов отказа от эвакуации со стороны коммунистов и комсомольцев. В Клетской, в тылу врага, остались кандидаты в члены ВКП(б) Атланова Елена – госсанинспектор, Королёв – агент Нархозучета и комсомолка – бывш. секретарь райотделения НКВД Агеева Ксения^{44*}, уволенная из органов НКВД в конце 1941 г. в связи с арестом её отца за антисоветскую деятельность. Начальником Клетского райотделения НКВД до эвакуации из райцентра агентурным путём установлено, что в ряде других хуторов района с приближением фронта значительно активизировали свою вражескую работу бывшие белогвардейцы, призывавшие колхозников

к отказу от эвакуации. Так, жители хут. Караженского бывш. белогвардейцы Романов и Евстратов (старики по 60–65 лет, в РККА имеют по 2–3 сына), открыто призывали колхозников оставаться в тылу врага. Они заявили: «Нас, казаков, немцы не тронут, если мы встречать будем их с хлебом и солью».

Аналогичную вражескую деятельность проводил в хут. Кременском Елатанцев Михаил, старик 72 лет, бывш. белогвардеец. Он активизировал также религиозную пропаганду. Большинство колхозников в результате его влияния занялись кустарным изготовлением крестов из жести и понадели их на себя и детей.

За истекшие двое суток, 26–27 июля, по данным Особого отдела НКВД Сталинградского корпусного района ПВО⁴⁵, авиация противника производила непрерывные одиночные и групповые налёты на отдельные районы области, ж.-д. станции и другие объекты. В течение 26 июля противник вел разведку и бомбометание в районах станиц Михайловской, Фролово, Зимовники, Котельниково. Подверг бомбардировке райцентры Калачевского, Нижне-Чирского районов и ж.-д. станцию Суровикино. С 9.27 до 19.16 семью группами до 14 бомбардировщиков в сопровождении нескольких истребителей производил бомбометание г. Калач и переправ через Дон. Сброшено до 700 фугасных авиабомб от 50 до 100 кг. Убито 3 военнослужащих. Всего за 26 июля с.г. зафиксировано 332 самолета противника типа «Ме-109», «Ме-110», «Ю-87», «Ю-88», «Хе-111», «Хе-123», «ФВ-189», «ФВ-198» и «До-215». В результате этих налётов, по данным ОТО НКВД Юго-Восточной ж.д., в 23.00 между ст. Котельниково и разъездом Мелиоративный вражеским самолётом сброшены на ж.-д. полотно пять фугасных авиабомб. Ущерб и жертв нет. В 9.00 на ст. Чир разрушена ж.-д. станция, здание депо, контора участка пути. Сожжено 23 вагона, повреждены станционные пути, имеются жертвы.

В 17.00 и 19.00 вражеские самолёты дважды произвели налёт на ст. Кривая Музга. Повреждены ж.-д. пути, связь и выведено из строя несколько вагонов. Убито 10 человек. В 19.10 на поезд № 1054 на участке Ляпичево–Кумовка самолётами противника сброшены 11 бомб, из них 6 бомб не взорвались. Незначительно повреждён подвижной состав и связь, ранен 1 человек. 27 июля с 6.30 по 18.00 продолжался интенсивный налет вражеских бомбардировщиков на ст. Качалино. Разрушены: здание паровозного депо, больница, дом кондукторских бригад, все станционные пути, разбит воинский эшелон, имеются жертвы. В тот же день налётом авиации противника от 5 до 9 самолётов на ст. Рычков, Чир, Кривая Музга, Панышино и Котлубань разрушены 16 пролётов связи, ряд участков ж.-д. пути и станционных зданий. Имеются жертвы. В 8.00 28 июля ст. Котельниково подверглась усиленной бомбарди-

ровке. Разрушено и горит депо, на станционных путях горят цистерны с горючим, разбит пожарный поезд, что затрудняет борьбу с пожаром на станции. Имеются жертвы, количество выясняется.

В дополнение к данным, помещённым в оперативно-разведывательной сводке № 1, посылкой оперработника во Фроловский район установлено, что в результате бомбардировки авиацией противника г. Фролово и ст. Арчеда, происходившей непрерывно с 10.00 23 июля по 26 июля, уничтожено и разрушено 220 жилых домов и служебных зданий, в том числе: мельница «Главмука», кожевенный завод, здания банка, райсовета, НКВД, магазины, сыпные пункты и другие учреждения. Разрушены все станционные здания, разбито 30 вагонов с хлебом, 12 вагонов с лошадьми, 10 вагонов с цементом, бензиновая цистерна, 5 паровозов, 7 воинских вагонов с продовольствием. Повреждены все станционные пути и связь. Разрушенные учреждения и предприятия в течение трех суток оставались без охраны. Весь штат их и большинство населения оставили г. Фролово и ушли в сёла. По предварительным данным, убито свыше 150 человек.

Наряду с крупными разрушениями на коммуникациях железных дорог и в ряде райцентров области вражеская авиация значительно активизировала налёты на Волгу. С 23.00 25 июля по 23.00 27 июля систематическими налётами самолётов и сбрасыванием мин подходы к Сталинграду с низовьев и верховьев Волги от пристани Никольская до пристани Добринка – минированы. В этой зоне (400 км) сброшено свыше 50 мин. Приняты меры к разминированию поражённой зоны тральщиками и катерами. В результате бомбометания в ночь с 26 на 27 июля в Быковых хуторах, в 130 км выше Сталинграда, сгорел пассажирский пароход Камской линии «Александр Невский». Пароход в сильно повреждённом состоянии выбросился на отмель, погибло 15 человек команды. Помощь потерпевшим оказана из Камышина. В 23.00 около Камышина от попадания бомбы затонул буксирный пароход Волготанкера «Союзный ЦИК», погибли трое детей и 8 человек получили ожоги. В районе Быково от попадания авиабомб горят баржи «Кама» с грузом – керосин тракторный 11 тыс. т, «Веста» с грузом масла – 3100 т и затонула баржа «Таловка» с грузом масла 3189 т.

В районе Владимировка, 150 км ниже Сталинграда, в 22.00 авиабомбой пробит корпус буксирного парохода «Пеликан», пароход в повреждённом состоянии выбросился на берег, находящиеся на его буксире баржи №№ 1360 и 1351 с воинским грузом взорвались и затонули. Погибли 12 человек команды. В те же часы на подходе к Владимировке сгорел и затонул буксирный пароход «Гастелло», погибли 7 человек команды, ранены 12 человек. В Солонниковом Яру, 80 км ниже Сталинграда, в 23.00 от взрыва авиабомбы затонул пароход «Аджаристан» Волготанкера. Погибли 20 человек команды. Следовавшие на букси-

ре парохода нефтебаржи «Тавда» и «Арагва» имеют повреждение рулевого управления и грузовых трюмов. В Каменном Яру, 110 км ниже Сталинграда, сгорела и затонула баржа № 1312 с грузом соли 1116 т, следовавшая за пароходом «Чусов», команда баржи погибла. Пароход поврежденных не имеет.

В ночь с 26 на 27 июля также подверглись бомбардировке и обстрелу из пулемётов пассажирские пароходы «Борис Шукин», «Красный Профинтерн», «Колхозник» и «Марксистка». Убит капитан парохода «Борис Шукин», имеются раненые. Поврежденных пароходы не имеют. 27 июля в 22.30 вражеской авиацией подвергнут бомбёжке нефтекараван около Дубовки, в 40 км выше Сталинграда. Буксирный пароход остался невредим. Баржи: «Обь» – керосин тракторный 9725 т и «Рутка» – мазут – 3573 т – загорелись. Принятыми мерами пожар на барже «Рутка» локализован, производится тушение баржи «Обь». 27 июля в 23.00 на Владимировском рейде с вражеских самолётов сброшено 7 авиабомб, от попадания бомбы затонула баржа № 1349 с солью 1800 т. Жертв нет. 28 июля в 1.15 в 9 км ниже Быково были сброшены бомбы на нефтекараван. На одной из барж возник пожар. На место взрыва для организации работ по локализации пожара выслан оперработник. 28 июля в 16 час., в районе Ерзовки, 30 км выше Сталинграда, наскочил на мину нефтеналивной пароход «Бурят», ёмкостью 800 т. Оторвало носовую часть парохода, убиты 5 человек команды и несколько человек ранены. Сохранившаяся часть парохода отведена в Шадринский затон.

Во время наиболее интенсивного налёта вражеской авиации в ночь с 26 на 27 июля, по полученным нами данным от начальников Красноармейского, Пролейского и Быковского райотделений НКВД, в расположении с. Райгород и Ушаковка Красноармейского района, Луго-Водяного–Пролейки Пролейского района и хут. Быково из леса на побережье Волги были выпущены ракеты по направлению на р. Волгу. После появления ракет началась бомбёжка. Руководством этих районов приняты меры к прочёсыванию лесов и оцеплению мест появления сигнализации.

Зам[еститель] начальника УНКВД
по Сталинградской области
капитан госбезопасности

Прошин

Начальник 4-го отдела УНКВД
лейтенант госбезопасности

Будников⁴⁶

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 33. Л. 63–70. Подлинник.

* Помета В.Н. Меркулова на документе в отношении Агеевой: «Надо было своевременно её эвакуировать».

№ 17

**ОПЕРАТИВНО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА № 3
УНКВД ПО СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ОБ ОБСТАНОВКЕ
НА ФРОНТЕ И ВРАЖЕСКИХ АВИАНАЛЁТАХ**

№ 85014

г. Сталинград

30 июля 1942 г.

*Совершенно секретно
По состоянию на 19 час.*

Заместителю наркома внутренних дел СССР
комиссару госбезопасности 3-го ранга
т. Меркулову

По полученным нами данным от начальника Ворошиловского РО НКВД, в течение суток 28 июля происходили ожесточённые бои между частями Красной армии и войсками противника на правом берегу р. Дона, в районах Нижнего Чира и Калача. В Верхне-Курмоярском районе хут. Авинов и Киреевский заняты противником. В боях под хут. Киреевским уничтожено до 600 немцев, потери Красной армии незначительны. В течение дня 29 июля происходили упорные бои за хут. Чапурин, Балабановский и Старо-Нагаевский того же района.

29 июля станица Нижне-Чирская и ст. Чир заняты немцами. Нашим войскам в некоторых местах удалось потеснить части противника на 20 км. Регулярные войска Красной армии занимают линию обороны на участках хут. Саломовском, Средне-Саловском и Липовском Нижне-Чирского района. По данным Особого отдела НКВД Сталинградского корпусного района ПВО, в ночь на 29 июля с.г. противник одиночными самолётами и группами на высоте 200-600 м вёл разведку с бомбометанием ж.-д. участков Зимовники-Котельниково, Иловля-Котлубань, р. Дон и районов Калачевский и Нижне-Чирский.

С 11.58 до 20.30 28 июля несколькими группами в 6-10 бомбардировщиков, в сопровождении истребителей «Ме-109», с пикирования, противник произвел бомбометание колонн наших войск и переправ через Дон в районе Калач. Связь с г. Калач нарушена. Результаты бомбометания выявляются. За сутки того же числа, по неполным данным, отмечено до 250 самолётов противника типа «Хе-111», «Ю-88», «Ю-87», «Ме-110», «До-215» и «До-17». С 21.08 28 июля до 02.30 29 июля самолеты противника пытались произвести налёт на г. Сталинград. Через заградительный огонь зенитной артиллерии прорвались два самолёта, сбросившие 15 фугасных авиабомб от 100 до 500 кг в разных районах

города. Остальные вражеские самолёты сбросили свыше 150 авиабомб на подступах к городу.

В районе завода № 264 разорвавшейся 500 кг авиабомбой убито 3 и ранено 37 человек, из пострадавших 11 человек госпитализированы, остальные после оказания им первой помощи, направлены домой. На территории завода № 91 разрушен угольный склад, убит 1 рабочий и ранено 2 красноармейца. На аэродроме разорвавшейся фугасной авиабомбой у землянки лётчиков убито 3 и ранено 4 человека.

По данным ОТО НКВД Юго-Восточной железной дороги и начальника Котельниковского РО УНКВД, 29 июля с.г. с 2.00 и в течение всей ночи, ж.-д. ст. Котельниково и райцентр Котельниковского района были подвергнуты интенсивной бомбардировке. Противник предпринял эшелонированный 12-кратный налёт группами от 9 до 25 бомбардировщиков. Разрушены: ж.-д. станция, жилые дома, пакгаузы, электростанция, водонапорная башня, депо, все станционные и тракционные пути. Находившиеся на ж.-д. путях эшелоны с разными грузами и отдельные поезда, с количеством около 300 вагонов, уничтожены. Связь, все средства экипировки паровозов, водоснабжение, склад угля, нефтехранилище разрушены и горят.

В райцентре Котельниково возникло несколько очагов пожара. На станции и посёлке имеется большое количество жертв. Работники руководящих Котельниковских районных организаций: райкома ВКП(б), райисполкома, райвоенкомата и других, в панике наряду с населением ночью оставили посёлок и ст. Котельниково и выехали в окрестные сёла райцентра. В 2.00 и 9.00 29 июля авиация противника группами в 5-6 самолётов вновь бомбила ст. Котлубань, Паньшино, Кривая Музга и разъезд 687. Особых повреждений нет. По сообщению начальника Дубовского РО УНКВД, в 1.30 того же дня, на г. Дубовка и дебаркадер пристани Дубовка сброшено 12 фугасных авиабомб. Разорвавшейся авиабомбой, в расположении воинского подразделения, убито 20 и ранено 20 красноармейцев. Разрушено 4 жилых дома и склад Заготзерно.

По данным Особого отдела НКВД Сталинградского Корпусного района ПВО, Астраханского окротдела НКВД и Водного отделения НКВД, в зоне р. Волги, в ночь на 29 июля вражеская авиация одиночками и группами по 2–3 самолёта вновь производила активную разведку с бомбометанием и минированием р. Волга на участках Камышин, Антиповка, Горно-Водяное, Дубовка, Владимировка, Красноармейск, Енотаевка и в районе г. Астрахань. На угрожаемых участках, подходы к пристаням закрыты. Приняты меры вывоза тральщиков. В Астраханском округе в районе с. Замьяны обстрелян и подвержен бомбёжке нефтекараван. Попавшая авиабомба на нефтебаржу, не взорвалась.

В районе Стрелецкая–Дурное было сброшено три мины. Там же шедшее госпитальное судно «Тургенев» подвержено обстрелу из пулемё-

та и бомбёжке, бомбы разорвались вблизи судна. Пароход выбросился на берег. Жертв нет. В районе Подкачная попаданием бомб разбиты две баржи – порожняк, которые затонули. В Верхнем Баскунчаке сброшено несколько фугасных авиабомб. Разрушений и жертв нет. В с. Капановка самолётом противника обстрелян дебаркадер. Жертв нет.

29 июля в 1.00 бомбардировщик с пикирования обстрелял из пулёмёта г. Камышин и сбросил 5 фугасных авиабомб. Прямым попаданием бомб пробит корпус самоходной баржи «Черкессия», стоявшей под выгрузкой цемента. Судно дало течь, принятыми мерами откачки воды угроза затопления предотвращена. Осколками бомб убито 3 человека и ранено 2 человека. С 1.00 до 2.00 в районе Камышина от бомбометания затоплены баржа № 705, гружёная лесом, и № 0140 – рыбой – 200 т. В те же часы в районе Енотаевки, в 150 км выше г. Астрахани, затоплена баржа № 732 с шерстью – экспорт. Приняты меры к спасению груза.

Зам. начальника УНКВД
по Сталинградской области
капитан госбезопасности

Прошин

Начальник 4-го отдела УНКВД
лейтенант госбезопасности

Будников

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 33. Л. 71–76. Подлинник.

№ 18

СООБЩЕНИЕ УНКВД ПО СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ОБ АВИАНАЛЁТАХ ПРОТИВНИКА

29 июля 1942 г.

Совершенно секретно

г. Москва, НКВД СССР
т. Берия

Начиная со второй половины июля, ж.-д. пути от Поворино до Сталинграда и от Сталинграда до Котельниково, а также район Волги от Камышина до Сталинграда и южнее Сталинграда, подвергаются систематическим налётам и разрушениям вражеской авиации. Так, ст. Зимовники бомбили 17 июля 14 самолётов противника. Уничтожены нефтесклад, связь, водоснабжение и станционные пути. Ст. Котельниково подвергалась бомбардировке 17 июля 21 самолётом и 21 июля 4-мя самолётами противника. Имеются значительные разрушения станции. 28 июля станция подвергалась дважды бомбёжке 16 самолетов. Разрушено депо, вагонный участок, два пути, связь, ж.-д. здание. Имеются жертвы.

Ст. Арчеда подверглась бомбардировке дважды: 22 июля, 23 июля – один раз и 24 июля – дважды. Произведены большие разрушения. На ст. Себряково в результате бомбардировки 23 июля сгорел один состав с горючим и один состав боеприпасов. На ст. Чир 26 июля вражеской авиацией уничтожено депо ж.-д. станции и 24 вагона. 27 июля разрушено станционное здание, разбита связь. Ст. Кривая Музга подвергалась бомбардировке 26 июля и дважды – 27 июля. Была повреждена связь. Ст. Качалино подвергалась 27 июля 8 раз бомбардировке. Общее число самолётов, сбивших станцию, достигло 55. Разрушены – станционное здание, паровозное депо, станционные пути, связь, подвижной состав и паровозы. Ст. Иловля подвергалась бомбардировке 24 самолётами 22 июля. Ст. Донская и Карповская 25 июля подверглись трижды налётам вражеской авиации.

Аналогичное положение имеет место и на водном транспорте. За последние дни вражеская авиация в районе до 200 км севернее Сталинграда и южнее города бомбит суда и минирует Волгу, вследствие чего наскочил на мины и затонул ряд судов и барж. Характерной особенностью бомбардировок в районе Волги является то, что налёты проходят безнаказанно, регулярно с 22 час. до 1 час. с высоты до 100 м.

25 июля сброшено 5 бомб на нефтесклад у пристани Водяное и обстрелян буксирный пароход «Академик Губкин». У пристани Пролейка загорелась от бомбёжки баржа, гружёная маслом. Баржа, гружёная лигроином, тоннажем в 1235 т, взорвалась и затонула. На пристани Разино, Луговая Пролейка 25 июля сброшены мины. 26 июля от действия вражеской авиации загорелся и затонул буксирный пароход Волготанкера «Союзный ЦИК». В районе Дубовки и Пролейки от попадания бомб взорвалась баржа, гружёная лигроином в 1900 т, затонула деревянная баржа № 696, гружёная овсом. В районе пристани Быковы хутора от бомбёжки загорелся пассажирский пароход «Александр Невский» и загорелись баржи «Кама» в 11 000 т, гружёная керосином, баржа «Веста» в 3100 т, гружёная маслом. Баржа «Таловка» в 3189 т с грузом масла затонула. Подверглись бомбардировке и обстрелу из пулемётов в районе пристани Каменный Яр пассажирские пароходы «Борис Щукин», «Красный Профинтерн», «Колхозник», «Марксистка». Есть убитые и раненые.

Несмотря на систематические бомбёжки ж.-д. линий и районов Волги, зенитная артиллерия отсутствует, авиационное прикрытие не практикуется. Не было ни одного случая, чтобы во время налётов вражеской авиации на тот или иной объект навстречу вылетала и принимала бой наша истребительная авиация. На водном транспорте только 28 июля начали практиковать установку на пароходы и баржи зенитной артиллерии и пулемётов. Достаточных мер к очищению районов Волги от вражеских мин не принимается.

Подобное положение грозит парализацией всего движения и срыву важнейших оборонных перевозок. Сообщая о вышеизложенном, прошу Вашего вмешательства.

Зам. начальника УНКВД по
Сталинградской области
капитан госбезопасности

Прошин

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 36. Л. 65–67. Копия.

№ 19

СООБЩЕНИЕ УНКВД ПО СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ОБ АВИАНАЛЁТАХ ПРОТИВНИКА

30 июля 1942 г.

г. Грозный, НКВД для т. Меркулова

В ночь на 29 июля Сталинград и ряд районов и ж.-д. участков области вновь подверглись активному нападению вражеской авиации, по не полным данным, отмечено до 250 самолётов противника. Причинён значительный ущерб ж.-д. и волжским коммуникациям.

[Ст.] Котельниково Ворошиловской дороги подвергалась бомбардировке 19 раз, уничтожены: пакгаузы, свыше 200 вагонов, разрушены все станционные пути, электростанция, служебные и жилые здания, все средства экипировки паровозов, водокачка, водопроводная и водонапорная линия, нефтекачка. Имеются значительные жертвы.

[Из-за] отсутствия связи полными данными не располагаем. Ст. Донская – разрушены выходы станции, 2 станционных пути, служебные здания, 2 пакгауза, электростанция, связь, паровоз, повреждён главный путь. Ст. Кривая Музга, Панышино и Котлубань – повреждены станционные пути и связь. Подвергалась бомбардировке линия Арчединского отделения Ю[го]-В[осточной] ж.д. [Из-за] отсутствия связи сведений о последствиях бомбёжки не имеем. Систематическими разрушениями Арчединское отделение полностью парализовано.

Осевший подвижной состав Сталинграда и других пунктов не возитесь. В зоне Волги вражеская авиация одиночками и группами производила активную разведку с бомбометанием и минированием на основных пристанских участках от Камышина до Астрахани.

Подходы [к] пристаням Камышина, Дубовка, Владимировка и другим закрыты. Приняты меры очистки пути от мин. [У] пристани Камышин пробит корпус самоходной баржи «Черкессия», гружёной цементом. Принятыми мерами угроза затопления судна предотвращена.

В районе Камышина затоплены две баржи, одна – гружёная лесом, вторая – рыбой. В районе Енотаевки затоплена баржа с шерстью – экспорт. Дубовка – разрушен склад «Заготзерно», 4 жилых дома. Убито 20 и ранено 20 красноармейцев.

[В] Сталинграде разрушения незначительны. Промышленные объекты не пострадали, убито 7, ранено 43 человека.

Зам. начальника УНКВД по
Сталинградской области
капитан госбезопасности

Прошин

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 33. Л. 88–89. Подлинник.

Помета на документе: «Передано по «ВЧ».

№ 20

СООБЩЕНИЕ УНКВД ПО СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ О ВЫЯВЛЕНИИ СЛУЧАЕВ ЗАБОЛЕВАНИЯ ПО ФОРМЕ № 30

*1 августа 1942 г.
Совершенно секретно*

Из г. Сталинграда
г. Грозный, т. Меркулову

На 30 июля госпитализировано подозрительных на форму № 30 по городу 3 человека, по ИТК – 6 человек – все с 5-го участка.

30 июля умерло с симптомами формы № 30, но без бактериологического подтверждения 5 человек заключённых ИТК 1-го и 5-го участков. Дополнительно получено бактериологическое подтверждение формы № 30 на 13 человек, заключённых ИТК, из них по 1-му участку – 2 человека и по 5 участку – 11 человек. Все эти лица госпитализированы. Состояние здоровья 233 человек, контактировавших с заболевшими и подозрительными по городу, удовлетворительное.

30 июля окончился срок карантина 20 человек, контактировавших с Музеевой. После вторичного исследования их на бациллоносительство, они из госпиталя будут выписаны и очаг Музеевой закроется.

31 июля в связи с тем, что в течение восьми суток ни одного случая заболевания, подозрительного по форме № 30, по 2-му и 7-му участкам ИТК не было, карантин с этих участков снимается. На 30 июля по го-

роду профагировано 644 человека, провакцинировано по первому разу 16 837 человек, по второму разу – 15 945 человек и по третьему разу – 15 724 человека.

Зам. нач[альника] УНКВД
по Сталинградской области
капитан госбезопасности

Прошин

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 33. Л. 90. Подлинник.

Помета на документе: «Передано по «ВЧ в 5.30».

№ 21

ОПЕРАТИВНО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА № 4 УНКВД ПО СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ОБ ОБСТАНОВКЕ НА ФРОНТЕ И ВРАЖЕСКИХ АВИАНАЛЁТАХ, ПО СОСТОЯНИЮ НА 30 ИЮЛЯ 1942 Г.

№ 85018
г. Сталинград

*1 августа 1942 г.
Совершенно секретно*

Зам.народного комиссара внутренних дел СССР
комиссару госбезопасности 3-го ранга
т. Меркулову

По сообщению начальника Нижне-Чирского РО НКВД, занятые немцами в Нижне-Чирском районе Нижне-Чирская, Верхне-Чирская, ст. Чир, хут. Рычков, Старая Максимовка освобождены Красной армией от войск противника 27 июля. Бои происходят в 6–7 км от ст. Чир. Другие придонские хутора – Подгорский, Культинский, Кустовский, Б.-Мельничковский, Быстрянский, Дом отдыха и Суворовская – продолжают оставаться в руках немцев.

По данным Чернышковского РО НКВД, в период занятия немецкими войсками Чернышковского района вражеская авиация в количестве двенадцати двухмоторных бомбардировщиков с советскими опознавательными знаками произвела налёт на пос. Чернышки. Сделав разведку, самолёты сбросили 25–30 фугасных авиабомб, а затем обстреляли посёлок из пулемётов и мелкокалиберных пушек. К концу дня и ночи эти налёты повторились 8 раз.

Агент Чернышковского РО НКВД «Кобзев», посланный со специальным заданием в тыл противника и возвратившийся 21 июля через

линию фронта, сообщил, что силы немцев мелкими группами заняли линию обороны в шести км от Морозовской в сторону хут. Чернышки и незначительные его резервы, главным образом, мотомехчасти, были сосредоточены на окраинах Морозовской. Полученные от «Кобзева» разведанные своевременно были переданы райотделением НКВД командованию частей Красной армии Чернышковского участка фронта.

Опросом перешедших линию фронта жителей ст. Морозовской выявлено, что сразу после занятия ст. Морозовской немецким командованием были расставлены патрули, которые начали задерживать и сгонять в комендатуру всю оставшуюся в Морозовской молодежь 1923–24–25 г.р. Всех задержанных по одному человеку пропускали через коменданта-немца, владеющего русским языком. Комендант допрашивал всех задержанных о принадлежности к ВКП(б) и причастности к партизанам, затем, отобрав группу человек в 200 молодежи (обоего пола), пешим порядком направил в Миллерово якобы на работу.

Прибывший в г. Сталинград начальник Чернышевского райотделения НКВД Ростовской области т. Зинченко, на основе данных войсковой разведки и опроса перешедших линию фронта граждан, сообщил, что в первые дни занятия территории ст. Боковской немцы репрессий к гражданскому населению не применяли, за исключением того, что на оставшегося в Боковской нарсудью наложили домашний арест.

С самого начала немецкие войска занялись мародёрством, били домашнюю птицу, свиней, рогатый скот. При встрече с нач[альником] РО НКВД т. Зинченко во время эвакуации нач[альник] Боковского РО НКВД т. Григорьев сообщил ему, что все агентурные, следственные дела, учётная и другая совершенно секретная документация Боковского РО эвакуированы не были и попали в руки немцев.

21 июля в 5.00 нач[альник] Чернышковского райотдела НКВД т. Плужников⁴⁷, нач[альник] РОМ т. Варламов и уполномоченный обкома ВКП(б) т. Фролов выехали на место вынужденной посадки нашего самолёта. По пути к одному из хуторов их автомашина с дистанции 100–150 м была обстреляна из пулемёта замаскированной в кустах вражеской автомашиной. При первом залпе были убиты шофер Вакалов и нач[альник] РОМ Варламов. Нач[альник] РО НКВД Плужников, выбежав из автомашины, в 30–50 м также был убит. Уполномоченный обкома ВКП(б) т. Фролов, обороняясь, вышел из-под обстрела и возвратился в хут. Чернышково.

По сообщению оперуполномоченного Чернышковского РО НКВД Уланова⁴⁸, в полевой сумке т. Плужникова находились списки агентуры (один без заголовка с указанием фамилий и второй только с указанием кличек) и подучётного элемента, печать, штамп РО НКВД и его личные документы. В автомашине были три винтовки «Маузер», два пистолета «ТТ», два нагана и 7 гранат.

Выехавший в то же время на место вынужденной посадки самолёта на другой автомашине секретарь Чернышковского райкома ВКП(б) т. Дмитриев с радистом Васильевым в хут. Ярском попали в окружение немцев и, по всем данным, попали в плен. У секретаря Чернышковского райкома ВКП(б) т. Дмитриева при себе находилось решение закрытого бюро РК ВКП(б) об укомплектовании партизанского отряда, его личные документы и оружие.

По оперативно-разведывательным сведениям Особого отдела НКВД Сталинградского корпусного района ПВО и транспортных органов НКВД, в ночь на 30 июля противник производил разведку с бомбометанием на высоте 200–600 м одиночными и группами самолётов ж.-д. участков: Зимовники–Котельниково, Калач–Басаргино (25 км западнее г. Сталинграда), Иловлинская–Котлубань, Верхний Баскунчак–Владимировка. Группами бомбардировщиков в сопровождении истребителей производились налёты и бомбёжка переправ через р. Дон и колонн наших войск в районе Калач. По неполным данным, всего зафиксировано 488 самолётов противника типа «Хе-111», «Ю-87», «Ю-88», «Ю-89», «Ме-109», «Ме-110», «До-19», «До-215».

В 22.43 группами в 2–3 самолёта в количестве до 65 бомбардировщиков противник пытался произвести налёт на г. Сталинград. Через огонь зенитной артиллерии к городу прорвался один самолёт. Сброшено 9 фугасных авиабомб калибром от 100 до 500 кг. Бомбы были сброшены в районе Бекетовки, Лесозавода им. Куйбышева и в Кировском районе за пределами посёлка в степи. Разрушено 3 и повреждено 2 деревянных жилых дома. Военные и промышленные объекты не пострадали. Убит 1 и ранены 7 человек гражданского населения. Подвержены бомбардировке ст. Баскунчак Рязано-Уральской ж.-д. – разрушено здание станции, ж.-д. клуб, прервана селекторная связь, сгорело несколько жилых домов, убит 31 и ранено 20 человек; Котельниково – повреждена оставшаяся часть деповского здания и разрушена электростанция. Сброшено до 50 фугасных авиабомб. Имеются жертвы; Советская – от сброшенных бомб возник пожар в районе вокзала, нарушена связь, принятыми мерами пожар локализован; Ашулук – повреждены вокзал, ж.-д. полотно, 5 вагонов; Кривомузинская – в ту же ночь дважды бомбилась. Сгорел ж.-д. состав, разрушены все станционные пути, нарушен 91 пролёт связи, сгорело 5 жилых деревянных домов; Карповская – подожжён состав с боеприпасами, повреждена связь и станционные пути. Сброшено 28 авиабомб; Прудбой – трижды подвергался бомбардировке. Повреждена связь. Имеются жертвы. Количество выясняется; Басаргино – повреждено несколько пролётов связи. Сброшено 7 фугасных авиабомб; Липки и Калинино – подожжены два гружёных воинских состава; Арчеда – вновь произведен налёт. Разрушены станционные пути и несколько вагонов воинского эшелона.

В результате систематических бомбардировок с воздуха все станции Арчединского отделения от Качалино до Филонова не имеют возможности производить скрепление и обгон поездов вследствие загромождения станционных путей разбитым и пострадавшим от огня подвижным составом. Верхние строения пути по всем станциям разрушены. Восстановительных и головных ремонтных поездов организовано сверх положенной нормы, однако и это количество не обеспечивает восстановление и очистку от разбитого подвижного состава ж.-д. пути. На участке Качалино–Филоново для пропуска поездов работает только один путь, что полностью парализовало работу участка и закрыло вывоз груза и подвижного состава со Сталинградского отделения на Поворино. На отделении сосредоточено до 17 тыс. вагонов.

С 21.01 по 02.55 в зоне р. Волги в районах и пристанях Дубовки, Владимировки, Камышина, Черного Яра, Красноармейска, Шамбай вражеская авиация одиночными и групповыми налётами производила активную разведку с бомбометанием и минировала р. Волгу. С 1.00 до 3.00 один самолет противника произвёл налёт на Дубовский район. Сброшено 8 бомб на райцентр и несколько мин в Волгу. Разрушено 5 жилых домов. Жертв нет. В Каменном Яру прямым попаданием авиабомбы потоплена самоходная баржа «Осетия», гружёная воинским грузом конского поголовья. Количество жертв выясняется. 30 июля в 13.40 постами Корпусного района ПВО захвачен приземлившийся самолёт противника «Ю-88». Экипаж не обнаружен. Приняты меры к розыску. В дополнение к данным, помещённым в оперативно-разведывательной сводке № 3, через начальника Калачёвского РО НКВД установлено: во время налёта с 8 июля по 29 июля на райцентр Калач разрушены: здания почты и телефонно-телеграфной станции, клуба, средней школы, райсовета, райотделения милиции, 8 жилых домов, 2 пакгауза, воинский склад (с запасами консервов и водки). Все районные организации и их руководители из хут. Калач выбыли 26 июля 1942 г. При эвакуации учреждений из хут. Калач проверкой обнаружены оставленными архивные документы и документы секретного порядка. У первого секретаря РК ВКП(б) т. Левина в столе обнаружен список членов партии райцентра. В РК ВЛКСМ обнаружены разбросанными бланки комсомольских билетов, учётные карточки и штампы для отметок об уплате членских взносов.

Зам. начальника УНКВД по
Сталинградской области
капитан госбезопасности

Прошин

Начальник 4-го отдела УНКВД
лейтенант госбезопасности

Будников

№ 22

**СООБЩЕНИЕ УНКВД ПО СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
О РАЗРУШЕНИЯХ, ПРИЧИНЁННЫХ АВИАЦИЕЙ
ПРОТИВНИКА В РАЙОНЕ Р. ВОЛГИ**

*2 августа 1942 г.
Совершенно секретно*

Из г. Сталинграда
г. Грозный, тов. Меркулову

За последние сутки, 31 июля, авиация противника продолжала активную разведку и налёты на отдельные районы области, ж.-д. станции и зону Волги.

По неполным данным, корпусным районом ПВО зафиксирован 731 самолёт противника типа «Х-111», «Ю-87», «Ю-88», «Ме-109», «Ме-Ягуар», «До-17», «До-19», «До-215», «ХП-123». Сбито два «Ю-88» и один «Х-111». Бомбардировке подверглись: транзитная пристань в с. Николаевке. Сброшено 30 авиабомб. Попаданий и жертв нет. Пристань Гапановка: разбит паром и баркас рыболовецкого колхоза, село находилось под обстрелом 30 мин. В 30 км от пристани Каменный Яр потоплена самоходная баржа «Осетия» с воинским грузом конского поголовья. Сгорела порожняя баржа № 702. В Петропавловке разрушен дебаркадер, места погрузки, больница. Имеются жертвы. В с. Никольское сгорел дебаркадер с. Пролейки и Сероглазки, повреждён корпус дебаркадера Чёрный Яр. Село Чёрный Яр – разбита пассажирская пристань. У пристани Камышин прямым попаданием подожжена нефтебаржа «Акула» с грузом в 200 т. Пожар затушен. Баржа выведена из строя. В районе с. Погромное затоплены две баржи с грузом военного обмундирования и грузом соли – 1200 т. Баржа с грузом хлеба имеет повреждения надводной части корпуса. У Лебяжьего острова сброшены зажигательные бомбы и обстреляны пароходы «Лермонтов» и «Дмитрий Фурманов». Убито и ранено 28 человек пассажиров. В районе Балыклей затоплен буксирный пароход «Сталинец», подожжена и сгорела баржа «Лена», гружёная нефтью (8700 т). Имеются жертвы. Также сброшенной авиабомбой повреждён пароход «Казахстан», буксировавший порожнюю баржу. Подверглась обстрелу из пулемёта с воздуха нефтебаза «Тракторист». Ущерба нет. У пристани Антиповка сброшены 3 мины. Принятыми мерами участок обезопасен.

Нападению с воздуха подверглись ж.-д. станции: Кривая Музга – разбит паровоз, нарушена связь, разбиты пути и несколько вагонов; Сбрыково – сброшенными 9 авиабомбами разбит подвижной состав.

Характер грузосостава выясняется. Белушкино – разбит паровоз, 8 пролётов связи, разрушено верхнее строение ж.-д. полотна. Разъезд Тишкино – выведено из строя 6 пролётов связи. Пролет Тишкино–Качалино – повреждено ж.-д. полотно и 16 пролётов связи.

Против с. Гапановка обнаружены сброшенные самолётом противника фашистские листовки. В Красноармейском районе сбит зенитной артиллерией вражеский самолёт «Ю-88», бомбивший волжские коммуникации. Из четырёх человек экипажа пойманный и доставленный в УНКВД с целью получения разведанных лётчик Ионлотхиясович, от полученного при задержании ранения умер. Приняты меры розыска остального экипажа.

Зам. начальника УНКВД по
Сталинградской области
капитан госбезопасности

Прошин

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 33. Л. 96–97. Подлинник.

Помета на документе: «Передано по «ВЧ».

№ 23

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА НКВД СССР ОБ ОБСТАНОВКЕ В СТАЛИНГРАДЕ

№ 1614/б

*23 сентября 1942 г.
Совершенно секретно*

ГКО – т. Сталину
ГКО – т. Молотову
Генштаб КА – т. Василевскому

НКВД СССР докладывает донесение Особого отдела Юго-Восточного фронта: «На участке 62-й армии⁴⁹ в течение 22 сентября противник силой до пехотной дивизии, при поддержке 70–80 танков и во взаимодействии с авиацией, вел наступательные бои в центре Сталинграда вдоль долины р. Царица в районе ж.-д. моста и вдоль оврага Крутой, овладел районом элеватора, железной дорогой у 3-й набережной, районом Центральной пристани и вышел к Волге.

Таким образом, 62-я армия разрезана противником на три части, вследствие чего ряд командиров высказывает мнение о необходимости создания из частей этой армии трёх групп войск, подчинённых штабу

62-й армии. На участке 64-й армии⁵⁰ противник, наступая, к исходу дня, после тяжёлых уличных боёв с переменным успехом, потеснил наши части и овладел южной окраиной Купоросное и Купоросной балкой.

Авиация противника в течение дня небольшими группами самолётов беспрерывно бомбила наши боевые порядки в названных направлениях удара.

Наши части наносят большие потери противнику. Только в одном районе центра города уничтожено 25 танков противника.

В результате многодневных упорных боёв наши части также понесли большие потери, главным образом, от авиации противника. Так, в 13-й Гвардейской сд⁵¹ осталось 500 активных штыков; в 10-й дивизии войск НКВД – 60 активных штыков; в 42-й сбр – 20 штыков.

Аналогичное положение в ряде других соединений фронта. В связи с малочисленностью состава соединений в 62-й армии в настоящее время насчитывается всего до 5 тыс. человек.

Военные специалисты считают целесообразным вывод управлений малочисленных соединений на переформирование, а личный состав их обратить на комплектование более полнокровных соединений, общим количеством до 10 соединений и этим облегчить управление войсками.

22 сентября залпом «РС» уничтожена рота 3-го заградительного батальона 62-й армии в составе 23 человек. Ведётся расследование.

Сегодня во время наступательного прорыва противника две роты 13-й Гвардейской сд дрогнули и начали отступать.

Командир одной из этих рот, лейтенант Миролюбов, также в панике бежал с поля боя, оставив роту. Заградительный отряд 62-й армии задержал отступление подразделений и восстановил положение. Лейтенант Миролюбов расстрелян перед строем.

Работник Особого отдела Павлов, проводивший работу в заградотряде 62-й армии, с группой бойцов в 13 человек этого отряда в районе центральной переправы собрал до 400 бойцов различных частей и повёл их в бой.

Заградительными отрядами 62-й и 64-й армий за сутки задержано 659 человек, из них расстреляно перед строем 7 трусов и 1 членовредитель. Арестовано 24 человека, в числе которых шпионов – 1, изменников Родине – 3, трусов – 8, дезертиров – 4, членовредителей – 8.

Остальные задержанные направлены в части».

Народный комиссар
внутренних дел СССР

Берия

№ 24

**СООБЩЕНИЕ НКВД СССР О ПОЛОЖЕНИИ
НА СТАЛИНГРАДСКОМ ФРОНТЕ,
ПО СОСТОЯНИЮ НА 30 СЕНТЯБРЯ 1942 Г.**

№ 1688/б

*1 октября 1942 г.
Совершенно секретно*

ГКО – т. Сталину
ГКО – т. Молотову
Генштаб КА – т. Василевскому

НКВД СССР докладывает донесение Особого отдела Сталинградского фронта:

«В течение 30 сентября противник на участке 62-й армии силой до 2-х пехотных дивизий в 40–50 танков вёл наступление в двух направлениях – с севера на Орловку и из района Городище в направлении северо-западнее Орловки, пытаясь окружить наши части в этих районах. После упорных и тяжёлых боёв противнику удалось продвинуться вперёд на 600–900 м и выйти на северо-западную окраину Орловки. Под угрозой окружения находятся три батальона 115-й сбр⁵². Наши части оказывают упорное сопротивление.

Части 64-й армии в середине дня 30 сентября вели наступательные бои в районе Купоросное, но встретив сильное огневое сопротивление противника, успеха не имели. Ударная группа 57-й армии⁵³ днём 30 сентября ворвалась в Дубовый Овраг, где идут бои в центре этого пункта. В ночной операции 51-й⁵⁴ и 57-й армий уничтожено до 700 солдат и офицеров противника. Взяты трофеи, которые подсчитываются.

29 сентября бежал с поля боя миномётный дивизион 193-й сд⁵⁵. Принятыми заградотрядом 62-й армии мерами бегущие были задержаны и возвращены на позиции. Организатор бегства, старшина Трегубенко, расстрелян перед строем этого дивизиона.

В 8-й воздушной армии⁵⁶ положение с боеприпасами (главным образом, ФАБ-100) продолжает оставаться напряжённым. Занаряженные ВВС транспорты более месяца находятся в пути и местонахождение их неизвестно».

Народный комиссар
внутренних дел СССР

Берия

№ 25

**ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА НКВД СССР
О ПОЛОЖЕНИИ НА ДОНСКОМ ФРОНТЕ,
ПО СОСТОЯНИЮ НА 1 ОКТЯБРЯ 1942 Г.**

№ 1724/б

*7 октября 1942 г.
Совершенно секретно*

ГКО – т. Сталину
ГКО – т. Молотову
Генштаб КА – т. Василевскому

НКВД СССР докладывает полученное сегодня от Особого отдела НКВД Донского фронта следующее донесение:

«Противник против участка 63-й армии⁵⁷ сосредоточил 8–10 дивизий и около 400–500 танков, имея целью ликвидацию наших плацдармов на левом берегу р. Дон и прорыва фронта за Доном. В районе Богучар противник сосредоточил 4–5 дивизий и до 250 танков.

Этот участок протяжением до 120 км занимают две наших дивизии, артиллерии недостаточно. В этих двух дивизиях до 16 тыс. активных штыков. В стыке с 21-й армией⁵⁸ противник на суженном фронте сосредоточил большое количество артиллерии. Второго эшелона и армейского резерва 63-я армия не имеет. Всего по фронту 63-й армии, протяжением 230 км, стоят пять дивизий, в резерве одна Гв[ардейская] кавдивизия.

Находившийся в резерве на участке 63-й армии 3-й Гв[ардейский] кавкорпус⁵⁹ переведен на участок 21-й армии. Авиации, танков 63-я армия не имеет совершенно.

По мнению командующего 63-й армией Кузнецова⁶⁰, противник при ударе, особенно на правый фланг армии, будет иметь успех, создавая угрозу выхода на Новорино–Ново-Анненское и, перерезав коммуникации Донского фронта, создаст угрозу фланга Воронежскому фронту. Агентура штаба фронта и армии считает положение крайне напряжённым и требующим немедленных мер.

По существу информирован командующий фронтом Рокоссовский».

Народный комиссар
внутренних дел СССР

Берия

№ 26

**СООБЩЕНИЕ НКВД СССР О НАЧАЛЕ НАСТУПЛЕНИЯ
21-Й АРМИИ НА ДОНСКОМ ФРОНТЕ**

№ 1840/б

*29 октября 1942 г.
Совершенно секретно*ГКО – т. Сталину
ГКО – т. Молотову
Генштаб КА – т. Василевскому

НКВД СССР докладывает полученное сегодня от Особого отдела НКВД Донского фронта следующее донесение:

«После взятия 21-й армией Клетской, румынские части предприняли 22 контратаки, которые отбиты с большими потерями для противника. На основном направлении удара северо-западнее Сталинграда части 66-й армии⁶¹ успеха не имели. Характерны факты плохого использования пехоты. В ночь с 23 на 24 октября свежая 226-я сд⁶² перешла полосу обороны 252-й сд⁶³ с задачей сменить последнюю и овладеть высотой 139.7. Задача выполнена не была. Сосредоточилась дивизия в исходное положение поздно и пошла в наступление без предварительной ориентировки командиров на местности, без необходимой подготовки. После артиллерийской подготовки, через 10–15 мин. начальник штаба дивизии полковник Бойко по телефону предупредил командиров полков, что огневой налёт на дзоты противника был дан для того, чтобы полки пошли в атаку для захвата высоты «Блиновская». Так как это предупреждение запоздало, пехота результатами артоналёта не воспользовалась. Командиры полков – 985-го – майор Коробко, и 987-го – подполковник Ляхов, всё время путали высоту «Блиновская» с высотой «Груша», потеряли управление и не знали точно, где их батальоны. Командир 132-го стрелкового полка 62-й сд майор Лисявенко, несмотря на то, что дивизия была подтянута к исходному положению своевременно, с местностью познакомился только по карте, командиры батальонов местность просматривали ночью, к исходному положению для атаки батальоны были подтянуты не в 4 час. 00 мин. 18 октября, а в 7 час. 00 мин. и были обнаружены противником, обстреляны артиллерийским и пулемётным огнём, все подразделения разбежались, разбились на отдельные группы и одиночки.

К началу наступления 20 октября с.г. 8-я и 9-я роты собраны не были, а 3-ю роту не обнаружили в распоряжении батальона. Границы между батальонами не были определены, на одном и том же участ-

ке располагались подразделения, одиночки-бойцы всех батальонов. Фактически командиры своих подразделений не имели и никто боем не управлял, в результате бойцы, пройдя 200-300 м, залегли. Командиры полков находились в трёх километрах от наступающих подразделений без связи с ними. Запоздавший при наступлении 306-й сп этой же дивизии половиной своего состава попал в боевой порядок 123-го сп, смешался с ним, усугубив беспорядки. Прокопенко поддался паническим слухам о продвижении немцев с фланга и отвел назад роту автоматчиков, вместо организации обороны.

В результате всего изложенного полки потеряли до 50% личного состава убитыми и ранеными и задачу не выполнили. Мной уже сообщалось, что к началу наступления должного количества боеприпасов подвезено не было, хотя боеприпасы к станции выгрузки прибыли, что также отразилось на ходе операции. Из-за плохого питания в ряде подразделений бойцы истощены. Приказ Ставки о новых боевых порядках пехоты фактически в жизнь не проводится. Характерно, что командир 212-й дивизии⁶⁴ полковник Анисимов приказал командиру полка – полковнику Разуеву перенести наблюдательный пункт полка за 60 м от линии противника, чем полностью лишил возможности Разуева управлять полком. Хамское отношение Анисимова к Разуеву, беспрепятственные оскорбления его привели к тому, что Разуев заявил: «Чем так воевать, лучше пусть ухлопают меня немцы» и начал ходить, не маскируясь, по огневым позициям. Факты массовой паники в частях армий не отмечены».

Народный комиссар
внутренних дел СССР

Берия

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 16. Л. 114–116. Копия.

№ 27

ТЕЛЕГРАММА ОСОБОГО ОТДЕЛА НКВД ДОНСКОГО ФРОНТА О НЕДОСТАТКАХ ПРИ ПОДГОТОВКЕ К НАСТУПЛЕНИЮ

№ 1916/б

13 ноября 1942 г.

Совершенно секретно

г. Москва, НКВД СССР
т. Берия

Разослать: т. Сталину; т. Молотову; т. Бокову⁶⁵

О подготовке к наступлению войск 65-й армии Донского фронта противнику известно. Взятый в плен немецкий лётчик, пленные

румыны показали, что они своим командованием предупреждены о подготовке русскими большого наступления. Противник в эти дни усиливает налёты авиации, 10 ноября с.г. зарегистрировано 258 самолётов-вылетов.

Наши войска сосредотачиваются без должной маскировки, 4-й танковый корпус всеми своими силами передвигался в район 21-й армии Юго-Западного фронта в дневное время. Сосредоточение частей проходит медленно, в ряде случаев неорганизованно. В переданных 65-й армии 252-й, 258-й сд⁶⁶, 27-й Г[вардейской] сд⁶⁷ почти отсутствует транспорт, в связи с этим задерживается подвоз боеприпасов, обмундирования, продовольствия. Наличие боеприпасов в этих дивизиях всего 0,2–0,3 боекомплекта.

В 27-й Г[вардейской] сд за трое суток горячую пищу давали один раз. На почве плохого питания, отсутствия тёплой одежды в 27-й Г[вардейской] сд умерло 6 человек, в 252-й сд – 3 человека.

Для 7 тыс. человек пополнения, прибывших из 10-й запасной сбр, обмундирование нужно вывозить из-за Волги, откуда они только пришли. Из поступившего ранее 1400 человек пополнения замёрзли в пути два человека. Фронт помогает армии транспортом недостаточно. Выделено 6 ноября с.г. всего 50 автомашин, из них: 29 неисправных, сразу вышли из строя. В 121-й тбр по техническим неисправностям отстали 24 танка.

По информации Особого отдела 65-й армии, за бездеятельность и неприятие мер предотвращения изменить Родине, дезертирство сняты с должностей в 24-й сд – командир 168-го сп Сосуновский, командир 274-го сп Смолин, командир 7-го сп Агадибров, в 304-й сд – командир 809-го сп Богданов. Снимаются с должностей заместитель командира 27-й Г[вардейской] сд по политчасти Галушко и начальник штаба Куликов. Расследование продолжается.

По существу изложенного информированы Военные советы армии и фронта, однако меры обеспечения дивизий обмундированием, питанием и боеприпасами принимаются медленно.

Дополнительно к трём имеющимся заградительным отрядам перед командованием 65-й армии направляем 60 пограничников батальона Особого отдела фронта с группой оперсостава для фильтрации на переправах Дона.

Заместитель начальника Особого отдела
НКВД Донского фронта
майор госбезопасности

Казакевич⁶⁸

№ 28

**ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА НКВД СССР ОБ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ
БОЯХ 62-Й АРМИИ НА СТАЛИНГРАДСКОМ ФРОНТЕ**

№ 1936/б

17 ноября 1942 г.
Совершенно секретно

ГКО – т. Сталину
ГКО – т. Молотову
Генштаб КА – т. Василевскому

НКВД СССР докладывает донесение Особого отдела НКВД Сталинградского фронта:

«В период с 11 по 15 ноября с.г. части 62-й армии вели оборонительные бои с наступающим противником. В результате атаки противнику удалось на участке 241-го сп 95-й сд⁶⁹ прорвать линию нашей обороны и выйти в районе завода «Баррикады» к Волге.

Вследствие этого 138-я сд⁷⁰ оказалась отрезанной от остальных частей армии и совместно с 201-м танковым батальоном ведет тяжёлые бои в полуокружении.

Основными причинами отхода частей является малочисленность 62-й армии и недостаточная организация обороны в инженерном отношении. Сводный полк 193-й сд и батальон 92-й сбр, введённые в бой для восстановления положения, на участке 341-го сп успеха не имели.

Плавсредства для армии полностью не прибыли. План перевозок сорван. В течение трёх суток пополнение частей армии людским резервом не поступает, боезапасы не доставляются, раненые из 138-й сд не вывозятся уже трое суток. Ледоход прервал сообщение с правым берегом Волги, требуются ледорезы и ледоколы, которые ещё не введены в действие.

Командование 39-й Гвардейской, 45-й⁷¹ и 95-й сд не организовало уборку трупов бойцов и командиров на поле боя, что создает отрицательные настроения среди личного состава.

Об изложенном проинформирован Военный совет фронта».

Народный комиссар
внутренних дел СССР

Берия

№ 29

**СООБЩЕНИЕ НКВД СССР О НЕДОЧЁТАХ В ПОДГОТОВКЕ
К НАСТУПЛЕНИЮ 4-ГО МЕХАНИЗИРОВАННОГО
И 4-ГО КАВАЛЕРИЙСКОГО КОРПУСОВ**

№ 1945/б

*17 ноября 1942 г.
Совершенно секретно*ГКО – т. Сталину
ГКО – т. Молотову
Генштаб КА – т. Василевскому

По сообщению Особого отдела НКВД Сталинградского фронта, в частях 4-го механизированного⁷² и 4-го кавалерийского корпусов⁷³ выявлен ряд недочётов в подготовке к выполнению предстоящих боевых операций. В 4-м мехкорпусе из положенных трёх заправок горюче-смазочных материалов, в наличии имеется всего 1,5 заправок. Боеприпасов требуется 3 боекомплекта, налицо – 1,4 комплекта, продовольствия положено на 15 суток, а имеется только на 1–2 суток. Отсутствует вовсе зимнее масло, электролит, антифриз, цепи для колёсных машин, запасные части к танкам и автомашинам, буксировочные средства. Мотоциклетный батальон, прибывший из Московского военного округа в распоряжение корпуса, не имеет зимнего обмундирования. До 60% личного состава 59-й мехбригады этого корпуса носит местную обувь.

С 6 по 12 ноября в корпусе вышло из строя 14 танков, из них 6 требуют капитального ремонта. По авариям этих танков Особым отделом арестовано 7 человек. Из-за нераспорядительности и халатности командира 59-й мехбригады Стеньшинского и его заместителя Власюкова личный состав бригады до 12 ноября ощущал большую нужду в продуктах питания. По информации Особого отдела, т. Хрущёв отстранил от занимаемой должности Власюкова, а Стеньшинского предупредил.

Командир 4-го мехкорпуса генерал-майор Вольский⁷⁴ в беседе со своим заместителем по политической части Андреевым и начальником Особого отдела корпуса Личманом высказал неверие в успех предстоящей операции, так как якобы силы его корпуса и всей 51-й армии, куда входит данный корпус, недостаточны для ведения намечаемых боевых действий. Вольский также высказал большое опасение в связи с возможностью окружения корпуса противником.

Личный состав 4-го кавалерийского корпуса в течение двух недель плохо обеспечивался питанием, хлеб выдавался по 200–400 г в день, мясо по 30–40 г. Запасы продовольствия отсутствуют. Обеспечение фуражом конского состава также находится в тяжёлом состоянии.

Для выполнения поставленной перед корпусом задачи необходимо три комплекта боеприпасов, в наличии же имеется только 1 комплект. До 13 ноября личный состав корпуса, который в своём составе насчитывает до 50% уроженцев Средней Азии, не получил зимнего обмундирования, в результате чего 7 ноября умерло от замерзания 12 туркмен. Перевозки всего необходимого для операции резко сократились вследствие наступления холодов. По разведывательным и агентурным данным, в районе намечаемых нашими войсками боевых действий противник подтягивает пехоту и кавалерийские части.

Народный комиссар
внутренних дел СССР

Берия

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 16. Л. 306–307. Копия.

№ 30

СПРАВКА УОО НКВД СССР ОБ ОПЕРАТИВНОЙ РАБОТЕ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ ФРОНТОВ ЗА ПЕРИОД С 20 НОЯБРЯ 1942 Г. ПО 1 ЯНВАРЯ 1943 Г.

Фронты	Всего задержано	Всего арестовано	Шпионов	Диверсантов	Изменников	Трусов и паникёров	Дезертиров	А/с элемента	За членовредительство	За другие преступления	Осуждено к ВМН	Из них расстреляно перед строем
Сталинградский	870	835	55	–	145	56	130	160	170	119	160	66
Донской	39	583	57	6	171	22	75	91	73	88	62	11
Юго-Западный	570	461	23	1	125	14	69	50	105	74	40	4
Воронежский	607	713	35	5	301	6	139	135	35	57	79	8
Закавказский	4918	2705	96	45	624	90	507	840	135	368	524	54
Калининский	1070	684	58	17	231	25	83	112	30	128	191	47
Итого:	8074	5981	324	74	1597	213	1003	1388	548	834	1056	190

Ст[арший] оперупол[номоченный] 4-го отдела
ст. лейт[енант] госбезопасности*

ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 386. Л. 37. Копия.

* Подпись неразборчива.

Примечания

¹ 10-я стрелковая дивизия внутренних войск НКВД СССР сформирована 1 февраля 1942 г. в Сталинграде. 5 декабря 1942 г. переименована в 10-ю стрелковую Сталинградскую орден Ленина дивизию войск НКВД. 5 февраля 1943 г. передана в состав Красной армии и переименована в 181-ю Сталинградскую орден Ленина стрелковую дивизию. Командир: полковник А.А. Сараев (февраль 1942–февраль 1943).

² Управление НКВД по Сталинградской области в июне 1942 г. имело следующую структуру: оперативно-чекистские отделы: 2-й (контрразведывательный), 3-й (секретно-политический), транспортный, экономический; спецотделы (отделения): 1-й (учетно-статистический), 2-й (военная цензура, опертехника), 3-й (обыски, аресты, наружное наблюдение), 4-й (ВЧ-связь), 5-й (шифры); управления: милиции, пожарной охраны, местной ПВО, шоссеиных дорог, штаб истребительных батальонов, по делам военнопленных. 2 августа 1942 г. создан 4-й отдел для руководства организацией истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп и их боевой деятельностью и др.

³ Воронин Александр Иванович (1908–1990), руководящий работник советских органов безопасности; генерал-лейтенант (1945). Начальник УНКВД–УНКГБ по Сталинградской обл. (декабрь 1938–октябрь 1944), начальник УНКГБ–УМГБ по Львовской обл. (октябрь 1944– декабрь 1948).

⁴ Чернышёв (Чернышов) Василий Васильевич (1896–1952), руководящий работник советских органов безопасности; генерал-полковник (1945). Зам. наркома–министра внутренних дел СССР (февраль 1941–сентябрь 1952).

⁵ Завод «Красный Октябрь», металлургический завод. В 1941–1942 гг. производил 9–10% стали, выпускаемой в стране. До середины 1942 г. оставался основным поставщиком качественного металла для танковой, авиационной, шарикоподшипниковой промышленности СССР. Выпускал броню для танков, авиаброню для штурмовой авиации, другую сталь различных марок, а также бронекорпуса танков Т-60, реактивные установки БМ-13 и комплектующие к ним, железобетонные сборные конструкции дотов и др. Находясь непосредственно в зоне боевых действий, до 2 октября 1942 г. производил металл. Директор: П.В. Матвеев (1937–1943).

⁶ Коненков Никандр Иванович (1902–1976), руководящий работник советских органов безопасности; полковник (1943). Начальник 1-го отделения ЭКО УНКВД по Сталинградской обл. (март 1939–июнь 1943), зам. начальника УНКГБ по Сталинградской обл. (июнь 1943–октябрь 1943), зам. начальника УНКГБ по Киевской обл. (1943–1950).

⁷ Кобулов Богдан Захарович (1904–1953), руководящий работник советских органов безопасности; генерал-полковник (1945). Зам. наркома ГБ СССР (февраль 1941– июль 1941), зам. наркома внутренних дел СССР (июль 1941– апрель 1943), первый зам. наркома ГБ СССР (апрель 1943–декабрь 1945). Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР в 1953 г. приговорён к расстрелу. Не реабилитирован.

⁸ Мешик Павел Яковлевич (1910–1953), руководящий работник советских органов безопасности; генерал-лейтенант (1943). Нарком ГБ УССР (февраль –1941–июль 1941), начальник ЭКУ НКВД СССР (июль 1941–апрель 1943), зам. начальника ГУКР «Смерш» (апрель 1943–декабрь 1945). Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР в 1953 г. приговорён к расстрелу. Не реабилитирован.

⁹ Завод № 221. Так в документе, речь идёт об особом конструкторском бюро ОКБ-221 при Сталинградском заводе «Баррикады». Создано в 1939 г. для разработки и производства образцов артиллерии большой мощности. С началом войны занимался разработкой и внедрением в производство артиллерии и миномётов среднего калибра. Главный конструктор: генерал-майор технических войск И.И. Иванов.

¹⁰ Сталинградский тракторный завод им. Ф.Д. Дзержинского вступил в строй в 1930 г., выпускал трактора СТЗ-1. В 1939 г. на заводе построен лёгкий колёсно-гусеничный танк Т-25. С постановкой на вооружение танка Т-34 в 1941–1942 гг. завод занимал ведущее место по его выпуску. С 19 сентября 1942 г. перешёл на ремонт боевой техники. С октября 1942 г. находился в руках врага. 2 февраля 1943 г. в районе СТЗ свыше 40 тыс. чел. солдат вермахта сдались в плен. С марта 1943 г. началось восстановление производства. Директор завода: К.А. Задорожный (ноябрь 1941–1942).

¹¹ Завод № 264 Народного комиссариата танковой промышленности в ходе Сталинградской битвы производил башни для танка Т-34-76.

¹² Т-60 – советский лёгкий танк периода Великой Отечественной войны. Разработан в августе 1941 г. на московском заводе № 37 под руководством Н.А. Астрова. До февраля 1943 г. на нескольких машиностроительных заводах было выпущено 5920 танков, которые принимали активное участие в боевых действиях в 1941–1943 гг., использовались как танки-разведчики, тягачи, учебные машины вплоть до конца войны.

¹³ Речь идёт о телескопическом прицеле ТМФД (танковый Марона-Финкельштейна длинный), устанавливавшимся на танке Т-34-76 в период Великой Отечественной войны. При стрельбе с помощью этого прицела башня и пушка двигались точно, с прицелом.

¹⁴ Завод № 490 Наркомата авиационной промышленности СССР до августа 1941 г. производил ящики для артиллерийских снарядов и авиабомб и др. Затем приступил к серийному выпуску десантно-транспортных и грузовых планеров, накладок для винтовок и пистолетов-пулемётов. В августе 1942 г. производил ремонт самолётов 2-й и 8-й воздушных армий. 23 августа 1942 г. полностью разрушен авиацией противника.

¹⁵ Таренков Петр Федорович (1906–?), работник советских органов безопасности; лейтенант госбезопасности (1942). Зам. начальника ЭКО УНКВД по Сталинградской обл. (1942).

¹⁶ Хрущёв Никита Сергеевич (1894–1971), советский партийный и государственный деятель; генерал-лейтенант (1943), Герой Советского Союза (1964), трижды Герой Социалистического Труда (1954, 1957, 1961). В годы Великой Отечественной войны – член военных советов: Главного командования Юго-Западного направления (август 1941– июнь 1942), одновременно Юго-Западного фронта (сентябрь 1941–июль 1942), Сталинградского фронта (июль–декабрь 1942), одновременно Юго-Восточного фронта (август–сентябрь 1942), Южного фронта (январь–февраль 1943), Воронежского фронта (март–октябрь 1943), 1-го Украинского фронта (октябрь 1943–август 1944).

¹⁷ Истребительные батальоны – одни из первых добровольческих военизированных формирований граждан СССР в годы Великой Отечественной войны, организованных в каждом районе местностей, объявленных на военном положении. Задачи истребительных батальонов определялись Постановлением СНК от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» и «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов». Организация и руководство батальонами возлагались на Центральный штаб истребительных батальонов НКВД СССР. В Сталинградской обл. было сформировано 82 истребительных батальона общей численностью 10 620 бойцов. Подробнее см.: Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: Энциклопедия. Волгоград, 2009. С. 260–261.

¹⁸ Меркулов Всеволод Николаевич (1895–1953), руководящий работник советских органов безопасности; генерал армии (1945). Нарком ГБ СССР (февраль 1941–июль 1941), первый зам. наркома внутренних дел (июль 1941–апрель 1943), одновременно начальник 1-го отдела НКВД СССР (ноябрь 1942–апрель 1943), нарком–министр ГБ СССР (апрель 1943–май 1946). Специальным присутствием Верховного суда СССР в 1953 г. приговорён к расстрелу. Не реабилитирован.

¹⁹ Лебедев Григорий Иванович (1901–1949), руководящий работник советских органов безопасности; подполковник (1948). Начальник 3-го транспортного отделения УНКВД по Сталинградской обл. (май 1940), начальник Нижне-Чирского райотделения УНКВД по Сталинградской обл. (с октября 1942), в распоряжении Водного отдела НКВД Нижне-Волжского пароходства (с октября 1942).

²⁰ Шаурин Александр Семенович (?–?), руководящий работник советских органов безопасности; подполковник (1950). Врид начальника Кагановичского райотделения УНКГБ по Сталинградской обл. (апрель 1941– август 1941), начальник Кагановичского райотделения УНКГБ по Сталинградской обл. (август 1941– октябрь 1946).

²¹ Чернов Владимир Петрович (1903–1953), руководящий работник советских органов безопасности; капитан ГБ (1947). Оперуполномоченный, старший оперуполномоченный Калачевского райотделения УНКВД по Сталинградской обл. (август 1941–сентябрь 1943), начальник Алексеевского райотделения УНКГБ по Сталинградской обл. (сентябрь 1943– апрель 1950).

²² Трушин Андрей Федорович (1905–1967), руководящий работник советских органов безопасности; полковник (1955). Начальник Ворошиловского райотделения УНКВД по Сталинградской обл. (август 1941 – февраль 1942), врид зам. начальника штаба истребительных батальонов УНКВД по Сталинградской обл. (февраль 1942–март 1942), начальник 1-го отделения 4-го отдела УНКВД по Сталинградской обл. (март 1942–март 1943), врид начальника 1-го спецотдела УНКВД по Сталинградской обл. (март 1943–июнь 1943), начальник отдела «А» УНКГБ по Сталинградской обл. (июнь 1943–март 1944).

²³ Прошин Василий Степанович (1902–1955), руководящий работник советских органов безопасности; генерал-майор (1945). Зам. начальника УНКГБ по Сталинградской обл. (апрель 1941–август 1941), начальник Секретно-политического отдела УНКВД по Сталинградской обл. (август 1941–май 1942), зам. начальника УНКВД по Сталинградской обл. (май 1942–июнь 1943), начальник УНКВД по Сталинградской обл. (июнь 1943–декабрь 1944), зам. начальника Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД–МВД СССР (декабрь 1944–декабрь 1947).

²⁴ Бондарь Захар Михайлович (1911–1943) – завербован германской разведкой, в 1942 г. обучался в германской школе разведчиков-радистов в гг. Краматорск и Константиновка Сталинской обл. В ночь с 14 на 15 июля 1942 г. переброшен самолётом в Городищенский район Сталинградской обл. Арестован 15 июля 1942 г. УНКВД по Сталинградской обл. Особым совещанием при НКВД ССР 20 января 1943 г. приговорён по обвинению в измене Родине к расстрелу. Сведений о реабилитации не имеется.

²⁵ Колокольцев Владимир Михайлович (1921–1942), завербован германской разведкой. 14 июля 1942 г. арестован УНКВД по Сталинградской обл. Особым совещанием при НКВД СССР 25 июля 1942 г. по обвинению в измене Родине приговорён к расстрелу. Не реабилитирован.

²⁶ Возможно, речь идет о краткосрочных курсах разведчиков (время подготовки 5–20 дней), организованных при «Абвергруппе-103» (придана 1-й танковой армии) и названных «командой Локерта». В 1942–1943 гг. «Абвергруппа-103» вела разведку против войск Сталинградского и Северо-Кавказского фронтов и входила в подчинение «Абвергруппы-103» на правах «мельдекопфа» (передового разведывательного пункта). На курсах одновременно обучалось 25–40 человек. Группы имели порядковые номера: 1-я группа состояла из казаков, 2-я и 3-я группы – из уроженцев Кавказа.

²⁷ Воронежский фронт образован 9 июля 1942 г. в результате разделения войск Брянского фронта в составе 6, 40, 60-й армий, 2-й воздушной армии. В последующем в состав фронта входили 13, 21, 27, 38, 47, 52, 64, 69-я армии, 4, 5, 6, 7-я Гвардейские армии, 1 и 3-я танковые, 3 и 5-я Гвардейские танковые армии. 20 октября 1943 г. переименован в 1-й Украинский фронт. Командующие: генерал-лейтенант Голиков Ф.И. (июль–октябрь 1942–март 1943), генерал-лейтенант Ватутин Н.Ф. (июль–октябрь 1942 и март–октябрь 1943).

²⁸ Панкин Иван Сергеевич (1902–?), советский военный деятель, генерал-майор (1941). В 1942 г. начальник войск НКВД по охране тыла Брянского, Воронежского фронтов, затем зам. начальника войск по охране тыла Ленинградского и 1-го Украинского фронтов.

²⁹ Рогатин Владимир Тарасович (1899–1960), советский военный деятель; генерал-майор (1941). В 1941–1943 гг. начальник войск НКВД по охране тыла Юго-Западного, затем Брянского фронтов; в 1943–1945 гг. начальник войск НКВД по охране тыла Северо-Западного, Белорусского и 2-го Прибалтийского фронтов.

³⁰ Чуянов Алексей Семенович (1905–1977), советский партийный и хозяйственный деятель. Первый секретарь Сталинградского горкома и обкома ВКП(б) (1938–1946). Член военных советов Сталинградского и Донского фронтов (1942–1943).

³¹ Герасименко Василий Филиппович (1900–1961), советский военный деятель; генерал-лейтенант (1940). Во время Великой Отечественной войны – командующий 21-й и 13-й армиями (июнь–июль 1941), зам. командующего Резервным фронтом по тылу, помощник начальника тыла РККА (сентябрь–ноябрь 1941), командующий войсками Сталинградского фронта (с декабря 1941), 28-й армией (сентябрь 1942–ноябрь 1943), командующий войсками Харьковского ВО (с января 1944), нарком обороны Украины и командующий войсками Киевского ВО (март 1944–октябрь 1945).

³² Глаголько Николай (он же Степан) Моисеевич (1919–?), бывш. красноармеец 131-го мотодивизии. Завербован германской разведкой, обучался в Полтавской развед-

школе. 27 июля 1942 г. арестован УНКВД по Сталинградской обл. Особым совещанием при НКВД СССР 2 марта 1944 г. осуждён по обвинению в измене Родине к 3 годам ИТЛ. Содержался в местах лишения свободы в Карагадинской обл. Заключением Военной прокуратуры Северо-Кавказского ВО от 7 августа 2003 г. реабилитирован.

³³ Рогов Семен Петрович (1920–1944), бывш. красноармеец. В 1942 г. обучался в Полтавской разведшколе. Арестован 15 июля 1942 г. УНКВД по Сталинградской обл. Особым совещанием при НКВД СССР 26 февраля 1944 г. осуждён по обвинению в измене Родине к 3 годам ИТЛ. Умер 4 мая 1944 г., отбывая наказание в местах лишения свободы в Челябинской обл.

³⁴ Пискунов Андрей Абрамович (1913–1943), арестован 16 июля 1942 г. контрразведывательным отделом УНКВД по Сталинградской обл. Умер 23 июля 1943 г. в Магнитогорской тюрьме. Заключением Военной прокуратуры Северо-Кавказского военного округа от 26 сентября 2003 г. реабилитирован.

³⁵ Бочарников–Гурко Захар Михайлович (1921–1942) – бывш. красноармеец. Особым совещанием при НКВД СССР 26 июля 1942 г. осужден к расстрелу.

³⁶ Фомин Иван Григорьевич (1915–?), бывш. красноармеец. Обучался в Полтавской разведшколе. Арестован 16 июля 1942 г. УНКВД по Сталинградской обл. Особым совещанием при НКВД СССР 5 января 1943 г. осуждён по обвинению в измене Родине к 2 годам лишения свободы. 27 июля 1944 г. освобождён из мест лишения свободы в Челябинской обл.

³⁷ Назаренко–Фурманов Михаил Яковлевич (1915–1942), бывш. старшина РККА. Особым совещанием при НКВД СССР 25 июля 1942 г. осужден по обвинению в измене Родине к расстрелу.

³⁸ Пивовар (Пивоваров) Александр Иванович (1912–?), осуждён Особым совещанием при НКВД СССР 1 апреля 1944 г. «за изменническое поведение во время пребывания на оккупированной территории» к 3 годам лишения свободы. Наказание отбывал в Востоклаге (Хабаровский край). Реабилитирован в 1991 г.

³⁹ Юдин Александр Гаврилович (1915–1943), завербован германской разведкой. Особым совещанием при НКВД СССР 25 июля 1942 г. осуждён по обвинению в измене Родине к расстрелу. Сведений о реабилитации не имеется.

⁴⁰ Амалиев Гафур Кинзитович (1900–1942), завербован германской разведкой, обучался в Варшавской разведшколе. 19 июля 1942 г. перебросен в тыл Красной армии на территорию Средне-Ахтубинского района Сталинградской обл. Особым совещанием при НКВД СССР 25 июля 1942 г. осуждён по обвинению в измене Родине к расстрелу. Не реабилитирован.

⁴¹ Аверин Николай Герасимович (1906–1942), в сентябре 1941 г. попал в плен, содержался в Новоград-Вольском лагере военнопленных командиров РККА. Завербован германской разведкой, в 1942 г. окончил Варшавскую разведшколу (мест. Сулеювек). Особым совещанием при НКВД СССР 25 июля 1942 г. осуждён по обвинению в измене Родине к расстрелу. Сведений о реабилитации не имеется.

⁴² Литман Аркадий Семенович (1898–?), руководящий работник советских органов безопасности; подполковник ГБ (на 1943). Начальник следственной части УНКВД по Сталинградской обл. (май 1940–август 1941), начальник КРО УНКВД по Сталинградской обл. (август 1941–июнь 1943), зам. начальника УНКВД по Сталинградской обл. (июнь 1943–февраль 1945), в распоряжении УНКГБ по Грозненской обл. (с марта 1945).

⁴³ Аргат Василий Васильевич (1909–1943) – бывш. мл. лейтенант РККА, командир 2-й роты 401-го отдельного строительного батальона. В ноябре 1941 г. попал в плен, содержался в лагере в г. Владимир-Вольнск. Завербован германской разведкой, окончил Варшавскую разведшколу (мест. Сулеювек) и в июле 1942 г. сброшен на парашюте в районе хут. Шляховского Логовского района. Особым совещанием при НКВД СССР 11 сентября 1942 г. осуждён по обвинению в измене Родине к расстрелу. Не реабилитирован.

⁴⁴ Агеева Ксения Маркедоновна (1915–?), секретарь-счетовод Клетского райотделения УНКВД по Сталинградской обл. (май 1941–январь 1942).

⁴⁵ Сталинградский корпусной район ПВО – оперативное объединение войск ПВО во время Великой Отечественной войны. Для прикрытия Сталинграда от налётов немецкой авиации переформирован в июне 1942 г. из Сталинградского дивизионного района ПВО, разделённого на семь секторов. Состав: зенитно-артиллерийские полки, зенитные бронепоезда, прожекторные батальоны, отдельные роты ВНОС, 102-я истребительная диви-

зия (406 зенитных орудий калибра 76–85 мм; 126 зенитных орудий калибра 25–37 мм; 165 прожекторов; 85 аэростатов заграждения; 6 зенитных бронепоездов; 3 РЛС «Пегматит»). Личный состав – 8000 чел. (большинство – девушки). К моменту выхода немецких войск к Сталинграду части ПВО привлекались для отражения наземных атак и вскоре были переданы в подчинение частям 62-й армии.

⁴⁶ Будников Михаил Васильевич (1903–?), руководящий работник советских органов безопасности; капитан ГБ (1943). Зам. начальника, начальник 4-го отдела УНКВД по Сталинградской обл. (август 1942–ноябрь 1943 г.).

⁴⁷ Плужников Михаил Иванович (1906–1942) – руководящий работник советских органов безопасности; лейтенант ГБ (на 1942). Начальник Чернышковского райотделения УНКВД по Сталинградской обл. (август 1941 г.–июль 1942 г.).

⁴⁸ Уланов Алексей Федорович (1905–?), руководящий работник советских органов безопасности; майор (1947). Оперуполномоченный Чернышковского райотделения УНКВД–УНКГБ по Сталинградской обл. (август 1941–май 1944), начальник Кагановичского райотделения УНКВД по Сталинградской обл. (апрель 1941–август 1941).

⁴⁹ 62-я армия – оперативное войсковое объединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована 10 июля 1942 г. на базе 7-й резервной армии. Состав: 33-я Гвардейская, 147, 181, 184, 192 и 196-я стрелковые дивизии, 121-я танковая бригада и части усиления. 12 июля 1942 г. включена во вновь созданный Сталинградский фронт. Командующие: генерал-майор В.Я. Колпакчи (июль–август 1942); генерал-лейтенант А.И. Лопатин (август–сентябрь 1942); генерал-майор Н.И. Крылов (сентябрь 1942); генерал-лейтенант В.И. Чуйков (сентябрь 1942–апрель 1943).

⁵⁰ 64-я армия – оперативное войсковое объединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована 10 июля 1942 г. на базе 1-й резервной армии. 12 июля 1942 г. включена во вновь образованный Сталинградский фронт. С 7 августа 1942 г. входила в состав Юго-Восточного фронта. 1 мая 1943 г. преобразована в 7-ю Гвардейскую армию. Командующие (в период Сталинградской битвы): генерал-лейтенант В.И. Чуйков (июль–август 1942); генерал-лейтенант М.С. Шумилов (август 1942–апрель 1943).

⁵¹ 13-я Гвардейская стрелковая дивизия – тактическое соединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Преобразована 4 марта 1942 г. из 87-й сд 2-го формирования. В сентябре 1942 г. включена в состав 62-й армии Сталинградского фронта. За успешные боевые действия в районе Сталинграда награждена орденом Красного Знамени. Боевые действия закончила на территории Германии как Полтавская, ордена Ленина, дважды Краснознаменная, орденов Суворова и Кутузова 13-я Гвардейская механизированная дивизия. Командир (в период Сталинградской битвы): генерал-майор А.И. Родимцев (январь 1942–май 1943).

⁵² 115-я стрелковая бригада (115-я курсантская стрелковая бригада) – тактическое соединение Красной армии в Великой Отечественной войне. Сформирована в конце 1941 г. в Оренбургской обл. Принимала участие в боевых действиях под Сталинградом в составе 62-й армии в районе дер. Орловки.

⁵³ 57-я армия – оперативное войсковое объединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована 27 октября 1941 г. в Северо-Кавказском военном округе в районе Сталинграда с непосредственным подчинением Ставке как 57-я резервная армия. 10 января 1942 г. включена в состав Южного фронта; участвовала в Харьковской стратегической операции (май 1942). С 20 мая 1942 г. передана в состав Юго-Западного фронта. После пополнения 12 июля 1942 г. была вновь передана Южному, а с 17 июля – Сталинградскому фронту. Участвовала с Сталинградской оборонительной операции. Со второй половины ноября 1942 г. – в составе ударной группировки Сталинградского, с 1 января 1943 г. – Донского фронтов. 1 февраля 1943 г. выведена в резерв Ставки ВГК. Командующие: генерал-майор Д.Н. Никишев (июнь–июль 1942); генерал-лейтенант Ф.И. Толбухин (июль 1942–январь 1943).

⁵⁴ 51-я армия – оперативное войсковое объединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована 20 августа 1941 г. на базе 9-го стрелкового корпуса

с непосредственным подчинением Ставке ВГК. С ноября 1941 г. – 51-я отдельная армия. Создана для обороны Крыма. 28 января 1942 г. включена в состав Крымского, с 20 мая 1942 г. – Северо-Кавказского фронтов. В июне 1942 г. передислоцирована на Дон и с 25 июля 1942 г. включена в состав Южного фронта. С 31 июля 1942 г. вела боевые действия в составе Сталинградского, Юго-Восточного и Сталинградского (2-го формирования) фронтов. Командующие (в период Сталинградской битвы): генерал-майор Т.К. Коломиец (июль–октябрь 1942); генерал-майор Н.И. Труфанов (октябрь 1942); генерал-лейтенант Г.Ф. Захаров (февраль–июль 1943).

⁵⁵ 193-я стрелковая дивизия – тактическое соединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована в декабре 1941–мае 1942 г. Южно-Уральским военным округом. Участвовала в Сталинградской битве. В сентябре 1942 г. вела бои в центральной части Сталинграда. Командир (в период Сталинградской битвы): генерал-майор Ф.Н. Смахотворов (январь 1942–март 1943).

⁵⁶ 8-я воздушная армия – оперативное объединение советских ВВС в годы Великой Отечественной войны. Сформирована 13 июня 1942 г. на основании приказа НКО СССР на базе управления и частей ВВС Юго-Западного фронта. 12 июля 1942 г. включена в состав Сталинградского, с 15 сентября – Юго-Восточного, с 30 сентября – Сталинградского фронта (2-го формирования), с 1 января 1943 г. – Южного фронта (2-го формирования). Командующий: генерал-лейтенант авиации Т.Т. Хрюкин (июнь 1942– июль 1944).

⁵⁷ 63-я армия – оперативное войсковое объединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована 10 июля 1942 г. на базе 5-й резервной армии с непосредственным подчинением Ставке. 12 июля 1942 г. включена во вновь созданный Сталинградский фронт. С 29 октября 1942 г. вела боевые действия в составе Юго-Западного фронта (2-го формирования). 4 ноября 1942 г. преобразована в 1-ю Гвардейскую армию. Командующий: генерал-лейтенант В.И. Кузнецов (июль–ноябрь 1942).

⁵⁸ 21-я армия – оперативное войсковое объединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована в июне 1941 г. в При ВО. С июля 1942 г. вела бои в составе в Сталинградского фронта. За боевые заслуги преобразована в 6-ю Гвардейскую армию. Командующие (в период Сталинградской битвы): генерал-майор А.И. Данилов (июль–ноябрь 1942); генерал-лейтенант И.М. Чистяков (ноябрь 1942–апрель 1943).

⁵⁹ 3-й Гвардейский Гродненский, ордена Ленина кавалерийский корпус – оперативно-тактическое объединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Приказом НКО № 366 от 25 декабря 1941 г. 5-й кавалерийский корпус преобразован в 3-й Гвардейский кавалерийский корпус, а 3-я и 14-я кавалерийские дивизии соответственно в 5-ю и 6-ю Гвардейские кавалерийские дивизии. В составе 5-й Гвардейской Ударной армии участвовал в Сталинградской битве. Командиры: генерал-майор И.А. Плиев (июль–декабрь 1942); генерал-майор Н.С. Осликовский (декабрь 1942–май 1945).

⁶⁰ Кузнецов Василий Иванович (1894–1964), советский военный деятель, генерал-полковник (1943). Герой Советского Союза (1945). С сентября 1939 г. командующий 3-й армией ЗапВО. С августа 1941 г. командующий 21-й армией. С июня 1942 г. командующий 63-й армией Сталинградского (затем Донского) фронта. С ноября 1942 г. зам. командующего Юго-Западным фронтом, с декабря 1942 г. командующий 1-й Гвардейской армией этого же фронта. С декабря 1943 г. зам. командующего 1-м Прибалтийским фронтом, а с марта 1945 г. командующий 3-й Ударной армией.

⁶¹ 66-я армия – оперативное войсковое объединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована 27 августа 1942 г. на базе 8-й резервной армии в резерве Ставки ВГК. 30 сентября 1942 г. включена в состав Сталинградского (с 30 сентября 1942 г. – Донского) фронта и совместно с другими формированиями участвовала в Сталинградской битве. 5 мая 1943 г. преобразована в 5-ю Гвардейскую армию в составе Степного фронта. Командующие: генерал-лейтенант В.Н. Курдюмов (август 1942); генерал-лейтенант С.А. Калинин (август 1942); генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский (август–октябрь 1942); генерал-майор А.С. Жадов (октябрь 1942–апрель 1943).

⁶² 226-я стрелковая дивизия – тактическое соединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована 15 июля 1941 г. в Запорожской обл. 22 июня 1942 г. вошла в состав 21-й армии. 6 августа 1942 г. выведена в резерв Ставки ВГК. 18 октября

1942 г. прибыла на Донской фронт и включена в состав 66-й армии. Участвовала в наступательных операциях под Сталинградом. Командиры: полковник М.А. Усенко (июль–август 1942); полковник Н.С. Никитченко (август 1942–февраль 1943).

⁶³ 252-я стрелковая дивизия (252-я Краснознаменная Харьковско-Братиславская стрелковая дивизия) – тактическое соединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована в июне–июле 1942 г. в Московской области. 18 октября 1942 г. включена в состав 66-й, с 29 октября – 65-й армии Донского фронта. С 7 декабря 1942 г. в составе 21-й армии. С 2 января 1943 г. вновь в составе 65-й армии. Командиры (в период Сталинградской битвы): полковник З.С. Шехтман (август–декабрь 1942); полковник Г.И. Анисимов (декабрь 1942–февраль 1943).

⁶⁴ 212-я стрелковая дивизия – тактическое соединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована в марте 1941 г. в Киевском Особом военном округе как моторизованная дивизия; позднее переименована в стрелковую дивизию. 29 июля 1942 г. выведена в резерв Ставки ВГК. 14 октября 1942 г. переброшена на Донской фронт и 17 октября включена в состав 66-й армии. 20 ноября 1942 г. расформирована. В период Сталинградской битвы дивизией командовал полковник Г.И. Анисимов.

⁶⁵ Боков Федор Ефимович (1904–1984), советский военный деятель, генерал-лейтенант (1943). С июля 1942 г. зам. начальника Генштаба, член Военного совета Северо-Западного (май–ноябрь 1943), 2-го Прибалтийского (ноябрь 1943–февраль 1944), 2-го Белорусского (февраль–апрель 1944) фронтов, 5-й Ударной армии (июль 1944–май 1945).

⁶⁶ 258-я стрелковая дивизия – тактическое соединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована 25 апреля 1942 г. на базе 43-й стрелковой бригады Московского военного округа. В сентябре 1942 г. в составе 40-й армии Воронежского фронта. 12 сентября 1942 г. переброшена на Сталинградский фронт и включена в состав 1-й Гвардейской армии. 21 октября 1942 г. вошла в состав 24-й армии, а с 5 ноября – переподчинена 65-й армии. С 26 ноября 1942 г. вела наступательные бои в составе 5-й танковой, а с 12 декабря – 5-й Ударной армии. Командиры (в период Сталинградской битвы): полковник П.С. Хаустович (сентябрь 1942); подполковник С.С. Левин (сентябрь 1942); полковник И.Я. Фурсин (октябрь–декабрь 1942).

⁶⁷ 27-я Гвардейская Омско-Новобугская стрелковая дивизия – тактическое соединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Ведёт свою историю от 75-й морской стрелковой бригады, сформированной в конце 1941 г. из моряков Каспийской флотилии. Черноморской флота. Краснознаменного учебного отряда подводного плавания и курсантов ВМУЗ. В составе войск Калининского фронта в 1942 г. участвовала в Демянской операции. В марте 1942 г. за отличия в боях преобразована в 3-ю Гвардейскую сбр; в апреле–мае 1942 г. преобразована в 27-ю Гвардейскую сд. В августе 1942 г. включена в состав 1-й Гвардейской армии Сталинградского (затем – Донского) фронта. С 18 октября 1942 г. – в составе 66-й, а с конца октября 65-й армии Донского фронта. Командиры: полковник К.Н. Виндушев (май–июль 1942); полковник В.С. Глебов (июль 1942–май 1945).

⁶⁸ Казакевич Владимир Михайлович (1908–?), руководящий работник советских органов безопасности; полковник ГБ (1943). Зам. начальника ОО НКВД Юго-Западного фронта (ноябрь 1941–август 1942), зам. начальника ОО НКВД Сталинградского фронта (август 1942–октябрь 1942), зам. начальника ОО НКВД Донского фронта (октябрь 1942–февраль 1943), зам. начальника ОО НКВД Центрального фронта (февраль 1943–апрель 1943), зам. начальника УКР «Смерш» Северо-Западного фронта (апрель 1943–апрель 1944), зам. начальника УКР «Смерш» 2-го Белорусского фронта (апрель 1944–март 1945), зам. начальника УКР «Смерш» 4-го Украинского фронта (март 1945–июль 1945).

⁶⁹ 95-я стрелковая дивизия – тактическое соединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована в августе 1942 г. на базе 13-й мотострелковой дивизии внутренних войск НКВД (ей были переданы номер и номера полков 95-й Молдавской стрелковой дивизии). С сентября 1942 г. участвовала в Сталинградской битве в составе 62-й армии. С 1 марта 1943 г. – 75-я Гвардейская сд. Командир (в период Сталинградской битвы): полковник В.А. Горшныш.

⁷⁰ 138-я стрелковая Краснознаменная дивизия – тактическое соединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирована в сентябре 1939 г. в Кали-

нинской обл. Участвовала в советско-финляндской войне, 21 марта 1940 г. награждена орденом Красного Знамени. С апреля 1941 до марта 1942 гг. – 138-я горнострелковая дивизия. С июля 1942 г. участвовала в Сталинградской битве в составе 51-й армии Сталинградского, 64-й армии Юго-Восточного и 62-й армии Сталинградского фронтов. 31 января 1943 г. выведена в резерв Ставки ВГК. За боевые заслуги 6 февраля 1943 г. преобразована в 70-ю Гвардейскую сд. Командир (в период Сталинградской битвы): генерал-майор И.И. Людников.

⁷¹ 45-я Красносельская ордена Ленина Краснознаменная стрелковая дивизия – тактическое соединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. В октябре 1942 г. включена в состав 62-й армии Сталинградского фронта. 1 марта 1943 г. преобразована в 74-ю Гвардейскую сд. Командир (в период Сталинградской битвы): полковник В.П. Соколов (март 1942–март 1943).

⁷² 4-й механизированный корпус – оперативно-тактическое объединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирован в октябре 1942 г. на базе 28-го танкового корпуса в г. Саратов. С ноября 1942 г. в оперативном подчинении 57-й армии. Участвовал в Сталинградской битве в составе Сталинградского фронта. 18 декабря 1942 г. преобразован в 3-й Гвардейский Сталинградский механизированный корпус. Командиры: генерал-майор танковых войск Г.С. Родин (сентябрь 1942–январь 1943).

⁷³ 4-й кавалерийский корпус – оперативно-тактическое объединение Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Сформирован в феврале 1941 г. в Самарканде. В сентябре–октябре 1942 г. передислоцирован в Сталинград. В середине декабря 1942 г. участвовал в разгроме котельниковской группировки противника. В июне 1943 г. расформирован, его части обращены на укомплектование 7-го кавалерийского корпуса. Командир: генерал-лейтенант Т.Т. Шапкин.

⁷⁴ Вольский Василий Тимофеевич (1897–1946), советский военный деятель; генерал-полковник танковых войск (1944). В годы Великой Отечественной войны помощник командующего 21-й армией и Юго-Западным фронтом по автобронетанковым войскам, зам. командующего Крымским и Северо-Кавказским фронтами по танковым войскам. В битве под Сталинградом – командир 4-го (затем 3-го) механизированного корпуса. Зам. командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии (1943), командующий 5-й Гвардейской танковой армией (1944–1945).

*Публикацию подготовили Н.Н. Воякина, Т.М. Гольшикина,
Е.А. Кандалова, С.Ю. Крючкова, В.Г. Макаров*

ЗАГРАДИТЕЛЬНЫЕ ОТРЯДЫ

Для борьбы с дезертирами и подозрительным элементом, в соответствии с директивой 3-го Управления НКО СССР от 27 июня 1941 г., в прифронтовой полосе, на дорогах, железнодорожных узлах и в лесных массивах создавались заградительные отряды. Первоначально подразделения заградительной службы формировались из военнослужащих подразделений и частей войск НКВД по охране тыла фронтов, в их состав включались также оперативные сотрудники особых отделов.

В директиве Управления особых отделов НКВД СССР от 28 июля 1941 г. указывалось на необходимость направления в заградительные отряды опытных оперативных сотрудников, поскольку проверкой задержанных должны заниматься не военнослужащие заградотрядов, а оперативные сотрудники особых отделов¹. При обнаружении признаков состава преступления материалы проверки передавались в военные трибуналы². За период с 22 июня по 10 октября 1941 г. особые отделы НКВД и заградительные отряды войск НКВД по охране тыла задержали 657 тыс. 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Из них оперативными заслонами особых отделов задержано 249 тыс. 969 человек, заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла – 407 тыс. 395 военнослужащих.

Летом 1942 г. необходимо было остановить продвижение врага, прекратить дезертирство и паникёрство на передовой. 28 июля 1942 г. вышел приказ Наркомата обороны СССР № 227 (известный как «Ни шагу назад!»), который оказал огромное влияние на ход военных действий и способствовал упорядочению боевой обстановки на фронтах³. В тылу неустойчивых частей и соединений размещались заградительные отряды, которые поддерживали порядок на линии фронта, предупреждая самовольные отходы с занимаемых позиций отдельных бойцов и мелких групп, а также целых подразделений и частей.

Представленные документы из архивов ФСБ России рассказывают о создании и деятельности заградотрядов за период с августа по декабрь 1942 г. Это – справки и указания Управления особых отделов НКВД СССР и докладные записки наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия в Государственный комитет обороны и Генеральный штаб Красной армии. Особое внимание уделено Сталинградскому фронту, так как именно на этом участке разворачивались основные боевые действия.

В период ожесточённых боёв с противником заградительные отряды на Сталинградском и Донском фронтах сыграли важную

роль при наведении порядка в воинских частях и предупреждении их неорганизованного отхода с занимаемых рубежей, возвращении бойцов на передовую. В то же время, по мнению руководства военной контрразведки, заградительные отряды часто привлекались к ведению боевых действий без достаточных оснований, неся при этом значительные потери. Не удалось избежать ошибок и неправомерных действий со стороны работников следственных аппаратов и командиров заградотрядов. Решения принимались поспешно, подробное разбирательство проводилось не всегда. Имели место необоснованные аресты, необъективное ведение следствия, недостаточно тщательное и всестороннее расследование, допускались многочисленные нарушения уголовно-процессуального законодательства.

№ 1

**СПРАВКА УОО НКВД СССР
С ПЕРЕЧНЕМ ВОПРОСОВ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ ФРОНТОВ
В СВЯЗИ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ ЗАГРАДОТЯДОВ**

Не ранее 4 августа 1942 г.
Совершенно секретно*

В связи с организацией заградотрядов по приказу НКО № 227 некоторые особые отделы фронтов выдвигают следующие вопросы:

ОО НКВД Северо-Западного фронта⁴ № 693 от 4 августа с.г. ходатайствует об увеличении штаба Особого отдела на 16 человек, из расчёта 1 ст. оперуполномоченный для обслуживания штрафного пулемётного батальона и 15 оперативных уполномоченных для обслуживания созданных заградительных отрядов, по одному уполномоченному на каждый отряд.

Особый отдел считает целесообразным на этих уполномоченных возложить, помимо агентурной работы, следствие и фильтрацию задержанных, а также, с санкции начальника особого отдела армии и дивизии, дать право внесудебных расстрелов. Обслуживание штрафных рот ОО фронта считает целесообразным осуществлять силами особых отделов тех дивизий и бригад, которым эти роты будут приданы.

Кроме того, ОО просит разъяснения по вопросу, чьим решением будут зачисляться в штрафные части провинившиеся командиры и красноармейцы.

Как сообщил Особый отдел фронта, у командования фронта имеются тенденции постоянный командно-политический состав штраф-

ных частей назначать из числа провинившихся, что Особый отдел считает неправильным.

Особый отдел Калининского фронта⁵ № 4 от 3 августа с.г. оперативное обслуживание штрафных батальонов и рот считает целесообразным осуществлять путем прикрепления по одному оперативному работнику к каждому штрафному батальону и роте.

Особый отдел Карельского фронта⁶ просит сообщить порядок оформления назначения на должности начальников заградительных отрядов и за счёт каких средств они должны содержаться.

Особый отдел Сталинградского фронта⁷ № 4783 от 1 августа с.г. просит разъяснить, по какому штату содержать начальников заградительных отрядов, а также оперработников, обслуживающих штрафные батальоны и роты.

Кроме того, в процессе организации заградительных отрядов по 4-й танковой армии Сталинградского фронта Особому отделу неясны следующие вопросы:

1. Должны ли заградотряды в сложной боевой обстановке, при прорыве противником линии обороны наших войск, участвовать в бою.

2. Должны ли заградотряды нести контрольно-пропускные функции, проверять всех следующих от линии фронта.

3. На каком расстоянии от наступающих частей должны находиться заградотряды.

4. В каких случаях и кто из заградотрядов может расстреливать сбегавших с поля боя красноармейцев одиночным порядком.

5. Как должен оформляться акт расстрела, нужно ли вносить постановление, акт или ещё какой документ, кто его составляет и кто утверждает.

6. Должны ли работники заградотрядов иметь какие-либо документы, удостоверяющие их личность или отличительные знаки.

7. Каким порядком начальник заградотряда направляет задержанных красноармейцев в штрафные роты и кто должен принимать решение о направлении в штрафную роту.

В качестве пожелания работники Особого отдела и заградотрядов 4-й танковой армии считают целесообразным проведение следующих мероприятий:

1. Ввести в штаб Особарма 2–3 единицы оперработников для руководства работой заградотрядов, в том числе зам. начальника 4-го отделения, ведающего специально этими вопросами или пом. начальника Особарма по заградотрядам.

2. Ввести в штат заградотрядов конные взводы.

3. Командирами заградительных отрядов назначать командный состав войск НКВД.

4. Внутренний распорядок и службу заградотрядов вести по принципу погранвойск НКВД.

Начальник 4-го отдела
Управления ОО НКВД СССР
майор госбезопасности

Болотин⁸

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 379. Л. 6–8.
Машинописная копия.

* Датируется по содержанию.

Помета на документе: «т. Болотину.»; «Использовать в докладной записке 7 сентября. Болотин».

№ 2

СПРАВКА УОО НКВД СССР О ФОРМИРОВАНИИ И КАДРОВЫХ НАЗНАЧЕНИЯХ В ЗАГРАДОТРЯДАХ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА, ПО СОСТОЯНИЮ НА 4 АВГУСТА 1942 Г.

*Не ранее 4 августа 1942 г.
Совершенно секретно*

В соответствии с приказом т. Сталина Особым отделом НКВД Сталинградского фронта, по состоянию на 4 августа с.г., сформированы заградительные отряды в следующих армиях:

В 1-й танковой армии – 1 отряд, в 4-й танковой армии – 3 отряда, в 21-й армии – 3 отряда, в 62-й армии – 1 отряд, в 63-й армии – 4 отряда, всего организовано 12 заградительных отрядов. Во главе отрядов Особым отделом фронта поставлены боевые, проверенные на практической работе особысты.

В 1-й танковой армии командирами отрядов назначены: бывш. ст. оперуполномоченный Особого отдела 199-й сд мл. лейтенант госбезопасности Литвиненко⁹; бывш. ст. оперуполномоченный особого отдела той же дивизии мл. лейтенант госбезопасности Штока¹⁰; мл. лейтенант милиции Сечковский.

В 4-й танковой армии командирами отрядов назначены: бывш. ст. оперуполномоченный КРО мл. лейтенант госбезопасности Бабич; бывш. оперуполномоченный КРО армии мл. лейтенант госбезопасности Зайцев; бывш. ст. оперуполномоченный 5-го отделения мл. лейтенант госбезопасности Зиновьев.

В 62-й армии командирами отрядов назначены: бывш. следователь особого отдела дивизии мл. лейтенант госбезопасности Бадесов; оперуполномоченный особого отдела тбр ст. лейтенант госбезопаснос-

ти Ельман¹¹; оперуполномоченный особого отдела фронта мл. лейтенант госбезопасности Зотов¹²; ст. оперуполномоченный лейтенант госбезопасности Чуприн¹³.

В 63-й армии командирами отрядов назначены: бывш. ст. оперуполномоченный Особого отдела армии мл. лейтенант госбезопасности Литвинчук¹⁴; бывш. ст. оперуполномоченный особого отдела 1-й сд мл. лейтенант милиции Яровой¹⁵; бывш. оперуполномоченный особого отдела армии Елисеев¹⁶; бывш. командир бронемашины в танковой бригаде Королев. В 51-й армии командирами отрядов назначены: бывш. следователь особого отдела армии мл. лейтенант госбезопасности Метликов¹⁷; бывш. оперуполномоченный 4-го отделения особого отдела армии мл. лейтенант госбезопасности Дубров; бывш. ст. оперуполномоченный особого отдела дивизии мл. лейтенант госбезопасности Наконечный¹⁸; бывш. ст. оперуполномоченный особого отдела дивизии мл. лейтенант госбезопасности Триль¹⁹; бывш. оперуполномоченный особого отдела дивизии мл. лейтенант госбезопасности Амбарсулов.

В стадии формирования находится 14 заградительных отрядов, организация которых в ближайшие дни будет закончена. С 25 июля по 1 августа с.г. заградительными отрядами фронта задержано 6629 военнослужащих, из них арестовано 197 человек, в том числе: дезертиров 141, трусов и паникёров 34 человека, членовредителей 22 человека. Из числа арестованных расстреляно перед строем 89 человек. Остальные военнослужащие после соответствующей фильтрации направлены в части.

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 379. Л. 13–14.
Машинописная копия.

№ 3

ПРОЕКТ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ НКВД СССР О СОЗДАНИИ, УКОМПЛЕКТОВАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАГРАДОТЯДОВ НА СТАЛИНГРАДСКОМ ФРОНТЕ

*Не ранее 9 августа 1942 г.
Совершенно секретно*

В ГКО
И.В. Сталину

В связи с приказом Ставки Верховного Главного командования Красной армии о формировании на Сталинградском фронте заградительных отрядов на место был командирован начальник Управления особых отделов т. Абакумов²⁰ с группой работников, который установил следующее: Военный совет Сталинградского фронта затянул формирование заградительных отрядов на 3–4 дня вследствие того, что не организовал контро-

ля за ходом формирования отрядов, перепоручив всю работу Военным советам армий, которые, затянув организацию отрядов, допустили также ряд неправильных действий, в результате чего в отдельных случаях отряды были сформированы из малоустойчивых бойцов, вышедших из окружения и не имевших боевого опыта в условиях фронта.

В 64-й армии на 6 августа отрядов создано не было, несмотря на то, что телеграммой Ставки подчеркивалась необходимость быстрее создания заградительных отрядов именно в данной армии. Военный совет армии при наличии возможности выполнить приказ в срок и укомплектовать отряды из дальневосточных и сибирских частей, безответственно отнесся к этому, самоустранился от формирования отрядов, а поручил эту работу начальнику отдела укомплектования полковнику Кириллову, который затянул формирование. Кириллову же Военный совет предложил сформировать заградительные отряды из числа курсантов военных училищ Северо-Кавказского военного округа 1923–1924 г.р., прибывших в состав армий и совершенно не участвовавших в боях.

В 51-й армии, ввиду малочисленности армии, в которой насчитывается не более 1900 активных штыков, 6 августа создано 2 заградительных отряда по 100 человек в каждом, хотя Военный совет фронта, без учёта наличия личного состава, приказал Военному совету 51-й армии также создать 5 заградительных отрядов. При формировании указанных двух отрядов со стороны Военного совета 51-й армии и некоторых её командиров было также установлено безответственное отношение к выполнению приказа Ставки. Начальник отдела укомплектования Янушкевич, в соответствии с указанием члена Военного совета Воронкова, выделил на укомплектование отрядов 350 человек из различных частей, находившихся на сборно-пересыльном пункте армии без оружия и обмундирования.

По настоянию Особого отдела фронта Военный совет армии отменил свое распоряжение и приказал командиру 91-й сд Калинину²¹ выделить из состава дивизии 200 человек на укомплектование заградительных отрядов. Командир 617-го полка 91-й дивизии, получив приказание, назначил в отряд одну роту полка, из которой ранее изменило Родине 25 человек, и она решением Военного совета намечалась к расформированию как неустойчивая.

В 62-й армии на 6 августа было сформировано 3 отряда на правом берегу Дона. 7 августа противник начал наступление, прорвал оборону и местами вышел к берегу Дона в районе Калач и южнее. Заградительные отряды, ввиду малочисленности дивизий, в создавшейся обстановке, были вынуждены действовать в составе дивизий как обычные подразделения. В результате принятых мер во всех армиях были сформированы заградительные отряды, укомплектованы надёжным составом, вооружены и направлены на участки дивизий для выполнения заданий.

Особый отдел фронта, в соответствии с телеграммой Ставки, назначил начальников заградительных отрядов из числа особистов.

По состоянию на 9 августа, созданы и действуют заградительные отряды: в 21-й армии – 4, в 62-й армии – 3, в 63-й армии – 4, в 64-й армии – 5, в 51-й армии – 2, в 1-й танковой армии – 3, в 4-й танковой армии – 3 отряда. Случаев паники и беспорядочного отхода частей в 63-й, 21-й, 64-й, 51-й и двух танковых армиях, вызывающих необходимость применения действий отрядов, не было. Заградительными отрядами за период с 6 по 8 августа задержано одиночек и мелких групп – 722 человека, из которых расстреляно – 27, арестовано – 23, направлено в штрафные роты – 275, остальные направлены на пересыльные пункты.

Народный комиссар
внутренних дел СССР

Берия

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 379. Л. 15–17.
Машинописная копия.

Пометы на документе: «тов. Кривобоков, храните этот документ в деле фронта по заградотрядам. Болотин. 31 августа»; «Документ не пошёл. Болотин».

№ 4

СПРАВКА УОО НКВД СССР О РЕЗУЛЬТАТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАГРАДОТЯДОВ СТАЛИНГРАДСКОГО, КАЛИНИНСКОГО, КАРЕЛЬСКОГО И СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТОВ, ПО СОСТОЯНИЮ НА 5 АВГУСТА 1942 Г.

10 августа 1942 г.
Совершенно секретно

По сообщению особых отделов НКВД Сталинградского, Калининского, Карельского и Северо-Западного фронтов, ими, во исполнение приказа НКО № 227, по состоянию на 5 августа 1942 г., создано 67 заградительных отрядов. По Сталинградскому фронту создано 26 заградительных отрядов: в 21-й армии – 5 отрядов, в 28-й армии – 3, в 38-й армии – 3, в 51-й армии – 2, в 62-й – 4, в 63-й армии – 4 и в 64-й армии – 5.

Начальниками заградительных отрядов назначены проверенные в боях особисты из числа аппарата ОО фронта армии и особых отделов дивизий. В числе назначенных: ст. лейтенантов госбезопасности – 1, лейтенантов госбезопасности – 4 человека и мл. лейтенантов госбезопасности – 19 человек, 1 мл. лейтенант милиции и один без спецзвания.

По Калининскому фронту создан 21 заградительный отряд: в 3-й ударной армии – 4, 4-й армии – 2, 2-й армии – 2, 29-й армии – 4,

30-й армии – 5, 41-й армии – 3, 58-й армии – 1. По Карельскому фронту создано 9 заградительных отрядов: в 14-й армии – 2, в 19-й армии – 2, в 26-й армии – 3 и 32-й армии – 2.

По Северо-Западному фронту создано 15 заградительных отрядов. Начальниками всех заградительных отрядов по Калининскому, Карельскому и Северо-Западному фронтам также назначены проверенные в боях работники особых отделов.

Особый отдел Карельского фронта сообщил, что в числе назначенных имеется: ст. лейтенантов госбезопасности – 1, лейтенантов госбезопасности – 6 и мл. лейтенантов госбезопасности – 2. Численность всех сформированных отрядов от 150 до 200 человек.

За 5 августа заградительными отрядами четырёх армий (21-й, 51-й, 63-й и 1-й танковой) Сталинградского фронта задержано 2273 человек, из них: расстреляно перед строем по постановлению особых органов – 20 человек, направлено в штрафные роты – 12 человек, арестовано – 5.

Остальные направлены в воинские части, пересыльные пункты, спецлагеря, отдел кадров и укомплектование.

В течение 6–7 августа заградительными отрядами 21-й армии Сталинградского фронта задержано 197 человек, из них расстреляно перед строем – 3, направлено в штрафную роту – 27 человек, арестовано – 4. Остальные направлены в свои части, спецлагеря, отдел кадров и укомплектование.

Заградительными батальонами и взводами особых отделов дивизий, 21-й и 4-й танковой армий Сталинградского фронта за 6 и 7 августа с.г. задержано 139 человек, из них: расстреляно паникёров 1 человек, арестовано – 8 человек, остальные направлены в воинские части.

От других особых отделов фронтов данных об организации заградительных отрядов и их работе, по состоянию на 10 августа 1942 г., не поступило.

Начальник 4-го отдела
Управления Особых отделов НКВД СССР
майор госбезопасности

Болотин

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 379. Л. 2–3.
Машинописная копия.

Помета на документе: «т. Кривобокову».

№ 5

**ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА НКВД СССР О ПОЛОЖЕНИИ
НА СТАЛИНГРАДСКОМ И ЮГО-ВОСТОЧНОМ ФРОНТАХ
И ДЕЙСТВИЯХ ЗАГРАДОТРЯДОВ**

№ 1664/б

*28 сентября 1942 г.
Совершенно секретно*ГКО – т. Сталину
ГКО – т. Молотову
Генштаб КА – т. Василевскому

НКВД СССР докладывает донесения Особых отделов Сталинградского и Юго-Восточного фронтов²²: «В результате начавшегося 4 сентября наступления 66-й армии вдоль р. Волга, в направлении Рынок–Орловка, наши части продвинулись на 1 км, заняв высоту 129.

1-я гвардейская и 24-я армии продвижения не имели. Противник оказывает сильное сопротивление с земли и воздуха. Наша пехота и авиация проявляют слабую активность, а также плохо организовано взаимодействие родов войск.

Так, начальник штаба 87-й тбр 7-го тк 60-й армии подполковник Шевцов заявил: «Огневые точки противника подавлены слабо, пехота идёт пешком и отстает от танков. Танки при наступлении двигаются неорганизованно, то вперед, то назад, что увеличивает число потерь. 87-я тбр при наступлении 18 сентября в таких условиях потеряла все танки, но успеха не добилась».

99-я сд с 25 сентября продвинулась всего на 500 м, потеряв до 2 тыс. человек. По оценке командования, дивизия несёт большие потери и не имеет успеха, потому что ряд командиров полков и батальонов (например, Евсиков, Маслей и др.) подготовлены крайне слабо, вследствие чего организовать бой не умеют.

В течение 7 сентября противник наступал в центре города, в районе высоты 102 и пос. «Красный Октябрь», силой до двух пехотных дивизий со 150 танками и к исходу дня, в результате ожесточённых уличных боев, потеснил наши части и овладел районами северо-западнее и южнее высоты 102, а также пос. «Красный Октябрь».

Противнику удалось также выйти к Волге вдоль ж.д. от Валдайской улицы до центральной пристани. Противник несёт большие потери. Только в районе высоты 102 и пос. «Красный Октябрь» подбито и уничтожено до 50 танков противника.

Авиация противника в течение 27 сентября групповыми налётами бомбила наши порядки. Зарегистрировано до 600 самолётпролётов над Сталинградом. Наши части имеют также большие потери.

В отдельных соединениях насчитывается от 130 до 300 активных штыков. На правом крыле 64-й армии, действующей в районе Купоросное, наши части 27 сентября вели наступательные операции и овладели топоробразной рощей и квадратной рощей.

В результате наступления противника 27 сентября части 62-й армии, обороняющие центр города и его северную часть, оказались в тяжёлом положении. Командование фронтом в связи с этим вводит в бой вновь прибывшую 193-ю сд и считает крайне необходимым оказание фронту помощи новыми людскими резервами и материальной частью.

В г. Астрахань, в 785-м батальоне аэродромного обслуживания, имел место случай заболевания холерой ст. лейтенанта отряда связи Астахова, который в госпитале скончался. С симптомами заболевания холерой в санчасть 785-го бао доставлены ещё 5 человек военнослужащих из этого же отряда и 1 человек из бао.

Заградотрядами Юго-Восточного фронта за 27 сентября задержано 133 человека. Арестовано 34 человека, из них: шпионов – 1 человек, изменников Родине – 4 человека, трусов – 5 человек, членовредителей – 19. Расстреляно перед строем 5 человек.

Остальные направлены в свои части».

Народный комиссар
внутренних дел СССР

Берия

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 15. Л. 85-86. Машинописная копия.

№ 6

СПРАВКА УОО НКВД СССР ПО ДОНЕСЕНИЯМ ОСОБОГО ОТДЕЛА СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА О РАБОТЕ ЗАГРАДОТЯДОВ С 26 ПО 30 СЕНТЯБРЯ 1942 Г.

*3 октября 1942 г.
Совершенно секретно*

Особый отдел НКВД Сталинградского фронта о работе заградотрядов сообщил: за период с 26 по 30 сентября с.г. заградительными отрядами фронта задержано 1294 человека военнослужащих, в том числе комначсостава – 3.

Из числа задержанных: арестовано 76 человек, в том числе, комначсостава – 1, расстрелян 21, направлено в штрафные роты 5, штрафные батальоны – 2. Остальные 1190 человек направлены на пересыльные пункты и свои части.

Старший оперуполномоченный
3-го отд[еления] 4-го отд[ела]
ст. лейтенант госбезопасности

Сидоров

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 386. Л. 8. Подлинник
Рукопись.

№ 7

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА НКВД СССР О ПОЛОЖЕНИИ НА СТАЛИНГРАДСКОМ ФРОНТЕ И О ДЕЙСТВИЯХ ЗАГРАДОТЯДОВ, ПО СОСТОЯНИЮ НА 4 ОКТЯБРЯ 1942 Г.

№ 1713/б

*5 октября 1942 г.
Совершенно секретно*

ГКО – т. Сталину
ГКО – т. Молотову
Генштаб КА – т. Василевскому

НКВД СССР докладывает донесение Особого отдела Сталинградского фронта: «В течение 4 октября на участке 62-й армии противник силой до пехотной дивизии с 40–50 танками продолжал развивать наступление из пос. «Красный Октябрь» и «Баррикады» в направлении пос. СТЗ и завода «Красный Октябрь».

Авиация противника массированными налётами на наши боевые порядки в указанных районах прокладывала путь врагу. Наши войска, оказывая упорное сопротивление, отходят. Противник проник в район от ж.-д. полотна, находящегося у ул. Северной (северная часть Сталинграда), вдоль ж.д. по Цеховой и западнее вдоль ул. Добрынская до Депутатской, Нижне-Учинской и Дизельской, развивая наступление на Скульптурное, Культармейское и пос. СТЗ. На этом участке фронта 4 октября введены вновь прибывшие на фронт 37-я Гв. сд и 84-я тбр.

На участке 51-й армии противник силою до пехотного полка и 70 танков наступал на восток и овладел высотой 83,1. На участке 64-й армии в течение 4 октября противник активности не проявлял. Наступление, начатое этой армией 2 октября, согласно приказу

фронта приостановлено. Части армии продвинулись в направлении Зелёная Поляна и Елхи, но дальнейшее продвижение задержалось из-за неорганизованности и отсутствия взаимодействия между частями. Так, командование участвовавших в операции 138-й и 204-й сд и 66-й морской бригады потеряло управление, подразделения перепутались между собой, занимая совместные рубежи, и только 3 октября стали приводиться в порядок. 138-я сд, продвинувшись до высоты 136,1, не закрепились и при контратаке противника стала отступать. 344-й спэтой дивизии увлёк за собою сводный Краснодарский полк Винницкое пехотное училище. Принятыми мерами их удалось остановить и занять оборону. Ведётся расследование. Командир 883-го сп 193-й сд полковник Панышин вместе с полком самовольно ушёл с занимаемых позиций. Панышин арестован.

В связи с ограниченностью резервов на фронте, оборона левого берега Волги организована слабо и поэтому контроль за Волгой и предотвращение возможного форсирования её противником не обеспечивается. На протяжении 60 км оборону занимает 2-й тк, выведенный в резерв вследствие потери материальной части и личного состава. Оборонительные сооружения не закончены. Маскировка их отсутствует. Минирование участков не проводилось, проволочного заграждения нет. Заградотрядами фронта за 4 октября задержано 202 человека. Арестовано – 27 человек, из них расстреляно – 11, в том числе перед строем – 7. Остальные отправлены в части».

Народный комиссар
внутренних дел СССР

Берия

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 15. Л. 161–162. Машинописная копия.

№ 8

**ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА НКВД СССР О ПОЛОЖЕНИИ
НА СТАЛИНГРАДСКОМ ФРОНТЕ И ДЕЙСТВИЯХ
ЗАГРАДОТРЯДОВ, ПО СОСТОЯНИЮ НА 5–6 ОКТЯБРЯ 1942 Г.**

№ 1725/6

7 октября 1942 г.
Совершенно секретно

ГКО – т. Сталину
ГКО – т. Молотову
Генштаб КА – т. Василевскому

НКВД СССР докладывает донесение Особого отдела Сталинградского фронта: «В течение 5 октября на участке 62-й армии противник вел наступательные операции в северной части Сталинграда, направляя

главный удар на СТЗ, «Баррикады» – вдоль р. Орловка. Авиация противника продолжала воздействовать на наши боевые порядки, занимающие оборону в названном направлении. Несмотря на большие потери, противнику, силой до двух пехотных дивизий с тяжёлыми танками, удалось потеснить наши части и выйти к р. Орловка (один километр юго-восточнее отметки 75,9) и юго-восточнее с. Орловка, где он окружил два батальона 115-й сбр, которые ведут тяжёлые бои в окружении. В течение ночи этим батальонам были сброшены с самолётов продукты питания и боеприпасы. На других участках фронта отдельные атаки немцев были отбиты. В течение 6 октября противник активности не проявлял.

Во время наступления немцев в направлении ул. Житомирская, Дизельная и пос. СТЗ наши части уничтожили до роты противника и 21 танк. Противник продвижения не имел. Разведанные указывают на сосредоточение крупных сил противника в районе ул. Дизельная, Силикатная и пос. «Баррикады». На участке 51-й и 57-й армий до 100 танков противника имеют намерение 7 или 8 октября повести широкое наступление за овладение северной частью г. Сталинграда, а на юге выйти к Волге в районе Райгород. Вследствие потери за последнее время значительного количества переправочных средств, перевозка войск в Сталинград усложнилась. Прибывшая 84-я тбр в течение трёх суток переправляется в Сталинград и к исходу 6 октября сумела перебросить лишь 50% личного состава и материальной части. Части 62-й армии ощущают большую нужду в боеприпасах, главным образом, в минах 82 мм, которых на складах нет, а также в артснарядах 76 мм и 45 мм. Из-за отсутствия патронов к ПТР расчёты противотанковых ружей получают на день только по 10 патронов. Противник проводит усиленную радиоагитацию на русском языке, сбрасывает большое количество листовок с призывом к командирам и политработникам сдаваться в плен.

В частях фронта имеют место случаи отхода частей без приказа с занимаемых рубежей. Так, 28 сентября отошёл с занимаемых рубежей без приказа командования 2-й тб 6-й гв. тбр, а за ним отошла 1-я рота мсб 6-й гв. тбр. Принятыми особым отделом фронта мерами положение было восстановлено и отошедшие части возвращены на прежние рубежи. Ведётся расследование. 28 сентября во время наступления противника убежали с поля боя и нанесли себе саморанения комиссар 1-й роты мсбр политрук Князев и красноармеец Латов. Князев и Латов расстреляны перед строем. Заградительными отрядами задержано 93 человека, из них арестовано – 19. Расстреляны 1 человек за дезертирство с поля боя, остальные направлены в части».

Народный комиссар
внутренних дел СССР

Берия

№ 9

**ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА НКВД СССР О ДЕЙСТВИЯХ
ЗАГРАДОТРЯДОВ НА СТАЛИНГРАДСКОМ И ЮГО-ВОСТОЧНОМ
ФРОНТАХ, ПО СОСТОЯНИЮ НА 30 СЕНТЯБРЯ 1942 Г.**

№ 1763/б

11 октября 1942 г.
Совершенно секретно

ГКО – т. Сталину
ГКО – т. Молотову

НКВД СССР докладывает, что по состоянию на 30 сентября с.г., в частях Сталинградского и Юго-Восточного фронтов действовал 41 заградительный отряд. Отряды укомплектованы за счёт бойцов и командиров, проявивших себя положительно в боях против немцев, а начальниками отрядов назначены проверенные в боях особысты.

С начала введения в действие заградительных отрядов ими задержано 45 465 военнослужащих, в том числе 218 человек командного состава, сбежавших с передовой линии фронта. Из числа задержанных арестовано 699 человек, по постановлениям особых отделов на месте и перед строем расстреляно трусов, паникеров и членовредителей – 664 человека, направлено в штрафные батальоны и роты – 1 292 человека, возвращено в свои части и на пересыльные пункты – 41 472 человека.

Действиями заградительных отрядов на линии фронта наводился порядок, предупреждались самовольные отходы с занимаемых позиций отдельных лиц и мелких групп, а также и подразделений и частей. 6 августа в результате обстрела противником командного пункта и боевых порядков части 91-й сд 51-й армии, находящиеся в обороне, начали беспорядочно отходить. Заградительный отряд армии открыл по отступающим частям огонь и возвратил на исходное положение 200 человек бойцов и командиров, в результате паника была прекращена.

14 сентября противник предпринял наступление против частей 399-й сд 62-й армии, несшей оборону г. Сталинграда. Бойцы и командиры 396-го и 472-го сп в панике стали отходить. Но принятыми заградительным отрядом мерами личный состав полков был остановлен и занял прежние рубежи своей обороны.

5 сентября заградительным отрядом 62-й армии задержано 102 человека военнослужащих 196-й сд, сбежавших с поля боя, [которые] возвращены в свои части.

В боях за Сталинград, когда отдельные части из-за больших потерь не в состоянии были удерживать оборону, заградительные

отряды по требованию командования вступали в бой с противником и успешно сдерживали его натиск. В течение двух суток, 15 и 16 сентября, 3-й заградительный отряд 62-й армии успешно вёл бои с превосходящими силами противника в районе ж.-д. вокзала Сталинграда. Несмотря на свою малочисленность, заградительный отряд не только отбивал атаки противника, но и нападал на него, причиняя значительные потери в живой силе. Свой рубеж отряд оставил только тогда, когда на смену подошли части 10-й сд. 4-й заградительный отряд 62-й армии в течение четырёх суток отражал атаки противника в районе занятой обороны на подступах к важной высоте и свой рубеж удерживал до подхода воинских частей.

Непосредственно в районе боевых действий заградительными отрядами проводились облавы по задержанию дезертиров и другого преступного элемента в тылах дивизий и армий. Отмечены факты, когда отдельные командиры соединений неправильно понимали функции и назначения заградительных отрядов и стремились использовать их не по назначению. Бывший командир 15-й гв. сд генерал-майор Василенко²³ 24 августа с.г. приказал начальнику 3-го заградительного отряда снять одну роту, прикрывающую боевые порядки дивизии, для ремонта дорог, а когда начальник отряда доложил о невозможности выполнения этого приказа, Василенко арестовал его. Принятыми особым отделом армии мерами начальник заградительного отряда был освобождён.

Народный комиссар
внутренних дел СССР

Берия

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 15. Л. 288–289. Машинописная копия.

№ 10

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА НКВД СССР О ПРИКАЗЕ КОМАНДУЮЩЕГО ДОНСКИМ ФРОНТОМ К.К. РОКОССОВСКОГО ЗАГРАДОТЯДАМ 66-Й АРМИИ

№ 1818/б

24 октября 1942 г.
Совершено секретно

Председателю ГКО СССР
И.В. Сталину

От Особого отдела НКВД Донского фронта²⁴ 24 октября с.г. получено следующее донесение: «Командующий генерал-лейтенант Рокоссовский²⁵ приказал заградительные отряды 66-й армии продвинуть вплотную к боевым порядкам наступающей пехоты.

Мотивирует он это тем, что пехота, несмотря на приказы, не поднимается в атаку.

Заградительным отрядам ставится задача силой оружия понудить пехоту наступать.

Прошу срочно указаний, так как при огневой насыщенности позиций противника и необходимости ходить по боевым порядкам, поднимая под огнём пехоту, заградительные отряды в один–два дня существовать перестанут».

Народный комиссар
внутренних дел СССР

Берия

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 16. Л. 92. Машинописная копия.

№ 11

СПРАВКА УОО НКВД СССР ПО ДОНЕСЕНИЯМ ОСОБОГО ОТДЕЛА ДОНСКОГО ФРОНТА О РАБОТЕ ЗАГРАДОТРЯДОВ С 15 ПО 20 ОКТЯБРЯ 1942 Г.

*26 октября 1942 г.
Совершенно секретно*

Особый отдел Донского фронта сообщил, что за период с 15 по 20 октября с.г. заградительными отрядами фронта задержано 1013 человек.

Из числа задержанных: арестовано – 14, расстрелян – 1, направлено в штрафной батальон – 18.

Остальные 980 возвращены в свои части.

Ст. оперуполномоченный
3-го отделения 4-го отдела
УОО НКВД СССР
ст. лейтенант госбезопасности

Сидоров

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 386. Л. 17. Подлинник.
Рукопись.

Помета на документе: «Внесено в сводку с 20 по 25 октября 1942. Сидоров. 27 октября 1942.».

№ 12

**ШИФРТЕЛЕГРАММА № 1 УОО НКВД СССР В ОО НКВД
ДОНСКОГО ФРОНТА О ПОДЧИНЕННОСТИ ЗАГРАДОТРЯДОВ
И ПОРЯДКЕ НАЗНАЧЕНИЯ НАЧАЛЬНИКОВ ОТРЯДОВ**

*Не ранее 17 ноября 1942 г.
Совершенно секретно*

Особый отдел НКВД Донского фронта
тов. Косолапову²⁶
На № 4507 ш/т

Заградительные отряды подчинены особому отделу только на Сталинградском фронте. На всех остальных фронтах подчинены командованию. В соответствии с этим назначаются и начальники отрядов.

Заместитель начальника Управления
Особых отделов НКВД СССР
ст. майор госбезопасности

Осетров²⁷

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 386. Л. 29. Рукопись на бланке.

Пометы на документе: «т. Кривобокову. Запросите Косолапова, когда организованы эти заградотряды, перешли ли они из Сталинградского фронта или создавались на месте после разделения. [Подпись неразборчива]. 17 ноября»; «т. Сидорову. Ср[очно] исполните. Кривобоков. 17 ноября 1942.».

№ 13

**СПРАВКА УОО НКВД СССР СО СВЕДЕНИЯМИ О РАБОТЕ
ЗАГРАДОТРЯДОВ ДОНСКОГО ФРОНТА
С 10 ПО 20 НОЯБРЯ 1942 Г.**

*25 ноября 1942 г.
Совершенно секретно*

Особый отдел НКВД Донского фронта сообщил, что за период с 10 по 20 ноября с.г. заградительными отрядами фронта задержано 614 человек военнослужащих.

Из числа задержанных арестованы 33 человека, остальные – 581 – возвращены в свои части.

Старший оперуполномоченный
3-го отделения 4-го отдела
УОО НКВД СССР
ст. лейтенант госбезопасности

Сидоров

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 386. Л. 31.
Машинописная копия.

Помета на документе: «Внесено в сводку с 20 по 25 ноября 1942. Сидоров. 27 ноября 1942».

№ 14

СПРАВКА УОО НКВД СССР ПО ДОНЕСЕНИЯМ ОСОБОГО ОТДЕЛА ДОНСКОГО ФРОНТА О НАЗНАЧЕНИИ КОМАНДИРАМИ ЗАГРАДОТРЯДОВ СОТРУДНИКОВ НКО СССР ВЗАМЕН СОТРУДНИКОВ ОО НКВД СССР

*1 декабря 1942 г.
Совершенно секретно*

Особый отдел НКВД Донского фронта № 4636 от 28 ноября 1942 г. сообщил:

До 1 октября с.г. Донской фронт именовался Сталинградским. На основании телеграммы т. Сталина и решения Военного совета фронта начальниками заградительных отрядов были назначены особысты. Сейчас в составе фронта имеются 12 заградительных отрядов. На основании указания Управления особых отделов начальники заградительных отрядов – особысты – отзываются. [На] их место назначаются командиры Народного комиссариата обороны. Заградительные отряды подчиняются непосредственно командованию армии, одновременно выполняют наши задания.

Старший оперуполномоченный
3-го отделения 4-го отдела
УОО НКВД СССР
ст. лейтенант госбезопасности

Сидоров

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 386. Л. 33–33 об.
Подлинник. Рукопись.

Резолюции на документе: «[...] нач. 4 отд. Доложено т. Абакумову. 1 декабря 1942. Болотин»; «т. Русов. К материалу по этому вопросу. Сидоров.».

№ 15
ПРОЕКТ СПРАВКИ УОО НКВД СССР
О ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ ФРОНТОВ
ПО АГЕНТУРНО-ОПЕРАТИВНОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ
АРМЕЙСКИХ ЗАГРАДОТРЯДОВ

10 декабря 1942 г.
Совершенно секретно

По агентурно-оперативному обслуживанию армейских заградительных отрядов, созданных согласно приказу НКО № 227, некоторые особые отделы НКВД выдвигают следующие вопросы:

Особый отдел Северо-Западного фронта № 693 от 4 августа 1942 г. ходатайствовал об увеличении штата особого отдела на 16 человек, из расчёта 1 ст. оперуполномоченного для обслуживания штрафного батальона и 15 оперативных работников для обслуживания созданных заградительных отрядов, по одному уполномоченному на каждый отряд.

Особый отдел считает целесообразным на этих уполномоченных возложить, помимо агентурной работы, следствие и фильтрацию задержанных, а также, с санкции начальника особого отдела армии или дивизии, дать право внесудебных расстрелов.

Особый отдел Сталинградского фронта № 4783 от 1 августа 1942 г. и № 4901 от 27 августа 1942 г. вносит следующие предложения:

1. Ввести в штаб Особарма 2–3 единицы оперативных работников для руководства работой заградотрядов, в том числе зам. начальника 4-го отделения, ведающего специально этими вопросами или пом. начальника Особарма по заградотрядам.

2. Ввести в штат заградотрядов конные взводы.

3. Командирами заградотрядов назначать командный состав войск НКВД.

Особый отдел Калининского фронта № 19302/4 от 14 ноября 1942 г. ходатайствует о выделении одного оперативного работника в Особарме для обслуживания всех заградотрядов в каждой армии, мотивируя это следующими доводами:

1. Будучи в постоянном подчинении командованию армии, заградительные отряды перебрасываются из одной дивизии на участки других дивизий и полков. Это обстоятельство связано с частой передачей отдельных заградотрядов во временное обслуживание от одного оперативного работника к другому и, до некоторой степени, обезличивает агентурно-оперативную работу.

2. При экстренной переброске заградительных отрядов на участки других дивизий оперативный работник, во временном обслуживании которого находился заградотряд, имея в своем обслуживании другие

постоянные объекты, в боевой обстановке не может быстро передать на связь агентуру и ориентировать о подучётном элементе Особдив, на участок которого перешел заградотряд. Это в отдельных случаях может приводить к разрыву на определенные промежутки времени связи с агентурой, а также нарушению системы разработки подучётного элемента.

3. Оперативный работник Особдива, вновь принявший во временное обслуживание заградительный отряд, в самый ответственный момент его действия не может быстро освоить агентурный аппарат и, не зная характеристику личного состава, не в состоянии правильно направить агентуру на выявление возможных враждебных действий антисоветского элемента. Следовательно, при экстренной переброске заградотряда и неотложных его действий на новых участках агентурно-оперативное обслуживание будет крайне слабое, подучётный элемент на этот период времени выходит из поля зрения оперативного состава.

При наличии в каждой из армий фронта от двух до четырёх заградительных отрядов, с количеством личного состава от 400 до 500 человек и постоянного ответственного оперативного работника на их обслуживании, агентурно-оперативная работа будет находиться в более стабильном положении.

Начальник 3-го отделения
4-го отдела УОО НКВД СССР
ст. лейтенант госбезопасности

Кривобоков

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 380. Л. 31–32.
Машинописная копия.

Помета на документе: «Ср[очно] т. Сидорову. Надо составить справку короче, и с нашими мероприятиями, что мы считаем целесообразным провести в жизнь из намеченных мероприятий и вопросов, выдвинутых ОО фронтов. Подготовьте такой документ. Кривобоков. 16 декабря 1942».

Примечания

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. – М., 2003. – Т. 2. Кн. 1. – С. 412–413.

² Христофоров В.С. Сталинград: Органы НКВД накануне и в дни сражения. – М., 2008. – С. 84.

³ Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. – М, 2011. – С. 159–160.

⁴ Северо-Западный фронт, оперативно-стратегическое объединение Красной армии в Великой Отечественной войне. Образован 22 июня 1941 г. на базе Прибалтийского особого военного округа. Расформирован 20 ноября 1943 г. Командующие: генерал-полковник Кузнецов Ф.И. (июнь–июль 1941); генерал-майор Собенников П.П. (июль–август 1941); генерал-лейтенант Курочкин П.А. (август 1941–октябрь 1942 и июнь–ноябрь 1943); Маршал Советского Союза Тимошенко С.К. (октябрь 1942–март 1943); генерал-полковник Конев И.С. (март–июнь 1943).

⁵ Калининский фронт, оперативно-стратегическое объединение Красной армии в Великой Отечественной войне. Образован 17 октября 1941 г. из войск правого крыла Западного фронта. 20 октября 1943 г. преобразован в 1-й Прибалтийский фронт. Командующие: генерал-полковник Конев И.С. (октябрь 1941–август 1942); генерал-полковник Пуркаев М.А. (август 1942–апрель 1943); генерал-полковник Ерёмченко А.И. (апрель–октябрь 1943).

⁶ Карельский фронт, оперативно-стратегическое объединение Красной армии в Великой Отечественной войне. Образован 23 августа 1941 г. путем разделения Северного фронта на Ленинградский и Карельский. Расформирован 15 ноября 1944 г. Командующие: генерал-лейтенант Фролов В.А. (сентябрь 1941–февраль 1944); генерал армии Мерецков К.А. (1944)

⁷ Сталинградский фронт, оперативно-стратегическое объединение Красной армии в Великой Отечественной войне. Образован 12 июля 1942 г. на базе упраздненного Юго-Западного фронта, а также переданных из резерва Ставки 62, 63 и 64-й армий. 7 августа 1942 г. разделен на два фронта: Сталинградский и Юго-Восточный. 10 августа 1942 г. Сталинградский фронт подчинен командующему Юго-Восточным фронтом. 28 сентября 1942 г. единое командование фронтов упразднено. 30 сентября 1942 г. Сталинградский фронт переименован в Донской, а Юго-Восточный – в Сталинградский (2-го формирования). Командующие: Маршал Советского Союза Тимошенко С.К. (июль 1942); генерал-лейтенант Гордов В.Н. (июль–август 1942); генерал-полковник Ерёмченко А.И. (август–сентябрь 1942).

⁸ Болотин Григорий Самойлович (1896–?), руководящий работник советских органов безопасности; генерал-майор (1943). Начальник 4-го отдела 3-го Управления НКВД – Управления ОО НКВД СССР (1941–1943), помощник начальника ГУКР «Смерш» НКВД СССР (1943–1946).

⁹ Литвинченко Николай Ефимович (1914–1944), сотрудник советских органов безопасности; лейтенант ГБ (на 1944); уполномоченный, старший уполномоченный ОО НКВД 492-го стрелкового полка 199-й стрелковой дивизии (1941–1942), начальник заградотряда ОКР «Смерш» 1-й танковой армии Юго-Восточного фронта. Погиб в апреле 1944 г. в Северо-Кавказском военном округе.

¹⁰ Штока Иван Васильевич (1917–?), сотрудник советских органов безопасности; младший лейтенант ГБ (на 1942), старший уполномоченный ОО 199-й сд 1-й танковой армии (1942), УКР «Смерш» Дальневосточного фронта (1945).

¹¹ Ельман Владимир Михайлович (?–?), старший лейтенант ГБ (на 1942). Во время Великой Отечественной войны – оперуполномоченный ОО тбр 62-й армии Юго-Западного фронта, начальник ОО НКВД армейского заградотряда 62-й армии Юго-Западного фронта. Пропал без вести 15 сентября 1942 г. в Сталинграде в районе Мамаева Кургана.

¹² Зотов Григорий Михайлович (?–?), сотрудник советских органов безопасности; младший лейтенант ГБ (на 1942), оперуполномоченный ОО фронта.

¹³ Чуприн Николай Максимович (1915–?), сотрудник советских органов безопасности; лейтенант ГБ (на 1942). Старший оперуполномоченный 62-й армии Юго-Западного фронта (1942), в ОКР Приволжского военного округа (с 19 августа 1944).

¹⁴ Литвинчук Илья Захарович (1915–?), сотрудник советских органов безопасности; младший лейтенант ГБ (на 1942). Ст. уполномоченный ОО 47-й запасной сбр Северо-Кавказского военного округа (1941), ст. оперуполномоченный ОО 63-й армии (1942).

¹⁵ Яровой Григорий Артемович (1904–1943), сотрудник советских органов безопасности; младший лейтенант милиции (1939). Старший оперуполномоченный ОО 1-й сд 63-й армии (1942). Погиб на фронте в мае 1943 г.

¹⁶ Елисеев Иван Никифорович (?–?), сотрудник советских органов безопасности. Во время Великой Отечественной войны – оперуполномоченный ОО 63-й армии (1942), старший уполномоченный 3-го отделения УКР «Смерш» 3-го Украинского фронта, начальник 3-го отделения ОКР «Смерш» 46-й армии, в 1944 г. воевал на 2-м Украинском фронте, помощник начальника ОКР «Смерш» 10-го Гвардейского стрелкового корпуса (январь 1945), выбыл в Одесский военный округ (сентябрь 1945)

¹⁷ Метликов Николай Михайлович (1912–?) – сотрудник советских органов безопасности; младший лейтенант ГБ (на 1942), следователь ОО 51-й армии (1942).

¹⁸ Наконечный Яков Яковлевич (1915–?), сотрудник советских органов безопасности; младший лейтенант ГБ (на 1942); старший уполномоченный ОО 51-й армии (1942).

¹⁹ Триль Иван Минович (1900–?), сотрудник советских органов безопасности; младший лейтенант ГБ (на 1942). Во время Великой Отечественной войны – ст.уполномоченный ОО 51-й армии (1942), в ОО НКВД Юго-Западного фронта (с ноября 1942), УКР «Смерш» Центрального фронта (с мая 1943), ОКР «Смерш» 70-й армии (с декабря 1943), УКР «Смерш» 1-го Белорусского фронта (с апреля 1944), УКР «Смерш» 2-го Белорусского фронта (с декабря 1944).

²⁰ Абакумов Виктор Семенович (1908–1954) – руководящий работник советских органов безопасности; генерал-полковник (1945). Зам. наркома внутренних дел СССР (25 февраля 1941–19 апреля 1943), начальник Управления ОО НКВД СССР (19 июля 1941–14 апреля 1943), зам. наркома обороны СССР (19 апреля 1943–20 мая 1943), начальник ГУКР «Смерш» НКО СССР (19 апреля 1943–27 апреля 1946). Военной коллегией Верховного суда СССР 19 декабря 1954 г. приговорён к расстрелу. Не реабилитирован.

²¹ Калинин Николай Васильевич (1897–1970), советский военачальник, генерал-майор (1941). В годы Великой Отечественной войны командир 131-й сд, начальник штаба 31-го ск 5-й армии, с 4 по 25 сентября врио командира корпуса. С октября 1941 г. зам. командующего и начальник тыла 40-й армии Воронежского фронта. За допущенные просчеты в управлении войсками понижен в должности и в январе 1942 г. назначен зам. командира 6-го кк. Командир 91-й сд (июль 1942–июль 1943). В январе 1944 г. направлен на учебу в ВВА им. Ворошилова, в июле 1944 г. назначен командиром 159-й сд 5-й армии 3-го Белорусского фронта. С мая 1946 г. военный комиссар Сумской обл.

²² Юго-Восточный фронт, оперативно-стратегическое объединение Красной армии в Великой Отечественной войне. Образован 7 августа 1942 г. за счёт части сил Сталинградского фронта. 28 сентября 1942 г. переименован в Сталинградский фронт (второго формирования). Командующий – генерал-полковник Еременко А.И. (весь период).

²³ Василенко Емельян Иванович (1901–?), советский военачальник, генерал-майор. С августа 1941 г. по январь 1944 г. командир 15-й Гвардейской сд, которая вела бои в составе 57-й армии в период Сталинградской битвы.

²⁴ Донской фронт, оперативно-стратегическое объединение Красной армии в Великой Отечественной войне. Образован 30 сентября 1942 г. путём переименования Сталинградского фронта. В его состав вошли 1-я Гвардейская, 21, 24, 63, 66-я армии, 4-я танковая армия и 16-я воздушная армия, с 1 января 1943 г. также 57, 62 и 64-я армии. 15 февраля 1943 г. на базе Донского фронта образован Центральный фронт. Командующий – генерал-полковник Рокоссовский К.К. (весь период).

²⁵ Рокоссовский Константин Константинович (1896–1968) – советский военный деятель; полководец; Маршал Советского Союза (1944); дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Командующий 16-й армией (с августа 1941), Брянским (с июля 1942), Донским (с сентября 1942), Центральным (с февраля 1943), Белорусским (с октября 1943), 1-м Белорусским (с февраля 1944), 2-м Белорусским (ноябрь 1944–май 1945) фронтами.

²⁶ Косолапов Василий Михайлович (1911–?), руководящий работник советских органов безопасности; старший майор ГБ (1941). Зам. начальника ОО НКВД Юго-Западного фронта (январь 1942–август 1942), зам. начальника ОО НКВД Сталинградского фронта (август 1942–октябрь 1942), зам. начальника ОО НКВД Донского фронта (октябрь 1942–май 1943), зам. начальника УКР «Смерш» Центрального фронта (май 1943–февраль 1944), зам. начальника ОКР «Смерш» 1-го Прибалтийского фронта (февраль 1944–декабрь 1945).

²⁷ Осетров Николай Алексеевич (1905–1992), руководящий работник советских органов безопасности; генерал-лейтенант (1944). Зам. начальника УОО НКВД СССР (август 1941–апрель 1943), начальник УКР «Смерш» Воронежского фронта (апреля 1943–апрель 1944), начальник УКР «Смерш» 1-го Украинского фронта (апрель 1944–июль 1945).

*Публикацию подготовили Т.М. Гольшикина,
Е.А. Кандалова, С.Ю. Крючкова. В.Г. Макаров*

ДОНЕСЕНИЯ ВОЕННОЙ КОНТРАЗВЕДКИ О ПОЛОЖЕНИИ В СЕВАСТОПОЛЕ

В череде тяжёлых и изнурительных боев 1942 г. одним из знаковых событий стала героическая оборона Главной базы¹ Черноморского флота² – Севастополя. Командование вермахта отлично осознавало стратегическое значение этого участка советско-германского фронта, открывавшего путь к нефтеносным районам Кавказа. Войскам Севастопольского оборонительного района (СОР)³ – Приморская армия⁴ и Черноморский флот – пришлось отразить три штурма гитлеровских войск – в ноябре и декабре 1941 г., в июне-июле 1942 г. Развязка для оборонявших Севастополь наступила в начале июля 1942 г.

После успеха в мае 1942 г. на Керченском полуострове немецкая 11-я армия⁵ начала подготовку к решительному наступлению на Севастополь. Защитникам города, войскам СОР, находившимся почти семь месяцев в осаде и проявившим в боях мужество и героизм, сдержать натиск гитлеровских войск не удалось. К 1 июля сопротивление прекратилось, но отдельные группы советских воинов продолжали сражаться вплоть до 9–12 июля. Из справки начальника Управления Особых отделов НКВД СССР⁶ В.С. Абакумова от 1 июля 1942 г.: «В беседе со мной [...] командующий Черноморский флотом т. Октябрьский⁷, находящийся в Новороссийске, о положении в Севастополе сообщил: [...] в ночь с 30 июня на 1 июля противник ворвался в город и занял районы: вокзал, Исторический бульвар, Херсонесский аэродром и др. Оставшиеся бойцы дерутся героически, в плен не сдаются, при безвыходном положении уничтожают сами себя. [...] Севастополя, как города, нет, разрушен»⁸.

30 июня 1942 г. в 18.00 командование СОР получило разрешение Ставки Верховного Главнокомандования (Ставка ВГК) на эвакуацию только высшего и старшего комсостава, а также партактива города. Не имея возможности эвакуироваться, в плену оказалось около 80 тыс. наших бойцов и командиров⁹. До сих пор не объяснены причины отказа Ставки от организации масштабной эвакуации всех войск из Севастополя на Кавказ, хотя опыт в проведении такого рода операций, с учетом обороны Одессы, Таллина и полуострова Ханко, у командования был.

Общие потери наших войск за весь период обороны Севастополя с 30 октября 1941 г. по начало июля 1942 г. составили 200 481 чел., из них безвозвратные потери – 156 880 чел., санитарные – 43 601 чел.¹⁰

4 июля 1942 г. в газете «Правда» было опубликовано сообщение Совинформбюро, в котором, в частности, говорилось: «По приказу Верховного командования Красной армии 3 июля советские войска оставили

город Севастополь. В течение 250 дней героический советский народ с беспримерным мужеством и стойкостью отбивал бесчисленные атаки немецких войск. [...] Сколь успешно выполнил Севастопольский гарнизон свою задачу, это лучше всего видно из следующих фактических данных. Только за последние 25 дней штурма Севастопольской обороны полностью разгромлены 22-я, 24-я, 28-я, 59-я, 132-я и 170-я немецкие пехотные дивизии и четыре отдельных бригады, 22-я танковая дивизия и отдельная мехбригада, 1-я, 4-я и 18-я румынские дивизии и большое количество частей из других соединений. За этот короткий период немцы потеряли под Севастополем до 150 000 солдат и офицеров, из них не менее 60 000 убитыми, более 250 танков, до 250 орудий. В воздушных боях над городом сбито более 300 немецких самолётов. За все 8 месяцев обороны Севастополя враг потерял до 300 000 своих солдат убитыми и ранеными. В боях за Севастополь немецкие войска понесли огромные потери, приобрели же – руины. Немецкая авиация, в течение многих дней производившая массовые налёты на город, почти разрушила его. Советские войска потеряли с 7 июня по 3 июля 11 385 человек убитыми, 21 099 ранеными, 8300 пропали без вести, 30 танков, 300 орудий, 77 самолетов. [...] Севастополь оставлен советскими войсками, но оборона Севастополя войдёт в историю отечественной войны Советского Союза как одна из самых ярких ее страниц»¹¹.

Севастопольская оборона 1941–1942 гг. нашла довольно полное отражение в отечественных исследованиях и мемуарной литературе¹², а также в ряде зарубежных изданий¹³. Но особую ценность представляют архивные материалы, в том числе подготовленные непосредственно в осаждённом Севастополе.

В настоящем сборнике впервые публикуются хранящиеся в Центральном архиве ФСБ России материалы особых отделов Черноморского флота, Приморской армии и Северо-Кавказского фронта, которые, дополняя уже известные факты, показывают динамику боёв за город и трагизм создавшейся обстановки. Документы публикуются в хронологическом порядке и охватывают наиболее драматический период в обороне Севастополя – с 2 июня по 6 июля 1942 г.

Сотрудники 9-го отдела Управления особых отделов (УОО) НКВД СССР¹⁴ на основании поступающих из Севастополя в адрес высшего военного командования и руководства УОО НКВД СССР шифртелеграмм от руки составляли краткие выписки, сохраняя особый, «телеграфный», стиль документа. Эти материалы отложились в номенклатурном деле по Черноморскому флоту 9-го отдела УОО НКВД СССР. Во всех случаях справки имели гриф «совершенно секретно», который при публикации опущен.

**ИЗ СПРАВОК 9-ГО ОТДЕЛА УОО НКВД СССР ПО ДОНЕСЕНИЯМ
ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФРОНТА,
ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И ПРИМОРСКОЙ АРМИИ
ОБ ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ**

№ 1

3 июня 1942 г.

Начальник Особого отдела НКВД Черноморского флота т. Ермолаев¹⁵ шифртелеграммой № 1402 от 2 июня 1942 г. (вх. № 12248) донёс, что 2 мая* на фронте Главной базы без изменений. Противник накапливает резервы, готовясь к наступлению. Продолжается непрерывная бомбардировка Севастополя с воздуха. За день было до 90 самолётов бомбардировщиков и до 60 самолётов «Мессершмитов». Сброшено на город более 1000 авиабомб, разрушено до 40 домов. Нашей авиацией сбито два Ме-109¹⁶. Один вражеский лётчик взят в плен. Наши потери один ДБ-3¹⁷.

В Анапе 31 мая упал в штопор один МИГ-3¹⁸, лётчик и самолёт сгорели. Из ожидаемых в Севастополе по распоряжению Ставки 40 самолётов, прибыло 7. Сегодня, за неимением самолётов, не была послана помощь лидеру «Ташкент»¹⁹, подвергнувшемуся нападению самолётов противника при подходе к Главной базе. В результате бомбежки имеются потери в Особом отделе Приморской армии: оперсостава – 2 убито, в военной цензуре 3 ранено. [...]

Оперуполномоченный 6-го отделения
9-го отдела Управления ОО НКВД
батальонный комиссар

Беляев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 1. Подлинник.

* Дата указана ошибочно, следует читать «2 июня».

№ 2

3 июня 1942 г.

Особый отдел НКВД Приморской армии²⁰ сообщил, что в течение 2 июня с.г. противник вёл сильный артогонь по боевым порядкам войск. Выпущено 6054 снаряда. Круглые сутки не прекращались массированные налёты авиации. Бомбардировке подверглись город, огневые позиции артиллерии, командные пункты дивизии. На штаб армии сброшено 1500 фугасных и много зажигательных бомб, город горит, тушение по-

жаров из-за отсутствия воды и непрерывной бомбардировки невозможно. Противник пытался разбомбить минное поле, подготавливает устройство проходов заграждений, завершая подготовку к наступлению.

Настроение комсостава Севастопольского оборонительного района здоровое. Связь отсутствует в Севастопольском районе с бомбардировочной авиацией. Командование армии считает необходимым с целью поднятия духа войск производство массированных ударов авиации фронта по скоплению войск и технике противника, а также сжечь населенные пункты Кача, Мамашай, Джанкой, Бахчисарай, Симферополь, откуда немцами население выведено. Об изложенных вопросах информирован Военный совет фронта. (Шифртелеграмма № 90 от 11 июня 1942 г., [подлинник подписал] Королев²¹).

Оперуполномоченный 6-го отделения
9-го отдела Управления ОО НКВД
батальонный комиссар

Беляев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 3. Подлинник.

№ 3

11 июня 1942 г.

Особый отдел НКВД Приморской армии сообщил, что 4 июня с.г. противник группами по 20–30 самолётов в течение дня бомбардировал боевые порядки, артиллерию, командные пункты частей, группы самолётов непрерывно бомбят город, сброшено 2000 фугасных и много зажигательных бомб. Город третьи сутки горит.

Артиллерия противника мощными огневыми налетами в течение дня обстреливает тылы, боевые порядки, артиллерию, командные пункты. Доты обстреливают тяжёлой артиллерией, включая 400-мм мортиры, выпущено 5000 снарядов.

На аэродроме Бакино 120 самолётов, Саки–Симферополь–Сарабуз–Евпатория – 128 самолётов.

Противник сосредоточил для штурма Севастополя 34-ю, 54-ю армейские, 2 румынские дивизии, свыше 12 армейских полков артиллерии, 2 танковые бригады. Севастопольскому оборонительному району необходима помощь авиацией с фронта.

Взятый в плен 1 июня немецкий лётчик Вундерлик Гельмут Фридрихович на допросе показал, что на аэродроме Сарабуз 30 истребителей, Саки, Евпатория, Симферополь обеспечены постами ВНОС²² и точными приборами, стреляющими в направлении советских самолётов. По тре-

воге немецкие самолёты перелетают на другие аэродромы. Результаты ночных бомбардировок советской авиации незначительны.

Начало наступления противник считает ближайшие 8 дней. Уверен в падении Севастополя. Авиация, быстроходные катера рассчитывали перерезать пути коммуникаций. Высадку воздушных десантов считают нецелесообразной, учитывая сильную заградительную артиллерию. Противник подтягивает непрерывно части в направлении Севастополя.

В Джанкое расположен большой лагерь военнопленных²³.

(Шифртелеграмма № 124 от 8 июня 1942 г. (вх. № 12887), [подлинник] подписал Королев).

Оперуполномоченный 6-го отделения
9-го отдела Управления ОО НКВД
батальонный комиссар

Беляев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 4-5. Подлинник.

№ 4

11 июня 1942 г.

По сообщению Особого отдела НКВД Северо-Кавказского фронта²⁴, 6 июня с.г. авиация противника группами 40–60 самолётов бомбардировала боевые порядки частей 1-го сектора Приморской армии. В течение 14–17 часов вражескими самолётами сброшено около 3 тыс. фугасных авиабомб. В 18 час. 6 июня 180 самолётов противника бомбардировали 1-й сектор Севастопольского оборонительного района.

Артиллерия противника крупного калибра в течение дня вела [обстрел] по нашим огневым позициям. Выпущено 5 тыс. снарядов. Разведка противника предпринимала ряд попыток разведать передний край нашей обороны. Во всех случаях огнём нашей пехоты и артиллерии группы уничтожались. Из дневника убитого ефрейтора 50-й пд²⁵ видно, что штурм Севастополя противником намечен на 7 июня с.г. в 3 час. Наши части находятся в повышенной готовности.

7 июня с.г. в 5 час. 15 мин. по всей линии фронта противник перешёл в наступление. Большая группа самолётов бомбила передний край нашей обороны, после чего пошли в атаку танки и пехота. Артиллерия противника ведёт также сильный огонь. Наши войска дерутся неплохо.

В 16 час. 7 июня с.г. крупными силами пехоты, танков и [при] поддержке авиации противник прорвал наш фронт на участке 79-й курсантской сб²⁶. Командирам 25-й дивизии²⁷ и 79-й сб в 21 час дан приказ занять прежние рубежи обороны.

Оперативный состав ОО НКВД армии проводит мероприятие по обеспечению доставки на фронт боеприпасов, продовольствия, обслуживанию раненых, а также бесперебойной работы связи. Основание: шифртелеграмма № 141 от 8 июня 1942 г. [...]

Старший оперуполномоченный*

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 6-7. Подлинник.

* Подпись неразборчива.

№ 5

11 июня 1942 г.

Начальник Особого отдела НКВД Черноморского флота т. Ермолаев шифртелеграммой № 1468 от 10 июня 1942 г. (вх. № 13176) донёс, что в 12 час. 00 мин. противник был у ст. Мекензиевы горы²⁸. В течение дня пункт Мекгоры несколько раз переходил из рук в руки и к концу дня остался у противника.

На остальных секторах прежние рубежи крепко удерживаются. Авиация противника сильно бомбардирует огневые позиции наших батарей, главным образом, береговые. Потери нашей авиации незначительные.

За 9 июня авиация противника произвела 269 самолётовылетов на Главную базу, сбросила 860 авиабомб. На фронте – 515 самолётовылетов, сброшено до 2500 авиабомб.

Нашей авиацией сбито 4 Ме-109, 1 Ю-88²⁹, подбиты – 1 Ме-109 и 1 Ю-88. Зенитной артиллерией сбито 4 Ю-88, 2 Ме-109. Наши потери один Як. Нашими частями за 9 июня уничтожено до 14 танков противника. [...]

Оперуполномоченный 6-го отделения
9-го отдела Управления ОО НКВД
батальонный комиссар

Беляев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 2. Подлинник.

№ 6

13 июня 1942 г.

По сообщению Особого отдела НКВД Приморской армии, продвижение противника, благодаря преимуществу в авиации, на переднем крае продолжается. Воздействовать нечем, отсутствуют зенитные боеприпасы.

Авиация фронта могла бы действовать с наших аэродромов. Командование нерешительно ставит вопрос перед фронтом, боясь, как бы ни истолковали беспомощностью. За три дня убито 752 человека, ранено 1770, особенно большие потери понесла 79-я бригада и 172-я сд³⁰, в которых осталось 30–35% личного состава.

Нашей зенитной артиллерией и истребительной авиацией 7–8 июня сбито 37 самолётов противника, из них подбито 9.

(Шифртелеграмма № 153 от 10 июня 1942 г. (вх. № 13208), [подлинник] подписал Королев). [...]

Оперуполномоченный 6-го отделения
9-го отдела Управления ОО НКВД
батальонный комиссар

Беляев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 9. Подлинник.

№ 7

13 июня 1942 г.

По сообщению Особого отдела НКВД Приморской армии, командованием армии с 7 на 8 июня с.г. не были приняты меры по организации ночной контратаки с вклинившимся противником на участке 172-й сд, 79-й сб на левом фланге 25-й сд, в результате чего противник ночью произвёл накопление сил, 8 июня с.г., перейдя в наступление, всё время теснил части, расширив прорыв шириной 8–10 км и глубиной до 4–5 км, продолжает наступать. Создает угрозу выхода из Северной бухты³¹.

По ликвидации прорыва командованием армии принимаются меры медленно. Военный совет фронта проинформирован.

Оперуполномоченный 6-го отделения
9-го отдела Управления ОО НКВД
батальонный комиссар

Беляев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 12. Подлинник.

№ 8

13 июня 1942 г.

Начальник Особого отдела НКВД Черноморского флота т. Ермолаев шифртелеграммой № 1475 от 11 июня 1942 г. (вх. № 13326) донёс, что 10 июня с.г. противник от ст. Мекензиевы Горы продвинулся вперёд на 450–500 м, заняв кордон Мекензия номер один.

Главным ударом на Сухарную балку³², по данным разведки, сосредоточил до 20 танков и 5 стрелковых дивизий. Продолжаются мощные артудары, действия авиации, в Главной базе – 187 [налетов], сброшено 520 бомб, на фронте – 359 [налетов], сброшено бомб – 1000. Резко снизился зенитный огонь, имеется боевой запас [на] 15-20 минут боя. Срочно требует боевой запас к 76- и 85-мм пушкам. [...]

ОО Приморской армии изменников Родине и за дезертирство арестовано 10 человек. Расстреляно постановлением ОО – 19. Задержано 812 военнослужащих, все направлены в свои части.

Оперуполномоченный 6-го отделения
9-го отдела Управления ОО НКВД
батальонный комиссар

Беляев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 11. Подлинник.

№ 9

13 июня 1942 г.

Начальник Особого отдела НКВД Черноморского флота шифротелеграммой № 1478 от 12 июня 1942 г. (вх. № 13379) донёс, что противник в 5 час. 11 июня с.г. после мощной авиа- и артиллерийской подготовки перешел в наступление на Балаклавском направлении³³, в течение дня шли ожесточённые бои. Все атаки отражались с большими потерями противника. Наши части отошли на вторую линию обороны. На остальных участках обороны противник также активизировался – но все попытки противника отбиты. Самолётами противника за день сброшено на Севастополь 324 бомбы, по фронту 1660 бомб. Сбит один Ю-88, два Ме-109. Подбито четыре Ю-88, три Ме-109. Наши потери один Як. [...]

Оперуполномоченный 6-го отделения
9-го отдела Управления ОО НКВД
батальонный комиссар

Беляев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 10. Подлинник.

№ 10

14 июня 1942 г.

Начальник Особого отдела НКВД Черноморского флота т. Ермолаев шифротелеграммой № 1470 от 10 июня 1942 г. (вх. № 13181) донёс, что сегодня в 7 час. противник, начав наступление, занял высоты 42,7

и 43,5. Высота 43,5 находится в 2,5–3 км от Северной бухты. Наши войска 9 июня оставили ст. Мекензиевы Горы, севернее ведут бои. В 9 час. 15 мин. авиацией противника потоплен транспорт «Абхазия»³⁴, прибывший в Главную базу ночью. Выгрузить с транспорта успели только 54 т боезапасов. В 13 час. вражеской авиацией разбомблён и потоплен эсминец «Свободный»³⁵, прибывший в Главную базу вместе с «Абхазией».

Оперуполномоченный 6-го отделения
9-го отдела Управления ОО НКВД
батальонный комиссар

Беляев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 8. Подлинник.

№ 11

17 июня 1942 г.

Начальник Особого отдела НКВД Черноморского флота т. Ермолаев шифртелеграммой № 1585 от 14 июня 1942 г. (вх. № 13616) донёс, что 13 июня с.г. в первой половине дня противник атаковал наши позиции на Балаклавском направлении, на стыке 3-го и 4-го секторов, и от селения Мекензиевы Горы и берегу Северной бухты, задержан у Сухарной Балки. Все атаки отбиты с незначительным отходом наших частей. В течение дня 24 орудия 76 мм нашей зенитной артиллерии огонь не вели из-за полного отсутствия снарядов. Утром в 4 час. вражеской авиацией потоплен прибывший в Главную базу транспорт «Грузия»³⁶ с боевым запасом. В 11 час. 50 мин. в районе мыса Фиолент³⁷ потоплены быстроходный тральщик № 27³⁸ и катер «МО-92»³⁹. В результате этого напряжённое положение с боевым запасом. На месте приняты меры к разгрузке затонувшего боевого запаса и усилению доставки боевыми кораблями. [...]

Оперуполномоченный 6-го отделения
9-го отдела Управления ОО НКВД
батальонный комиссар

Беляев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 15-16. Подлинник.

№ 12

18 июня 1942 г.

Начальник Особого отдела НКВД Черноморского флота т. Ермолаев шифртелеграммой № 1487 от 15 июня 1942 г. (вх. № 13765) донёс: в течение 14 июня с.г. противник вёл наступление в основном в двух на-

правлениях: Балаклавском, где занял высоту 77,3. Попытки продвинуться дальше отбиты нашими войсками; на участке 3–4 секторов, пытаясь продвинуться к берегу Северной бухты. Атаки отбиты. Авиация противника на линию фронта сбрасывала реактивные авиабомбы, выбрасывающие после взрыва основной большое количество мелких бомб. Ночью ЭПРОН⁴⁰ начал подъём боезапаса с затонувшего транспорта «Грузия». [...]

Оперуполномоченный 6-го отделения
9-го отдела Управления ОО НКВД
батальонный комиссар

Беляев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 17. Подлинник.

№ 13

19 июня 1942 г.

Начальник Особого отдела НКВД Черноморского флота т. Ермолаев шифртелеграммой № 1491 от 16 июня 1942 г. (вх. № 13801) донёс, что: в течение 15 июня с.г. противник особой активности не проявлял.

За 9 дней противник вклинился в нашу оборону по Ялтинскому шоссе на 6 км, по Симферопольскому – в направлении Северной бухты на глубину 10, по фронту на 6,5 км. По мнению нашей специальной агентуры, характер наступления указывает на изматывание противника. Для организации контрудара требуется значительное пополнение людского состава и боезапаса, которого по распоряжению командования ещё нет. [...]

Оперуполномоченный 6-го отделения
9-го отдела Управления ОО НКВД
батальонный комиссар

Беляев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 19. Подлинник.

№ 14

19 июня 1942 г.

Начальник Особого отдела НКВД Черноморского флота т. Ермолаев шифртелеграммой № 1492 от 16 июня 1942 г. (вх. № 13786) донёс, что в последние дни авиация противника, господствуя в воздухе, при недостатке боезапаса зенитного огня батарей Главной базы в Севастополе, потопила один эсминец, один тральщик⁴¹, один катер-охотник и два лучших транспорта, гружёных боеприпасами и войсками. Несмотря

на прямую угрозу транспортам, которых осталось единицы, командование флотом для доставки продовольствия, боеприпасов войскам настаивает на прибытии в Севастополь транспортов «Белосток»⁴², «Березина»⁴³, в то время как боевые корабли, особенно крейсера, лидеры⁴⁴, используются в Севастополе не в полной мере.

Считаю высылку транспортов большим риском, прошу вашего соответствующего вмешательства. Резко снизился зенитный огонь, имеется боевой запас [на] 15-20 мин. боя.

Оперуполномоченный 6-го отделения
9-го отдела Управления ОО НКВД
батальонный комиссар

Беляев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 18. Подлинник.

№ 15

19 июня 1942 г.

Начальник Особого отдела НКВД Черноморского флота т. Ермолаев шифртелеграммой № 1496 от 17 июня 1942 г. (вх. № 13913) донёс: в течение 16 июня с.г. противник силой до четырёх пехотных полков при поддержке танков и пикирующих бомбардировщиков вёл наступление на Балаклавском направлении.

К 19 час. противник овладел совхозом «Богатырь» и памятником Балаклавского сражения⁴⁵. На остальных участках фронта противник активных действий не производил. [...]

Оперуполномоченный 6-го отделения
9-го отдела Управления ОО НКВД
батальонный комиссар

Беляев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 21. Подлинник.

№ 16

20 июня 1942 г.

Начальник Особого отдела НКВД Черноморского флота т. Ермолаев шифртелеграммой № 1504 от 19 июня 1942 г. (вх. № 14009) донёс: в течение 18 июня с.г. велись ожесточённые бои на Южном и Северном участках. На Южном участке все атаки противника отбиты. На Северном участке наши части утром перешли в наступление, незначительно продвинулись в направлении ст. Мекензиевы Горы.

Левый фланг Северного сектора противник непрерывно атакует пехотой и танками, наши части потеснены. Тяжёлый бой продолжается на рубеже: Верховье балки Голландии–Братское кладбище–Будёновка-Учкуевка⁴⁶.

Отдельные группы автоматчиков прорываются к Северной бухте. По состоянию на 17 июня, в стрелковых дивизиях от 600 до 2700 бойцов, требуется срочное пополнение. По-прежнему тяжёлое положение с эвакуацией раненых. В 2 часа 19 июня при выходе из Главной бухты потоплен транспорт «Белосток». [...]

Оперуполномоченный 6-го отделения
9-го отдела Управления ОО НКВД
батальонный комиссар

Беляев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 24-25. Подлинник.

№ 17

22 июня 1942 г.

Начальник Особого отдела НКВД Черноморского флота т. Ермолаев шифртелеграммой № 1500 от 18 июня 1942 г. (вх. № 14008) донёс: в течение 17 мая* противник наступал на Северном и Южном участках фронта при мощной поддержке бомбардировочной авиации. На южном участке противник вышел на рубеж высоты 74,4, что в двух км северо-западнее Кадыковки⁴⁷, высоты 63,6, что в 2,5 км северо-западнее совхоза «Звезда Крыма».

На Северном участке противник занял высоты 36,1 и 45, 5 в 1–2-х км юго-восточнее совхоза «Софьи Перовской»⁴⁸. Противник находится в одном км северо-восточнее Братского кладбища⁴⁹. Просочившиеся автоматчики угрожают тылу нашей береговой батарее.

В Севастополе скопилось до 10 тыс. раненых. Эвакуация их задерживается из-за транспортов. Обещанных фронтом 20 самолетов «Дуглас»⁵⁰ пока нет. [...]

Оперуполномоченный 6-го отделения
9-го отдела Управления ОО НКВД
батальонный комиссар

Беляев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 22-23. Подлинник.

* Дата указана ошибочно, следует читать «17 июня».

№ 18

22 июня 1942 г.

Начальник Особого отдела НКВД Черноморского флота т. Ермолаев шифртелеграммой № 1510 от 20 июня 1942 г. (вх. № 14216) донёс: в течение 19 июня с.г. противник производил атаки, пытаясь овладеть Северной стороной. В районе Братского кладбища нами отбито 5 атак.

На отдельные пункты берега Северной бухты просочились группы автоматчиков, прорвались отдельные танки.

На южном участке атаки противника отбиты. Авиация противника днем усиленно бомбардировала город. Возникло до 500 пожаров. Пополнения личного состава не поступало. По-прежнему используются для переброски тихоходные корабли и одиночками.

19 июня в 18 час. из Новороссийска вышел крейсер «Коминтерн»⁵¹, ход 12 узлов. По расчёту времени в Севастополь должен прибыть в светлое время, что ставит корабль под прямую угрозу уничтожения. Октябрьским возвращён в Новороссийск. Даны указания произвести расследование. Из 3-го морского полка⁵² перешли на сторону противника 3 краснофлотца. [...]

Оперуполномоченный 6-го отделения
9-го отдела Управления ОО НКВД
батальонный комиссар

Беляев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 27–28. Подлинник.

№ 19

25 июня 1942 г.

Начальник Особого отдела НКВД Черноморского флота т. Ермолаев шифртелеграммой № 1520 от 23 июня 1942 г. (вх. № 14540) донёс: 22 июня с.г. в 5 час. 30 мин. противник перешёл в наступление на южном, юго-восточном, северо-восточном участках.

На юго-восточном участке противник продвигается через Новые Шули⁵³ к Сапун-горе⁵⁴, угрожая коммуникациям, 3-му сектору обороны. Во избежание окружения наши части несколько отведены, в настоящее время закрепляются на Сапун-горе.

На Северо-Восточном участке противник несколько продвинулся. На северной стороне в подземных скалах наш гарнизон, 60–70 человек, оказывает сопротивление.

Склады окружены противником. Входы с суши и подходы со стороны бухты обстреливаются с дистанции 150–200 м. На складах значительное количество боезапаса. Принимаются меры по эвакуации или уничтожению. [...]

Оперуполномоченный 6-го отделения
9-го отдела Управления ОО НКВД
батальонный комиссар

Беляев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 34. Подлинник.

№ 20

26 июня 1942 г.

Начальник Особого отдела НКВД Черноморского флота т. Ермолаев шифртелеграммой № 1518 от 22 июня 1942 г. (вх. № 14471) донёс: 21 июня с.г. противник на Южном участке вёл атаки на Кадыковку, все атаки отбиты.

На юго-восточном участке противник наступает силой одной пехотной дивизии и большой группой танков. К исходу дня занял Федюхины высоты⁵⁵, создавая угрозу – отрезать 3 сектор обороны. Северная сторона в основном занята противником, бухта Матюшенко⁵⁶, Нордовый берег Северной бухты⁵⁷ в его руках. Заняв Учкучевку, немцы расстреляли 27 женщин и детей, укрывшихся в расщелинах.

Маршевое пополнение идет слабо, за 2 дня поступило до 700 человек. Доставка боезапаса не покрывает дневного расхода. Севастополь имеет до 35 000 мин при ежедневном расходе 5000. Отсутствуют основные дополнительные заряды и взрыватели 82 мм и 50 мм. Активные действия авиации противника в течение всего времени действуют на моральное состояние войск. Отмечаются случаи апатии. [...]

Оперуполномоченный 6-го отделения
9-го отдела Управления ОО НКВД
батальонный комиссар

Беляев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 33. Подлинник.

№ 21

26 июня 1942 г.

Начальник Особого отдела НКВД Черноморского флота т. Ермолаев шифртелеграммой № 1524 от 24 июня 1942 г. (вх. № 14668) донёс: к утру

24 июня положение на фронте осложняется, особенно на северном участке, где отдельные группы автоматчиков проникают в Графскую Балку⁵⁸.

За время боёв части СОР, по неточным данным, потеряли 31 400 человек, маршевого пополнения за это же время получено 3500 человек.

Пополнение поступает без оружия, в частях оружия недостаточно. [...]

Оперуполномоченный 6-го отделения
9-го отдела Управления ОО НКВД
батальонный комиссар

Беляев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 35. Подлинник.

№ 22

30 июня 1942 г.

27 июня 1942 г. нач[альник] ОО НКВД Черноморск[ого] флота т. Ермолаев шифртелеграммой № 1532 донёс, что в течение 26 июня 1942 г. наши войска вели бои с противником, наступающим на восточном участке в районе высоты 113,7 и высоты 120,1. Большинство атак отбиты, но противник имеет небольшое продвижение.

В 20 час. в 70 милях от Главной базы авиация противника потопила эсминец «Безупречный»⁵⁹, шедший с пополнением для фронта. По предварительным [данным], погибли фельдъегеря с секретной корреспонденцией в адрес ОО НКВД Ч[ерноморского] флота.

Установлено, что в последнее время немцы забрасывают к нам агентауру с заданиями совершения террористических актов над комсоставом.

Особым отделом НКВД Черноморского флота арестован бывш[ий] красноармеец 773-го сп Миронов⁶⁰, переброшенный немцами с заданием разведать огневые точки и совершить террористические акты.

Арестован б[ывший] командир взвода 101- го артполка Кравченко⁶¹, переброшенный [немцами] с заданием вернуться в свою часть, агитировать за сдачу в плен к немцам и уничтожить комсостав, снабдив для этого Кравченко автоматом ПППШ.

Особым отделом НКВД активизирован розыск.

Ст. оперуполномоченный 9-го отдела
Управления ОО НКВД
лейтенант госбезопасности

Соловьев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 37 об. Подлинник.

№ 23*30 июня 1942 г.*

Начальник Особого отдела НКВД Черноморск[ого] флота т. Ермолаев шифртелеграммой № 1537 от 29 июня 1942 г. донёс, что 28 июня на восточном участке велись ожесточённые бои, все атаки отбиты. Наши части удерживают прежние рубежи. На линию фронта и базы авиация противника совершила 765 самолетовылетов, сброшено около четырёх тысяч бомб.

Ст. оперуполномоченный 9-го отдела
Управления ОО НКВД
лейтенант госбезопасности

Соловьев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 38. Подлинник.

№ 24*3 июля 1942 г.*

2 июля 1942 г. на подлодке прибыла из Севастополя в Новороссийск группа, вышедшая 29 июня, в составе 8 человек, из них 2 женщины.

Основание: шифртелеграмма № 351 от 2 июля 1942 г. от т. Ермолаева из Новороссийска.

Ст. оперуполномоченный 9-го отдела
Управления ОО НКВД
лейтенант госбезопасности

Соловьев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 41. Подлинник.

№ 25*5 июля 1942 г.*

3 июля 1942 г. [шифртелеграммой] № 349 начальник Особого отдела НКВД Черноморского флота Ермолаев сообщил, что в результате налёта вражеской авиации в порту Новороссийск потоплены: лидер «Ташкент», эсминец «Бдительный»⁶², плавбаза торпедных катеров «Украина»⁶³, буксир «Черномор».

Повреждён прямым попаданием одной бомбы крейсер «Коминтерн» и недостроенный транспорт «Пролетарий». Имеются жертвы.

Ст. оперуполномоченный 9-го отдела
Управления ОО НКВД
лейтенант госбезопасности

Соловьев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 42. Подлинник.

№ 26

5 июля 1942 г.

Нач[альник] ОО НКВД Черномор[ского] флота т. Ермолаев № 350 [от] 2 июля из Новороссийска сообщил, что противник с утра теснит наши части, приближаясь к городу.

В течение дня 2 июля враг овладел пригородами Севастополя, хуторами Максимовича⁶⁴, Николаевка⁶⁵, Максимовой дачи⁶⁶; наступает [по] направлению на Ларину Балку, поселок «Коммуна».

Авиация противника непрерывно бомбит наши части, 702-я батарея⁶⁷ находится в окружении, ведёт бой, 223-я бригада снята с позиции, боевого запаса недостаточно. Все батареи находятся на голодной норме.

По обстановке Октябрьский считает, что больше 2–3 дней не продержится. Связь и радио работает с перерывами. Опергруппы и заградотряды работают по сколачиванию отходящих и отставших.

Ст. оперуполномоченный 9-го отдела
Управления ОО НКВД
лейтенант госбезопасности

Соловьев

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 40. Подлинник.

№ 27

9 июля 1942 г.

№ 258. 4 июля нач[альник] ОО НКВД ЧФ т. Ермолаев донёс, что 2 июля в 22 час. на 15 тральщиках прибыло: оперработников ЧФ – 4, [из] ОО НКВД Приморск[ой] армии – 8 человек, 1 работник НКВД Крыма, военнослужащих 400 чел[овек]. На подходе 2 тральщика, 1 катер возвращается без людей, причины выясняются.

По сведениям, полученным от эвакуированных, 2 июля с.г. в 3 час. вокруг батареи 35⁶⁸ идут бои отдельных групп.

Командир обороны генерал-майор Новиков⁶⁹ ранен и эвакуирован. Оставшиеся силы возглавляет командир батальона, фамилия не установлена. В два часа 2 июля батарея 35 подорвана. Личный состав бойцов и командиров, состоящий из отдельных групп частей, занимают оборону [в] окружности батареи Новая Пристань и Херсон-Маяк⁷⁰.

Ст. оперуполномоченный 9-го отдела
Управления ОО НКВД
лейтенант госбезопасности

СОЛОВЬЕВ

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 561. Л. 7. Подлинник.

№ 28

9 июля 1942 г.

Начальник Особого отдела НКВД Черномор[ского] флота т. Ермолаев шифртелеграммой № 361 от 4 июля из Новороссийска донёс, что по состоянию на 16 час. 4 июля из Севастополя в Новороссийск прибыло 55 сотрудников ОО НКВД Черномор[ского] флота и периферийных органов, в том числе 39 оперработников.

До сих пор не прибыло еще 44 оперработника, из них 13 работников Особого отдела ЧФ, остальные оперработники особорганов морских бригад, береговой охраны находятся на своих участках, ведущих бои. Раненые оперработники особых отделов эвакуированы заблаговременно.

Секретные документы, шифр вывезены, транспорт, имущество и здание отдела уничтожены взрывами и огнём.

Все следственные дела закончены, арестованные, по согласованию с прокурором, расстреляны⁷¹. Дела вывезены.

Ст. оперуполномоченный 9-го отдела
Управления ОО НКВД
лейтенант госбезопасности

СОЛОВЬЕВ

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 43. Подлинник.

№ 29

9 июля 1942 г.

Начальник Особого отдела НКВД Черномор[ского] флота т. Ермолаев шифртелеграммой № 363 донёс, что в порты Кавказа ожидается прибытие вышедших из Севастополя следующих плавсредств: СК-0112, 014, 1437⁷², буксиров⁷³ – М-111, Д-4, Д-212, 213, с которыми имеется связь.

С подводной лодкой А-2⁷⁴ связь прервана. Для снятия людей в Севастополь 4 июля вышли СК-084, 0118, 0165. 5 июля [в] 00 час. дополнительно выходят 6 катеров МО.

На двух катерах посылаю 3 оперработника с задачей забрать оставшихся секретаря обкома и прокурора Черномор[ского] флота.

Ст. оперуполномоченный 9-го отдела
Управления ОО НКВД
лейтенант госбезопасности

СОЛОВЬЕВ

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 43. Подлинник.

№ 30

9 июля 1942 г.

6 июля № 365 нач[альник] Особого отдела НКВД Черномор[ского] флота т. Ермолаев донёс, что из Севастополя 5 июля с.г. прибыли два оперработника Особого отдела Черн[оморского] флота.

Посланная 5 июля экспедиция для снятия оперативного состава в пути подверглась ожесточённой бомбардировке, но продолжала идти к месту назначения. По предположениям, они достигли Севастополя, связь отсутствует, ожидается возвращение вечером 6 июля.

Воздушной разведкой отмечено движение головного эшелона автотранспорта Балаклава–Севастополь.

Ст. оперуполномоченный 9-го отдела
Управления ОО НКВД
лейтенант госбезопасности

СОЛОВЬЕВ

Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Л. 44. Подлинник.

Примечания

¹ Главная база флота – постоянная военно-морская база, где размещаются органы управления флотом и дислоцируется ряд соединений сил флота.

² Черноморский флот (ЧФ) – оперативно-стратегическое объединение ВМФ СССР. Историю ведёт от Русского военного флота, созданного на Черном море в 1783 г. из кораблей и судов Азовского флота. С ЧФ связаны имена выдающихся флотоводцев (Ф.Ф. Ушаков, П.С. Нахимов, М.П. Лазарев), многие знаменательные морские сражения, оборона Севастополя в 1854–1855 гг. Флот принимал активное участие в Первой мировой войне. В 1935 г. морские силы Черного и Азовского морей были переименованы в Черноморский флот. В годы Великой Отечественной войны активно участвовал в обороне Одессы, Севастополя, Керченско–Феодосийской, Новороссийской, Новороссийско–Таманской и Керченско–Эльтигенской десантных операциях. Свыше 200 черноморцев удостоены звания Героя Советского Союза. В 1965 г. флот награждён орденом Красного Знамени.

³ Севастопольский оборонительный район (СОР) – образован в начале ноября 1941 г. В его состав вошли войска Приморской армии, корабли и авиация Черноморского флота, соединения и части Севастопольской военно-морской базы. Территория СОР первоначально разделялась на три, а затем на четыре сектора обороны, каждый из которых имел три оборонительных рубежа (передовой, главный, тыловой). Подготавливались также рубеж прикрытия для обеспечения эвакуации, оборудовались командные пункты. После оставления советскими войсками Севастополя в июле 1942 г. расформирован.

⁴ Приморская армия (Отдельная Приморская армия) – общевойсковая армия РККА первого формирования, создана 20 июля 1941 г. на базе Приморской группы войск. В состав армии входили 25, 51 и 150-я стрелковые дивизии, 265-й корпусной артполк, 69-й истребительный авиополк. Командующий – генерал-майор И.Е. Петров. Участвовала в обороне Одессы, Севастополя. Основная часть личного состава погибла или попала в плен при обороне Главной базы ЧФ. 7 июля 1942 г. расформирована.

⁵ 11-я армия вермахта сформирована в 1940 г. в ходе подготовки к предстоящему нападению на Советский Союз. Входила в состав группы армий «Юг», участвовала в приграничных сражениях в Молдавии, в боевых действиях в Крыму, в осаде Севастополя. После падения города часть личного состава переведена в группу армий «Север», другая – разделена между группами армий «Дон» и «Юг». 21 ноября 1942 г. штаб 11-й немецкой армии расформирован.

⁶ Упрвление особых отделов (УОО) НКВД СССР создано в соответствии с постановлением ГКО СССР «О преобразовании органов 3-го Управления НКВД СССР в особые отделы НКВД СССР» от 17 июля 1941 г. УОО НКВД СССР возглавил зам. наркома внутренних дел, комиссар госбезопасности 3-го ранга В.С. Абакумов. Согласно постановлению ГКО в числе главных задач военной контрразведки были названы борьба со шпионажем и предательством в частях Красной армии, ликвидация дезертирства в прифронтовой полосе. Особые отделы НКВД наделялись правами производства арестов дезертиров, а в необходимых случаях, как было сказано в постановлении, и расстрела их на месте.

⁷ Октябрьский (Иванов) Филипп Сергеевич (1899–1969). В ВМФ с 1918 г. С марта 1939 г. по июнь 1943 г. – командующий Черноморским флотом, с июня 1943 г. по март 1944 г. – Амурской военной флотилией, с марта 1944 г. по 1948 г. – снова Черноморским флотом. Адмирал. Похоронен в Севастополе на кладбище Коммунаров.

⁸ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 561. Л. 4.

⁹ Три века российского флота. – Санкт-Петербург, 1996. Т. 3. – С. 113.

¹⁰ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. – М., 2009. – С. 178.

¹¹ Правда, 1942. 4 июля, № 185 (8950).

¹² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 2. М. 1962; Боевой путь советского Военно-морского флота. М., 1988; Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1959–1962; Ванев Г.А., Ермаш С.Л. Героическая оборона Севастополя 1941–1942 гг. М., 1969; Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. – М., 1971; Он же. Курсом к победе. М., 1975; Батов П.И. В походах и боях. – М., 1974; Жидлов Е.И. Мы отстаивали Севастополь. М., 1963; Коломиец Т.К. На бастионах чапаевцы. – М., 1970; Азаров И.И. Непобеждённые. М., 1973; Горшков С.Г. На южном приморском фланге. Осень 1941 – весна 1944. М., 1944.

¹³ Манштейн Эрих фон. Утерянные победы. М., 1999; Нойман Ганс-Рудольф. Севастополь. Крым: документы, источники, материалы. Регенсбург, 1991.

¹⁴ 9-й отдел Управления особых отделов НКВД СССР создан в соответствии с постановлением ГКО СССР от 10 января 1942 г. о преобразовании органов 3-го Управления НКВМФ в особые отделы. В Центре был создан 9-й отдел УОО НКВД СССР (оперативное обслуживание ВМФ СССР), а в подразделениях флота – особые отделы НКВД флотов, флотилий, военно-морских баз и эскадр. В соответствии с Постановлением СНК СССР от 19 апреля 1943 г. 9-й (морской) отдел УОО НКВД СССР по обслуживанию Военно-морского флота передавался в подчинение НКВМФ СССР, было сформировано Управление контрразведки (УКР) «Смерш» НКВМФ.

¹⁵ Ермолаев Николай Дмитриевич (1905–1958). В органах госбезопасности с 1932 г. В годы войны на руководящих должностях в ОО Северо-Западного, Ленинградского и Западного

фронтов. В 1942–1945 гг. начальник ОО–ОКР «Смерш» Черноморского флота. Генерал-лейтенант береговой службы. Уволен в запас в 1956 г.

¹⁶ Me-109 – «Мессершмитт-109», одномоторный типовой одноместный истребитель ВВС Германии.

¹⁷ ДБ-3 – советский дальний бомбардировщик, разработан в КБ С.В. Ильюшина. В ВВС РККА с 1937 г. Использовался как бомбардировщик и торпедоносец. Имелся вариант, приспособленный к выполнению задач по десантированию. Экипаж 3 человека.

¹⁸ МИГ-3 – советский скоростной истребитель нового поколения, разработан в ОКБ-155 А.И. Микояна и М.И. Гуревича. В ВВС РККА с 1941 г. Производство прекращено в 1942 г.

¹⁹ Лидер «Ташкент» построен в Ливорно (Италия) фирмой «Орландо» в 1939 г., в 1940 г. включён в состав Черноморского флота. В 1941–1942 гг. активно участвовал в обороне Одессы и Севастополя, отконвоировал 17 транспортов, перевез около 20 тыс. человек. «Голубой крейсер», как называли гитлеровцы «Ташкент», был последним надводным боевым кораблем, сумевшим прорваться в осаждённый Севастополь. В ночь на 27 июня 1942 г. вывез 2 тыс. раненых и панораму художника Рубо «Оборона Севастополя в 1854–1855 гг.». Погиб 2 июля 1942 г. в порту Новороссийска при налёте немецкой авиации от прямого попадания двух авиабомб.

²⁰ Особый отдел НКВД Приморской армии сформирован приказом ОО НКВД Одесского военного округа 31 июля 1941 г. В период с июля по октябрь 1941 г. дислоцировался в Одессе, в октябре 1941 г. – в Симферополе, с ноября 1941 г. по июль 1942 г. – в Севастополе. Расформирован в июле 1942 г. С 5 марта 1942 г. и до расформирования обязанности начальника отдела исполнял полковой комиссар А.Т. Никифоров.

²¹ Королёв Николай Андрианович (1907–1986). В 1929–1933 гг. – в РККА, в органах госбезопасности с 1939 г. В годы войны на руководящих должностях в ОО–УКР «Смерш» Северо-Кавказского, Западного, Брянского, Степного, 2-го Украинского фронтов. Генерал-лейтенант (1944). В 1954 г. лишён звания и уволен за дискредитацию.

²² ВНОС – посты воздушного наблюдения, оповещения и связи, до 1951 г. род войск противовоздушной обороны. Предназначались для предупреждения об угрозе воздушного нападения противника и ведения противовоздушной разведки. В годы Великой Отечественной войны выполнение этих задач обеспечивалось системой наблюдательных пунктов (постов), а на наиболее важных участках – радиолокационными станциями (РЛС) отечественного производства РУС-1 и РУС-2.

²³ Лагерь военнопленных в Джанкое – Дулаг 123, временный транзитный лагерь военнопленных. В марте–июне 1942 г. находился на территории хлопкоочистительного завода в г. Джанкое. В этом лагере погибло около 1,5 тыс. советских военнопленных.

²⁴ Особый отдел НКВД СССР Северо-Кавказского фронта сформирован в мае 1942 г., расформирован в августе 1942 г. в связи с преобразованием Северо-Кавказского фронта в Черноморскую группу войск Закавказского фронта.

²⁵ 50-я пд – пехотная дивизия вермахта. Сформирована после польской кампании осенью 1939 г. на базе крепостной комендатуры Кюстрина и ее приграничных подразделений. До июня 1941 г. дислоцировалась в Германии, Болгарии и Румынии. Принимала участие в оккупации Греции (апрель 1940). С июня 1941 г. – на советско-германском фронте (Одесса, Николаев, Крым). В составе 11-й армии принимала участие в осаде Севастополя, в 1942–1944 гг. участвовала в боевых действиях на Кубани, Кавказе, Крыму. Значительные потери понесла в мае 1944 г. в Севастополе. После переформирования участвовала в боевых действиях в Румынии и Восточной Пруссии. В апреле 1945 г. разгромлена в районе Пиллау (Восточная Пруссия).

²⁶ 79-я стрелковая бригада – морская стрелковая бригада, сформированная, в основном, из курсантов Черноморского высшего военно-морского училища (именовалась также курсантской стрелковой бригадой). Состав на июнь 1942 г.: 3 стрелковых батальона, миномётные дивизион и батальон, два артдивизиона, четыре отдельные роты, общая численность – 4 тыс. человек. Прибыла из Новороссийска в Севастополь в декабре 1941 г., организационно входила в 3-й сектор СОР. К концу июня 1942 г. практически перестала существовать, остатки ее были сведены в двухротный батальон, сражавшийся до начала июля в районе Херсонесского полуострова.

²⁷ 25-я дивизия – 25-я Краснознаменная ордена Ленина стрелковая дивизия имени В.И. Чапаева. Сформирована 30 июля 1918 г., участвовала в Гражданской войне на Восточном фронте под командованием В.И. Чапаева. В годы Великой Отечественной войны участвовала в обороне Одессы и Севастополя. В июле 1942 г. практически весь личный состав дивизии погиб при обороне Главной базы Черноморского флота. Расформирована 30 июля 1942 г.

²⁸ Мекензиевы горы – горный массив в окрестностях Севастополя вдоль р. Бельбек. Названы по имени контр-адмирала Ф.Ф. Макензи (Мекензи), англичанина, в 1765 г. поступившего на службу в русский флот.

²⁹ Ю-88 – «Юнкерс-88» – средний двухмоторный пикирующий бомбардировщик ВВС Германии.

³⁰ 172-я стрелковая дивизия – создана (второе формирование) в августе 1941 г. в Крыму. Второе наименование – 3-я Крымская дивизия. Состав: 3 мотострелковых полка, артиллерийский полк, истребительно-противотанковый дивизион, зенитный артдивизион, саперный батальон и батальон связи. Понесла значительные потери при обороне Севастополя. Переформирована (с тем же номером) в сентябре 1942 г. на Украине.

³¹ Северная (Перевозная) бухта – расположена на северной стороне Севастополя. Название получила в 1910 г. в связи со строительством причала для судов, доставлявших людей и грузы на северную сторону Севастополя.

³² Сухарная балка – расположена на северном берегу Севастопольской бухты. Названа по находившемуся на этом месте в XIX в. заводу по производству сухарей для Черноморского флота. В 1941-1942 гг. здесь располагался арсенал, откуда боезапас доставлялся частям Приморской армии, кораблям и батареям Черноморского флота. Вечером 25 июня 1942 г. оставшиеся в живых защитники арсенала взорвали хранящийся боезапас вместе с ворвавшимися в штольни гитлеровцами.

³³ Балаклава – населённый пункт на юго-западном побережье Крымского полуострова. До 1957 г. имел статус города (районный центр). В настоящее время является частью Балаклавского района Севастополя. В период обороны Севастополя удерживался советскими войсками до 30 июня 1942 г. Освобождён в апреле 1944 г.

³⁴ «Абхазия» – грузо-пассажирское судно Черноморского пароходства. Построено в 1927 г. в Ленинграде на Балтийском заводе. До войны работало на Крымско-Кавказской линии. С августа 1941 г. – санитарный транспорт Черноморского флота. Выполнил 36 эвакуаций из Одессы, Феодосии, Ялты и Севастополя. В ночь на 10 июня 1942 г. прибыл в Севастополь, но не успел затемно принять раненых и уйти из города. Утром был атакован немецкой авиацией и затонул у причалов Сухарной балки. Капитан судна – М.И. Белуха.

³⁵ Эсминец «Свободный» – эскадренный миноносец проекта «7-у», построен в 1939 г. в Николаеве на заводе им. 61 коммунара. До сентября 1940 г. носил название «Бесшумный». В состав Черноморского флота вошёл в январе 1942 г. Осуществлял огневую поддержку наших войск под Севастополем, выполнял транспортные рейсы между Главной базой и портами Кавказа. 9 июня 1942 г. прибыл в Севастополь, сопровождая транспорт «Абхазия». Погиб 10 июня 1942 г. в результате многочисленных атак немецкой авиации.

³⁶ «Грузия» – грузо-пассажирское судно Черноморского пароходства. Построено в 1928 г. в Германии. До войны работало на Крымско-Кавказской линии. С августа 1941 г. – санитарный транспорт Черноморского флота. Следуя из Новороссийска с 4 тыс. человек маршевого пополнения и боеприпасами на борту, атакован авиацией противника, получил повреждения, но продолжал идти к Севастополю для эвакуации раненых. На подходе к причалу Минной пристани в результате попадания двух авиабомб сдетонировали боеприпасы, судно разломилось и затонуло. Командир: капитан-лейтенант М.И. Фомин.

³⁷ Мыс Фиолент – мыс в юго-западной части Крымского полуострова в Балаклавском районе Севастополя.

³⁸ Быстроходный тральщик – быстроходный (базовый) тральщик (БТЩ). Предназначался для проводки за тралом подводных лодок и быстроходных конвоев. В соответствии с назначением обладал большой скоростью, высокими мореходными качествами и живучестью.

³⁹ МО – катер «малый охотник». Малотоннажный надводный корабль для поиска и уничтожения подводных лодок противника в прибрежных водах. В годы Великой Отечествен-

ной войны использовался в десантных операциях, эскортировании транспортов, высадке разведывательных подразделений на вражеской территории.

⁴⁰ ЭПРОН – Экспедиция подводных работ особого назначения, создана в ноябре 1923 г. при Особом отделе ОГПУ СССР для подъёма затопленных судов на Черном море. Начальник: Л.Н. Мейер (одновременно помощник начальника Особого отдела ОГПУ). К середине двадцатых годов ЭПРОН – основная организация по подъёму затонувших плавсредств, проведению аварийно-спасательных работ. Отделения сформированы на Балтике, Севере, крупных речных и озерных системах. С 1931 г. – в составе гражданских ведомств. 7 июня 1942 г. преобразована в Аварийно-спасательную судоподъёмную службу ВМФ СССР.

⁴¹ Тральщик – боевой корабль, предназначенный для поиска, обнаружения и уничтожения морских мин и проводки кораблей (судов) за тралами через минноопасные районы. Относится к классу минно-тральных кораблей. Оснащён аппаратурой поиска мин и корабельными тралами для их уничтожения.

⁴² «Белосток» – грузо-пассажирское судно Черноморского пароходства. Построено в 1933 г. в Валенсии (Испания), в 1933–1938 гг. совершало круизные рейсы под флагом Испании. В 1938 г., прорвав морскую блокаду франкистского флота, пришло в Одессу. С 1939 г. – в составе советского торгового флота. С августа 1941 г. – санитарный транспорт Черноморского флота, командир: старший лейтенант Т.П. Рымкус. Последнее транспортное судно, прорвавшееся в Севастополь. На обратном пути в ночь на 19 июня 1942 г. потоплено немецким торпедным катером. Погибли около 400 человек.

⁴³ Транспорт «Березина» – малотоннажный пароход Черноморского государственного морского пароходства, порт приписки Одесса. Построен в 1918 г. в Сандерленде (Великобритания). В 1934 г. приобретён СССР. С апреля 1942 г. в составе Черноморского флота в качестве военизированного транспорта. В 1941–1942 гг. обеспечивал перевозки войск, техники и боеприпасов. В июле 1942 г. получил при налёте немецкой авиации серьёзные повреждения. До 1943 г. в ремонте. В 1950 г. передан Румынии, сдан на слом в 1970 г.

⁴⁴ Лидер – лидер эскадренных миноносцев, промежуточный, между лёгким крейсером и эсминцем, класс быстроходных артиллерийско-торпедных кораблей.

⁴⁵ Памятник Балаклавского сражения – установлен в 1905 г. в память русских солдат, погибших в октябре 1854 г. В 1941–1942 гг. использовался нашими войсками как огневая точка. Разрушен прямым попаданием снаряда, полностью восстановлен в 2004 г.

⁴⁶ Учкучевка – курортный посёлок на северной стороне Севастополя.

⁴⁷ Кадыковка – предместье Балаклавы. В настоящее время один из районов города, расположенный по обе стороны от главной улицы Балаклавы.

⁴⁸ Совхоз «Софьи Перовской» – винодельческое предприятие в долине р. Бельбек в пос. Любимовка, в 67 км от Севастополя. Имя Софьи Перовской присвоено в 1927 г. В настоящее время входит в комбинат «Золотая балка» по производству крымских вин.

⁴⁹ Братское кладбище – воинское захоронение в Севастополе на северной стороне города. На Братском кладбище захоронены останки русских воинов, павших во время Крымской войны 1854–1855 гг.

⁵⁰ Дуглас – многоцелевой двухмоторный самолёт Ли-2 (воспроизведение американского самолёта «Дуглас» DC-3). Производился в СССР по американской лицензии на авиазаводе № 84 в Химках. Ли-2 назван по имени главного инженера завода Б.П. Лисунова. Самолёт отличался надёжностью, экономичностью, простотой в управлении.

⁵¹ Крейсер «Коминтерн» построен в 1905 г. в Николаеве. В 1907 г. переименован в «Память Меркурия». Принимал участие в Первой мировой войне. С 31 декабря 1922 г. носил название «Коминтерн», с 1923 г. – учебный крейсер Черноморского флота. В годы войны принимал участие в боевых операциях флота в качестве минного зградителя. Вывозил раненых из Севастополя, охранял транспортные суда, участник Керченско-Феодосийской десантной операции. 16 июля 1942 г. при стоянке в Поти получил повреждения от налётов авиации противника, был разоружён, а корпус затоплен в устье р. Хоби (Поти) для создания волнолома.

⁵² 3-й морской полк сформирован в сентябре 1941 г. в составе трёх батальонов морской пехоты и миномётной батареи из краснофлотцев-запасников и добровольцев из состава экипажей кораблей и частей Черноморского флота. Численность – 1920 человек. Участво-

вал в обороне Одессы и Севастополя. Понёс значительные потери в ноябре 1941 г. при обороне Главной базы.

⁵³ Новые Шули – село в Инкерманской долине у восточного подножия Сапун-горы. В 1945 г. переименовано в Штурмовое в честь штурма Сапун-горы советскими войсками 7 мая 1944 г.

⁵⁴ Сапун-гора – возвышенность в 6 км к юго-востоку от Севастополя. Во время обороны города в 1941–1942 гг. являлась ключевой оборонительной позицией на подступах к Севастополю. В районе Сапун-горы шли наиболее ожесточенные бои в 1942 и 1944 гг.

⁵⁵ Федюхины высоты находятся в Балаклавском районе между Сапун-горой и рекой Черной в 7 км от вершины Севастопольской бухты. Название появилось в период Крымской войны 1854–1855 гг., так как в этом месте стояли лагерем войска генерала Федюхина. На некоторых картах Севастополя эти высоты имеют искаженное название Федюнины высоты, что может быть объяснено только ошибкой картографов.

⁵⁶ Бухта Матюшенко расположена у северного берега Севастопольской бухты. Названа в честь руководителя восстания в 1905 г. на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» А.Н. Матюшенко.

⁵⁷ Нордовый берег Северной бухты – северный берег Северной бухты Севастополя.

⁵⁸ Графская балка – самая восточная балка, впадающая с северной стороны в Северную бухту Севастополя. Названа в честь графа М.И. Войновича, командовавшего Севастопольской эскадрой в 1786–1790 гг.

⁵⁹ Эсминец «Безупречный» – эскадренный миноносец 7-го проекта. Вступил в строй 2 октября 1939 г. В 1941–1942 гг. участвовал в минно-заградительных операциях, обороне Одессы. Обеспечивая высадку десанта под Григорьевкой, получил серьёзные повреждения от налётов авиации противника. В январе-июне 1942 г. обстреливал немецкие позиции в Крыму, эскортировал транспортные суда в Севастополь, перевозил пополнение и раненых. Погиб 26 июня 1942 г. в районе мыса Аю-Даг от ударов немецкой авиации.

⁶⁰ Миронов Владимир Михайлович, 1919 г.р., уроженец с. Михайловка Избердеевского района Тамбовской области. Арестован 25 июня 1941 г. ОО ЧФ за измену Родине, следствие закончено 29 июня 1941 г. Как видно из архивных документов, «обвиняемый Миронов в предьявленном обвинении виновным себя признал полностью. В связи с эвакуацией города Севастополя Военный трибунал не в состоянии рассмотреть дело в судебном порядке, а поэтому Миронов расстрелян без суда».

⁶¹ Кравченко Александр Иванович, 1919 г.р., уроженец г. Сумы. Арестован Особым отделом ЧФ 26 июня 1941 г. по обвинению в шпионаже, следствие закончено 29 июня 1941 г. Расстрелян во внесудебном порядке.

⁶² Эсминец «Бдительный» – эскадренный миноносец Черноморского флота 7-го проекта. Заложен 23 августа 1936 г. на заводе им. 61 Коммунара в Николаеве, спущен на воду 23 июля 1937 г., вступил в строй 2 октября 1939 г. Участвовал в обороне Севастополя. Один из последних надводных кораблей, прорвавшихся в город 25 июня 1942 г. Потоплен 2 июля 1942 г. в Новороссийске немецкой авиацией. Поднят после войны и сдан на слом.

⁶³ Плавбаза торпедных катеров «Украина» – военно-санитарный транспорт Черноморского флота, бывший грузо-пассажирский почтовый теплоход Черноморского морского пароходства. Построен в 1931 г. До войны работал на Крымско-Кавказской пассажирской линии. 27 июля 1941 г. включен в состав Черноморского флота. Потоплен 2 июля 1942 г. немецкой авиацией в Новороссийске. В документе указан ошибочно как плавбаза торпедных катеров.

⁶⁴ Хутор Максимовича – в одном из ноябрьских 1925 г. выпусков севастопольской газеты «Маяк Коммуны» хутор упоминается как одна из остановок трамвайного маршрута от площади Ушакова (Севастополь) в Балаклаву.

⁶⁵ Хутор Николаевка находился юго-восточнее городской черты Севастополя, в районе 6-го км дороги на Балаклаву.

⁶⁶ Максимова дача – посёлок в 9 км от Севастополя в Хомутовой балке. Назван по ранее располагавшейся в этой местности даче севастопольского подрячика А.А. Максимова.

⁶⁷ 702-я батарея – стационарная батарея 130-мм орудий, входила в состав 2-го отдельного артдивизиона береговой обороны Черноморского флота. Находилась на рубеже обороны в районе Мекензиевых гор, взорвана в ночь на 18 июня 1942 г.

⁶⁸ 35-я батарея – башенная батарея № 35, входила в состав 1-го отдельного артиллерийского дивизиона береговой обороны Главной базы Черноморского флота. В дни обороны Севастополя нанесла существенный урон противнику в живой силе и технике. 2 июля 1942 г., израсходовав боезапас, личный состав взорвал батарею. Бои в сохранившихся помещениях продолжались до 9 июля.

⁶⁹ Новиков Петр Георгиевич (1907–1944). Генерал-майор (1940). В Красной армии с 1923 г. (доброволец). В годы Великой Отечественной войны на командных должностях в войсках Южного фронта. С октября 1941 г. командир 109-й сд. 4 июля 1942 г. захвачен немцами в плен на мысе Херсонес. Убит охраной в концлагере Флессенбург в августе 1944 г.

⁷⁰ Херсон–Маяк – маяк на юго-западной оконечности мыса Херсонес. Построен в 1816 г., высота 36 м. В дни обороны Севастополя являлся последним очагом сопротивления советских войск.

⁷¹ В соответствии с приказами НКВД СССР от 21 ноября 1941 г. и от 17 декабря 1941 г. в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий в особо исключительных случаях органам 3-го Управления НКВМФ предоставлялось право немедленного приведения приговора в исполнение. Как видно из архивных документов, в связи с оставлением Севастополя советскими войсками большинство расстрелов арестованных ОО НКВД Черноморского флота проводилось по согласованию с прокуратурой флота во внесудебном порядке.

⁷² СК – сторожевой корабль (катер). В данном случае упомянутые в документе СК являлись катерами-малыми охотниками (МО-2, МО-4), которые имели литерную аббревиатуру СКА и цифровые обозначения. Все номера кораблей, указанные в документе, числились в составе Черноморского флота.

⁷³ Буксир (буксирное судно) – вспомогательное судно для буксировки несамоходных (потерявших ход) судов и других плавучих объектов, оказания помощи терпящим бедствие кораблям (судам). Буксирным судам, мобилизованным в военный период в состав Военно-морского флота, присваивались литерно-цифровые обозначения.

⁷⁴ Подводная лодка А-2 – малая подводная лодка типа «АГ» («Американский Голланд»). Построена американской фирмой ELCO в 1916 г., поставлена в числе четырёх однотипных лодок в разобранном виде, сборка велась на верфи в Николаеве, но до революции закончена не была. Вступила в строй в 1920 г, называлась АГ-4, «Коммунист», «Имени Луначарского». По техническим характеристикам отличалась высоким качеством постройки, надёжностью и живучестью. Основной недостаток – малая глубина погружения (до 50 м). Участвовала в Великой Отечественной войне, исключена из списков ВМФ СССР 28 ноября 1950 г. Две однотипные лодки (А-1 и А-3) погибли (первая – 26 июня 1942 г. в Севастополе, вторая – в октябре 1943 г. пропала без вести в Черном море).

*Публикацию подготовил
А.П. Черепков*

ДОКЛАД НКВД КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР ОБ ОККУПАЦИОННОМ РЕЖИМЕ В ВОСТОЧНОЙ КАРЕЛИИ*

Проблемы оккупации финскими войсками в 1941 г. территории Карело-Финской ССР достаточно подробно освещены в научной литературе¹. Опубликованные архивные документы военного периода о событиях в Карелии раскрывают политику Финляндии и действия её оккупационных властей. Публикуемый обзор положения на временно оккупированной территории Карело-Финской ССР подготовлен в конце 1942 г. 4-м отделом НКВД КФССР и содержит сведения об организации финской оккупационной власти и политико-экономическом положении населения на захваченной территории в целом и по отдельным ее районам. К работе за линией фронта, в том числе к сбору сведений о ситуации на оккупированных территориях, советские чекисты приступили с самого начала войны. Начальникам периферийных органов наркомата госбезопасности КФССР были даны указания об оставлении агентуры для разведывательно-диверсионной работы на той территории Карелии, которая могла быть захвачена финскими войсками². Представленный обзор составлен по донесениям 24 агентов, а также на основании информации, полученной от разведывательного отдела штаба Карельского фронта.

Сбор сведений о положении на оккупированной территории производился разведывательно-диверсионными группами НКВД КФССР как с помощью визуального наблюдения, так и путём встреч с постоянно действующими агентами. В оккупированных районах отсутствовали базы с продовольствием и оружием, поэтому чекистские группы базировались в прифронтовой полосе. Для встреч с агентурой и выполнения заданий в тылу врага им приходилось совершать рейды, имея при себе большой груз. Они дважды пересекали линию фронта, преодолевая порой расстояния до 500 км.

Постоянно действующие агенты были основными поставщиками информации. Агенты, как правило, подбирались из надёжных людей различных профессий (рабочие, крестьяне, рыбаки, учителя и т.п.). По донесениям карельских чекистов, в оккупированных районах при отступлении частей Красной армии было оставлено более 60 агентов. В свою очередь, через линию фронта разведчики перебрасывались

*Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда; проект № 11-01-00029 а.

в соответствии с разработанной легендой, позволявшей не вызывать подозрений у оккупантов. Собранную разведчиками информацию направляли с ходоком – специально выбранным для этой цели человеком. В случае задержания финнами при переходе линии фронта, его действия объяснялись желанием увидеть своих родственников «на той стороне». Если же ходок попадал в части Красной армии, то называл пароль и требовал направить его в органы НКВД.

Публикуемый в сборнике документ – подлинный машинописный экземпляр, заверенный двумя подписями, который хранится в архиве Управления ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Исходя из практики секретного делопроизводства периода войны, можно предположить, что один из экземпляров был направлен в Центральный штаб партизанского движения. Аналогичная копия обзора имеется также в архиве Управления ФСБ России по Республике Карелия. При рассекречивании и публикации частично опущена информация персонального характера в отношении конкретных лиц.

ОБЗОР НКВД КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР О ПОЛОЖЕНИИ НА ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

№ 6/20287
г. Беломорск

*Совершенно секретно
10 декабря 1942 г.*

г. Ленинград
Начальнику УНКВД по Ленинградской области
комиссару госбезопасности 3-го ранга
т. Кубаткину³

Направляю вам обзор о положении на оккупированной территории КФСР, составленный по материалам, добытым 4-м отделом НКВД КФСР.

Прошу имеющиеся у вас данные об оккупированных районах КФСР и собственно Финляндии выслать нам для ознакомления.

Приложение: по тексту.

Нарком внутренних дел КФСР
майор госбезопасности

М. Баскаков⁴

*Приложение**Ноябрь 1942 г.*

После заключения мирного договора с СССР о новых границах финские правящие круги не переставали вести антисоветскую деятельность, а наоборот – они усилили ее и с первых же дней начали готовиться к реваншистской войне. Финские разведывательные органы усилили свою деятельность. Начали массовую засылку в наш тыл вооружённых и хорошо экипированных групп, прошедших специальную школу разведчиков.

Летом 1941 г., перед войной, такие ходки особенно участились в район Сортавала, Лахденпохья, Кексгольм и Куркйюки, а также в район Кировской ж.д. и Беломорско-Балтийского канала. По прямому заданию и с непосредственной помощью озверелых гитлеровских банд белофинские правители снова ввергли свой народ в кровавую авантюру против СССР под лозунгом осуществления своего сумасбродного плана создания «Великой Финляндии».

За 15 месяцев войны ценой огромнейших потерь в живой силе и военной технике финнам временно удалось занять часть КФСР. Однако захват территории еще не есть завоевание, а тем более освоение этой территории. Финляндия не может сегодня прокормить народ собственной страны. Чтобы как-нибудь залатать дыры в разрушенной экономике, военщина проводит это за счёт хлеба, скота и материальных ценностей жителей оккупированных районов.

Военные на оккупированной территории ввели жёсткий режим разбоя, кнута и концентрационных лагерей – таков «новый порядок», который так пытаются насадить правящие круги Финляндии. Однако, как видно из материалов, этот «новый порядок» вызывает у населения оккупированных районов злобу и ненависть против своих поработителей.

Организация управления на оккупированной территории

Вся полнота власти на временно оккупированной территории КФСР сосредоточена финнами в руках Военного управления Восточной Карелии. По призыву главнокомандующего оборонными силами Восточной Карелии командующим Военного управления Восточной Карелии назначен подполковник Котилайнен⁵, а его помощником Густав Рогнар Нордстрем. Штаб названного управления находится в г. Йонсуу. Начальником штаба является Эйно Куусела. При штабе военного управления создан совет⁶, куда входят следующие лица:

1. Директор Пробус Рахикайнен – на Юшкозере.
2. Капитан Пауль Марттила – на Сямозере.
3. Учитель В. Кейняс – на Вокнаволоке.
4. Директор Яйне Рахмаа – на Паданы.
5. Капитан Вилхо Тимонен – на Ухте.
6. Лейтенант Микко Карвонен – на Кестеньге.
7. Прапорщик Симо Аскала – на Мунозере.
8. Редактор Ласси Кунтиярви – на Олонце.
9. Пастор Пааво Саарикоски – на Кестеньге.
10. Капитан Пауль Ипатти – на Реболы.
11. Директор Юсси Маттинен – Вокнаволоке.
12. Прапорщик Нийло Кийриikki – на Ругозере.

Все члены совета входят в состав штаба Военного управления Восточной Карелии. Председателем совета назначен директор Пробус Рахикайнен. Его заместитель – капитан Пауль Марттила.

В административном отношении оккупированная территория разделена на следующие округа:

1. Онежский (Петрозаводский) округ с центром в г. Петрозаводске. Начальник округа подполковник Суситало.

2. Олонецкий округ с центром в с. Олонец. Начальник округа полковник Урхо Сихвонен.

3. Ребольский округ с центром в с. Реболи. Начальник округа подполковник Вейко Вайсенен.

4. Паданский округ с центром в с. Паданы. Начальник округа майор Кибиikko.

5. Ругозерский округ с центром в с. Ругозеро. Фамилия начальника округа не установлена.

6. Северный округ с центром в м. Куусамо. Начальник округа подполковник Вейко Палохеймо.

До 1 мая 1942 г. в штаб Военного управления Восточной Карелии входили такие округа: Выборгский, Яскинский, Кякисалмский, Куркиёкский, Сортавальский, Лахденпохский, Суоярвский. То есть округа, расположенные на территории, отошедшей от Финляндии к СССР по мирному договору, заключённому после войны 1939–1940 гг.

Манифестом президента Финляндии Рюти⁷ от 6 декабря 1942 г. эта территория опять объявлена присоединенной к Финляндии. В связи с этим манифестом власть на этой территории от Военного управления Восточной Карелии передана гражданским организациям. В большинстве своем командование округов осталось на месте, но перешло, соответственно, в подчинение гражданским властям. Центральное управление гражданских властей этой территории временно находится в м. Иматра.

Округа, входящие в состав Военного управления, разделены на районы. Во главе районов поставлены коменданты из числа офицеров финской армии. В распоряжении каждого коменданта находится рота полицейских. Коменданты ведают регистрацией населения, выдачей документов, реквизицией продовольствия, скота, фуража и т.д. Населёнными пунктами непосредственно управляют старосты, которые себе в помощь назначают десятских из числа взрослых мужчин, по очереди, сроком на один месяц. Старосты в большинстве своём назначаются комендантом района из числа предателей нашей Родины. Однако такие назначения с целью создания видимости демократии оформляются выборами на общих собраниях. В старосты «избираются» только мужчины. Нередки случаи, когда старосты назначаются комендантом и без «оформления» выборов, например: в Шелтозерском районе таким путём были назначены старосты в дер. Розмега Изотов Н.И., предатель и изменник нашей Родины, перешедший на службу белофиннам. В дер. Еремеев Посад старостой назначен предатель нашей Родины Спирков В. П.

На старост возложены следующие обязанности:

1. Списочный учёт населения деревни.
2. Регистрация вновь прибывающих и сообщение о них коменданту или полицейским.
3. Учёт продовольствия, скота, фуража, выдача их населению по указанию коменданта.
4. Поддержание в населённом пункте порядка, установленного белофиннами.
5. Обеспечение выполнения всех повинностей, устанавливаемых властями для местных жителей.
6. Назначение десятских.

Всеобщим знаком Военного управления Восточной Карелии в центре и на местах является белый полотняный круг с гербом медведя и надписью: «Военное управление Восточной Карелии». Всеобщий знак прикрепляется на левый рукав верхнего пальто, причем верхний край должен быть ниже плечевого шва на 5 см.

О режиме и системе контроля над передвижением населения на оккупированной территории

Бандитская политика рабского подчинения оставшихся советских граждан проводится оккупантами посредством жёсткого режима устрашения, расправ и издевательств. В оккупированных районах существует такой порядок, при котором движение между населёнными пунктами всему гражданскому населению ограничено и строго регламентировано особыми пропусками. Пропуска выдаются комендантом

района и заверяются печатью. Однако известны случаи, когда пропуска пишутся на бумаге карандашом и заверяются одной подписью офицера, выдавшего пропуск.

По всей оккупированной территории КФССР финские власти провели паспортизацию. Паспорта выданы всем лицам, достигшим 15-летнего возраста. Финнам, карелам и вепсам паспорта выдаются зелёного цвета. Русским и другим национальностям выдаются паспорта красного цвета. Паспорта выдает начальник округа и заверяет печатью окружного штаба. Контроль над передвижением населения осуществляют комендант и полицейские с помощью старост, которые превращены в услужливых доносчиков. Состав населения в деревнях ими учитывается и проверяется по спискам.

Особый контроль над передвижением населения проводится в оккупированных местностях Восточного и Южного побережья Заонежского залива, откуда белофинны эвакуировали все население с целью лишить базы для действия красных партизан. В связи с этим в приказе по управлению районом Шуньга говорится следующее: «...эвакуированная местность Заонежского района в Восточном и Южном побережье является запретным районом, и населению категорически запрещается туда ходить. Объявить, что нарушители будут расстреляны». О правилах передвижения в этом же приказе говорится: «...гражданское население не имеет права выехать без разрешения начальника района или управления штаба. Разрешается выезд финскому и карельскому населению на свои прежние места с выдачей особых пропусков, в которых заполняются анкетные данные на него и указывается цель поездки и куда направляется».

В летний период в связи с усиленной деятельностью партизан и разведывательно-диверсионных групп противником предпринят ряд особых мер. В специально изданном приказе по этому поводу говорится: «все население оккупированных районов при появлении партизан обязано сообщить немедленно об этом военным властям. За укрытие партизан и разведчиков, а равно несообщение о них, лица будут расстреляны». В связи с поисками партизан и разведчиков населению была временно прекращена выдача пропусков.

На оккупированной территории имеется гражданская и военная полиция. Они распознаются по нарукавным нашивкам: чины гражданской полиции носят на левом рукаве белый круг с чёрным государственным гербом, военные полицейские – белый треугольник с надписью Военная полиция. В задачи военной полиции входит политическое наблюдение за населением. Под особым её вниманием и контролем находятся русские. Политическая полиция имеет среди населения свою агентуру, которая тщательно инструктируется

на выявление лиц, оказывающих помощь советским разведчикам. Агентом полиции в дер. Сюрьга Шелтозерского района является Васильева П. Последняя, при появлении в районе наших разведчиков Палагина и Мутовкина, донесла о них в полицию, и они были арестованы, а затем отправлены в Финляндию. Агентом полиции в г. Петрозаводске установлена Паррас А.А. Она добровольно осталась у противника и выдаёт советский и партийный актив полицейским органам.

В полицейскую агентуру, по существу, превращены все старосты деревень, которые обязаны доносить о связях местного населения с людьми, приходящими с советской стороны. В целях поисков лиц, сочувствующих советской власти, полицейские и старосты на местах проводят облавы и обыски.

В приказе за № 19/23 под названием: «О разведке и направлении задержанных на допрос» командующего Военным управлением Восточной Карелии, в распоряжении которого находится военная полиция, сказано: «...бывали случаи, когда лиц, задержанных в районе по подозрению в шпионаже или в помощи противнику, направляли для допроса в военную полицию без необходимых сведений о задержании. Добыть эти сведения после очень трудно, часто невозможно. Поэтому приказываю, всегда, при направлении такого рода задержанных, давать сопровождающему следующие сведения: о месте задержания, о причинах задержания, о задержателе, об обстоятельствах задержания, о доносителе. Задержанного необходимо направить непосредственно в военную полицию».

На бывшей государственной границе финскими властями до сих пор сохранены пограничные заставы и погранпосты. Пограничная служба патрулирует всю границу, установленную согласно мирному договору СССР с Финляндией в 1940 г. Например, заставы имеются в деревнях Мансила, Хабасара, Раесельга, Погранкондуши и т.д.

Проезд из собственно Финляндии в оккупированные районы КФСР разрешён только по специальным пропускам, которые выдаёт штаб Военного управления Восточной Карелии. Текст пропуска следующего содержания: «Владелец этого пропуска – фамилия, имя, – имеет право передвижения на территории (название округа или района) и перейти границу в любой части этого района». Пропуск заверяется подписью и печатью должностного лица, выдавшего пропуск.

По вопросам передвижения из Финляндии в Восточную Карелию и наоборот имеется специальный приказ Военного управления, который гласит: «...главнокомандующим дано право штабу Военного управления Восточной Карелии выдавать разрешения на выезд гражданским лицам, едущим по вопросам реорганизации из Финляндии в Восточную Карелию, и, наоборот, при условии, если таковые совер-

шаются по железной дороге или с сопровождающим. По вопросам, касающимся выдачи разрешения на выезд из Восточной Карелии, необходимо штабу Военного управления согласовать с министерством внутренних дел вопрос о наиболее целесообразных местах переправы через границу и об организации контроля за лицам, прибывшими в Финляндию. О выданных разрешениях на въезд в Финляндию необходимо поставить в известность отдел контроля МО и Министерство внутренних дел». Далее в приказе говорится: «...заккрытие границы не относится к немецким солдатам, у которых имеются свои документы, а также не относится оно и к полицейским, назначенным руководителем СС, и не касается лиц, числящихся за ведомством Розенберга (Особый штаб А)». До сих пор не зарегистрировано случаев, чтобы финны пропускали местное население оккупированных районов на собственную территорию Финляндии.

О политическом и экономическом положении населения на оккупированной территории

Пытаясь осуществить сумасбродную идею создания «Великой Финляндии» и насаждая на временно оккупированной территории так называемый «новый порядок», немецко-финская военщина принесла нашему населению голод и разорение. С самого начала оккупации белофинны делают всё, чтобы сломить колхозный строй, который принёс карело-финскому народу счастливую и зажиточную жизнь. Свою деятельность белофинские грабители начали с того, что колхозную собственность, сельскохозяйственные машины, скот и т.д. объявили трофейным имуществом. Так, в приказе Военного управления Восточной Карелии за № 1541, подписанным небезызвестным мародером – полковником Котилайнен, говорится: «захваченную колхозную собственность: сельхозмашины, инвентарь и другое имущество, а также домашний скот, следует учесть и объявить трофеями. Если упомянутые выше трофеи частями не учтены, то сбор и учёт их производят центральные сборочные пункты, или должностные лица Военного управления».

Вступив в карельские села, белофинны сразу же начали безудержный грабёж населения. В приказе по управлению районом Шуньга сказано: «...населению объявить, что в связи с военным положением у местного населения реквизируется зерно и фураж, которые они получили при распределении колхозных доходов. Местному населению оставить запас зерна на три месяца. Если имеется излишек зерна и фуража больше, чем на 3 месяца, то последние сдаются местному начальнику». Таким образом, с самого начала было установлено «законом» повсеместное ограбление всех жителей.

В циркуляре от 1 сентября 1942 г. по Военному управлению Восточной Карелии строжайше предписывается: «...названия "колхоз" и "совхоз" изъять из употребления и заменить словами вместо первого "общее хозяйство", а вместо второго – "государственное хозяйство"». Далее в этом же приказе говорится: «...в целях всеобщего бережного употребления зерна и зерновых продуктов необходимо запасы зерна, находящиеся в распоряжении частных лиц, сдать на всеобщее нормированное потребление».

Выполняя эти приказы, белофинны в Заонежском районе заставили колхозников обмолотить хлеб, а потом весь этот хлеб отобрали и вывезли в Финляндию. Все колхозные земли на оккупированной территории засеяны белофиннами, а новый урожай объявлен собственностью государства. Для личного пользования населению отведены небольшие, самые неудобные, клочки земли. Дополнительно же землю население должно брать в аренду у властей за плату. За клочок земли, полученный во временное пользование, и пользование хозяйственными постройками крестьянин должен отработать барщину или, как сказано в договоре, «обязуется выполнить работу по указанию Военного управления».

Сроки пользования не оговорены и в любой момент у крестьянина может быть изъят участок обрабатываемой им земли. По договору крестьянин должен выполнять указания и предписания соответствующих должностных лиц, т.е. начальника округа Военного управления, местного начальника, сельскохозяйственного офицера, консультанта по сельскому хозяйству, управляющего «государственным и общим именными»; одним словом, все начальники – большие и малые, имеют право командовать крестьянином.

В случае заселения данной местности переселенцами из Финляндии, крестьянина лишают земли. Чтобы получить свою лошадь для обработки небольшого кусочка приусадебной земли, колхозник должен платить властям за её использование 4 марки в час.

Колхозники остались без хлеба. Население голодает. Чтобы как-нибудь прокормить и продлить свою жизнь, в выпекаемый хлеб прибавляется древесная кора и мох.

Вынужденно оставшийся в Шелтозерском районе бывший знатный косец республики, Лучкин С.И., награждённый медалью Сельскохозяйственной выставки, 8 августа с.г. в беседе с нашим агентом рассказывал: «Я уже давно не видел крошки хлеба, питаюсь одними грибами». Официально белофинны установили для населения нормированную выдачу продуктов. На самом же деле никакого, конечно, нормированного потребления они не ввели и обрекли население на голод. Издевательски гласит объявление, помещённое недавно в газете «Вапаа Карьяла» для жителей оккупированной территории: «...в Восточной Карелии

население может получить продовольствия на карточку по талонам 6 а, 6 б и 6 п по 50 г муки или сухого хлеба».

Белофинны с самого начала после оккупации территории и по настоящее время проводят обыски у населения и отбирают продукты питания и тёплые вещи. Так, в беседе с нашими разведчиками житель дер. Средь-Волость Шелтозерского района Бошаков И.А. говорил: «... после занятия района власти провели повальные обыски у колхозников и рожь, находящуюся у колхозников, отобрали. Также были отобраны выделанные и невыделанные кожи». Ухудшение материального положения населения усугубляется грабежами и мародёрством, учиняемых финскими грабителями.

Проживающая в г. Петрозаводске Соболева М.А., в беседе с нашим ходоком 16 сентября с.г. говорила: «...население живёт очень плохо. Кроме как по 200 г хлеба – больше ничего не дают. Тайная полиция производит в городе поголовные обыски у всего населения. При обысках отбирают верхние носильные вещи и бельё. Лично у меня также был обыск. Обнаружили костюм сына, но почему-то оставили, тогда как у других моих знакомых отобрали много различных носильных вещей».

В Медвежьегорском районе финские власти, обнаружив группу не успевших эвакуироваться женщин, среди белого дня, несмотря на протесты их, сняли с них рукавицы, валенки и заставили их на морозе добираться до дому босиком. Грабить стало профессией морально разложившихся белофинских наемников Гитлера. Особенно тяжёлой участи подвергались на оккупированной территории русские. Значительная часть населения заключена в концентрационные лагеря, в которых установлен режим каторжного труда. В Олонецкий район приехал немецкий помещик, который собрал со всего района русских и заставил их работать у него в имении на самых тяжёлых работах.

Белофинны угоняют колхозников с обжитых ими мест, сопровождая так называемую «отправку в тыл» грабежами и произволом. Колхозникам для переездов не предоставляют транспорта, в силу чего они вынуждены бросать на произвол своё имущество.

Капрал Сильвянен так инструктировал своих подчинённых солдат при отправке колхозников из Заонежского района в г. Петрозаводск в концентрационные лагеря: «...не разрешать брать картошку, постельные принадлежности. Коров и лошадей оставлять в деревне, т.к. всё это должно перейти в распоряжение финского областного штаба».

Финские разбойники, как и их хозяева – гитлеровцы, широко практикуют увод населения на принудительные каторжные работы в Финляндию. Особенно за последнее время усилилась отправка русского населения из концентрационных лагерей в Петрозаводске в глубокий тыл – в Финляндию.

За год оккупации только из одного с. Паданы отправлены в рабство 28 молодых девушек. Последнюю группу девушек финны отправили в августе этого года. Эти девушки проданы в рабство финским кулакам. Чтобы ослабить гнев и ненависть карельского народа, белофинны всячески пытаются прикинуться друзьями карел. В этих целях карелы и родственные ими национальности несколько лучше снабжаются и получают более высокую плату за работу.

За одну и ту же работу русским платят вдвое меньше, чем финнам, карелам и вепсам. Все это узаконено приказами. Так, Военное управление Восточной Карелии издало приказ за № 3023/1 под названием «Касается расценок работ». По этому приказу карелам и родственным им национальностям установлены следующие расценки работ:

1. Смешанные работы – 3–5 марок в час.
2. Конюхи – 4–7 марок в час.
3. Трактористы и др. особые с.-х. рабочие – 6–8 марок в час.
4. Штукатуры и печники – 6–8 марок в час.
5. Кузнецы и их помощники – 5–8 марок в час.
6. Плотники – 5–8 марок в час.
7. Пильщики – 4–7 марок в час.
8. Прачки – 3–5 марок в час.
9. Портнихи – 4–6 марок в час.

Несмотря на мизерность этой установленной платы, на самом же деле местному населению платят гораздо меньше. Крестьянин, работая от зари до самой темноты и выполняя тяжёлую работу в поле, получает за это только до 30 марок в день.

Далее в этом же приказе говорится: «...русским и прочим инородным рабочим уплачивается 50-60% из вышеизложенных расценок. Находящимся в концентрационных лагерях заработная плата не уплачивается. По мере того, как рабочие пользуются общественным питанием, с их зарплаты высчитывать ежедневно 20 марок. Если же результаты работы плохие, то нет целесообразности платить даже самой низкой зарплаты, можно расценки по усмотрению снижать». Работодателю этим приказом даны полные права учинять произвол в отношении зарплаток. Некоторые льготы в отношении карел делаются с целью разжечь национальную рознь между русскими и карелами. Но из этих попыток белофинских грабителей ничего не получается.

Карельский народ не хочет быть рабом и работать на оккупантов. В этом признаётся и руководитель так называемого управления Восточной Карелии, холоп Гитлера, подполковник Котилайнен. В одном из своих приказов «Об организации эффективного труда» он вынужден констатировать: «...выявлены случаи, когда рабочие дни были очень коротки, несмотря на то, что возможности для организации более

удлиненного рабочего дня имелись. Поэтому предлагается всем организаторам действовать так, чтобы население работало столько часов, сколько потребуются». Из приказа видно, что если помещик, староста, кулак в целях личной наживы заставляют работать на них круглые сутки – закон это поощряет.

И без того тяжёлое положение населения обременяют ставленники белофиннов – старосты, которые с ведома властей эксплуатируют население и беззастенчиво присваивают часть заработков себе. За произведенную работу платят населению много меньше, чем установлено в мизерных расценках, остальные деньги они присваивают себе. Неслыханные трудности население испытывает ещё и потому, что на те деньги, которые оно получает за труд на полевых работах и лесозаготовках, купить совершенного ничего нельзя. Финские марки потеряли свою покупательную способность.

На предложение наших ходоков [оказать] денежную помощь отдельным лицам, как правило, получали отказ с заявлением, что эти деньги не стоят той бумаги, которая на них затрачена. Гражданка Мелентьева из дер. Житно-ручей Шелтозерского района рассказывает: «...население показывает в сундуках большие пачки денег, 2000–3000 марок, но купить на них ничего не может. В продаже нет ни продуктов, ни товаров».

За работой населения постоянно наблюдают вооружённые белофинны, и тех лиц, которые почему-либо не нравятся этим полицейским, избивают. Так, в Олонецком районе за отказ от работы были избиты тракторист Видлицкой МТС – Дешуев и видлицкий карел Захаров. В Заонежском районе часто можно встретить такое средство наказания, как пощёчина.

По предложению штаба Военного управления Восточной Карелии центральные торговые организации Финляндии ООК, ОТК и акционерное общество «Кеско» для ведения торговли на оккупированной территории организовали акционерное общество «Вако»⁸, целью которого является ведение торговли, заготовка и отправка сельскохозяйственных продуктов, рыбы, дичи, пушнины и других в собственную Финляндию.

Акционерное общество «Вако» утверждено главнокомандующим оборонными силами Восточной Карелии и имеет монополию по ведению торговли на оккупированной территории до конца 1943 г. Управляющим акционерного общества «Вако» является лейтенант Аарне Коскело. Главная контора общества «Вако» находится в г. Йоэнсуу. Это общество в большей мере и в первую очередь занято сбором и переправкой в Финляндию реквизированных продовольственных и фуражных ресурсов, иначе откуда же брать продовольствие изголодавшимся финским солдатам. В округах и районах Военного управле-

ния Восточной Карелии имеются отделения акционерного общества «Вако». Отделения общества «Вако» имеют на местах сеть магазинов и лавок. Магазинов очень мало. В г. Петрозаводске имеются, например, всего три магазина продуктовых и два промтоварных. В Шелтозерском районе есть всего только три магазина – в с. Шелтозеро, Шокша и Житно-ручей. В Заонежском районе для всего населения имеется один магазин – в дер. Великая Губа. В Олонецком районе один магазин, в с. Видлицы, обслуживает 4 сельсовета: Видлицкий, Большегорский, Тулокский и Погранкондушский. Все продукты и товары продаются только по карточкам. Без карточек никаких продуктов купить нельзя.

Финские власти сделали попытку показать, что в самой Финляндии много продуктов и товаров, и что они дешевле по ценам. В этих целях впервые дни оккупации в магазинах Шелтозерского района пустили в продажу платья, туфли и другие промтовары. Белофинны объявили эти товары привозными из Финляндии; многие вещи были уже поношены. Позднее было установлено, что на самом деле эти вещи были награблены в советских магазинах и у граждан, а потом пущены в продажу. Таким образом, этот трюк финских властей провалился с треском. В магазинах Олонецкого района в продаже имелись главным образом «трофейные» награбленные вещи. Сейчас магазины пустые, и в продаже товаров первой необходимости нет. Для местного населения существует следующая норма выдачи продуктов: хлеба – 250 г на день, сахара – 500 г на месяц. Никаких других продуктов больше не выдают. Несмотря на то, что введено повсеместное нормирование товаров, последних в продаже нет, и талоны на карточках остаются неиспользованными. Продовольственные и промтоварные карточки выдает комендант района. Карточки можно получить не только лично, а и через знакомых, при предъявлении паспорта. Карточки меняются 1 и 15 числа каждого месяца.

Цены на нормированные продукты повысились примерно в 5-6 раз по сравнению с довоенным уровнем. В данное время они следующие: хлеб 1 кг – 5 финских марок; сахар 1 кг – 22 финские марки; маргарин 1 кг – 20 финских марок; мануфактуры 1 м – 40 финских марок; туфли 1 пара – 3000 финских марок; соль – 2 финские марки; спички – 2 финские марки. На рынке никакой торговли нет.

Особенно тяжело живётся русскому населению. В Заонежском районе выдавалось населению несколько раз только по 200 г овса. В этом районе были случаи, когда местному населению по неделе не выдавалось хлеба вовсе. В конце мая с.г. у магазина в с. Великая Губа собралась большая очередь из женщин. Можно было наблюдать настоящий голодный бунт. Когда стоявшим в очереди объявили, что хлеба нет, женщины стали кричать: «Взяли власть, так кормите». Только силой полиции удалось разогнать этих женщин. Чтобы задобрить население, первые

дни после оккупации белофинские власти выдавали нормированные продукты многосемейным и нетрудоспособным гражданам бесплатно. Вскоре это мероприятие было прекращено, но зато за выданные ранее продукты произвели вычет по вздорожавшим ценам.

Заигрывание оккупантов с населением выражается и в том, что, например, в Сегозерском районе продукты выдавались по возможности всем работающим и неработающим, при этом говорилось, что в дальнейшем, в хорошие дни, удержат из заработка. Такие мизерные подачки местному населению вызывали даже недовольство финских солдат.

Солдаты гарнизона в с. Паданы очень истощены, получают в день 6 черных галет и жидкую похлебку, по этому поводу выражают свое недовольство к местному населению и властям: «...в Финляндии у нас голод и вас, карел, туда не повезут, а в отношении вас власти проводят особую политику». Население, конечно, прекрасно понимает сущность этих крохотных подачек со стороны финских властей и не особенно старается изливать свои похвалы по адресу правителей.

Свою фашистскую агитацию и политическое влияние на население белофинны пытаются проводить через прессу, радио, кино и церкви. Для финнов, карел и вепсов, проживающих на оккупированной территории в г. Йоэнсуу, издаётся газета «Свободная Карелия». Эта газета является органом Военного управления Восточной Карелии и распространяется среди местного населения. На страницах этой газеты печатаются гнусные антисоветские измышления о положении на фронтах, внутри СССР и всяческие провокации по адресу руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Клеветническими слухами белофинны пытаются убедить население, что Советский Союз войну уже проиграл. В сводках командования публикуется всякая брехня. Так, в газете за июль с.г. сообщалось, что 2 немецких самолёта сбили 92 советских. В том же месяце сообщалось, что взяты города Воронеж и Ленинград. От населения и солдат финской армии всячески скрывается договор между СССР, Англией и Америкой. О втором фронте не было написано ни слова. Большинство населения и даже финские солдаты мало верят этой хвастливой пустой брехне.

В г. Петрозаводске для русского населения издаётся газета «Северное слово» на русском языке. В этой газете также печатаются статьи антисоветского содержания. Газета распространяется среди гражданского населения, заключённого в лагерях, и частично среди русского населения в г. Петрозаводске и районах.

Антисоветская агитация проводится белофинскими палачами также путём чтения докладов и созыва собраний. Так, в июне с.г. в дер. Видлицы Олонецкого района населению делали доклады антисоветского содержания на следующие темы: «О скорой победе

над большевиками», а также «Об огромных богатствах хлеба на Украине и в Олонецком районе». У немецко-фашистских захватчиков своего хлеба нет, так они рассчитывают на чужой.

Среди рабочих, работающих по восстановлению электростанции в пос. Соломенное, часто устраиваются и проводятся беседы о международном положении, где преподносятся всякая клевета на наш народ, Родину, партию. Однако все эти меры не дают финнам уверенности в прочности их положения на захваченной территории.

Не рассчитывая на стабильность своего положения, финские власти подготавливают население к эвакуации в тыловые районы, заявляя при этом, что будут расстреливать каждого, кто откажется идти с ними, и кто будет делать попытки остаться в Советском Союзе.

Белофинны в оккупированных ими районах произвели целый ряд арестов партийных и советских активистов, бойцов партизанских отрядов и истребительных батальонов. Некоторые были расстреляны, как, например, Мухина, активная комсомолка, проживающая в Заонежском районе. Спасая свою шкуру, белофинны сильно боятся Красной армии и особенно партизан. Поэтому за малейшее подозрение и сочувствие партизанам расстреливают и посылают в концлагерь. Так, по обвинению в содействии партизанам в Шелтозерском районе был расстрелян колхозник дер. Другая Речка Кочергин Алексей, а его семья отправлена в г. Петрозаводск и заключена в концлагерь.

Население за малейшие провинности подвергается телесным наказаниям. В г. Петрозаводске был избит розгами печник Курганов Ефим Николаевич. В июле с.г. был избит розгами до потери сознания 6-летний мальчик, сын рабочего-украинца из дер. Лучкина Гора Шелтозерского района. В Заонежском районе был избит палками пенсионер Севериков Филипп Петрович за то, что без разрешения хотел пройти в свой собственный дом в дер. Лонгасы. Все это вызывает гнев и возмущение карельского народа.

Насилие и разбой – вот что несут белофинские бандиты. В оккупированной части Калевальского района финские солдаты изнасиловали карельскую женщину Микколя Паулу. Эти бесчинства узаконены финскими властями. В г. Петрозаводске специально создан дом терпимости, куда насильно загоняют русских девушек и женщин.

В некоторых районах на оккупированной территории открыты школы для детей. Этим вопросом занимается бюро учебных и церковных заведений при штабе Военного управления Восточной Карелии. В школах для всех учащихся преподают закон божий, чтение, письмо и математику. Преподавание ведется только на финском языке. Детей русских в школу не принимают. В г. Петрозаводске открыты три школы. Одна из них работает в бывшей финской девятилетке, где обучается

около 500 человек детей карел, финнов и вепсов. Заведует школой лейтенант Сойнонен. В Шелтозерском районе школы имеются в с. Шелтозеро, Шокша, Житно-ручей.

Ряд школ имеется в Олонецком районе. В школах практикуются телесные наказания, детей бьют чем попало. Например, мальчик Кузьмин в с. Шокша Шелтозерского района был избит за то, что заговорил в классе на русском языке. За незнание уроков был избит учителем 17-летний мальчик в Житно-ручейской школе Шелтозерского района Валентин Полубелов.

Белофинские власти с целью агитации пытаются создать для школ в оккупированных местностях свои национальные кадры. Для этой цели учителей карелов, не успевших эвакуироваться, направляют на одногодичные курсы переподготовки учителей в Финляндию. Из Шелтозерского района на эти курсы уехали Пядина Ксения Ефимовна, 27 лет, из дер. Средь-Волость, Бошакова Анастасия Матвеевна, 23 лет, из с. Шокша. Старшую часть детей белофинны пытаются взять под свое влияние путём привлечения в самостоятельные кружки, спортивные соревнования и т.д. Так, например в дер. Житно-Ручей Шелтозерского района для детей организовали драмкружок, который ездил с выступлением в Шелтозерский гарнизон. Часто под различными благовидными предлогами детей фотографируют, используя эти фото в печати для агитации.

У молодёжи финские власти пытаются воспитать чувство любви к Финляндии и к финской культуре. Газета «Вапаа Карьяла» публикует много статей для молодёжи, расхваливает финские школы, ремесленные училища, предприятия. В Олонецком районе для молодёжи был сделан доклад прибывшим из Финляндии учителем Семеновым на тему: «О принятии молодёжью католической веры и необходимости вероисповедания». После этого доклада финские солдаты начали кампанию по обязательному принятию католической веры. Население вызывалось к попу, где производились надлежащие записи.

Популяризируя все финское, белофинны очень часто доходят до глупостей. Так, в газете «Вапаа Карьяла» была опубликована статья, в которой говорилось, что рыба в Восточной Карелии попадает в сети проще, чем в Финляндии, «потому что в Карелии рыба глупее финской». В Шелтозерском районе белофинны приказали разобрать русские печи и сложить новые, по финскому образцу, и заявили, что финские печи греют лучше.

В г. Петрозаводске в бывш. здании Каргостеатра открыт кинотеатр. Все фильмы демонстрируются на финском языке. Кинотеатр работает с 18 час. 30 мин. до 20 час. 30 мин. В Шелтозерском районе несколько раз приезжала кинопередвижка. Население неблагоприятно

относится к таким культурным мероприятиям и в кино почти не ходит. Радио также используется белофиннами в антисоветских целях. По радио проводится антисоветская пропаганда и лживые измышления о том, что «большевики скоро погибнут, Ленинград и Москва окружены, а на Кавказе Красная армия тысячами сдается в плен». Эту антисоветскую пропаганду на оккупированной территории ведёт радиостанция, установленная в с. Олонец.

Белофинские власти пытаются широко использовать в антисоветских целях церковь и духовенство. Вся эта работа непосредственно проводится Бюро церковных заведений, созданным специально при штабе Военного управления Восточной Карелии. На оккупированной территории открыта большая сеть церквей. Попы привезены из Финляндии. Белофинны частично провели принудительное крещение детей. Так, в приказе за № 1320/1/10 от 10 августа 1941 г., изданном Военным управлением Восточной Карелии, говорится: «...ставится в известность всем священникам, что для крещения некрещёных детей при штабе Военного управления Восточной Карелии имеется Бюро церковных заведений. В распоряжении данного бюро имеется ряд священников, на которых возлагается исключительно забота о духовном состоянии населения занятых областей». Каждому ребенку после крещения выдавался железный крест. Тем, кто не крестил детей, не выдавали продовольственных карточек.

Насильственное крещение детей повсеместно встретило широкое недовольство у населения, и сейчас принудительное крещение власти вынуждены прекратить. В приказе Военного управления за № 1/41 сказано: «...запретить как лютеранскому, так и католическому полевому духовенству производить крещение среди гражданского населения Восточной Карелии до тех пор, пока военный штаб даст специальные указания. Тоже запрещение дано священникам штаба Военного управления Восточной Карелии».

Помимо церквей, открытых по линии церковного бюро при Военном управлении, церковные обряды производятся полевым духовенством, что и отмечено приказом за № 1320/1/10, где сказано: «...полевое духовенство может производить церковные обряды. Хотя вопрос и стоит о действиях на занятой территории, во всем следует соблюдать законы и указы, с которыми связано своей служебной работой духовенство». В г. Петрозаводске работают три церкви. Из них православные в церквях на Зареке и Неглинке, а в бывшем здании дома Красной армии работает финско-католическая церковь. Богослужение в этих церквях производится в субботу и по воскресным дням. В Шелтозерском районе церкви открыты в с. Шелтозеро и Шокша. В Шелтозере церкви помещаются в здании бывш. клуба. В Заонежском районе открыты церкви

в дер. Кижы и Конда, где служителями являются церковные старосты Малинин Никита Иванович и Серов Егор Федорович.

Большинство населения с нетерпением ждет освобождения из-под гнёта немецко-финских оккупантов и недоволено режимом, установленным белофиннами. Так, жительница дер. Лех-Наволоч Прионежского района Васина Анна в сентябре с.г. при прощании с нашими разведчиками заявила: «...мы ждём с нетерпением Красную армию. Скорее возвращайтесь обратно к нам и освободите нас от угнетателей». Житель с. Паданы Шамкоев Григорий Андреевич говорил: «...скорее бы кончилось это нехорошее время, и освободили бы нас, а потом можно и умереть».

То, что большинство населения на оккупированной территории лояльно настроено к советской власти – облегчает проводимую нами разведывательную работу. Случаев, когда местные жители укрывают и помогают нашим разведчикам и партизанам, очень много. Это говорит за то, что белофиннам, несмотря на драконовский режим, который они установили, не удалось сломить волю советских людей.

Конкретно положение по оккупированным районам КФССР выглядит следующим образом.

Город Петрозаводск

Город Петрозаводск оккупирован противником 30 сентября 1941 г. Население города и все ценное оборудование промышленных предприятий, имущество и продовольствие к моменту его оккупации было эвакуировано. В данное время, по приблизительным данным, в городе гражданского населения насчитывается около 28 тыс., из которых около 24 тыс. заключено в концентрационные лагеря. Свободно проживающего населения имеется 3–4 тыс. Это население, главным образом, состоит из финнов, карел и вепсов, размещённых в центре города. Большая часть жителей состоит из населения, эвакуированного финнами из других оккупированных районов КФССР, как-то: Шелтозерского, Прионежского, Заонежского районов и Подпорожского района Ленинградской области.

1. Административные органы оккупационных властей в г. Петрозаводске

Начальником гарнизона города является подполковник Суситало. Единственным органом административной власти в городе является военный комендант, непосредственно подчиненный штабу Военного управления Восточной Карелии. Управление военного коменданта помещается в бывш. здании Верховного Совета КФССР на площади

25 Октября. В распоряжении военного коменданта города находится военная полиция, штаб которой размещён в бывш. здании Сельхозснаба на ул. Герцена. Гражданских органов власти в городе нет.

На коменданта города и военную полицию возложены следующие обязанности: 1. учёт и прописка населения; 2. выдача паспортов, пропусков и другие документы населению; 3. производство задержаний, аресты и допросы гражданского населения и военнопленных; 4. учёт и выдача продовольствия населению; 5. руководство концентрационными лагерями и лагерями военнопленных; 6. учёт скота и фуража; 7. обеспечение выполнения режима в городе и всех мероприятий, проводимых оккупационными властями.

В ведении военного коменданта г. Петрозаводска находится бывш. рабочий поселок Соломенное, что в 8 км от города. Старостой пос. Соломенное является Романов Михаил Иванович, ранее работал в Соломенской ГЭС на раскатке дров, проживает по Онежской набережной, д. 11.

2. Режим и система контроля за передвижением населения

В г. Петрозаводске хождение по городу после 21 час. ограничено особыми пропусками. С наступлением летних месяцев и увеличением продолжительности дня, хождение по городу было разрешено с 6 час. утра. При хождении по городу надо обязательно иметь при себе паспорт. Без паспорта задерживают и отправляют для допросов в полицию

Русское население расселено, главным образом, в худшей части, в Зарецком районе города, без права изменения места жительства даже в черте города. Большая же часть русского населения заключена в лагерь. Лишь в последнее время допускают некоторые льготы в виде разрешения проживать в центральной части города.

В городе проведена паспортизация. Проживающему населению выданы паспорта установленного образца по национальностям. Финнам, карелам и вепсам выданы паспорта голубого цвета, а русским – красного цвета. Выдача голубых паспортов производится лицам, доказавшим свою родственную принадлежность к финно-угорским племенам.

Для получения паспорта голубого цвета необходимо иметь в родословной: деда, прадеда и т.д. карела, финна или вепса. На паспортах городских жителей должна обязательно быть фотокарточка. Для проживающих в районах фотокарточка не обязательна.

Въезд в город и выезд из города строго ограничен и разрешается только при предъявлении пропуска, выдаваемого комендантом города или района. Документы круглые сутки проверяются при въезде

и выезде из города около шлагбаума, установленного на шоссе 1 Мая. Проверку документов производят полицейские.

Политическое наблюдение за населением ведёт военная полиция, которая через свою агентуру пытается выявлять лиц, настроенных лояльно к советской власти или оказывающих какую-либо помощь партизанам или разведчикам. Специальным приказом за подписью коменданта города население предупреждено, что за связь с партизанами или советскими разведчиками оно будет расстреливаться.

В городе часто проводятся облавы в целях фильтрации населения. В летнее время почти каждую ночь проходили облавы, особенно в той части города, где проживают русские. В период облавы производится у всех проверка документов. Население запугано постоянной угрозой репрессий, системой шпионажа и поэтому ведёт себя настороженно. Несмотря на применяемые оккупантами репрессивные меры, большинство населения, особенно за последнее время, выражает недовольство финским режимом, тяжёлыми условиями труда и плохим материальным положением.

Полицейских участков в городе очень много. Один из них находится на ул. Анохина в бывш. доме Союзоргучета. Другой – в доме Карелеса на ул. Ленина, третий – на ул. Гоголя.

В г. Петрозаводске установлена разведывательная школа⁹, которая находится на юго-западной окраине города в бывш. помещении лесного техникума и занимает все его постройки. В центральном доме техникума размещены общежития подготавливаемых разведчиков, учебные помещения, кладовые с радиооборудованием и оружием и жилые помещения командного состава школы.

Охрана школы производится небольшим воинским подразделением, которое размещается во втором доме лесного техникума. Количество охраны, по одним источникам, равно 12 человек, по другим, не более 25 человек. Руководство школой осуществляется офицерами финской армии. Воинские звания их точно не установлены. Известно, что количество подготавливаемых разведчиков в период весны 1942 г. равнялось 14 человек.

3. Политическое и экономическое положение населения г. Петрозаводска

После захвата белофиннами г. Петрозаводска, чтобы провести его заселение, власти провели эвакуацию финского населения из других оккупированных ими районов и вселили их в г. Петрозаводск. Таким образом, население г. Петрозаводска состоит: 1. из отдельных лиц, проживавших ранее в городе и оставшихся там после проведённой нами

эвакуации; 2. населения Заонежского района; 3. населения Прионежского района; 4. населения Шелтозерского района; 5. населения Ленинградской области из Подпорожского района.

Большая часть русского населения из эвакуированных районов содержится в лагерях. Кроме населения, оставшегося в Петрозаводске и прибывшего из близлежащих районов, в городе имеются финны, приехавшие из собственной Финляндии. В общей сложности в Петрозаводске насчитывается до 28 тыс. жителей. Население в городе в результате грабительской политики оккупантов обречено на нищету и голод. Населению выдается, и то нерегулярно, по карточкам по 200 г хлеба на день по 500 г сахара. Других продуктов не выдается. Без карточек в городе никаких продуктов купить нельзя.

Торговлю на территории города ведёт отделение акционерного общества «Вако», имеющее монополию в ведении торговли до конца 1943 г. Всего в городе имеются три магазина: по ул. Гоголя за казармами; в большом ж.-д. доме около вокзала, на шоссе 1 Мая; за Гостиным двором по направлению к больнице.

В пос. Соломенное имеется один магазин и помещается он в здании бывшей школы. В магазинах имеются в продаже галантерея и некоторые изделия парфюмерии. Продуктов питания в магазинах нет. Рынки в городе не работают вовсе.

Белофинские власти производят частые обыски у населения с целью изъятия запасов продовольствия и теплых вещей, необходимых для нужд армии.

После оккупации Петрозаводска белофиннами в городе с 1 по 20 октября 1941 г. было полное безвластие. Воспользовавшись этим, некоторые слои к.-р. элемента и солдаты занялись грабежом, сосредоточив у себя большие запасы одежды и продовольствия. В учреждениях города работают исключительно финны, прибывшие из Финляндии. Так, начальником ремонтной конторы города работает некий инженер Линстрем, прибывший из Хельсинки.

Кроме того, в городе имеется много девушек и женщин из фашистской организации «Лотта-Свярд»¹⁰, которые также используются на работе в учреждениях города. «Лотты», как доказано из документов, по существу, являются неофициальными проститутками.

Агент «П» в своем донесении от 23 сентября 1942 г. сообщает: «... идя в г. Петрозаводске вместе с солдатами финской армии, на ул. Гоголя нам навстречу шла девушка в форме «Лотта-Свярд». Солдат остановил её и спросил, согласна ли она провести с ним время. Она ответила, что до 7 час. работает, а потом может с ним встретиться около магазина «Вако», что в бывш. доме Карелстроя. Характерно, что девушка солдату совершенно незнакома, но, как

рассказал солдат, такая простота во взаимоотношениях женщин с мужчиной у них в последнее время – обычное явление». Население Финляндии и не только трудящиеся, но и представители буржуазии смотрят на «Лотт», особенно находящихся на фронте, как на проституток. Так, один финский офицер в письме к другому пишет, что им не приходится скучать, т.к. «сюда приехали весёлые «Лотты», которые пьют вино и понимают плохое».

Некая Сайми в письме на фронт от 1 октября 1941 г. пишет: «...есть разговор, что и к вам туда съехалась вся «Лоттовская» организация, так что вам и там есть на что посмотреть. Не знаю как другие, но моё желание вступить в эту благородную организацию «Лотт» совершенно погасло. Весной я очень была увлечена этой командировкой, но судьба отвела меня в сторону, так, наверное, лучше». Другая, некто Айники, в письме от 27 октября 1941 г. пишет: «... здесь вообще установилось такое мнение, что, кто хоть немного дорожит своей честью, тот не изъявил ни малейшего желания ехать на фронт в качестве члена «Лотта-Свярд». ...Хотя наше время является почётным в истории Финляндии, но одновременно в это время пишутся самые чёрные страницы в истории женщин Финляндии». Все эти выдержки из писем свидетельствуют, что за ширмой «Лотта-Свярд» скрывается неофициальная организация публичных домов. В Петрозаводске около вокзала находится дом терпимости, куда насильно загоняют девушек из местного населения.

Белофинские власти проводят в городе некоторые восстановительные работы. Восстановлена и работает слюдяная фабрика. Работают на ней финны и карелы. Введен 8-часовой рабочий день. Оплачивают 6 марок в час. Пущены в ход 10-й и 11-й цеха Онегзавода, где ремонтируются артиллерийские орудия, миномёты и пулемёты. На заводе работает автобронетанковая мастерская. В цехах работают исключительно финны, прибывшие из Финляндии. Завод сильно охраняется. Охрану несут солдаты.

Работает авторемонтный завод, где ремонтируются автомашины. Около завода находится бензозаправочная база. Восстановлен хлебозавод. Хлеб выпекают преимущественно для нужд армии. Пущена в ход электростанция около моста на ул. Луначарского (бывш. 5-я ГЭС). От неё получают ток только предприятия и учреждения города. Гражданское население для освещения пользуется лучиной. Власти намереваются пустить в строй электростанцию в пос. Соломенное к 1 октября с.г. Всего работает по восстановлению 300 человек. Из них только 100 человек из местного населения. На набережной работает водокачка.

В городе для гражданского населения открыта одна больница в Заречном районе. Других лечебных заведений нет. В бывш. помещении

сберкассы на пл[ощади] 25 Октября открыта почта. В городе открыты две парикмахерские. Содержит их бывш. работник Карелфинпромсовета Мореходов, добровольно оставшийся на территории врага.

Белофинские власти все ценное, что осталось в городе, увозят в глубь Финляндии. Увезят даже целые жилые дома.

По ж.д. Петрозаводск–Суоярви и от Петрозаводска в сторону Медвежьегорска и Лодейного поля идет интенсивное движение поездов. Паровозное хозяйство преимущественно привезено из самой Финляндии, но используются и паровозы, оставшиеся при отступлении.

4. Концлагеря¹¹

В г. Петрозаводске имеются 6 концентрационных лагерей, в которых заключено около 25 тыс. человек, главным образом, эвакуированных из Подпорожского района Ленинградской обл.:

- концлагерь № 1 расположен на Кукковке,
- концлагерь № 2 – в бывш. домах Северной точки;
- концлагерь № 3 в бывш. домах лыжной фабрики;
- концлагерь № 4 – в бывш. домах Онегзавода на ул. Калинина;
- концлагерь № 5 – в ж.-д. городке;
- концлагерь № 6 – на Перевалочной бирже.

В концлагере № 2 находится до двух тысяч человек, в подавляющем большинстве русские, только единицы карел и вепсов. Лагерь обнесён колючей проволокой, днём охраняется двумя постами, у ворот и на горе, за проволочным заграждением.

Кроме того, в ночное время внутри лагеря патрулируют два солдата и имеется самохрана из четырёх человек из среды лагерников, которые подбираются начальником лагеря.

Администрация лагеря состоит из начальника лагеря, его заместителя, коменданта из среды лагерников и переводчика. Начальник лагеря и его заместитель являются военнослужащими финской армии. Комендантом лагеря является Микс Валентин, около 40 лет, русский, бывший член ВКП(б), ранее работал партторгом в Подпорожском районе.

Переводчиком служит некто Пастухов, карел по национальности. Кроме того, имеются старшие домов и квартир, которые назначаются из среды лагерников. Последние следят за порядком в домах и квартирах и ежедневно докладывают начальнику лагеря обо всех происшествиях и нарушениях внутрилагерного режима.

Охрана лагеря состоит исключительно из финнов, численность её около 15 человек. Охрана периодически меняется, примерно один раз в месяц, а иногда только частично.

Со слов бывш. переводчика лагеря Денисова Петра Григорьевича и других лагерников, охрана набирается из солдат, отпущенных с фрон-

та на отдых, которые потом снова возвращаются в часть. Все лагерники разбиты на бригады. Бригады на работу выводят под конвоем.

Распорядок дня в концлагере следующий. Подъёма нет, но все должны быть к 7 час. у ворот, откуда по бригадам лагерники выводятся на работу. Работа начинается в 8 час. утра, обеденный перерыв 20-30 мин. Работу кончают в 16 час., после чего бригады конвоируются в лагерь. После 18 час. всякое движение внутри лагеря прекращается. За этим строго следят старшие домов и квартир. Отбоя тоже нет.

Заключённые в лагерь работают по разным предприятиям: на Онежском заводе, хлебозаводе, по восстановлению электростанции, по обслуживанию военной полиции и военнослужащих. Часть лагерников работает по разбору старых деревянных домов в городе на дрова. Хорошие дома увозят в глубь Финляндии. В лагере и на работе введены телесные наказания. За малейшие провинности избивают или заключают в карцер.

Примером этому может служить следующее. Содержащийся в концлагере Бриткин вместе с группой других лагерников был направлен на лесоразработки на ст. Кутима. Из-за плохих условий для работы заболел и обратился за медицинской помощью к врачу. Этот «врач» вместо помощи избил Бриткина до потери сознания и направил обратно в концлагерь. Через неделю Бриткин скончался. Этим же «врачом» был избит до потери сознания лагерник Иванов Иван за то, что обратился к нему за медицинской помощью.

Особенно жестоко обращается с лагерниками комендант Микс Валентин, который систематически избивает людей. Он же предаёт членов партии и делает обыски. Бежавший из концлагеря № 2 Якимец Павел Филиппович рассказывал следующее: «...я был очевидцем частых избивений лагерников, как со стороны коменданта Микса, так и со стороны начальника лагеря и его заместителя. Например, лагерник Андреев Михаил Иванович был избит безо всякой причины пьяным Миксом и начальником лагеря. В начале апреля с.г. в карцере мне рассказывал один лагерник (фамилию его не помню), что он заключён в лагерь по доносу Микса, который подозревает его к принадлежности к ВКП(б). Один возчик был избит Миксом резиновой плёткой до потери сознания, после чего сошел с ума. В январе месяце при попытке к бегству из лагеря были задержаны трое мужчин, которые были избиты до смерти, после чего их в ящике вывезли из лагеря. В карцер заключают даже детей в возрасте 7-8 лет за то, что они просят в городе хлеба или картошки».

Бежавший в мае с.г. из того же концлагеря Егоров Егор Петрович рассказывал: «...в лагере введена палочная дисциплина. За малейшее нарушение лагерников избивают тросточками или резиновыми палками. Приведу пример: 19 апреля с.г. трижды избивали возчика Наумова Леврентия Ивановича за то, что не привёз денатурат для начальства

лагеря. Его избивали резиновой плёткой до потери сознания, после чего он через три дня слёг в больницу. В тот же вечер были избиты лагерники Козырев Василий Андреевич и Харитонов Петр Филиппович по неизвестным для нас причинам. В начале апреля с.г. мальчика 8 лет избили за то, что он пытался пройти незаметно в город и там просить у солдат хлеба или каши. После избияния его заключили в карцер». За «нарушения в концлагере № 2 избито около 80% лагерников. Также многие побывали в карцере».

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что содержащиеся в лагере саботируют работу и умышленно снижают норму выработки. Так, бежавший из лагеря Фокин Фёдор Петрович 27 мая 1942 г. показал: «...лагерники плохо относятся к поручаемой работе. Довольно часто бывают отказы от работы и антифинские высказывания».

О «заботе» начальства лагеря о лагерниках он же рассказал следующее: «...для лагерников выдают по 300 г хлеба и 3 кусочка сахара в сутки. Причём норма выдается, на двое суток сразу. Кипяток лагерники варят сами. По квартирам раздаются газеты «Северное слово» антисоветского содержания, которая выходит раз в неделю. Чтение советской литературы преследуется. Для лагерников открыта церковь в бывшем помещении клуба».

Большинство находящихся в лагере настроены лояльно к советской власти и с нетерпением ждёт своего освобождения из-под гнёта немецко-финских оккупантов. Так, Якимец П.Ф. рассказал: «...настроение большинства лагерников антифинское. Многие из них, даже бывшие спецпоселенцы и заключенные, ждут своего освобождения. В беседе со мной один из лагерников бывший заключённый заявил: «...я 10 лет сидел в советских лагерях, но таких ужасов нигде не видел. Я согласен бежать и с винтовкой в руках воевать против финнов». По этому же вопросу Егоров рассказывал следующее: «...большинство лагерников ждет своего освобождения Красной армией. Среди лагерников довольно часто можно слышать антифинские высказывания».

В концлагере имеется 20–25% бывших заключённых, из которых многие лояльно настроены к советской власти. Денисов Петр, бывш. переводчик лагеря, и Кавкасов готовят в числе 40 человек разрушение охраны лагеря и побег оттуда. Подготовительная работа держится в строгом секрете». Отдельные единицы, находящиеся в лагере, высказывают симпатию финнам, ведут антисоветскую агитацию и поддерживают проводимые оккупантами мероприятия. [...]

Олонецкий район

Олонецкий район расположен в юго-западной части КФССР. Граничит с Питкярантским, Ведлозерским, Пряжинским районами КФССР

и с Подпорожским, Лодейнопольским районами Ленинградской области. С запада омывается водами Ладожского озера. Район объединяет собою 18 сельсоветов, в которых насчитывается до 100 населённых пунктов. Центр района находится в с. Олонец. Основное занятие населения – сельское хозяйство и промышленная лесобработка. На территории района имелись крупные сельскохозяйственные колхозы, три МТС, большой Ильинский лесозавод, 2 промкомбината, маслозавод и ряд других сельскохозяйственных и промышленных объектов. Центр района с. Олонец связан хорошими шоссейными трактами с гг. Питкяранта, Петрозаводск и Лодейное Поле. Коренным населением района являются русские и карелы.

Олонецкий район оккупирован противником в августе 1941 г. В связи с быстрым продвижением войск противника на Лодейнопольском направлении, около 40% населения осталось неэвакуированным. Путём посылки в район нашей агентуры для связи с местным населением и сбора разведывательных данных, удалось установить следующее.

1. Организация управления

Управление района целиком находится в руках финских военных властей и непосредственно подчинено штабу Олонецкого окружного военного управления, находящемуся в с. Олонец. Населёнными пунктами района непосредственно управляют старосты, назначенные из числа финнов и местных жителей, являющихся предателями нашей Родины. В настоящее время по Олонецкому району установлены старосты [...]. В дер. Погранкондуши, Видлица и Большие Горы старостами назначены лица, прибывшие с собственной территории Финляндии. Фамилии их население не знает. В общих разговорах называют просто финнами, а в обращении – старостой.

2. Режим и система контроля за передвижением населения

Оккупировав Олонецкий район, финские власти установили свой режим и своеобразный контроль над передвижением населения. Зимой 1941-1942 гг. была проведена паспортизация. Советские паспорта от местного населения отобраны и заменены финскими. Фотокарточки для паспортов использованы из советских паспортов.

Для передвижения населения между крупными населёнными пунктами требуется пропуск, который выдаётся военными комендантами. Пропуска пишутся на простой бумаге чернилами или карандашом и ставится печать коменданта. Пропуска требуются для въезда в г. Олонец

и с. Обжу, Мегреги и другие крупные населённые пункты. Для хождения из одной деревни в другую пропусков и вообще никаких документов не требуется и население документов при себе не носит. Проверка паспортов со времени их выдачи в деревнях не производилась. Обыски на квартирах и проверка проживающих практикуется очень редко; лишь в Олонце, Обжах, Мегреге и некоторых других пунктах финские солдаты и старосты производят обыски квартир и проверку документов, по-видимому, из-за того, что там стоят воинские части и близко фронт. В остальных населённых пунктах контроль над населением непосредственно осуществляют старосты, которые ведут списочный учёт населения. Кроме того, полицейские органы противника осуществляют негласный контроль над населением через агентуру, завербованную из числа местных жителей.

Организован негласный контроль и на дорогах. Производится он во время передвижения населения из одной деревни в другую. Идущему предлагают подъехать на попутных машинах бесплатно, а в пути в разговорах проверяют намерения пассажиров. Бдительность противника в районе слабая. Охраны деревень, мостов и дорог по существу нет никакой. На дорогах патрули появляются редко, только тогда, когда узнают о появлении подозрительных лиц. Берег Ладожского озера в ночное время патрулируется, днём ведётся наблюдение за озером с вышки.

На бывш. госгранице финскими властями сохранены погранпосты. Заставы находятся в дер. Мансила, Хапосалми, Раясельга и других; на границе у дер. Погранкондуши находится два постоянных поста, из которых один находится на вышке и наблюдает за озером и равниной, а другой на дороге по проверке документов. Местное население района через бывш. госграницу на территорию Финляндии не пропускают, в то же время финнов на нашу территорию пропускают свободно с предъявлением пропуска, даже по таким делам, как на поминки, на кладбище, в гости.

3. Политическое и экономическое положение населения в районе

В основном местное население в районе находится в Ильинском, Туксинском, Олонцеком, Рыпушкальском, Мегрегском, Обжанском, Куйтежском, Видлицком, Большегорском, Тулокском и Погранкондушком сельсоветах. Всего около 10 тыс. человек (эта цифра требует уточнения). Население этих сельсоветов осталось почти полностью на месте. Из Финляндии массовых переселений жителей в Олонцкий район не было, если не считать некоторых прибывших кар[ельских] авантюристов и белогвардейцев, работающих старостами деревень. Финские власти всевозможными путями стараются создать видимость,

что они хорошо относятся к карелам, но в то же время при малейшем сочувствии советской власти угрожают расстрелом. Население в районе сильно запугано заявлением финских властей о том, что в случае отступления финских войск они всех угонят в глубь Финляндии, а кто не пойдёт – расстреляют, дома сожгут.

В июле с.г. была сильная бомбардировка нашими самолётами дер. Мансила. Боясь дальнейших бомбардировок, население дер. Погранкондуши стало собирать свои вещи и хотело уходить в лес. Финны узнали об этом и под угрозой расстрела заставили население остаться на месте. Белофиннами введено телесное наказание. За попытку совершить побег одному из пленных красноармейцев нанесли 25 ударов резиновой палкой.

Недавно из Финляндии на сплавные работы в Видлицы прибыло до 50 финских молодых рабочих, которые сразу же повели себя среди местного населения как хозяева. Вскоре по приезде этой молодёжи был такой случай, когда один из этих молодых людей шёл с местной девушкой, над которой встретившийся местный карел Захаров посмеялся. В ответ на это идущий с девушкой финн избил Захарова.

Финские власти силами шюцкоровцев стараются среди населения проводить агитационную работу антисоветского содержания. Для этого население созывается на собрания, где проводятся различные антисоветские беседы и доклады. Среди населения систематически пропагандируется ненависть к русским. Даже в обычных разговорах финны широко применяют слово «русса».

В распространяемых оккупантами газетах «Вапаа Карьяла» и «Северное слово» довольно часто печатаются статьи о капиталистических порядках «высокой финской культуры», а также статьи религиозного содержания. Культурных мероприятий среди населения никаких не проводится. В некоторых деревнях имеются школы, где обучение проходит исключительно на финском языке. Как предмет преподавания введён закон божий. Часть учителей-карелов послана на годичные курсы переподготовки в Финляндию.

Финские власти на территории района категорически запрещают жениться или выходить замуж тем, у кого муж или жена находятся в СССР или служат в Красной армии. Мотивируется это тем, что скоро будет победа и возвратятся военнопленные. Были факты, когда власти заставляли разводиться тех, кто успел жениться или выйти замуж. В связи с этим некоторые при женитьбе оформляют жён как прислуг. Например, в дер. Кавгозеро женился Даншиев, у которого первая жена находится на территории СССР. Вторую жену он оформил прислугой.

Колхозы в районе ликвидированы. Созданы так называемые общественные или государственные хозяйства, куда передан колхозный скот и все имущество. Общественным хозяйством управляют старосты.

Крестьянам в личное пользование отвели по 2 га земли и одну лошадь на два хозяйства. Крестьяне при этом обязаны содержать лошадей, а когда надо – предоставлять их для работы в общественном хозяйстве. Таким образом, финнам не требуется для содержания ни конюха, ни корма, и в то же время лошади числятся за общественным хозяйством.

Весной по всему району под руководством военных властей проведен сев. Семенами для посева крестьяне были обеспечены. При выдаче семенного фонда крестьянам ставилось условие возратить семенные ссуды зерном, а перед уборкой было объявлено, что за семена будут брать марками. Этим самым финны ставят своей целью привлечь население к уборочной работе в общественных хозяйствах, где производят оплату за работу марками, а с хлебом крестьян они поступят как им будет угодно. За работу в общественных хозяйствах крестьяне получают от 5 до 8 марок в час. Выходит, что принудительного труда в районе нет, но, по существу, всё свободное время население вынуждено работать в общественном хозяйстве с тем, чтобы заработать марки на покрытие семенной ссуды и других расходов. Земли в районе в основном были все засеяны. Урожай хороший. На общественных полях применяют трофейные тракторы. Горючим обеспечены. Налогов с крестьян финские власти пока ещё никаких не брали.

Финны сразу же после оккупации района взялись за восстановление промышленных предприятий. В дер. Видлицы восстановлен промкомбинат, пиломатериалы которого на попутных машинах вывозятся в Финляндию. На комбинате в основном работают женщины. По р. Видлица через Ладожское озеро лесоматериал вывозится в Финляндию. В устье реки работает сплочная машина¹² «Нильсон». Кроме того, на уборочных работах там используется 50 финнов, прибывших из Финляндии, главным образом, молодёжь. Для них организовано улучшенное питание по сравнению с питанием местных сплавщиков.

Дороги в районе содержатся в хорошем состоянии. Обслуживаются они небольшими военными командами. Строительства новых дорог не производилось.

Торговля в районе организована акционерным обществом «Вако». Правление конторы находится в Видлицах. Магазинов очень мало. Один магазин обслуживает четыре сельсовета: Видлицкий, Большегорский, Толлокский и Погранкондушский. Все продукты и товары продаются только по карточкам, за исключением конфет, спичек, которые не всегда бывают. Норма выдачи продуктов следующая: муки – 250 г на человека в день. Сахара – 700 г на человека в месяц. Маргарина – 700 г на человека в месяц. Промтовары в магазинах имеются главным образом трофейные, которые, по сравнению с финскими, продаются по заниженным ценам. Трофейный грубошерстный костюм стоит 250 марок, а финская простая рабочая рубашка –

160 марок. В магазинах имеются в продаже только спички, духи, нитки, пуговицы. [...]

Шелтозерский район

Шелтозерский район расположен в южной части КФССР. Граничит с Прионежским и Олонецким районами КФССР и Вознесенским районом Ленинградской области. С востока омывается водами Онежского озера. Район объединяет в себе 7 сельсоветов. Центр района находится в с. Шелтозеро. В районе имеется 51 населённый пункт. Основное занятие населения – сельское хозяйство и рыболовство. На территории района имелись каменные разработки Карелгранита, МТС, сельскохозяйственные и рыболовецкие колхозы, кирпичные заводы. Коренным населением района являются вепсы. По району проходит шоссейный тракт Петрозаводск–Шелтозеро–Вознесенье, который питает Свирский участок фронта противника и является его важной коммуникацией. Шелтозерский район оккупирован противником в сентябре 1941 г. Из-за внезапного нападения противника и нехватки транспортных средств в Онежском озере в районе осталась неэвакуированной значительная часть населения. Путём посылки в район нашей агентуры для связи с местным населением и изучения положения в районе, планов и намерений врага, удалось установить данные, которые изложены ниже.

1. Организация управления

Управление района находится в руках финских военных властей и непосредственно подчинено штабу Военного управления Восточной Карелии. Во главе района находится комендант, штаб которого размещён в с. Шелтозеро, в бывш. здании РИКа. В распоряжении коменданта имеется рота полицейских. Комендант ведаёт регистрацией населения, выдачей документов, реквизицией продовольствия, скота, фуража, назначения на принудительные работы и выявлением лиц, недовольных существующим режимом. Населёнными пунктами непосредственно управляют местные военные начальники из числа финнов и старосты из местного населения. Старосты подобраны и назначены комендантом района из числа предателей нашей Родины. На данный момент по Шелтозерскому району установлены старосты [...].

2. О режиме и системе контроля над передвижением населения

В районе введён жёсткий режим, всякие проявления со стороны населения, вызывающие малейшие подозрения у властей, караются

вплоть до расстрелов и ссылок в концентрационные лагеря. Хождение между населёнными пунктами всему гражданскому населению ограничено и строго регламентировано особыми пропусками. В районе полностью проведена паспортизация. Советские паспорта заменены финскими. Обмен паспортов проходил непосредственно в деревнях. Сейчас для получения паспорта необходимо заполнить анкету и ехать в штаб коменданта района в с. Шелтозеро.

Контроль над передвижением населения осуществляют комендант и полицейские с помощью старост. Пропуск на право проезда в другие населённые пункты внутри района выдаёт комендант деревни. Он же выдает продовольственные и промтоварные карточки. Карточки можно получить не лично, а через кого-либо другого, при предъявлении паспорта. Пропуск для проезда в г. Петрозаводск выдаётся только в штабе коменданта района. Причём заявку на пропуск необходимо давать за неделю раньше до выдачи пропуска, при этом следует подробно рассказать о причинах выезда, обосновать её, не вызвав подозрения и доказать, есть ли там родственники. Комендант района, прежде чем дать пропуск на въезд в Петрозаводск, запрашивает городское полицейское управление и получает оттуда определённый ответ только после тщательной проверки. Выдаваемый пропуск заверяется печатью коменданта.

В летний период, в связи с усилением деятельности наших разведывательно-диверсионных групп, противником в районе предпринят ряд особых мер. Так, комендантом района издан специальный приказ, в котором говорится, что все население района при появлении партизан обязано сообщить [об этом] военным властям. За укрытие партизан и разведчиков, а равно – несообщение о них, лица будут расстреляны. В связи с этим временно была прекращена выдача пропусков населению. Штаб полиции района размещён в с. Шелтозеро, в большом доме Колесова Стафея Матвеевича.

3. Политическое и экономическое положение населения в районе

С момента прихода белофиннов в район, колхозы, как и в других занятых районах, были распущены. У населения в районе проводились обыски, отбирались рожь, мука, картофель и другие продукты питания. Посев, скот и сельхозинвентарь были объявлены собственностью государства. Чтобы получить свою лошадь для обработки небольшого кусочка приусадебной земли, колхозник должен платить властям за её пользование 4 марки в час. Для личного пользования населения отведены небольшие клочки земли, другую же землю они должны брать в аренду у властей за плату. Все колхозные земли засеяны белофиннами,

а новый урожай объявлен собственностью белофинских властей. Населению выдаётся, и то нерегулярно, по 200 г хлеба на день и 700 г сахара на месяц. Других продуктов не выдаётся, население голодает. Без карточек в районе никаких продуктов купить нельзя. Магазин – в дер. Шелтозеро, Шокша, Житно-ручей. На рынке никакой торговли нет.

Все местное население в возрасте от 16 лет и старше привлечено белофиннами в принудительном порядке к оборонным работам. Часть населения работала, так же в принудительном порядке, на сеноуборке и уборке урожая. Однако, чтобы показать, что труд добровольный, за работу платят от 5 до 8 марок.

Свою фашистскую агитацию и политическое влияние на население белофинны пытаются проводить через прессу, радио, кино и церкви. Большинство населения и даже финские солдаты, мало верят хвастливой пустой брехне. Однако некоторые отсталые слои населения слепо верят этой фашистской пропаганде. Например, Лучкин Семен Иванович из дер. Лучкина Гора в беседе с нашим агентом заявил: «... Советскому Союзу и воевать уже нечем, Красная армия разбита. Москва и Ленинград сданы». И на просьбу агента устроиться временно у него в доме, он заявил, что боится эту помощь оказать, так как со стороны финнов последуют репрессии не только к нему, но и к его близким. «...мне тогда нужно самому одеть петлю на шею» – ответил Лучкин.

В школах для учащихся преподают закон божий, чтение, письмо и математику. Преподавание ведётся только на финском языке. В школах введены наказания: учеников ставят на колени, бьют линейками по рукам и ушам. Старшую часть детей белофинны пытаются взять под свое влияние путем введения самодеятельных групп-кружков. В настоящее время белофинны вербуют учителей из карелов и вепсов для посылки их на курсы в Финляндию.

Несколько раз в район приезжала кинопередвижка. Населению показывали фильмы на финском языке романтического содержания, вроде «Шёлковые чулки». Население неблагоприятно относится к таким культурным мероприятиям, и в кино почти не ходит, вследствие этого за последние месяцы кино ни разу не демонстрировалось.

Белофинны широко используют в антисоветских целях церкви и духовенство. В открытых церквях в Шелтозеро и Шокше проводятся богослужения-молебны. Попы привезены из Финляндии. Власти пытались крестить детей. Тем, кто не крестил детей, не выдавали продовольственных карточек.

В районе проведены некоторые восстановительные работы, так, например, начали действовать кирпичные заводы в дер. Житно-ручей и Розмега. От дер. Габуки построена ж.-д. ветка, протяжённостью в 3 км, к вновь построенной электростанции, что в районе Чертов омут.

Дороги и мосты на тракте Петрозаводск–Вознесенье регулярно ремонтируются. Эта дорога имеет важное стратегическое значение для питания финского фронта на Свирском участке. [...]

Заонежский район

Территория Заонежского района оккупирована противником в ноябре 1941 г. Основная масса местного населения, а также часть эвакуированных из г. Петрозаводска и других районов Республики, не успела выехать из района ввиду внезапного нападения противника и отсутствия средств выезда в тыловые районы.

По национальному признаку большая часть населения русские, имеется незначительное количество финнов, карели и вепсов. Почти все взрослое мужское население призвано в Красную армию или эвакуировано с районными учреждениями и предприятиями. Промышленности в районе нет. Наиболее ценное сельскохозяйственное оборудование эвакуировано. Оставшееся население занимается сельским хозяйством, рыбной ловлей самостоятельно или от финского акционерного общества «Вако». Учитывая, что Заонежский район финские войска могут использовать как плацдарм для нападения на территорию восточного побережья Онежского озера и как базу для посылки своей агентуры на нашу территорию, этот район имеет важное значение в смысле ведения там нашей разведывательной работы.

1. Организация управления

Во главе района находится комендант, штаб которого размещён в с. Великая Губа. Комендантом района является капитан Ронгонен.

Весь Заонежский район разделён на 8 местных районов, во главе которых назначены местные начальники, а именно: 1. местный район Уницы – с центром в с. Малая Губа. Начальник младший лейтенант Клемола; 2. местный район Шуньга – с центром в с. Шуньга. Начальник младший сержант Е. Фасти; 3. местный район Великая Губа – с центром в с. Великая Губа. Начальник старший сержант Л. Куккола; 4. местный район Великая Нива – с центром в дер. Великая Нива. Начальник младший сержант А. Райко; 5. Местный район Толвуя – с центром в с. Толвуя. Начальник капрал К. Галониус; 6. местный район Яндомозеро – с центром в с. Яндомозеро. Начальник младший сержант С. Линасти; 7. местный район Кузаранда – с центром в с. Кузаранда. Начальник сержант В. Лааксонен; 8. местный район Сенная Губа – с центром в с. Сенная Губа. Начальник младший сержант Раунонен.

Населёнными пунктами непосредственно управляют местные начальники и старосты из числа предателей Родины из местного насе-

ления. [...] В распоряжении военного коменданта района имеется рота полицейских. Полицейские ведут политическое наблюдение за населением в районе, делают обыски и облавы в целях обнаружения партизан и разведчиков, а также лиц, сочувствующих советской власти.

2. О режиме и системе учёта населения

Передвижение внутри района строго регламентировано, о чем есть соответствующий приказ коменданта района капитана Ронгонена, где говорится: «... населению разрешается передвижение с 7 час. утра до 20 час. вечера. Всякие сборы в квартирах соседей воспрещаются. За нарушение – расстрел». В населённых пунктах, где не имеется гарнизонов, контроль над передвижением населения осуществляют комендант и полицейские. С момента оккупации в районе введена перепись населения. Так, в приказе по управлению районом Шуньга сказано: «... перепись населения начинается сразу же под наблюдением начальника. В связи с переписью населения здесь же производится выдача карточек и удостоверений личности. При этом нужно точно выяснять личность. В подозрительных случаях следует задерживать для допроса». Старостам деревень также вменено в обязанность наблюдать и сообщать белофинским властям о появлении в населённых пунктах неизвестных им посторонних лиц. В целях проверки населения в деревнях составлены списки местного населения, которые в некоторых деревнях вывешены на видном месте. Пропуск для проезда в другие населённые пункты внутри района и в г. Петрозаводск выдаёт комендант района. Пропуск заверяется подписью и печатью коменданта.

В Заонежском районе вначале были случаи, когда пропуска писались карандашом на бумаге и заверялись подписью офицера, разрешавшего выезд. Такие пропуска были выданы нашей разведгруппе «Табор» и старосте дер. Воев-Наволоку Малютину Е. Последний ездил в г. Петрозаводск, о чем на пропуске имеется отметка белофинского лейтенанта, также заверенная только подписью. В связи с частыми налётами партизан и усилением деятельности разведчиков, белофинские власти провели ряд мер, чтобы лишить партизан опоры среди местного населения. С этой целью местное население из восточной части Заонежского полуострова и с Клименецких островов было эвакуировано и заключено в концлагерь в г. Петрозаводске.

3. О политическом и экономическом положении населения

После оккупации района белофинские власти провели целый ряд грабительских мер, как-то: реквизировали у колхозников зерно и все

запасы других видов продовольствия. Имеющийся скот у крестьян отобрали, а орудия сельского хозяйства и рыбной ловли объявили собственностью государства.

Белофинны обещали с первых же дней снабдить население продуктами и промтоварами. Но это были только обещания. Население голодает и сильно истощено. Выдается только по 200 г хлеба, и то нерегулярно. Весной 1942 г. в районе белофиннами был проведен сев яровой пшеницы и ячменя. Семенной фонд был создан из зерна, отобранного у колхозников. От нового урожая населению ничего не дали и весь хлеб увезли в Финляндию.

Всеми сельскохозяйственными работами в районе руководит агроном, финн по национальности (фамилия не установлена), последний очень грубо обращается с населением. Тех, кто не выполнит нормы – собственноручно избивает. Избиения населения – это массовое явление в районе.

Торговлю на территории района ведёт отделение акционерного общества «Вако», магазин которого имеется в дер. Великая Губа. Это единственный магазин на весь район. Но и он пустой и купить в нём нечего нельзя.

Отделение «Вако» в районе также занимается рыбной ловлей и сбором ивовой коры. Организованы рыболовецкие бригады из жителей дер. Липовицы, Вигово и Сычи. Рыбу ловят в заливе около дер. Великая Губа. Все средства лова у населения реквизированы. Выловленная рыба идёт для питания финских солдат, расквартированных в гарнизонах района и полицейских. Населению рыбу не продают. Никакой заботы о населении оккупанты не проявляют. Ввиду того, что в районе живут русские, школ для детей нет.

С целью обнаружения наших разведчиков и выявления лиц, сочувствующих советской власти, полицейские ищейки систематически проводят облавы и обыски. В конце февраля 1942 г. был расстрелян житель дер. Кижы Драгунов, который оказывал практическую помощь партизанам. В конце мая с.г. арестован Колехов Иван Андреевич из дер. Вегрукса за то, что выказывал недовольство политикой белофиннов.

Среди населения проводится лживая и гнусная антисоветская пропаганда. Населению говорят, что Красная армия уже совсем разбита, Ленинград и Москва в руках немцев и т.д. Несмотря на эту клевету, население мало верит белофиннам, ждёт с нетерпением прихода частей Красной армии и своего освобождения. Проживающая в дер. Липовицы Максимова Анна Ивановна в июле с.г. в беседе с нашими ходоками говорила: «... скоро ли кончится война и когда придут наши? Население ждет с нетерпением освобождения от белофиннов. В деревнях разговаривать по-русски боятся. Ох, как надоела нам эта жизнь...». [...]

Сегозерский район

В состав района входит 5 сельсоветов: Паданский, Сяргозерский, Селецкий, Кармасельский и Лазаревский. Кармасельский сельсовет прилегает к магистрали Кировской жд. Район является пограничным с Финляндией. Населения в довоенное время насчитывалось около 8 тыс. человек. Основными занятиями населения были земледелие, лесные разработки, сплавы и частично рыболовство.

Из промышленных предприятий имелись: лесозавод в Великой Губе и разработки Карелгранита в Лисьей Губе. На весь район была одна Паданская МТС. Она обслуживала 18 зерновых колхозов. Коренное население района – карелы, небольшое число русских, проживающих в с. Паданы и в с. Великая Губа. По территории района проходит дорога от ст. Масельская–Паданы–Сельга–Поросозеро–граница Финляндии.

1. Органы власти

В районном центре с. Паданы имеется комендатура. Комендантом является лейтенант финской армии Кинунен. Комендатура помещается в здании бывш. интерната. Помощником коменданта района некоторое время был финский разведчик Савинов – уроженец Сегозерского района, выехавший сейчас по болезни в Финляндию.

2. Режим и система контроля за передвижением населения

В районе установлен аналогичный режим с другими районами. Передвижение между населёнными пунктами регламентировано пропусками, в большинстве случаев пропуск получить нетрудно. Обратного пропуска не отбираются. В летнее время населению разрешалось передвигаться до 21 час., но власти не следят за строгим соблюдением этого правила, и поэтому население ходит до 22–23 час.

После оккупации района населению были выданы взамен советских паспортов финские. Населённые пункты охраняются одиночными часовыми, которые проверяют пропуска у местных жителей. Кроме этого, на дорогах имеются контрольно-пропускные пункты, например, такой пункт имеется недалеко от Падан по дороге на с. Сельги.

Финские власти строго наблюдают за поведением населения и особенно много уделяют внимания задержанию партизан и разведчиков, могущих появиться в районе и получить поддержку у местного населения. После того, как за помощь партизанам были арестованы Терентьев, Деккоев и Чуруев, финские власти предупредили население о том, что в случае укрытия проходящих с советской стороны лиц, с. Паданы

будет сожжено, а население эвакуируют в Финляндию. Финские власти распространяют среди населения угрозу о том, что если им придётся отступить под натиском красных, они все равно ничего не оставят – всё уничтожат, а население уведут с собой.

3. Политическое и экономическое положение населения

Финские власти пытаются упрочить свое положение распространением среди населения измышлений и клеветы по адресу Красной армии, нашего правительства и вождей, и вселить неуверенность в возможность в установление советской власти. В частности, финские власти распространяют версию о том, что «большевики скоро погибнут, Ленинград и Москва в течение года находятся в окружении, и на Кавказе Красная армия тысячами сдаётся в плен». Финские офицеры распространяют слухи о том, что Москва и Ленинград взяты немцами, что офицеры ездят туда в командировку, что Сталин убит, и большевики загнаны в Сибирь.

В отношении населения финские власти проводят политику, направленную на отделение молодёжи от остального населения и использования её на работах в Финляндии, а также изоляцию оставшихся на оккупированной территории советских активистов и работников советских учреждений русской и карельской национальности.

С захватом района финнами насильно направлены в Финляндию две группы девушек для работ батраками у коренных финнов-богачей. Летом сего года была увезена в Финляндию группа советских активистов. Судьба этих групп неизвестна. [...]

Культурной работы среди населения нет. Школы закрыты, хотя детей школьного возраста у населения много. В Паданах и сёлах раз в неделю распространяются финские газеты и журналы «Вапаа Карьяла» («Свободная Карелия») и «Пикку Санан Сааттая». Большинство населения не может читать газет из-за незнания финского языка. Имеется радио. На улицах Падан установлены громкоговорители, по вечерам транслируется богослужение из церкви. В церковь прибыл поп из Финляндии. После оккупации населению показали несколько кинофильмов на финском языке, которые демонстрировались в здании клуба. После того, как клуб был разрушен бомбардировкой наших самолетов, с марта месяца ни одного киносеанса в Паданах не было.

Всё проживающее в районе местное население занято на сельских работах. Земля разделена по старому принципу, т.е. так, как было до создания колхозов. Колхозное имущество частью реквизировано финскими властями, небольшая часть роздана единоличным хозяйствам. Колхозные запасы зерна были использованы для раздачи населению по карточкам.

С карельским населением финны ведут политику заигрывания, оказывая некоторым местным жителям помощь. Например, финны выдали корову Быковой Евдокии в Паданах. Карельскому населению выдают сравнительно высокие нормы продовольствия: муки – 250 г на человека в день, жиров – 600 г на человека в месяц, сахару – 1 кг на человека в месяц. Иногда выдают конфеты и промтовары.

Установленные нормы выдаются всем жителям, работающим и неработающим; в то же время солдаты финской армии, находящиеся в населённых пунктах района, истощены. Получают в день 6 штук чёрных галет и водяную похлебку, на что выражают свое недовольство, говоря населению, что в Финляндии у нас голод, что вас, карелов, туда не повезут, а в отношении вас наши власти проводят особую политику.

Финские солдаты ведут также разговоры, что они бы давно перешли на советскую сторону, да боятся, что власти погубят их семьи, находящиеся в Финляндии.

Кроме сельхозработ население работает по ремонту дорог, на сплаве оставшейся древесины по р. Лужме, заготовке дров для учреждений. Рабочий день установлен 8 час., оплата женщинам 5 марок, мужчинам от 5 до 8 марок в час.

4. Изменники и предатели Родины

В районе из числа местных жителей имеется незначительная группа предателей. Они помогают финским властям в розыске коммунистов и комсомольцев, активно помогают в проводимых финнами хозяйственных мероприятиях и стараются выслужиться. [...]

Кестеньгский и Калевальский районы

Кестеньгский район является самым северным районом республики, граничит с Калевальским и Лоухским районами, а на севере – с Мурманской областью. В состав района входят 11 сельсоветов, в которых насчитывается до 50 населённых пунктов с общим количеством населения около 6 тыс. человек. Коренными жителями являются карелы. Центр района – с. Кестеньга, расположен в 60 км от Кировской ж.д. В 1941 г. было закончено строительство ж.-д. ветки до ст. Кестеньги, которая еще не эксплуатировалась. Основное занятие населения – сельское хозяйство и лесозаготовки. В районе имелось два крупных оленеводческих совхоза.

Территория района оккупирована противником ещё в августе 1941 г. В настоящее время линия фронта на этом участке проходит в 36 км от ст. Лоухи Кировской ж.д. Противник избрал Кестеньгское направление для своих наступательных действий как наиболее крат-

чайший путь для того, чтобы перерезать северную ж.-д. магистраль. Местное население осталось на оккупированной территории только в Кушеванском сельсовете в количестве 85 человек, в том числе малолетние дети и старики. Из всех остальных населённых пунктов жители были своевременно полностью эвакуированы.

Калевальский район является также приграничным районом. Объединяет в себе 15 сельских советов, в которых насчитывается до 1000 человек населения. Коренными жителями района являются карелы. Центр района – с. Ухта, расположен в 180 км от Кировской ж.д. и связан с шоссейным трактом. К августу почти половина территории района оказалась захваченной противником. В настоящее время линия фронта в 8 км западнее с. Ухта. Из 8 сельсоветов, оккупированных противником, местное население частично осталось только в Бабьегубском, Вокналокском и Каменноозерском сельсоветах, всего около 600 человек, включая малолетних детей и стариков. С неоккупированной части территории население также почти полностью эвакуировано в Архангельскую и другие область. Через агентуру и разведывательные группы, направляемые на оккупированную территорию противника, нами получены следующие данные о положении в районах:

1. Организация управления и режим в районе

Населёнными пунктами непосредственно управляют местные военные начальники из числа финнов и карел с антисоветским прошлым, используются бывш. кар[ельские] авантюристы из местного населения. Старосты подбираются комендантом района из числа предателей Родины. Организация управления аналогична с управлением в других оккупированных районах.

Пропуск на право проезда в другие населённые пункты выдаёт комендант деревни, а где нет коменданта – начальник гарнизона. Они же выдают продовольственные и промтоварные карточки. Пропуск для проезда в другой районный центр выдаётся только в штабе комендантом района лишь после тщательной перепроверки и убедительной мотивировки по признакам родственных связей.

Политическое наблюдение за населением осуществляют полицейские. Последние имеют среди населения свою агентуру, которая тщательно инструктируется на выявление лиц, оказывающих помощь советским разведчикам. Агентом полиции в дер. Бабья Губа является Никутьев Д., который во время прихода нашей разведчицы Ирины к его матери, выдал её финским властям, несмотря на то, что она является его двоюродной сестрой. В результате чего её арестовали и отправили в глубь Финляндии.

В полицейскую агентуру, по существу, превращены все старосты деревень, которые обязаны доносить о связях населения с людьми, приходящими с советской территории. В целях поиска лиц, сочувствующих советской власти, полицейские и старосты часто производят облавы в деревнях и обыски у подозрительных лиц.

3. Политическое и экономическое положение населения в районах

С момента прихода белофиннов в район колхозы были распущены, посевы и сельскохозяйственный инвентарь были объявлены государственной собственностью, а колхозный скот и хлеб увезен в Финляндию. Для личного пользования населению отведены небольшие кусочки земли. Дополнительно землю население должно брать в аренду у властей за плату. Все колхозные земли заселены белофиннами.

Населению выдается по 250 г хлеба на сутки, вначале, помимо хлеба, выдавалось 700 г сахара и 200 г жиров на месяц, но за последние 4 месяца сахар и жиры не выдаются. Население вынуждено при выпечке хлеба подмешивать древесные суррогаты, как то: древесную кору, листья и траву. Без карточек в районе никаких продуктов купить нельзя. Магазины имеются в деревнях: Бабья Губа, Кушеванда и Кестеньга. Наряду с этим имеются магазины для немецких и финских войск. Причём в немецких магазинах кое-что имеется, а в магазинах для финских солдат ассортимент очень ограничен, или в нём почти ничего нет.

Всё местное население в возрасте от 16 лет и старше привлекается белофиннами в принудительном порядке для постройки разрушенных мостов и шоссейных трактов. Свою фашистскую агитацию и политическое влияние на население белофинны пытаются проводить, используя для этого прессу, радио, кино и церкви. Население запугано драконовским режимом. Местные жители чувствуют себя подавленно, к финнам и немцам относятся враждебно. [...]

Новые районы Карело-Финской ССР

Районы, отошедшие к Советскому Союзу по договору с Финляндией после войны 1939-1940 гг., манифестом президента Рюти снова объявлены присоединёнными к Финляндии. Органы самоуправления в этих районах перешли в подчинение соответствующих гражданских органов власти. Белофинскими властями создан Комитет по переселению, который занимается вопросами заселения этой «возвращённой территории». Помощь по переселению оказывает организация «Спиртоваен Хуолто».

На июль с.г. количество жителей в отдельных местностях было следующее (в скобках указано количество жителей до войны 1939-1940 гг.): Антреа – 4390 (8835); Хийтола – 3717 (7735); Харлу – 3426 (6886); Импилахти – 4973 (12 026); Яски – 6045 (4343); Кирву – 4066 (9323); Куркиёки – 4102 (10 031); Рускеала – 3262 (6511); Салми – 4750 (14 422); Сортавала – 1010 (4844); окрестности Сортавала – 9860 (21 410); Выборг – 18 000 (72 000); окрестности Выборга – 4874 (19 444). Для проведения восстановительных работ на этой территории при министерстве путей сообщения и строительных работ создан строительный отдел.

Финская газета «Карьяла» жалуется на медленные темпы работы этой организации. Для восстановительной работы в г. Выборге предоставлен городу заём в 25 млн марок. На эти средства предполагается отремонтировать 200 домов, пострадавших во время военных действий. В г. Выборге открыто 250 магазинов и лавок.

Проводятся работы по восстановлению завода «Хаккман» в мест. Иоханнес¹³. Завод будет выпускать машины и оборудование для целлюлозной и бумажной промышленности.

Городской голова Сортавала Арви Хуоха в интервью данным газетам сообщил: «... в Сортавала имеется уже много жителей, в большинстве старые жители этого города. Из 800 повреждённых домов отремонтировано 130. Начали работать водопровод и электростанция. Приехали суд и магистрат. Начаты занятия в учительской семинарии.

Положение с продуктами тяжёлое, почти совсем нет молока. Прямое сообщение с Хельсинки проводится через с. Маткаселькя. Начат ремонт взорванного ж.-д. моста».

Городской голова в своём интервью умолчал о том, откуда население города получает средства к существованию. В другой же газете было сообщено, что только незначительной части возвратившихся жителей Сортавала может быть предоставлена работа.

Наряду с тем, как форсируется переселение жителей на оккупированную территорию, в ряде районов проводятся ограничения. В финской прессе были сообщения, что ввиду тяжёлых и жилищных, и санитарных условий, ограничивается возврат жителей в ряд населённых пунктов. Такие же ограничения проводились при возврате в Салми и Суонлахти, причём эти мероприятия объяснялись трудностями транспорта. Ограничения при возврате в Кякисалми объяснялись тем, что большинство построек разрушено. В Кякисалми можно найти жильё только для 200-300 человек.

Для переезда на место старого жительства переселенцы должны получить специальное разрешение, которое выдаёт местное самоуправление. Для ведения сельскохозяйственных работ в этих районах сразу же было создано Сельскохозяйственное бюро возвращённых территорий.

По данным этого бюро, на 270 тыс. га всей площади, которая имеется на этой территории, летом 1939 г. было засеяно около 111 тыс. га, а весной 1942 г. засеяно 72 729 га.

До мая с.г. власть на этой территории принадлежала Военному управлению Восточной Карелии, и если смотреть по округам, то цифры засеянной площади весной этого года следующие: Выборгский – 11 280 га, Яскинский – 11 897 га, Кексгольмский – 10 629 га, Курки-Йокский – 11 390 га, Сортавальский – 8781 га, Суоярвский – 738 га, Лахденпохский – 4667 га, Питкярантский – 9270. Всего – 72 729 га. Из этой площади засеяно: овса – 31 950 га, ячменя – 12 290 га, вики – 531 га, гороха – 2215 га, картофеля – 4423 га, прочих культур – 430 га.

Газета «Ууси Суоми» от 21 июня 1942 г. пишет, как о большом достижении, о том, что большая часть посевной площади «возвращённых районов» засеяна. По сообщению газеты «Корвен Кайку», с осени 1942 г. на «возвращённой территории» будут работать 12 школ, которые охватят 2500 учеников. На все территории открыто 25 ночлежных домов «Союза Март» и 59 столовых этого же союза. Население этих оккупированных районов не обеспечено продуктами питания даже по карточкам. Нормы выдачи продуктов по карточкам настолько малы, что не получая продукты дополнительно, население обречено на вымирание от истощения.

Данные о противнике на оккупированной территории

Боязнь за свою шкуру и непрочность тыла вынуждает немецко-фашистских грабителей держать на временно оккупированной территории значительные воинские силы, необходимые для насаждения так называемого нового порядка. Рассчитывая в несколько месяцев, путём «молниеносной» войны, покончить с Советским Союзом, гитлеровцы горько просчитались. Война затянулась. Среди солдат финской армии появилась усталость от войны. Участились случаи дезертирства. Об этом свидетельствуют и показания самих военнопленных, захваченных партизанами в плен, и добытые документы.

Особенно характерным в этом отношении является приказ за № 1720 от 15 ноября 1941 г. по Олонецкой национальной бригаде¹⁴, изданный под названием «О поднятии в подразделениях морального духа». Следует отметить, что в Олонецкой бригаде служат в большинстве своем карелы, в прошлом участники кар[ельской] авантюры, их сынки и белоэмигранты, в прошлом с оружием в руках боровшиеся против советской власти. Олонецкая национальная бригада расквартирована погарнизонно в южной части оккупированной территории Карело-Финской ССР. В этом приказе говорится: «...учитывая, что в некоторых

войсковых подразделениях имело место проявление усталости от войны, в связи с чем иногда были случаи серьёзной недисциплинированности, предлагаю командирам и начальникам обращать на это серьёзное внимание и сделать всё возможное для предотвращения данных проявлений, а также для поднятия морального состояния в подразделениях».

Далее в приказе сказано: «...в беседах с солдатами разъяснить, что для обороны нашего государства от нападения, необходимы более лучшие природные рубежи, и что эти задачи уже во многих случаях выполнены, а в других местах также в ближайшее время будут разрешены». Так преподносится солдатам эта плохо замаскированная грабительская цель войны. В этом же приказе говорится: «...немаловажная роль по поднятию морального духа солдат стоит перед священниками подразделений. Всё же войскам заранее обещать что-либо не следует. В нескольких подразделениях ходят слухи, что наше продвижение ограничивается на определённых рубежах, и затем дальше продвижение будет остановлено; надо всесторонне разъяснить нелепость этих слухов. При получении сведений о недисциплинированности и волнениях в подразделениях следует произвести допросы и расследование. Лиц, занимающихся агитацией, задерживать и предавать суду.

Лица, совершившие проступок, в которых обнаруживается упрямство и желание противиться, подлежат преданию суду. При серьёзных отказах и при случаях дезертирства (групповых) немедленно ставить в известность штаб армии». Упомянутый приказ подписан пехотным генералом Е. Хейнриоха.

Финские солдаты не хотят воевать. Солдат из гарнизона в дер. Великая Губа Заонежского района в беседе с нашим агентом в мае 1942 г. говорил: «...вообще-то на что нам нужна война? Она нужна нашему правительству и разжиревшим офицерам. Всех их надо повесить на осину (указывает на стоящую рядом осину), а самим здесь же перед ними пить вино». Всё это свидетельствует о том, что «боевой дух» финской армии с каждым днём падает.

На территории Карело-Финской ССР, временно оккупированной противником, за линией фронта в тылу нашими разведчиками установлены следующие воинские силы, которыми располагает противник.

Город Петрозаводск

1. В городе размещена Олонецкая национальная бригада. Состоит из трёх батальонов: Олонецкого, Ингермаландского и Виенского. Численность бригады около 3000 человек. В основном она состоит из карелов, ушедших в Финляндию в период карельской авантюры и их сынков. Командиром Олонецкой национальной бригады являет-

ся подполковник Куусаави. Олонецким батальоном командует капитан Уулсон. Командир Ингермаландского батальона майор Парткинен.

В октябре 1941 г. Виенский батальон направлен на Ухтинское направление, где расквартирован погарнизонно в дер. Вокनावолок, Бабья Губа, Кантозеро и др. Штаб бригады находится в большом доме на ул. Кирова. Личный состав бригады расквартирован в центральных казармах по ул. Гоголя.

2. Напротив немецкого кладбища находится лётная часть и ее штаб. Численность 120–150 человек. В 4-этажном доме напротив вокзала расположена радиостанция этой части.

3. В помещении бывш. складов Заготзерно (напротив ж.-д. бани) находится склад боеприпасов, вооружения (пулеметы и 3-дюймовые пушки) и запасных частей. Следует отметить, что этот склад охраняется слабо: охрана состоит из 4 человек, меняется через каждые 4–5 суток. Караульное помещение расположено в одном из домов напротив склада. Часовые выделяются по одному человеку, дежурят по 4 час., причём постоянного поста у склада нет. Часовой, обойдя вокруг склада, приходит в караульное помещение, где свободные от дежурства солдаты либо играют в карты, либо спят.

4. На бывш. нефтебазе имеется база для горючего. На Голиковке, в бывш. складе Заготзерно, имеется продовольственный склад. Здесь же производится погрузка хлеба для воинских частей.

5. На углу ул. Куйбышева и Малой Подгорной установлены два зенитных орудия.

6. На крыше бывш. здания Госуниверситета и на вышке трамплина около р. Неглинка установлены наблюдательные посты с зенитными установками.

7. В городе имеется свыше 10 танков, причём 4 из них стоят в бывш. гараже пожарной команды на углу ул. Урицкого и Калинина.

8. На Голиковке в бывш. 7-м городке расположена бронетанковая часть, где имеется около 7 танков.

9. На бывш. ж.-д. стадионе организован СПАМ (сборный пункт автомашин), откуда автомашины направляются на ремонт по мастерским города.

10. На углу ул. Льва Толстого и Машезерской расположен лагерь для военнопленных. Численность военнопленных 1800–2000 человек, используются они для различной черновой трудоёмкой работы.

11. Небольшой оружейный склад находится в доме во дворе на углу ул. Пушкина и Малой Подгорной. Склад охраняется одним часовым.

12. В районе вокзала установлен полицейский контрольно-пропускной пункт, через который проходит все население, движущееся по железной и шоссейной дорогам.

13. В Бесовце и Песках находятся аэродромы противника. В Песках имеется 7 истребителей и 4–5 бомбардировщиков.

14. На пьедестале памятника Ленину установлен зенитный пулемёт.

15. По берегу Онежской губы, от Петрозаводска к Соломенному, расположены 5 орудий полевого типа. Орудия расположены на некотором расстоянии друг от друга: первое стоит сразу за чертой города, второе – не доходя до водокачки, третье – у водокачки, четвертое – в бывш. поле совхоза и пятое – недалеко от четвертого. Патрулирование на берегу не ведется.

Олонецкий район

1. В дер. Видлица находится гарнизон численностью до 200 солдат, которые расквартированы в клубе, бараках на правой стороне реки и частично в землянках между дер. Гавриловкой и МТС.

2. В дер. Тюккюля расположен автодорожный взвод.

3. В дер. Погранкондуши гарнизон состоит из 12 солдат, которые занимаются патрулированием дорог и берега озера. Вооружены они только винтовками.

4. В дер. Большие Горы – гарнизон из 10 человек.

5. В устье р. Видлица установлено 8 зенитных орудий, там же имеются береговые орудия. Несколько орудий береговой обороны находится в 7 км от дер. Видлицы в направлении дер. Погранкондуши.

6. В устье р. Видлица также имеется три небольших моторных лодки. Здесь же расположен лагерь военнопленных, в котором заключено больше 1 тыс. красноармейцев, и лагерь гражданских пленных, где находится несколько сот человек русских. Военнопленных карелов и финнов вывозят в Финляндию. Военнопленные, находящиеся в лагере, настолько истощены, что не способны двигаться.

7. Около пристани в устье р. Видлицы находится склад боеприпасов. Склады горючего находятся в лесу около дороги между дер. Видлица и дер. Большие Горы и второй склад находится в квадрате 90.70.

8. На Видлицком аэродроме самолётов не имеется. Аэродром частично разбит нашими самолётами. В настоящее время финны проводят на аэродроме восстановительные работы силами гражданских пленных. В помещении Видлицкой МТС имеется гараж, в котором организована стоянка автомашин и их ремонт.

9. На дороге Олонец–Салми в обоих направлениях наблюдается оживлённое движение автотранспорта. Машины двигаются в одиночку с 5–10-минутными интервалами. Марки машин разнообразны: ЗИСы, ГАЗы, немецкие и другие. Недостатка в горючем не замечается.

10. В конце мая и в начале июня месяца в течение четырёх недель по дорогам двигались немецкие войска по направлению к Салми.

Населению немецкие солдаты говорили: «Русь "нажимает" на своем фронте, идём туда».

11. Около 15 июля в течение двух дней возвращались на фронт финские солдаты-отпускники старших возрастов, отпущенные для проведения весеннего сева.

Шелтозерский район

1. В дер. Васильевская расположен финский гарнизон, состоящий из различных родов войск: артиллерии, связи и других, всего численностью около 200 человек, на вооружении имеется 5 пушек.

Из них две зенитные, расположены они в следующих местах: две зенитки стоят у дома Бекренева П.П., две пушки дальнего действия (полёт снаряда 23 км) расположены у скотного двора в колхозе им. Ворошилова, около дороги, которая идёт от дер. Васильевской на Шокшинские разработки. Одна пушка стоит у дома Кузова Я.В.

Боеприпасы хранятся в яме между домами Филатова Я.Н. и Принцева И., в дер. Васильевская. В деревне имеется 5 солдатских кухонь.

2. В конторе бывш. лесохимтоварищества расположен штаб гарнизона, тут же работает военный комендант района.

3. В доме Колесова (бывш. почта) помещается полицейское управление, где на службе состоит 12 человек полицейских.

4. В дер. Докучаевская в бывш. доме райсовета – штаб белофинского гарнизона.

5. На Шокшинских горных разработках расположена артиллерийская батарея (6–8 пушек и около 100 солдат).

Одна пушка поставлена у маяка, где проживает 7 человек, остальные живут на разработках.

6. В с. Шокша и дер. Васильевская (по местному названию Чога) в домах Бекренева и Бекренева Ф.В. находится 60 человек пленных красноармейцев, охранники их проживают в доме Бекренева И.Н.

7. В дер. Кокорово около часовни установлены 4 полевых и 2 зенитных орудия.

8. В Шолтозеро на территории МТС к берегу от деревни установлена одна батарея, местное население туда не пускают.

9. В дер. Гамова Гора в доме интерната-школы помещается госпиталь.

10. На острове Брусно и на маяке имеются прожектора. В дер. Размега, Верхручей, Ростана, Ижанино, Залесье, Горное Шолтозеро, Матвеева Сельга, Кушляга – войск противника и патрулей нет.

11. На территории МТС работает трактор, посредством которого вырабатывается свет для штаба финнов, школы и больницы.

12. Установлено, что в посёлке разработок УОРДа находится 120 человек белофинских солдат. В дер. Другая Река расположено около 10 человек финских солдат.

13. В дер. Кокорино бывает постоянно от до 100 человек белофиннов. На вооружении имеют: 3 станковых пулемёта, 1 миномет и одно орудие. Один пулемёт установлен у бензохранилища на северной окраине деревни. Миномёт установлен у деревни по направлению к Шелтозеро. Около дер. Погост и устья речки установлено препятствие (забор длиной до 300 м). (Данные агентурного донесения).

14. На острове Брусно имеется одна пушка и два станковых пулемёта. Гарнизон на острове состоит из 8 солдат, а остальные базируются на пристани Мерозлов.

15. Западный берег Онежского озера от пристани Мерозлов и до пристани Чертов Омут (2412) охраняется патрулями в 1–2 человека на расстоянии 2–3 км.

16. Побережье озера между островом Брусно и до Чёртова Омута минировано.

17. В квадрате 00.02 у тригонометрического пункта на высоте ОУРД находится орудие береговой охраны и зенитное орудие.

18. В квадрате 04.02 в дер. Кокорино находится орудие береговой охраны.

19. В дер. Житно-ручей, Роп-ручей, Другая Река находится гарнизон численностью 250–300 человек. Гарнизон живёт [не] в деревнях, а в лесу в 2 км на запад. Гарнизон обслуживает береговую артиллерию, патрулирует тракт Петрозаводск–Шелтозеро и побережье Онежского озера от дер. Каскес-ручей до с. Шелтозеро.

20. У дер. Житно-ручей, Роп-ручей, Другая Река и Рыбрека на берегу Онежского озера никаких укреплений нет.

21. Южнее Каскес-ручей находится аэродром истребительной авиации противника. Самолёты патрулируют побережье Онежского озера и реку Свирь (количество самолётов не установлено).

22. В дер. Житно-ручей в здании бывш. столовой помещается военный госпиталь на 100–150 коек. Раненых в госпитале мало, т.к. они вскоре по прибытии в госпиталь эвакуируются в Петрозаводск. Обслуживающий персонал госпиталя весь привезён из Финляндии.

Заонежский район

1. На территории Сенногубского и Кижского сельсоветов расположен батальон белофиннов, штаб которого находится в дер. Лонгасы. В деревнях Вокнаволок, Конда, Сенная Губа и Клименицы – по 30–50 человек в каждой деревне.

2. Штаб расположен в дер. Сенная Губа в доме Куйкина. На вооружении имеются винтовки, пулемёты, миномёты.

3. В Типиницах гарнизон численностью до 300 солдат, штаб гарнизона в Типиницах (в домах амбулатории и школы). На вооружении кроме винтовок и пулемётов имеется две танкетки.

4. На территории Оленьего острова численность противника до взвода, на вооружении винтовки, крупнокалиберные пулемёты и орудия 255 мм. Севернее Оленьего острова, в 5 км, расположены орудия. У орудий постоянное дежурство, живут в палатках. По дороге телефонная связь соединяет дер. Куриницы, Олений остров, Сенная Губа, Конда и Вокнаволоок.

5. В 4 км от берега озера в дер. Любосельга установлено 155-мм орудие.

6. Между дер. Ноев Наволок и Конда имеется дот.

7. В Клименицах имеется 100 человек солдат, вооружение: 4 пушки 125 мм, около 30 станковых пулемётов, 20 автоматов, 20 пистолетов. Установлен прожектор, есть аэросани.

8. В дер. Сибово Великогубского сельсовета в складах колхозов расположены склады с боеприпасами противника.

9. В дер. Кижы на церкви имеется наблюдательный пункт. Проведена телефонная связь с Вокнаволоком.

10. В Кузарандском сельсовете в дер. Кузаранда концентрируются войска противника. Подвезена артиллерия разного калибра, которая устанавливается на кладбище и территории МТС. Штаб войск в дер. Кузаранда помещается в здании школы в центре села. Воинские части связаны между собой полевой телефонной связью.

11. В дер. Тамбицы расположен гарнизон противника на 500 человек. Штаб гарнизона помещается в отдельном доме, расположенном в 50 м от деревни.

12. В дер. Вороний Остров гарнизон противника в 12 человек. На вооружении: винтовки и три станковых пулемёта.

13. В дер. Великая Губа гарнизон противника в 1000 человек. На вооружении: автоматы, винтовки и одна танкетка.

14. В дер. Шуньга расквартирован кавалерийский полк «Уусимаа». Состоит из 4 эскадронов, каждый по 200 человек. В одном эскадроне на вооружении 5 станковых пулемётов и один миномёт.

15. В дер. Космозеро гарнизон противника в 250 чел. Штаб расположен в здании быв. школы. На вооружении винтовки и автоматы. Имеется одно полевое орудие, установлено около штаба.

Сегозерский район

1. Около дер. Темоны у моста расположено зенитное орудие и три блиндажа. Гарнизон 20–30 человек.

2. В 200 м на север от Паданы расположено одно зенитное орудие.

3. В дер. Нефентьев Наволок имеется береговая охрана (орудие, 3 танкетки), задачей которых является охрана побережья Сегозера и дороги. Гарнизон насчитывает около 50 человек.

4. В дер. Погост на берегу стоит несколько автоматических орудий и два зенитных орудия. Обслуживающего персонала около 1000 человек, предполагается, что здесь расположена батарея.

5. В Кульмас-Губе охраняют мост и находящийся там лагерь военнопленных (около 250 человек), около 30 человек охраны.

6. В Росотани, по дороге от Паданы в Сельгу, имеется гарнизон в 10–15 человек. Задача гарнизона – проверка документов у проходящих по дороге.

7. На Сегозерском озере имеется подводная лодка.

8. С. Паданы сохранилось. Сожжены нашими войсками при отходе здания райсовета, типографии, НКВД, почты. Разрушены при налётах нашей авиации здания дома культуры и дом местного жителя Теппоева.

9. В Паданах имеется почта, которая помещается в бывшем интернате. Имеется радиоузел, находящийся в местечке Лахта, в 100 м от Падан. Радистом работает пленный красноармеец, добровольно перешедший на сторону финнов.

10. В дер. Евгора имеется гарнизон. Дорога по тракту Паданы–Масельгская расширена и усовершенствована. Проходящий автотранспорт останавливается в дер. Евгора. Характерно то, что движение автотранспорта производится в деревне в дневное время. примерно, с 6 час. утра до 22 час.

11. В здании бывш. школы 10-летки в дер. Лахта располагается штаб полка пограничной охраны. В этом же доме размещён штаб управления снабжения войск Масельгской группировки.

12. В здании бывш. больницы располагается госпиталь. В доме бывш. Паданского ЛПХ и в доме местного жителя Волкова размещены казармы военной части. В дер. Погост в доме Крипкого размещено воинское подразделение, численностью в 20 человек.

13. Воинские склады расположены в складских зданиях бывш. ЛПХ, ОРСа, райпо, сельпо.

14. С восточной стороны дер. Нефентьев Наволок расположен гарнизон, имеются станковые пулемёты. Солдаты размещаются в землянках и частично в домах. Гарнизоны также имеются в Кюльмашгубе, на берегу Сегозера – в Мариналакси, Рардис-еки.

15. Мост через р. Лужма около Ремана охраняется круглые сутки.

16. На берегу Панозера находится Паданский лагерь военнопленных, который недавно куда-то переведён.

17. Район Панозеро и р. Лужма считается запретной зоной.

18. В дер. Сондалы и на чугунно-литейном заводе имеется гарнизон.

Кестеньгский район

1. В дер. Кушеванда находится гарнизон, состоящий из финских и немецких солдат. В зимнее время численный состав его был 180 человек, в настоящее время имеется 36–40 человек. Все они вооружены автоматами и часть из них ручными пулемётами. Начальником гарнизона является лейтенант Лакио, кроме него командного состава больше нет. Охрана гарнизона производится только в ночное время, днём никакой охраны нет. В дер. Кушеванда имеются два склада, в первом хранятся велосипеды с мотоциклами, а во втором хранится вещевое довольствие. В 2 км севернее дер. Кушеванда на правом берегу р. Писта расположен лагерь военнопленных численностью в 150 человек, который обнесён проволокой. Охрана лагеря производится немецкими солдатами, численностью в 80–10 человек и сторожевой собакой. Военнопленные используются на лесозаготовках, строительстве и ремонте дорог и на заготовке щебня.

2. В дер. Большое Озеро находится гарнизон численностью до взвода солдат. На высоте северо-восточнее деревни в пункте 7826 построен блиндаж (ДЗОТ) с грунтовым сектором обстрела. Местного населения в этой деревне никого нет.

3. В дер. Куккозеро находится гарнизон численностью до взвода финских солдат. На высоте в пункте 9108 имеется наблюдательная вышка, где постоянно стоит часовой-наблюдатель. Дорога между дер. Куккозеро и Большое Озеро находится в хорошем состоянии и вполне пригодна для движения автотранспорта.

4. В дер. Тунгозеро постоянного гарнизона не имеется за исключением небольшой группы солдат в 10 человек. В районе деревни на высоте 9420 находится тщательно замаскированное пулемётное гнездо.

5. В пос. Софпорог находится крупный гарнизон противника численность до одного батальона. Поблизости от пристани Софпорог расположен медицинский пункт.

6. В пос. Коккосалма на мысе располагается офицерский штаб, который охраняется часовыми. Дорога Ругозеро–Ухта находится в хорошем состоянии. На высоте у дороги установлена дальнобойная батарея.

Кестеньгское направление в основном питается с базы, расположенной в районе Куусамо. Подвоз продовольствия, техники, военных материалов, питающих войска на Кестеньгском направлении, производится автотранспортом, идущим по шоссейному тракту Куусамо–Тавелла–Кушеванда–Коккосалма и Топозеро. В Кушеванде и Коккосалме имеются промежуточные базы горючего, запасных частей и других военных материалов. Гор. Куусамо связан хорошим шоссейным трактом с г. Сулу и другими трактами, с базами в Коптиомяки и с городами

центральной и южной Финляндии. Рованиemi–Кестеньга связана автобусной линией сообщения. Дорога Куусамо–Тухкала находится в хорошем состоянии, по которой поддерживается круглосуточное движение.

Продовольствие и боеприпасы на Кестеньгское направление подвозятся из Кемиярви и Сулу, дорога между этими пунктами находится в плохом состоянии.

Вследствие активных действий партизанских отрядов, армейских и спецгрупп на коммуникациях противника финское командование армии издало специальный приказ, запрещающий передвижение по дорогам одиночных солдат и автомашин. Передвижение автомашин разрешается только автоколоннами не менее 10 автомашин, каждая колонна должна следовать под охраной бронемшины и одной танкетки. На дороге между дер. Кушеванда и Тухкала на протяжении 10 км расположены 4 поста, в задачу которых входит осуществлять контроль выполнения вышеуказанного приказа. От дер. Кушеванда на дер. Конданаволок построена новая дорога для автотранспорта.

Дорога Кушеванда–Тихтозеро охраняется немецкими мотоциклистами численностью до 200 человек.

Разведкой установлено, что в начале августа 1942 г. на Кестеньгское направление против[ник] подбросил наряду с пехотными частями и крупную танковую часть. Переброска этих частей была произведена не по тракту Кушеванда–Кестеньга, а через Ухтинский участок фронта с целью дезинформации наших разведывательных органов.

Калевальский район

1. В дер. Войница находится гарнизон противника численностью до роты. Мирного населения в деревне нет.

2. В дер. Кенозеро имеется гарнизон численностью 120–180 человек.

3. В дер. Ломозеро находится гарнизон, численностью в 150 человек.

4. В дер. Вокнаволок находится постоянный гарнизон в 150–180 человек, а иногда в эту деревню прибывают на отдых войска с фронта – до 800 человек.

5. В дер. Ювалакша находится гарнизон численностью до батальона.

6. В дер. Толлорека находится гарнизон численностью в 40 человек.

7. В дер. Латвозеро находится гарнизон, численностью в 15–20 человек.

Ухтинское направление питается главным образом из двух баз, находящихся на территории Финляндии. Первая база находится в Тайвалкоски, грузы из неё идут к линии фронта по тракту Хутунахе–Юнтусранта–Лонка–Войница. Вторая база находится в Хюрюнсальми, груз из которой к линии фронта идёт по тракту Суомуссалми–Важин-

ваара-Вокнаволок и отсюда на катерах до Войницы и дальше автогужевым транспортом к линии фронта. Большая часть груза поступает на катерах по озеру Киангярви до Юнтусранта и далее на автомашинах на Лонка-Войница.

Построена хорошая грунтовая дорога Лонка-Войница-Яис-Ругозеро и далее на Большое озеро. Эта дорога построена для того, чтобы связать Ухтинское направление с Кестеньгским с целью лучшей переброски войск с одного направления на другое. Основной базой снабжения войск Ухтинского направления является Войница.

Ругозерский район

1. В районе высоты 146.7 на южном склоне расположен гарнизон численностью в 15 человек, личный состав которого проживает в землянках. Вблизи высоты находится вышка службы ВНОС.

2. Дорога Ругозеро-Кимасозеро эксплуатируется очень мало.

3. Дорога Реболы-Ругозеро содержится в очень хорошем состоянии, хорошо накатана, верхний слой состоит из мелкого песка. Ширина дороги позволяет одновременное следование четырёх колонн автомашин-полуроторатонков в одну сторону. По обе стороны тракта проходят две линии телеграфных столбов, на одной из них находится 6 проводов, а на второй 2 провода. Лес по обе стороны тракта выжжен на глубину 500-600 м в целях лучшего обнаружения партизанских засад. Автотранспорт по этому тракту движется только колоннами по 30-50 машин, охраняется солдатами от 40 и выше человек. В каждой такой колонне они имеют приготовленные к действию 4 станковых пулемёта.

Все эти данные использовались при операциях партизанских отрядов в тылу противника и войсковыми частями Карельского фронта. Последняя операция состоялась 2 октября 1942 г., когда авиация отряда Онежских кораблей произвела успешный налёт на важные объекты в Шокше, Педасельге, Роп-ручей и пос. Карелгранита. Последний почти полностью уничтожен. Во многих местах возникли крупные очаги пожаров.

Начальник 4-го отдела НКВД КФССР
ст. лейтенант госбезопасности

Изотов¹⁵

Нач. 2-го отделения 4-го отдела НКВД КФССР
мл. лейтенант госбезопасности

Голубев¹⁶

Примечания

¹ Морозов К.А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск, 1983; По обе стороны Карельского фронта: Документы и материалы. Петрозаводск, 1995; Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956 гг. Петрозаводск, 1998; *Куломаа Юкка*. Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. Петрозаводск, 2006; *Веригин С.Г.* Карелия в годы военных испытаний: Политические и социально-экономическое положение советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2009 и др.

² См. подробнее: Партизанская война в Карелии: Сб. статей и материалов. Петрозаводск, 2005; *Веригин С.Г.* 4-й отдел НКВД-НКГБ Карело-Финской ССР в годы Великой Отечественной войны // Актуальные вопросы истории, политики и права. Материалы межведомственной научно-практической конференции, 25–26 апреля 2006 г. Петрозаводск, 2006; *Гнетнев К.В.* Тайны лесной войны: партизанская война в Карелии 1941–1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах. Петрозаводск, 2007; Органы безопасности Карелии: исторические очерки, воспоминания, биографии. Петрозаводск, 2008 и др.

³ Кубаткин Петр Николаевич (1907–1950), руководитель советских органов безопасности, генерал-лейтенант (1945). В органах безопасности с 1929 г. Начальник УНКВД Московской области (июнь 1939–февраль 1941), начальник УНКГБ по Московской обл. (февраль 1941–июль 1941), начальник 3-го спецотдела НКВД СССР (июль–август 1941), начальник УНКВД по Ленинградской обл. (1941–1943), начальник УНКВД–УМГБ по Ленинградской обл. (1943–1946), уполномоченный НКВД СССР по 2-му Прибалтийскому фронту (январь–июль 1945), начальник 1-го Главного управления МГБ СССР (июнь–сентябрь 1946), начальник УМГБ по Горьковской обл. (ноябрь 1946–март 1949), зам. председателя Саратовского облисполкома (март–июль 1949). Арестован в июле 1949 г., Военной коллегией Верховного суда (ВК ВС) СССР 27 октября 1950 г. приговорён по «Ленинградскому делу» к расстрелу. Определением ВК ВС СССР от 26 мая 1954 г. реабилитирован.

⁴ Баскаков Михаил Иванович (1905–1968), руководитель советских органов безопасности, генерал-майор (1945). В органах безопасности с 1933 г. Нарком внутренних дел Карельской–Карело-Финской АССР (1938–1941), нарком госбезопасности Карело-Финской ССР (февраль 1941–июль 1941), нарком внутренних дел Карело-Финской ССР (1941–1943), нарком госбезопасности Карело-Финской ССР (май 1943–июль 1943), начальник УНКГБ–УМГБ по Горьковской обл. (1943–1946), министр госбезопасности УзбССР (1946–1951), начальник УМГБ по Хабаровскому краю (1951–1952), министр госбезопасности БССР (1952–1953), министр внутренних дел БССР (1953–1958).

⁵ Котилайнен А. Вайне, полковник, горный советник (в Финляндии – почетное звание для тех, кто добился успеха в промышленности). До войны исполнительный директор фирмы АО «Энсо–Гуттайт». Начальник штаба Восточного управления Восточной Карелии (15 июля 1941–15 июня 1942). Его преемником на этом посту стал Йохан Виктор Араюри, генерал-майор (до и после войны – начальник полиции г. Хельсинки).

⁶ Финский историк Юкка Куломаа считает «колоритным» сам факт существования при Военном управлении Восточной Карелии этой совещательной комиссии. См. *Куломаа Юкка*. Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. Петрозаводск, 2006. – С. 44. В состав комиссии вошли карелы, ушедшие в Финляндию в начале 1920-х гг., после так называемых племенных войн или «каравантюры». Так, П. Рахикайнен – организатор восстания в Ухтинском районе; В. Кейняс – председатель управления Восточно-Карельского комитета; М. Карвонен – член президиума Центрального совета карельских клубов («Керхо»); Л. Кунтиярви – организатор восстания в Кестеньгском районе, секретарь «Керхо»; П. Ипатти – член правления Союза племенных воинов и т.д.

⁷ Рюти Ристо Хейкки (1889–1956), финский государственный деятель. Один из лидеров Прогрессивной партии Финляндии; в 1919–1922 и 1927–1929 гг. избирался депутатом парламента. Министр финансов (1921–1924), председатель Административного совета Банка Финляндии (1923–1939). В 1940 г. подписал Берлинский пакт, по которому Финляндия приняла обязательство принять участие в боевых действиях против СССР на стороне Германии. С сентября 1940 г. фактически исполнял обязанности президента страны.

⁸ «Вако» (Vako Oy) – акционерное общество, на правах монополии отвечавшее за розничную торговлю на оккупированной территории. Организовано в ноябре 1941 г. четырьмя наиболее крупными финскими оптовыми фирмами (СОК, ОТК, «Кеско» и «Туко»). Название образовано от сокращения слов Vienan-Aunuksen kauppaosakeyhtiö (Беломорская-Олонецкая Карелия). Деятельность АО «Вако» контролировалась чиновниками Военного управления Восточной Карелии, и на первом этапе планировалась открывать один продуктовый магазин на 1–2 тысячи человек. Помимо торговли в обязанности «Вако» входила организация ресторанов, кафе и гостиниц. АО «Вако» имело право заниматься комиссионной торговлей и деятельностью в области промышленности, за исключением торговли лесоматериалами. На предприятиях АО (хлебопекарнях, скотобойнях, засолочных цехах и др.) в 1941 г. работали около 400 человек, а в 1942 г. – более 1 тысячи. Деятельность АО была весьма прибыльной, часть доходов передавалась Военному управлению Восточной Карелии и на общественно полезные нужды. В 1942 г. торговый оборот компании составлял 237 млн финских марок.

⁹ Разведшкола находилась в подчинении Главной квартиры штаба финской армии и занималась подготовкой диверсантов и разведчиков-радиотехов для переброски в тыл Красной армии в районы Северного, Волховского и Ленинградского фронтов. Первые подробные сведения о разведшколе удалось получить из показаний арестованных, прошедших обучение и заброшенных финской военной разведкой на советскую территорию. Комплектование происходило за счет военнопленных – бывших красноармейцев. Срок обучения – около 2-х месяцев.

¹⁰ «Лотта-Свярд» – женская военизированная организация в Финляндии, существовавшая в 1919–1944 гг. Основана в г. Риихимяки в ноябре 1918 г. Название выбрано по имени героини «Рассказов фельдфебеля Стооля», произведения Рунеберга, которая не захотела оставаться дома, и вслед за мужем отправилась на русско-шведскую «финскую» войну. Даже после того, как её муж погиб в бою, она всё равно осталась в армии, готовила солдатам еду, стирала одежду, ухаживала за ранеными. Так как члены вновь созданной организации должны были заниматься тем же, то организацию было решено назвать именем героини Рунеберга. 29 августа 1919 г. указом по войскам главноначальствующий Охранного корпуса (шюцкора) Финляндии полковник Г.Д. фон Эссен предложил создавать в шюцкоре женские подразделения. Были сформулированы основные задачи организации (впоследствии несколько расширены): «Основная миссия поддерживать и укреплять идеологию Охранного корпуса и помогать ему в защите веры и отечества. Выполнять это посредством: 1. Поддержки и пропаганды идеологии и целей шюцкора. 2. Помощи в осуществлении медицинских задач шюцкора. 3. Помощи в снабжении провиантом шюцкора. 4. Помощи в сборе средств для шюцкора. 5. Работы в отделениях и штабах шюцкора». В качестве опознавательного знака для членов общества установлен синий «хакаристи» с надписью «Лотта-Свярд» по горизонтали. В 1932 г. утверждён текст присяги: «Я обязуюсь словом чести, что буду честно и добросовестно помогать Охранному корпусу в защите веры, дома и Родины, также я обещаю, что я не откажусь работать в организации до тех пор, пока не пройдёт один месяц с тех пор, как я официально заявлю местному командованию организации о моем желании уйти». Во время Гражданской войны «Лотта-Свярд» была подразделением шюцкора, с 9 сентября 1920 г. существовала как самостоятельная организация. С 1929 г. организацию возглавляла преподаватель Сортавальской учительской семинарии Фанни Луукконен. Во время советско-финской войны 1939–1940 гг. численность организации достигла 100–150 тысяч. К концу военных действий 1941–1944 гг. финской армии помогали 240 тысяч женщин. В ряде мест, например в м. Куусамо, организация имела свои торговые точки и культурные заведения, в частности, кафе и кинотеатр. Доходы от заведений, которые обслуживались исключительно членами «Лотта-Свярд», шли на нужды организации и частично «Красного Креста». Некоторые финские женщины отправлялись на фронт в ряды «Лотта-Свярд» с целью заработать. Так, например, попавшая в советский плен повараха одной из финских войсковых частей – член «Лотта-Свярд», на допросе сообщила, что ежемесячно получала за работу 1500 финских марок. За кампании 1939–1944 гг., по сведениям музея организации «Лотта-Свярд»,

погибло около 5 тысяч женщин. Судя по номенклатуре имевших хождение эмблем, они служили в стрелковых, штабных, медицинских, ветеринарных подразделениях, на флоте, в подразделениях снабжения и связи. Несколько особняком стояла служба охраны женских и детских отделений концлагерей – своеобразный финский аналог женских частей СС «Мертвая голова». «Лотта-Свярд» распушена 23 ноября 1944 г. решением Государственного совета Финляндии по требованию Союзной контрольной комиссии. В 1991 г. организация реанимирована в форме фонда «Лотта-Свярд».

¹¹ Для русского населения Олонецкого округа, жителей Вологодской и Ленинградской областей в период финской оккупации были созданы концентрационные лагеря (всего 14 концлагерей, 6 из них – в Петрозаводске). Вопрос о лагерях остается одним из наиболее дискуссионных. По мнению историков Финляндии, финские концлагеря нельзя сравнивать с концлагерями в Германии. В финской историографии предпочитают использовать термин «лагеря для перемещенных лиц», поскольку задача финских лагерей – не уничтожение, а изоляция и последующее выселение некоренного населения. Точное число умерших в этих лагерях до сих пор не установлено. Юкка Куломаа приводит сведения о количестве умерших за 1942 г. – 3 тысячи 467 человек. Эти данные относятся только к лагерям, располагавшимся в Петрозаводске. К.А. Морозов полагает, что в целом по Восточной Карелии в результате расстрелов, тяжёлого принудительного труда, плохого питания, голода и эпидемий погибло свыше 14 тысяч человек. Помимо лагерей для гражданского населения, на оккупированной территории финнами было создано 35 лагерей для военнопленных.

¹² Перевозки в плотках по себестоимости наиболее выгодный вид транспортировки леса. Процесс сплотки древесины достаточно трудоёмкий, многие работы выполняются и в летний, и зимний период вручную, обычными баграми. Для сортировки и сплотки древесины лесные рейды оборудуются специальными механизмами и устройствами. Из сортировочной сетки бревна самосплавом подаются в сплоточную машину, в которой по особой технологии формируются сплоточные единицы – группы бревен, расположенных в определенном порядке и скрепленных в единое целое с помощью гибких снастей. Сплоточная машина состоит из понтона с уравнителями, имеет три моста, один из которых подвижный, мосты снабжены вертикальными стойками. В настоящее время на лесных рейдах работают различные типы сплоточных машин: стояночные, тросовые, элеваторные.

¹³ Название пос. Йоханнес связано с лютеранским приходом Св. Йоханнеса (известен с XVII в., каменная церковь построена в 1888 г.). В 1925 г. при строительстве ж.д. Выборг–Койвисто (Приморск) станция получила название Йоханнес. До 1917 г. в составе Великого княжества Финляндского, а в 1917–1940 гг. – независимой Финляндии. Современное название – пос. Советский – присвоено в 1948 г. в память о Герое Советского Союза, лётчике М.А. Советском. Градообразующее предприятие – Выборгский целлюлозно-бумажный комбинат. Основан финской фирмой «Nackman & K» в 1926 г. 19 мая 1927 г. выпущена первая продукция. В 1941 г. планировалось выработать 21 тысячу т целлюлозы и более 3 тысяч т бумаги. Во время войны 1939–1940 гг. и Великой Отечественной войны завод дважды демонтировался и оборудование вывозилось. В настоящее время Выборгский ЦБК – один из крупнейших в отрасли.

¹⁴ «Олонецкая национальная бригада» (Аунуксен Хеймостоури брикати) сформирована летом 1941 г. в м. Лиекса из членов «племенных» националистических организаций: «Карельского Академического общества», «Союза племенных воинов», «Восточно-Карельского комитета» и «Керхо», а также карел и ингерманландцев, проживающих на территории Финляндии. Подчинялась командующему Военным управлением Восточной Карелии и была расредоточена по округам. Было создано два батальона «фольксфиннов» – Олонецкий и Виенский, третий батальон был сформирован из говоривших по-фински советских военнопленных и жителей восточных районов Карелии – граждан СССР. Офицерский состав – кадровые военнослужащие финской армии. Олонецкий и Виенский батальоны использовали для борьбы с партизанами. Бойцы несли патрульную службу в деревнях, производили облавы и прочёсывали местность. Весной 1944 г. батальоны утратили названия, получив взамен номера – 25-й и 26-й.

¹⁵ Изотов Захар Семенович (1904–?), сотрудник советских органов безопасности, полковник. В 1939–1940 г. оперуполномоченный УНКВД по Ленинградской обл. С июня 1940 г. в КФССР – ст. следователь следственной части, зам. начальника 3-го отдела УГБ НКВД, зам. начальника разведотдела НКГБ, начальник ЭКО НКВД; начальник 4-го отдела НКВД–НКГБ. В 1943 г. отозван в Москву. Уволен в отставку в 1959 г.

¹⁶ Голубев Виталий Васильевич (1918–1987), сотрудник советских органов безопасности, майор (1948). В органах безопасности с 1938 г. Ст. оперуполномоченный, зам. начальника, начальник 2-го отделения 4-го отдела НКВД–НКГБ КФССР (1941–1944); начальник Олонцкого райотдела НКГБ КФССР (1944–1945); ст. следователь, начальник 1-го отделения следственного отдела МГБ КФССР (1945–1946); врио зам. начальника 2-го отдела МГБ КФССР (1946–1950). Арестован 6 октября 1950 г. по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 193-17 п. «а», 74 ч. 2 УК РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. По решению Особого совещания при МГБ СССР заключен в ИТЛ на 10 лет. Освобожден по амнистии в 1953 г. Ходатайство о возвращении наград удовлетворено Президиумом Верховного Совета СССР 10 апреля 1985 г.

Публикацию подготовили

С.А. Кузяева, Н.М. Перемышленникова

ВЕНГЕРСКИЙ ГЕНШТАБ О БОЯХ С СОВЕТСКИМИ ПАРТИЗНАМИ

На территории СССР, захваченной противником, карательные задачи наряду с немцами выполнялись венгерскими частями, которые на Восточном фронте составляли примерно 20–25% от всего немецкого оккупационного контингента¹. В 1941–1943 гг. значительная часть венгерских подразделений действовала на территории, где осуществлялась самая активная деятельность партизан, поэтому история венгерской оккупации и советской партизанской войны неотделимы друг от друга. В 1942 г. штаб командования венгерской оккупационной группировки размещался в Киеве. Первоочередной задачей венгерских частей была охрана ж.д., а в районе Брянска–Курска–Чернигова уже с самого начала венграм пришлось сражаться с крупными партизанскими отрядами. О характере карательных операций венгерских войск на территории Черниговской области свидетельствуют зафиксированные ЧГК показания пострадавших советских граждан. Только в одном селе – Рейментаровке – венгры расстреляли 114 мирных жителей. В память об этом в селе установлена мемориальная доска.

Публикуемый документ хранится в ЦА ФСБ России в фонде 4-го Управления НКГБ СССР (зафронтовая работа) и представляет собой машинописную копию добытого за линией фронта трофейного документа, переведенного с венгерского языка. К нему приложены три схемы в виде фотокопий, подготовленных в топографическом отделении ОМСБОН² на основе венгерских оригиналов. Исходя из практики тех лет, можно предположить, что два первых экземпляра были направлены в Центральный штаб партизанского движения и Разведуправление Красной армии, которым данный обзор мог быть полезен для планирования работы на оккупированной территории.

Обзор о боях с советскими партизанами был составлен в 4-м отделе Венгерского королевского Генерального штаба, ведавшего кадровыми вопросами, в том числе подготовкой и переподготовкой офицерского состава, а до 1943 г. еще и составлением нормативных и методических документов (уставов, положений, инструкций). Позднее эта функция была передана 5-му отделу Генштаба³.

Сделанный в 1942 г. перевод с венгерского языка имеет ряд неточностей в написании географических названий и стилистические шероховатости. Затрудняющие восприятие текста выявленные ошибки и опечатки при публикации исправлены без оговорок.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР 4-ГО ОТДЕЛА ВЕНГЕРСКОГО КОРОЛЕВСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ОБ ОПЫТЕ БОЕВ С ПАРТИЗАНАМИ

Апрель 1942 г.

Будапешт

Л 58800/10

№ 10

І ГЛАВА

ОБЩИЕ ДАННЫЕ О ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ

А. Сущность, цель и значение партизанского движения

Война против Советов познакомила нас ближе с одним специфическим и беспощадным средством военной борьбы – с «партизанским» движением. Этот варварский способ военной борьбы, по сути дела, не нов для нас. Мы познакомились с ним на сербском театре войны, уже во время Первой мировой войны, а также весной 1941 г. В те времена, участников этого способа борьбы называли «комитаджи» или «четники»⁴. Однако со стороны русских народных масс, известных своим мирным и пассивным характером, добротой и глубокой религиозностью, это движение было для нас новостью; фанатизм, презрение к смерти и упорство, встретившиеся нам у русского народа в рамках этого способа ведения войны, поразили нас, а огромный размах применения этого метода, привёл нас в содрогание.

Партизанское движение, развёртывающееся во всё больших размерах, приняло уже размеры народного движения. Дело успешной обороны против него делает необходимым, чтобы мы основательно ознакомились с этим подлым, коварным и беспощадным способом борьбы, чтобы извлечь уроки, и, наконец, чтобы будучи осведомлёнными обо всем этом, быть готовыми к коренному подавлению партизанского движения в самом его зародыше. Партизанское движение строится на том соображении руководителей советской власти, что этот способ борьбы, по их соображениям, является подходящим для того, чтобы при развитии его до степени мастерского совершенства – сорвать мирный производительный труд и военные операции армии, планомерно изматывать неприятеля и, в конечном итоге, защищать свою страну.

Партизанское движение выступает как народное движение в тылу нашего фронта, но не только в тылу войсковых частей, непосредственно участвующих в боевых мероприятиях, но и на сотни километров за ними, в глубоком тылу тоже. Цели этого движения характеризуют следующие выражения общих указаний, изданных русским командовани-

ем для партизан: «Партизаны должны создать невыносимое положение для врага. Всеми средствами и всеми способами надо уничтожить врага, где бы он не появился. Все мероприятия врага надо подрывать, чтобы освободить советскую землю от вторжения чужеземцев». Красное командование, как видно из вышеуказанного, придает очень большое значение партизанскому движению. Но движение только тогда могло бы стать по настоящему действенным, если бы: а) оно состояло в самой тесной связи с военными действиями русских вооруженных сил, и б) если бы мы не подготовились к коренному подавлению движения.

Зная это, русское командование всяческим путем стремится к тому, чтобы действие партизан привести в гармонию с военными действиями вооруженных сил. Это доказывается тем, что борьба партизан тогда приняла наиболее активные формы и широкие размеры, когда русские армии с начала зимы перешли к наступательным военным операциям.

Однако и наши оккупационные войска не остаются бездеятельными. Оборона против партизан означает для них, правда, тяжёлые дни, недели и даже месяцы, однако же все старания красного призрака разбиваются об энергичные и планомерные действия наших войск и их военачальников, как равно и об исполнение долга войск, не признающих усталости и лишений. Итак, нам не следует ни переоценивать, но также и не следует легкомысленно недооценивать значения партизанского движения. Познакомимся же с ним как можно более основательно, чтобы избегать неприятных сюрпризов и чтобы мы, тщательно подготовленные, могли выступить против него там, где оно поднимает голову. Тогда это движение не сможет иметь решающего успеха.

Б. Виды партизанских банд. Их людской материал. Способы их укомплектования

На оккупированной территории хозяйничают неорганизованные и организованные партизанские банды, которые в отношении их людских ресурсов, их организованности, их действий и вредительства – существенно отличаются друг от друга. Неорганизованные банды сколачиваются из таких лиц, которые вынуждены скрываться от административных властей и от оккупационных войск на оккупированной территории. Они в первую очередь борются за свое существование и их сплачивают лишь общие корыстные цели. Они грабят, мародерствуют, реквизируют, чтобы обеспечить себя самым необходимым. Главным образом, они мучают и разоряют гражданское население, однако, когда они считают себя достаточно сильными, они не боятся напасть и на военных и на склады, чтобы раздобывать себе то, что необходимо для них. Эти разбойничьи орды плохо вооружены, оснащение их недостаточно, они не имеют подготовленных руководителей.

По всем этим причинам они обычно избегают боевых столкновений, редко оказывают серьёзное сопротивление и не очень-то берут на себя инициативу к действиям более значительного масштаба.

У организованных партизан организованное вовлечение в движение происходит по административно-территориальному признаку. Одна треть их состоит из людей особо пригодных по своей природе к партизанской борьбе, тщательно отобранных, основательно подготовленных и отлично вооружённых, которых отступающие советские войска оставляют на месте, либо забрасывают на парашютах в тыл нашего фронта.

Лица, оставшиеся для партизанской борьбы незадолго до отступления красных войск, переодеваются в гражданское платье и скрываются, смешиваясь с гражданским населением, либо [скрываются] в каком-нибудь надёжном убежище в ожидании момента, когда после дальнейшего продвижения вперед наших войск они могут собраться и начать свои действия.

Назначение лиц и групп, сбрасываемых на парашютах, – усиление численности оставленных в тылу противника отрядов (возмещение потерь в людской силе, вооружении и снаряжении); однако отдельные группы могут быть сбрасываемы также по особому заданию, больше того, на парашютах могут попасть во главу партизанских отрядов, организовавшихся в тылу, отдельные начальники отрядов с особыми заданиями.

Вторую треть составляют русские войска, застрявшие за линией нашего фронта в сражениях по окружению, разыгравшихся в 1941 г. – крупные танковые сражения по окружению разыгрывались вдоль главных транспортных дорог, и в течение нескольких дней такие огромные территории попали в руки немцев, что в интересах быстрого продвижения вперед пехоты, не было времени на полное очищение огромных сплошных лесных массивов, большей частью заболоченных.

Таким образом, с окончанием отдельных этапов боевых действий, значительные русские силы в замкнутых соединениях очутились в тылу замкнувшегося немецкого фронта.

Наконец, третья группа состоит из людей либо добровольно присоединившихся к движению, либо вынужденных под влиянием принудительных мер.

Людской материал партизан мы можем разбить на группы по следующей таблице:

1.	Коммунисты-руководители	5%	
2.	Члены компартии	15%	1/3 не бойцы
3.	Евреи и прочие помощники	15%	

4.	Мародёры, уголовный элемент, авантюристическая молодежь	10%	
5.	Лица, насильственно завербованные или вынужденные присоединиться под влиянием принудительных мер, колеблющиеся двуличники, военнопленные, отпущенные домой	25%	2/3 бойцы
6.	Солдаты русской армии	30%	2/3 бойцы

1. Душу движения составляют коммунисты-руководители, преднамеренно доставленные красным командованием, либо переброшенные воздушным путём (самолетом или на парашюте). Советское правительство постоянно увеличивает количество руководителей. Их главная задача – организация, вернее дальнейшее развитие движения. Энергичные, отважные и фанатичные коммунисты, но в военном отношении неспособные люди, изредка попадают между ними. По коммунистическому методу они в общем много совещаются и планируют, а для действий времени у них остается мало. При всем же этом они чрезвычайно опасны, так как в глазах населения, десятилетиями терроризованного, они символизируют возврат страшного красного режима. Их численность по различным административно-территориальным единицам различна, большей частью несколько человек, а на территории, охваченной партизанщиной, они составляют до 50% общего числа партизан.

2. Члены коммунистической партии обязаны участвовать в партизанском движении в порядке партдисциплины. Одна часть их выполняет свой партдолг по убеждению, но многие неохотно служат в партизанах. Избежать этого они все же не могут, так как отказ от участия в партизанском движении коммунистическая партия рассматривает как предательство и наказывает за это смертной казнью. Этот слой выполняет функции отчасти организаторские, разведывательные и по связи, отчасти же – под личиной мирного рабочего, который «счастлив, что, наконец, освободился от ненавистного красного террора» косвенно поддерживает движение: укрывает преследуемых, проводит и указывает верный путь бродящим из-за незнания места и заблудившимся; как проводники, своим знанием местности способствуют деятельности партизанских групп, на которые возложены специальные задания; снабжает продовольствием банды, укрывающиеся в лесах и болотах; подстрекает население к отказу от сдачи урожая, распространяет ложные слухи и этим вводит в заблуждение административные органы властей и оккупационные войска и т.д. и т.п. Некоторые из них, ухитряясь войти в доверие оккупационных войск, действуют как «старосты» или принимают на себя иные функции; другие добиваются приёма в состав украинской милиции и там развертывают свою наблюдательную деятельность, в боях участвуют редко.

На территориях, охваченных партизанским движением, снисхождение к членам компартии никоим образом не может быть оправдано. В лучшем случае они играют роль двурушников. Нет им пощады! Их надо обезвредить, так как по доброй ли, собственной воле или по принуждению – они все являются помощниками партизан. Если бы они не помогали партизанам, последние сами убрали бы их с дороги, чтобы они не могли стать предателями.

3. Не менее опасны евреи, оставшиеся на месте после ухода русских войск. Каждый еврей – независимо от пола и возраста – за партизан! Еврейство, оставшееся на захваченной территории, боясь преследования со стороны украинского населения, вначале искало убежища за городскими стенами. Однако, когда разгорелось пламя партизанского движения, большинство 14-60-летних евреев-мужчин, руководимое непримиримой ненавистью, питаемой к державам оси, стали искать и находили убежище у партизан, скрывающихся в глубине лесов и в болотах. К этой группе принадлежат также те евреи, военнопленные, которым удалось скрыть свою национальность, ввести в заблуждение немецкое командование; выдав себя за украинцев, добились освобождения из лагерей военнопленных для ухода домой.

Основная масса еврейства не принимает участия в боях, зато они тем большую проявляют партизанскую активность в других делах: агитируют, подстрекают к мятежу, вербуют, являются передатчиками слухов и распространителями панических вестей. Упорной настойчивостью они побуждают и подстрекают отдельные партизанские группы ко всё новым и новым насильственным действиям, к постоянной активности. Проникнутые жестокой кровожадностью, они истерически требуют расправы над теми русскими солдатами, военнопленными членами компартии и т.п., которые не хотят присоединиться к движению. Это они настаивают на том, чтобы с изысканной жестокостью, с применением позорящих пыток, была учинена расправа над теми несчастными членами союзных войск, которые попадают в руки партизан. Поэтому нет места никакой жалости к евреям!

4. На оккупированной территории всюду найдется свора людей, предприимчивого, воровского и мародерского духа, которая не за коммунистические идеи, а из-за корысти или из авантюристических вожделений, вступает в ряды партизан. Среди них много юношей. На территориях, свободных от партизан, эти люди частенько действуют на свой риск и страх. При соответствующем вознаграждении их можно легко привлечь для милицейской службы, и столь же отлично они могут быть использованы для борьбы против партизан и драться так же отважно, как незадолго до этого они воевали на стороне партизан против нас. Естественно, они никак не могут быть признаны заслуживающи-

ми доверия, поэтому лишь под командованием твёрдых и заслуживающих доверия руководителей из украинцев и под бдительным контролем можно советовать их использование для милицейской службы⁵.

5. К следующей группе принадлежат люди, которых путём насильственной вербовки либо путём применения средств принуждения, заставили вступить в их ряды. Пользы от них немного, так как этот слой в любое время готов перейти на сторону врага, они используют первую же возможность для бегства, они увеличивают численный состав партизанских отрядов, зато сильно снижают их боевую ценность.

Для вовлечения их организационные отделы («отряды») пользуются следующими способами; лица, коим поручена вербовка, обычно ночью, под предлогом дружеского визита, посещают на квартире намеченную жертву. Захватив с собой напитки, спаивают данное лицо, к которому пришли с «визитом», и, когда оно уже изрядно пьяно, стараются уговорить его присоединиться к их рядам, если это не даёт результатов, они прибегают к более насильственным средствам. Сначала открыто призывают к присоединению, а в случае отказа – последуют угрозы, устрашения, ночные посещения и оскорбления. Наконец, насильственно увозят и также расстреливают отказывающихся.

Поэтому эти мужчины смеют лишь изредка оказывать сопротивление убедительным доводам партизан, иной раз под предлогом приглашения выпить, закусить и повеселиться они заманивают намеченного человека на свой близлежащий вербовочный пункт и насильственно задерживают там. По отношению к тем, которые запираются в своих домах, они выдают себя за украинских национальных стражников, чтобы побудить их открыть свои двери, либо, обращаясь к ним на немецком языке, стараются убедить их в том, будто они члены немецких оккупационных войск.

Особое внимание уделяют путём принудительных средств делу привлечения на свою сторону военнопленных украинской национальности, отпущенных домой из лагерей военнопленных. Возвращающимся преграждают путь и задерживают их. Так как эти люди обычно отказываются присоединиться к партизанам, последние отнимают у них их удостоверения, снимают лучшую одежду и наносят им тяжёлые побои. Часто, когда среди партизан в данном месте присутствуют евреи, то по требованию последних всегда, – при изощренных пытках, – даже убивают их. Документами, попавшими таким образом в их руки, они снабжают своих людей.

К средствам насильственной вербовки надо отнести также и тот агитационно-пропагандистский приём, когда они распространением ложных победных слухов делают вероятным для народа возврат в близком будущем коммунистического режима, присовокупляя, что тех, кто остался верным советскому режиму, ожидают награды, хорошие долж-

ности и т.п., в то время как перебежчиков и даже безразличных, будут рассматривать как предателей, и они могут рассчитывать на жестокое возмездие. Боязнь возмездия со стороны красных очень многих из колеблющихся гонит в ряды партизан.

Для их методов характерен следующий случай. В декабре 1941 г. венгерские оккупационные войска, размещённые в Карюковке, покинули на несколько дней город, чтобы уничтожить партизанский отряд, хозяйничавший в другом месте; при уходе войск была объявлена ночная тревога. Еврейское население, скрывавшееся в городе и поддерживавшее партизан, уже на следующий день утром демонстративно вышло на улицу и открыто со следующими лозунгами вызвало смуту и подстрекало население: «Венгерские войска ночью удрали, боятся наших братьев-партизан, которые через 1–2 дня будут здесь. Русская армия одержала победу, немцы повсюду, потеряв голову, бегут. Красная армия скоро угонит отсюда эту орду с буквой «В» и освободит нас». Пораженный этой вестью, антикоммунистический слой населения поверил агитации, многие из колеблющихся присоединились к партизанскому движению, а само движение в окрестностях вновь воспламенилось. Когда наши части вернулись, мятежники, конечно, понесли заслуженную кару, население приняло это с радостным успокоением и удовлетворением.

6. Одну треть всего численного состава партизан и больше половины их боевых отрядов составляют солдаты русской армии, которые либо по ходу разыгравшихся событий укрылись, чтобы избежать плена, либо были преднамеренно оставлены русской армией, либо для того, чтобы влить новую струю в движение, были доставлены на парашютах и таким образом попали в тыл нашего фронта, либо наконец удрали из лагерей военнопленных, чтобы стать в ряды партизан.

7. В особую группу надо выделить женщин, поддерживающих партизан. Более молодое, коммунистически воспитанное поколение женщин, является неисправимым, ничем не удержимым вспомогательным слоем движения. Из его рядов выходит основное и наиболее многочисленное ядро наблюдателей, разведчиков и связных партизан. Более пожилые женщины – принципиальные противники коммунизма, войны, партизанского движения. По отношению к более молодым русским женщинам необходимо [проявлять] недоверие в высшей степени.

В. Организация партизан

Организованные партизаны действуют обычно отрядами, группирующимися в рамках административно-территориальных единиц (районов). Во главе каждого отряда стоит штаб, в котором главную роль играет политический комиссар, назначенный народным комиссаром внутренних дел. Каждый отряд имеет также военного началь-

ника, к штабу относятся 2–3 гражданских комиссара и представитель военного начальника. Отряды делятся на так называемые специальные и боевые части. Специальные части состоят из организационных, разведывательных и диверсионных групп. Отдельные группы состоят из 3–10 человек. Боевые части организованы по военному типу и в них установлена военная дисциплина. Их роты, состав которых 75–150 человек, делятся на группы в составе 15–25 человек. Эти силы всегда действуют вместе. Чтобы обеспечить себе максимальную подвижность, штабы и особые отряды реквизируют различные средства передвижения а именно: автомобили, автобусы, лошадей, мотоциклы, велосипеды и пр., зимой же – сани, лыжи и пр. Боевые отряды тоже всегда имеют в своём составе такие подвижные части.

Что касается численного состава частей, трудно установить точные данные, потому что разные мелкие или более крупные группы партизан могут объединиться, и с привлечением населения в свой состав, могут организоваться в банды до нескольких тысяч человек, так например: севернее Глухова в марте 1942 г. скопилось до 6–7 тыс. партизан. На организованность и численный состав возникающих банд, естественно, очень большое влияние оказывает настроение населения на территории их деятельности. Коммунистические симпатии населения, его надёжность и фанатизм, с точки зрения красных, оказывает не меньше влияния на организованность и численность отдельных партизанских групп, чем применяемый ими террор или устрашение в течение тех десятилетий, влияние которых даже после ухода советских административных органов держит в тревоге широкие слои населения. От этих факторов зависит размер и объём поддержки, которая может быть оказываема партизанам во время их изолированной деятельности. Чем большей является поддержка, тем в больших массах и тем смелее они могут выступать.

Г. Вооружение и снаряжение партизан

Вооружение, боеприпасы (патроны), ручные гранаты, взрывчатые вещества и материальные средства связи обычно в большом количестве имеется в распоряжении партизан. Они имеют также подвижные полевые кухни. Запасы свои они добывают следующим образом, вернее комплектуют:

1. Когда их оставляют на оккупированной территории или когда они оставляют у себя и тщательно прячут боеприпасы до момента выполнения их задач.

2. Тайком, из хорошо укрытых постоянных складов, устроенных в лесах, болотах или иных трудноотыскиваемых местах еще в мирное время, в начале войны или до начала отступления русской армии.

3. Собирают всё, что оказывается разбросанным во время отступления русской армии.

4. Получают на парашютах от русских армий.

5. Добывают у врага, отдельных лиц, мелких отрядов или из складов; по имеющимся у них указаниям, этот способ должен быть главным источником пополнения запасов.

Вследствие того, что пополнение запасов происходит у них различными способами, их вооружение не единое, оно русского, польского и немецкого происхождения. Поэтому они испытывают большие затруднения в отношении пополнения боеприпасов. Их вооружение, главным образом, ручной пулемёт, автоматы, самострельная винтовка, автоматический пистолет и ручные гранаты, но большей частью они располагают также и тяжёлым вооружением (тяжёлый пулемёт, лёгкий миномёт, гранатомёт, противотанковое ружье и лёгкая противотанковая пушка), местами они имеют также артиллерию.

Д. Задачи партизан

Задачи свои, в общих чертах применительно к административно-территориальному делению, партизаны получают от воюющей Красной армии, с которой они имеют постоянную связь.

Выбор, разработка деталей и частичных задач является обязанностью кадровых офицеров Красной армии, стоящих во главе отдельных партизанских групп. Задачи партизан можно определить следующим образом:

1. Задержка умирения оккупированной территории. Эту цель они хотят достигнуть путем распространения тревожных слухов, беспокойства и утрашения, а также террора среди населения и, наконец, совершением террористических актов.

2. Саботаж и диверсионные акты – в целях задержки налаживания и срыва начавшегося нормального производственного процесса в сельском хозяйстве и промышленности – путем уничтожения оборудования, машин, убранный урожай и пр. в складах, промпредприятиях, транспортных узлах, железных дорогах, учреждениях административных и пр. и т.п.

3. Подстрекательством к мятежу и восстанию в глубине оккупированной территории.

4. Вовлечение населения во все больших массах в партизанскую деятельность. Это может происходить путем агитации, пропагандистской работы, вербовкой или применением принудительных мер.

5. Освобождение русских бойцов, взятых в плен союзными войсками, путем нападения на лагеря военнопленных и на транспорты, чтобы этим увеличить свои силы.

6. Захват складов вооружения и боеприпасов и транспортов. Материалами, добытыми этим способом, они тоже стараются пополнять свои ресурсы и увеличивать свою ударную силу.

7. Организация разведывательной службы и разведка (шпионаж) в нашем тылу, как в отношении военном, так и хозяйственном.

8. Подрыв ударной силы союзных войск и парализация их боевых операций, стараясь достигнуть этого путем боевых действий и диверсионных актов, саботажа, а именно:

а) налётами на командные и штабные учреждения, на связных, на узловые пункты связи (затрудняют руководство и сохранение связи);

б) внезапными нападениями на войска на марше и на отдыхе затрудняют, вернее, задерживают маневры войск, беспокоят войска, заставляют отдельные соединения вести усиленную службу обеспечения, распространением о себе ложных сведений принуждают оккупационные войска к большим и трудным маршевым переходам и распыляют их. В конечном итоге стремятся к тому, чтобы физически и морально изматывать наши войска, снижать их боевую ценность.

в) мерами, предпринятыми ими против авиабаз, парализуют их деятельность;

г) путём различных мероприятий, в том числе и диверсионными актами против тыловых баз и линии снабжения, затрудняют планомерное пополнение запасов. Советское руководство, как это видно из сообщений и воззваний, передаваемых для партизан московской коротковолновой станцией, то на одну, то на другую группу действий делает ударение. Прошлой осенью лозунг был: «Поджигайте урожай». При начале русского зимнего наступления – «Ударьте в тыл немецким войскам, ускорьте победу». В последнее время, имея в виду весенние сельхозработы, – «Пристрелите всех работающих трактористов».

Е. Боевые приёмы партизан. Способ ведения боя

1. Партизанская разведка (шпионаж).

Информация и связь

Весьма развитая разведывательная, информационная служба и связь партизан действуют чрезвычайно быстро и отлично. О событиях на фронте, как это установлено, они часто раньше узнают, чем тыловые охранные войска оккупированных территорий, однако даже наималейшее движение последних не остается в тайне для них. При уничтожении партизанских групп наши части всегда захватывают сравнительно много технических средств связи. Информацию они получают и передают следующим образом: а) по радио – тайные радиостанции действуют у них повсеместно. Их розыск и раскрытие – наша первоочередная задача;

б) по телефону – во время телефонных разговоров по военным линиям часто слышна русская речь;

в) воздушным путем, через самолёты связи и через парашютных связных;

г) использованием разведчиков и вестовых связи, которые главным образом берутся из рядов членов коммунистической партии, а также евреев и молодых коммунистически воспитанных женщин;

д) подслушивание и запись телефонных и радиоразговоров оккупационных войск. Поэтому более важные разговоры всегда должны происходить на условном языке.

2. Убежища партизан

Местом постоянного пребывания внутри границ отведённой им территории партизаны всегда выбирают такие участки территории, на которых много лесов, пересечённых реками, с труднодоступными и отыскиваемыми, наиболее труднопроходимыми болотами, и бедные дорогами. Отсюда отправляются отдельные их отряды и группы для совершения своих диверсионных, боевых или иных специальных задач. На этих территориях они устраиваются с наибольшей предусмотрительностью и заботливостью. В селах базируются исключительно лишь командование подразделений и их штабы, притом лишь тогда, когда нет вблизи оккупационных войск, и если они могут не бояться измены или предательства со стороны местного населения, а также, когда они могут держать свои войска близко к населённым пунктам.

Само подразделение (отряд) разбивает свой лагерь всегда на каком-нибудь укрытом месте. Однако при населённых пунктах у них всегда имеются тайные склады, в которых они хранят амуницию и продовольствие.

При выборе места для лагерного расположения и при их устройстве и оборудовании безопасность отряда – самое главное требование. При этом они обращают большое внимание и на удобства, чтобы они могли хорошо отдыхать после своей боевой работы, связанной обычно с напряжёнными ночными переходами.

Размещение соответствует организационной структуре. Отряд силой до одной роты они группируют по взводам, в свою очередь, последние принимают лагерное расположение, разделяясь на 2–3 группы. Насильственно завербованных, однако, они держат вместе – обычно повзводно. Каждая группа имеет 2–3 оборудованных ночлежных лагеря, чтобы они в целях более высокой безопасности, возможно чаще, а если это нужно, то и ежедневно, могли менять их. На местах расположения лагеря они устраивают землянки, тщательно замаскировав их, и снабжают амуницией, продовольствием.

Очень большое внимание уделяют делу основательной организации службы обеспечения – лагерную территорию окружают полевые сторожевые караулы, которые располагаются обычно на путях, ведущих к лагерю, за естественными препятствиями, на местах речных или болотных переправ или переходов. Месторасположения сторожевых караулов они всегда также искусственно укрепляют. Заграждают пути, чтобы облегчить защиту переходов через препятствия, устраивают огнестрельные гнезда и даже минные заграждения. На более значительном расстоянии от сторожевых караулов устраивают хорошие наблюдательные пункты, на которых наблюдателей снабжают различными средствами связи, чтобы те своевременно могли дать знать об угрожающей опасности военного нападения. Немного дальше линии наблюдения в деревьях и вдоль более важных коммуникационных линий находятся их разведчики. Таким образом, они окружают свои убежища тройным кольцом.

В лесах, окружающих лагерную территорию, они устраивают хорошо укрытые тропинки (зимой лыжные и санные пути), на которых они со своими отрядами, приспособленными к быстрому передвижению и обеспеченными мощными огневыми средствами, могут быстро окружать и нападать на фланг или на тылы наших войск, продвигающихся в лесу и по территории, изобилующей естественными и искусственными препятствиями, с очень большим трудом. К местам обеспечения мы должны отнести также и то, что они на случай возможного разгрома заранее намечают определённые сборные места, которые оборудуются ими по вышеописанному образцу.

Днём только отдельные лица покидают лагерь, естественно, в гражданской одежде и без оружия, и ночью – только по 3–4 человека, группами идут в деревни: за продовольствием, насильственно вербовать себе бойцов, терроризировать население, раздобывать новые сведения о противнике и т.п. Вследствие этих мероприятий по обеспечению очень трудно застигнуть их врасплох на местах лагерей. Это обычно бывает возможным лишь в том случае, если в их собственных рядах найдется предатель, располагающий хорошим знанием местности, под руководством которого наши части могут ночью пробраться через линии разведчиков, наблюдателей и сторожевых постов.

3. Детали партизанских боевых приёмов (способов ведения боя). Совершение налётов и диверсионных актов

Основа партизанского способа ведения боя, это – из засады скрытно, быстро и неожиданно напасть на врага. Вследствие их отличной разведывательной службы, эластичного руководства и большой подвижности, они легко применяют этот способ. Боёв с более значительными силами они не принимают, избегают их.

После своих налётов они рассеиваются на мелкие группы, уходят на заранее намеченные сборные места, вновь соединяются и отправляются в свои убежища. Последние они меняют после совершённых действий, чтобы избежать розыска и возмездия. Их сила заключается отчасти в фанатической смертельной отваге отдельных лиц, отчасти же в их подлых и хитрых, коварных и осторожных методах. Своими налётами они никакого риска не принимают на себя, обычно только ночью или перед рассветом совершают их, чтобы как приближение к месту налета, так и уход на места укрытия, могли быть совершены в темноте.

Передвижка, требуемая для выполнения боевых и диверсионных актов, совершается ими ночью, мелкими группами, разбросанными на путях, идущих к цели. Избегают такие пути, на которых имеется оживлённое движение, и собираются лишь вблизи места налёта. Засады свои они устраивают в 200–250 м от дороги, там, где они могут хорошо укрыться. Только несколько гранатомётчиков приближаются к месту налёта на 30–40 м. При выборе места засад они неотступно следят за тем, чтобы пространство, расположенное между засадой и местом налёта было совершенно открытым, а также за тем, чтобы они после налётов могли легко и скрытно удрать. Поэтому они больше всего любят опушки лесов с густыми зарослями у стволов деревьев. Отдельные стрелки занимают места на деревьях. Правило засад – величайшая тишина. Курение табака, движение, разговор – строжайше запрещены, даже кашель задерживают либо прикрывают рты. При совершении налетов они руководствуются следующими правилами:

1. С особой охотой нападают на лиц, осуществляющих функции связи (отдельные автомобили, мотоциклистов, конных). Этим из засады, из-за угла – пристреливают.

2. Нападения на войсковые части на марше или на отдыхе они принципиально совершают ночью. При проходе частей на походе пропускают части обеспечения (охранения), на отдыхе же прокрадываются сквозь части обеспечения (охранения) и по определённом сигналу обрушиваются мощным огнем на главные силы одновременно из нескольких направлений.

При дневных нападениях в первую очередь выбирают своей мишенью офицеров и прислугу тяжёлого орудия. Особенно охотно нападают на моторизованные и мотоциклетные соединения. Местами нападений они выбирают участки дорог, проходящие по высокой насыпи, либо окаймлённые глубокими канавами. Успех налётов, совершаемых на моторизованные формирования, они обычно усиливают также тем, что устраивая дорожные заграждения, заставляют головные машины колонн остановиться. Колонны, передвигающиеся на параллельных дорогах ночью, часто вовлекаются в бой друг против друга, так что находясь на территории между двумя дорогами, одновременно обрушива-

ются своим огнём на обе колонны, вызвав у нас впечатление, будто они имеют дело с врагом, марширующим параллельно с ними.

3. Мероприятия свои против ж.-д. транспортов они проводят по возможности на уклонах ж.-д. пути. Разбивают рельсы, прикрепляют к ним канаты или телеграфные провода и, непосредственно перед проходом паровоза, отдергивают, не покидая своего укрытия. На поезд, сошедший таким образом с рельс, и на людей, выскакивающих из него, обрушиваются огнем и ручными гранатами и уничтожают их. В более редких случаях, разжигая костёр на рельсовом пути, останавливают поезд для нападения на него из своей засады.

4. Нападения свои на автомобильные и конные транспортные колонны они совершают так, как это изложено в пункте 2. Однако часто нападают на них и на привале, после снятия и обезвреживания часовых.

5. При нападениях на аэродромы, они еще в дневное время тщательно разведывают через своих разведчиков расположение охраны и постов, телефонных и сигнальных установок и дорог, ведущих на аэродром. Налёт совершают ночью. Прежде всего отрезают телефонные и прочие провода и устройства, служащие для объявления тревоги, потом внезапно и незаметно (врасплох) расправляются с постовыми и с охраной и, наконец, нападают на аэродром.

После истребления лётного состава уничтожают самолеты, стоящие на земле, разрушают оборудование аэродрома, поджигают материальный склад. В то же время более мелкие их группы берут под обстрел низколетающие самолёты, возвращающиеся домой. Излюбленный способ вредительства на аэродромах – это отдельные их люди, притаившиеся близ аэродромов, которые подстреливают низкопролетающие, отправляющиеся или возвращающиеся домой самолеты. Они охотно околачиваются вдоль дорог, ведущих к аэродромам, чтобы подстреливать отдельных лиц, прибывающих туда на автомобиле или мотоцикле или отправляющихся оттуда офицеров, лётный персонал, связных и т.п.

6. При нападениях на склады они употребляют описанный способ. В таких случаях весьма важным считают одновременный разрыв всех соединяющих линий, исходящих от складов, а также надежную изоляцию всех дорог, ведущих к складам, чтобы склады, подвергшиеся нападению, не могли получить помощи извне.

7. При нападениях на коммуникационные линии они разрушают ж.-д. оборудование и материал, истребляют ж.-д. персонал, разрушают искусственные сооружения, коммуникации (особенно мосты).

8. Перерезанием проводов связи и отпиливанием телеграфных столбов выводят из строя целые линии. Весьма часто применяют включение провода – заземлённый провод, и таким образом расстраивают телеграфную и телефонную связь. Став в засаду около прерванных линий, поджидают работников, чтобы расправиться с ними.

9. При успешных налётах все перевозочные средства – лошади, вооружение, материал, что не могут захватить с собой или не желают увозить – уничтожают и делают негодным к употреблению.

II ГЛАВА

ОБОРОНА ПРОТИВ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

А. Общие данные

Борьба с партизанским движением является отчасти административной, отчасти же военной задачей. Оборону против партизанского движения можно расчленить на три этапа действий:

1. Разведывание партизанских организаций (отрядов), ограничение движения на определённых территориях, прекращение возможности дальнейшего распространения.

2. Беспощадное уничтожение обнаруженных партизанских организаций и их помощников.

3. Препятствие к дальнейшему росту и существованию организаций или к созданию новых организаций, а также улучшение общей обстановки в таком объёме, чтобы движение не могло находить новой почвы.

Даже к уничтожению самых маленьких партизанских организаций мы должны всеми силами стремиться. Только таким способом можем воспрепятствовать развитию движения.

Б. Возможности административных органов в связи с борьбой с партизанским движением⁶

а) Улучшение положения населения и устранение недовольства.

б) Информирование населения и просвещение его, контрпропаганда и агитация.

1. Улучшение положения населения и устранение недовольства

Население оккупированных территорий ещё во время красного режима жило в условиях крайней нужды и бедности, в обстановке, которую вряд ли можно назвать человеческой. Его положение ещё ухудшилось и стало тяжелее вследствие разрушений и опустошений, вызванных войной. Улучшение своей судьбы оно ожидает от центральных держав.

Если власти оккупированных территорий планомерным оказанием помощи населению в его тяжёлом положении сумеют вызвать в нем надежду на то, что его судьба постепенно будет улучшаться, тогда его

устремления к спокойной и мирной жизни, а также к гражданскому благополучию неизбежно найдут в дальнейшем новое выражение во враждебных отношениях и чувствах к партизанскому движению.

Гражданское население занимается прежде всего проблемы жизненных условий. Тяжёлое настоящее (недостаток продовольствия, безработица, безденежье, спекуляция товарами и ростовщичество) причиняет ровно столько же забот рабочим массам в городах, как неопределённое и неизвестное будущее. Видя разрушения, причинённые русской армией, они главным образом боятся угрозы безработицы. В кругах деревенского населения на первом плане стоит вопрос о земле. Сильно надеются на восстановление частной собственности на землю и с острой, резкой враждебностью осуждают они ложный слух, распространяемый евреями, будто бы немцы и в дальнейшем намерены сохранить колхозную систему. Для спокойствия населения служат:

а) Обеспечение населения продовольствием, а также мелкими предметами широкого потребления (спички, осветительный материал, мыло, табачные изделия, сладости, алкоголь и т.п.)

б) Доброжелательное удовлетворение просьб населения, если нет к тому препятствий со стороны военных и хозяйственных соображений.

в) Справедливость в деле распределения благ.

г) Воспрепятствование припрятыванию товаров, товарного ростовщичества и спекуляции, установление твёрдых (максимальных) цен, строгий контроль цен и беспощадная борьба с нарушениями.

д) Создание возможности работы, чтобы возможно более широкие круги населения были обеспечены заработком и надёжными условиями жизни.

е) Восстановление частной собственности на землю и упразднение красной системы производства.

ж) Просвещение населения, информирование его и ориентировка о событиях, контрагитация, чтобы воспрепятствовать разрушительному влиянию враждебной агитации.

з) Восстановление доверия населения доброжелательным, человечным и справедливым обращением с ним.

Таким образом может быть устранено недовольство и приобретена поддержка со стороны населения. Эта деятельность административных органов в конечном итоге может привести к тому, что население не будет иметь ни причин, ни охоты стать в ряды партизан или поддерживать их.

2. Информирование и ориентировка населения. Контрагитация

Во время красного режима население привыкло к пропаганде и к тому, что его постоянно информировали о текущих событиях дня. Если

этого теперь нет, то народ легко поверит ходячим тревожным слухам, распространяемым партизанами, их помощниками и, главным образом, евреями. В деле информирования речь может идти о радио, о плакатах, газетах на украинском языке, об информационных докладах и о кинофильмах. Использованием их население легко направлять – нащёптывание, распространение тревожных слухов и враждебная агитация теряют тогда почву. Материал для этой целеустремлённой, просветительной работы можно черпать из следующего круга вопросов, ознакомление с которыми может дать желание лучшего и интерес у населения, и оно может быть привлечено на сторону наших идей.

1. Заводы, фабрики, сельскохозяйственное оборудование и инвентарь и пр. красные уничтожили во время отступления. Они не считались с тем, что этими разрушительными действиями они вредят не столько войскам держав оси, сколько обрекают своих братьев по крови на голод, нужду, страдания. Поэтому все заинтересованы в том, чтобы прекратить дальнейшую разрушительную работу, которую партизаны и их помощники производят.

В противовес этому оккупационные власти и войска всюду помогают и поддерживают доброжелательно настроенное население, чтобы оно могло устранить вред и ущерб, причинённые красными, чтобы возможно быстро могла быть начата производительная работа и этим путём могла быть обеспечена жизнь населения, а также, чтобы каждый мог без забот и без страданий зажить жизнью, достойной человека. Интересы населения требуют, чтобы все прилежно работали и энергично выступали против нарушителей порядка и саботажников.

2. Украинский народ в расовом отношении не тождественен с русским, значит он не может вести одинаковую с ним политику. Славянская кровь украинцев сильно перемешана с кровью туранских⁷ и германских народов. Вследствие этого они (украинцы) более разумны, более сильны, ловки и жизнеспособны, чем русские. В расовом отношении и вследствие своих способностей они стоят намного ближе к западным культурным народам, чем к русскому. При новом европейском порядке украинцев ждёт важное призвание. В противовес этому русские одинаково и при царском, и при красном режиме веками только лишь угнетали и эксплуатировали украинский народ и не давали ему возможности осуществить свои стремления, а также чаяния к культуре и цивилизации. Они могут найти для себя лучшее и более счастливое будущее только на стороне держав оси.

3. В противовес нужде и бедственности украинского народа государственное, общественное и социальное устройство европейских культурных народов обеспечивает для народа здоровую, спокойную и беззаботную жизнь. Европейские народы пользуются полной свободой религии

и свободами политическими: частная собственность священна, каждый свободно может наслаждаться плодами своего труда и прилежания – торговля, купля-продажа свободна и лишена всяких ограничений.

В. Задачи оккупационных войск в связи с борьбой с партизанским движением

Ликвидация партизанских организаций – задача оккупационных войск. Вопросы борьбы и их способы разбираются в подглаве (этой главы) «Способы борьбы с партизанами». Их деятельность в конечном итоге должна привести к обеспечению связи, коммуникаций и транспорта действующей армии, а также к поддержке военной администрации в деле развертывания производительного труда. В своих действиях они не могут обойтись без поддержки украинской вспомогательной полиции (милиции).

1. Поднятие чувства безопасности населения

Широкие слои доброжелательно настроенного населения не смеют стать предателями партизан, наоборот, боясь их террора, поддерживают их. Если оккупационным войскам удастся вызвать у населения чувство полной личной и имущественной безопасности, тогда партизанское движение на значительной территории окажется лицом к лицу с населением, настроенным против него и оно потеряет почву под собой. Во имя этой цели оккупационные войска, не допуская никакой затяжки, должны выступить, как только где-нибудь появятся партизаны. Но они должны остерегаться, как бы распространители слухов не одурачили их или не заманили в западню. Может случиться, например, что агенты партизан под предлогом просьбы о помощи добились того, что оккупационные войска покинули место постоянного их расквартирования, чтобы по пути напасть на них или чтобы они свободно могли организоваться, хозяйничать, нападать на более мелкие отряды, охрану, склады и т.п. на территории, ставшей свободной от строгого контроля после ухода войск.

Оккупационные войска должны всюду присутствовать. Население должно видеть, что, с одной стороны, оно не осталось без контроля и защиты, а с другой, что за всеми действиями и перегибами партизан последует самое беспощадное возмездие и что их помощники немедленно подвергнутся достойному наказанию. Население должно смотреть на оккупационные войска как на залог своей безопасности. Тогда оно откажет в поддержке партизанскому движению, будет доносить об их движениях и деятельности и поможет их розыску и уничтожению.

2. Содействие украинской вспомогательной полиции (милиции)

Поддержка со стороны украинской вспомогательной полиции (милиции) в борьбе против партизанского движения неопределима вследствие знания ею местных условий. Первостепенную важность представляет для оккупационных войск дело привлечения милиции при розыске и разведке партизан и их помощников, а также в качестве проводников. В борьбе с партизанами, однако, она не может быть использована как вооруженная сила. При привлечении милиции мы должны учесть, что не все её члены заслуживают доверия, многие из них являются вкравшимися шпионами партизан, их помощниками и агентами. Удаление сомнительных элементов из милиции является задачей немецких организационных и контрольных органов и отнюдь не оккупационных войск.

Ценность милиции определяется тем, что во главе отдельных её отрядов стоят действительно признанные, сильные и, безусловно, достойные доверия командиры, проникнутые честными намерениями, – когда во главе милиции стоит не такое лицо, тогда милиция, в лучшем случае, индифферентно смотрит на хозяйничание партизан и, боясь их мести, ничего не предпринимает для их разоблачения или для борьбы с ними, наоборот, она сама хозяйничает совершенно так же, как сами партизаны. Мы должны уяснить себе, что патриотически настроенные слои украинского населения тоже отнюдь не проникнуты сознанием общности судьбы с центральными державами. (Дословно: «Патриотически настроенные слои украинского населения тоже не чувствуют никакой общности с центральными державами»). В конечном итоге наши власти и войска означают для них лишь «чужестранную оккупацию и чуждого господина».

Г. Способы (приёмы) борьбы с партизанами в боях

Борьба с партизанами не означает лишь уничтожение отдельных партизанских организаций. Их надо лишать всякой возможности дальнейшей организации, снабжения, питания и укомплектования людьми. В противном случае движение, постоянно питаемое с территории русской стороны – вопреки всем стараниям административных властей и готовности оккупационных войск к высшей степени самопожертвования в борьбе с движением – всё вновь и вновь поднимает голову. Таким образом, нет никакого места пощаде. Только самое немилосердное и коренное истребление их может привести к цели. Деятельность войск в деле уничтожения партизанских организаций делится на 4 операционных этапа: а) агентурная разведка (шпионаж); б) боевая разведка; в) наступление; г) возмездие (расправа).

1. Разведка агентурная (шпионаж)

При раскрытии и разведке партизанских организаций основным принципом должно служить то, что сведения, даже о самой незначительной партизанской деятельности, надо принимать во внимание и расследовать. Однако сведения о партизанах обычно доходят до властей и военных начальников в очень извращенном и преувеличенном виде. Всеобщее явление, что население всегда знает что-нибудь о какой-то партизанской деятельности, происшедшей где-нибудь в отдаленном соседстве, о том же, что произошло в его собственном селе, оно «не хочет» или «не смеет» знать ничего. Причину этого явления надо искать не только в боязни мести со стороны партизан и в тревожных слухах о них. Надо знать, что это очень часто вызвано желанием ввести в заблуждение наши войска.

Целесообразно, прежде чем решиться на военное вмешательство, добиться расследования слухов, идущих с разных сторон, причем это расследование должно быть произведено украинцами, происходящими из мест, откуда идут эти слухи и основательно знающими и, безусловно, заслуживающими доверия. В деле разведки мы должны быть недоверчивыми ко всем. Мы должны всегда знать, что заслуживающих доверия русских – не существует. Антисоветский слой населения боится партизан и страшится возможности возврата красного режима. Поэтому оно очень часто, несмотря на свои симпатии и чувства, – за партизан. Трудно решиться выдавать их, боясь предателей и мести. Русский человек по натуре не болтлив, кто много и охотно говорит, тот подозрителен, молодая женщина всегда подозрительна, а если она чужая (не из данных мест), то обязательно агент партизан.

Среди старост очень много таких, которые из боязни – за партизан. Но партизаны имеют единомышленников и среди украинской вспомогательной полиции. Евреи без исключения стоят на стороне партизан. Поэтому полное их обезвреживание является первостепенной задачей. Также мы должны проявлять недоверие по отношению к военнопленным, отпущенным домой с удостоверениями, к ним мы тоже должны быть недоверчивыми. Очень многие из них приобрели свои удостоверения незаконно. Немецкие военные начальники в целях облегчения контроля применяют следующий способ. При отпуске домой военнопленных они записывают в удостоверения маршрут, конечную цель пути и крайний срок, к которому они должны быть дома. При прибытии домой местный гарнизонный начальник забирает эти удостоверения о передвижении и вместо них выдает постоянный вид на жительство – разрешение на проживание. Прибывший домой военнопленный становится заслуживающим доверия рабочим, он наверняка сообщит сведения о любой партизанской деятельности, дошедшие до него.

2. Военная разведка (боевая)

Как только закончили агентурную разработку территорий, на которых, по нашим сведениям, происходит партизанская деятельность, на основании разведывательных данных можно примерно установить, какие силы должны мы бросить на зачистку данных территорий, после чего последует военная, боевая разведка этих территорий. Разведотряды постоянно подвержены нападениям партизан из засад, из-за угла. В целях избежания ненужных потерь, деятельность войсковых частей, предназначенных для разведки, должна ограничиваться лишь входением в соприкосновение, поддержанием этого соприкосновения, а также установления границ территорий, охваченных партизанским движением.

Подробная и основательная боевая разведка по отношению к партизанам не нужна, потому что за то время, пока результаты разведки доходят до сведения начальников частей, выделенных на очищение данной территории, и пока части начинают свои действия, – отдельные партизанские отряды, наверняка осведомлённые через свою прекрасную разведку о приближении наших войск, все равно не окажутся там, где их присутствие было установлено разведкой. Разведывательные силы должны избегать более серьёзных боёв, особенно, когда они встречаются с партизанским подразделением, приспособленным к быстрому передвижению. Они не должны проникать в леса и села, в которых можно подозревать присутствие партизан, так как они подвергают себя опасности истребления. Против нападения из-за угла личная смелость бессильна. Потери, понесённые нашими оккупационными войсками в партизанских боях, в подавляющей своей части, а местами полностью, возникали во время разведки.

3. Наступление

Как только разведка агентурная и следующая за ней войсковая разведка установили и уточнили примерные силы, расположение (лагерные места) и возможные оборонительные мероприятия партизан, наступает очередь их уничтожения.

Первая задача – окружение и замыкание всех сторон данной территории. Этим мы предупредим возможность ухода партизан для сбора их на новом месте. Если мы это упустим, кровь, принесённая в жертву, и все труды пропадут даром. После замыкания территории мы должны начать решительное наступление с нескольких направлений более крупными группами – по крайней мере, до батальона, усиленного большим количеством тяжёлого вооружения и артиллерии. Если в нашем распоряжении имеются также моторизованные войска, то они должны быть брошены в промежутки между отдельными боевыми группами, чтобы

воспрепятствовать возможному намерению противника избежать столкновений. Развертывающийся бой всегда будет боем в лесу или в населённом месте. При проведении наступления главное внимание надо уделять подавляющему воздействию огнём. В борьбе с партизанами нет места военному искусству. Поддержку огнём мы можем организовать просто, так как против нашего подавляющего огня более слабый огонь партизанских отрядов не может дать результатов. Нет никакой надобности в расчленении в глубь различных огневых средств и артиллерии. Они должны обрушивать свой массированный огонь, расположенный по одной линии, непосредственно рядом друг с другом, с открытых огневых позиций, прямой наводкой на опушки лесов и края сёл. Важно, чтобы все огневые средства одновременно сосредотачивали свой огонь на одну цель, притом так, чтобы они могли поддерживать пехоту с флангов. При такой организации огневой поддержки пехотные подразделения во главе с штурмовиками, тщательно охраняя свои фланги и тыл, в тесном замкнутом строю продвигаются вперед от складки к складке местности. При достижении отдельных рубежей – складок местности, вновь и вновь следует организовать тот же способ огневой поддержки для обеспечения дальнейшего продвижения до тех пор, пока не будет достигнуто расстояние ближнего боя с партизанскими отрядами, случайно устоявшими, которые, если они до этого и выдержали – в ближнем бою ни в коем случае не устоят. В целях обнаружения и удаления могущих оказаться здесь минных заграждений пехотным подразделениям следует придавать саперные подразделения. Если имеется к тому возможность, наступление пехоты следует поддерживать также воздушными силами. Их воздействие без всякого к тому риска – уничтожающее, так как партизаны, лишённые противовоздушных средств защиты, – бессильны против самолётов. Вышеописанным способом мы можем предупредить возможность всяких засад и вряд ли будем иметь потери.

4. Возмездие

Вслед за поражением партизанских отрядов должно последовать самое неумолимое и безжалостное возмездие. Нет места снисхождению. Немилосердная жестокость у всякого отнимает охоту, чтобы впредь присоединиться к партизанам или поддерживать их; сами же партизаны милосердие и жалость могли бы принять за слабость. Взятых в плен партизан, подвергнув, в случае нужды, опросу, тут же на месте надо прикончить (расстрелять) либо, для устрашения, где-нибудь в ближайшем селе надо публично повесить. Также мы должны поступать и с разоблачёнными, попавшими в наши руки, помощниками партизан. Важно, чтобы о возмездии узнали возможно более широкие слои населения.

5. Оборона против партизан при стационарном положении

Безусловно, нам надо избегать рассеянное расположение мелкими подразделениями (единицами), т.к. в таких случаях мы сами соблазняем партизан на нападение из-за угла. Перед расквартированием мы должны тщательно обыскивать все дома и здания, расположенные на территории намеченного расквартирования, нет ли где-нибудь скрывающихся партизан, партизанских помощников, не спрятано ли где-нибудь оружие, не установлены ли мины и т.п. После этого мы должны организовать тщательную охрану и оборону нашего расположения. Дома или группы домов следует окружить препятствиями, выходы и пути заградить, здания приспособить к обороне. Точно должны отрегулировать объявление тревоги, и на это время – место и обязанности каждого человека на случай нападения. Самое большое внимание мы должны обратить на крайнюю бдительность службы охранения (обеспечения), контроль над этой службой, а также на постоянную полную боевую готовность отдыхающей части. Более мелкие выделенные отряды должны переменить засветло своё место ночёвки.

III ГЛАВА

ОПИСАНИЕ ПАРТИЗАНСКИХ БОЁВ И ИХ УРОКИ

Из боёв, которые наши войска вели против украинских партизан, мы выделяем три боевых столкновения, которые кажутся пригодными к тому, чтобы мы могли по ним подробно ознакомиться с партизанскими способами ведения боя, извлечь уроки из этих боёв и таким образом создать основу такому способу ведения боя, который мы должны применить для обеспечения успеха и избежания потерь.

Первое боевое столкновение из этой серии, это бой при с. Ивановке, 11 марта 1942 г. С нашей стороны в нём участвовала всего одна рота пехоты. Второе боевое столкновение, это бой при Карюковке, перед Рождеством в 1941 г., а также предшествовавшие ему более или менее мелкие и крупные бои. В этом деле мы применили силы почти равные полку пехоты.

Наконец третье боевое столкновение, это хомутовско-марчихинский бой, который разыгрался во второй половине марта этого года (1942 г.) и представлял собой наиболее крупное боевое дело, которое мы до сих пор вели против партизан – 10 батальонов, т.е. больше дивизии, сражались здесь.

всё более часто появлялись партизанские банды, нападали на деревни, убивали попавших в их руки старост и украинских милиционеров, грабили и реквизировали продовольствие. Для того, чтобы унять хозяйничающих партизан, 9 марта нами были высланы два взвода под командованием ст. лейтенанта Кемэри⁸, к которым были выделены также два пулемёта и одна радиостанция.

2. События

Отряд ст. лейтенанта Кемэри 9 и 10 марта прочёсывал леса, окружающие село, и нашел их свободными от врага. С 10 на 11 марта, ночью, отряд в состоянии боевой тревоги переночевал на восточной окраине с. Ивановки. В полночь сторожевые посты были подвергнуты обстрелу из ближних лесов, так как из движений, обнаруженных на краю леса, можно было заключить о предстоящем наступлении. Была объявлена тревога и отряд занял позицию обороны восточнее села, на месте, выбранном в предшествующий день. Враг вскоре перешёл из леса в наступление. Однако его наступательный порыв был сломлен действительным огнем отряда. Позже, при очень сильной огневой поддержке, новое наступление развёртывалось из леса, и отдельные вражеские группки охватывали фланги отряда. В это время уже можно было разобрать, что сила вражеской группировки состоит примерно из 600 человек при большом количестве пулемётов, 4 миномётов и 8 гранатомётов. Кроме того, каждый второй человек был вооружён автоматом.

Ст. лейтенант Кемэри тогда решил отступить со своей полуротой в единственном, казавшемся свободным направлении, через село на запад. В это время, однако, враг вошел в тыл отряда, прорвался в село и преградил единственный для отряда путь отступления. Сражаясь за каждый дом, за каждую пядь территории, горсточка ст. лейтенанта Кемэри героически прорвалась через село на юго-западную окраину его, где она опять заняла позицию обороны. Однако отступление через село стоило тяжёлых жертв. Из 90 человек только 50 удалось вернуться.

Ст. лейтенант Кемэри, видя трудное положение отряда, и зная, что он со своим маленьким отрядом, понесшим большие потери и отрезанным отовсюду, не в состоянии долго сопротивляться многократно превосходящим силам, в 6 часов по радио попросил о быстрой помощи своего командира батальона. Командир батальона для поддержки отряда ст. лейтенанта Кемэри выделил из Турьи (в 10 км западнее от Ивановки) два взвода стрелков с двумя пулемётами, от Сновска же (в 18 км юго-западнее Ивановки) одно отделение с ручными пулемётами, одно противотанковое орудие и один миномёт. Одновременно у немецкого командования попросил о посылке самолёта.

Турьинская полурота пошла в наступление через Глубокий Рог под очень сильным пулемётным и гранатомётным огнем, однако только в 14.30 достигла окраины Ивановки с юга и соединилась с группой Кемэри. Дальнейшее его наступление, однако, было приостановлено очень сильным фланкирующим огнём врага. В это время вступили в бой 2 немецких самолёта со своими бортовыми пулемётами и в это же время прибыл также сновский отряд, который немедленно напал на фланг врага, находившегося южнее Ивановки. Боевой порядок врага был опрокинут и он отступил на восток, в леса. Отряд Кемэри был спасён.

Наши потери были тяжелы, ст. лейтенант Кесеги и 22 человека рядовых погибли смертью героев, ст. лейтенант Кемэри и 12 человек рядовых были ранены, 7 человек пропали без вести, 1 пулемёт, 1 ручной пулемёт и 1 рация пропали. Но и враг потерпел тяжелый урон: 50 убитых осталось на поле боя; 1 пулемёт, 1 ручной пулемёт, 1 автоматический пистолет остались в наших руках. Большое количество раненых он унес с собой.

3. Уроки

Из этой боевой операции – применительно к мелким отрядам, можно извлечь следующий урок:

1. Всегда и всюду на территории, охваченной партизанским движением, даже там, где разведкой не установлено присутствие партизан, мы должны считаться с возможностью внезапных налётов и набегов из засад. Эта опасность становится еще большей, когда место ночёвки известно врагу и благоприятствует внезапному нападению. Поэтому более мелкие отряды должны после наступления темноты, по возможности, переменить место ночёвки и переночевать в состоянии боевой тревоги, обеспечив круговое охранение – оборону во всех направлениях.

2. Ни в коем случае мы не должны допускать выделения и посылки на угрожаемые партизанами труднообозримые и непроходимые территории более слабых отрядов, так как мы подвергаем их угрозе истребления. На такой территории они, как бы героически ни сражались против партизан, нападающих со всех сторон превосходящими силами, потерпят тяжёлый урон.

3. Мы должны всегда поддерживать тесную связь с впереди идущими группами, чтобы забравшиеся в их тыл партизанские группы, преграждающие им путь, не были вынуждены прорваться ценой тяжёлых жертв.

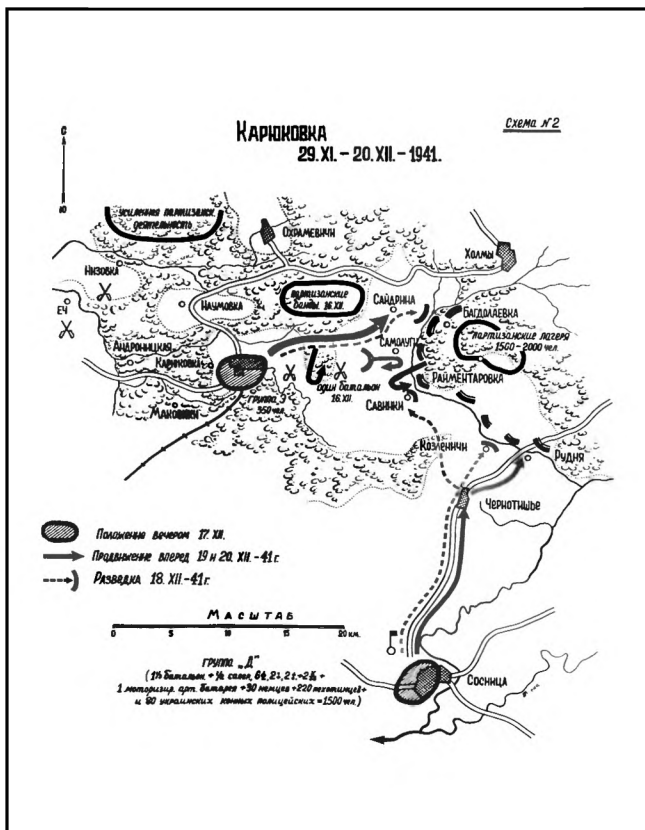
4. В случае фланговых ударов и ударов в тыл, партизаны немедленно уклоняются. Патрули и отдельные тяжёлые виды оружия тоже могут обратиться в бегство более сильные партизанские отряды, если удастся внезапно и неожиданно попасть в их тыл и если они энергично действуют.

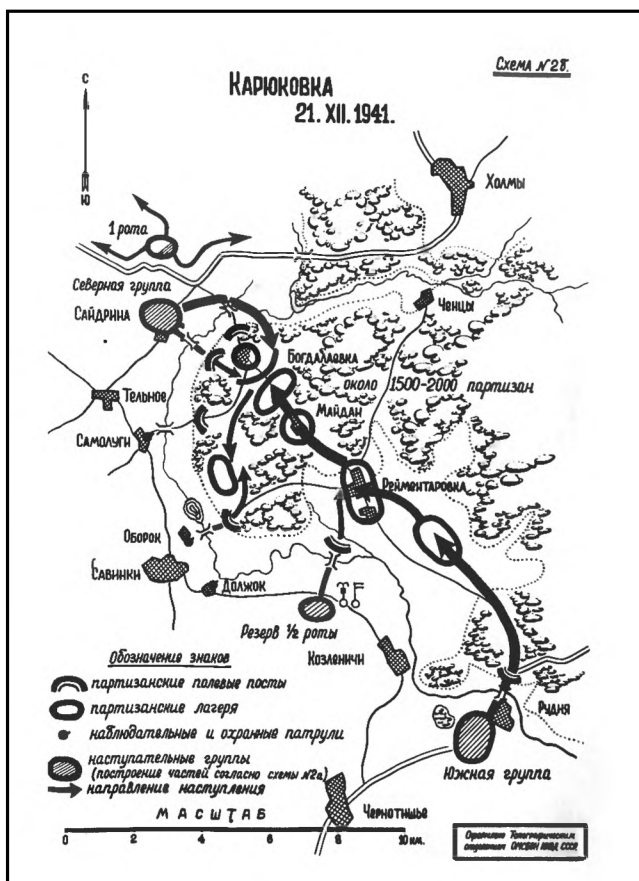
5. Против нападений с воздуха партизаны не устоят.

Б. Бой с партизанами при Карюковке (см. схемы № I, 2 а и 2 б)

1. Предшествующие события

Уже в середине ноября 1941 г. всё чаще поступали сведения о том, что на территории, окаймлённой р. Днепр и Сож и ж.-д. линией Гомель – Чернигов, повсеместно хозяйничают партизаны, так как речь шла об очень сильных бандах, а упомянутая территория примерно такая по величине, как Бачка в той части, которая была оккупирована сербами; оккупационные власти были вынуждены отовсюду стянуть более значительные силы, чтобы прочёсывание и очистка этой территории от партизан стали возможны. Мероприятия по очистке длились до середины

декабря 1941 г., однако все усилия были напрасны – несмотря на огромные переходы, труды, лишения и страдания, причинённые жестокой русской зимой, – на данной территории не была заметна сколько-нибудь значительная партизанская деятельность. Вся агитация преследовала лишь ту цель, чтобы основную массу наших войск удалить с той территории, на которой более значительные партизанские отряды собирались, чтобы в контакте с зимним наступлением русской армии начать более крупного масштаба операции. А это была территория, простирающаяся по обеим сторонам р. Десны, изобилующая болотами и лесами огромных размеров. На территориях, покинутых нашими войсками, – как видно из нижеописанных событий, разыгравшихся в окрестностях Карюковки, повсеместно во всё более возрастающем масштабе воспламенялось партизанское движение (см. схему № 2).

29 ноября и 30 ноября при окружении и прочёсывании сел, расположенных западнее и северо-западнее Карюковки, партизаны ещё не оказывали сопротивления. 5 декабря, при обыске и прочёсывании с. Низовка, Карюковка оказалась в сфере партизан. При прочёсывании Карюковки уже раздавались одиночные выстрелы из домов по нашим войскам и несколько партизан убежали из села. Из них один был убит, у него нашли осветительные патроны и взрывчатые вещества. 5 декабря, при новом прочёсывании Низовки, дело дошло до боя, 18 партизан были убиты, оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, бутылки с зажигательной жидкостью и велосипеды попали в наши руки.

7 декабря партизаны стали смелее. Восточнее Карюковки они напали на 3 наших сторожевых караула, более того, прорвавшись незаметно через нашу цепь сторожевого охранения, забрались в развалины завода в селе, откуда выгнать удалось их лишь после 2-часового огневого боя. 11 декабря партизаны вновь осмелели и ворвались в с. Карюковка, занятое нашими войсками. 13 декабря рота, расположенная в Карюковке, уничтожила лесной лагерь, оборудованный под казарму на 36 человек, около Наумовки. Партизаны потеряли здесь 6 убитыми, 30 человек удалось удрать. В отсутствие роты партизаны среди бела дня ворвались в с. Карюковка и напали на оставленную здесь охрану, которую лишь возвратившаяся рота своим контрударом смогла освободить из затруднительного положения.

14 декабря северо-западнее Карюковки, всего в 3 км вновь был открыт нашими войсками сооружённый партизанский лесной лагерь. 15 декабря на линии с. Савинок и Самотуги наше сторожевое охранение было с востока подвергнуто нападению и окружено сильными партизанскими отрядами. Только быстрое вмешательство и контрнаступление нашей карюковской роты спасло наши сторожевые караулы от расправы. Во время преследования неприятеля, отступавшего на восток, наши боевые подразделения наткнулись на полевого типа укрепления у переправы через р. Убедь. В ходе деятельности наших войск в первой половине декабря было установлено, что восточнее Карюковки, на болотистой и лесистой территории огромных размеров, окаймлённой с. Богдановка, Рейментаровка и Оборки и закрытой с трёх сторон р. Убедь, – начали скапливаться внушительные силы партизанских подразделений. Для их уничтожения мы стянули в Карюковку более сильную группировку войск (4 пехотные роты, 2 пулемётные роты, 1 взвод миномётов, 1 взвод противотанковых орудий и 1 эскадрон гусар).

16 декабря группировка попыталась уничтожить врага, собравшегося за р. Убедь. Наступление, начавшееся в восточном направлении от Карюковки, натолкнулось на широкие вражеские оборонительные позиции у Самотуги вдоль р. Убедь. Только на одном месте, непосредственно к востоку от с. Самотуги, наши части были обстреляны

огнем 4-х пулемётов ручных, 1 тяжёлого (станкового) и 2 миномётов. Командир части, установив, что он имеет дело с превосходящими силами, обороняющимися за р. Убедь, представляющей серьезное препятствие, – в прекрасных укреплениях, – прекратил наступление и отвел свои части в Карюковку. Эскадрон гусар установил в тот же день, что севернее и северо-восточнее от Карюковки в селах и лесах тоже начали собираться более значительные партизанские банды. По показанию пленного, намечалось нападение из засады и на гусарский эскадрон, когда тот возвращался из Сядрино, и нападение не состоялось исключительно благодаря тому, что эскадрон немного раньше сумел проскочить мимо засады, чем партизаны рассчитывали. У Охрамиевичи тоже появились партизаны. Здесь при ночном набеге на лесной лагерь было убито 23 партизана. Так как силы, выделенные до этого времени, оказались недостаточными для уничтожения партизанских банд, собравшихся восточнее Карюковки, начальник оккупационных войск 17 декабря приказал стянуть более значительные силы.

1. Боевой порядок войск

Войска, стянутые для выполнения операции, могли участвовать в бою лишь в половинном, вернее, одной третьей своего состава; остальной состав продолжал выполнение задачи по обеспечению охраны в качестве оккупационного войска. Мы обратились с просьбой к немецкому командованию, расположенному восточнее от данного театра боевых действий, чтобы оно, в целях воспрепятствования ухода партизан, преградило территорию с востока и северо-востока. Однако оно не могло выделить для этой цели никаких сил. 17 декабря вечером войска были готовы к выполнению операции, будучи расположены в Карюковке и Соснице.

2. Разведка (боевая)

Командир группы войск, стянутых для данной операции, 18 декабря тремя разведотрядами начал разведоперации. Их задача была установить, где и какими силами занимает враг переправы через р. Убедь. Разведотряды отправились утром и в течение первой части дня вступили в соприкосновение с врагом, однако, вследствие сильного огня противника, нигде не могли переправиться через реку. Они однако тут же установили, что река не замёрзла, что её ширина 6–8 м, глубина 1,5–2 м, её западный, вернее, южный берег, шириной в 15–20 м, болотист, илист, зарос и непроходим, и что, в конечном итоге, лишь 25 м представляют серьёзное препятствие и что переход возможен лишь на переправах. Далее ими было установлено, что на всём театре действий

имеется 6 мостов через реку, расположенных на участке Богдановка – Рудня, что эти мосты защищаются противником различными огневыми средствами, расположенными на брустверах, укрепленных по типу ДЗОТов, и что каждая переправа может обстреливаться, по крайней мере, из трёх таких гнёзд фланкирующим оружием. Наконец, они установили, что территория, расположенная восточнее р. Убедь, на которой находились основные силы партизан, представляет из себя лесистое место, заросшее елями и небольшим количеством лиственницы, высотой до 8–10 м, и непроходима. Так как разведка ничего не могла установить относительно основных сил партизан, командир группы решил поручить украинской милиции, располагающей знаниями местности, разведать детали основных сил партизан. Последние отлично выполнили свою задачу. 19 декабря, ещё до рассвета, они проникли через линию наблюдения и полевого охранения врага, добрались до лагеря его и разведали всё. Результаты разведки см. на схеме 2 б. 19 декабря, пока происходила дополнительная разведка, мы выдвинули сосницкую группу вперёд до Чернотичи.

3. План наступления

На основании результатов разведки начальник группы войск принял следующее решение: для уничтожения основных сил партизан, занимающих территорию Рейментаровка–Богдановка, 21 декабря на рассвете начать наступление с двух сторон, с главным упором с юго-востока. В дополнение к этому сосницкая группа ночью с 19 на 20 декабря, имеет задачу продвинуться с Чернотичи на Рудню, а карюковская – на Сядрино. Руднянская группа, в общем направлении на северо-запад, с упором на северный фланг, поведет наступление сначала на вражеский лагерь, расположенный юго-восточнее Рейментаровки, от Рейментаровки же – на Майдан, и уничтожит упомянутые. В контакте с этим наступлением полурота продвинется от Козлинич с северо-запада на запад от Рейментаровки и отрежет путь отступления врага на северо-запад. Украинская милиция в 1/3 части своих сил, в качестве проводников в боевом охранении, будет действовать, 2/3 же ее сил будут охранять тыл наших войск, очищать территорию от случайно застрявших партизан, соберут пленных и обеспечат боепитание. Все ручные пулемёты и все тяжёлое вооружение находятся на первой линии и поддерживают наступление. Сядринская группа поведёт наступление на Богдановку, оттуда на юг, к Майдану, где две группы должны соединиться. Первая задача – привлечь на себя внимание врага и этим сделать возможным, чтобы майданская группа могла незаметно зайти в тыл врага. Между двумя группами сильные патрули закрывают переправы через р. Убедь с запада. Противовоздушная батарея автома-

тических пушек поддерживает наступление южной группы с северо-запада от Козлинич, с южного берега р. Убедь. Командир полка находится у батарей. Наступление начнется 21 декабря в 7 час. внезапным нападением на вражеские гнезда, защищающие переправы через р. Убедь, и их захватом.

4. События

20 декабря на рассвете войска выполнили назначенные передвижения и заняли исходные позиции. Полуроты в ту же ночь внезапным ударом уничтожили полевой караул, стоявший на берегу р. Убедь, северо-западнее Козлинич. В результате противоздушная батарея ещё в течение утра могла незаметно занять назначенную огневую позицию. В целях обеспечения скрытности и безопасности передвижение её происходило не мотором, а вручную. Вторая половина дня прошла в беседах по обсуждению деталей предстоящих боевых действий.

21 декабря в 7 час. южная группа внезапным ударом захватила переправы через р. Убедь, перешла реку и начала наступление против вражеского лагеря, расположенного юго-восточнее Рейментаровки. Наступление шло безостановочно, будучи поддерживаемо огнем первой линии: 12 пулемётов, 30 ручных пулемётов, 2-х миномётов, 3-х крупнокалиберных винтовок и 2-х противотанковых орудий. К [...] часам был достигнут лагерь партизан. Когда впереди идущие сапёрные и штурмовые звенья удалили заграждения, ворвались в приспособленные к обороне дома и подожгли их зажигательными ручными гранатами, боевые порядки врага развалились. Группы противника, в беспорядке бежавшие в сторону Рейментаровки по открытой местности, попали под фланговый огонь противоздушной батареи автоматических пушек и почти целиком были уничтожены. В это время со стороны Должика небольшой партизанский отряд напал на батарею, однако прислуга и обращённые против него пушки в течение нескольких минут кончили с ним. После ликвидации лагеря, примерно около 19 час., группа перешла в наступление против с. Рейментаровка, подожжённого уже к тому времени огнём автоматических орудий. Одновременно выступила против Рейментаровки также полурота, стоявшая северо-западнее Козлинич. При поддержке, оказываемой огнём автоматических пушек, наступление быстро развертывалось, и в 11 час. группа достигла села, отрезанного с запада огнём. Ценой тяжёлых уличных боев в 12 час. группа захватила село. Партизаны оказывали сопротивление почти в каждом доме. Сломить его могли лишь наши патрули-штурмовики, поддержанные огнём тяжёлого вооружения. В этих боях село было совершенно уничтожено. После захвата Рейментаровки группа выступила

к Майдану. Серьезного сопротивления она не встретила, мешал лишь резкий огонь. Этот лагерь был тоже уничтожен. В этом наступлении украинцы похвально выполняли свои задачи. Северная боевая группа, тоже в 7 час., начала свое наступление. Враг, ожидавший наше наступление с запада, оказывал упорное сопротивление на оборонительной позиции, устроенной на берегу р. Убедь. Вследствие этого наступление на линии р. Убедь застопорилось, однако главные силы группы, шедшие с севера, заняв в 9 час. Богдановку путём обхода, очистила это село от врага. Как выяснилось, центр партизан был в Рейментаровке. Здесь находился также генерал Орленко¹⁰, командир партизан – еврей, которому, к сожалению, удалось удраить вместе с главными заправилами.

Дома в этом селе были приспособлены к обороне, как, впрочем, во всех лагерях, входы и выходы были загорожены, а местами даже минированы. Отлично организованная система огня, свидетельствовала об умелом и образованном военном руководстве. В домах оказалось огромное количество вооружения, до 25–30 вагонов – винтовки, ручные пулемёты, автоматы и автоматические пистолеты, амуниция, патроны, ручные гранаты, взрывчатое вещество, а в подземных хранилищах мощные запасы продовольствия (солонина, квашеная капуста, картофель, морковь и пр). Лагеря, вместимостью до нескольких тысяч человек, были оборудованы как казармы. Подавляющая часть материала погибла, т.к. вокруг горящих домов, полных боеприпасами и взрывчатыми веществами, нельзя было выносить материал, впрочем, из-за отсутствия транспортных средств, всё равно не удалось бы сохранить эти запасы, оставлять же было нецелесообразно, так как можно было опасаться возврата партизан.

22 и 23 декабря основные силы группы отдыхали в Чернотичи и Сядрино. Более мелкие отряды и украинская милиция прочёсывали места боев. В ходе этих операций они наткнулись ещё на партизанские банды, оказывавшие сопротивление в с. Оборок, Симолюги и Тельное, а также в лесах, расположенных от них непосредственно на восток. Эти банды были уничтожены 24 декабря. Операция при Рейментаровке увенчалась полным успехом. Одно из главных гнёзд и важная база пополнений были уничтожены. Потери противника – 1 тыс. человек убитыми, 264 партизана (большой частью еврей) попали в плен. Эти, после допроса, были казнены. Собственные наши потери, благодаря осмотрительному руководству, по сравнению с результатами, ничтожны – 7 человек погибли героической смертью и 22 было ранено, из них однако 16 совсем легко, от осколков ручных гранат, так что через несколько дней могли выздороветь. Кроме того, 25–30 человек пострадали от мороза. Из героически погибших – двое с переломами ноги – попали в плен к партизанам. Со зверской жестокостью и изысканными пытками

казнили этих несчастных. Они были совсем раздеты, носы, уши, пальцы, половые органы отрезаны, головы разможены. Потери немцев: 1 тяжелораненый; украинская же милиция имела 11 убитых, 27 раненых и 9 пропавших без вести.

5. События в окрестностях Карюковки, последовавшие после боевых действий

Удар, нанесённый партизанам у Рейментаровки, был очень тяжёлым для партизан. Это видно из циркулярной радиogramмы, перехваченной нами 25 и 26 декабря – «Партизаны, будьте очень бдительны, когда попадаете в боевое столкновение с мадярами, так как они намного более жестоки, чем даже немцы!». Однако партизанское движение в окрестностях Карюковки, даже вопреки этому – не прекратилось. Уже 28 декабря в Холмеч прибыло 200-300 партизан, одетых в форменную одежду. 12 января около Самотуги и Сядрино они напали на украинскую милицию, имея пулемёты, установленные на санях и убили 7 человек. 14 января они заняли села, расположенные севернее Карюковки, в одной только дер. Новоборовичи они зарезали 23 украинских национальных стражников. 15 января пришло известие, что под командованием генерала, временно сбежавшего из сражения под Рейментаровкой, на территории, окаймлённой с. Ивановка, Тихановичи, Студецкая и Елино, севернее Карюковки, собралось около 3–4 тыс. человек партизанского войска. 16 января наши подразделения вступили в бой с этими бандами. Для их уничтожения опять были нужны более крупные силы.

6. Уроки

I. Рейментаровское наступление, хоть враг и не был окружен, увенчалось полным успехом:

а) потому, что командующий, правильно оценив и взвесив условия местности и вероятные действия врага, составил свой план, по которому центр тяжести наступления он направил в тыл врага и загнал его в западню, избранную им самим, у поворота р. Убедь. При этом, однако, он большими силами преградил путь наиболее вероятного отступления, который лежал через Богдановку в сторону северо-западнее территории, на которой собирались более значительные партизанские силы;

б) потому что командующий, тщательно предусмотрев все возможные к применению правила внезапного нападения, использовал их, и вследствие этого своим наступлением застал врага врасплох;

в) потому что наступление в мельчайших деталях и в отношении способа проведения операции было тщательно подготовлено.

с партизанскими бандами, скрывающимися в лесах к востоку и к северу от Глухова, в таком большом количестве собрались, что для их уничтожения были нужны более значительные силы.

Таким образом дошла очередь до партизанского сражения в районе Хомутовка–Марчихинское, разыгравшегося во второй половине марта 1942 г. Командующий войсками (10 батальонов), предназначенными для этой операции, образовал 4 группы из сил, предоставленных ему, и к вечеру 18 марта окружил леса, занятые партизанами, в таком расположении, как это видно из схемы.

Хребет партизанского сопротивления проходил через лесной лагерь у Синелея; здесь они создали основательные искусственные укрепления. Юго-восточнее и южнее, в окружности Хомутовка, Калиновка, Колечек, вернее, Фотевича и Пастогорода, мы установили наличие более сильных отрядов полевого окружения. На указанной территории находились партизанские силы до 2–3 тыс. человек, которые имели в своем распоряжении 40–50 пулемётов, 10–15 противотанковых пушек, 10–15 миномётов и порядочное количество гранатомётов.

2. План наступления

Командир дивизии наметил проведение операции таким образом, что с запада и с юга он небольшими силами свяжет окруженного врага, его отступление на север он преградит закрытием, опять-таки мелкими силами, на линии Севск–Середина–Буда, основными же силами своими он поведёт наступление и уничтожит основные силы партизан, лишённые возможности отступить.

Один батальон западной группы должен был 19 марта прорваться вперед из Ямполья на хут. Михайловский и 20 марта, заняв там оборонительную позицию, воспрепятствовать, чтобы основные силы врага не могли уклониться на запад от нашего главного удара, направленного на Хинель. Основным силам группы предстояло объединиться 19 марта у Свессы и далее, в тот же день, продвинуться до Марчихина, а 20 марта с запада повести обходное наступление на главные силы врага, стоявшие у Хинеля.

Немецкий охранный батальон южной группы получил задание закрыть у Эссмена дорогу Глухов–Севск и воспрепятствовать возможной попытке врага прорваться в юго-западном направлении. Остальным частям группы предстояло 19 марта, отбросив вражеские части охранения, установленные на территории Форевиц, Пастогород, прорваться на Лемешовку, а 20 марта – перейти с юга в лобовое наступление на основные силы врага, стоявшие у Хинеля. Восточная группа (за исключением батальона, стоявшего

у Доброводье) получила задачу путём охвата с юга и востока повести наступление с целью окружения и уничтожения вражеской охранной группы из 150 человек, установленной у Хомутовки, Калиновки и Колечек, и в тот же день соединиться, а 20 марта напасть и уничтожить основные силы врага, стоявшие у Хинеля. Батальон, стоявший у Доброводья, должен был 19 марта сменить немецкий жандармский батальон, выполнявший функции полевого охранения с юга по линии [...]»¹¹–Стражинский, а 20 марта – должен был воспрепятствовать возможной попытке основных сил врага уклониться на северо-восток от нашего главного удара.

Северная группа 19 марта состояла всего из одного отряда немецкой полевой жандармерии, который на линии Середина-Буда–Севск с севера отрезал хинельскую партизанскую группу. 20 марта для закрытия этой линии в нашем распоряжении был также подлежавший смене немецкий полевой жандармский батальон.

3. События

18 марта группы занимали исходную позицию (см. схему). 19 марта вся группа войск начала планомерное окружение врага и всюду без особого сопротивления достигла намеченных пунктов.

Южная группа не находила врага на линии Форевици–Пастогород. Враг, находившийся ранее на территории Хомутовка–Калиновка–Калечек, вовремя сумел уйти на северо-запад и уклониться от наступления восточной группы.

20 марта восточная, южная и западная группы в своем наступлении на Хинель нигде не встретили существенного сопротивления. 21 марта на рассвете началось решительное наступление против хинельского укрепленного лагеря партизан.

Наступление натолкнулось на очень сильное сопротивление южнее села, однако наши наступающие войска ещё рано утром вошли в село и после упорных боёв заняли его. Хинель защищали лишь сильные аррьергарды врага, в то время как основным силам удалось избежать окружения и прорваться на север через необозримые лесные массивы. 22 марта было установлено, что для этого враг, погрузившись на 1000 саней, воспользовался узким проходом между хут. Михайловским и Середина-Буда.

При этой операции погибли смертью героя лейтенант Санд и 12 рядовых, 1 офицер и 32 рядовых были ранены, и 79 человек было обмороженных. Враг оставил на поле сражения 60 человек убитых. Взяты трофеи: 100 винтовок, 2 пулемёта, 3 миномёта, 3 орудия, около двух вагонов боеприпасов для винтовок и противотанковых пушек, 1 большой продсклад с большим количеством продовольствия и фуражом и 1 полевой госпиталь с ранеными.

4. Уроки

Правильно и тщательно организованная операция не дала полного результата, т.к. основным силам врага удалось уйти от полного уничтожения. Половинный успех, причины которого мы можем установить для использования в будущей борьбе с партизанами:

1. Благодаря прекрасной организации агентурной разведки враг своевременно узнал о движении наших войск и мог себе уяснить, что если он останется на прежнем месте, его ожидает полное уничтожение. При этом, вследствие медленного разворота операций наших войск (18 марта – занятие исходных позиций, 19 и 20 марта – начало операции и продвижение вперед, 21 марта – наступление), что было последствием чрезвычайно неблагоприятной погоды, дорожных условий местности – враг имел достаточно времени, чтобы изучить возможность бегства и выполнить намеченный им план ухода, чему сильно помогло необозримое лесное пространство.

При всяких операциях против партизан решающее значение имеет абсолютная тайна об операциях молниеносная быстрота при их проведении, так как только в этом случае удастся нам ошеломить врага, напав на него врасплох, когда он не будет в состоянии избежать полного уничтожения.

2. Другое основное условие успеха операции против партизан, это, чтобы на подлежащей очистке территории не были оставлены свободные промежутки и окружение было полное. Если где-либо, по любой причине останется хоть узкая щель в кольце окружения, мы можем рассчитывать на то, что партизаны через свою точную агентурную разведку могут достоверно установить и использовать представляющуюся возможность, и основными своими силами, если нужно даже пожертвовав отдельными отрядами, – уклониться и улизнуть от уничтожающего удара наших войск.

В боях против партизан, когда нужно окружать территории очень больших размеров, обеспечение определенного перевеса сил где-либо, не всегда целесообразно, т.к. оно связано с неизбежным ослаблением сил на других направлениях. Чаще всего, особенно когда невозможно произвести охват превосходящими силами, целесообразнее в общем одинаковыми силами во всех группах одновременно, со всех сторон, концентрически вести наступление на окружённое ядро партизан.

3. Самолёты и артиллерия против более крупных партизанских групп, безусловно, необходимы. Однако неблагоприятные условия погоды и необозримая местность могут свести на нет действие авиации. Мы должны стремиться к тому, чтобы при всех условиях отрезать пути отступления основного ядра партизан сразу же после установления его контрударов.

Для этой цели мы должны огнём артиллерии и более быстрыми средствами передвижения (сани, лыжи) воспрепятствовать попытке прорыва и ухода.

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 703. Л. 1–42. Подлинник. Машинопись.
Перевод с венгерского.

Примечания

¹ См. подробнее в наст. изд.: *Варга Е.–М.* Венгрия в войне против СССР: события 1942 г. – С. 79–108.

² ОМСБОН (Отдельная мотострелковая бригада особого назначения) сформирована при Особой группе НКВД СССР летом 1941 г. как центр подготовки и комплектования разведывательно-диверсионных отрядов и групп, готовившихся к направлению в тыл противника. Насчитывала более 25 тысяч бойцов, из них около 2 тысяч иностранцев.

³ См. протоколы допросов бывш. начальника венгерского Генштаба Г. Верта. ЦА ФСБ России. Д. № Н-21156. Т. 1. Л. 33.

⁴ Комитаджи – болгарские революционеры, выступавшие против турецкого владычества во второй половине XIX в., впоследствии так называли национально-освободительные революционные организации в Македонии, создававшие четы. Четники – участники национал-монархического партизанского движения на территории Югославии под командованием генерала Драголюбa Михайловича.

⁵ Организация милиции относится к кругу компетенции немецких властей. (Прим. документа).

⁶ Административное дело на оккупированных территориях находится в руках немцев. Наши части не могут вмешиваться в это дело. Данное пособие перечисляет возможности администрации в деле борьбы с партизанским движением исключительно лишь для сведения. (Прим. документа).

⁷ Финско-татарско-турецкие народы (такое определение применялось в научной терминологии XIX в.).

⁸ Кемэри Надь, Имре (1903–1942), лидер студенчества, политик с ультраправыми взглядами, журналист, военный деятель. В 1926–1928 гг. один из руководителей студенческих организаций. В 1938–1939 гг. один из реорганизаторов пресловутой т.н. «Рваной гвардии» (иррегулярные отряды), действовавшей на южной территории Чехословакии и в Закарпатье. В 1939–1940 гг. – командир венгерских добровольцев в Финляндии. Фельдмаршал Маннергейм вне очереди присвоил ему звание капитана. После возвращения в Венгрию в сентябре 1940 г. принял участие во вхождении венгерских войск в Северную Трансильванию. В марте 1942 г. на Восточном фронте получил ранение в боях с партизанами. Умер в Варшаве 13 апреля 1942 г., в госпитале.

⁹ Так в тексте. Пропуск в документе.

¹⁰ Генерал Орленко – широко известный псевдоним А.Ф. Фёдорова. Фёдоров Алексей Фёдорович (1901–1989) – советский государственный и партийный деятель, дважды Герой Советского Союза (1942, 1944). Генерал-майор (1943). Первый секретарь Черниговского обкома КП(б) Украины (1938–1944). Первый секретарь Черниговского (с сентября 1941) и Вольнского (с марта 1943) подпольных обкомов партии. Командир Черниговско-Вольнского партизанского соединения, действовавшего на Украине, в Белоруссии и России. К началу 1943 г. в соединении было 12 отрядов, насчитывавших 5462 бойца. Первый секретарь Херсонского (1944–1949), Измаильского (1950–1951) и Житомирского (1952–1956) обкомов партии. Министр социального обеспечения УССР (1957–1979). Автор мемуаров «Последняя зима» и «Подпольный обком действует».

¹¹ Так в тексте. Пропуск в документе.

*Публикацию подготовили Е.–М.Варга,
Н.М. Перемышленникова, Д.Ю. Хохлов*

Научное издание

**Великая Отечественная война.
1942 год**

Исследования, документы, комментарии

Scan - nau; Processing, ocr - waleriy; 2016

Ответственный редактор

В. С. Христофоров

Редакторы

Л.С. Ванян, Н.М. Перемышленникова

Корректоры

Н.М. Агаркова, М.В. Соседова

Оформление и макет

Е.М. Сапожников

Компьютерная верстка

Д.Ю. Шагдарова

Ответственный за выпуск

М.М. Ларионцев

Подписано в печать 30.05.11. Формат 60х90/16.
Гарнитура «Octava C». Печать офсетная. Печ. л. 47,25.
Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство

Главного архивного управления города Москвы
117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 80

Отпечатано в ЗАО «Полиграф-Защита»
с оригинал-макета заказчика

115088, Москва, Южнопортовая ул., 24, стр. 1.

